РЭНДАЛ ГАРРЕТ

Лорд Дарси

Лорд Дарси

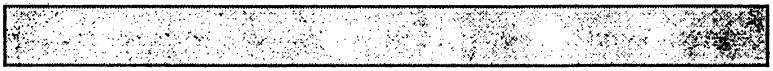
ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

РЭНДАЛ ГАРРЕТ

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

RANDALL

GARRETT

Murder and Magic

Too many Magicans

Lord Darcy Investigates

РЭНДАЛ ГАРРЕТ

Магия и смерть

Слишком много волшебников

Новые расследования лорда Дарси

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва

Terra Fantastica
Санкт-Петербург

2002

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7США)-44
Г20

Серия основана в 1999 году

Randall Garrett
MURDER AND MAGIC
1966
TOO MANY MAGICANS
1979
LORD DARCY INVESTIGATES
1981

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Перевод с английского

Художник А.Е. Дубовик

Печатается с разрешения Vicki and Heydron и литературных агентств Jabberwocky и Александра Корженевского.

Подписано в печать 26.09.01. Формат 84×108 1/32.
Усл.-печ. л. 40,32. Тираж 15 000 экз. Заказ № 4138.

ISBN 5-17-010445-6 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-7921-0433-6 (TF)

© Randall Garrett, 1966, 1979, 1981
© Художник. А.Е. Дубовик, 2001
© ООО «Издательство АСТ», 2001
® TERRA FANTASTICA

Магия и смерть

В ГЛАЗАХ СМОТРЯЩЕГО

Сэр Пьер Морле, шевалье Анжуйской империи, рыцарь Золотого Леопарда и личный секретарь милорда графа д'Эвро, отогнув кружевной манжет, поглядел на часы: без трех минут семь. Ангелус прозвучал, как и всегда, в шесть, и милорд д'Эвро, конечно же, как и всегда, проснулся с колокольным звоном. По крайней мере, за последние семнадцать лет на памяти сэра Пьера не было ни единого случая, чтобы милорд не проснулся с Ангелусом. Как-то раз ризничий забыл позвонить в колокол; милорд тогда впал в ярость и неделю не мог успокоиться. Только просьба отца Брайта, поддержанная самим епископом, спасла злополучного ризничего от казематов замка д'Эвро.

Многоопытный глаз сэра Пьера не упускал ни малейшей складки на постланной поверх холодных каменных плит коридора ковровой дорожке. Эти старинные замки вообще трудно содержать в порядке, а милорд граф очень не любит, когда в щелях кладки проступает селитра. Но все вроде выглядит прилично — и слава Богу. А то вчера вечером милорд граф славно погулял; после такого он по утрам очень уж раздражителен. Милорд всегда просыпается с Ангелусом, но отнюдь не всегда просыпается трезвым.

Остановившись перед массивной дверью лифта из полированного резного дуба и выбрав один ключ из связки, висящей на поясе, сэр Пьер открыл замок. Дверь

© А. Пчелинцев, перевод, 1996

за ним затворилась сама, автоматически. Нажав кнопку, сэр Пьер стал терпеливо ждать, пока лифт поднимет его в личные покои графа, расположенные четырьмя этажами выше. К этому моменту милорд граф должен уже принять ванну, побриться и одеться. И принять на опохмелку полстакана превосходного шампанского бренди. Завтракать он будет не раньше восьми. Камердинера в строгом смысле этого слова у графа не было. Формально это звание носил сэр Реджинальд Бове, однако ему никогда не приходилось исполнять наиболее интимные обязанности, связанные с должностью. На люди граф показывался только когда выглядел совершенно безупречно.

Лифт остановился. Сэр Пьер вышел из кабинки и пошел по коридору к расположенным в его конце покоям графа. Ровно в семь он коротко постучал в высокую дверь, украшенную эмалевым с золотом гербом дома д'Эвро.

И в первый раз за все эти семнадцать лет не получил ответа.

Не веря своим ушам, сэр Пьер целую минуту ждал, когда же прозвучит рявкающее «Войдите», а потом, чуть ли не застенчиво, постучал снова.

Ответа все не было.

Затем, внутренне подготовившись к потоку ругательств, который неминуемо хлынет на его голову, если милорд решит, что его секретарь сделал что-то не так, сэр Пьер повернул ручку. Он открыл дверь точно так же, как если бы услышал приглашение графа войти.

— Доброе утро, милорд.

Его голос звучал точно так же, как каждый день на протяжении этих семнадцати лет.

Ответа снова не последовало; комната оказалась пуста.

Сэр Пьер окинул взглядом огромное помещение. Сквозь фигурные стекла высоких окон яркое утреннее солнце заливало комнату, свет ромбами и квадратами падал на покрывающий дальнюю стену гобелен, разноцветьем красок оживляя изображенную на нем охотничью сцену.

— Милорд?

Ни звука. Ничего.

Увидев, что дверь спальни открыта, сэр Пьер подошел к ней и заглянул внутрь.

И сразу же увидел, почему милорд граф не ответил ему, да и никогда больше не сможет ответить.

Милорд граф распластался на спине, широко раскинув руки и уставившись невидящими глазами в потолок. Он так и не успел снять свой алый с золотом вечерний наряд. Но большое пятно на груди камзола слегка отличалось по цвету от остальной ткани, а в середине этого пятна ясно виднелось пулевое отверстие.

Несколько секунд сэр Пьер стоял неподвижно, затем приблизился, привстал на колено и тыльной стороной ладони потрогал руку графа. Рука была холодна как лед. Этот труп остыл уже много часов назад.

— А я ведь знал — рано или поздно, но кто-нибудь обязательно прикончит вас, милорд.

В голосе сэра Пьера прозвучало что-то вроде сожаления.

Затем он встал и вышел, не удостоив своего мертвого хозяина даже взглядом. Заперев за собой дверь и положив ключ в карман, он направился к лифту.

Глядя из окна на солнечное утро, Мэри, леди Дункан, мучительно решала, как поступить. Звон Ангелуса прервал ее неспокойный сон и напомнил, что, как гостье замка д'Эвро, ей нужно к утренней мессе. Но это же невозможно! Как сможет она предстать пред ликом Господа на алтаре? Уж не говоря о том, чтобы принять святое причастие.

Но, с другой стороны, все эти четыре дня она взяла за правило обязательно появляться к заутрене вместе с леди Элис; будет выглядеть очень подозрительно, если сегодня она это правило нарушит.

Обернувшись, она бросила взгляд на закрытую не только на засов, но и на замок дверь своей спальни. Вот *его-то* появления там не ожидает никто. Лэйрд

Дункан имел отговорку — свое инвалидное кресло, однако при таком экзотичном хобби, как черная магия, он, пожалуй, и приближаться-то к церкви опасался. Во всяком случае, так подозревала его жена.

Если бы только она ему не соврала! Но как можно было сказать правду? Это было бы еще хуже — значительно хуже. А вот теперь из-за этой лжи он заперся в своей спальне и занимается одному Богу — а может, Дьяволу,— известно чем.

Если бы он только вышел. Прекратил то, чем занимается все эти бесконечно долгие часы. Или хотя бы закончил! Тогда они могли бы уехать отсюда, придумать какой-нибудь предлог — да просто любой предлог — и уехать. Можно притвориться, что кто-нибудь из них вдруг заболел. Что угодно, все что угодно, лишь бы убраться из Франции, пересечь Канал[1] и — домой, в Шотландию, где они будут в безопасности!

Она снова поглядела в окно, через двор, на вздымающиеся каменные стены Главной башни и высокое окно покоев Эдуарда, графа д'Эвро.

Вчера вечером она его ненавидела, но теперь не было в ее сердце ненависти; там не осталось места ни для чего, кроме страха.

Уткнувшись лицом в ладони, леди Дункан проклинала себя за глупость. После бесконечно долгой ночи она даже плакать не могла.

Услышав за спиной звук отпираемой двери, она повернулась.

Лэйрд Дункан из Дункана вкатился в спальню. И сразу же помещение заполнило зловоние каких-то испарений, проникших из только что покинутой им комнаты. Леди Дункан смотрела на него, не произнося ни слова.

Он словно бы постарел со вчерашнего дня, лицо его стало изможденным и усталым, в глазах появилось нечто новое, трудноопределимое, однако совсем ей не понравившееся. Сперва он тоже ничего не ска-

[1] Имеется в виду пролив Ла-Манш.

зал, только облизал губы. Когда лэйрд Дункан наконец заговорил, голос его звучал странно, как у человека, с трудом оправляющегося после глубокого обморока.

— Теперь бояться больше нечего,— сказал он.— Совершенно нечего.

Паства преподобного отца Джеймса Валуа Брайта, викария церкви Святого Духа, состояла из нескольких сотен обитателей замка д'Эвро. Вследствие своего поста он являлся виднейшим — если не иерархически, то по положению в обществе — священником графства. Не считая, естественно, епископа и каноников кафедрального собора. Однако сознание этого мало радовало преподобного отца. Службы его посещались прискорбно мало — особенно по будням. Конечно же, на воскресную мессу приходило много народу — граф д'Эвро, пунктуально являвшийся ровно в девять, имел привычку пересчитывать всех своих домашних. Но по будням он в церкви не бывал, а ведь хорошо известно — чуть расслабься господин, как то же самое, если не больше, начинают позволять себе и слуги.

Одно только утешение — леди Элис д'Эвро. Скромная, некрасивая девушка, лет на двадцать младше своего брата, она во всем была полной ему противоположностью. Тихая рядом с его громыхающей шумностью, скромная, стремящаяся держаться в тени — рядом с его доходящей до аляповатости яркостью, воздержанная во всем — рядом с его постоянными запоями, целомудренная — рядом...

Тут отец Брайт заставил себя прервать размышления. Нет у него права, напомнил он себе, на подобные суждения. В конце концов, ведь даже исповедует графа не он, а епископ.

Кроме того, в данный момент он не должен отвлекаться от молитвы.

Тут он, к крайнему своему изумлению, обнаружил, что уже облачился в стихарь и палий и что при этом

губы его сами собой механически произносят слова молитвы.

«Привычка, — подумал он, — может оказаться крайне губительной для способности к созерцанию».

Отец Брайт окинул взглядом ризницу. Служка, юный сын графа Сен-Брио, посланный сюда, чтобы завершить формирование из него джентльмена, который в не столь отдаленном будущем станет королевским губернатором одного из самых важных графств Бретани, натягивал через голову стихарь. Часы показывали одиннадцать минут восьмого.

Отец Брайт заставил свои мысли обратиться к Господу и беззвучно прочел те же самые молитвы облачения, которые только что произносил автоматически. На этот раз он вкладывал в них всю силу убежденности. Сверх того он добавил коротенькую молитву, в которой просил у Господа прощения за минутную рассеянность.

Открыв глаза, он собрался уже было надевать ризу, как дверь ризницы отворилась и в нее вошел сэр Пьер, личный секретарь графа.

— Мне необходимо поговорить с вами, отец, — тихо сказал он. И, бросив взгляд на де Сен-Брио-младшего, добавил: — С глазу на глаз.

Вообще говоря, отец Брайт устроил бы большой нагоняй любому, набравшемуся наглости вломиться в ризницу в тот момент, когда он переодевается к мессе, но ведь сэр Пьер никогда не прервал бы его без серьезных на то причин. Кивнув, он вышел в коридор, ведущий к алтарю.

— Что такое, Пьер?

— Милорд граф мертв. Убит.

После первоначального потрясения отец Брайт осознал, что новость эта не столь уж и неожиданна. Похоже, глубоко в мыслях он всегда догадывался, что граф умрет насильственной смертью задолго до того, как разгульная жизнь подорвет его здоровье.

— Как это случилось? — спокойно спросил он.

Сэр Пьер в точности пересказал все, что делал и что видел.

— А потом я запер дверь и пошел прямо сюда, — закончил он.

— У кого еще есть ключ от покоев графа?

— Ни у кого, кроме самого милорда, — ответил сэр Пьер. — Во всяком случае — насколько мне известно.

— И где этот ключ?

— На месте, в связке у него на поясе. Я специально посмотрел.

— Хорошо. Тогда оставим дверь запертой. Вы совершенно уверены, что тело остыло?

— Остыло и окоченело, святой отец.

— Значит, он мертв уже давно.

— Надо сообщить леди Элис, — сказал сэр Пьер.

— Да, — отец Брайт кивнул. — Графиню д'Эвро следует уведомить, что теперь она наследует управление графством.

На мгновение на лице сэра Пьера появилось замешательство; видимо, он еще не до конца осознал все последствия смерти графа.

— Я скажу ей сам, Пьер. Она, вероятно, уже сидит на своей скамье. Зайдите в церковь и тихо скажите графине, что я хочу с ней побеседовать. И больше ничего.

— Понимаю, святой отец, — сказал сэр Пьер.

В церкви собралось человек двадцать пять — тридцать, по большей части женщины, но Элис, графини д'Эвро, среди них не оказалось. Тихо, стараясь не привлекать к себе внимания, сэр Пьер прошел мимо полупустых скамей в нартекс. Здесь и была графиня; она, видимо, только что вошла в дверь и поправляла накинутую на голову черную кружевную мантилью. «Слава Богу, — подумал сэр Пьер, — что не мне придется сообщить ей такую новость».

Довольно некрасивое, редко улыбающееся лицо миледи выглядело, как всегда, печальным. Крупный нос и квадратный подбородок, сообщавшие графу некую вызывающую привлекательность, придавали его сестре вид

очень серьезный и довольно-таки — несмотря на великолепную фигуру — бесполый.

— Миледи,— сказал сэр Пьер, остановившись перед ней,— преподобный отец просит вас поговорить с ним перед мессой. Он ждет вас у двери ризницы.

Крепко прижав к груди четки, графиня судорожно перевела дыхание:

— О, сэр Пьер. Простите, ради Бога, я почему-то испугалась. Я вас не заметила.

— Извините, миледи.

— Ничего, просто я немного задумалась. Вы не откажетесь проводить меня к преподобному отцу?

Услышав их шаги в коридоре, отец Брайт немного успокоился. Он нервничал, так как месса уже запаздывала на целую минуту; полагалось начинать ее точно в семь пятнадцать.

Как и ожидал отец Брайт, свежеиспеченная графиня д'Эвро восприняла известие спокойно. Мгновение помедлив, она перекрестилась и сказала:

— Пусть земля ему будет пухом. Я оставляю все на ваше попечение, святой отец, сэр Пьер. Что теперь надо делать?

— Пьер должен как можно скорее сообщить о происшедшем по телесону[1] в Руан, Его Высочеству. Я объявлю о смерти вашего брата и попрошу собравшихся помолиться об упокоении его души,— однако, думаю, не стоит пока говорить ничего о том, как он умер. Лишние разговоры и измышления просто ни к чему.

— Хорошо,— согласилась графиня.— Идемте, сэр Пьер, я хочу сама поговорить со своим кузеном герцогом.

— Да, миледи.

Вернувшись в ризницу, отец Брайт переложил закладки в требнике. Хорошо, что сегодня нет никакого

[1] Телесон (от *греч.* tele — далеко и *лат.* sonor — звук) — акустический прибор для передачи звуков на расстояние.

большого праздника и произвольный выбор темы службы допускается правилами. Часы показывали уже семнадцать минут восьмого.

— Быстро, сын мой,— повернулся он к молодому де Сен-Брио.— Поставь на алтарь небеленые восковые свечи. Поспеши, я буду готов к тому времени, как ты вернешься. Да, и смени алтарное покрывало. Положи черное.

— Да, святой отец.

Юноша удалился.

Свернув зеленую ризу, отец Брайт вернул ее на место в ящик, вынув взамен черную. Сегодня он отслужит реквием по душам усопших верных — вдруг, паче чаяния, и граф находится в их числе.

Его Королевское Высочество герцог Нормандский просмотрел официальное письмо, только что напечатанное для него секретарем. Оно было адресовано: «Serenissimo Domino Nostro Iohanni Quarto, Dei Gratia, Angliae, Franciae, Scotiae, Hiberniae, Novae Angliae et Novae Franciae, «Rex», Imperator, Fidei Defensor...» — «Нашему Светлейшему Повелителю, Джону IV, Милостью Божией Королю и Императору Англии, Франции, Шотландии, Ирландии, Новой Англии, Новой Франции, Защитнику Веры...»

Дело было вполне рутинное: простое уведомление своего брата, короля, что вернейший слуга Его Величества Эдуард, граф Эвро, закончил свое бренное существование. Одновременно испрашивалось утверждение Его Величеством непосредственной наследницы графа Элис, графини Эвро, в качестве законной правопреемницы.

Закончив чтение, Его Высочество удовлетворенно кивнул и нацарапал снизу подпись: «Ricardus Dux Normaniae».

Затем, взяв отдельный лист бумаги, он написал: «Дорогой Джон, ты не мог бы малость это попридержать? Конечно же, Эдуард был развратник и — хуже того —

бестолочь; несомненно, он схлопотал ровно то, что заслужил, однако мы, к сожалению, не имеем понятия, кто же это отправил его на тот свет. А вдруг как раз Элис и проделала дырку в своем братце — у меня нет никаких надежных данных, что это не так. Как только появятся подробности, сразу же извещу тебя. Со всей любовью, твой брат и слуга, Ричард».

Положив оба письма в приготовленный конверт, он запечатал его. Хорошо бы поговорить с королем по телесону, но только вот еще никто не придумал, каким образом перекинуть эти самые проводочки через Канал.

Запечатав письмо, герцог задержал конверт в руках. На его лице, красивом скандинавской, белокурой красотой, появилась задумчивость. Дом Плантагенетов[1] прошел через восемь столетий, кровь Генриха Анжуйского уже почти исчезла в его отдаленных потомках, но нормандская кровь ощущалась не слабее, чем раньше, пополняемая все новыми и новыми вливаниями от норвежских и датских принцесс. Мать Ричарда, королева Хельга, жена покойного Его Величества Карла III, знала всего десяток-другой англо-французских слов, да и те произносила с густым норвежским акцентом.

И все равно, ни в языке, ни в манере держать себя у Ричарда, герцога Нормандского, не ощущалось ровно ничего скандинавского. Он не только принадлежал к старейшей и наиболее могущественной династии Европы, но и был крещен именем, выдающимся в этой семье. Имя Ричард носили семь королей Империи; по большей части это были хорошие короли, хотя, быть может, и не всегда «хорошие» в житейском смысле слова люди.

---

[1] Плантагенеты — в реальной истории королевская династия в Англии в 1154—1399 годах. Представители: Генрих II, Ричард I Львиное Сердце, Джон (Иоанн) Безземельный, Генрих III, Эдуард I, Эдуард II, Эдуард III, Ричард II. С 1399 года, после мятежа феодалов, на английском престоле утвердилась боковая ветвь Плантагенетов — Ланкастеры.

Даже старина Ричард I[1], довольно-таки разнузданно проведший первые сорок с чем-то лет жизни, потом остепенился, взялся наконец за правление королевством и справлялся с этим делом великолепно все оставшиеся ему двадцать лет. Долгое и мучительное выздоровление от полученной при осаде Шалю раны странным образом изменило его к лучшему.

Все еще оставались шансы, хотя и небольшие, что герцогу Ричарду представится случай поддержать честь своего славного имени и в роли короля. Закон гласил, что в случае смерти суверена парламент должен выбрать королем одного из Плантагенетов, и, хотя избрание одного из двоих сыновей Джона Ланкастерского было гораздо реальнее, чем избрание Ричарда, полностью отбрасывать такую возможность было нельзя.

Ну а тем временем честь своего имени будет поддерживать герцог Нормандский.

Свершилось убийство, значит, должно свершиться и правосудие. Граф д'Эвро был знаменит своим справедливым, хотя и суровым судейством почти так же, как и своим распутством. Равно так же, как его развлечения не знали никакой меры, его правосудие не сдерживалось милосердием. Тот, кто его убил, получит и правосудие, и милосердие — насколько такое милосердие будет во власти Ричарда.

Хотя Ричард этого и не формулировал, даже мысленно, он считал про себя, что роковой выстрел произведен или униженной, подвергнутой насилию женщиной, или каким-либо мужем, которому милорд граф наставил рога. В результате, не зная, собственно, ничего о деле, герцог заранее был склонен к милосердию.

Ричард опустил письмо в почтовый мешок, который этим же вечером пересечет Канал на борту пакетбота, и повернулся в сторону худощавого человека

[1] Король Англии, известный также под именем Ричард Львиное Сердце (1157—1199); в реальной истории большую часть жизни провел за пределами страны и был убит во время войны с Францией.

средних лет, чем-то занимавшегося за письменным столом в другом конце комнаты.

— Милорд маркиз,— окликнул он задумчиво.

— Да, Ваше Высочество? — Маркиз Руанский поднял глаза от своей работы.

— А насколько правдивы все эти истории, что рассказывали про покойного графа?

— Правдивы, Ваше Высочество? — Маркиз немного задумался.— Я бы поостерегся давать точную оценку. Как только у человека появляется такая репутация, число приписываемых ему прегрешений быстро начинает превосходить число действительных. Без всякого сомнения, многие из историй, что рассказывали про него,— сущая правда; с другой стороны, много и таких, которые имеют очень слабое отношение к фактам. В то же время очень вероятно, что есть много происшествий, о которых мы никогда и не слыхивали. Однако совершенно точно то, что он признал себя отцом семи незаконнорожденных сыновей, и я бы рискнул сказать, что при этом он проигнорировал нескольких дочерей,— все это, обратите внимание, от незамужних женщин. Установить его адюльтеры, конечно же, значительно труднее, однако, думаю, Ваше Высочество может быть уверенным — они случались далеко не редко.

Откашлявшись, маркиз добавил:

— Если Ваше Высочество ищет мотивы, боюсь, что людей с мотивами чересчур много.

— Ясно,— сказал герцог.— Ну что ж, посмотрим, какую информацию добудет лорд Дарси.

Он поднял глаза на часы:

— Они должны быть уже там.

Затем, будто отбрасывая дальнейшие размышления на эту тему, герцог взял со стола новую пачку документов и вернулся к работе.

Понаблюдав за ним несколько секунд, маркиз слегка улыбнулся — молодой герцог относился к своим обязанностям серьезно, но достаточно уравновешенно. Несколько романтичен — но какими были в девят-

надцать мы сами? Во всяком случае, ни его способности, ни благородство сомнений не вызывают. Кровь королей Англии всегда дает о себе знать.

— Миледи,— мягко произнес сэр Пьер.— Прибыли следователи герцога.

Миледи Элис, графиня д'Эвро, сидела на обитом золотой парчой кресле. Около ее кресла с лицом очень серьезным и печальным стоял отец Брайт. На кричаще ярком фоне стен приемной две их фигуры выделялись словно чернильные кляксы. Обычное для священника черное одеяние отца Брайта оживляла только ослепительная белизна кружевного воротничка и манжет. На графине было черное бархатное платье — графиня всегда ненавидела черный цвет, и в ее гардеробе не нашлось ничего подходящего, кроме траурного платья, сшитого восемь лет тому назад, когда она хоронила свою мать. Казалось, что от печального выражения лиц черный цвет становился еще чернее.

— Пригласите их, сэр Пьер.

Голос графини звучал ровно и спокойно.

Сэр Пьер распахнул дверь, и в комнату вошли трое — один одетый как дворянин и двое в ливреях герцога Нормандского.

Дворянин поклонился и сказал:

— Лорд Дарси, главный уголовный следователь Его Высочества герцога и ваш слуга, миледи.

Говоривший был высоким шатеном с худощавым, довольно приятным лицом. В его англо-французском отчетливо ощущался английский акцент.

— Рада познакомиться, лорд Дарси,— сказала графиня.— Это наш викарий, отец Брайт.

— Ваш слуга, преподобный отец.

Затем лорд Дарси представил своих спутников. Первый из них, седеющий уже человек, смотревший на мир сквозь пенсне в золотой оправе и всем видом напоминающий ученого, оказался доктором Пейтли, хирургом.

Довершал компанию невысокий, коренастый, краснощекий мастер Шон О Лохлейн, волшебник.

Как только мастер Шон был представлен, он вынул из своей поясной сумки маленькую книжечку в кожаной обложке и протянул ее священнику:

— Моя лицензия, преподобный отец.

Отец Брайт мельком просмотрел документ: все как надо, подпись и печать архиепископа Руанского. К таким вещам закон относился довольно строго, ни один волшебник не имел права практиковать без разрешения Церкви, и лицензию выдавали только после тщательной проверки деятельности волшебника на ортодоксальность.

— Вроде бы все в порядке.

Священник вернул книжечку. Коротышка-волшебник раскланялся и снова положил ее в свою сумку.

В руках лорда Дарси появился блокнот.

— А теперь, как это ни прискорбно, нам придется проверить несколько фактов.

Справившись со своими записями, он посмотрел на сэра Пьера:

— Насколько я понимаю, это вы обнаружили тело?

— Совершенно верно, ваше лордство.

— И как давно это произошло?

Сэр Пьер взглянул на часы. Было девять пятьдесят пять.

— Чуть меньше трех часов назад, ваше лордство.

— В какое время точно?

— Я постучал в дверь ровно в семь, а зашел минутой или двумя позднее — ну, скажем, в семь ноль одну или семь ноль две.

— Откуда вы знаете время с такой точностью?

— Милорд граф,— немного натянуто ответил сэр Пьер,— всегда настаивал на пунктуальности. У меня образовалась привычка регулярно справляться по часам.

— Понятно. Очень хорошо. А что вы сделали потом?

Сэр Пьер вкратце описал свои действия.

— Так, значит, дверь в его покои не была заперта?

— Нет, сэр.

— Вас это не удивило?

— Нет, сэр. Она никогда не бывала заперта, все эти семнадцать лет.

— Никогда?

Бровь лорда Дарси вопросительно поднялась.

— Не бывала заперта в семь утра, ваше лордство. Милорд граф всегда вставал ровно в шесть и отпирал дверь где-то между шестью и семью.

— Значит, на ночь он запирался?

— Да, сэр.

Лорд Дарси с задумчивым видом записал что-то в свой блокнот, но возвращаться к этой теме не стал.

— А уходя, вы заперли дверь?

— Совершенно верно, ваше лордство.

— И она так и заперта с того времени?

Сэр Пьер помедлил и вопросительно посмотрел на отца Брайта. Ответил священник:

— В восемь пятнадцать мы с сэром Пьером вошли туда. Я хотел взглянуть на тело. Мы ничего не трогали и ушли в восемь двадцать.

Мастер Шон О Лохлейн явно встревожился:

— Э-э... извините меня, преподобный отец. Надеюсь, вы не провели обряд святого помазания?

— Нет,— ответил отец Брайт.— Я решил, что лучше уж отложить это, пока власти не ознакомились с... э-э... местом преступления. Мне не хотелось создавать дополнительные затруднения следствию.

— И очень правильно,— пробормотал лорд Дарси.

— И никаких, надеюсь, благословений, преподобный отец? — продолжал волноваться мастер Шон.— Никакого экзорцизма или...

— Ничего,— довольно раздраженно перебил его отец Брайт.— Думаю, я перекрестился, когда увидел тело, но и не более того.

— Перекрестили *себя,* сэр? И больше ничего?

— Ничего.

— Ну, тогда все в порядке. Простите мою настойчивость, преподобный отец, но любые миазмы зла, оставшиеся неподалеку, являются очень важными уликами, и их ни в коем случае нельзя рассеивать до проверки.

— *Зла?*

Миледи графиня была явно поражена.

— Извините, миледи, но... — сокрушенным голосом начал мастер Шон.

Но тут его перебил отец Брайт, обратившийся к графине:

— Не огорчайтесь, дочь моя, эти люди просто исполняют свой долг.

— Конечно же, я понимаю. Просто все это так...

Она поежилась.

— А миледи видела покойного? — вежливо спросил лорд Дарси, бросив предупреждающий взгляд на мастера Шона.

— Нет. Но если вы хотите...

— Посмотрим, — сказал лорд Дарси. — Возможно, в этом не будет необходимости. Можем мы подняться в покои графа?

— Разумеется, — сказала графиня. — Сэр Пьер, вы идете?

— Да, миледи.

Пока сэр Пьер отпирал украшенную гербом дверь, лорд Дарси спросил:

— А кто еще спит на этом этаже?

— Больше никто, ваше лордство. Весь этаж занимает... *занимал* милорд граф.

— А можно подняться сюда как-нибудь еще, не на лифте?

Повернувшись, сэр Пьер указал в другой конец короткого коридора:

— Вон там лестница. — Он показывал на массивную дубовую дверь. — Но только эта дверь всегда заперта. Кроме того, на ней, как вы видите, тяжелый засов. Ею никогда не пользуются, только когда носят мебель или еще что-нибудь такое.

— А другого пути нет?

Сэр Пьер помедлил.

— По правде говоря, ваше лордство, есть. Я вам покажу.

— Потайная лестница?

— Да, ваше лордство.

— Очень хорошо. Познакомимся с ней потом, после осмотра тела.

Потратив целый утомительный час на поездку по железной дороге из Руана, лорд Дарси теперь очень хотел увидеть наконец то, с чего, собственно, и началась вся эта суета.

Он лежал в спальне, где его и оставили сэр Пьер и отец Брайт.

— Будьте добры, доктор Пейтли,— сказал лорд Дарси.

Он встал на колени около трупа и внимательно наблюдал, как доктор Пейтли, опустившись на колени с другой стороны, заглянул в мертвое лицо. Врач потрогал одну из кистей, а затем попытался приподнять руку.

— Совсем уже окоченел, вплоть до самых пальцев. Одно пулевое ранение. Калибр довольно небольшой — я бы сказал, двадцать восьмой или тридцать четвертый,— трудно сказать, не исследовав пулю. Похоже, прямо в сердце. О пороховых подпалинах говорить трудно, кровь пропитала одежду и засохла. Однако эти пятнышки... Хм-м-м. Да. Хм-м-м.

Глаза лорда Дарси не упускали ни малейшей детали, правда, на самом трупе, собственно, не было почти ничего заслуживающего внимания. Но тут его взгляд привлекло нечто, отсвечивающее золотым блеском. Встав, он подошел к большой кровати под балдахином и заглянул под нее. Монета? Нет.

Он осторожно поднял заинтересовавший его предмет и внимательно его оглядел. Пуговица. Золотая, со сложным восточным орнаментом и одним бриллиантом, в самом центре. Сколько она здесь лежала? И откуда взялась? Во всяком случае — не с одежды графа: его пуговицы маленькие, украшены его собственным гербом, и на них нет никаких драгоценных камней. Кто ее обронил, мужчина или женщина? Пока что это останется неизвестным.

Лорд Дарси повернулся к сэру Пьеру:

— Когда здесь убирали в последний раз?

— Вчера вечером, ваше лордство. Милорд граф был в этом крайне щепетилен. Покои всегда убирались и подметались, пока он ужинает.

— В таком случае, она должна была закатиться под кровать в какой-то момент после ужина. Вы не узнаете ее? Она ведь довольно необычна.

Личный секретарь покойного графа внимательно осмотрел лежащую на ладони лорда Дарси пуговицу, не прикасаясь к ней.

— Я... Я не уверен, — запинаясь, проговорил он наконец. — Она похожа... но только я не уверен...

— Бросьте, шевалье, бросьте! Где, как вам кажется, вы *могли* видеть ее? Или другую вроде нее.

В голосе лорда появились резкие нотки.

— Я не пытаюсь ничего скрывать, — с такой же резкостью ответил сэр Пьер. — Я только сказал, что не уверен. И я все еще не уверен, но это очень просто проверить. Если вы позволите...

Повернувшись, он обратился к доктору Пейтли, все еще стоявшему на коленях возле трупа:

— Вы разрешите мне взять ключи графа, доктор?

Пейтли вопросительно поднял глаза на лорда Дарси; тот молча кивнул. Отцепив ключи от пояса, врач вручил их сэру Пьеру.

Секунду посмотрев на них, секретарь выбрал маленький золотой ключ.

— Вот этот, — сказал он, снимая ключ с кольца. — Идемте со мной, ваше лордство.

Дарси последовал за ним через комнату к стене, покрытой большим гобеленом, века, должно быть, шестнадцатого. Засунув под него руку, сэр Пьер потянул за спрятанный там шнур. Весь гобелен скользнул в сторону, словно панель, и лорд Дарси увидел, что он висел на карнизе, установленном футах в десяти от пола. За гобеленом открылась вроде бы обычная дубовая отделка, но сэр Пьер отыскал незаметное отверстие, вставил в него маленький ключ и повернул. Точнее, попытался повернуть.

— Очень странно,— в голосе сэра Пьера появилось удивление.— Она не заперта!

Он вытащил ключ и надавил на панель, толкая ее в сторону. Та отъехала, и за ней обнаружилось что-то вроде кладовой.

Кладовая эта оказалась битком набитой женской одеждой, всех разновидностей и фасонов.

Лорд Дарси тихо присвистнул.

— Посмотрите на это синее платье, ваше лордство,— сказал сэр Пьер.— То, которое с... да, да, это самое.

Лорд Дарси снял платье с вешалки. Те же самые пуговицы, абсолютно те же. И одной не хватает, спереди! Оторвана!

— Мастер Шон! — не поворачиваясь, окликнул он.

Мастер Шон подошел, слегка вразвалочку. В его руке был странной формы бронзовый предмет, который сэр Пьер не то чтобы узнал, но как-то смутно припомнил. Волшебник бормотал себе под нос:

— Зло, сплошное зло. Ну точно, и вибрации по всему помещению. Да, милорд?

— Проверьте это платье и пуговицу, когда у вас руки дойдут. Интересно бы узнать, когда эта парочка рассталась.

— Хорошо, милорд.— Мистер Шон перекинул синее платье через руку, а пуговицу опустил в свою поясную сумку.— Одно могу сказать, милорд. Вот тут мы говорили про миазмы зла, так вот, в этой комнате их полным-полно.

Он продемонстрировал странный металлический предмет, который держал в руке.

— На этой штуке чувствуется, так сказать, грунтовка — нечто, присутствовавшее здесь годами и впитавшееся потихоньку. Но на поверхности наложился заряд кошмарной силы. И он абсолютно свежий.

— Трудно удивляться, если прошлой ночью здесь совершено убийство — а то и сегодня утром.

— Хм-м-м, да. Да, милорд, смерть тут чувствуется, но есть и что-то еще. Что-то не совсем мне понятное.

— И все это вы можете сказать, просто подержав в руках этот бронзовый крест? — с любопытством спросил сэр Пьер.

— А это не совсем крест, сэр,— дружелюбно ухмыльнулся мастер Шон.— Это то, что известно под названием *crux ansata.* Древние египтяне называли его *анк.* Обратите внимание, что у него вверху не прямая перекладина, как у Истинного Креста, а петля. Так вот, Истинный Крест — конечно же, если его нужным образом энергетизировать, благословить,— Истинный Крест стремится рассеять зло. В отличие от него, *анкх,* воспринимая зло, вибрирует вместе с ним — из-за этой самой петли, образующей обратную связь. И энергетизируют его не благословением, а совсем другим... м-м... заклинанием.

— Мастер Шон, не забывайте, мы расследуем убийство,— прервал грозившую затянуться лекцию лорд Дарси.

Уловив нотки неодобрения в его голосе, волшебник кивнул:

— Да, милорд.— И ушел, как и прежде, вразвалочку.

Лорд Дарси повернулся к сэру Пьеру:

— Так где эта самая ваша потайная лестница?

— Сюда, ваше лордство.

Подведя лорда Дарси к одной из боковых стен спальни, он таким же образом отодвинул еще один гобелен.

— Боже правый,— пробормотал лорд Дарси,— да у него что, за каждым гобеленом что-нибудь спрятано?

Но сказал он это достаточно тихо, чтобы не услыхал личный секретарь.

На сей раз перед ними предстала каменная стена, казавшаяся сплошной. Однако когда сэр Пьер надавил на один из небольших камней, часть стены распахнулась внутрь; в образовавшемся проеме виднелась лестница.

— А, понятно,— сказал лорд Дарси.— Вот что он, значит, сделал. Это старая винтовая лестница, идущая внутри башни. Внизу у нее два выхода. Один ведет во

внутренний двор, а другой — нечто вроде запасного выхода наружу, за пределы крепостной стены, но этот ход замуровали еще в шестнадцатом веке, так что осталась одна дверь — во двор.

— Так ваше лордство знакомы с замком д'Эвро? — удивленно спросил сэр Пьер. На его памяти лорд Дарси никогда прежде не бывал во владениях графа.

— Только по чертежам из Королевского Архива. Но я взял за правило... — Фраза прервалась на полуслове.

— Господи, — негромко произнес лорд Дарси. — А это что еще такое?

«Это» было прежде скрыто от глаз; теперь, когда сэр Пьер отодвинул гобелен, предмет стал частично виден. Он лежал на полу примерно в футе от потайной двери.

Встав на колени, лорд Дарси совсем отодвинул гобелен.

— Так, так. Карманный двухзарядный пистолет двадцать восьмого калибра. Золотая насечка, прекрасная гравировка, перламутровая рукоять. Просто загляденье, настоящее произведение искусства.

Он взял оружие и внимательно его осмотрел.

— Сделан один выстрел.

Поднявшись, лорд Дарси показал пистолет сэру Пьеру:

— Видели вы его когда-нибудь раньше?

Личный секретарь внимательно осмотрел оружие, а затем отрицательно покачал головой.

— Насколько я помню, нет, ваше лордство. Графу он точно не принадлежал.

— Вы уверены?

— Вполне, ваше лордство. Если хотите, я покажу вам графскую коллекцию ружей и пистолетов. Милорду графу не нравились крошечные пистолетики вроде этого; он предпочитал крупнокалиберное оружие. И никогда не стал бы держать у себя такую игрушку.

— Ну ладно, надо все-таки взглянуть, что же там, за этой дверью.

Еще раз подозвав мастера Шона, лорд Дарси отдал пистолет ему на сохранение.

— И старайтесь не пропустить ничего, мастер Шон. Пока что все мало-мальски интересное, за исключением самого покойного графа, обнаруживалось то под кроватью, то за ковром. Так что проверяйте все. Мы с сэром Пьером осмотрим лестницу.

Лестница оказалась темной, хотя сквозь узкие бойницы проникало достаточно света, чтобы глаз мог различить происходящее внутри. Она шла по спирали между внешней и внутренней стенами Главной башни, совершая четыре полных витка, прежде чем достичь уровня земли. Лорд Дарси, спускаясь вслед за сэром Пьером, внимательно оглядывал ступени, стены и даже низкий сводчатый потолок.

После первого витка, одним этажом ниже покоев графа, он остановился.

— Здесь была дверь.

На стене отчетливо вырисовывалось прямоугольное пятно.

— Да, ваше лордство. Раньше двери были на всех этажах, но теперь они замурованы. И замурованы надежно, как вы сами видите.

— А куда они вели раньше?

— В конторы, в мой кабинет, в канцелярию, в управление стражи на первом этаже. А ниже — темницы. Жил в башне один только милорд граф, остальные домочадцы живут на втором этаже главного корпуса замка.

— А гости?

— Обычно их устраивают в восточном крыле. Сейчас у нас только двое гостей. Лэйрд и леди Дункан пробыли в замке четыре дня.

— Понятно.

Они спустились еще на четыре ступеньки, когда лорд Дарси, словно невзначай, спросил:

— Скажите, сэр Пьер, а вы были посвящены во *все* дела графа д'Эвро?

И только еще через четыре ступеньки он услышал ответ:

— Я понимаю, что имеет в виду ваше лордство.

И еще через две ступеньки:

— Нет, не во все. Я знал, конечно, что у милорда графа были определенные... э-э... ну, скажем, связи с представительницами противоположного пола. Однако...

Тут сэр Пьер на секунду умолк; в полумраке было видно, как сжались его губы.

— Однако,— продолжил он,— я не был сводником милорда, если вы намекаете на это. Я не сутенер и никогда им не был.

— У меня и в мыслях такого не было, добрый рыцарь.— По голосу лорда Дарси чувствовалось, что такая мысль и вправду никогда не приходила ему на ум.

— Ни в коем случае. Однако же есть большая разница между «содействием и подстрекательством» и простой осведомленностью о происходящем.

— О да. Да, конечно. Разумеется, нельзя же семнадцать лет служить личным секретарем у джентльмена, подобного милорду графу, и не знать кое-чего из происходящего. Вы правы. Да. Да. Хм-м.

Лорд Дарси мысленно улыбнулся. Похоже, до этого момента сэр Пьер и сам не осознавал, как много он в действительности знает. Храня верность своему господину, он семнадцать лет буквально закрывал глаза на все.

— Я понимаю,— мягко сказал лорд Дарси,— что джентльмен никогда не станет ни впутывать во что-либо леди, ни пятнать репутацию другого джентльмена без крайне веских на то причин и тщательного обдумывания ситуации. Однако...

Как и сэр Пьер несколько секунд тому назад, он помедлил, прежде чем продолжить.

— Однако, хотя мы знаем, что граф не отличался сдержанностью, остается вопрос — был ли он разборчив?

— Если вы хотите спросить, ограничивал ли он свое внимание особами благородного происхождения, то я могу ответить — нет, не ограничивал. Но если вас интересует, ограничивал ли он свое внимание исключительно

прекрасным полом, то я могу лишь сказать: насколько мне известно — да.

— Ясно. Теперь понятна эта кладовая, полная нарядов.

— Простите, ваше лордство?

— Я имею в виду, что, если сюда должна была прийти девушка или женщина не столь высокого происхождения, у него для каждой находилась подходящая одежда.

— Весьма правдоподобно, ваше лордство. Одежде он придавал очень большое значение. Не переносил неряшливо или плохо одетых женщин.

— В смысле?

— Ну... Вот, например, я помню, как однажды он увидел очень хорошенькую селянку. Конечно же, она была одета просто, но опрятно и привлекательно. Милорд сразу же проникся к ней симпатией. «Посмотрите,— сказал он мне.— Вот это — девица, которая умеет носить одежду. Оденьте ее соответственно, и она вполне сойдет за принцессу». С другой стороны, девушка с хорошеньким личиком и прекрасной фигурой никогда не производила на него впечатления, если не умела одеваться,— надеюсь, вы понимаете, что я имею в виду, ваше лордство.

— Так, значит, на вашей памяти никогда не было, чтобы ему понравилась небрежно одетая девушка?

— Только из благородных, ваше лордство. Тогда он говорил: «Вот посмотрите на леди такую-то! Из нее получилась бы отличная девица, если бы я подучил ее малость, как одеваться». Можно, наверное, сказать, ваше лордство, что, с его точки зрения, женщина могла быть одета или просто, или небрежно, но никак не то и другое сразу.

— Судя по содержимому этой кладовки,— сказал лорд Дарси,— покойный граф прекрасно разбирался в женских нарядах.

Сэр Пьер немного задумался.

— Хм-м-м. Знаете, я, пожалуй, не сказал бы этого, ваше лордство. *Как* носить одежду — да, это он знал. Но он не сумел бы сам выбрать женское платье. Для

себя одежду он подбирал с безупречным вкусом, но у него не было настоящего понятия, какой должна быть одежда женская, если вы меня понимаете. Все, что он знал,— это как носить хорошую одежду. И при этом ровно ничего не понимал в ее покрое.

— Тогда откуда же у него вся эта коллекция? — Лорд Дарси явно был озадачен.

Сэр Пьер усмехнулся:

— А очень просто, ваше лордство. Он знал, что у его сестры великолепный вкус, и отдал секретное указание, чтобы все, что заказывает леди Элис, шили в двух экземплярах. Ну, конечно же, с небольшими вариациями. Думаю, узнай о подобном миледи, ей бы это очень не понравилось.

— Да уж наверное,— задумчиво сказал лорд Дарси.

— А вот и дверь во двор,— сообщил сэр Пьер.— По-моему, ее уже много лет не открывали среди бела дня.

Выбрав из ключей, висевших прежде на поясе покойного графа, нужный, он вставил его в замочную скважину. Затем потянул дверь на себя, и лорд Дарси с изумлением увидел на наружной ее стороне большое распятие.

— Боже милостивый,— перекрестился он,— что это значит?

Дверь выходила в маленькую молельню. От двора молельня отделялась стеной с небольшим входом, расположенным футах в десяти от двери на лестницу. Перед распятием, повешенным на этой двери, в ряд располагались четыре prie-dieus — маленьких молельных скамеечек.

— Если ваше лордство позволит объяснить... — начал сэр Пьер.

— В этом нет необходимости.— В голосе лорда Дарси появилась жесткость.

— Все и так очевидно. Милорд граф был крайне изобретателен. Молельня построена сравнительно недавно. Четыре стены, на стене замка — распятие. Сюда может прийти помолиться кто угодно, в любое время дня или ночи. И никто не вызовет ни малейшего подозрения.

Лорд Дарси вошел в молельню и обернулся, чтобы посмотреть на лестничную дверь.

— А когда дверь закрыта, ничто не говорит о том, что за распятием — дверь. Если сюда войдет женщина, то само собой разумеется, что она хочет помолиться. Но если ей известна эта дверь...

Он замолк.

— Да, ваше лордство,— сказал сэр Пьер.— Я это не одобрял, но мое положение не позволяло высказывать неодобрение.

— Хорошо вас понимаю.

Лорд Дарси вышел из молельни и окинул взглядом двор:

— Итак, кто угодно из находящихся в стенах замка мог войти сюда.

— Да, ваше лордство.

— Понятно. Что ж, давайте вернемся.

В небольшом помещении, предоставленном на время расследования лорду Дарси и его помощникам, трое мужчин окружили стоящий посредине стол и наблюдали за действиями четвертого.

Мастер Шон О Лохлейн высоко поднял золотую пуговицу с бриллиантом и сложным восточным орнаментом.

Он посмотрел на зрителей:

— А теперь, милорд, ваше преподобие, доктор, я прошу вас обратить внимание на эту пуговицу.

Доктор Пейтли улыбнулся, отец Брайт хранил серьезность. Лорд Дарси просто набивал табаком — импортированным из южных графств Новой Англии, недалеко от залива,— немецкую фарфоровую трубку. Он не возражал против некоторой театральности, свойственной мастеру Шону,— хорошего волшебника найти не так-то просто.

— Вас не затруднит подержать это платье, доктор Пейтли? Спасибо. А теперь отойдите немного. Вот так. Спасибо. Теперь я кладу пуговицу на стол, в добрых десяти футах от платья.

После этого он еле слышно пробормотал что-то и посыпал пуговицу каким-то порошком — едва-едва, самую малость. Затем сделал над ней несколько пассов, чуть помедлил и обернулся к отцу Брайту:

— Прошу вас, преподобный отец!

Отец Брайт медленно поднял правую руку и, свершив крестное знамение, торжественно произнес:

— Пусть эта демонстрация, Господи, свершится в полном соответствии с истиной, и пусть искуситель рода людского ни в коей мере не смутит нас, свидетелей сего. Во имя Отца, Сына и Святого Духа. Аминь.

— Аминь,— хором откликнулись остальные трое.

Мастер Шон тоже перекрестился, а затем снова еле слышно что-то пробормотал.

Прыгнув со стола, пуговица ударилась о платье, которое держал перед собой доктор Пейтли, и прилипла к нему, словно пришитая хорошей портнихой.

— Ха! — воскликнул мастер Шон.— Так я и думал.— Он одарил собравшихся широкой лучезарной улыбкой.

— Между ними совершенно точно есть связь!

Лорд Дарси с трудом скрывал скуку.

— Время? — спросил он.

— Одну секунду, милорд,— извиняющимся голосом ответил мастер Шон.— Одну секунду.

Под пристальными взглядами наблюдателей он прочитал над платьем и пуговицей еще несколько заклинаний; правда, ничего столь же впечатляющего, как в первый раз, не произошло. В конце концов мастер Шон вынес свой вердикт:

— Они были оторваны друг от друга прошлой ночью, примерно в одиннадцать тридцать. Но мне не хотелось бы утверждать это с такой точностью. Лучше скажем — между одиннадцатью и полуночью. Однако можно добавить, что, судя по скорости, с которой пуговица вернулась на место, оторвана она была очень резким рывком.

— Прекрасно,— сказал лорд Дарси.— А теперь займитесь, пожалуйста, пулей.

— Хорошо, милорд. Только это будет немного иначе.

Он извлек еще какие-то принадлежности из большого, расписанного загадочными символами саквояжа.

— С Законом Влияния, благородные сэры, работать совсем не так просто. Если не знаешь, как с ним обращаться, можно и убить себя. Вот, помню, был, когда я работал еще в Корке, в нашей гильдии один ученик. Мог бы со временем стать хорошим волшебником. Талант-то у него был, да вот здравого смысла — не слишком. Согласно Закону Влияния, любые два объекта, находившиеся когда-либо в контакте, имеют взаимное сродство, прямо пропорциональное произведению степени существенности контакта на его продолжительность и обратно пропорциональное времени, прошедшему с момента прекращения контакта.

Он улыбнулся священнику:

— К мощам святых это правило неприменимо, преподобный отец; в этом случае, как вам известно, вступают в действие иные факторы.

Говоря, волшебник аккуратно зажимал маленький пистолет в тиски, губки которых он предварительно обернул фланелью. Ствол пистолета он установил параллельно поверхности стола.

— Как бы там ни было,— продолжал он свой рассказ,— этот самый ученик, ни с кем ни о чем не посоветовавшись, решил избавить свой дом от тараканов — дело совсем пустяковое, если знаешь, как за него взяться. Собрал он, значит, пыль со всех щелей и углов, пыль, в которой, само собой, были испражнения этих вредоносных насекомых. Эту пыль, добавив к ней все что надо и прочитав нужные заклинания, он прокипятил. Все получилось отлично. Все тараканы свалились в лихорадке и вскоре передохли. К сожалению, у этого парнишки оказались слабые лабораторные навыки. Он упустил из виду, что три капли его собственного пота упали в кипящую кастрюльку, с которой он работал. Результат очевиден — бедняга свалился с той же самой лихорадкой и тоже умер.

К этому времени мастер Шон поместил пулю, извлеченную доктором Пейтли из тела графа, на невысокую подставку и тщательно проверил, чтобы она лежала строго по оси ствола пистолета.

— Ну, начнем,— негромко сказал он.

Затем, как и с пуговицей, последовали посыпание порошком и бормотание. Как только прозвучал последний слог последнего заклинания, раздался резкий, металлический звук, и пуля исчезла со своей подставки. Пистолет задрожал в тисках.

— Ага! — В голосе мастера Шона снова слышалось торжество.— Тут тоже нет никаких сомнений. Это — орудие убийства, милорд, как вы и думали. Да. И время практически то же самое, что и с пуговицей. Может быть, на несколько секунд позднее. Создается картина, верно ведь, милорд? Его лордство граф отрывает пуговицу от платья девушки; та выхватывает пистолет и всаживает в него пулю.

На лице лорда Дарси появилась несколько ироничная улыбка:

— Не будем делать поспешных выводов, старина Шон. У нас нет даже ни малейших доказательств, что его убила женщина.

— Неужели это платье мог надеть мужчина, милорд?

— Возможно и такое. Но кто сказал, что оно вообще было на ком-то в тот момент, когда оторвалась пуговица?

— О!

Мастер Шон погрузился в молчание. Коротеньким шомполом он извлек пулю из ствола пистолета.

— Отец Брайт,— спросил лорд Дарси,— вы не знаете случайно, будет графиня сегодня угощать чаем?

— Господи Боже! — совершенно сокрушенным голосом воскликнул священник.— Ведь все вы до сих пор так ничего и не ели. Я распоряжусь, чтобы сию же секунду чего-нибудь принесли, лорд Дарси. Во всем этом переполохе...

— Прошу прощения, святой отец,— остановил поток извинений лорд Дарси.— Я имел в виду вовсе не это.

Конечно же, мастер Шон и доктор Пейтли с радостью слегка перекусят, но лично я вполне могу обойтись без этого. Просто я подумал, что, возможно, графиня пригласит своих гостей к чаю. Достаточно ли хорошо она знакома с лэйрдом и леди Дункан, чтобы попросить их составить ей компанию в такой вечер, как сегодня?

Глаза отца Брайта слегка сузились:

— Думаю, это можно устроить, лорд Дарси. А вы сами будете?

— Да, хотя могу немного задержаться. Вряд ли это будет иметь особое значение при таком неофициальном чаепитии.

Священник взглянул на свои часы:

— В четыре?

— Думаю, я вполне управлюсь к этому времени.

Отец Брайт молча кивнул и вышел.

Доктор Пейтли тщательно протирал шелковым носовым платком стекла пенсне.

— А как долго может ваше заклинание предохранять тело от разложения, мастер Шон? — спросил он.

— Пока в этом есть необходимость. Как только мы закончим следствие или хотя бы получим достаточно данных, чтобы разобраться в этом случае,— как, вполне может случиться, хе-хе,— оно начнет гнить. Вы же понимаете, я не святой; нужна очень веская причина, чтобы хранить тело нетленным многие годы.

Сэр Пьер глядел на платье, положенное на стол доктором Пейтли. Пуговица так и висела на своем месте, словно удерживаемая магнитом.

— Мастер Шон,— спросил он,— конечно, я не слишком много понимаю в магии, но разве вы не можете найти того, на ком было надето это платье, с той же легкостью, с какой вы определили, что пуговица — от него?

Мастер Шон отрицательно покачал головой:

— Нет, сэр. Эта связь несущественна. Существенность связи всех частей платья очень велика. Столь

же существенна связь с портным или белошвейкой, которые его сшили, и с ткачом, изготовившим ткань. Однако, за исключением редких особых случаев, личность, которая носит или носила прежде предмет одежды, имеет с ним крайне несущественную связь.

— Боюсь, я чего-то недопонимаю.

На лице сэра Пьера читалась озадаченность.

— А вы подумайте сами, сэр. Это платье не было бы тем, что оно есть, не изготовь ткач материю определенным способом. То же самое касается и портного, который по-особому скроил его, а затем сшил. Вы улавливаете мысль, сэр? Так вот, связи «платье — ткач» и «платье — портной» очень существенны. Но это платье осталось бы практически тем же самым, пребывай оно на вешалке в шкафу, а не на чьих-то плечах. Никакой связи — или крайне несущественная. Другое дело, если бы оно было сильно поношенным — в случае, если бы его носила все время одна и та же особа. Тогда платье — как целое — стало бы тем, чем оно оказалось бы, если б его надевали постоянно, и связь с носящим оказалась бы существенной.

Волшебник показал пистолет, все еще находящийся в его руке:

— А теперь возьмем этот ваш пистолет, сэр. Он...

— Это не мой пистолет,— твердо прервал его сэр Пьер.

— Я употребил это выражение чисто риторически, сэр.

Мастер Шон говорил с беспредельным терпением.

— Этот пистолет, любой другой пистолет, пистолет вообще, если вы следите за моей мыслью. Так вот, хозяина пистолета установить еще труднее. Большая часть износа пистолета происходит чисто механически. Неважно, *кто* нажал курок; газовая эрозия в патроннике и износ, производимый в стволе пулей, имеют тот же характер воздействия. Понимаете, сэр, *для пистолета* несущественно, кто нажал на курок и в кого при этом стреляли. Вот с пулей дело обстоит несколько иначе. Для пули *существенно,* из какого

пистолета она выпущена и во что попала. Все это надо просто принимать во внимание, сэр Пьер.

— Понятно,— протянул секретарь.— Крайне любопытно, мастер Шон.

Затем он повернулся к лорду Дарси:

— Что-нибудь еще, ваше лордство? У меня накопилась уйма работы по делам графства.

Лорд Дарси махнул рукой:

— В настоящий момент — ничего, сэр Пьер. Я хорошо понимаю, какое это бремя — управление. Возвращайтесь к своим делам.

— Спасибо, ваше лордство. Если потребуется что-нибудь еще, меня всегда можно найти в конторе.

Как только дверь за сэром Пьером закрылась, лорд Дарси требовательно протянул руку:

— Пистолет, мастер Шон.

Мастер Шон отдал ему оружие.

— Встречался вам когда-нибудь такой? — спросил лорд Дарси, крутя пистолет в руках.

— Ну не *в точности* такой.

— Бросьте, Шон, бросьте. Не надо такой излишней осторожности. Я, конечно, не волшебник, но мне не требуется знать Законы Подобия, чтобы распознать столь явное подобие.

— Эдинбург.— На этот раз в голосе волшебника не было и тени сомнения.

— Совершенно верно. Шотландская работа. Типичнейшая шотландская золотая насечка; кстати, просто великолепная. А посмотрите на затвор. Да на нем со всех сторон большими буквами написано «Шотландия», и даже более того — «Эдинбург», как вы верно заметили.

Доктор Пейтли, вернувший уже на место свое тщательно протертое пенсне, наклонился и всмотрелся в оружие:

— А не может он быть итальянским, милорд? Или мавританским? В Испанской Мавритании делают работу вроде этой.

— Ни один мавританский оружейник не стал бы украшать рукоятку охотничьей сценой. А итальянцы

не засадили бы поле вокруг охотников вереском и чертополохом[1].

— Но ведь *FdM,* выгравированное на стволе, — попытался возразить доктор Пейтли, — обозначает...

— Феррари из Милана, — согласился лорд Дарси. — Совершенно верно. Но ствол гораздо более поздней работы, чем все остальное. Равно как и патронник. Это довольно-таки старый пистолет, я бы дал ему лет пятьдесят. Затвор и рукоятка все еще находятся в великолепном состоянии, из чего ясно, что с ним хорошо обращались, но от частого использования — или в результате одного-единственного несчастного случая — ствол пришел в негодность, и владельцу пришлось его заменить. Заменял ствол Феррари.

— Понимаю, — несколько пристыженно сказал доктор Пейтли.

— Если мы теперь снимем затвор... Мастер Шон, передайте мне, пожалуйста, маленькую отвертку. Спасибо. Так вот, если мы снимем затвор, то обнаружим имя одного из лучших оружейников полувековой давности — это имя не забыто и до сих пор — Хэмиш Гроу из Эдинбурга. Ага! Вот оно! Видите?

Каждый из присутствующих рассмотрел надпись.

Удовлетворенный, лорд Дарси вернул затвор на место.

— Теперь мы знаем, что это за пистолет. Кроме того, мы знаем, что сейчас в замке гостит лэйрд Дункан из Дункана. Сам Дункан из Дункана. Шотландский лэйрд, который пятнадцать лет назад был Чрезвычайным и Полномочным Послом Его Величества в Великом Герцогстве Миланском. При таких обстоятельствах было бы, по-моему, очень странным, если бы не оказалось никакой связи между лэйрдом Дунканом и этим пистолетом. Как вы считаете?

---

[1] Символ Шотландии.

— Давайте, мастер Шон, давайте.

Лорд Дарси не скрывал нетерпения.

— У нас не так уж много времени.

— Терпение, милорд, терпение,— хладнокровно отвечал волшебник.— Спешка в таких делах ни к чему.

Стоя на коленях, он работал над замком большого дорожного сундука, стоявшего в спальне апартаментов для гостей, которые сейчас занимали лэйрд и леди Дункан.

— Закрытое и открытое состояния замка одинаково существенны, так что с этой стороны к нему не подойдешь. А вот штифтики в цилиндре — это совсем другое дело. Замок устроен так, что впадины штифтиков не связаны с поверхностью цилиндра, когда ключ извлечен, но такая связь *есть,* когда ключ *вставлен,* так что, используя это взаимоотношение... Хоп!

Замок щелкнул и открылся.

Лорд Дарси слегка приоткрыл сундук.

— Осторожно, милорд,— предупреждающе сказал мастер Шон.— У него на эту штуку наложено заклинание. Дайте лучше я.

Отстранив лорда Дарси, он осторожно потянул крышку вверх. Подняв ее вертикально и прислонив к стене, мастер Шон внимательно осмотрел сундук, не притрагиваясь к нему. Под верхней крышкой обнаружилась вторая — тонкая и запираемая, очевидно, на простую задвижку.

Мастер Шон взял твердый пятифутовый волшебный жезл, изготовленный из ствола рябины, и коснулся им внутренней крышки. Ничего не произошло. Тогда он дотронулся до задвижки. Опять ничего.

— Хм-м-м,— задумчиво пробормотал волшебник.

Окинув взглядом комнату, он заметил тяжелый каменный дверной упор.

— Вот это, пожалуй, сгодится.

Подойдя к камню, волшебник поднял его и пристроил на край сундука так, чтобы крышка не могла захлопнуться до конца.

Затем он протянул руку, словно собираясь приподнять внутреннюю крышку.

Неожиданно тяжелая верхняя крышка прыгнула вперед и вниз. Мелькнув перед глазами, она со страшной силой ударилась о подставленный мастером Шоном дверной упор.

Лорд Дарси машинально потер свою правую кисть, словно почувствовал, куда бы ударила крышка, попытайся он сам открыть сундук.

— Устроено так, чтобы захлопнуться, если человек сует сюда руку, так?

— Или голову, милорд. Не слишком эффективно, если знать про такие штуки заранее. Есть значительно лучшие сторожевые заклинания. А теперь поглядим, что же это его лордство так хочет защитить, что не боится ради этого заниматься магией без лицензии.

Мастер Шон снова поднял верхнюю крышку, а затем открыл и внутреннюю.

— Теперь уже бояться нечего, милорд. *Да вы только посмотрите!*

Лорд Дарси уже смотрел. Оба молча разглядывали странные предметы, лежащие в верхнем ряду. Мастер Шон ловко и осторожно начал снимать папиросную бумагу, в которую они были завернуты.

— Человеческий череп. Бутыли с кладбищенской землей. Хм-м-м, а на этой — наклейка: «Кровь девственницы». А такое вы видели? Рука Славы!

Это была мумифицированная человеческая кисть, коричневая, сухая и твердая, с пальцами, скрюченными так, словно она держала невидимый шар дюймов трех в диаметре. Каждый из пальцев заканчивался коротким шипом для накалывания свечи; положенная пальцами вверх, рука могла служить канделябром.

— Это многое проясняет, не так ли, мастер Шон?

— Да уж конечно, милорд. В самом крайнем случае мы можем взять его за владение магическими принадлежностями. Главное, что отличает черную магию, это символика и намерения.

— Прекрасно. Мне нужен полный перечень содержимого сундука. Будьте внимательны, положите все в точности так же, как оно лежало, и заприте сундук.

Лорд Дарси задумчиво пощипал мочку правого уха:

— Значит, у лэйрда Дункана есть Талант? Очень интересно.

— Да. Интересно, но не удивительно, милорд, — не поднимая головы от сундука, ответил мастер Шон. — Это у них в крови. Кое-кто считает, что тут дело в деданцах, прошедших через Шотландию, прежде чем покорить Ирландию три тысячелетия назад; как бы там ни было, но у людей кельтской крови Талант встречается особенно часто. Меня просто убивает, когда я вижу, что его используют во вред.

Пока мастер Шон говорил, лорд Дарси расхаживал по комнате, заглядывая во все закоулки; сейчас он напоминал тощего кота, уверенного, что где-то рядышком прячется мышь.

— И это убьет самого лэйрда Дункана, если только его не остановить, — рассеянно пробормотал он.

— Да, милорд, — согласился мастер Шон. — Чтобы использовать свой Талант в черной магии, человек должен находиться в таком ментальном состоянии, которое обязательно уничтожит его, — однако если он занимается этим делом достаточно умело, то может нанести вред уйме людей прежде, чем получит по заслугам.

Лорд Дарси открыл стоявшую на туалетном столике шкатулку. Обычные драгоценности для разъездов — выбор есть, но не Бог весть что.

— Разум человека оборачивается сам на себя, если он объят ненавистью или жаждой мести, — монотонно продолжал мастер Шон. — Или если он из тех типов, которые получают удовольствие, наблюдая за страданиями других, или если ему все безразлично, но ради выгоды он готов на что угодно. В этих случаях его психика и так нарушена, а использование Таланта во зло лишь усугубляет положение.

Цель своих поисков лорд Дарси обнаружил в ящике комода, под аккуратно сложенным женским бельем. Маленькая кобура из флорентийской кожи, прекрасной работы и украшенная золотым тиснением. Он не нуж-

дался в магии мастера Шона, чтобы понять: эта кобура точь-в-точь, как перчатка к руке, подходит к маленькому пистолету.

Отец Брайт чувствовал себя так, словно несколько часов разгуливал по натянутому канату. Лэйрд и леди Дункан говорили тихими, сдержанными голосами, выдававшими внутреннюю нервозность, но отец Брайт быстро осознал, что и он, и графиня ведут себя одинаково. Дункан из Дункана принес свои соболезнования по случаю кончины графа с видом сдержанной скорби; так же вела себя и Мэри, леди Дункан. Однако отец Брайт прекрасно знал, что никто из присутствующих, да что там, возможно, даже никто в мире не сожалеет о смерти графа.

Лэйрд Дункан сидел в своем инвалидном кресле; резкие шотландские черты его лица сложились в печальную улыбку, долженствующую показать, что, несмотря на невыносимое бремя скорби, он намерен сохранить общительность и приветливость. Отец Брайт заметил это и вдруг понял, что и его собственное лицо украшено в точности таким же выражением. Собственно, все всё понимали, в этом священник был вполне уверен, но заявить об этом во всеуслышание было бы грубейшим нарушением этикета. Однако кроме этой улыбки на лице лэйрда Дункана лежала печать какой-то страшной усталости; он словно вдруг постарел. Это очень не понравилось отцу Брайту. Его интуиция священника ясно говорила, что в голове шотландца бушует буря эмоций и эти эмоции преисполнены... пожалуй, по-другому и не скажешь, преисполнены *злом.*

Леди Дункан по большей части молчала. За последние пятнадцать минут, с того времени, как они с мужем пришли на чай к графине, она вряд ли произнесла и дюжину слов. Ее лицо походило на маску, но в глазах стояла та же, что и у ее мужа, усталость. Однако было понятно, что у нее сейчас одна эмоция — страх, самый простой и непосредственный страх. От острых

глаз священника не укрылось, что на леди Дункан сегодня чуть многовато косметики. Она почти добилась успеха, маскируя легкий синяк на правой щеке, почти — но не совсем.

Миледи графиня д'Эвро была печальна, несчастна, но ни страха, ни зла в ней не ощущалось. Говорила она тихо, вежливо улыбаясь собеседнику. Отец Брайт был готов прозакладывать что угодно, что ни один из четверых не смог бы вспомнить ни слова из того, о чем шла беседа.

Сел отец Брайт так, чтобы видеть открытую дверь и длинный коридор, ведущий к Главной башне. Он надеялся, что лорд Дарси управится быстро. Гостям не сказали, что здесь находится следователь герцога, и святой отец немного нервничал в ожидании минуты, когда они его увидят. Дунканам даже не сказали, что граф не просто умер, а был убит; впрочем, они, наверное, уже знали.

Отец Брайт увидел, как лорд Дарси появился в дальнем конце коридора. Пробормотав какие-то извинения, он встал. Остальные продолжали беседовать, все с той же вежливостью приняв его извинения. Лорда Дарси он встретил в коридоре.

— Вы нашли то, что искали, лорд Дарси? — очень тихо спросил священник.

— Да. Боюсь, нам придется арестовать лэйрда Дункана.

— Убийство?

— Не исключено. Пока что я не уверен. Предъявлено будет обвинение в черной магии. У него в сундуке все необходимые для этого принадлежности. Мастер Шон говорит, что ритуал производился прошлой ночью, в спальне. Правда, все это вне моей юрисдикции; производить арест должны вы, как представитель церкви.

Лорд Дарси немного помолчал.

— Вы, кажется, не очень удивлены, ваше преподобие?

— Не очень, — признал отец Брайт. — Я предчувствовал это. Правда, я смогу действовать только после того, как вы с мастером Шоном дадите показания под присягой и подпишете их.

— Разумеется. Вы не окажете мне еще одну любезность?

— Если смогу.

— Под каким-нибудь предлогом уведите из комнаты миледи графиню. Оставьте меня с гостями наедине. Не хочется расстраивать миледи больше, чем необходимо.

— Пожалуй, я сумею. Мы войдем вместе?

— А почему нет? Только не говорите, чем я здесь занят. Пусть они считают, что я просто гость.

— Хорошо.

Когда отец Брайт вернулся с лордом Дарси, все головы повернулись к ним. По завершению ритуала знакомства лорд Дарси попросил у хозяйки прощения за свое опоздание. Как заметил отец Брайт, на его лице появилась та же печальная улыбка, что и у прочих присутствующих. Положив на тарелку пирожное, лорд Дарси с благодарностью принял от графини большую чашку горячего чая. О недавней смерти он не упоминал, а вместо этого перевел разговор на красоты дикой природы Шотландии и достоинства охоты на куропаток в тех краях.

Отец Брайт не стал садиться, а сразу снова ушел. Вернувшись вскоре, он направился прямо к графине и произнес тихим, но ясно слышным голосом:

— Миледи, сэр Пьер Морле только что сообщил мне, что возникли некоторые обстоятельства, незамедлительно требующие вашего внимания. Это займет буквально несколько минут.

Миледи графиня поднялась не размышляя и попросила гостей извинить ее.

— Пейте чай, — добавила она. — Думаю, я долго не задержусь.

Лорд Дарси знал, что священник не стал бы лгать, и ему стало интересно, как он все устроил с сэром Пьером. Конечно, это не имеет никакого значения, лишь бы графиня задержалась хоть на десять минут.

Разговор, прервавшийся на мгновение, вернулся к куропаткам.

— Я не охотился со времени своего несчастного случая,— говорил лэйрд Дункан,— но когда-то был страстным охотником. У меня все еще есть друзья, каждый сезон выезжающие в лес.

— А какое ружье вы предпочитаете на куропаток?

— Дюймового калибра, с усиленным чоком,— ответил шотландец.— У меня есть пара, это — мои любимые. Превосходное оружие.

— Шотландской работы?

— Нет-нет. Английские. Ваши лондонские оружейники — просто непревзойденные мастера, когда дело касается дробовиков.

— О! А я думал, что, может быть, у вашего лордства все оружие шотландского изготовления.

Говоря эти слова, лорд Дарси вынул из кармана маленький пистолет и аккуратно положил его на стол.

Наступила гробовая тишина, нарушенная через несколько секунд разъяренным голосом лэйрда Дункана:

— Что это такое? Где вы это взяли?

Лорд Дарси взглянул на внезапно побледневшую жену шотландца.

— Возможно,— ледяным голосом произнес он,— все это нам сможет объяснить леди Дункан.

Женщина судорожно вздохнула и отрицательно покачала головой. Несколько секунд она не могла справиться со своим голосом.

— Нет. Нет. Я ничего не знаю. Ничего,— выдавила она наконец.

Лэйрд Дункан не сводил с нее глаз. На его лице появилось странное выражение.

— Так вы не отрицаете, что это ваш пистолет, милорд? Или, возможно, вашей жены?

— *Где вы его взяли?*

В голосе шотландца звучала угроза. Когда-то он был очень сильным человеком; лорд Дарси заметил, как напряглись его мускулы.

— В спальне покойного графа д'Эвро.

— Что он там делал?

Голос лэйрда Дункана превратился в рычание, но лорд Дарси чувствовал, что этот вопрос обращен не только к нему, но и к леди Дункан.

— В частности, прострелил сердце графа д'Эвро.

Упав лицом на стол, леди Дункан потеряла сознание. Из опрокинутой чашки по скатерти расплылась большая чайная лужа. Не обращая внимания на жену, лэйрд Дункан попытался схватить пистолет, но лорд Дарси предусмотрительно убрал оружие прежде, чем до него дотянулась рука шотландца.

— Нет, нет, милорд, — негромко сказал он. — Это — вещественное доказательство в деле об убийстве. Мы не имеем права мешать королевскому правосудию.

К тому, что произошло дальше, он не был готов. Проревев на гэльско-шотландском наречии нечто донельзя непристойное, лэйрд Дункан уперся в подлокотники своего кресла и мощным толчком могучих рук и плеч бросил себя вперед и вверх, на лорда Дарси, стоявшего по другую от него сторону стола. Тело шотландца летело вперед, а его руки тянулись к горлу следователя.

Лэйрд Дункан мог бы и преуспеть в этом, не подведи его слабость больных ног. Он ударился туловищем о край массивного дубового стола, это остановило его рывок, и лэйрд Дункан рухнул лицом вперед; руки его продолжали тянуться к пораженному англичанину. Подбородок шотландца глухо стукнулся о стол. Затем шотландец сполз назад, увлекая за собой скатерть вместе с фарфором и серебром. Упав на пол, он замер без движения. За все это время леди Дункан ни разу не пошевелилась, за исключением того момента, когда муж выдернул скатерть у нее из-под головы.

Лорд Дарси отскочил назад; стул, на который он наткнулся, с грохотом упал. Глядя на две неподвижные фигуры, он надеялся, что не слишком смахивает на короля Макбета.

— Я не думаю, что их здоровью угрожает что-нибудь серьезное,— сказал доктор Пейтли часом позже.— Конечно же, для леди Дункан это было большим потрясением, но отец Брайт быстро привел ее в сознание. Мне кажется, что она очень набожная женщина, даже если при том и грешница.

— А как с лэйрдом Дунканом?

— Ну, тут все несколько иначе. Боюсь, происшедшее не пошло на пользу его поврежденному позвоночнику, да и трещина в подбородке — радость малая. Не знаю уж, сумеет ли отец Брайт помочь ему или нет. Для исцеления нужна помощь самого больного. Я сделал все, что мог, но я же просто хирург, а не специалист в Искусстве Исцеления. Однако у отца Брайта очень приличная репутация в этой области; возможно, он сумеет помочь его лордству.

Мастер Шон меланхолично покачал головой:

— У его преподобия есть Талант, тут уж сомнений нет, но в данном случае ему противостоит человек, тоже не лишенный Таланта,— человек, чей мозг, если разобраться, давно уже настроен на саморазрушение.

— Ну, это не мое дело,— сказал доктор Пейтли.— Я просто специалист в своей области. Исцеление я оставляю Церкви, чьей специальностью оно и является.

— Мастер Шон,— в голосе лорда Дарси звучала задумчивость.— И все-таки здесь ясно не все. Нам нужно больше данных. Так как насчет глаз?

Мастер Шон удивленно моргнул:

— Вы имеете в виду тест на изображение?

— Вот именно.

— Но он не может служить уликой на суде.

— Я прекрасно это знаю,— несколько оскорбленно ответил следователь.

— Глазной тест?

Доктор Пейтли явно пребывал в недоумении.— Я что-то ничего не понимаю.

— Им пользуются нечасто,— сказал мастер Шон.— Это — психическое явление, происходящее иногда в момент смерти, особенно — насильственной смерти. Колос-

сальное эмоциональное потрясение вызывает нечто вроде встречного импульса из мозга, если вы улавливаете мою мысль. В результате изображение, сформировавшееся в мозгу умирающего человека, возвращается на сетчатку. Используя соответствующую магию, можно проявить это изображение и непосредственно увидеть то последнее, что видел человек в миг своей смерти.

Но это — очень трудная операция, даже при благоприятнейших обстоятельствах, а чаще всего они такими не являются. Начать с того, что изображение появляется далеко не всегда. Например, этого не будет, если человек ожидает нападения. Человек, убитый на дуэли или даже просто успевший несколько секунд посмотреть в наведенное на него дуло пистолета, имеет время адаптироваться к ситуации. Кроме того, смерть должна быть практически мгновенной. Если она длится хотя бы несколько минут, эффект пропадает. Ну и, само собой, если в момент смерти у человека закрыты глаза, никакого изображения не получится.

— Глаза графа д'Эвро были открыты, — сказал доктор Пейтли. — Они были открытыми и тогда, когда мы его осматривали. Надолго ли сохраняется изображение после смерти?

— Пока клетки сетчатки не подвергнутся распаду. Редко более суток, обычно значительно меньше.

— Двадцати четырех часов еще не прошло, — сказал лорд Дарси. — И есть большая вероятность, что графа застали врасплох.

— Нужно признать, милорд, — задумчиво произнес мастер Шон, — что обстоятельства кажутся благоприятными. Я попробую. Только не надо слишком надеяться на успех, милорд. — Не буду. Вы только постарайтесь, мастер Шон. Если и есть волшебник, способный добиться здесь успеха, так это вы.

— Спасибо, милорд.

На лице мастера Шона появилась сдержанная гордость.

— Я приступлю к работе немедленно.

Двумя часами позднее лорд Дарси быстро шагал по коридору; мастер Шон едва поспевал за ним, держа в одной руке жезл из *каортаинового* дерева, а в другой — свой большой саквояж. Лорд Дарси попросил, чтобы отец Брайт и графиня д'Эвро подождали их в одной из малых гостевых комнат, но графиня вышла ему навстречу:

— Милорд Дарси.— Ее некрасивое лицо выглядело обеспокоенным и несчастным.— Это правда, что вы подозреваете в убийстве лэйрда и леди Дункан? Потому что если это так, то я должна...

— Больше не подозреваю, миледи,— торопливо остановил ее лорд Дарси.— Думаю, мы можем доказать, что ни один из них не виновен в убийстве,— хотя, конечно, это не снимает с лэйрда Дункана обвинения в черной магии.

— Я понимаю, но...

— Пожалуйста, миледи,— снова прервал ее лорд Дарси,— позвольте мне все объяснить. Идемте.

Не говоря больше ни слова, она повернулась и направилась к комнате, в которой их ожидал отец Брайт. Ожидал священник стоя, лицо его было напряженным.

— Садитесь, пожалуйста,— сказал лорд Дарси.— Я не отниму у вас много времени. Миледи, можно мастеру Шону воспользоваться этим столом?

— Конечно, милорд, конечно.

— Благодарю вас, миледи. Садитесь, садитесь, пожалуйста.

Отец Брайт и миледи графиня с явной неохотой уселись на предложенные им стулья, стоявшие прямо напротив лорда Дарси. Они почти не обращали внимания на то, чем занят мастер Шон О Лохлейн, глаза их были прикованы к следователю герцога.

— Проведение такого расследования — совсем не легкое дело,— осторожно начал он.— Большую часть дел об убийстве может раскрыть ваш шеф стражи. Практика показывает, что хорошо обученные местные стражники могут в подавляющем числе случаев легко разрешить эти загадки — да и загадок-то особенных обычно не бывает. Но, в соответствии с законом Его

Величества, шеф стражи *обязан* вызвать следователя герцога, если преступление необычное или связано с представителем аристократии. Поэтому вы были совершенно правы, позвонив Его Высочеству герцогу сразу, как только узнали об убийстве.

Лорд Дарси откинулся на спинку стула.

— А то, что покойный милорд граф именно убит, было ясно с самого начала.

Отец Брайт попытался что-то сказать, но лорд Дарси остановил его:

— Говоря «убит», святой отец, я имею в виду, что он не умер естественной смертью — от болезни, сердечного приступа, несчастного случая или чего там еще. Наверно, правильнее будет употребить слово «умерщвлен».

Так вот, нас вызвали для того, чтобы мы ответили на простой и очевидный вопрос: кто ответствен за это умерщвление?

Священник и графиня молчали, глядя на лорда Дарси так, словно он — пророк, осененный вдохновением свыше.

— Как вам хорошо известно... прошу прощения, миледи, что называю вещи своими именами... покойный граф вел довольно-таки разгульный образ жизни. Нет. Я бы сказал даже сильнее. Он был сатиром, развратником, человеком сексуально одержимым.

Человек подобного рода, если он потакает своим влечениям, — а покойный граф, без всякого сомнения, именно так и поступал, — почти всегда кончает вполне определенным образом. Если только он не вызывает к себе всеобщего расположения, — а про покойного графа этого никак не скажешь, — обязательно найдется кто-нибудь, ненавидящий его достаточно, чтобы пойти на убийство. Ведь такой человек всегда оставляет за собой след: униженных женщин и оскорбленных мужчин.

И кто-либо из них может его убить.

И кто-то из них так и сделал.

Но нам надо найти того, кто это сделал, и определить степень ее или его вины. В этом и состоит моя задача.

А теперь — каковы факты. Мы знаем, что у Эдуарда была потайная лестница, ведущая прямо в его покои. И это не было большим секретом. Очень многие женщины — и аристократки, и простолюдинки — знали о существовании этой лестницы и знали, как туда попасть. Нижнюю дверь Эдуард оставил незапертой, по лестнице мог подняться кто угодно. Но есть еще один замок — в двери, ведущей в спальню, так что войти к графу можно было только с его согласия, даже если она... или он... смог попасть на лестницу. Милорд граф был вполне защищен.

И вот то, что случилось прошлой ночью. Кстати, у меня есть доказательства, подтверждающие это; к тому же имеются показания лэйрда и леди Дункан. Вскоре я объясню, каким образом получены эти показания.

Primus: прошлой ночью у леди Дункан было свидание с графом д'Эвро. Она поднялась по лестнице в его комнату, имея при себе маленький пистолет. У нее была связь с Эдуардом, но тот ее оставил. Леди Дункан была в ярости. Однако она пришла к нему снова.

Оказалось, что он пьян — и пребывает в хорошо знакомом вам обоим дурном расположении духа. Леди Дункан умоляла графа, она хотела снова стать его любовницей. Граф был непреклонен. По показаниям леди Дункан, он заявил: «Ты мне не нужна. Ты недостойна даже дышать одним воздухом *с ней*».

Делая ударение на словах «с ней», я только повторяю леди Дункан.

В ярости и отчаянии она выхватила маленький пистолет, тот самый пистолет, который его убил.

— Но Мэри просто *не могла...* — судорожно выдохнула графиня.

— *Пожалуйста!* — Лорд Дарси с силой ударил ладонью по подлокотнику своего кресла. — Миледи, вы *выслушаете* то, что я собираюсь сказать!

Он знал, что очень рискует. Графиня была хозяйкой и имела полное право воспользоваться своими прерогативами. Но лорд Дарси надеялся на то, что, находясь так долго под влиянием графа д'Эвро, она да-

леко не сразу отвыкнет безропотно подчиняться мужчине, который на нее кричит. И лорд Дарси оказался прав. Графиня не промолвила больше ни слова.

— Пожалуйста, дочь моя. Подождите,— быстро повернувшись к графине, сказал отец Брайт.

— Прошу прощения, миледи,— продолжал лорд Дарси, словно ничего и не произошло.— Я как раз собирался объяснить, почему я уверен, что леди Дункан никак не могла убить вашего брата. Все дело в платье. Мы уверены, что платье, обнаруженное нами в кладовой Эдуарда, было надето на убийцу. *А это платье никоим образом не подходит леди Дункан!* У нее для этого платья чересчур... э-э... зрелая фигура.

Она рассказала мне, как все произошло, и по причинам, которые я укажу позднее, я ей верю. Направляя пистолет на вашего брата, она не собиралась в действительности убивать его. Она не намеревалась нажимать на курок. И ваш брат прекрасно это понимал. Размахнувшись, он ударил ее по щеке. Леди Дункан выронила пистолет и в слезах упала на пол. Граф грубо поднял ее за руку и «проводил» вниз по лестнице. Фактически он ее вышвырнул вон.

Леди Дункан в истерике бросилась к мужу.

А затем, когда тому удалось немного ее успокоить, она сообразила, в какую ситуацию попала. Она знала, что лэйрд Дункан — человек извращенный, склонный к насилию, очень сходный в этом отношении с Эдуардом, графом д'Эвро. Сказать правду было просто невозможно, но что-то сказать было надо. И она солгала.

Из рассказа леди Дункан получалось, что Эдуард пригласил ее к себе, чтобы сообщить нечто важное; что это «нечто важное» непосредственно касалось безопасности лэйрда Дункана; что граф сказал: ему известны занятия лэйрда Дункана черной магией и угрожал сообщить об этом церковным властям, если только она не уступит его желаниям; что она сумела вырваться и убежать.

Разумеется, все это было сплошной ложью.

Лорд Дарси развел руками.

— Но лэйрд Дункан поверил каждому слову. Так высоко ценил он себя, что не допускал даже мысли о ее неверности, несмотря на то даже, что уже пять лет находится в полупарализованном состоянии.

— А откуда у вас такая уверенность, что леди Дункан говорила правду? — настороженно спросил отец Брайт.

— Даже оставляя в стороне обстоятельства, связанные с платьем, — между прочим, платья эти граф д'Эвро хранил исключительно для простолюдинок, *не* для аристократок, — доказательством могут служить поступки самого лэйрда Дункана. Мы имеем теперь...

Secundus: лэйрд Дункан просто не мог совершить убийство. *Как может человек, прикованный к инвалидному креслу, одолеть эту лестницу?* Думаю, вы и сами понимаете, что это физически невозможно.

Можно было бы предположить, что все эти годы он притворялся, а в действительности может ходить. Такой вариант опровергнут три часа назад, когда он сам очень сильно ушибся, пытаясь задушить меня... Его ноги не могут сделать даже одного-единственного шага, не говоря уж о том, чтобы поднять его по этой лестнице.

Лорд Дарси сложил руки, приняв при этом несколько самодовольный вид.

— Тем не менее, — вступил в разговор отец Брайт, — остается возможность, что лэйрд Дункан убил графа д'Эвро психическими, магическими средствами.

Лорд Дарси согласно кивнул:

— Действительно, как известно нам обоим, святой отец, это возможно. Но — не в данном случае. Мастер Шон заверил меня, что человек, убитый посредством волшебства, черной магии, умирает от внутренних расстройств организма, а не от пули в сердце. Полагаю, вы не станете с этим спорить.

На самом деле, человек, ставший жертвой черного мага, убивает сам себя психоматическими средствами. Он умирает от того, что известно под названием психической индукции. Мастер Шон говорит, что наиболее часто встречающийся — и самый грубый способ — так

называемый метод «индукции от симулакрума». Состоит он в том, что создается фигурка — обычно, но совсем не обязательно, из воска — и с помощью Закона Подобия на изображенного наводится смерть. Здесь также применяется и Закон Влияния, поскольку в фигурку обычно добавляют слюну жертвы, кусочки ногтей, волосы и прочее. Я не ошибаюсь, святой отец?

Священник кивнул:

— Все верно. И несмотря на все эти материалистические ереси, вовсе нет никакой необходимости, чтобы жертва знала о проводимой операции,— хотя нельзя не согласиться, в некоторых случаях это облегчает процесс.

— Вот именно,— сказал лорд Дарси.— Однако, кроме того, хорошо известно, что компетентный маг — «черный» или «белый» — может передвигать материальные объекты. Вы не могли бы объяснить графине, почему невозможно, чтобы ее брат был убит таким образом?

Отец Брайт провел по губам кончиком языка и повернулся к сидящей рядом с ним девушке:

— Тут дело в недостатке сродства. В данном случае пуля должна обладать сродством или с сердцем, или с пистолетом. Чтобы двигаться со скоростью, достаточной для проникновения в тело, пуля должна обладать значительно большим сродством с сердцем, чем с пистолетом. Но тест, на моих собственных глазах проведенный мастером Шоном, показал, что это не так. Пуля вернулась в пистолет, а не в сердце вашего брата. Отсюда совершенно определенно следует вывод — двигали пулю чисто физические силы, и двигали они ее из пистолета.

— Так что же, в таком случае, сделал лэйрд Дункан? — спросила графиня.

— Tertius: поверив рассказу жены,— продолжил свое повествование лорд Дарси,— лэйрд Дункан впал в ярость. Он решил убить вашего брата, убить посредством

заклинания. Но заклинание сработало в обратную сторону, чуть не убив его самого.

Этому можно подобрать аналогию и в материальной плоскости. Если к огню добавить минеральное масло и воздух, он разгорится сильнее. Но если добавить пепел — огонь потухнет.

Аналогично, если живое существо атаковать психически — оно умрет, но если подобным же образом атаковать неодушевленный предмет, психическая энергия поглотится, причинив ущерб тому, кто ее использовал.

Теоретически, мы можем обвинить лэйрда Дункана в покушении на убийство, так как не подлежит никакому сомнению, миледи, что он пытался убить вашего брата. *Но к этому моменту ваш брат был уже мертв!*

В результате диссипации психической энергии лэйрд Дункан потерял сознание на несколько часов, которые леди Дункан провела в ужасе и напряженном ожидании.

В конце концов лэйрд Дункан очнулся и осознал то, что случилось. Он знал, что к моменту произнесения заклинания ваш брат был уже мертв. Естественно, он подумал, что графа убила его жена.

Со своей стороны, леди Дункан прекрасно знала, что оставила Эдуарда живым и здоровым. Поэтому она решила, что ее бывший любовник убит черной магией ее мужа.

— Они пытались защитить друг друга,— сказал отец Брайт.— Значит, в каждом из них еще сохранилось нечто светлое. Может быть, мы сумеем сделать что-нибудь для лэйрда Дункана.

— В этом я ничего не смыслю, святой отец. Искусство Исцеления — дело Церкви, а не мое.

Лорд Дарси с удивлением заметил про себя, что почти точно процитировал доктора Пейтли.

— Чего лэйрд Дункан не знал,— торопливо продолжил он,— так это того, что его жена, направляясь в спальню графа, взяла с собой пистолет. Такое обстоятельство представляло ее визит в несколько ином свете. Именно это так его разъярило — не то, что я обви-

няю его жену в убийстве, а то, что я бросаю тень сомнения на ее порядочность.

Повернув голову, он посмотрел на стол, за которым работал ирландец:

— Готово, мастер Шон?

— Да, милорд. Осталось только установить экран и зажечь фонарь в проекторе.

— Тогда начинайте.

Он снова посмотрел на отца Брайта и графиню:

— У мастера Шона есть довольно интересный слайд, с которым мне хотелось бы вас познакомить.

— Самое успешное проявление в моей практике, если вы позволите мне так сказать, милорд.

— Приступайте.

Мастер Шон снял крышку с объектива проектора; на экране появилось изображение.

И сразу раздались удивленные возгласы отца Брайта и графини.

На экране была женщина, одетая в то самое платье. Ворот из-за недостающей верхней пуговицы был распахнут. Правую руку женщины почти полностью скрывало густое облако дыма; видимо, она только что разрядила в смотрящего пистолет.

Но не это стало причиной восклицаний.

Девушка была прекрасна. Потрясающе, умопомрачительно прекрасна. И не какой-то утонченной красотой. Она не походила на цветок, от нее не веяло спокойствием. Такая красота могла вызывать только одно, вполне определенное чувство у любой нормальной особи мужского пола. На экране была физически самая привлекательная женщина, какую только можно себе представить.

«Изыди, сатана,— с отвращением подумал отец Брайт.— Ее красота почти непристойна».

Одну только графиню никак не тронула физическая привлекательность изображенной на экране девушки. Она видела только ошеломляющую красоту.

— Кто-нибудь из вас видел эту женщину прежде? — спросил лорд Дарси.— Я думаю, что нет. Равно как ее не видели лэйрд и леди Дункан. И сэр Пьер.

Кто она? Мы не знаем. Однако мы можем сделать некоторые умозаключения. Видимо, она пришла к графу на свидание, условившись заранее. Почти очевидно, что это и есть та женщина, про которую Эдуард говорил леди Дункан, — та самая женщина, «она», с которой не сравниться этой шотландской аристократке. Почти очевидно также, что она из простолюдинок, — иначе на ней не было бы надето платье из коллекции графа. Видимо, она переоделась прямо здесь, в спальне. А затем они с графом поссорились; о чем — мы не знаем. Незадолго до этого граф отобрал у леди Дункан пистолет и, видимо, небрежно бросил его на столик, который виден позади девушки. Она схватила пистолет и выстрелила. Затем, снова переодевшись и спрятав платье в кладовку, она покинула комнату. Никто не видел, как она пришла, никто не видел, как она ушла. Ведь именно с этой целью граф и устроил свою потайную лестницу.

О, не бойтесь, мы ее найдем — нам же известно, как она выглядит.

И как бы там ни было, — заключил лорд Дарси, — вся эта загадка наконец разрешилась — к полному моему удовлетворению. Теперь можно доложить Его Высочеству о результатах.

Ричард, герцог Нормандский, налил в два хрустальных бокала щедрые порции превосходного бренди. С довольной улыбкой он вручил один из них лорду Дарси:

— Великолепная работа, милорд. Просто великолепная.

— Очень рад, что Ваше Высочество так считает, — ответил лорд Дарси, принимая бокал. — Но откуда у вас была уверенность, что это не кто-либо снаружи, не из замка? Ведь в ворота может войти кто угодно, они никогда не закрываются.

— Совершенно верно, Ваше Высочество. Но ведь дверь-то внизу лестницы была *закрыта*. Вышвырнув

леди Дункан, граф д'Эвро запер ее. Снаружи эту дверь нельзя ни запереть, ни открыть замок; следов взлома тоже не было. Никто не мог ни войти, ни уйти этим путем после насильственного удаления леди Дункан. Единственный оставшийся путь в покои графа — через другую дверь, и она была не заперта.

— Понятно, — сказал герцог Ричард. — Но я не понимаю, чего ради она вообще туда пошла?

— Возможно, по его просьбе. Любая другая женщина на ее месте знала бы, чем рискует, принимая приглашение явиться в покои графа.

Красивое лицо герцога помрачнело:

— Нет. От собственного брата такого никак нельзя ожидать. Она была вполне права, пристрелив его.

— Совершенно верно, Ваше Высочество. И я не сомневаюсь, что, не будь миледи наследницей, она сразу же и призналась бы. Мне стоило огромных трудов не дать ей признаться, когда она решила, что я собираюсь обвинить в убийстве Дунканов. Но она все время помнила о репутации — и своей, и своего покойного брата. Не как частных лиц, но как графа и графини, служащих правительства Его Императорского Величества короля. Ведь одно дело, если кто-то имеет славу распутника. Большинство людей смотрит сквозь пальцы на подобное поведение аристократа, занимающего высокий пост, если только он справляется со своей работой, и справляется хорошо, — а свои обязанности граф, как известно Вашему Высочеству, исполнял как надо.

Но совсем иное — быть застреленным при попытке напасть на собственную сестру. Она совершенно права, что пыталась это скрыть. И она так и будет молчать, если только в преступлении не обвинят кого-либо другого.

— Чего, конечно же, не случится, — откликнулся герцог Ричард. Сделав маленький глоток бренди, он добавил: — Из нее получится хорошая графиня. Она вполне рассудительна и может оставаться хладнокровной в сложных обстоятельствах. Трудно было не удариться в панику, застрелив собственного брата, но ведь

этого не произошло. Многие ли женщины подумали бы о том, чтобы просто снять порванное платье и переодеться в его копию, взятую из кладовки?

— Крайне немногие,— согласился лорд Дарси.— Потому-то я и не упомянул ни разу, что знаю об идентичности коллекции Эдуарда гардеробу графини. Кстати, Ваше Высочество, если хороший целитель, вроде отца Брайта, был осведомлен об этих платьях-дубликатах, он, конечно же, понимал, что у графа сексуальная одержимость собственной сестрой. И он, наверное, догадывался, что все прочие женщины, за которыми гоняется граф,— просто этакие суррогаты, заменители его сестры.

— Да, конечно. И ни одна из них не выдерживала сравнения.

Герцог поставил бокал на стол.

— Я сообщу своему брату королю, что всем сердцем рекомендую ему новую графиню. Разумеется, ни одного слова об этих событиях не будет доверено бумаге. Вы знаете, я знаю, и король тоже должен знать. Но больше — никто.

— Знает еще один человек,— сказал лорд Дарси.

— Кто?

На лице герцога было удивление.

— Отец Брайт.

Удивление сменилось облегчением:

— Естественно. Но ведь он не скажет ей, что мы тоже знаем?

— Думаю, мы вполне можем положиться на благоразумие отца Брайта.

В полумраке исповедальни Элис, графиня д'Эвро, стоя на коленях, вслушивалась в голос отца Брайта:

— Я не буду накладывать на тебя епитимью, дитя мое, так как ты не содеяла греха — в том, что касается смерти твоего брата. А за остальные свои грехи прочитай и выучи наизусть третью главу из «Души и мира» святого Джеймса Хантингтона.

Отец Брайт начал было уже произносить слова отпущения, но графиня прервала его:

— Но я не могу понять одного. Это изображение, это же совсем не я. Я в жизни своей не видела столь поразительно прекрасной девушки. А ведь я такая некрасивая. Я ничего не понимаю.

— Если бы ты присмотрелась получше, дитя мое, ты бы заметила, что лицо сходно с твоим — только оно идеализировано. При переводе субъективной реальности в вещественную форму неизбежно возникают подобные искажения; именно поэтому такие улики и не принимаются судом в качестве реальных вещественных доказательств.

Он помолчал.

— Говоря иными словами, дитя мое: вся красота — в глазах смотрящего.

ДЕЛО ОБ ОПОЗНАНИИ

По рю короля Джона II, в сотне ярдов от набережной Шербура, шли два стражника. В этих местах хранители королевского спокойствия ходили не меньше чем по двое, стараясь при этом все время держать одну руку поближе к висящей на поясе дубинке, а другую — к эфесу шпаги. Обыкновенный обыватель не ходит с оружием, только вот моряки — не совсем простые обыватели. Человек, имеющий в руках лишь дубинку, едва ли устоит перед противником, вооруженным абордажной саблей.

Пронизывающий ветер с Северного моря раздувал полы плащей блюстителей порядка, в желтоватом свете газовых фонарей с калильной сеткой они отбрасывали множественные тени. Тени эти как-то диковато и тревожно двигались при каждом шаге стражников.

Улицы уже почти опустели. Большинство местных жителей сидело сейчас по бистро, где ярко пылавшие в каминах угли могли согреть человека снаружи, а содержимое расставленных на стойках бутылок — изнутри. Девять дней тому назад, в канун Праздника Обрезания Господня, улицы были запружены толпами, но теперь уже окончился двенадцатый день после Рождества и пошла вторая неделя года 1964-го от Рождества Христова. Народец поиздержался, мало кто мог наскрести себе на выпивку.

Один из стражников, который повыше, приостановился и указал куда-то вперед:

© А. Пчелинцев, перевод, 1996

— Глянь, Роберт. У старого Жана не горит фонарь.

— Х-м-м. И ведь третий уже раз с Рождества. Не хочется мне вызывать старика в суд.

— Вот и я о том же. Давай просто зайдем к нему и нагоним побольше страху.

— Давай,— охотно согласился низенький стражник.— Но только пообещаем ему, что в следующий раз вызовем в суд. И слово сдержим, Джек.

Потускневшая вывеска над дверью являла собой грубый деревянный силуэт дельфина, выкрашенный голубой краской. «Голубой дельфин».

Стражник по имени Роберт толчком распахнул дверь и вошел, настороженно оглядываясь. Вроде все тихо. Слева, у конца длинного стола, сидят четверо, а сам старый Жан беседует у стойки бара с пятым. В первый момент все присутствующие подняли глаза на вошедших стражников, но затем сидевшие за столом вернулись к беседе, а пятый уставился в стакан. Трактирщик, заискивающе улыбаясь, подошел к стражникам.

— Вечер добрый,— произнес он, обнажая в улыбке немногие оставшиеся зубы.— Самую малость, от простуды?

Он прекрасно понимал, что это совсем не визит вежливости.

Роберт уже держал наготове бланк повестки и карандаш.

— Жан, мы же тебя уже дважды предупреждали,— холодно ответил он.— В законе совершенно ясно сказано, что каждое заведение должно иметь стандартный газовый фонарь и что фонарь этот должен гореть от заката и до восхода. Ты все это прекрасно знаешь.

— Ну, может, ветер...— неуверенно начал трактирщик.

— Ветер? А вот я пойду сейчас вместе с тобой, и мы посмотрим, не закрыл ли случаем этот ветер газовый кран. Ну как, пойдем?

Старый Жан судорожно сглотнул:

— Наверное, я забыл. Последнее время моя память...

— Возможно, твоя память станет получше, если ты расскажешь о ней милорду маркизу в ближайший присутственный день.

— Нет, нет! Ради Бога, господин стражник! Штраф меня разорит!

Стражник повел карандашом, словно собирался заполнить повестку:

— Я укажу, пожалуй, что это нарушение — первое. Тогда штраф будет вполовину меньше.

Старый Жан даже зажмурился от ужаса и безнадежности.

— Ради Бога, господин стражник. Такое никогда не повторится. Просто я так привык, что рядом есть Полья, — он же делал все, всю тяжелую работу. Теперь мне совсем никто не помогает.

— Поль Сарто уже две недели как исчез, — ответил Роберт. — Эту отговорку я слышу третий раз.

— Господин стражник, — проникновенным голосом сказал старик, — я больше никогда не забуду. Обещаю.

— Ладно, — Роберт закрыл свою книжечку. — Так ты даешь слово? Тогда и я даю тебе слово, что в следующий раз и слушать не стану твои оправдания. Я вызову тебя в суд безо всяких разговоров. Ясно тебе?

— Ясно, конечно, ясно, господин стражник. Огромное спасибо! Я больше не забуду!

— Да уж, надеюсь. Иди и зажги фонарь.

Старый Жан заторопился к лестнице. Через несколько минут он вернулся.

— Готово, господин стражник. Горит.

— Вот и отлично. Надеюсь, что теперь он всегда будет зажигаться. И сразу после заката. Спокойной ночи, Жан.

— А может, чуть-чуть?..

— Нет, Жан. В другой раз. Идем, Джек.

Стражники удалились, не притронувшись к предложенной им выпивке. Было бы просто непорядочно принять ее сразу после того, как они грозили человеку судом. Устав стражи гласил: так как ношение шпаги — высокая честь, стражник всегда должен быть человеком чести.

— Странно, чего это Поль смылся? — спросил Джек, когда они вышли на улицу.— Платили ему прилично, к тому же он немного придурковат, чтобы работать в каком-нибудь другом месте.

Роберт пожал плечами:

— Ты же знаешь, как все это бывает. Портовые крысы, они приходят и уходят. Чего о нем особо беспокоиться. Мужик с крепким хребтом и слабым умом всегда найдет бистро, которое пристроит его к делу. Перебьется как-нибудь.

Разговор смолк. Стражники дошли до угла, где набережная святой Марии сворачивала к югу. Роберт окинул ее взглядом:

— Гляди, какой веселенький.

— Думаю, даже слишком.

По набережной святой Марии двигался человек. Он направлялся в их сторону, прижимаясь к дому, спотыкаясь на каждом шагу, помогая себе руками и упираясь ладонями о кирпичную стену. Голова человека была непокрытой, а когда ветер распахнул его плащ, глазам стражников предстала совершенно неожиданная картина. Кроме этого плаща, на нем не было ровным счетом ничего!

— Упился до посинения, да к тому же скоро замерзнет,— сказал Джек.— Придется забрать его.

Забрать не получилось. Пока они шли к нему, спотыкавшийся человек споткнулся еще один, последний, раз. Он упал на колени и уставился невидящими глазами в их сторону, но не прямо на них, а куда-то мимо, в темноту ночного неба. Затем завалился на бок. Глаза его так и остались открытыми.

Роберт опустился на колени:

— Свисти! Похоже, что помер.

Джек вынул свисток; пронзительная трель разорвала промозглый воздух.

— Вот и поминай Дьявола,— негромко сказал Роберт.— Это же Поль! И от него совсем не пахнет. Я думаю... Господи!

Пытаясь приподнять голову упавшего, он вдруг заметил на своей ладони кровь.

— Мягкая,— в голосе Роберта слышалось удивление.— С той стороны его череп совсем размозжен.

Вдалеке послышался цокот копыт. Это верховой сержант стражи галопом спешил на свисток Джека.

Лорд Дарси, высокий человек с худощавым, привлекательным лицом, пересек холл и открыл дверь, на которой красовался герб Нормандии.

— Ваше Высочество хотели меня видеть? — В его англо-французском чувствовался заметный английский акцент.

В комнате находились трое. Самый молодой — высокий, белокурый Ричард, герцог Нормандский, брат Его Императорского Величества Джона IV,— повернулся на звук открываемой двери:

— А, лорд Дарси. Входите.

Он повел рукой в сторону полного человека, облаченного в пурпурную епископскую мантию.

— Ваше преосвященство, я хочу представить вам главного следователя, лорда Дарси. Лорд Дарси, это его преосвященство епископ Гернси и Сарка.

— Очень рад познакомиться, лорд Дарси.

Епископ протянул вошедшему руку.

Лорд Дарси поклонился и, взяв протянутую ему руку, поцеловал перстень:

— Ваше преосвященство.

Затем, повернувшись, он поклонился третьему мужчине — худощавому, начавшему седеть маркизу Руанскому:

— Милорд маркиз.

Затем лорд Дарси вновь обернулся к герцогу Нормандскому и замер в ожидании.

Герцог еле заметно нахмурился.

— Похоже, возникли не совсем приятные обстоятельства, связанные с милордом маркизом Шербурским. Как вам известно, его преосвященство — старший брат маркиза.

Лорд Дарси знал историю этой семьи. У предыдущего маркиза Шербурского было три сына. После его

смерти титул и правление перешли к старшему. Средний принял церковный сан, а младший стал офицером королевского флота. Когда старший из братьев умер, не оставив после себя наследников, маркизом стал младший Хью — епископ не мог наследовать титул.

— Возможно, вам стоило бы поподробнее объяснить положение, ваше преосвященство,— сказал герцог.— Будет лучше, если лорд Дарси получит информацию из первых рук.

— Разумеется, Ваше Высочество.

На лице епископа легко читалось беспокойство, его правая рука беспрестанно теребила большой наперсный крест.

— Прошу вас, милорды,— герцог жестом указал на стулья.— Садитесь.

После того как все расселись, епископ заговорил.

— Мой брат маркиз,— сказал он, глубоко вздохнув, словно бросаясь в холодную воду,— исчез.

Брови лорда Дарси едва заметно приподнялись. При нормальных обстоятельствах исчезновение одного из губернаторов Его Королевского Величества вызвало бы колоссальный шум. Известие об этом мгновенно прокатилось бы от одного края Империи до другого — от мыса Данкансби в Шотландии до самой южной оконечности Гаскони, от германской границы на востоке до Новой Англии и Новой Франции, там, за океаном. И если его преосвященство епископ Гернси и Сарка желает, чтобы такое происшествие держалось в тайне, значит, тому есть — *очень* хотелось бы надеяться, что есть,— серьезная причина.

— Вы знакомы с моим братом, лорд Дарси?

— Весьма поверхностно, ваше преосвященство. Встречался с ним однажды, год тому назад или около того. Можно сказать, что я его практически не знаю.

— Понятно.

Нервно поиграв наперсным крестом, епископ начал излагать известные ему факты. Три дня тому назад,

десятого января, в Сент-Питер Порт, где расположен кафедральный собор епархии Гернси и Сарка, кораблем прибыл один из слуг Элайн, маркизы Шербурской, невестки епископа. Во врученном им запечатанном послании сообщалось, что маркиз, брат епископа, исчез. Никто не видел его с вечера восьмого числа. Вопреки обыкновению, милорд маркиз не уведомил миледи маркизу о намерении покинуть замок. Более того, он сообщил, что отправится почивать по окончании работы с некими официальными документами. Однако, после того как маркиз вошел в свой кабинет, никто его больше не видел. Миледи Шербурская заметила исчезновение мужа только утром, когда оказалось, что постель его осталась неразобранной.

— Если я верно понял, милорд, это произошло девятого утром, в четверг? — спросил лорд Дарси.

— Совершенно верно, милорд.

— Могу ли я задать вопрос,— осторожно спросил лорд Дарси,— почему мы не были уведомлены раньше?

Судя по запинкам, его преосвященству оказалось несколько затруднительно дать внятный ответ.

— Ну, вы понимаете, милорд... тут... понимаете, миледи Элайн считает, что... э-э... что его лордство, мой брат, не совсем... э-э... точнее говоря, *возможно,* что он не совсем... э-э... не совсем в своем уме.

«Вот оно! — подумал лорд Дарси.— Наконец-то он выдал! Милорд Шербурский умом тронулся. Или, во всяком случае, так думает его женушка».

— Как это отражалось на его поведении?

Лорд Дарси спросил это совершенно спокойно, словно речь шла о чем-то совершенно заурядном.

Теперь епископ говорил быстро и четко. Первый припадок случился у милорда Шербурского в канун дня святого Стефана, 26 декабря 1963 года. На его лице появилось совершенно идиотское выражение, оно както обмякло, в глазах не осталось и проблеска разума. Он бормотал какую-то бессмыслицу, казалось, что он не понимает, где находится, и даже боится всего окружающего.

— Проявлял ли он какие-нибудь признаки буйства?

— Нет, совсем наоборот. Был крайне покорен, легко позволил уложить себя в постель. Леди Элайн сразу же вызвала целителя: она опасалась, что у моего брата апоплексический удар. Как вам известно, в Шербурском замке живут бенедиктинцы, поддерживаемые маркизатом, так что отец Патрик был у моего брата уже через несколько минут.

Но к тому времени приступ уже полностью прошел. Отец Патрик не обнаружил никаких тревожных симптомов, а мой брат сказал, что это было всего лишь легкое головокружение, ничего серьезного. Однако за первым припадком последовали еще три — все по вечерам. Второго, пятого и седьмого числа этого месяца. А теперь он исчез.

— Так, значит, вы, ваше преосвященство, подозреваете, что у его лордства случился один из этих припадков, и может быть так, что он где-то блуждает... м-м... *non compos mentis*[1], как в предыдущих случаях?

— Именно этого я и опасаюсь,— твердо ответил епископ.

На секунду лорд Дарси задумался, а затем вопросительно посмотрел на Его Королевское Высочество герцога.

— Я бы хотел, лорд Дарси, чтобы вы расследовали это происшествие со всей возможной тщательностью,— ответил на невысказанный вслух вопрос герцог,— и со всей возможной конфиденциальностью. Скандал был бы крайне нежелателен. Если что-либо приключилось с рассудком милорда Шербурского — ему будет, несомненно, обеспечено наилучшее лечение. Но сперва его надо найти.

Герцог взглянул на стенные часы:

— Поезд в Шербур отходит через сорок одну минуту. Вы будете сопровождать его преосвященство епископа.

Лорд Дарси встал:

[1] В помраченном рассудке (*лат.*).

— Мне как раз хватит времени собраться, Ваше Высочество.— Он поклонился епископу:— Ваш покорный слуга, ваше преосвященство.

Он повернулся и вышел из комнаты, прикрыв за собой дверь.

Однако лорд Дарси вовсе не направился сразу в свои апартаменты, вместо этого он тихо встал за дверью, чуть сбоку. Через узкую щель он поймал взгляд герцога Ричарда.

Внутри продолжался разговор.

— Милорд маркиз,— сказал герцог,— вы можете проследить, чтобы его преосвященству дали подкрепиться? Если ваше лордство не возражает, у меня есть срочные дела. Нужно как можно скорее послать моему брату королю донесение об этих событиях.

— Конечно, конечно, Ваше Высочество.

— Вас и лорда Дарси будет ждать экипаж. Мы еще увидимся до вашего отъезда, милорд. А сейчас прошу меня извинить.

Покинув комнату, он посмотрел на ожидающего лорда Дарси и жестом пригласил его в соседнюю комнату. Лорд Дарси последовал за ним. Герцог плотно закрыл за собой дверь и тихим голосом заговорил:

— Возможно, все гораздо хуже, чем может показаться на первый взгляд, Дарси. Де Шербур работал с одним из личных агентов Его Величества. Они пытались раскрыть сеть польских *agents provocateurs*[1], действующих в Шербуре. Если у маркиза и вправду умственное расстройство и он попал к ним в руки — значит, здесь приложил руку сам Дьявол.

Лорд Дарси понимал всю серьезность положения. Амбиции польских королей сильно возросли за последние полвека. Аннексировав всю русскую территорию, какую могли проглотить,— от Минска на севере и до Киева на юге,— поляки устремили свои взгляды на

[1] Провокаторы *(франц.)*.

запад, в сторону рубежей Империи. Последние несколько столетий германские государства играли роль буфера между могущественным Королевством Польским и еще более могущественной Империей. Теоретически, будучи в прошлом частью Священной Римской империи, германские государства находились в вассальной зависимости от императора, однако уже многие столетия ни один из англо-французских королей не пытался требовать подтверждения этой зависимости на практике. Фактически германские государства сохраняли свою независимость благодаря неустойчивому равновесию сил между Польшей и Империей. Если бы, например, войска Казимира IX попытались войти в Баварию, Бавария прибежала бы за помощью к Империи — и получила бы эту помощь. С другой стороны, если бы Джон IV попытался обложить Баварию налогом хотя бы в один соверен и послал свои войска для сбора этого налога, Бавария с той же быстротой побежала бы за помощью к Польше. Пока сохранялось равновесие сил, немцам можно было ни о чем не беспокоиться.

По правде говоря, у короля Джона и желания такого — присоединить германские государства к Империи силой — не было. Агрессия уже давно не входила в число средств политики Империи. Для имперской армии не составило бы ни малейшего труда захватить Ломбардию или Северную Испанию. Однако, имея в своем владении весь Новый Свет, Империя не интересовалась мелкими территориальными приобретениями в Европе. В эти дни, в этом веке агрессия против миролюбивого соседа была просто немыслима.

Пока Польша продвигалась на восток, политика Империи была простой: пусть Польша занимается своими делами, пока Империя распространяет свое влияние на Новый Свет. Однако продвижение на восток застопорилось: королю Казимиру хватало хлопот и с теми русскими, которых он уже завоевал. Чтобы не дать развалиться своей квазиимперии, ему надо было все время держать перед глазами подданных какую-то угрозу извне, но продвигаться в Россию дальше он

не решался. За время жизни последнего поколения русские государства образовали нечто вроде рыхлой коалиции, и предыдущий король Польши Сигизмунд III был вынужден отступить. Если русские когда-нибудь и вправду объединятся, они будут очень серьезным противником.

Оставались германские государства на западе и Румелия на юге. С Румелией Казимир связываться не хотел, однако относительно немцев у него были некоторые планы.

Главное богатство Империи, основа ее непрестанно развивающейся экономики, находилось в Новом Свете. Импорт хлопка, табака и сахара — не говоря уж о найденном на южном материке золоте — был становым хребтом экономики Империи. Подданные короля сытно ели, хорошо одевались, имели пристойное жилье — в общем, были счастливы. Однако прерви на сколь-нибудь значительное время поток грузов, доставляемых кораблями через океан, — и неминуемо возникнут серьезные трудности.

Конечно же, польский военный флот — не чета королевскому. Поляки не могли миновать Северное море, не столкнувшись либо с имперским флотом, либо с кораблями скандинавских союзников Империи. Северное море считалось совместной имперско-скандинавской собственностью, вход в него не дозволялся ни одному чужому военному кораблю. Польским торговым судам разрешался свободный проход — после досмотра патрулями на предмет обнаружения пушек. Польский флот, плотно закупоренный в Балтийском море, был беспомощен; он не был силен настолько, чтобы пробиться через проливы. Однажды, в 1939 году, польские корабли попробовали — и все ушли на дно. У короля Казимира хватило ума не повторять такую попытку.

Правда, он сумел купить несколько испанских и сицилийских кораблей и переоборудовал их в каперы, однако они лишь досаждали и не представляли серьезной угрозы. Имперский флот относился к ним как к пиратам — их либо топили, либо захватывали и ве-

шали всю команду. Имперское правительство даже не брало на себя труд посылать полякам протест.

Однако у короля Казимира была, видимо, припрятана еще какая-то карта в его королевском рукаве. Происходило нечто непонятное, доставлявшее головную боль лордам Адмиралтейства и лордам прибрежных областей. Корабли покидали порты Империи — Гавр, Шербур, Ливерпуль, Лондон и так далее — покидали и время от времени исчезали. Больше о них никто ничего не слышал. Они просто не доходили до Новой Англии. И их исчезало так много, что нельзя было списать все на пиратов и погоду.

Это было плохо и само по себе, но еще хуже были слухи, разносившиеся по портам Империи. В первую очередь эти слухи преувеличивали опасности плавания в Атлантике. Стали поговаривать, что центральная часть Атлантики — опасная зона, значительно более опасная, нежели прибрежные воды Европы. Моряка, который хоть чего-нибудь стоит, мало беспокоит плохая погода: дайте британскому или французскому моряку надежный корабль и достойного доверия шкипера — и он полезет в пасть любому шторму. Но вот злые духи и черная магия — это совсем другое.

Ученые, как они ни бейся, просто не могли довести до понимания простого человека сложности и ограничения современного научного волшебства. Даже здесь, в современной, высокоразвитой цивилизации Империи, девяносто девять процентов людей продолжали цепляться за идущие из глубины тысячелетий суеверия. Ну каким образом объяснить человеку, что лишь очень немногие способны заниматься магией? Как объяснить, что даже все заклинания, содержащиеся в официальных гримуарах[1], не помогут тому, у кого нет Таланта? Как объяснить, что, даже если Талант и имеется, обычно проходят многие годы обучения и тренировок, прежде

[1] Гримуар — книга, содержащая магические тексты.

чем он может быть использован эффективно, с предсказуемыми последствиями и с должной силой? Раз за разом втолковывается это народу, но в глубине души он считает иначе.

Вот взять людей, подозреваемых в том, что у них дурной глаз. По крайней мере в девяти случаях из десяти это неверно — но «пострадавшие» раз за разом зовут на помощь магов и священников. И одному Богу известно, сколько людей носят совершенно бесполезные амулеты, талисманы, обереги, изготовленные шарлатанами, лишенными Таланта, который мог бы сделать действенными их заклинания. В обывательском мозгу есть странный извив, заставляющий перепуганного человека втайне направляться за контрзаклинанием к внушающему страх скособоченному «колдуну», а не к уважаемому дипломированному волшебнику или всеми признанному священнику официальной Церкви. У большинства людей глубоко в подсознании гнездится подозрение, что зло сильнее, чем добро, и противодействовать ему может только зло еще большее. Почти никто из них не может поверить факту, твердо установленному научными магическими исследованиями, — что долгое использование черной магии более разрушительно для рассудка того, кто ее применяет на практике, чем для его жертв.

Поэтому было совсем нетрудно распустить слух, что в Атлантике гнездится Нечто Ужасное, — и в результате все больше и больше моряков с сомнением относилось к мысли подняться на борт судна, направляющегося в Новый Свет.

Правительство Империи находилось в абсолютной уверенности, что этот слух намеренно распространяется агентами короля Казимира IX.

Нужно было сделать две вещи: добиться того, чтобы корабли больше не пропадали, и покончить со слухами. Именно этими задачами и был занят маркиз Шербурский перед своим исчезновением. Возникал очень важный вопрос — насколько связаны с его исчезновением польские агенты.

— Вам нужно как можно быстрее связаться с агентом Его Величества, — сказал герцог Ричард. — А так как возможно, что здесь замешана черная магия, возьмите с собой мастера Шона, инкогнито. Ведь если неожиданно появится волшебник, они — кем бы они ни были — могут сразу попрятаться. А могут даже сделать что-либо непоправимое с де Шербуром.

— Буду в высшей степени осторожен, Ваше Высочество, — сказал лорд Дарси.

Остановившись у перрона Шербурского вокзала, поезд с шипением выпустил струю пара, образовавшую в морозном воздухе большое облако. Ветер подхватил это облако и разорвал его в клочья, прежде чем кто-либо успел выйти из вагонов. Выходя, пассажиры поплотнее запахивали на себе пальто и плащи. Снег слегка припорошил землю и перрон, но воздух был чист, а низкое зимнее солнце ярко, хотя и холодно, сияло в небе.

Прежде чем отбыть из Руана, епископ связался по телесону с Шербурским замком, так что их ожидал трехместный экипаж — одна из этих новых моделей с пневматическими шинами и рессорной подвеской. Экипаж был запряжен двумя парами прекрасных серых; на его дверях красовался герб Шербура. Форейтор открыл дверцу, и епископ залез в экипаж. За ним последовали лорд Дарси и невысокий, коренастый человек, одежда которого выдавала в нем лакея. Багаж лорда Дарси был уложен на крышу экипажа, на багажник, но ручка небольшого чемоданчика осталась крепко зажатой в широкой ладони «лакея».

Мастер Шон О Лохлейн, волшебник, не имел ни малейшего желания хоть на секунду расставаться со своим инструментарием. Он и так долго ворчал, когда ему не было позволено взять с собой разукрашенный письменами и символами саквояж, и потратил чуть ли не двадцать минут, накладывая предохранительные заклятия на черный кожаный чемоданчик, взятый им по настоянию лорда Дарси.

Форейтор закрыл дверцу экипажа и вскочил на козлы. Четверка серых резвой рысью пустилась по улицам Шербура к замку, расположенному на другом конце города, поблизости от моря.

Частично чтобы отвлечь мысли его преосвященства епископа от несчастья, постигшего его брата, частично — чтобы никто не подслушал, лорд Дарси и епископ, по молчаливому соглашению, во время поездки на поезде не касались в разговорах начавшегося расследования. Мастер Шон просто сидел тихонько в углу, стараясь походить на лакея, что великолепно ему удавалось.

Однако в экипаже разговоры прекратились вовсе. Его преосвященство епископ уселся на подушки и молча глядел в окно. Мастер Шон откинулся на спинку, сложил руки на своем внушительном брюшке и прикрыл глаза. Лорд Дарси, по примеру епископа, глядел в окно. Прежде он бывал в Шербуре лишь дважды и был не настолько знаком с городом, насколько бы ему хотелось. Изучение маршрута экипажа не будет пустой тратой времени.

Однако только когда они достигли гавани и повернули по рю де Мер к возвышавшимся вдали башням Шербурского замка, лорд Дарси увидел наконец нечто, заслуживающее внимания.

Слишком много, подумал он, слишком много кораблей пришвартовано к пирсам, и слишком много товаров сложено на этих пирсах в ожидании погрузки. С другой стороны, создавалось впечатление, что в порту работает слишком мало людей для такого объема перевозок.

«Моряки напуганы «Проклятием Атлантики», — подумал лорд Дарси. Он посмотрел на людей, стоящих и сидящих группами безо всякого видимого дела. Они переговаривались тихо, но, создавалось впечатление, несколько раздраженно. — Очевидно, это моряки, оставшиеся без работы по своей собственной воле. Наверное, пытались подработать портовыми грузчиками, что было невозможно из-за запрета гильдии докеров».

Обычно, как он знал, моряки считались естественными запасными для гильдии докеров, равно как груз-

чики — для морской. Если моряк хотел провести некоторое время на берегу, он обычно мог найти работу докера; если докер решал отправиться в море, ему обычно находилась где-нибудь койка. Однако теперь, когда корабли не могли набрать команды, докерам становилось все труднее получить работу по погрузке судов. Когда постоянные члены гильдии докеров не могли найти себе работу, трудно было удивляться тому, что гильдия была не в состоянии дать работу тем самым напуганным морякам, из-за которых и сложилась такая ситуация.

Безработица, в свою очередь, ложилась дополнительным бременем на личную казну маркиза Шербурского, ведь согласно древнему закону лорд обязан во времена неурядиц заботиться о своих подданных и их семьях. Пока что расходы были не слишком велики — они распределялись по всей Империи. Ведь по тому же закону милорд Шербурский мог обратиться за помощью к герцогу Нормандскому, а Его Королевское Высочество мог, в свою очередь, воззвать к Его Императорскому Величеству Джону IV, Королю и Императору Англии, Франции, Шотландии, Ирландии, Новой Англии, Новой Франции, Защитнику Веры и т.д.

А в личную казну императора средства стекались со всей Империи.

Однако, если неурядицы распространятся шире, экономике Империи угрожает полный развал.

Все же, как с облегчением заметил лорд Дарси, жизнь в гавани не совсем замерла. Не говоря уж о судах, направлявшихся в средиземноморские и африканские рейсы, были и корабли, сумевшие, видимо, набрать команду для перехода через Атлантику к северному континенту — Новой Англии или к южному — Новой Франции.

Один из крупных кораблей, «Гордость Кале», прямо кипел активностью. Под громко выкрикиваемые

команды через его борт грузили тюки товаров. Лорд Дарси рассмотрел сетку, полную винных бочонков. На каждом поднимаемом на борт бочонке красовалась надпись: «Винодел Ордвин Вейн», а также выжженное на дереве клеймо волшебника, гарантирующее на время рейса защиту вина от прокисания. Большая часть этого вина, как было известно лорду Дарси, предназначалась команде. По закону каждому моряку полагался в день эквивалент одной бутылки; кроме того, вина Нового Света столь великолепны, что импорт из Европы просто не имеет смысла.

Лорд Дарси увидел, как грузятся и другие корабли, направляющиеся, по его сведениям, через Атлантику. Видимо, пока что «Проклятие Атлантики» перепугало до полусмерти еще не всех моряков Империи.

«Справимся,— думал лорд Дарси.— Что бы там ни делал король Польши — справимся. Мы всегда справлялись».

Он не подумал: «Мы всегда справимся». Лорд Дарси знал, что империи и культуры умирают и на их место приходят другие. Римская империя пала, ее сменили орды варваров, которые постепенно создали феодальное общество, из которого, в свою очередь, развилась современная система. Возможно, конечно же, что восьмисотлетняя Империя, основанная Генрихом II в двенадцатом веке, однажды падет, подобно Римской,— но она существует уже почти в два раза дольше, и ей пока не угрожают ни варварские орды, ни достаточно серьезные внутренние разногласия. Империя устойчива и развивается по-прежнему.

Устойчивостью и развитием она большей частью обязана Дому Плантагенетов, династии, основанной Генрихом II после смерти короля Стефана. Старик Генрих поставил большую часть Франции под власть английской короны. Его сын, Ричард Львиное Сердце, первые десять лет своего правления пренебрегал Англией, однако, чудом избежав смерти от арбалетной стрелы при осаде Шалю, он утихомирился и стал

править своей Империей, править твердо и мудро. Детей у него не было, однако их место занял племянник Артур, сын умершего Джеффри, брата короля Ричарда. Артур вместе с королем боролся против предательства принца Джона, младшего брата Ричарда и единственного другого серьезного претендента на трон. После смерти Джона, последовавшей в 1216 году, Артур остался единственным наследником, а после смерти в 1219 году старого Ричарда тридцатидвухлетний Артур воссел на английский трон. Народные предания часто смешивают короля Артура с другим, более ранним королем Артуром из Камелота[1] — и не без причины. Этот монарх, даже теперь вспоминаемый как король Артур Умелый, правил своими подданными в той же рыцарственной манере — отчасти воодушевленный легендами о древнем вожде бриттов, отчасти в согласии со своими собственными внутренними склонностями.

С того времени династия Плантагенетов прошла через восемь веков несчастий и испытаний, крови, пота, трудов и слез. Она удерживала врагов Империи огнем и мечом, тонкой умелой дипломатией не давала своим владениям развалиться и все время расширяла их.

Империя выстояла. Она выстоит и дальше, пока каждый ее подданный осознает, что она падет, если все ее бремя ляжет на одного короля. «Империя ожидает, что каждый человек выполнит свой долг».

В данный момент долг лорда Дарси был чем-то большим, нежели простая обязанность выяснить, что же произошло с милордом маркизом Шербурским. Проблема была глубже.

Его размышления прервал голос епископа:

— Вон там башня Цитадели, лорд Дарси. Скоро доедем.

---

[1] Герой кельтских народных преданий, король бриттов Артур, живший в VI веке и боровшийся с англосаксонскими завоевателями.

И действительно, уже через несколько минут запряженный четверкой экипаж остановился у главного входа Шербурского замка. Лакей в ливрее открыл дверь, и все трое вышли, причем мастер Шон так ни на секунду и не выпустил ручку своего чемоданчика.

Миледи Элайн, маркиза де Шербур, глядела на Канал из окна своей гостиной, расположенной над Большим залом. Ледяные волны катились, плясали и разбивались, производя почти гипнотическое воздействие, однако она смотрела на них, едва ли их видя.

«Где ты, Хью? — думала она.— Вернись ко мне, Хью. Я никогда и не подозревала, как ты мне нужен». Затем ее мысли успокоились, и в голове не осталось ни одной мысли. В нее проникал лишь рокот волн.

Сзади послышался звук открываемой двери. Маркиза резко повернулась, длинная бархатная юбка тяжелой волной обвилась вокруг ее ног.

— Да? — Собственный голос казался ей странным, словно доносящимся издали.

— Вы звонили, миледи.

Это был сэр Гийом, сенешаль.

Миледи Элайн попыталась собраться с мыслями.

— О! — сказала она после крохотной паузы.— О да.

Она указала на столик с напитками, на котором стояли графин опорто, графин хереса и пустой графин.

— Бренди. Не налили бренди. Принесите мне «Сен Корлан Мишель» сорок шестого года.

— «Сен Корлан Мишель-46», миледи? — Сэр Гийом неуверенно поморгал.— Но милорд де Шербур...

Маркиза посмотрела на него в упор:

— Я уверена, что в такое время милорд Шербурский не отказал бы жене в своем лучшем шампанском бренди, *сье* Гийом! — резко сказала она. То, что она произнесла вместо обычного англо-французского местное обращение «сье», служило мягким, но достаточно строгим напоминанием.— Или мне принести самой?

Лицо сэра Гийома чуть побледнело, но не изменило выражения.

— Нет, миледи. Ваше желание для меня — приказ.

— Очень хорошо. Спасибо, сэр Гийом.

Маркиза снова повернулась к окну. Она слышала, как открылась и вновь закрылась дверь.

Затем она повернулась, подошла к столику с напитками и посмотрела на бокал, из которого она пила несколькими минутами ранее.

«Пусто,— подумала маркиза.— Как в моей жизни. Смогу ли я вновь *ее* наполнить?»

Она взяла со столика графин хереса, вынула из него пробку и с преувеличенной аккуратностью наполнила свой бокал. Бренди, конечно, лучше, но, пока сэр Гийом принесет бренди, пить нечего, кроме сладких вин. И зачем, собственно, она настаивала на самом лучшем и тонком бренди из подвалов Хью? Никакого смысла. Сошел бы любой бренди, даже «Aqua Sancta» 1960 года, вонючий самогон. Маркиза знала, что сейчас ее нёбо уже настолько утратило чувствительность, что она просто не заметит разницу.

Да, но *где же* бренди? Где-то там. Да. Сэр Гийом.

Раздраженно, почти не размышляя, она начала дергать шнур колокольчика. Рывок. Пауза. Рывок. Пауза. Рывок...

Когда дверь отворилась, она все еще дергала шнур.

— Да, миледи?

Она яростно развернулась — и замерла.

Лорд Сейгер ее напугал. Она всегда его боялась.

— Я вызывала сэра Гийома, милорд,— сказала она, вложив в эти слова все достоинство, на какое была сейчас способна.

Лорд Сейгер, мужчина крупного телосложения, всегда, казалось, распространял вокруг себя волны того ледяного холода, который царил в норвежском доме его далеких предков. Это был очень светлый блондин, почти альбинос, со светло-голубыми ледяными глазами. Маркиза не могла припомнить, чтобы он хотя бы раз улыбнулся в ее присутствии. Его правильное лицо было всегда спокойно и лишено всякого выражения. Леди Элайн подумала вдруг, что ее больше устрашила

бы улыбка лорда Сейгера, чем его обычное невозмутимое лицо. От этой мысли по спине пробежал холодок.

— Я вызывала сэра Гийома,— повторила она.

— Конечно, миледи, однако, так как сэр Гийом, видимо, не отвечал, я счел своим долгом явиться сюда. Вы вызывали его несколько минут тому назад. Теперь вы позвонили снова. Могу я чем-нибудь помочь?

— Нет... нет...— Что могла она сказать?

Он вошел в комнату и прикрыл за собой дверь. Леди Элайн казалось, что даже с расстояния в двадцать пять футов она чувствует исходящий от него холод. Он приближался, а она не могла ничего сделать. Слова замерзали у нее на языке. Высокий красивый блондин, лорд Сейгер обладал не большей сексуальной привлекательностью, чем слизняк. Даже меньшей — ведь тот притягателен хотя бы для другого слизняка, и слизняк — все-таки живое существо. Миледи ничем не привлекал этот мужчина, он не казался ей живым существом.

Он приближался к ней как линейный корабль — двадцать футов, пятнадцать...

Миледи судорожно схватила ртом воздух и указала на столик с напитками:

— Вы не могли бы налить мне вина, милорд? Я бы хотела бокал... хереса.

Словно бы, подумала она, на боевом корабле резко переложили штурвал. Сейгер отклонился от курса на тридцать градусов и направился к столику.

— Херес, миледи? Конечно. С величайшим удовольствием.

Точными, экономными движениями сильных рук он вылил в бокал остатки вина из графина.

— Тут не хватает на полный бокал, миледи.— Его светло-голубые глаза по-прежнему были бесстрастны.— Возможно, миледи желает опорто?

— Нет... Нет, пусть будет херес, милорд, пусть будет херес.— Маркиза судорожно сглотнула.— Может быть, вы нальете и себе?

— Я никогда не пью, миледи.— Лорд Сейгер протянул ей неполный бокал.

Ей ничего не оставалось, как взять бокал у него из руки. Странно, подумала она, что его пальцы такие же теплые, как у любого другого человека.

— Миледи действительно считает,— голос лорда Сейгера был столь же бесстрастен, как и его лицо,— что нужно так много пить? За четыре последних дня...

Рука миледи вздрогнула, но она смогла произнести только:

— Это все нервы, милорд. Нервы.

Она вернула ему пустой бокал.

Не услышав просьбы налить снова, лорд Сейгер посмотрел на маркизу, держа бокал в руке.

— Я здесь для того, чтобы защитить вас, миледи. Это — мой долг. Только у ваших врагов есть основания меня бояться.

Вообще-то его слова были истинной правдой, и она знала это. И все-таки...

— Налейте мне, пожалуйста, бокал опорто, милорд.

— Хорошо, миледи.

В тот момент, когда он наливал вино, дверь распахнулась. У сэра Гийома в руках была бутылка бренди. — Миледи, милорд, прибыл экипаж.

Лорд Сейгер все с той же бесстрастностью посмотрел на него, а затем повернулся к миледи Элайн:

— Это следователи, которых прислал герцог. Мы будем говорить с ними здесь, миледи?

— Да. Да, милорд, конечно. Да.

Она не могла оторвать глаз от бренди.

Встреча лорда Дарси с миледи Элайн вышла краткой и бессмысленной. Лорд Дарси не имел ничего против аромата хорошего бренди, однако предпочитал его, так сказать, в первичном виде, а не вторичном. Ее изложение событий, непосредственно предшествовавших исчезновению маркиза, не слишком отличалось от рассказа епископа.

Красивый ледяной лорд Сейгер, представленный как секретарь маркиза, не знал ничего. Он не присутствовал ни при одном из предположительных припадков.

В конце концов миледи маркиза попросила извинить ее и удалилась, сославшись на мигрень. Лорд Дарси заметил, что бутылку бренди она прихватила с собой.

— Милорд Сейгер,— сказал он.— Насколько я вижу, ее светлость несколько растерялась от свалившегося на нее несчастья. В таком случае, кто в настоящий момент распоряжается в замке?

— Все слуги и хозяйство находятся под присмотром сэра Гийома де Браси, сенешаля. Стражей командует капитан сэр Андрю Дугласс. Я не являюсь личным секретарем милорда маркиза, а всего лишь помогаю ему систематизировать библиотеку.

— Понятно. Хорошо. Мне хотелось бы поговорить с сэром Гийомом и сэром Андрю.

Лорд Сейгер встал, подошел к шнурку и позвонил.

— Сэр Гийом сейчас придет,— сказал он.— Сэра Андрю я приведу сам.— Он поклонился.— Если позволите, милорды.

— Весьма внушительная внешность,— заметил лорд Дарси, когда секретарь ушел.— И, я бы сказал, довольно опасный человек — в определенных обстоятельствах.

— Кажется вполне приличным человеком,— ответил епископ.— Малость скованный... даже можно сказать — чопорный. С чувством юмора, конечно, небогато, но чувство юмора — это еще не все.

Он смущенно покашлял и продолжил:

— Мне надо извиниться за поведение своей невестки. Конечно же, она переутомилась. Я вам не буду нужен при всех этих ваших допросах, так что я лучше, пожалуй, пойду и пригляжу за ней.

— Разумеется, милорд,— небрежно ответил лорд Дарси.— Я все хорошо понимаю.

Едва успел уйти милорд епископ, как дверь открылась и вошел сэр Гийом.

— Ваше лордство звонили?

— Присядьте, сэр Гийом.— Лорд Дарси указал на один из стульев.— Мы прибыли сюда, как вам известно, с целью расследовать исчезновение милорда Шербурского. Это — один из моих людей, Шон; он мне

помогает. Все, что вы расскажете нам, останется строго конфиденциальным.

— Буду счастлив, если смогу хоть чем-нибудь помочь вам, милорд. — Сэр Гийом сел на предложенный стул.

— Я прекрасно знаю, сэр Гийом, — начал лорд Дарси, — что вы уже рассказывали все известное вам милорду епископу, однако, как бы это ни было утомительно, мне обязательно нужно выслушать все снова, самому. Будьте добры, начните, пожалуйста, с самого начала, сэр Гийом.

Сенешаль безропотно начал рассказ. Лорд Дарси и мастер Шон выслушивали все это уже в третий раз; разница была лишь в точке зрения, все существенные подробности совпадали. Однако и различие точек зрения было существенным. Подобно милорду епископу, сэр Гийом рассказывал так, словно сам совершенно не связан с происшедшим.

— Вы видели своими глазами хотя бы один из этих припадков? — спросил лорд Дарси.

— Что?.. Нет. Нет, ваше лордство. Ни разу. Однако слуги подробно описывали мне события.

— Понятно. А что было непосредственно в ночь исчезновения? Когда вы видели милорда маркиза в последний раз?

— Ранним вечером, ваше лордство. С позволения милорда, около пяти часов я отправился в город, чтобы поиграть в карты с друзьями. Мы играли довольно долго — до двух или половины третьего ночи. Хозяин, мастер Ордвин Вейн, преуспевающий виноторговец, конечно же, настоял, чтобы я заночевал у него. Случай вполне рядовой, ведь ворота замка запираются в десять и потом довольно хлопотно просить стражу открыть их. Я вернулся в замок около десяти утра и тогда узнал от миледи об исчезновении милорда маркиза.

Лорд Дарси кивнул. Все согласовывалось с рассказом леди Элайн. Сама она легла рано, вскоре после отъезда сэра Гийома, пожаловавшись на небольшую простуду. Она и была тем человеком, кто последним видел маркиза Шербурского.

— Благодарю вас, сэр сенешаль, — сказал лорд Дарси. — Позднее я хотел бы побеседовать со слугами. Есть некоторые...

Его слова прервала распахнувшаяся дверь. Показался лорд Сейгер в сопровождении крупного, плотного сложения, усатого человека с темными волосами и суровым, нахмуренным лицом.

Сэр Гийом встал.

— Спасибо за помощь, сэр Гийом, — сказал ему лорд Дарси. — Пока что все.

— Благодарю вас, ваше лордство. Очень хотелось бы быть полезным.

После ухода сенешаля лорд Сейгер ввел усатого человека в комнату.

— Милорд, это сэр Андрю Дугласс, капитан личной гвардии маркиза. Капитан, лорд Дарси, главный следователь Его Высочества герцога.

Суровый солдат поклонился:

— К вашим услугам, м'лорд.

— Спасибо. Садитесь, капитан.

Лорд Сейгер удалился, оставив капитана в обществе лорда Дарси и мастера Шона.

— Надеюсь быть полезным, Ваш'лордство, — сказал капитан.

— Думаю, что сможете, капитан. Как я понимаю, никто не видел, как милорд маркиз покинул замок. Видимо, вы допросили стражников?

— Допросил, Ваш'лордство. Мы не знали, что м'лорд пропал, пока м'леди не сказала мне утром. Я все проверил у моих людей, стоявших в ту ночь. Единственным, кто ушел из замка после пяти, был сэр Гийом. В пять ноль две, по журналу.

— А потайной ход? — спросил лорд Дарси. Следователь герцога имел пунктик — он изучил планы всех замков Империи по чертежам из Королевского Архива.

Капитан утвердительно кивнул:

— Есть такой. Пользовались в древности при осадах. Теперь заперт и забит.

— И охраняется?

— Да, ваш'лордство. — Капитан хмыкнул. — Самый ненавистный для нашей стражи пост. Понимаете, тунель этот заканчивается в канализационной трубе. Мы посылаем туда человека за небольшие нарушения устава. Очень бывает полезно провести несколько ночей с этим запахом и крысами, охраняя железную дверь, не открывавшуюся многие годы. Снаружи — да и изнутри тоже — без бомбы ее не откроешь. Приржавела намертво. А сами проверяем время от времени, чтоб стражник не расслаблялся.

— Понятно. Вы тщательно обыскали замок?

— Да. Боялся — вдруг у него опять один из этих обмороков, которые случались последнее время. Посмотрели везде, где он мог бы оказаться. И нигде не было, ваш'лордство, нигде. Наверное, как-нибудь вышел.

— Но в таком случае мы должны...

Стук в дверь прервал лорда Дарси.

Открыл дверь мастер Шон, покорно разыгрывающий свою роль.

— Да, ваше лордство?

В дверях стоял лорд Сейгер.

— Передайте лорду Дарси, что с ним желал бы побеседовать Анри Вер, шеф стражи города Шербур.

На какую-то долю секунды лорда Дарси охватило удивление и даже раздражение. Ну откуда шефу стражи известно, что он здесь? Затем ответ явился сам собой.

— Скажи, чтобы он входил, Шон.

Анри Вер оказался плотным человеком немного за пятьдесят. Он выглядел крепким орешком, во всех его движениях и поведении чувствовался опытный боец. Он поклонился:

— Лорд Дарси? Могу я побеседовать с вашим лордством наедине?

Подчеркнутая, неестественная точность его англо-французского говорила, что он редко говорит на этом

языке. Он с большим успехом избегал местного акцента, однако усилие, требовавшееся для этого, было заметно.

— Естественно, шеф Анри. Вы простите нас, капитан? Мы вернемся к этому вопросу позднее.

— Конечно, ваше лордство.

Лорд Дарси и мастер Шон остались наедине с шефом Анри.

— Мне *крайне* жаль прерывать вас, ваше лордство,— сказал шеф,— но инструкции Его Королевского Высочества были совершенно определенными.

— Я так и понял, шеф Анри. Садитесь, будьте добры. Ну, так что же произошло?

— Понимаете, ваше лордство,— сказал тот, искоса бросив взгляд на мастера Шона,— Его Высочество сказал по телесону, чтобы я не говорил ни с кем, за исключением вас.

Затем шеф присмотрелся получше и чуть не подскочил на стуле.

— Господи всемогущий! Мастер Шон О Лохлейн! Я не узнал вас в этой ливрее.

Волшебник ухмыльнулся:

— Хороший из меня лакей, Анри?

— Великолепный. Так я могу говорить свободно?

— Естественно. Начинайте.

— Так вот.— Шеф стражи наклонился и тихо заговорил: — Когда это все случилось, первым делом я подумал о вас. Не скрою — такие дела выше моего разумения. В ночь на восьмое двое моих людей патрулировали припортовый район. Они увидели, как на углу рю короля Джона II и набережной святой Марии упал человек. Кроме плаща, на нем не было ничего,— а как, вероятно, помнит ваше лордство, ночь была очень холодная. Когда они подошли к человеку, тот был уже мертв.

Глаза лорда Дарси сузились:

— Что явилось причиной смерти?

— Пробитый череп, ваше лордство. Кто-то буквально раздробил правую часть его головы. Удивительно, что он вообще мог передвигаться.

— Понятно. Дальше.

— Так вот, его доставили в морг. Мои люди опознали в нем некоего Поля Сарто, который за небольшую плату прирабатывал в бистро. Опознал его и хозяин этого бистро, в котором он работал. Похоже, он был несколько слабоумным, выполнял черную работу за стол, кров и небольшие карманные деньги. Не мог толком позаботиться о себе.

— Хм-м-м. Надо бы разузнать о нем побольше. Странно, почему о нем не заботился его барон. Рассказывайте дальше.

— Да вот, ваше лордство... м-м... понимаете ли, тут все серьезнее. Я не сразу занялся этим случаем. В конце концов, еще одно убийство в порту, что тут такого...— Шеф стражи пожал плечами и развел руками.— Наш волшебник и наш хирург осмотрели его, провели обычные исследования. Убили его ударом дубового бруска с квадратным концом, два на два или около того. Ударили его минут за десять до того, как он упал. Хирург говорит, что так долго мог жить только человек с потрясающей жизненной силой, а ведь он не только жил, но даже еще и передвигался.

— Простите, пожалуйста, Анри,— прервал мастер Шон.— А этот ваш волшебник, он провел тест Фиц—Гиббона на посмертную активацию?

— Само собой. Самым первым делом — имея в виду такую страшную рану. Нет, труп не был активирован после смерти, его не заставили уйти с места преступления. Человек действительно умер прямо на глазах у стражников.

— Я просто хотел быть уверен.

— Как бы там ни было, это убийство можно было бы считать просто результатом очередной припортовой драки, если бы не некоторые странности, связанные с трупом. Его плащ оказался явно аристократического покроя — ничего похожего на плащ рядового обывателя. Дорогая ткань, дорогой портной. К тому же он недавно принимал ванну — и, видимо, часто. Ногти на руках и ногах хорошо подстрижены и ухожены.

Глаза лорда Дарси заинтересованно сощурились:

— Странно ожидать такое от обычного разнорабочего.

— Вот именно, милорд. Поэтому, прочитав сегодня утром рапорт, я пошел посмотреть. В это время года труп прилично сохраняется даже без наложения предохранительного заклинания.

Шеф стражи наклонился вперед и заговорил еще тише, хриплым шепотом:

— Мне хватило одного взгляда. Затем я начал действовать и позвонил в Руан. Милорд, это же сам маркиз Шербурский!

Лорд Дарси ехал сквозь промозглую зимнюю ночь. Ледяной, пронизывающий ветер с моря хлестал по крупу одолженной лошади полами его темного плаща. Правда, холод был скорее кажущимся, чем действительным. Температура была повыше нуля, хотя и незначительно, но ветер нес с моря отвратительную морось. Лорду Дарси доводилось, бывало, терпеть холод и похуже, но эта сырая промозглость заползала под одежду, под кожу, пробирала до костей. Уж пусть было бы холоднее, но — сухо. Сухой мороз не заползает к тебе под одежду.

Лошадь эту одолжил шеф Анри. Вполне пристойная кляча, обученная работе в полиции и привычная к булыжным мостовым Шербура.

Странненько было все это в морге, думал лорд Дарси. Они с Шоном и Анри стояли, а служитель выкатил труп. С первого же взгляда стала понятна обеспокоенность шефа стражи.

Лорд Дарси всего однажды видел Хью Шербурского; сказать, чье тело лежит на каталке, было довольно затруднительно, но лицо... Лицо маркиза он узнал без малейших колебаний.

Дополнительно были опрошены порознь два стражника, подобравшие скончавшегося, — ничего не сказав им о новом развитии событий. Оба продолжали утверждать, что тело принадлежит Полю Сарто, хотя и

признавали, что Поль никогда не был таким чистым и ухоженным.

Понятно, откуда такая разница мнений. Стражники видели маркиза нечасто — только по особым случаям и в роскошном одеянии. Трудно ожидать, чтобы они опознали в полуголом портовом бродяге своего сеньора. А если к тому же они сразу отождествили этого человека со знакомым им Полем Сарто, всякая возможность дальнейшего опознания в нем маркиза фактически исчезала. С другой стороны, Анри Вер, шеф стражи города Шербура, хорошо знал милорда маркиза, а о Поле Сарто услышал только после его смерти.

Мастер Шон решил, что покойного можно подвергнуть еще некоторым тауматургическим[1] тестам. Местный волшебник — рядовой подмастерье гильдии волшебников — перечислил все проведенные им процедуры, отважно пытаясь произвести на мастера магии впечатление своими способностями и сноровкой.

— Орудием убийства служил довольно длинный дубовый предмет, мастер. Согласно результатам теста Каплана — Шайнвольда, использование короткой дубинки исключено. Но, с другой стороны, как это ни странно, я не нашел ни малейшего следа злого умысла, так что...

— Именно поэтому, мой мальчик, я и собираюсь провести дополнительные испытания,— прервал его мастер Шон.— У нас мало информации.

— Да, мастер.

Волшебник-подмастерье был заметно смущен.

Лорд Дарси тоже сделал некоторое наблюдение — и не стал ни с кем им делиться. Если удар нанесен спереди, а так оно, похоже, и было, то либо убийца — левша, либо его правая рука способна на очень сильный удар слева направо. Правда, вынужден был он признать, толку в этом наблюдении очень мало. Холод неотапливаемого морга и соседство с трупом стали потихоньку подавлять лорда Дарси, так что он оставил

[1] Тауматургия (*англ.* thaumaturgy) — чудотворство, магия, волшебство, чародейство.

мастера Шона заниматься его исследованиями, а сам, прихватив у шефа Анри для такой цели кобылу, отправился заниматься своими.

Зимы, проведенные им в Лондоне, убедили его, что в холодное время года ни один разумный человек не станет торчать вблизи морского побережья. Континентальный холод — прекрасно, прибрежное тепло — чудесно. Но вот такое...

Лорд Дарси довольно слабо знал Шербур, однако он был из тех людей, которые могут держать карту в голове и, более того, легко могут соотносить эту карту с очертаниями реальной обстановки. Его даже не беспокоили некоторые неточности запомненной им карты.

Он завернул за угол и увидел перед собой газовый фонарь с синим стеклом — знак местного отделения стражи Шербура. Под фонарем стоял постовой.

Увидав верхового аристократа, стражник мгновенно встал по стойке «смирно».

— Да, милорд! Могу быть чем-то полезен, милорд?

— Можете, стражник, вполне можете,— ответил лорд Дарси, слезая с седла.

Он протянул поводья стражнику:

— Этот конь принадлежит управлению шефа Анри.

Лорд Дарси показал свое удостоверение с вытисненным на нем герцогским гербом.

— Я — лорд Дарси, главный следователь Его Королевского Высочества герцога. Позаботьтесь о лошади. У меня есть дела здесь по соседству; позже я вернусь за ней. Но сперва мне хотелось бы побеседовать с вашим сержантом.

— Будет исполнено, милорд. Сержант находится в помещении, милорд.

После краткого разговора с сержантом лорд Дарси снова вышел на ночной холод.

До цели его визита оставалось еще несколько кварталов, однако ехать туда верхом было бы довольно неразумно. Он прошел два квартала по мрачной и грязной улице,— осмотревшись, убедился, что его никто не видит и не преследует, и нырнул в темный проулок.

Там лорд Дарси снял свой плащ и вывернул его наизнанку. Подкладка этого одеяния была не шелковой — подобающей аристократу, или меховой — соответствующей времени года и погоде. Она был изготовлена из дешевой коричневой ткани, сильно потертой; в одном месте красовалась аккуратно пришитая заплата. Из одного из карманов лорд Дарси извлек видавшую виды шляпу вроде тех, которые предпочитают обитатели таких мест; старательно взъерошив волосы, он водрузил ее себе на голову. О грязи на дешевых сапогах беспокоиться не приходилось — ее было вполне достаточно. Великолепно!

Лорд Дарси несколько расслабил спину — обычно у него была великолепная армейская осанка — и не спеша пошел к дальнему выходу из проулка.

Остановившись, чтобы раскурить дешевую сигару, он двинулся дальше.

— А? — Через окошко в тяжелой двери выглядывала краснолицая неопрятная женщина лет пятидесяти с небольшим.— Что тебе понадобилось в такое время?

Изобразив дружелюбнейшую из улыбок, лорд Дарси ответствовал на том же местном диалекте.

— Простите меня, ради Бога, хозяйка, но я ищу своего брата, Винсента Куде. Не хотелось бы, конечно, тревожить его в такое время, но...

Договорить ему не пришлось, на что лорд Дарси, собственно, и надеялся.

— После наступления темноты мы не пускаем никого — только если тебя признает кто-нибудь из наших.

— И очень верно делаете, хозяйка,— вежливо согласился лорд Дарси.— Но я уверен, что уж брат-то мой, Винсент, признает меня. Скажите ему, что пришел Ричард.

Женщина покачала головой:

— Нет его. Не было с самой среды. Служанка ежедневно проверяет комнаты. Со среды его и не было.

«Среда! — подумал лорд Дарси.— Среда, восьмое! Тот самый день, когда исчез маркиз! Та самая ночь, когда в нескольких кварталах отсюда обнаружили тело!»

Лорд Дарси достал из висевшего на его поясе кошелька серебряную монету и протянул ее женщине:

— А вы не могли бы пойти и проверить? Он мог вернуться днем. Может, он просто спит.

Взяв монету, женщина улыбнулась, в первый раз за все время разговора:

— С радостью, с радостью. Может, так оно и есть, может, он вернулся. Я сейчас.

Однако окошко она закрыла и заперла.

Лорда Дарси это ничуть не обеспокоило. Он напряженно вслушивался в ее шаги. Вверх по лестнице. Через холл. Стук в дверь. Опять стук.

Лорд Дарси быстро обежал дом справа и глянул вверх. Так и есть, в одном из окон мелькнул свет фонаря. Хозяйка отперла комнату, чтобы убедиться в отсутствии постояльца.

К тому времени, как она спустилась, лорд Дарси уже ждал ее у двери.

Снова открыв окошко, женщина сказала опечаленным голосом:

— Все еще нет его, Ричард.

Лорд Дарси передал ей еще одну монету в одну шестую соверена:

— Ничего, хозяйка. Просто скажите ему, что я заходил. Наверное, у него дела.

Тут лорд Дарси сделал паузу.

— А когда ему нужно платить за комнату?

Глаза, глядевшие на него, разом сузились; хозяйка явно размышляла, нельзя ли как-нибудь выцыганить у этого человека лишнюю недельную плату за постой его брата. Посмотрев в его холодные глаза, она решила, что пробовать, пожалуй, не стоит.

— Винсент заплатил по двадцать четвертое,— неохотно выдавила она.— Но если он не вернется к этому сроку, я выкину его барахло и сдам комнату другому постояльцу.

— Ну, это понятно,— согласился лорд Дарси.— Да он вернется. Скажите ему, что я приходил. Ничего такого срочного. Зайду снова через день-другой.

Женщина опять улыбнулась:

— Заходите. Только лучше днем, если сможете, Ричард. Большое спасибо.

— Вам спасибо, хозяйка,— ответил лорд Дарси.— Доброй вам и спокойной ночи.

Он повернулся и пошел прочь.

Пройдя полквартала, лорд Дарси вдруг нырнул в темную дверь.

Вот так та́к! Сэр Джеймс ле Лейн, агент секретной службы Его Величества, исчез в ночь на девятое. Этот вечер начинал представляться во все более зловещем свете.

Лорд Дарси прекрасно понимал, что можно было подкупить женщину и она пустила бы его в комнату сэра Джеймса, только вот сумма, которую ему пришлось бы предложить, могла вызвать подозрения.

Должен быть способ получше.

Чтобы найти этот способ, потребовалось двадцать минут с лишком, но в конце концов он очутился на крыше того самого двухэтажного доходного дома, в котором под именем Винсента Куде снимал комнату сэр Джеймс.

Дом был старый, но раньше строили крепко. Лорд Дарси осторожно спустился по крытой дранкой крыше к водосточному желобу. Чтобы посмотреть вниз, пришлось распластаться на крыше ногами вверх, цепляясь руками за желоб. Прямо под ним находилась та самая комната, в которой полчаса тому назад он видел свет фонаря. Сейчас окно было темным и непроницаемым; слава Богу, что хоть ставни никто не закрыл.

Итак, вопрос: заперто ли окно? Крепко держась за водосточный желоб, он сполз к самому краю крыши. Тело лорда Дарси находилось под углом тридцать градусов к горизонту, он уже начинал ощущать прилив

крови к голове. Теперь надо проверить, можно ли дотянуться до окна. Удалось!

С трудом, но все-таки дотянуться можно.

Осторожно, почти нежно, работая кончиками пальцев одной руки, лорд Дарси открыл окно. Как обычно бывает в таких старых домах, окно состояло из двух рам, открывавшихся внутрь. Он открыл обе.

Пока что желоб держал его. Похоже, он достаточно крепок и сможет выдержать серьезную нагрузку. Лорд Дарси осторожно повернулся так, чтобы его тело оказалось параллельно краю крыши. Затем, ухватившись покрепче за желоб, он повис в воздухе. Качнувшись, он рывком выбросил ноги в сторону окна, а затем разжал руки и свалился внутрь комнаты.

На мгновение лорд Дарси замер, сжавшись в комок. Неужели никто ничего не услышал? Звук удара ног о пол показался оглушительным. Но время было пока не очень позднее, в доме еще не все замерло. Он пробыл в таком положении еще минуты две, чтобы убедиться, что никто не поднял тревогу. Лорд Дарси был вполне уверен, что, если содержательница дома услышит что-нибудь подозрительное, она обязательно побежит по лестнице наверх. Ни звука. Все тихо.

Тогда он поднялся на ноги и вынул из кармана плаща некое приспособление.

Это было совершенно фантастическое устройство, секрет правительства Его Величества. Расположенные в нем медно-цинковые пары — единственный известный источник подобной магической силы — нагревали стальную проволочку до потрясающе высокой температуры. Добела раскаленная проволочка испускала желтоватый свет, почти такой же яркий, как у газового фонаря с калильной сеткой. Главный секрет крылся в магической защите стального волоска. При обычных обстоятельствах проволочка вспыхивала и мгновенно сгорала, давая голубоватую вспышку. Однако наложение специального заклятия пассивировало проволочку, она не сгорала, а только излучала свет и тепло. Раскаленное волоконце располагалось в фокусе парабо-

лического отражателя; простым нажатием пальца на кнопку лорд Дарси мог получить в свое распоряжение источник света не худший — что там «не худший», значительной лучший, — чем любой потайной фонарь. Прибор годился только для личного пользования — в данном экземпляре, например, пассивирование было настроено только на лорда Дарси.

Он нажал на кнопку: вспыхнул узкий пучок света.

Комната сэра Джеймса ле Лейна была обыскана быстро и тщательно; в ней не оказалось абсолютно ничего интересного.

Вполне естественно — сэр Джеймс сам и позаботился об этом. Уже одно то, что у хозяйки есть свой ключ, должно было насторожить его. В такой обстановке он не мог оставить ничего подозрительного. И действительно, ничто не указывало, что жилец этой комнаты — совсем не тот простой рабочий, каким хочет казаться.

Выключив свой прибор, лорд Дарси немного поразмыслил в обступившей его темноте. Сэр Джеймс выполнял опасное тайное задание Его Императорского Величества Джона IV. Ясно, что должны быть какие-то рапорты, бумаги, всякая такая дребедень. Так где же сэр Джеймс хранит собранные им сведения? В голове? В принципе возможно, но лорду Дарси как-то в это не верилось.

Сэр Джеймс работал с лордом Шербуром. Оба они исчезли в ночь на девятое. Вообще-то говоря, возможно, что это одновременное исчезновение — случайность, но и это крайне неправдоподобно. Слишком много в этом деле непонятного. У лорда Дарси были три предварительные гипотезы; все они объясняли известные ему факты, но ни одна из них его не удовлетворяла.

И как раз в этот момент взгляд его упал на цветочный горшок, что смутным силуэтом вырисовывался на фоне окна. Будь горшок посредине подоконника, лорд Дарси несомненно сшиб бы его, влетая в комнату; ноги главного следователя Его Королевского Высочества герцога Нормандского при этом почти

коснулись подоконника. Но горшок, к своему горшковому счастью, стоял сбоку. Лорд Дарси подошел к окну и внимательно осмотрел заинтересовавший его объект при тусклом свете, проникавшем в комнату снаружи. Горшок как горшок, только с чего бы это, спросил он себя, тайному агенту короля выращивать африканскую фиалку?

Лорд Дарси взял этот горшочек, перенес его подальше от окна и осветил своим прибором. Обыкновенный цветочный горшок.

Мрачно ухмыльнувшись, лорд Дарси погрузил его вместе со всем содержимым в один из весьма объемистых карманов своего плаща. Затем открыл окно, вылез наружу, повис, держась кончиками пальцев за подоконник, и спрыгнул на землю с оставшейся десятифутовой высоты.

Через пять минут, получив назад у стражника свою лошадь, он уже направлялся в замок Шербур.

Шербурский монастырь ордена святого Бенедикта представлял собой унылого вида бесформенное каменное сооружение, занимающее один из углов обширного двора замка. Ранним утром во вторник, четырнадцатого января, лорд Дарси и мастер Шон позвонили у входа в здание. Они представились привратнику и были препровождены в гостиную для посетителей. Отца Патрика пришлось немного подождать — монах не мог говорить с посторонними, не испросив на то разрешения у аббата, хотя разрешение такое и было простой формальностью.

К вящему своему облегчению, они увидели, что изнутри монастырь совсем не так мрачен, как снаружи. Гостиная выглядела вполне приветливо, лучи холодного зимнего солнца врывались в нее сквозь высокие окна.

Через пару минут открылась дверь, ведущая внутрь монастыря, и в комнату вошел высокий бледный человек в одеянии бенедиктинца. Приветливо улыбнувшись,

он быстро пересек гостиную и пожал протянутую лордом Дарси руку.

— Лорд Дарси, я — отец Патрик. К вашим услугам, милорд.

— А я — к вашим, ваше преподобие. Это — мой слуга, Шон.

Священник повернулся, чтобы представиться, однако осекся, в глазах его мелькнул веселый огонек:

— Мастер Шон, это же не ваша одежда. Не думайте, что волшебник может вот так запросто замаскироваться, переодевшись лакеем.

Мастер Шон широко улыбнулся:

— Ни на секунду не надеялся укрыться от проницательности, свойственной вашему ордену, преподобный сэр.

Лорд Дарси тоже улыбнулся. У него была тайная надежда, что отец Патрик окажется сенситивом. Бенедиктинцы очень хорошо умели воспитывать эту конкретную грань Таланта, если оказывалось, что один из членов их братства обладает ее зачатками. Они гордились тем, что основатель ордена, святой отец Бенедикт, еще в начале шестого века демонстрировал высокую степень этой способности — задолго до того, как были сформулированы и экспериментально исследованы Законы Магии. Скрыть свою личность от такого сенситива невозможно, разве что — радикально изменив эту самую личность. Подобные люди способны воспринимать *in toto*[1] личности других людей; они незаменимы в роли целителей, особенно в случаях одержимости дьяволом или иных психических расстройств.

— А теперь — чем я могу быть полезен вам, милорды?

Лорд Дарси показал свои документы главного следователя герцога Ричарда.

— Понятно, — сказал священник. — И, несомненно, дело тут в исчезновении милорда маркиза.

[1] Во всей полноте (*лат.*).

— Стены монастыря не настолько уж и непроницаемы, не правда ли, святой отец? — с кривой улыбкой сказал лорд Дарси.

Отец Патрик усмехнулся:

— Мы раскрыты настежь как для знаков Господних, так и для людской молвы. Садитесь, пожалуйста. Здесь нас никто не побеспокоит.

— Спасибо, отец,— сказал, садясь, лорд Дарси.

— Насколько я понял, со времени минувшего Рождества вас несколько раз вызывали для оказания помощи милорду Шербурскому. Миледи Шербурская и его преосвященство епископ Гернси и Сарка посвятили меня в природу этих припадков,— собственно говоря, именно из-за них все дело и держится в таком секрете,— но я хотел бы услышать ваше мнение, мнение целителя.

Священник пожал плечами и слегка развел руками:

— Был бы рад рассказать вам, милорд, все, что мне известно, но это «все» — почти ничто. Каждый раз припадок длился всего несколько минут, и каждый раз он прекращался к тому моменту, когда я приходил к милорду маркизу. К этому времени он всегда бывал уже в нормальном состоянии, разве что — немного озадачен. Милорд маркиз говорил мне, что совсем не помнит тех своих поступков, о которых рассказывает миледи. Он просто терял сознание; потом оно к нему возвращалось, и он ощущал только легкое головокружение и дезориентацию.

— Вы поставили какой-нибудь диагноз, святой отец?

Бенедиктинец нахмурился:

— Есть несколько возможных диагнозов, милорд. В соответствии с симптомами, описанными миледи маркизой, и в результате своих собственных наблюдений я мог бы решить, что это — легкая форма эпилепсии: то, что мы называем *petit mal* — «малая болезнь». Вразрез с распространенным заблуждением, эпилепсия связана не с одержимостью дьяволом, а с некими органическими расстройствами, относительно природы которых мы знаем, увы, очень мало.

— В случае *grand mal,* или «большой болезни», наблюдаются припадки, с которыми обычно и связывают это заболевание — конвульсивные судороги, приводящие к полной утрате контроля над мускулами. Больной падает, у него дергаются конечности — ну и все такое прочее. Но «малая болезнь» приводит всего лишь к кратковременным потерям сознания — иногда столь кратковременным, что сам больной их даже не замечает. Никаких судорог, никакого упадка сил, только полный провал в памяти — от нескольких секунд до нескольких минут.

— Но вы не уверены, что здесь именно такой случай?

Священник нахмурил брови:

— Нет. Если миледи маркиза говорит правду — а я не вижу никаких причин для обратного, — его поведение во время... ну, назовем это приступами... его поведение во время этих приступов крайне нетипично. При обычном приступе в случае *petit mal* больной полностью отключается — он смотрит в никуда, не способен ни говорить, ни двигаться, теряет всякий контакт с окружающим. Но у милорда все происходило иначе. Он находился в полном смятении, до крайности глупел — но *не* терял сознания.

Отец Патрик замолк.

— Так, значит, святой отец, у вас есть другой диагноз?

Отец Патрик задумчиво кивнул:

— Да, если, конечно, считать, что миледи маркиза точно излагает факты, то имеется несколько других возможных диагнозов. Но ни один из них не описывает все симптомы лучше, чем самый первый, который пришел мне на ум.

— И это?..

— И это — атака посредством психической индукции.

Мастер Шон медленно кивнул; в его глазах читалось неодобрение.

— Похоже на случаи прокалывания восковой фигурки? — спросил лорд Дарси.

Отец Патрик утвердительно кивнул:

— Совершенно верно, милорд,— хотя, как вам, без сомнения, известно, на практике применяются значительно более действенные методы, чем этот.

— Разумеется.

Лорд Дарси знал, что, с теоретической точки зрения, самый лучший метод — это как раз метод симулакрума[1]. Нет ничего более сильнодействующего, чем точная копия,— так гласит Закон Подобия. Размеры симулакрума почти несущественны, а вот точность изображения важна чрезвычайно — включая изображение внутренних органов.

Однако изготовление воскового симулакрума — оставляя в стороне необходимый для этого художественный дар — связано со сложностями, уводящими в туманные области, граничащие с непознанным. Пчелиный воск предпочтительнее минеральных веществ, так как он, будучи животным продуктом, увеличивает сходство. Это понятно. Но вот почему эффективность увеличивается при добавлении нашатыря? Инструкции просто утверждают, что добавление нашатыря, селитры и некоторых других минеральных веществ неким неизвестным образом увеличивает подобие, и на этом и кончают. У волшебников есть дела поважнее, чем изыскания в минералогии.

— Дело только в том,— сказал отец Патрик,— что применение психической индукции почти всегда связано с болью и физическим недомоганием — с кишечными заболеваниями, сердечными приступами или нарушениями работы различных желез. В данном случае нет и следа подобных явлений, если только не предположить, что мозговое расстройство связано с поражением желез. Но если даже и так — оно должно сопровождаться болью, а ее, по-видимому, нет.

— Значит, вы отбрасываете и этот диагноз?

Отец Патрик покачал головой:

---

[1] Симулакрум (*лат.*) — изображение, подобие.

— Я не отбрасываю ни один из диагнозов. Для этого у меня недостаточно данных.

— Но у вас, видимо, есть и другие теории?

— Да, милорд. Настоящая одержимость Дьяволом.

Прищурившись, лорд Дарси посмотрел священнику прямо в глаза:

— Но вы же не верите в это, преподобный отец?

— Нет,— откровенно признался отец Патрик.— Не верю. Я же сенситив и доверяю своей способности, до определенной степени. Если бы в теле милорда находилось бы более одной личности, я почувствовал бы — и я в этом уверен — эту другую... м-м... личность.

Лорд Дарси не отводил своих глаз от глаз бенедиктинца.

— Собственно, я так и предполагал, ваше преподобие. Имей мы здесь дело со случаем множественной личности, вы смогли бы установить это, так?

— Я уверен в этом, милорд,— согласился отец Патрик.— Если бы милорд Шербурский был одержим другой личностью, я бы почувствовал это, даже если бы упомянутая личность пыталась укрыться.

Он помолчал мгновение и сделал неопределенный жест.

— Вы ведь понимаете это, лорд Дарси? Множественные личности в единичном человеческом теле, единичном человеческом мозге могут прятаться. Личность, доминирующая в данный момент, скрывает от случайного наблюдателя наличие других — и, возможно, очень сильно других — личностей, но эти... эти *alter egos*[1] не могут скрыть своего присутствия от хорошего сенситива.

— Понимаю.

— В момент моего обследования в теле, в мозгу маркиза Шербурского была только одна личность. Личность самого маркиза.

— Понятно,— задумчиво протянул лорд Дарси. Он не сомневался в выводах священника. Ему была хорошо известна репутация отца Патрика в среде целителей.

[1] Вторые «я» (*лат.*).

— А как насчет наркотиков, святой отец? — спросил он после небольшой паузы. — Как мне известно, существуют препараты, способные изменить личность человека.

Бенедиктинец улыбнулся:

— Конечно же. Это делает алкоголь — суть вина и пива. Есть и другие вещества. Некоторые оказывают только кратковременное воздействие, другие вообще не производят никакого действия при разовом приеме, во всяком случае — заметного действия, но обладают кумулятивным эффектом при регулярном употреблении. Например — полынное масло. Оно содержится — в малых, конечно, количествах — в некоторых дорогих ликерах. Если вы напьетесь допьяна таким ликером, эффект будет кратковременным и практически неотличимым от воздействия одного алкоголя. Но если употреблять такой напиток постоянно достаточно долго, наступит вполне определенное изменение личности.

Лорд Дарси задумчиво кивнул и повернулся к волшебнику:

— Мастер Шон, флакон, пожалуйста.

Волшебник, низенький толстенький ирландец, покопался в кармане и выудил оттуда маленький закупоренный стеклянный флакон, чуть больше дюйма длиной и с полдюйма в диаметре. Священник, которому он его передал, с любопытством осмотрел флакон; тот был почти доверху наполнен какой-то темно-янтарной жидкостью. В жидкости плавали какие-то темные чешуйки, отдаленно напоминающие крупно нарезанный табак. Чешуйки эти держались у дна флакона, заполняя его примерно на треть.

— Что это? — спросил отец Патрик.

На лице мастера Шона появилась озабоченность:

— Вот этого-то я как раз толком и не знаю, преподобный отец. Прежде чем открыть, я проверил его — нет ли на нем заклятий. Не было. Тогда я вытащил пробку и понюхал содержимое. Похоже на бренди, но

есть там и что-то еще. Естественно, не зная, что там, я не могу провести анализ. При отсутствии эталонного образца невозможно применить стандартную методику Подобия. Конечно же, я проверил то, что относится к самому бренди,— там все в порядке. Жидкость действительно бренди. Но я не могу определить, что это за крошки. У его лордства появилась мысль, что это нечто вроде наркотика, и я подумал, что вы, возможно, сможете определить точнее — ведь целитель сталкивается с самыми разнообразными *materia medica*[1].

— Естественно,— согласился священник.— У меня есть пара догадок, которые мы можем очень быстро проверить. То, что материал залит бренди, указывает, что либо он легко подвержен порче, либо какой-то действующий агент легко растворяется в спирте. Это сразу наводит меня на некоторые мысли.

Он посмотрел на лорда Дарси:

— А где, если позволено будет спросить, вы взяли это, милорд?

Лорд Дарси улыбнулся:

— Откопал в цветочном горшке.

Поняв, что ничего более определенного он не узнает, отец Патрик слегка пожал плечами:

— Хорошо, милорд, мы с мастером Шоном попытаемся установить природу этой загадочной субстанции.

— Благодарю вас, отец.— Лорд Дарси поднялся.— Да, вот еще. Что вам известно про лорда Сейгера?

— Крайне мало. Его лордство родом из Йоркшира... Норт-Райдинг, если не ошибаюсь. Последние месяцы работает с милордом Шербурским — кажется, какие-то дела с книгами. Я не знаю ничего о его семье и прошлом, если вас интересует именно это.

— Не совсем это. Вы являетесь его исповедником? Или, может, помогали ему как целитель?

Брови бенедиктинца слегка приподнялись:

— Нет. Ни то ни другое. А что?

---

[1] Медицинские препараты *(лат.)*.

— В таком случае я могу задать вам вопрос, касающийся его души. Что он за человек? Я вижу в нем некую странность, что это такое? Почему, несмотря на безупречность своего поведения, он повергает в ужас миледи маркизу?

Лорд Дарси заметил некоторую нерешительность священника и продолжил прежде, чем тот успел ответить:

— Это не праздное любопытство, ваше преподобие. Я занимаюсь расследованием убийства.

Глаза отца Патрика в ужасе расширились.

— Вы хотите сказать... — он оборвал себя. — Понятно. Ну что ж. Конечно же, я сенситив и знаю кое-что про лорда Сейгера. Он страдает тяжелым душевным заболеванием. Мы не знаем, каким образом это получается, что тому причиной, но иногда человек бывает полностью лишен той части души, которую принято называть «совесть», во всяком случае — в отношении некоторых своих поступков. Мы не можем предположить, что Господь Бог забыл одарить его столь необходимым свойством, поэтому некоторые теологи приписывают этот изъян влиянию Дьявола, где-то в самом начале жизни ребенка — возможно, даже пренатально[1], — когда крещение еще не защищает его. Как раз к такой категории и относится лорд Сейгер. Психопатическая личность. Лорд Сейгер от рождения не способен различать «добро» и «зло» в том смысле, как мы их понимаем. Человек этого типа совершает какой-либо поступок или воздерживается от него, сообразуясь исключительно с тем, чего ему хочется в данный момент. Ему могут казаться приятными некоторые поступки, которые вызвали бы отвращение у вас или у меня. Лорд Сейгер — в основе своей — психопат со склонностью к убийству.

— Так примерно я и думал. Но он, как я полагаю, — сухо добавил лорд Дарси, — находится под сдерживающим влиянием.

— О, конечно же, конечно. — Священник был явно поражен, что кто-то может предполагать иное. — Есте-

[1] До рождения, во время внутриутробного развития.

ственно, такого человека, с его врожденным изъяном, нельзя осуждать, однако точно так же нельзя допустить, чтобы он представлял угрозу для окружающих.

Священник перевел взгляд на мастера Шона:

— Вы знаете что-нибудь о Теории Гиза, мастер Шон?

— До некоторой степени. Конечно же, это не моя область, но теоретически я кое-что изучал. Боюсь, что требуемая там работа с символами сложновата для меня. Я никогда не занимался ничем, превосходящим психическую алгебру.

— Понятно. Так вот, лорд Дарси, говоря простыми словами, на человека, страдающего таким заболеванием, накладывается мощное заклинание — *гиз,* так его называют,— которое заставляет пациента ограничить свои действия такими, что не представляют опасности для окружающих. Конечно же, нельзя вводить слишком сильные ограничения — было бы грехом совсем лишить его свободы поступков. Например, сексуальная этика — дело его собственного выбора, однако он не может использовать силу. Уровень *гиза* зависит от состояния пациента и от полученного им от целителя лечения.

— Как я понимаю, для этого требуются глубокие и обширные познания в волшебстве? — спросил лорд Дарси.

— О да. Ни один целитель не попытается прибегнуть к таким процедурам, прежде чем получит докторскую степень по тауматургии и пройдет затем стажировку у специалиста. А докторов тауматургии совсем немного. Так как лорд Сейгер — йоркширец, я бы рискнул предположить, что в данном случае операцию проводил его высокопреосвященство архиепископ Йоркский — в высшей степени сильный и набожный целитель. Лично я не мог бы и помыслить о проведении такой процедуры.

— Но все же вы можете определить, что такая процедура была проведена?

Отец Патрик улыбнулся:

— С той же легкостью, с какой хирург может определить, что у человека была полостная операция.

— А можно *гиз* снять? Или — снять частично?

— Конечно — оператором столь же мощным и искушенным, как и наложивший его. Но я бы увидел и это. В случае с лордом Сейгером такого не было.

— Вы можете сказать, насколько он свободен в своих поступках теперь?

— Нет,— ответил священник.— Такие характеристики зависят от структуры *гиза,* которую трудно установить без тщательного анализа.

— Значит,— подытожил лорд Дарси,— вы не можете сказать мне, возможны ли обстоятельства, при которых *гиз* не помешает ему убить человека? Ну, скажем... э-э... при самозащите?

— Нет,— признался отец Патрик.— Однако я могу сказать, что крайне редко бывает так, чтобы даже такая возможность, как самозащита, оставалась открытой для психопатического убийцы. Ведь в таком случае решение о том, что является самозащитой, а что — нет, по необходимости возлагается на пациента. Нормальный человек понимает, когда самозащита требует убить противника, когда — оглушить, когда — убежать от него, когда — резко с ним поговорить, а когда — просто сидеть тихо и не высовываться. Но психопату со склонностью к убийству обычное оскорбление может показаться атакой, требующей самозащиты,— что даст ему разрешение на убийство. Нет, целитель не оставит принятие такого решения в руках пациента.

На лице священника появилась грустная задумчивость.

— И, уж конечно, ни один человек, находясь в здравом уме, не оставит такое решение на произвол человека, подобного лорду Сейгеру.

— Итак, вы, святой отец, считаете его безопасным?

— Да,— священник ответил почти сразу.— Да, я так считаю. Я не считаю его способным на совершение убийства. Целитель приложил все возможные старания, чтобы и сам лорд Сейгер был защищен от большинства прочих людей. Он почти не способен на что-либо недостойное, его поведение всегда абсолютно безупречно.

Он не может никого оскорбить, он почти не способен защищать себя физически — разве что под воздействием крайних обстоятельств.

Однажды я видел, как он фехтовал с милордом маркизом. Лорд Сейгер — великолепный фехтовальщик, значительно более сильный, чем милорд маркиз. Маркиз не мог нанести лорду Сейгеру ни одного удара — тот слишком хорошо защищался. Но — и лорд Сейгер тоже не мог нанести ни одного удара милорду. Он даже не пытался. Его блестящее фехтовальное мастерство имеет чисто оборонительный характер.

Священник на секунду замолк.

— А вы сами фехтуете, милорд?

Вопрос был скорее риторическим; отец Патрик вряд ли мог сомневаться, что следователь герцога отлично умеет обращаться с любым оружием.

И он не ошибался. Лорд Дарси утвердительно кивнул. Для того чтобы придерживаться чисто защитной тактики, требуется не только отличное — великолепное! — искусство владения клинком, но и стальное самообладание, которым обладают очень немногие. Правда, в случае лорда Сейгера трудно назвать это *само*обладанием. Контроль был установлен извне, другим человеком.

— В таком случае вы понимаете,— продолжал священник,— почему я говорю, что ему можно доверять. Если его целитель позаботился о том, чтобы установить столько ограничений и защит, уж конечно, он не мог позволить лорду Сейгеру самому принимать решения о том, при каких обстоятельствах он может убить.

— Ясно, святой отец. Спасибо за информацию. Могу заверить, что она останется строго конфиденциальной.

— Спасибо, милорд. Если я могу еще чем-нибудь...

— Пока это все, преподобный отец. Еще раз спасибо.

— Всегда с удовольствием готов вам помочь, лорд Дарси. А теперь, мастер Шон, может быть, мы пройдем в мою лабораторию?

Часом позже лорд Дарси сидел в комнате для гостей, в которой его вчера разместил сэр Гийом. Попыхивая своей баварской трубкой, набитой отборным табаком, выращенным в южных герцогствах Новой Англии, он напряженно думал. Дверь открылась, пропустив мастера Шона.

— Милорд,— радостно улыбаясь, провозгласил волшебник.— Мы с преподобным отцом определили субстанцию во флаконе.

— Великолепно! — Лорд Дарси указал на стул.— И что же это такое?

Мастер Шон сел.

— Нам повезло, милорд. У его преподобия был образец этого снадобья. Как только удалось установить сходство двух образцов, мы узнали, что во флаконе находятся крошки гриба, известного под названием «Трон дьявола», одной из разновидностей мухомора. Шляпка гриба высушивается, размельчается и настаивается на бренди или другом крепком спиртном напитке. Затем жидкость сливается, и гриб выбрасывается — либо, иногда, настаивается вторично. Употребление большого количества такого спиртного напитка приводит к утрате рассудка, конвульсиям и быстрой смерти. При малых дозах на начальных стадиях действия напитка появляются приятная эйфория и легкое опьянение. Однако при регулярном употреблении наблюдается кумулятивный эффект — сперва маниакальное состояние, сопровождаемое галлюцинациями, а затем мания преследования и буйство.

Глаза лорда Дарси сузились:

— Все отлично совпадает. Благодарю вас. А теперь еще один вопрос. Мне требуется точная идентификация этого трупа. Милорд епископ не уверен, что это его брат, а может — просто не хочет этому верить. Миледи маркиза отказывается даже посмотреть на тело; она говорит, что это ни в коем случае не ее муж,— вот тут уж мы определенно имеем дело с нежеланием поверить. Но *я* должен знать совершенно точно. Вы можете провести тест?

— Я могу взять кровь из сердца мертвеца и сравнить ее с кровью из вены милорда епископа, милорд.

— А, слышал. Метод переноса Якоби.

— Не совсем, милорд. Для переноса по Якоби требуется по крайней мере два сердца, а брать кровь из живого сердца опасно. Но тест, который проведу я, не менее достоверен.

— Мне всегда казалось, что для братьев тесты по крови ненадежны.

— Вообще говоря, милорд, теоретически, конечно же, есть некая очень небольшая вероятность, что сравнение крови брата и сестры, родившихся от одних родителей, даст отрицательный результат. Или, другими словами, что они покажут при этом тесте нулевое подобие.

Подобие крови измеряется степенями от нулевой до сорок шестой. При сравнении родителя и ребенка подобие всегда двадцать третьей степени — иными словами, ребенок обязан своей кровью наполовину одному из родителей, наполовину другому.

В случае с братьями от одних родителей возможны варианты. Например, у однояйцевых близнецов наблюдается полное подобие сорок шестой степени. *Есть* возможность того, что два брата или две сестры покажут подобие первой степени и что, как я сказал, брат и сестра дадут подобие нулевой степени. Однако шансы против этого порядка один, запятая, семьдесят девять миллионов миллионов к одному. Учитывая внешнее сходство милорда маркиза и милорда епископа, я готов рискнуть своей репутацией, утверждая, что подобие будет значительно выше нулевой степени, возможно — даже выше двадцать третьей.

— Очень хорошо, мастер Шон. Пока что вы еще никогда меня не подводили. Получите эти данные.

— Хорошо, милорд. Постараюсь сделать все от меня зависящее.

Мастер Шон вышел, преисполненный гордости и решительности.

Докурив трубку, лорд Дарси направился в штаб-квартиру капитана сэра Андрю Дугласса.

Услышав вопрос лорда Дарси, капитан не мог скрыть возмущения.

— Я очень тщательно обыскал весь замок, ваш'лордство. Мы осмотрели буквально все уголки, где мог оказаться м'лорд маркиз.

— Бросьте, капитан, не обижайтесь, — успокаивающе сказал лорд Дарси. — Я совсем не собирался подвергать сомнению вашу старательность. Я только думаю, что есть места, которые вы не осмотрели просто потому, что никак не думали, что туда мог забрести милорд Шербурский.

На лице капитана сэра Андрю отразилось недоумение:

— Например, милорд?

— Например, тайный ход.

Недоумение капитана превратилось в озадаченность.

— А, — сказал он через секунду. Тут выражение его лица вновь изменилось. — Но неужели ваш'лордство может подумать...

— Я не знаю *точно,* вот в чем дело. Ведь у милорда *были* ключи ко всем замкам, верно?

— За исключением монастырских. Эти ключи хранятся у милорда аббата.

— Естественно. Но я думаю, что монастырь здесь ни при чем. Куда еще вы не заглядывали?

— Ну... — Капитан немного задумался. — Я не стал тратить время на сокровищницу, винный погреб и ледник. У меня и ключей от них нет. Сэр Гийом сообщил бы мне, будь там что-то не в порядке.

— Так эти ключи, вы говорите, у сэра Гийома? В таком случае сэра Гийома нам и надо. Сэр Гийом отыскался в винном погребе. Лорд Сейгер сказал, что по просьбе леди Элайн сенешаль пошел за очередной бутылкой бренди. Вслед за капитаном сэром Андрю лорд Дарси спустился по каменным ступеням винтовой лестницы в подвал.

— Большая часть этих помещений,— капитан обвел рукой окружавшие их огромные темные комнаты,— используется как кладовые и склады. Все тщательно осмотрено. Винный погреб там, ваш'лордство.

Тяжелая, окованная железом дубовая дверь погреба была немного приоткрыта. Видимо, услышав их шаги, сэр Гийом открыл ее пошире и высунул голову наружу:

— Кто там? О! Добрый день, милорд. Добрый день, капитан. Чем могу быть полезен?

Он отступил на шаг и открыл перед ними дверь.

— Благодарю вас, сэр Гийом,— сказал лорд Дарси.— Мы пришли отчасти по делу, а отчасти — на экскурсию. Я успел уже обратить внимание, что у милорда маркиза великолепный погреб. Вина превосходны, а бренди просто необыкновенен. «Сен Корлан Мишель-46» — в наше время его почти невозможно найти.

Сэр Гийом опечалился:

— Да, ваше лордство, так и есть. Боюсь, что здесь находятся два последних ящика. И сейчас я с крайним сожалением открываю один из них.

Вздохнув, он указал на стол, где находился наполовину уже вскрытый деревянный ящик. Лорду Дарси достаточно было одного взгляда, чтобы убедиться: в бутылках нет ничего, кроме бренди, а свинцовые крышечки бутылок находятся в полной сохранности.

— Не отвлекайтесь на нас, сэр Гийом. Можно нам здесь осмотреться?

— Конечно, ваше лордство.

Сенешаль взял короткий ломик и вновь принялся за ящик.

Лорд Дарси опытным взглядом окинул полки, особо отмечая этикетки и клейма на бутылках. В общем-то он не думал, что кому-нибудь придет в голову подлить отраву в бутылки; вина отсюда подавали на стол не только миледи Элайн, а массовое отравление вряд ли входит в планы злоумышленников.

В этом хотя и небольшом винном погребе хранились настоящие сокровища. В одном углу была пара пустых полок, но на остальных теснились бутылки самых разнообразных форм и размеров. На всех лежал толстый слой пыли; сэр Гийом знал, как обращаться с винами, и не тревожил их понапрасну.

— Кто подбирал все это, сам милорд или вы, сэр Гийом? — спросил лорд Дарси, указывая на ряды бутылок вокруг.

— Могу сказать с гордостью, что милорд маркиз всегда доверял мне выбор вин и прочих напитков для своего погреба.

— Могу только поздравить вас обоих. Вас — за великолепный вкус, а милорда — за то, что он заметил эту вашу способность.

Лорд Дарси на секунду смолк.

— Однако у нас есть неотложные дела.

— Чем могу быть полезен, милорд?

Сэр Гийом уже закончил открывать ящик, вытер руки от пыли и теперь со смешанным чувством гордости и печали глядел на «Сен Корлан Мишель-46». Вино урожая 1846 года тридцать лет выдерживали в дубовых бочках, прежде чем разлить по бутылкам. Лучшего бренди, пожалуй, не делали ни до, ни после.

Лорд Дарси не торопясь объяснил, что есть несколько мест, которые не удалось осмотреть капитану сэру Андрю.

— Видите ли, нельзя исключить возможнось, что с маркизом случился сердечный приступ — или какой-либо иной приступ — и он просто упал без сознания.

Глаза сэра Гийома широко раскрылись от ужаса:

— И так там и лежит? Боже милостивый! Идемте, ваше лордство! Сюда! Я заходил уже в ледник, да и шеф-повар тоже, но сокровищницу никто не открывал.

Он едва не бежал; лорд Дарси двигался вторым, а за ним — сэр Андрю. Путь оказался совсем недолгим, но коридоры в подвале часто самым неожиданным образом изгибались и разветвлялись.

Сокровищница оказалась современнее, чем винный погреб. Вход в нее закрывала тяжелая стальная дверь, стены из бетона и камня были во много футов толщиной.

— Очень хорошо, что и капитан здесь, ваше лордство.

После пробежки сенешаль запыхался и говорил с трудом.

— Чтобы открыть эту дверь, нужны два ключа, один из них у меня, а другой — у капитана. У милорда маркиза, конечно же, есть оба. Капитан?

— Да, да, Гийом. Ключ у меня при себе.

С каждой стороны широкой, футов в шесть, двери было по четыре замочные скважины. Такая конструкция была знакома лорду Дарси. Работала только одна из четырех скважин с каждой стороны. Если вставить ключ не в ту скважину, поднимается тревога. Капитан знает, в какую скважину вставлять свой ключ, сэр Гийом — свой, но ни один из них не знает верную скважину с чужой стороны. Руки человека, открывающего замок, были надежно скрыты экраном. Лорд Дарси, например, не смог определить ни одной замочной скважины, хотя и смотрел очень внимательно.

— Готово, капитан? — спросил сэр Гийом.

— Готово.

— Поворачиваем.

Они одновременно повернули свои ключи; внутри двери что-то щелкнуло, и она легко открылась, когда сэр Гийом повернул ручку на своей стороне.

Внутри было на что посмотреть — золотая и серебряная посуда, украшенные драгоценными камнями короны маркиза и маркизы, официальные одеяния, расшитые золотом и тоже сверкающие драгоценными камнями, короче говоря — разнообразные предметы для особо торжественных случаев. Теоретически все это принадлежало маркизу, но практически — не ему, а его титулу. Он точно так же не мог продать или заложить

эти сокровища, как король Джон IV — драгоценности императорской короны.

Но вот тела — живого или мертвого — в сокровищнице не было, равно как и признаков, что оно было здесь прежде.

— Ну что ж,— сказал сэр Гийом, шумно выдохнув.— У меня прямо камень с сердца свалился! Вы, ваше лордство, умеете напугать.

В его голосе чувствовался легкий укор.

— Я счастлив не меньше вашего, что мы здесь ничего не нашли. Давайте проверим заодно и ледник.

Ледник, находившийся совсем в другой части подвала, не был заперт. Один из поваров как раз выбирал там кусок мяса. Сэр Гийом объяснил, что каждое утро он отпирает это помещение и оставляет его на попечение шеф-повара, а вечером снова запирает. Тщательный осмотр насквозь промерзшего подвала убедил лорда Дарси — там для него нет ничего интересного.

— Ну а теперь, наконец, заглянем в туннель. Ключ у вас с собой, сэр Гийом?

— Да... да, вот он. Но этот ход не отпирался многие годы! Да что там годы — десятилетия! Во всяком случае, за все то время, пока я здесь служу.

— У меня и самого есть ключ, ваш'лордство,— сказал капитан.— Просто мне и в голову не пришло проверить там. С какой бы стати он туда пошел?

— А действительно, с какой бы стати? Но мы все-таки посмотрим.

Вдалеке послышался настойчивый звон колокольчика, эхом раскатывавшийся по подвалу.

— Господи! — воскликнул сэр Гийом.— Бренди для миледи! Я совсем забыл! Милорд, у сэра Андрю есть ключ от туннеля; вы извините меня, если я удалюсь?

— Конечно, сэр Гийом. Спасибо за помощь.

— Всегда рад вам услужить, милорд.— И сэр Гийом поспешил на зов колокольчика.

— Вы действительно думали найти милорда маркиза в этих подвалах, ваш'лордство? — спросил сэр

Андрю. — Ведь даже если бы милорд отправился туда, разве он стал бы запирать за собой дверь?

— Я не думал найти его в винном погребе или в леднике, но сокровищница казалась вполне реальным вариантом. Я просто хотел посмотреть, нет ли признаков, что он туда заходил; должен признаться, что ничто на это не указывает.

— Значит — в туннель, — сказал капитан.

Вход в туннель был замаскирован ободранным пустым шкафом, за которым, когда он легко и плавно отъехал вбок, обнаружилась стальная дверь. Капитан вставил в замочную скважину древний, потемневший ключ, и замок открылся беззвучно и без малейших усилий.

Вынув ключ, на котором блеснули царапины от язычков замка, капитан уставился на него, словно на какое-то чудо.

— Будь я проклят, ничего себе! — пораженно произнес он.

Дверь распахнулась тоже легко и бесшумно; за ней виднелся вход в туннель шести футов шириной и восьми высотой. Глубина туннеля терялась во мраке.

— Секунду, м'лорд, — сказал капитан. — Я возьму фонарь.

Он прошел по коридору обратно и снял с крюка масляную лампу.

Они вместе направились в туннель. На стенах слева и справа тускло отсвечивали пятна селитры. Капитан указал на пол.

— Кто-то недавно был здесь, — тихо произнес он.

— Я уже заметил, что пыль на полу потревожена и кристаллики селитры кое-где раздавлены. Вполне согласен с вами.

— Но кто же это мог пользоваться этим туннелем, ваш'лордство?

— Я не сомневаюсь, что один из них — маркиз Шербурский. Его... э-э... сотоварищи тоже побывали здесь.

— Но почему? И каким образом? Никто не может выйти наружу, не попав на глаза моему стражнику.

— Боюсь, что тут вы правы, капитан.— Лорд Дарси улыбнулся.— Но из этого совсем не следует, что этот стражник доложит вам, если его сеньор прикажет ему не делать этого. Ведь верно?

Сэр Андрю резко остановился и посмотрел на лорда Дарси:

— Господи Боже! А я-то думал...

Он тут же замолк.

— *Что* вы думали? Выкладывайте, капитан!

— Ваш'лордство, два месяца тому назад на службу в гвардию поступил человек. По личной рекомендации м'лорда. Потом м'лорд сообщил, что этот человек провинился, и велел мне поставить его на пост у канализационной трубы. Там он и стоял с тех пор.

— Ну конечно же.— На губах лорда Дарси появилась торжествующая улыбка.— Поставил одного из своих людей. Пошли, капитан, мне нужно побеседовать с этим человеком.

— Боюсь... боюсь, что это невозможно, ваш'лордство. Он дезертировал. Исчез с поста прошлой ночью. С того времени его никто не видел.

Лорд Дарси не ответил. Он взял у капитана фонарь, опустился на колени и стал внимательно рассматривать виднеющиеся на полу туннеля следы.

— Нужно было сразу поглядеть на них получше,— пробормотал он, словно сам себе.— Слишком многое казалось само собой разумеющимся. Ха! Двое — и несли что-то тяжелое. А за ними следовал третий.

Он встал.

— Все это представляет дело в абсолютно ином свете. Нужно действовать без промедления. Идемте!

Лорд Дарси повернулся и зашагал назад.

— Но... А как же остальной туннель?

— Нет никакого смысла осматривать его,— уверенно заявил лорд Дарси.— Могу вас заверить, что в нем нет никого, кроме нас с вами. Пойдемте.

Лорд Дарси, завернувшись в длинный плащ, стоял около крайне непрезентабельного портового пакгауза в квартале от пирса, у которого было пришвартовано судно «Эспри де Мер»[1]. Местом его назначения значился Данциг. Рядом с лордом Дарси, также завернувшись в черный морской плащ, прикрыв капюшоном белокурые волосы, стоял лорд Сейгер. Красивое лицо йоркширца было бесстрастно, как всегда.

— Вот он,— тихо произнес лорд Дарси.— Единственный корабль, направляющийся из Шербура в порт Северного моря. В Руане подтвердили, что в октябре его купил капитан Ольсен. Ольсен называет себя норвежцем, но я готов поспорить на что угодно, что он поляк. А если и нет, так на службе у польского короля. Судно внесено в имперский регистр и продолжает плавать под флагом Империи. Пушек на нем, конечно же, нет, но для торгового судна корабль этот необыкновенно быстроходен.

— И вы думаете, что нужные нам доказательства — на нем?

— Почти уверен в этом. Все должно быть либо на нем, либо здесь, в пакгаузе, а надо быть последним идиотом, чтобы оставить свое хозяйство здесь — особенно теперь, когда можно все вывезти на «Эспри де Мер».

Потребовалось довольно много времени, чтобы убедить лорда Сейгера в необходимости этого рейда. Но как только лорд Дарси рассказал ему все, что уже известно и что подтверждено разговором по телесону с Руаном, лорд Сейгер преисполнился энтузиазмом. В нем чувствовалось сдерживаемое возбуждение, выдававшее себя только блеском светло-голубых глаз.

Пришлось отдать и еще некоторые указания. Капитан сэр Андрю Дугласс наглухо закрыл Шербурский замок. Никому — *никому* — не разрешалось выходить, ни под каким предлогом. Караулы удвоили. Выйти не могли даже его преосвященство епископ, его преподобие аббат и миледи маркиза. Приказ исходил

[1] Esprit de Mer *(франц.)* — Дух Моря.

не от лорда Дарси, а лично от Его Королевского Высочества герцога Нормандского.

Лорд Дарси посмотрел на часы.

— Пора, милорд,— сказал он лорду Сейгеру.— Надо идти.

— Хорошо, милорд.

Они, не скрываясь, двинулись к пирсу.

У входа на пирс стояли, прислонившись к закрытым воротам, двое здоровенных матросов. Увидев приближающиеся фигуры, закутанные в плащи, они насторожились, отлепились от ворот и сделали пару шагов вперед. Руки матросов опустились на рукоятки свисавших с их поясов абордажных сабель.

Лорд Дарси и лорд Сейгер продолжали идти вперед и остановились, только когда до охранников осталось футов пятнадцать.

— Чего вам тут надо? — спросил один из матросов.

Ответил лорд Дарси. В его негромком голосе звучало ледяное спокойствие:

— Ты бы лучше говорил повежливее, если не хочешь лишиться языка.

На польском следователь герцога говорил безукоризненно.

— Мне надо видеть капитана.

На лице первого матроса не отразилось ничего, кроме тупого недоумения, он явно не понимал по-польски, зато второй заметно побледнел.

— Я сейчас разберусь с ними,— прошептал он первому на англо-французском, а затем перешел на польский:— Мои извинения, лорд. Мой кореш не знает польского. Что вам угодно, лорд?

Лорд Дарси шумно, возмущенно вздохнул:

— Мне казалось, что я выразился совершенно ясно. Мы хотим видеть капитана Ольсена.

— Но, понимаете, лорд, он отдал приказ не пропускать к себе никого. Строжайший приказ.

Ни один из матросов не подумал, что, отойдя от ворот, они остались незащищенными с тыла. Из ялика, под покровом темноты проскользнувшего к пирсу, на-

верх выбрались четыре гвардейца маркиза. Ни лорд Дарси, ни лорд Сейгер не смотрели на них.

— Строжайший приказ? — В голосе лорда Дарси звучало презрение. — Вы, очевидно, считаете, что этот строгий приказ относится и к самому кронпринцу Сигизмунду?

Вот тут и вступил в игру лорд Сейгер. Он откинул капюшон со своей красивой, благородной белокурой головы.

Крайне сомнительно, чтобы любой из этих двоих матросов имел в своей жизни честь лицезреть Сигизмунда, наследного принца Польши, — или, даже если и видел, навряд ли узнал бы его без роскошного одеяния. Однако они наверняка слышали, что принц Сигизмунд белокур и красив, так что только это и требовалось лорду Дарси. По правде говоря, только этим и ограничивалось сходство лорда Сейгера с наследником престола — он был, например, на целую голову выше польского принца.

И пока матросы стояли, совершенно ошеломленные таким потрясающим откровением, сзади их бесшумно обхватили сильные руки, и они на несколько часов перестали интересоваться какими бы то ни было кронпринцами. Их оттащили за кучу сложенных на пирсе мешков с балластом.

— Все остальные готовы? — шепотом спросил лорд Дарси одного из гвардейцев.

— Да, милорд.

— Отлично. Охраняйте эти ворота. Идемте, лорд Сейгер.

— Не отстану от вас ни на шаг, милорд.

Чуть подальше, у заднего входа в пакгауз, находившегося совсем рядом с пирсом, отряд вооруженных до зубов шербурских стражников выслушивал последние наставления шефа стражи Анри Вера.

— Порядок. Теперь — по местам. Перекройте все двери. Арестовывайте каждого, кто попытается выйти. Действуйте.

С приятным ощущением важности возложенной на него миссии он потрогал лежащий в его кармане герцогский ордер, подписанный от имени Его Высочества лордом Дарси.

Стражники растаяли во тьме, бесшумно скользнув на свои заранее намеченные посты. При шефе Анри остались только шесть сержантов стражи и мастер Шон О Лохлейн, волшебник.

— Порядок, Шон, — сказал шеф Анри. — Давай.

— Посвети нам немного своим фонарем, Анри.

Мастер Шон, стоя на коленях, пытался рассмотреть замок двери. Черный чемоданчик он поставил на каменную мостовую, а магический жезл осторожно прислонил к стене около двери. Сержанты почтительно наблюдали за священнодействием коротышки-волшебника.

— Хо-хо, — произнес мастер Шон, осмотрев замок. — Совсем простенький. Правда, там внутри еще тяжелый засов. Потребуется кое-какая работа, но это недолго.

Открыв чемоданчик, он извлек оттуда два флакончика с какими-то порошками и тоненький жезл из лаврового дерева.

Под уважительное молчание стражников волшебник пробормотал заклинания и вдул внутрь замочной скважины по крохотной щепотке каждого из порошков. Затем, протянув жезл в направлении замка, он сделал им медленное круговое движение против часовой стрелки. Послышался легкий скрип, затем металлическое звяканье, и замок открылся.

Потом мастер Шон провел кончиком жезла поперек двери, примерно футом выше замка. Теперь было слышно, как с той стороны двери двигается что-то тяжелое.

Почти бесшумно дверь приоткрылась почти на дюйм.

Отступив в сторону, мастер Шон пропустил внутрь сержантов, предводительствуемых шефом Анри. Тем временем сам он вынул из кармана небольшой прибор и проверил его. Прибор этот представлял собой стеклянный цилиндр двух дюймов в диаметре и толщиной около полудюйма, заполненный какой-то жидко-

стью; на поверхности жидкости плавала крохотная дубовая щепочка. Верхняя крышка цилиндра представляла собой сильное увеличительное стекло — иначе рассмотреть щепочку было бы почти невозможно. В целом устройство сильно смахивало на карманный компас, каковым оно в некотором смысле и являлось.

Крошечная дубовая щепка была извлечена в морге из скальпа убитого, и теперь, благодаря высокому тауматургическому искусству мастера Шона, она безошибочно указывала в направлении того куска дерева, частью которого являлась прежде.

Мастер Шон удовлетворенно кивнул. Как и предполагал лорд Дарси, орудие убийства все еще находилось в пределах этого здания. Он взглянул на горящие окна верхнего этажа пакгауза. Похоже, что тут находится не только это орудие, но и кое-кто из заговорщиков.

Мрачно ухмыльнувшись, он вслед за стражниками вошел в помещение, твердо сжимая в одной руке магический жезл, а в другой — черный чемоданчик.

Стоя рядом с лордом Сейгером на одной из нижних палуб «Эспри де Мер», лорд Дарси огляделся по сторонам.

— Пока что все в порядке, — сказал он тихо. — Пиратство имеет свои преимущества, милорд.

— Все больше в этом убеждаюсь, милорд, — столь же тихо ответил лорд Сейгер.

По ближайшему к ним трапу, бесшумно ступая обутыми в мягкие сапоги ногами, к ним спустился капитан сэр Андрю.

— Пока что все в порядке, — прошептал он, даже не подозревая, что повторяет слова лорда Дарси. — Команду мы окружили. Все спят как младенцы.

— *Всю* команду?

— Ну, м'лорд, всех, кого сумели найти. Кое-кто сошел на берег. До утра не вернется. Если б не это, думаю, корабль давно бы уже отвалил от стенки. Но с ними никак нельзя было связаться, понимаете?

— Я, собственно, на это и надеялся,— согласился лорд Дарси.— Но факт остается фактом — мы не знаем, сколько в точности людей осталось на борту. Кто был на мостике?

— На вахте стоял второй помощник, м'лорд. Мы его взяли.

— Капитанская каюта?

— Никого, м'лорд.

— Каюта первого помощника?

— Тоже пустая, м'лорд. Возможно, оба они на берегу.

— Возможно, и так.

Появлялась вполне реальная возможность, что и капитан и его первый помощник все еще в пакгаузе — в каковом случае их возьмет шеф Анри со своими людьми.

— Очень хорошо. Надо двигаться ниже. Мы так и не нашли еще того, за чем пришли.

«А какой поднимется дипломатический скандал, если мы так ничего и не найдем,— подумал лорд Дарси,— и представить себе жутко. Правительство Его Славянского Величества потребует всевозможных извинений и компенсаций, а любимый сыночек леди Дарси очутится в джунглях Новой Франции. Отважно-отважно сражаясь со злыми туземцами».

На самом деле он не очень беспокоился; в собственной правоте его убеждала интуиция, подкрепленная логикой.

И все равно он испытал большое внутреннее облегчение, когда, пятью или шестью минутами позднее, они с лордом Сейгером нашли то, что искали.

На самой нижней палубе, сразу над трюмом, находились четыре камеры, забранные решетками из стальных прутьев. Они располагались попарно, отделенные друг от друга узким проходом. Проход этот сторожили два боцмана.

Лорд Дарси увидел их, заглянув в люк между твиндеками. Он бесшумно приблизился к трапу, наклонился и осторожно глянул в этот люк, прежде чем начать

спуск. Осторожность была вознаграждена: ни один из боцманов его не заметил. Они тихо переговаривались, непринужденно облокотившись о переборки — каждый со своей стороны прохода. Прокрасться мимо невозможно, но зато ни у одного из них не было в руках оружия и спрятаться им было не за чем.

Надо ли, размышлял лорд Дарси, ждать подкрепления? У сэра Андрю и своих забот сейчас полон рот, а от лорда Сейгера толку мало. Этот человек абсолютно неспособен к физическому насилию.

Он отодвинулся от люка и прошептал лорду Сейгеру:

— У них сабли. Вы продержитесь против одного из них, если дело дойдет до этого?

В ответ лорд Сейгер плавно и бесшумно обнажил свою рапиру.

— При необходимости и против обоих, милорд,— прошептал он в ответ.

— Не думаю, что возникнет такая необходимость, но теперь, когда развязка уже близка, глупо рисковать без нужды.

Лорд Дарси замолк и вытащил из поясной кобуры пятизарядный револьвер сорок второго калибра.

— У меня для них найдется вот это.

Лорд Сейгер молча кивнул.

— Оставайтесь здесь,— прошептал лорд Дарси.— Не спускайтесь по лестнице... извините, *по трапу*... пока я не позову.

— Хорошо, милорд.

Лорд Дарси бесшумно поднялся по трапу на одну палубу вверх. Затем он начал спускаться; на этот раз звуки его шагов отчетливо раздавались в тишине.

Одновременно он даже начал насвистывать старую польскую песенку, которую по случайности помнил.

Потом, не задерживаясь, он стал спускаться по следующему трапу. Плащ прикрывал револьвер, зажатый в правой руке.

Тактический прием сработал великолепно. Услышав шаги, боцманы ни на секунду не усомнились, что идет кто-то, имеющий полное право находиться на борту. Прервав разговор, они замерли по стойке «смирно». Руки — на рукояти сабель, однако исключительно из соображений этикета. Сперва перед их глазами показались сапоги, затем ноги, нижняя часть туловища человека, спускающегося по лестнице. Они все еще ничего не подозревали. Ведь враг попытался бы застать их врасплох, не правда ли?

Да, правда.

Так он и сделал.

Наполовину уже спустившись по трапу, лорд Дарси неожиданно присел; на боцманов глядело дуло револьвера.

— Если хоть один из вас шевельнется, — спокойно произнес лорд Дарси, — я вышибу ему мозги. Уберите руки с сабель, но больше — ни движения. Прекрасно. Теперь лицом к переборке. И *о-о-очень медленно.*

Боцманы подчинились беспрекословно. Два сильных удара по шее, умело нанесенные лордом Дарси, — и оба бдительных стража повалились на палубу без сознания.

— Спускайтесь, милорд. Фехтования не предвидится.

Лорд Сейгер молча спустился по трапу, его рапира покоилась в ножнах.

С каждой стороны прохода было по две двери. Камеры предназначались, вообще-то говоря, для заключения провинившихся матросов либо членов экипажа и пассажиров, совершивших преступление во время плавания. В первой камере справа тускло горел желтоватый огонек. Сквозь зарешеченное оконце двери свет полосатым прямоугольником падал на палубу.

Лорд Дарси и лорд Сейгер подошли к этой двери и заглянули внутрь камеры.

У лорда Дарси вырвался вздох облегчения:

— Именно это я и искал.

Они увидели привязанную к койке неподвижную фигуру с бледным лицом. Оно практически не отличалось от того, которое лорд Дарси видел в морге.

— Вы уверены, что это маркиз Шербурский? — спросил лорд Сейгер.

— Никогда не поверю, что можно найти *трех* людей, настолько похожих друг на друга,— сухо шепнул лорд Дарси.— Двоих и то много. А так как мастер Шон совершенно точно установил, что тело в морге никак *не* связано с милордом епископом, то *это* тело принадлежит маркизу. Теперь вот только как открыть эту дверь?

— *Я охотно ее вам открою.*

При этих прозвучавших у них за спиной словах лорд Дарси и лорд Сейгер замерли словно вкопанные.

— Цитируя вас, лорд Дарси, «если хоть один из вас шевельнется, я вышибу ему мозги»,— произнес незнакомый голос.— Бросьте револьвер, лорд Дарси.

Лорд Дарси разжал пальцы, и револьвер со стуком упал на палубу. Мысли следователя понеслись с головокружительной быстротой.

Сколь ни сильно было потрясение от сознания, что он попал в ловушку, шок прошел еще до того, как смолк голос за спиной. Такое потрясение не могло надолго сковать лорда Дарси. Не принадлежал он и к таким людям, которые долго ругают себя за допущенную оплошность. Только пустая трата времени.

Он в ловушке. Кто-то спрятался в камере напротив и поджидал его. Изящный капкан. Прекрасно; теперь проблема в том, как из этого капкана выбраться.

— Отойдите влево, оба,— продолжил все тот же голос.— Освободите вход в камеру. Вот так. Прекрасно. Открой дверь, Ладислас.

Врагов оказалось двое, оба с пистолетами. Тот из них, который пониже и потемнее, вышел вперед и открыл дверь камеры по соседству с той, в которой лежала неподвижная фигура маркиза Шербурского.

— Войдите внутрь, оба,— сказал более высокий из этой парочки, поймавшей в ловушку агентов Империи.

Лорду Сейгеру и лорду Дарси оставалось одно — подчиниться приказу.

— Руки повыше. Вот так, прекрасно. А теперь слушайте, и слушайте внимательно. Вам кажется, что вы захватили этот корабль. В некотором роде так оно и есть, но — не окончательно. Ведь у меня есть вы. И маркиз. Вы прикажете своим людям убраться с корабля. В противном случае я убью вас всех — по очереди. Все ясно? Если меня и вздернут, я умру не один.

Лорд Дарси все понял:

— Если я правильно улавливаю вашу мысль, капитан Ольсен, вы хотите получить назад свою команду? А каким образом, разрешите спросить, вы пройдете мимо флота Его Величества?

— А ровно таким же, каким выйду из Шербурского порта, лорд Дарси, — с торжеством в голосе заявил капитан. — Пообещаю всех вас освободить. Вы сможете вернуться домой из Данцига. Какой нам толк от вас?

Никакого, подумал лорд Дарси, разве что в качестве заложников. Было совершенно ясно, как все получилось. Кто-то успел сообщить капитану Ольсену, что его корабль захвачен. Например, сигнал с мостика. Впрочем, это не имеет значения. Капитан Ольсен не ожидал таких гостей, но, когда они заявились, придумал изящную ловушку. Он же знал, куда пойдут эти гости.

До этого момента, как догадывался лорд Дарси, польские агенты собирались переправить бесчувственного маркиза в Данциг. Там его должен был обработать волшебник, после чего маркиза отправили бы обратно в Шербур внешне не изменившимся, но — действующим под полным контролем поляков. Долгое отсутствие маркиза объяснили бы «припадками», которые после не возобновились бы. Но теперь, когда капитан Ольсен знает, что заговор раскрыт, ему больше не нужен маркиз. В равной степени не нужны ему лорд Сейгер и сам лорд Дарси, точнее — нужны, но только как заложники, чтобы вернуться в Данциг.

— Что вам надо, капитан Ольсен? — спокойно спросил лорд Дарси.

— Ничего особо сложного: вы прикажете солдатам спуститься вниз. Мы запрем их. На рассвете, когда мои ребята проснутся и остальная часть команды вернется на судно, мы отдадим швартовы. Когда мы будем готовы отчалить, все смогут сойти на берег, кроме вас, лорда Сейгера и маркиза. Ваши люди расскажут властям Шербура, что произошло, и передадут им, что мы должны без помех отплыть в Данциг. Там всех вас освободят и отправят на территорию Империи. Даю вам слово.

Странным образом, лорд Дарси понимал, что капитан не пытается его обмануть. На его слово можно было положиться. Только вот можно ли поручиться, что так же поступят и польские власти в Данциге? Или — Казимир IX? Нет. Конечно же, нельзя.

Однако, находясь в такой безнадежной ловушке...

В это время из четвертой камеры, с другой стороны коридора, раздался хриплый голос:

— Сейгер? Сейгер?

Глаза лорда Сейгера расширились:

— Да?

На капитана Ольсена и первого помощника Ладисласа происходящее не произвело ни малейшего впечатления. Капитан сардонически улыбнулся:

— Ах да. Совсем забыл представить вам вашего отважного сотоварища — сэра Джеймса ле Лейна. Из него тоже получится великолепный заложник.

— Они предатели, они предали короля, Сейгер, — продолжал хриплый голос. — Вы меня слышите?

— Я слышу вас, сэр Джеймс.

— Уничтожьте их, — сказал хриплый голос.

Капитан Ольсен рассмеялся:

— Заткнитесь, ле Лейн. Вам...

Что он хотел сказать дальше, осталось неизвестным.

На глазах потрясенного лорда Дарси правая рука лорда Сейгера с невероятной скоростью метнулась вперед и отбила в сторону пистолет капитана. В тот же

самый миг его левая рука выхватила рапиру и сделала выпад в направлении первого помощника.

Первый помощник держал под прицелом лорда Дарси. Заметив движение лорда Сейгера, он повернул пистолет в его сторону и выстрелил. Пуля впилась в бок йоркширского аристократа; капитан Ольсен тем временем разворачивался и пытался нацелить свой пистолет.

Но тут и лорд Дарси включился в схватку. Словно выпущенный из катапульты, он бросился на первого помощника как раз в тот момент, когда рапира лорда Сейгера скользнула по груди Ладисласа, оставив на ней глубокий порез. Затем лорд Дарси ударом корпуса припечатал поляка к переборке.

После этого лорд Дарси был слишком занят, чтобы смотреть, что там происходит между лордом Сейгером и капитаном Ольсеном. Не обращая внимания на кровь, хлеставшую из раны на груди, Ладислас яростно сопротивлялся. Дарси знал свою силу, но тут он встретился с почти равным противником. Дарси как тисками сжимал правую кисть поляка, чтобы не дать тому воспользоваться пистолетом. Затем, улучив момент, он ударил его головой в челюсть. Они вместе упали на палубу, а пистолет улетел куда-то в сторону.

Лорд Дарси изо всех сил ударил первого помощника правым кулаком в горло; тот, задохнувшись, обмяк.

Тогда лорд Дарси привстал на колени, схватил потерявшего сознание противника за грудки и попытался его усадить.

Но в это мгновение узкий язычок стали мелькнул мимо плеча лорда Дарси, вонзился в горло Ладисласа и вспорол его. Руку лорда Дарси залила ударившая фонтаном кровь.

И тут лорд Дарси осознал, что схватка окончена. Он обернулся.

Рядом, сжимая в руке окровавленную рапиру, стоял лорд Сейгер. Капитан Ольсен лежал на палубе; жизнь истекала из него через три раны: две из них зияли в груди, а третья, такая же страшная, как у Ладисласа, — в горле.

— Я же с ним уже справился,— голос лорда Дарси срывался,— зачем же было перерезать ему глотку.

И тут он впервые увидел на лице лорда Сейгера улыбку.

— У меня был приказ, милорд.

На боку лорда Сейгера все шире расплывалось алое пятно.

Двенадцатью звучными, раскатистыми ударами большой колокол бенедиктинской церкви Сен-Дени оповестил всех обитателей Шербурского замка, что наступила полночь. Лорд Дарси, принявший ванну, чисто выбритый и одетый в вечерний костюм, стоял перед камином в приемной, расположенной над Большим залом, и ждал, пока колокол смолкнет. Затем он с улыбкой повернулся к стоявшему рядом с ним совсем молодому человеку:

— Так что вы сказали, Ваше Высочество?

Ричард, герцог Нормандский, тоже улыбнулся:

— Даже человеку королевских кровей не под силу говорить громче церковного колокола, верно, милорд?

Его лицо посерьезнело.

— А говорил я, что мы подмели все начисто. Дюнкерк, Кале, Булонь... вплоть до самой Байонны. А прямо в этот момент английские стражники забирают их в Лондоне, Ливерпуле и так далее. Ирландия будет очищена к рассвету. Великолепная работа, милорд, можете быть уверены, что мой брат король услышит о ней.

— Спасибо, Ваше Высочество, но я...

Тут лорда Дарси прервали: в комнату вошел лорд Сейгер. Увидев герцога Ричарда, он остановился.

Герцог мгновенно откликнулся на его появление:

— Не кланяйтесь, милорд. Мне уже рассказали о вашей ране.

Лорд Сейгер все-таки сумел слегка поклониться:

— Ваше Высочество очень любезны. Но моя рана несерьезна, и отец Патрик успел уже ею заняться. Боль очень невелика, Ваше Высочество.

— Счастлив это слышать.

Герцог перевел глаза на лорда Дарси:

— Кстати... Мне бы очень хотелось узнать, почему вы заподозрили, что Сейгер — агент короля. Я и сам не знал этого, пока король, мой брат, не прислал запрошенную мной информацию.

— Должен признаться, что я не был уверен, пока Ваше Высочество не подтвердили мои подозрения по телесону. Но мне показалось очень странным, что человек таких... необыкновенных способностей, как лорд Сейгер, потребовался де Шербуру в роли простого библиотекаря. Кроме того, отношение к нему леди Элайн... э-э... прошу прощения, милорд...

— Не надо извиняться, милорд,— бесстрастно ответил лорд Сейгер.— Я прекрасно знаю, что многие женщины не переносят моего присутствия, хотя, должен признаться, не понимаю — почему.

— Кто может объяснить женские капризы? — сказал лорд Дарси.— Ваши манеры и поведение безукоризненны. И все-таки миледи маркиза не выносила, как вы выразились, вашего присутствия. Наверняка она сказала об этом своему мужу, маркизу, не так ли?

— Думаю, так она и поступила, милорд.

— А в таком случае, разве стал бы милорд маркиз, известный своей любовью к жене, держать при себе *библиотекаря,* которого она боится? Нет. Следовательно, либо для присутствия здесь лорда Сейгера есть другие, более веские причины, либо он шантажировал маркиза. Я предпочел поверить в первое.

Лорд Дарси не стал добавлять, что, согласно информации отца Патрика, лорд Сейгер навряд ли способен кого-либо шантажировать.

— Трудность состояла в том, что я не знал, кто на кого работает. Мы знали только, что сэр Джеймс принял облик простого рабочего и действовал заодно с милордом маркизом. Однако больше мы не знали ничего, пока Ваше Высочество не связалось с Его Величеством. Я действовал вслепую, пока не узнал, что лорд Сейгер...

Лорд Дарси опять замолчал, так как дверь снова открылась. Раздался голос мастера Шона:

— Только после вас, миледи, милорд, сэр Гийом.

В комнату, с лицом, застывшим в бесстрастной маске, вплыла маркиза де Шербур. За ней следовали его преосвященство епископ и сэр Гийом, замыкал процессию мастер Шон О Лохлейн.

Леди Элайн направилась прямо к герцогу Ричарду. Она сделала книксен:

— Ваше присутствие — высокая честь, Ваше Высочество.

Маркиза была совершенно трезва.

— Это — честь для меня, миледи.

— Я уже видела милорда маркиза. Мой муж жив, как я и чувствовала. Но он лишился ума. Отец Патрик говорит, что он никогда не оправится. Я должна знать, что случилось, Ваше Высочество.

— Об этом надо спросить лорда Дарси, миледи.— В голосе герцога прозвучало сочувствие.— Я и сам не отказался бы послушать описание всех событий.

Миледи перевела взгляд на худощавого англичанина:

— Начните с самого начала и расскажите все, милорд. Я должна знать.

Еще раз отворилась дверь, и вошел сэр Андрю Дугласс.

— Доброе утро, ваш'сочество,— низко поклонившись, сказал он.— Доброе утро, м'леди, ваш'лордства, сэр Гийом, мастер Шон.

Взгляд его остановился на леди Элайн:

— Я слышал новости от отца Патрика, м'леди. Я солдат, м'леди, и не умею говорить красиво. Не могу передать, как я огорчен.

— Спасибо, сэр капитан,— сказала маркиза.— Мне кажется, что вы сумели очень хорошо выразить свои чувства.

Затем она посмотрела на лорда Дарси:

— Если вы, милорд, не возражаете...

— Как прикажете, миледи. Э-э... капитан, мне кажется, никому, кроме находящихся в этой комнате,

не нужно знать того, что я сейчас расскажу. Вы не согласились бы последить за дверью? Объясняйте всем, что здесь идет конфиденциальное совещание. Спасибо. Тогда я начну.

Лорд Дарси непринужденно облокотился о камин. С этого места он мог видеть всех присутствующих.

— Начну с того, что мы столкнулись с адским по замыслу заговором — и не против одного человека, а против всей Империи. «Проклятие Атлантики». Суда отплывали из портов Империи в Новый Свет — и исчезали, о них никто больше не слышал. Морские перевозки сильно сократились — и не только из-за потери судов; главное — страх мешал морякам наниматься на трансатлантические линии. Они боялись колдовства, хотя, как я покажу вам, магия, как таковая, не имела к делу никакого отношения.

Милорд маркиз работал с сэром Джеймсом ле Лейном, одним из большой группы агентов короля; у них было прямое задание — выяснить подноготную «Проклятия Атлантики». Его Величество совершенно правильно заключил, что все это — польский заговор, ставящий целью подрыв имперской экономики.

Заговор был прямо-таки дьявольским по своей простоте. Команды трансатлантических судов теряли разум от отравы, которая получается при настаивании в бренди некоего гриба. При употреблении в малых количествах, но в течение длительного времени эта отрава приводит к буйному помешательству. Корабль с сумасшедшей командой не долго продержится на плаву в Атлантическом океане.

Сэр Джеймс, работавший с милордом маркизом и другими агентами, пытался разузнать, что же происходит. Милорд маркиз не хотел, чтобы кто-либо в замке знал о его деятельности; поэтому для встреч с сэром Джеймсом он использовал старый потайной ход, ведущий в городскую канализацию.

Сумев определить главаря польской агентуры, сэр Джеймс заполучил образец этой отравы. Он доложил об этом милорду маркизу. Затем, вечером в среду восьмого января, сэр Джеймс направился в пакгауз, где находился штаб польских агентов, чтобы получить дополнительные доказательства.

Лорд Дарси на секунду смолк и еле заметно улыбнулся.

— Кстати, должен отметить, что подробности случившегося в пакгаузе я узнал от сэра Джеймса. Мои собственные умозаключения не были достаточно полны.

Во всяком случае, сэр Джеймс сумел пробраться на второй этаж пакгауза. Он услышал голоса. Тогда он бесшумно подкрался к двери комнаты, откуда эти голоса доносились, и заглянул... м-м... в замочную скважину. В коридоре было темно, но в комнате горел яркий свет.

Увиденное потрясло его. Там находились двое — волшебник и сам польский резидент. Волшебник стоял около кровати и накладывал заклинания на человека, нагишом лежащего на кровати. Сэру Джеймсу оказалось достаточно одного взгляда, чтобы узнать третьего. На кровати лежал не кто иной, как сам маркиз Шербурский!

Леди Элайн прижала руку к губам.

— Ему подлили эту отраву, милорд? Чем у него отняли разум?

— Это был не ваш муж, миледи,— успокаивающим голосом сказал лорд Дарси.— Это был двойник, один простоватый малый, нанятый этими бандитами.

Но сэру Джеймсу, разумеется, неоткуда было это знать. Увидев, что маркиз в опасности, он действовал без промедления. С оружием в руках он ворвался в комнату и потребовал освобождения человека, которого считал маркизом. Он сказал этому человеку, чтобы тот встал. Видя, что «маркиз» находится в гипнотическом трансе, сэр Джеймс накинул на его плечи свой собственный плащ, и они вдвоем начали отступать из комнаты, причем сэр Джеймс все время держал на прицеле волшебника и резидента.

Но в пакгаузе находился еще один человек. Сэр Джеймс не заметил его вовремя. Этот человек ударил его сзади.

Сэр Джеймс был оглушен. Он выронил оружие. Волшебник и резидент кинулись на него. Сэр Джеймс сопротивлялся, но в конце концов потерял сознание.

Тем временем двойник маркиза перепугался и убежал. В темноте на лестнице он споткнулся и размозжил себе череп об одну из нижних дубовых ступенек. Оглушенный, обезумевший от боли, умирающий, он побежал от пакгауза к единственному месту в Шербуре, которое мог назвать своим домом,— к бистро «Голубой дельфин», расположенному всего в нескольких кварталах от пакгауза. И почти сумел туда добраться. Он умер в одном квартале от бистро на глазах у двух стражников.

— Они собирались использовать двойника для того, чтобы он выдавал себя за моего брата? — спросил епископ.

— До известной степени, милорд. До этого я еще дойду.

Приехав сюда,— продолжил лорд Дарси,— я, конечно же, не знал об этом ничего. Я знал только, что милорд Шербурский пропал и что он сотрудничал с агентами Его Величества. Затем появилось тело, предположительно опознанное как его. Если это и вправду маркиз, то кто его убил? А если нет — то какая тут связь? Я отправился повидаться с сэром Джеймсом и узнал, что он исчез в тот же самый вечер. И опять — как все это связано?

Следующим ключом к разгадке стало определение этой отравы. Как можно сделать, чтобы почти каждый член команды корабля получал ее понемногу? Вкус и запах бренди будут отчетливо чувствоваться в пище и воде. Совершенно ясно — наркотик подмешивается в винную порцию. И только винодел, поставляющий это вино, может регулярно отравлять команды кораблей, одну за другой.

Проверка через Морской Регистр показала, что в течение последних пяти лет новые виноделы переку-

пили старые винодельни во всех важных портах по всей Европе, и все они могли одолеть своих конкурентов лишь благодаря польским субсидиям. Они делают хорошее вино и продают его дешевле, чем это могут сделать другие. Они получают контракты. Они не пытаются отравить каждый корабль; только некоторые из отправляющихся в Новый Свет,— всего чуть-чуть, но достаточно часто, чтобы появился страх, и достаточно редко, чтобы не навлечь подозрение на себя.

Но все равно оставался вопрос — что стряслось с милордом маркизом? Он *не* уходил из замка в тот вечер. И все же исчез. Но как? И почему?

Было четыре места, которые не осмотрел капитан. Когда оказалось, что слуги ходят в ледник весь день, я его отбросил. Не мог милорд отправиться и в сокровищницу, ведь дверь ее слишком широка, чтобы один человек мог повернуть два ключа одновременно, а без этого туда не войти. Сэр Гийом весь день ходит в винный погреб. И были указания на то, что туннель тоже не остается без присмотра.

— А почему милорд должен был оказаться в одном из этих мест, милорд? — спросил сэр Гийом.— Почему он не мог просто уйти через туннель?

— Вряд ли. Охранник у туннеля был королевским агентом. Если бы маркиз ушел вечером и не вернулся, тот доложил бы об этом — если не капитану сэру Андрю, то лорду Сейгеру. Он этого не сделал. Ergo: маркиз не покидал замка в ту ночь.

— Тогда что же с ним произошло?

Вопрос снова задал сэр Гийом.

— Это возвращает нас к двойнику, Полю Сарто. Вы не откажетесь объяснить, мастер Шон?

— Так вот, миледи и благородные сэры,— начал маленький волшебник.— Милорд Дарси понял, каким образом здесь использовалась магия. Там был этот самый польский волшебник — к тому же довольнотаки паршивенький. Когда я поймал его в пакгаузе, он сперва пытался наложить на меня пару заклинаний — пустой номер. Когда я выдал ему хорошую

порцию старого доброго ирландского волшебства, он стал смирным как ягненок.

— Не отвлекайтесь, мастер Шон,— сухо сказал лорд Дарси.

— Прошу прощения, милорд. Как бы там ни было, этот деревенский колдун увидал, что бедняга Поль и маркиз похожи как две капли воды,— вот он и решил использовать его для контроля над милордом маркизом — Закон Подобия, понимаете ли. Вы знаете эти фокусы насчет втыкания булавок в восковую фигурку? Очень грубый метод психической индукции, но вполне эффективный, если подобие достаточно велико. А что может быть более подобно человеку, чем его двойник?

— Вы хотите сказать, что они воспользовались этим несчастным в качестве восковой куклы?

В приглушенном голосе маркизы слышался ужас.

— Вроде того, ваша милость. Тут есть еще одно обстоятельство. Чтобы заклинания хорошо действовали, двойник должен обладать очень малой умственной силой. Так оно и было. Увидев, что все как надо, они наняли его и начали над ним работать. Заставили его помыться, дали ему хорошую одежду и постепенно установили контроль над его разумом. Они сказали ему, что он и вправду маркиз. Добившись такого высокого подобия, они надеялись управлять маркизом точно так же, как они управляли его симулакрумом.

Миледи Элайн была в ужасе:

— Так вот что вызывало эти страшные припадки!

— Вот именно, ваша милость. В те моменты, когда милорд уставал или был рассеян, они могли справиться с ним, ненадолго. Гнусное дело, до которого не опустится ни один порядочный волшебник, но — достаточно эффективное.

— Но что они сделали с моим мужем потом?

— А насчет этого, ваша милость,— ответил мастер Шон,— то что, по-вашему, должно произойти с человеком, если его симулакруму размозжить череп, да так, что этот симулакрум помрет? Шок, испытанный моз-

гом милорда маркиза, был столь велик, что чуть не убил его,— и убил бы, будь установлено более близкое подобие. Он впал в кому, миледи.

Лорд Дарси вновь перехватил нить рассказа:

— Маркиз упал прямо там, где находился в тот момент. Он оставался в замке до следующей ночи, когда за ним пришли польские агенты. Они убили охранника, который был королевским агентом, и избавились от трупа, пробрались через туннель, забрали маркиза и препроводили его на свой корабль. Когда капитан сэр Андрю рассказал мне, что охранник «дезертировал», я понял, что произошло. Я знал, что милорд маркиз находится либо в пакгаузе виноторговца, либо на корабле, направляющемся в Польшу. Два наших рейда показали, что я был прав.

— Вы хотите сказать,— сказал сэр Гийом,— что милорд все это время пролежал в холодном туннеле? Это же просто ужас!

Прежде чем ответить, лорд Дарси долго и пристально смотрел на сенешаля.

— Нет. Не *всё* это время, сэр Гийом. Никто, а уж польские агенты — особенно, не знал бы, что он там. Его переправили в туннель на следующее утро после того, как нашли. Нашли в винном погребе.

— Но это же просто смехотворно! — Сэр Гийом был явно поражен.— Я бы обязательно его увидел!

— Да, я уверен, что вы его увидели бы,— согласился лорд Дарси.— Более того, я уверен, что вы его *видели.* Наверное, это было большим потрясением — вернуться домой после схватки в пакгаузе и обнаружить маркиза в винном погребе, лежащим без сознания на полу. Как только я пришел к выводу, что преступник — вы, я понял, что вы тем самым выдали мне своего начальника. Вы сами сказали, что той ночью вы играли в карты с Ордвином Вейном, поэтому я и знал, кем из виноделов надо заняться.

Сэр Гийом побелел как полотно:

— Я верно служил своему лорду и своей леди, служил многие годы. Я утверждаю, что вы лжете.

— Вот как? — В глазах лорда Дарси появилась жесткость. — Кто-то сказал Ордвину Вейну, где находится маркиз. Кто-то, знавший, где он. Ключи от туннеля были только у маркиза, сэра Андрю и — *у вас.* Я видел ключ капитана; до того, как я им воспользовался, он был покрыт патиной. Язычки старого замка оставили на нем маленькие блестящие царапинки. Этим ключом не пользовались многие годы. Только у *вас* был ключ, который впустил в туннель Ордвина Вейна и его людей.

— Ерунда! Вы рассуждаете совершенно нелогично. Кто угодно мог взять ключ милорда маркиза, пока тот лежал без сознания!

— Если он находился в туннеле — не мог. Чего ради кто-нибудь пошел бы туда? Дверь в туннеле была заперта, так что, если бы маркиз и вправду *был* там, чтобы найти его, потребовался бы ключ. Если бы он упал в туннеле, там он и находился бы, когда туда заглянул я. Ни вам, ни кому другому не было ни малейшего резона открывать этот туннель, за исключением одного случая — *если* вы искали место, где можно спрятать бесчувственное тело маркиза.

— А чего бы ради ему идти в винный погреб? — резко спросил сэр Гийом. — И зачем бы ему там запираться?

— Он спустился в погреб, чтобы проверить кое-какие бутылки из тех, которые вы держите там. После донесения сэра Джеймса он начал подозревать вас. Пакгаузы и винодельни часто подвергаются тщательным инспекциям. Ордвин Вейн не хотел, чтобы инспекторы заинтересовались — чего ради он настаивает мухоморы на бренди. Поэтому бутылки хранились *здесь* — в самом безопасном месте во всем Шербуре. У кого могли зародиться подозрения? Маркиз сюда никогда не ходил. Однако в конце концов у него появились предположения, и он решил их проверить. Не желая, чтобы ему помешали, он запер дверь. Никто, кроме вас, не мог

туда заявиться, а о вашем приходе он узнает, когда вы вставите ключ в замок. Пока он находился там, Поль упал и ударился головой о дубовую ступеньку. Поль умер. Маркиз впал в коматозное состояние.

Когда вчера приехал я, вам потребовалось срочно избавиться от улик. Поэтому пришли люди Вейна и забрали бутылки с отравой, а заодно — и маркиза. Если вам требуются еще какие-нибудь доказательства, могу сказать, *что* мы обнаружили на этом корабле,— там были бутылки, содержащие дешевый бренди и измельченные грибы. *И на всех этих бутылках ярлык «Сен Корлан Мишель-46»!* Вы можете ответить мне, у кого еще в Шербуре есть такие пустые бутылки?

Сэр Гийом отступил на шаг.

— Ложь! Грязная ложь!

— Нет! — раздался твердый голос со стороны двери.— Правда! Чистая правда!

Сам лорд Дарси видел, как капитан сэр Андрю беззвучно открыл дверь и впустил в комнату еще троих, но никто другой этого не заметил. Теперь все повернулись на звук голоса.

В кресле-каталке сидел Хью, маркиз Шербурский; несмотря на побледневшее лицо, он выглядел достаточно здоровым. Кресло вкатил сэр Джеймс ле Лейн. Немного сбоку стоял отец Патрик.

— Сказанное лордом Дарси верно до мельчайших деталей,— ледяным голосом произнес маркиз.

Судорожно вздохнув, сэр Гийом повернул голову к миледи маркизе:

— Но вы же сказали, что он лишился ума!

— Маленькая ложь, чтобы поймать большого предателя.

В голосе маркизы также был лед.

— Сэр Гийом де Браси,— произнес сэр Джеймс из-за спины маркиза,— именем короля я обвиняю вас в измене!

И тут произошли два события. Рука сэра Гийома дернулась к карману. Одновременно рапира лорда Сейгера уже наполовину вышла из ножен. К тому моменту, как сэр Гийом выхватил свой пистолет, клинок рассек его яремную вену. Сэр Гийом успел повернуться и выпустить всего одну пулю, а затем рухнул на пол.

Лорд Сейгер стоял и со странной улыбкой на губах смотрел на распростертое тело сэра Гийома.

На секунду все замерли, не было ни звука, ни движения. Затем отец Патрик бросился к сенешалю. Но тут уже не могли помочь все его способности целителя.

Затем маркиза подошла к лорду Сейгеру и взяла его за левую руку:

— Милорд, прочие, возможно, осудят вас за этот поступок. Но не я. Это чудовище обрекло сотни невинных на безумие и смерть. Он почти преуспел в том же с моим возлюбленным Хью. Если уж о чем жалеть, так это о том, что такая смерть слишком для него легка. Я не осуждаю вас, милорд. Я вам благодарна.

— Это я благодарен вам, миледи. Но я только выполнил свой долг.— Голос его звучал как-то странно.— Я выполнял приказ. миледи.

А затем медленно, словно из него выпустили воздух, лорд Сейгер осел на пол.

И только теперь лорд Дарси и отец Патрик сообразили, что пуля сэра Гийома попала в лорда Сейгера, хотя до этой секунды он ничем не выдал этого.

У лорда Сейгера не было совести, однако по своей собственной инициативе он не был способен убить кого-либо, даже не мог просто защитить себя. Решения за него принимал сэр Джеймс. Лорд Сейгер был агентом короля, он мог убить без малейших колебаний, но — только по приказу сэра Джеймса; в остальном он был абсолютно безвреден. Сам он не мог принять решение, только — сэр Джеймс.

— Но...— Сэр Джеймс все еще не мог оторвать взгляда от лежащего на полу лорда Сейгера.— Но как он мог? Я же ему не приказывал.

— Нет, вы приказали,— устало откликнулся лорд Дарси.— На корабле. Вы приказали ему уничтожить предателей. И теперь, когда вы обвинили сэра Гийома в измене, лорд Сейгер мгновенно начал действовать. Он наполовину обнажил свою рапиру еще до того, как сэр Гийом добрался до своего пистолета. Он совершенно хладнокровно убил бы сенешаля, если бы тот даже и не шелохнулся. Он был вроде газового фонаря, сэр Джеймс. Вы его включили — и забыли выключить.

Ричард, герцог Нормандский, посмотрел на лежащее у его ног тело. Лицо лорда Сейгера совсем не изменилось. При жизни на этом лице редко бывало какое-либо выражение. Не было на нем выражения и сейчас.

— Что с ним, преподобный отец? — спросил герцог.

— Он умер, Ваше Высочество.

— Упокой, Господи, его душу,— сказал герцог Ричард.

Восемь мужчин и одна женщина молча перекрестились.

НЕРАЗБЕРИХА С ВАЙДОЙ

Когда Уолтер Готобед, мастер-краснодеревщик его сиятельства герцога Кентского, открыл дверь своей мастерской, его охватили противоречивые чувства боли и гордости. Боль, как и гордость, была чисто душевного происхождения; в свои девяносто лет мастер Уолтер сохранил выносливость жилистого тела, крепость рук и уверенность их движений. Он все еще мог, приладив хорошенько очки на свой тонкий, костистый нос, изготовить точный чертеж чего угодно — от шкафа до шкатулки для сигар. На Троицу, двадцать четвертого мая года 1964 от рождения Господа нашего Иисуса Христа, мастер Уолтер собирался отметить пятидесятую годовщину своего назначения на должность мастера-краснодеревщика герцога. Сейчас он служил уже второму герцогу — старый герцог скончался в 1927 году, — а вскоре будет служить третьему. Герцоги Кентские обычно доживали до весьма преклонного возраста, но человек, работающий с хорошим деревом, впитывающий в себя силу и долголетие лесных великанов, которые снабжают его материалом для работы, — такой человек живет еще дольше.

В мастерской витали запахи деревьев — пряный аромат кедра, густой, богатый запах дуба, теплый, смолистый — обычной сосны, фруктово-сладковатый — яблони. Проникавшее сквозь большие окна утреннее солнце сверкающими отблесками лежало на заполнявших

© А. Пчелинцев, перевод, 1996

мастерскую шкафах, столах, креслах; одни были уже почти готовы, над другими же предстояло еще работать и работать. Тут был мир мастера Уолтера, атмосфера, в которой прошла большая часть его жизни.

Следом за мастером вошли еще трое — подмастерье Генри Лавендер и двое учеников — Том Уайлдерспин и Гарри Венэйбл. Вся четверка сразу направилась в угол, к верстаку, на котором покоился великолепный образчик их мастерства, изготовленный из полированного ореха. В двух шагах от верстака мастер Уолтер остановился.

— Как он выглядит, Генри?

Задавая вопрос, мастер не повернул головы.

Подмастерье Генри, в свои неполные сорок лет уже приобретший и вид, и манеры опытного краснодеревщика, удовлетворенно кивнул.

— Великолепно, мастер Уолтер, просто великолепно.

В нем говорило искреннее чувство, а не желание польстить мастеру.

— Его сиятельство герцог будет удовлетворен, как ты думаешь?

— Более чем удовлетворен, мастер. М-м-м. Вон там на нем осталось немного опилок, еще с вечера. Эй, Том! Возьми чистую тряпицу, чуток лимонного масла и отполируй его еще разок.

Том мгновенно куда-то исчез, торопясь выполнить приказание, а Генри Лавендер продолжил:

— Его сиятельство герцог несомненно высоко оценит вашу работу, мастер. Это — одно из самых лучших ваших творений.

— Да-а. Есть тут одна вещь, которую вам, Генри, не нужно никогда забывать, — а вы, ребята, должны попытаться понять. Красота дерева не во всякой там заковыристой резьбе, она — в самом дереве. Резьба вполне хороша, когда она на своем месте; вы не думайте, я не имею ничего против сделанной с толком резьбы. Но красота — в дереве. И в такой вот вещи — простой, бесхитростной, лишенной каких-либо украшений, ясно видно, что дерево, *как дерево,* суть Божье создание, его

ничем нельзя улучшить. Самое большое, на что можно надеяться — это выявить ту первозданную красоту, которую Господь вложил в него. Дай-ка мне эту тряпку, Том, я сам пройдусь по нему напоследок.

Протирая маслом, издававшим слабый запах лимона, плоскую поверхность широкой крышки, мастер Уолтер продолжал:

— Старательность и мастерство, ребята, старательность и мастерство — вот в чем секрет. Каждую часть плотно пригнать к соседней, хорошо приклеить, прочно соединить шурупами, чтобы нигде ни малейшей щелочки — вот и получается *хорошая* работа. Старательно, с умом подобрать материал, чтобы на составных частях совпадал рисунок дерева, выровнять все и отшкурить, а потом отполировать, покрыть воском, лаком или шеллаком до получения идеальной поверхности — и у вас будет *прекрасная* работа. Но рисунок вещи, ее *замысел* — именно это превращает работу в *искусство.*

Ну ладно. Ты, Том, берись за передний конец, а Гарри возьмется сзади. Там будет лестница, но вы парни здоровые, не надорветесь. Да и вообще, у столяра-краснодеревщика должны быть хорошие мускулы, так что размяться вам даже полезно.

Ученики послушно взялись, как им было указано, и потянули вещь вверх. Носили они ее и раньше, так что знали, сколько она весит.

Однако сооружение из великолепно отполированного орехового дерева почти не шевельнулось.

— Эй, в чем там дело? — всполошился мастер Уолтер.— Вы же чуть его не уронили!

— Он почему-то *тяжелый,* мастер,— встревоженно произнес Том.— Там что-то есть.

— Там что-то есть? Как так?

Мастер Уолтер подошел поближе и приподнял крышку. И чуть не уронил ее.

— Господи милостивый!

В пораженной тишине четверо краснодеревщиков смотрели на то, что лежало внутри.

Первым смог нарушить молчание подмастерье Генри.

— Мертвец. Да уж, сомневаться не приходилось. Труп, самый что ни на есть труп. Глазницы запали, кожа приобрела восковой блеск. Этот человек умер, и умер, если можно так выразиться, надежно, с концами.

А для довершения жуткого впечатления лежащее перед ними голое тело — буквально все, от макушки до кончиков пальцев ног,— имело темно-синий, почти индиговый цвет.

Мастер Уолтер справился наконец со своим дыханием. Волна возмущения сменила начальные чувства удивления и ужаса.

— Но ему же здесь не место! Он не имеет права! Никакого права!

— Я думаю, что это не его вина,— осторожно вмешался Генри.— Не сам же он сюда залез.

— Нет.— Мастер Уолтер сумел взять себя в руки.— Нет, конечно же, нет. Но только очень неожиданно найти труп в *таком* месте.

Несмотря на ужас происходящего, ученик Том с большим трудом сдержал смешок.

И правда, может ли найтись для покойника более естественное место, нежели гроб?

Даже самые преданные своей работе люди время от времени хотят отдохнуть и берут отпуск; лорд Дарси, главный следователь Его Королевского Высочества принца Ричарда, герцога Нормандского, не был исключением. Он не просто любил свою работу, он предпочитал ее всем другим занятиям. Его проницательный ум наслаждался решением задач, по самой природе этой работы постоянно перед ним возникающих. Тем не менее он понимал, что ум, имеющий перед собой лишь один постоянный предмет, быстро тупеет — да и просто приятно иногда отвлечься.

А побывать дома, в Англии, особенно приятно. Лорд Дарси не имел ничего против Франции. Важная часть Империи и все такое. Да и работать на Его Высочество лорду Дарси нравилось. Но все равно домом

своим он считал Англию; возвращаясь сюда раз в год, он — никуда от этого не денешься — чувствовал облегчение. Несмотря на то, что Англия и Франция уже восемь сотен лет одна страна, между ними сохраняется достаточно различий, чтобы англичанин чувствовал себя во Франции немного иностранцем. И наоборот, как догадывался лорд Дарси.

Стоя немного в стороне, лорд Дарси разглядывал толпу, заполнившую танцевальный зал. Оркестр только что смолк, все ожидали следующего танца. Лорд Дарси отпил еще немного виски с содовой из бокала. Он мысленно поздравил себя: целых пятьдесят недель непрерывной работы, и только тогда она понемногу стала раздражать его, но всего две недели подобных развлечений — и они уже превратились в докучливую обязанность. Правда, что ни говори, а развлекаясь, отдыхаешь от работы, равно как работая — отдыхаешь от развлечений.

Барон Дартмур — человек вполне приличный, отличный шахматист, к тому же иногда рассказывает довольно занятные истории. А у леди Дартмур прирожденный дар верно подбирать гостей для своих балов и званых обедов. Но ведь нельзя же навсегда заделаться постояльцем у Дартмуров, а лондонский высший свет, по правде говоря, далеко не так интересен, как кажется тем, кто в него не вхож.

Лорд Дарси поймал себя на мысли, что совсем неплохо будет двадцать второго мая вернуться в Руан.

— Лорд Дарси, надеюсь, вы меня простите, но тут есть небольшое дело.

Улыбнувшись, лорд Дарси повернулся на женский голос.

— Да?

— Вы бы не могли пройти со мной?

— С восторгом, миледи.

В поведении леди Дартмур сквозила какая-то непривычная нервозность, напряженность; следуя за ней, лорд Дарси понял, что произошло нечто экстраординарное. У дверей библиотеки она остановилась.

— Милорд, там... там один джентльмен, желающий поговорить с вами. Там, в библиотеке.

— Один джентльмен? И кто это, миледи?

— Я...— Леди Дартмур напряглась и перевела дыхание.— Я не должна говорить вам этого, милорд. Он представится сам.

— Понятно.

Лорд Дарси непринужденно сложил руки за спиной. Незаметным движением его правая рука извлекла из кобуры, скрытой длинными фалдами зеленого фрака, маленький пистолет. Ловушкой, пожалуй, не пахнет, но уж лучше перестраховаться.

Леди Дартмур распахнула дверь.

— Лорд Дарси, с... сэр.

— Пригласите его, миледи,— послышался голос изнутри.

Лорд Дарси вошел, пряча пистолет за спиной под фалдами. Дверь за ним закрылась.

Он увидел только спину; человек, стоя у окна, глядел на ночные огни лондонских улиц.

— Лорд Дарси,— незнакомец не обернулся,— если вы и вправду такой человек, каким я считаю вас со слов других, то в этот момент вы опасно близки к совершению деяния, квалифицируемого как государственная измена.

Одного взгляда на эту спину оказалось достаточно, чтобы лорд Дарси вернул пистолет в кобуру и опустился на одно колено.

— Как известно Вашему Величеству, я скорее умру, чем совершу преступление против Вашего Величества.

Человек повернулся. Впервые в своей жизни лорд Дарси оказался лицом к лицу с Его Императорским Величеством Джоном IV, Королем и Императором Англии, Франции, Шотландии, Ирландии, Новой Англии, Новой Франции, Защитником Истинной Веры, et cetera.

Король очень походил на своего младшего брата, Ричарда Нормандского,— высокий, белокурый, красивый, как и все Плантагенеты. Однако десятилетняя

разница в возрасте была вполне ощутимой. Король был немного младше лорда Дарси, но из-за морщин на лице выглядел старше.

— Встаньте, милорд.

Его Величество улыбнулся.

— Ведь у вас в руке был пистолет, не правда ли?

— Был, Ваше Величество.

Лорд Дарси легко поднялся.

— Простите меня, сир.

— Тут не за что извиняться. Ничего иного я и не ожидал от человека с вашими способностями. Садитесь. Нам никто не помешает, об этом позаботится миледи Дартмур. Благодарю вас. Перед нами возникла проблема, лорд Дарси.

Дарси сел; сел и король, прямо напротив него.

— На некоторое время мы забудем о титулах. Не прерывайте меня, пока я не расскажу вам все, что знаю сам. А потом задавайте любые вопросы.

— Да, сир.

— Прекрасно. У меня появилась работа для вас, милорд. Я знаю, что вы в отпуске, и мне очень не хочется прерывать ваш отдых — но требуется безотлагательное расследование. Вам известно о деятельности так называемого Священного братства древнего Альбиона.

Слова короля звучали не вопросом, а утверждением. И лорд Дарси, и любой другой офицер королевского правосудия знал о братстве Альбиона. Тайное общество — это бы еще полбеды, но они были языческой сектой, отвергавшей Церковь Христову. По слухам, они занимались черной магией, практиковали некую форму поклонения природе и претендовали на происхождение своего общества непосредственно от организаций доримских друидов. Братство появилось на свет Божий в прошлом веке. Какое-то время их терпели, но затем запретили. Поговаривали, что все эти долгие века после победы христианства они скрывались и,

только пользуясь вседозволенностью девятнадцатого века, решились открыть свое существование. Другие говорили, что все их претензии на древность — фикция, что братство организовал в двадцатые годы XIX века эксцентричный, может даже слегка сумасшедший, сэр Эдвард Финелли. Скорей всего, и в той, и в другой версии была своя доля истины.

Вне закона их объявили за открытые выступления в защиту человеческих жертвоприношений. Отвергая учение Церкви о том, что крестная жертва навсегда отменила все прочие человеческие жертвоприношения, братство утверждало, что в годину опасности сам король обязан умереть ради блага своего народа. То обстоятельство, что Вильгельм II, сын Завоевателя, был убит «случайной стрелой» одного из своих приближенных, и якобы именно с этой целью, придавало дополнительный вес претензиям братства на древность. Считалось, что Вильям Руфус сам был язычником и пошел на смерть по своей собственной воле — поступок, которого трудно было ожидать от какого-либо из англо-французских монархов последнего времени.

Когда-то члены братства считали, что жертва должна умереть с желанием, даже с радостью; убийство совершенно бессмысленно, лишено всякой эффективности. Однако с ростом напряженности в отношениях между Империей и Королевством Польским их воззрения разительным образом переменились. Наступают трудные времена, считало братство, и король должен умереть — хочет он этого или нет. Поступали надежные сведения, что подобные взгляды исподволь распространяются среди членов братства агентами короля Казимира IX.

— Не думаю,— говорил король Джон,— чтобы братство являло собой реальную угрозу для имперского правительства. В Англии не так уж много фанатиков. Но король столь же уязвим для убийцы-одиночки, тем более фанатика, сколь и любой другой человек. Я не считаю себя таким уж незаменимым для Империи; послужи моя смерть на благо народа, я хоть завтра

положу голову на плаху. Но тем не менее мне хотелось бы пожить еще немного.

Нужно сказать, что мои агенты успешно внедрились в братство. До сих пор они докладывали, что нет ни малейшего намека на всерьез организованную попытку покончить со мной. Но теперь возникли новые обстоятельства.

Сегодня утром, чуть раньше семи, скончался его сиятельство герцог Кентский. Событие это не стало неожиданностью. При возрасте всего в шестьдесят два года герцог давно уже жаловался на здоровье, а за последние несколько недель совсем сдал. Вызвали лучших целителей, но преподобные отцы заявили: «Если человек твердо решил, что умирает, Церковь ничем не может ему помочь».

Ровно в семь герцогский мастер-краснодеревщик отправился в свою мастерскую за гробом, приготовленным для его сиятельства. И оказалось, что гроб уже занят — трупом лорда Кембертона, главного следователя герцогства Кентского.

Его зарезали — *а затем выкрасили тело в синий цвет!*

Глаза лорда Дарси сузились.

— Никто не знает,— продолжал король,— как давно убит лорд Кембертон. Вполне возможно, что на тело наложили предохранительное заклятие. Последний раз его видели в Кенте три недели назад; он уезжал в отпуск, в Шотландию. Мы еще не знаем, успел ли он доехать, хотя вскоре мне доложат об этом по телесону. Вот все, что я знаю. У вас есть вопросы, лорд Дарси?

— Нет, сир.

Не было смысла задавать королю вопросы, на которые гораздо лучше ответят в Кентербери.

— Мой брат Ричард,— снова заговорил король,— очень высоко ценит ваши способности; он не раз рассказывал мне о вас, и весьма подробно. Я полностью доверяю его оценке — вы великолепно подтвердили ее в январе, в деле о «Проклятии Атлантики». Мои

личные агенты работали над этой проблемой многие месяцы и — безо всякого толка. Вы же разрешили ее в два дня. Поэтому я назначаю вас специальным следователем Верховного Рыцарского суда.

Достав из внутреннего кармана документ, король вручил его лорду Дарси.

— Я нахожусь здесь инкогнито,— продолжил он после небольшой паузы,— поэтому мне не хочется, чтобы стало известно о том, что я лично заинтересован в этом деле. Ваше назначение, насколько будет знать общественность, произведено по решению лорда-канцлера[1] — вполне рутинное дело. Я хочу, чтобы вы отправились в Кентербери и узнали, *кто* и *почему* убил лорда Кембертона. Мне ничего не известно. Я хочу, чтобы вы добыли нужные мне сведения.

— Большая честь для меня, сир.

Лорд Дарси спрятал документ.

— Ваше желание — закон для меня.

— Вот и великолепно. Поезд отходит в Кентербери через час и,— Его Величество поглядел на наручные часы,— семь минут. Успеете?

— Конечно, сир.

— Прекрасно. Я договорился заранее, и вы можете остановиться во дворце архиепископа — это будет, пожалуй, тактичнее и удобнее, чем пользоваться гостеприимством семьи покойного герцога. Его высокопреосвященство архиепископ осведомлен о моей личной заинтересованности в этом деле. Знает об этом и сэр Томас Лесо. Больше — никто.

— Сэр Томас Лесо, сир? — Лорд Дарси заметно оживился.— Тауматург-теоретик?

— Он самый, милорд.

Король улыбнулся чуть детской улыбкой человека, удачно приготовившего неожиданный сюрприз.

— Член братства Альбиона — и мой агент.

— Великолепно, сир.

---

[1] Лорд-канцлер — глава судебного ведомства и верховный судья Англии.

В улыбке лорда Дарси чувствовался мастер, по достоинству оценивающий работу другого мастера.

— И тот и другой — люди с весьма высокой научной репутацией, а значит — вне всяких подозрений.

— Вполне с вами согласен. У вас есть еще вопросы, милорд?

— Нет. Но у меня есть просьба, сир. Ведь сэр Томас, насколько мне известно, не является волшебником-практиком...

— Верно. Чистый теоретик. Совершенствует нечто, чему дал название «теория субъективной конгруэнтности», — что бы это ни значило. Работает с символогией субъективной алгебры, а проверку своих теорий оставляет другим.

Лорд Дарси кивнул.

— Совершенно верно, сир. Его трудно назвать опытным следственным волшебником. Поэтому я хотел бы получить помощь мастера Шона О Лохлейна, мы с ним хорошо сработались. Сейчас он в Руане. Можно передать ему мою просьбу приехать в Кентербери?

Улыбка Его Величества стала еще шире.

— Счастлив сообщить вам, что я заранее предвидел такую просьбу. И уже позвонил в Дувр. Доверенный агент отправился в Кале специальным судном. Оттуда он свяжется по телесону с Руаном, а судно подождет мастера Шона и вернется в Дувр уже с ним. Из Дувра он доберется до Кентербери поездом. Погода сейчас хорошая, уже завтра он будет на месте.

— Сир, — в голосе лорда Дарси звучало неподдельное восхищение, — пока императорская корона возлежит на такой голове, как ваша, Империи нечего опасаться.

— Изящно сказано, милорд. Мы благодарим вас.

Его Величество поднялся; следом за ним и лорд Дарси. Переход на царственное «мы» показал, что теперь они беседуют не как равный с равным, а как монарх с подданным.

— Мы даем вам карт-бланш, милорд, однако не должно быть никаких контактов с нами, кроме случаев,

когда это окажется абсолютно необходимым. После окончания дела мы желаем получить подробный доклад — предназначенный исключительно для наших глаз. Все, что вам потребуется, вы сможете получить через его высокопреосвященство архиепископа.

— Хорошо, Ваше Величество.

— Мы разрешаем вам удалиться, лорд Дарси.

— С разрешения Вашего Величества.

Лорд Дарси снова припал на одно колено. К тому времени, как он поднялся, король уже повернулся к нему спиной и смотрел в окно — вследствие чего у лорда Дарси не было необходимости удаляться из комнаты пятясь.

Повернувшись, лорд Дарси направился к двери. В тот момент, когда рука его коснулась ручки, снова раздался голос короля.

— И еще, лорд Дарси.

Лорд Дарси оглянулся, но король по-прежнему стоял к нему спиной.

— Сир?

— Берегите себя. Я бы не хотел, чтобы вас убили. Такие люди мне нужны.

— Да, сир.

— Удачи, Дарси.

— Благодарю вас, сир.

Лорд Дарси открыл дверь и вышел, оставив короля один на один с его мыслями.

До лорда Дарси смутно донесся колокольный звон. *Бом-м-м. Бом-м-м. Бом-м-м.* Затем пауза. За краткую эту паузу сон успел снова охватить его, однако прозвучало еще три удара. На этот раз лорд Дарси был немного ближе к тому, чтобы проснуться, но следующей паузы почти хватило ему, чтобы вернуться к блаженному забвению. После третьего повтора трех ударов колокола он наконец осознал, что звонит Ангелус. Значит, сейчас шесть утра; таким образом, он проспал ровно пять часов. Пока звучали заключительные девять

ударов, лорд Дарси успел быстро пробормотать молитву, перекреститься и закрыть глаза с твердым намерением уснуть и спать до девяти.

И, конечно же, не смог уснуть.

«В конце концов привыкаешь к чему угодно, — думал он с естественной спросонья сварливостью, — даже к этим оглушительным колоколам». Огромный бронзовый монстр колокольни Кентерберийского кафедрального собора находился не более чем в сотне ярдов по прямой; от его звона дрожали стены.

Лорд Дарси выпростал голову из-под подушек, сел на постели, оглядел незнакомую ему, но вполне приятную спальню, предоставленную в его распоряжение его высокопреосвященством архиепископом, а затем посмотрел в окно. Ну, хоть погода обещает быть приличной.

Откинув одеяло, лорд Дарси опустил ноги на пол, сунул их в шлепанцы, а затем дернул шнур звонка. Он как раз завязывал пояс шелкового ярко-алого халата с вышитыми золотыми драконами, когда вошел совсем юный монашек.

— Да, милорд?

— Только кружку кофе и малость сливок к нему, брат.

— Да, милорд, — ответил послушник.

К тому времени, как лорд Дарси принял душ и побрился, кофе уже ждал его; рядом со столиком терпеливо стоял все тот же юноша — как принято у бенедиктинцев.

— Что-нибудь еще, милорд?

— Нет, брат, это все. Спасибо.

— Рад услужить, милорд.

Послушник мгновенно удалился.

Вот этим-то и хорошо послушничество у бенедиктинцев, лениво размышлял лорд Дарси. Молодого человека из низших классов оно учит вести себя по-джентльменски, а благородного научает смирению. Невозможно определить, кто этот юноша, что приходил, — сын мелкого фермера или младший отпрыск аристок-

ратического рода. Не сумей он научиться этому — ему бы не достичь даже нынешнего своего положения.

Лорд Дарси сел и задумался, прихлебывая кофе. Пока что информации совсем мало. У его высокопреосвященства архиепископа, высокого, ширококостного пожилого человека с впечатляющей гривой седых волос и благожелательным выражением свежего, румяного лица информации той оказалось не больше, чем у короля. По телесону лорд Дарси связался с сэром Ангусом Макриди, главным следователем его лордства маркиза Эдинбургского. Приезжал лорд Кембертон в Шотландию, совершенно верно, но только не в отпуск. Он не рассказывал сэру Ангусу, чем занят, но это какие-то следственные дела. Сэр Ангус обещал разузнать, что это были за дела. «Хорошо, м'лэйрд,— сказал он,— я займусь этим сам. Не скажу никому ни слова и доложу вам лично».

Были шотландские расследования лорда Кембертона причиной его смерти или нет, оставалось под вопросом. В Шотландии последователей у священного братства древнего Альбиона — кот наплакал, да и вряд ли убийство произошло там. Доставить труп из Эдинбурга в Кентербери довольно-таки затруднительно; надо очень уж захотеть подбросить этот труп в Кентербери, чтобы решиться на подобную транспортную операцию. Совсем отбрасывать такой вариант рано, решил лорд Дарси, но пока не появятся какие-либо серьезные аргументы в его пользу, стоит поискать место преступления где-нибудь поближе.

Местные стражники со всей определенностью установили, что лорд Кембертон был убит не там, где его нашли. По мнению хирурга, из глубокой колотой раны должна была обильно течь кровь, однако в герцогском гробу крови не нашли ни капли. Так или иначе, стоит самому осмотреть мастерскую краснодеревщика, так как доклад стражников, переданный ему через его высокопреосвященство архиепископа, страдал излишней лаконичностью.

Осматривать тело до прибытия мастера Шона нет никакого смысла; все эти штуки с окрашиванием трупа

в синий цвет определенно попахивают какой-то магией. Тем временем нужно будет зайти в герцогский замок и задать вопрос-другой. Но самое первое, конечно, это — завтрак.

Увидев в дверях своей мастерской дворянина, мастер Уолтер Готобед низко поклонился, прикоснувшись кончиками пальцев ко лбу.

— Да, сэр. Чем могу служить, сэр?

— Вы Уолтер Готобед, мастер-краснодеревщик?

— К вашим услугам, сэр,— вежливо ответил старик.

— Я — лорд Дарси, специальный следователь Рыцарского суда Его Величества. Я бы хотел занять немного вашего времени, мастер Уолтер.

— Конечно, ваше лордство.

В глазах старика мелькнула боль.

— Несомненно, насчет лорда Кембертона. Вы не пройдете вот сюда, ваше лордство? Да. Бедный лорд Кембертон, это чтобы вот так взяли и убили, ужасная, скажу вам, история, ваше лордство. Здесь мой кабинет, здесь нам никто мешать не будет, ваше лордство. Вы не откажетесь сесть на этот стул, ваше лордство? Одну секунду, ваше лордство, я только смахну с него опилки. Опилки — они ведь всюду лезут, ваше лордство. Ну вот, так что же ваше лордство желало бы знать?

— Как я понимаю, тело покойного лорда Кембертона было найдено здесь, в вашей мастерской?

— Да-да, ваше лордство, и какая же это была жуткая история, если вы позволите мне так выразиться. Совершенно ужасная история. Нашли его, как раз мы-то и нашли его, прямо в гробу его сиятельства. Целители сказали мне, что у его сиятельства почти нет надежды, а ее сиятельство, герцогиня, она попросила, чтобы я постарался для его сиятельства, что я, конечно же, и сделал, а вчера утром мы пришли сюда, а он там, то есть лорд Кембертон, в этом гробу, где он совсем и не должен был быть. И весь как есть синий, ваше лордство, весь как есть. Мы даже и не узнали его сперва, из-за этого-то.

— Да уж, зрелище, думаю, не слишком бодрящее, — пробормотал себе под нос лорд Дарси. — Так как же все это случилось?

С выматывающими душу подробностями мастер Уолтер рассказал события столь памятного ему утра.

— Так вы не имеете ни малейшего представления, как он сюда попал? — спросил лорд Дарси, когда мастер-краснодеревщик закончил наконец свое эпическое повествование.

— Ни малейшего, ваше лордство, ну ни малейшего. Вот то же самое спрашивал у меня и шеф Бертрам, ваше лордство. «Как он сюда попал?» — вот что он у меня спросил. А мы не знаем, никто из нас. Окна заперты, двери заперты, задняя дверь закрыта на засов изнутри. Ключи только у меня и моего подмастерья Генри Лавендера, а ни один из нас сюда и близко не подходил накануне вечером или ночью. Шеф Бертрам подумал было сперва, что это ученики его сюда засунули, — ну, вроде как злая шутка. Это сперва, когда, значит, шеф Бертрам не узнал еще, кто это там такой, и он думал тогда, что они украли тело из морга медицинского колледжа или еще откуда, но только мальчики клянутся, что ничего они про это не знают, и я верю им, ваше лордство. Они хорошие ребята и никогда не сыграют со мной такую шутку. Вот так прямо я и сказал шефу Бертраму.

— Понимаю. А еще просто для протокола, где были вы, подмастерье Генри и ученики в ночь на понедельник?

Мастер Уолтер показал пальцем на потолок.

— И я, и ребята были наверху, ваше лордство. Я там живу, и у меня есть комната для учеников. Добрая женщина Бейли приходит к нам днем, прибирает и готовит обед — моя жена уже восемнадцать лет как скончалась, упокой, Господи, ее душу.

Он перекрестился.

— Значит, в мастерскую можно пройти еще и сверху?

Мастер Уолтер указал в угол.

— Вот эта лесенка ведет прямо ко мне в спальню, ваше лордство; видите — вон там, наверху, люк. Только ею никто не пользуется лет, наверное, десять. Ноги у меня уже не те, чтобы по лесенкам карабкаться. Теперь мы все ходим по лестнице, которая снаружи дома.

— А мог кто-нибудь другой воспользоваться этой лесенкой без вашего ведома, мастер Уолтер?

Старик твердо покачал головой.

— Чтобы я не знал — это никак не получится, ваше лордство. Если я здесь, внизу,— я их увижу. Если я наверху — услышу; им пришлось бы передвинуть мою кровать, чтобы добраться до этого люка. К тому же у меня очень чуткий сон и я легко просыпаюсь. Когда тебе за девяносто, спишь совсем не так крепко, как в молодости, ваше лордство.

— А вчера утром, когда вы спустились сюда, все засовы и запоры были на месте?

— Да-да, ваше лордство. Все было закрыто, крепко-накрепко.

— Вы говорите, что другой ключ есть у подмастерья Генри. А где был он?

— Дома он был, ваше лордство. Генри женат, у него прелестная жена — пока она замуж не вышла, ее фамилия была Толливер, одна из дочек Бена Толливера. Это, значит, мастера Бена, здешнего пекаря. Генри с женой живут в городе, не в замке, стражники у ворот увидели бы его, ваше лордство, если бы он вернулся, а он и не возвращался, так и сам он говорит, и жена его тоже, и я обоим им верю. Да к тому же у Генри не больше причин устроить такое, чем у ребят.

— А наложены на ваши замки и запоры защитные заклинания?

— О да, ваше лордство, конечно же, наложены. Как же можно без них, ваше лордство. Самые обычные, ваше лордство, как у всех; держать их круглый год обходится мне в пять соверенов, да на такое дело денег не жалко.

— Работал, надеюсь, волшебник с лицензией? Не какой-нибудь лесной колдун или деревенская ведьма?

Само такое предположение явно потрясло и обидело старика.

— О нет, ваше лордство, как можно! Я же законопослушный человек, всю жизнь таким был. У мастера Тимоти есть лицензия, все честь по чести. Да к тому же у этих у всех, про кого вы сказали, у них магия паршивенькая, это чтобы хуже не сказать. Не верю я этим еретическим штукам, что черная магия, она, значит, сильнее белой. Это все равно что сказать, что Дьявол сильнее, чем Господь Бог, — старик снова перекрестился, — а уж я-то такого никогда не скажу.

— Разумеется, мастер Уолтер, разумеется.

Лорд Дарси старался успокоить не на шутку разволновавшегося краснодеревщика.

— Вы поймите, это моя обязанность — задавать такие вопросы. Так, значит, все было крепко заперто?

— Конечно, ваше лордство, конечно. Да и вообще, не умри его сиятельство той ночью, лорд Кембертон так и пролежал бы там до сегодняшнего утра. Если бы не смерть милорда, мы бы вообще не открывали мастерскую, ведь тут праздник и все такое.

— Праздник?

В голосе лорда Дарси появилось недоумение.

— А какой это праздник — восемнадцатое мая?

— Только в Кентербери, ваше лордство. Это у нас особый день благодарения. Как раз в этот день в 1589 году — а может, в 1598-м, я всегда путаю, — предатель провел в замок банду убийц. Пятеро их было. Это заговор был, чтобы убить и герцога, и всю его семью. Только заговор этот раскрыли, замок обыскали и повязали их всех, так они ничего и не успели. А потом всех повесили, прямо здесь вот, во дворе замка.

Мастер Уолтер показал за окно, на площадь перед своей мастерской.

— И вот с того времени, в годовщину, у нас день благодарения за спасение жизни герцога — хотя он все равно умер через несколько лет, куда ж денешься. В замковой часовне служат специальную мессу, и в соборе тоже, и вся стража выходит, и устраивается

такой вроде как церемониальный обыск всего замка, и герцогская личная гвардия во всей парадной форме, и маршируют, и везде флаги, и потом тут вот вздергивают пять чучел, а вечером фейерверк. Очень все красиво, ваше лордство.

— Не сомневаюсь.

Слушая пространный рассказ мастера Уолтера, лорд Дарси сумел наконец припомнить исторические факты.

— И что же, вчера так все и было?

— Нет, ваше лордство, на этот раз ничего такого не было. Капитан герцогской гвардии решил, что некрасиво это будет, когда в семье траур, и вообще. И его высокопреосвященство архиепископ тоже так думал. Нехорошо как-то было бы возносить благодарность за спасение жизни герцога, который уже чуть не четыре сотни лет лежит на кладбище, когда его сиятельство, покойный, еще даже не успели лечь в свою могилу. Просто выстроили караул на пять минут в молчании, и салютовали его сиятельству.

— Конечно, это было самое правильное,— согласился лорд Дарси.— Получается, не умри его светлость, вы бы так и не заглянули в мастерскую до сегодняшнего утра? А когда вы последний раз запирали ее перед тем, как открыли вчера утром?

— В субботу вечером, ваше лордство. То есть не я запирал ее, ее запер Генри. Я немного устал и рано ушел наверх. И вообще, на ночь запирает обычно Гарри.

— И гроб был тогда пустой?

— Наверняка, ваше лордство, наверняка. Этот гроб — моя особая гордость, ваше лордство, если позволите мне так выразиться. Особая гордость. Я специально проверил, нет ли опилок или еще чего такого на шелковой обивке внутри.

— Понимаю. А во сколько вы запирались в субботу вечером?

— Лучше спросить у Генри, ваше лордство. *Г-е-енр-и-и!*

Подмастерье появился почти мгновенно. Покончив с процедурой знакомства, лорд Дарси повторил вопрос.

— Я закрывал мастерскую в полдевятого, ваше лордство. Во дворе было еще светло. Послал учеников наверх и все запер.

— И в воскресенье здесь никого не было?

Лорд Дарси по очереди поглядел на мастера Уолтера и Генри.

— Нет, ваше лордство,— ответил мастер Уолтер.

— Ни одной живой души,— сказал Генри Лавендер.

— Ни одной живой души, возможно,— сухо прокомментировал лорд Дарси.— Только одно мертвое тело.

Ровно в одиннадцать двадцать дуврский поезд остановился у перрона. Когда в дверях одного из вагонов появился низенький толстоватый ирландец в ливрее герцога Нормандского и с большим, расписанным загадочными символами саквояжем, лорд Дарси окликнул его:

— Мастер Шон! Сюда!

— А! Вот и вы, милорд! Очень рад вас видеть. Надеюсь, хорошо провели отпуск? То есть то, что вам оставили от отпуска.

— Если уж по-честному, старина Шон, начало уже немного надоедать. Думаю, эта небольшая задача — как раз то, что надо нам обоим, чтобы стряхнуть пыль и паутину со своих застоявшихся мозгов. Идемте, там нас ждет кэб.

Описывая происшедшие события, лорд Дарси старался говорить как можно тише, его голос еле перекрывал цокот копыт и грохот колес по мостовой. Мастер Шон О Лохлейн внимательно выслушал историю о смерти герцога и убийстве лорда Кембертона; не узнал он лишь того, что задание поставлено лично самим королем.

— Я проверил все запоры,— сообщил в заключение лорд Дарси.— На задней двери простой тяжелый засов, снаружи его не открыть, разве что при помощи магии. То же самое касается и окон. На ключ закрывается только главная дверь. Вам надо проверить заклинания; у меня есть ощущение, что эти люди

говорят правду и что никто из них не имеет отношения к убийству.

— Вы узнали имя волшебника, который обслуживает эти запоры, милорд?

— Некий мастер Тимоти Видо.

— Ясно. Я посмотрю его в справочнике.

Мастер Шон задумался.

— Как я понимаю, в смерти его сиятельства герцога нет ничего подозрительного, верно, милорд?

— Любая смерть, имеющая касательство к делу об убийстве, пробуждает обычную для меня болезненную подозрительность. Но сперва надо поглядеть на тело лорда Кембертона. Сейчас оно в морге главного управления стражи.

— А нельзя ли, милорд, попросить кучера остановиться около какой-нибудь аптеки, прежде чем мы отправимся в морг? Я хотел бы кое-что прихватить.

— Конечно.

Лорд Дарси переговорил с кучером, и вскоре кэб подъехал к небольшому магазинчику. Мастер Шон вошел туда и очень быстро вернулся. В руках у него была небольшая банка, наполненная какими-то сухими листьями. Многие из них были раскрошены, а уцелевшие имели форму наконечника стрелы.

— Друидской магией занялись, мастер Шон? — спросил лорд Дарси.

На мгновение онемевший мастер Шон улыбнулся.

— Пора бы мне к вам привыкнуть, милорд. Как вы догадались?

— Выкрашенный в синее труп приводит на ум обычай древних бриттов покрывать себя синей краской перед битвой. Вы направляетесь в аптеку и появляетесь оттуда с банкой, набитой характерными стреловидными листьями вайды[1]. Естественно, я де-

[1] Вайда — имеется в виду вайда красильная, листья ее дают темно-синюю краску (индиго), которую использовали для окрашивания сукна. С этой целью вайду ранее широко культивировали в Западной Европе.

лаю вывод о том, что вы думаете примерно так же, как и я. Эти листья понадобились вам для проверки на подобие.

— Абсолютно верно, милорд.

Вскоре кэб остановился перед дверью главного управления стражи, а еще несколько минут спустя лорд Дарси и мастер Шон были уже в морге. Служитель с почтительного расстояния наблюдал, как они осматривают бренную земную оболочку покойного лорда Кембертона.

— Вот так его и нашли, милорд? Голого?

Удивлен был даже ко многому привыкший мастер Шон.

— Так мне сказали,— пожал плечами лорд Дарси.

Открыв свой саквояж, мастер Шон начал извлекать оттуда разнообразные предметы. Пока он был поглощен важной задачей подбора нужных для работы инструментов и материалов, в морге появился Бертрам Лайтли, шеф стражи города Кентербери. Он не стал отвлекать мастера Шона от работы — волшебникам, занятым своим делом, не мешают.

Шеф Бертрам — круглолицый, розовощекий — выражением лица неуловимо напоминал дружелюбную лягушку.

— Мне сказали, что вы здесь, ваше лордство.

Говорил он тихо, чтобы не помешать заезжему волшебнику.

— Мне надо разобраться с кое-какими делами в конторе. Я вам нужен зачем-нибудь?

— Сию секунду — нет, шеф Бертрам, однако, вне всякого сомнения, мне еще понадобится ваша помощь в этом деле.

— Простите меня, пожалуйста,— мастер Шон говорил, не отрываясь от своего занятия,— вы поручали хирургу осмотреть тело, шеф Бертрам?

— Конечно, мастер волшебник. Вы хотели бы с ним поговорить?

— Нет. Пока в этом нет необходимости. Просто изложите мне вкратце, каково его заключение.

— Ну, доктор Делл считает, что его лордство мертв уже от сорока восьми до семидесяти двух часов, плюс, конечно же, время, которое он находится под предохранительным заклинанием. Про этот отрезок времени врач, естественно, ничего сказать не может. Смерть наступила от колотой раны в спине. Длинный нож или неглубокий удар шпагой. Прямо под левую лопатку, между ребер, в сердце. Умер почти сразу.

— А говорил что-нибудь врач насчет кровотечения? — Да. Он сказал, что крови из такой раны должно было вытечь порядочно. Так он и сказал — порядочно.

— Легко поверить. Взгляните, милорд.

Лорд Дарси подошел поближе.

— На теле действительно было предохранительное заклинание, будьте уверены. Теперь действие его закончилось, но на поверхности — лишь следы микроорганизмов. А внутри — вообще ничего живого. После того как кровь свернулась, тело вымыли, а затем — выкрасили. Рана совершенно чистая, и, как вы можете видеть, краска попала внутрь нее. Ну а теперь поглядим, действительно ли этот краситель — вайда.

— Вайда? — переспросил шеф Бертрам.

— Да, вайда. Закон Подобия позволяет определять такие вещи. Понимаете, краска на теле должна быть полностью подобна той, которая содержится в листьях. Если это так — мы получим реакцию. Все это — следствие более широкого Закона Метонимии: действие подобно причине, символ подобен символизируемому. И, конечно же, наоборот.

Затем мастер Шон еле слышно пробормотал нечто неразборчивое и провел пальцем вдоль листа вайды.

— Посмотрим,— тихо продолжил он.— Посмотрим.

Он приложил листик к животу трупа и почти сразу снял его. Сторона листа, касавшаяся кожи, стала синей, а на коже трупа появилось белое, без малейших следов краски пятно, формой своей и размером точно совпадавшее с листом.

— Вайда.

В голосе волшебника звучало удовлетворение.

— Без малейших сомнений — вайда.

Мастер Шон укладывал свое хозяйство обратно в саквояж. Получаса оказалось вполне достаточно для получения всех нужных данных. Он отряхнул руки.

— Идемте, милорд?

Лорд Дарси кивнул, и они направились к двери. У нее их поджидал невысокий человек лет пятидесяти пяти, с седеющими волосами, худым лицом, спокойными голубыми глазами и примечательным орлиным носом. На полу у ног незнакомца располагался испещренный загадочными изображениями саквояж, вроде того, который нес в руке мастер Шон.

— Здравствуйте, коллега.— Голос его оказался довольно высоким.— Я — мастер Тимоти Видо.— Тут он отвесил небольшой поклон.— Здравствуйте, ваше лордство. Надеюсь, вы не имели ничего против; мне было очень интересно понаблюдать за вашими процедурами. Я всегда интересовался следственным волшебством, хотя это и не мое поле деятельности.

— Я — Шон О Лохлейн,— представился маленький ирландец.— А это — мой начальник, лорд Дарси.

— Да, да, я знаю. Мне сказал шеф Бертрам. Разве не ужасно? Я имею в виду убийство лорда Кембертона.

Он двинулся вслед за лордом Дарси и мастером Шоном, и все трое вышли на улицу.

— Как я понимаю, в вашей работе приходится делать много анализов на подобие, мастер Шон? Совершенно незнакомая мне техника. Защитные заклинания, предохранительные, восстановительные — вот и все, чем я обычно занимаюсь. Всякая хозяйственная работа. Не такая, естественно, романтичная, как у вас, но мне нравится. Получаешь удовлетворение от хорошо выполненной работы и все такое прочее. Но мне всегда интересно было узнать, чем живут коллеги.

— Так вы пришли сюда, чтобы понаблюдать за работой мастера Шона, мастер Тимоти?

Голос лорда Дарси звучал совершенно безразлично.

— О нет, ваше лордство. Меня пригласил шеф Бертрам.

Тут мастер Тимоти бросил взгляд на мастера Шона и хихикнул.

— Вы будете смеяться, мастер Шон. Он захотел узнать, сколько будет стоить сохранитель такой большой, чтобы его хватило на обслуживание кухни в казармах наших стражников!

Мастер Шон и вправду тихо засмеялся, затем сказал:

— А узнав цену, он, наверное, решил, что ему достаточно и старого, доброго ледника. Значит, вы — местный агент по продаже?

— Да. Только боюсь, что от этого нет пока большой выгоды. Продал всего только один и вряд ли скоро продам второй. Слишком дорого. Я получаю небольшие комиссионные, но настоящий мой заработок будет от обслуживания. Заклинание надо обновлять каждые шесть месяцев или около того.

На лице мастера Шона появилась прямо-таки заискивающая улыбка.

— Звучит очень интересно. У этого заклинания, вероятно, крайне своеобразная структура.

— Да, крайне своеобразная.— Мастер Тимоти тоже улыбнулся.— Я бы с радостью поговорил с вами об этом...

На лице мастера Шона улыбка сменилась выражением напряженного внимания.

— ...но, к крайнему моему сожалению, мастер Саймон наложил на весь этот процесс защитное заклинание тайны.

— Так я и думал,— со вздохом произнес мастер Шон.

— Я не очень помешаю, если спрошу, о чем это вы разговариваете? — спросил лорд Дарси.

— О, простите, милорд,— торопливо ответил мастер Шон.— Просто сугубо профессиональные разговоры. Мастер Саймон из Лондона открыл новый прин-

цип защиты пищевых продуктов от порчи. Обычно накладывают отдельное заклинание на каждый сохраняемый объект — так делают, например, крупные виноторговцы со своими бочонками. А он придумал способ накладывать заклинание на специальный сундук, и потом все, что туда положено, не портится. Понимаете, идея в том, чтобы накладывать заклинание не на *объект,* а на область *пространства,* и с тем же самым эффектом. Но процесс этот пока что очень дорог.

— Понятно,— несколько неуверенно ответил лорд Дарси.

Мастер Шон заметил, видимо, эту неуверенность.

— Давайте бросим говорить о цеховых делах, мастер Тимоти. Э-э... так ваше лордство хотело, чтобы я поглядел на эти замки? Может быть, у мастера Тимоти найдется свободный часок?

— Замки? — заинтересовался мастер Тимоти.

Мастер Шон объяснил ему ситуацию с замками мастерской краснодеревщика.

— Конечно же, мастер Шон. Буду очень рад помочь.

— Вот и прекрасно,— подытожил лорд Дарси.— А как только разберетесь во всем, приходите во дворец милорда архиепископа. Очень благодарен вам за желание помочь, мастер Тимоти.

— Всегда готов услужить, ваше лордство,— сказал низенький горбоносый волшебник.

В тихой, уютной гостиной своего дворца его высокопреосвященство архиепископ представил лорда Дарси высокому, худощавому человеку с бледным лицом и рыжеватыми волосами, зачесанными назад с высокого, выпуклого лба. Все это дополнялось светлыми серо-голубыми глазами и располагающей улыбкой.

— Лорд Дарси,— сказал архиепископ,— позвольте представить вам сэра Томаса Лесо.

— Очень рад познакомиться, ваше лордство,— улыбнувшись, сказал сэр Томас.

— Почту за честь. С огромным интересом прочитал вашу популярную книгу «Символизм, математика и магия». Боюсь, что более специальные ваши работы выше моего понимания.

— Вы очень любезны, милорд.

— Если позволите, — сказал архиепископ, — я покину вас. У меня накопилось много срочных дел.

— Конечно, ваше высокопреосвященство, — ответил лорд Дарси.

Когда за его высокопреосвященством закрылась дверь, лорд Дарси приглашающим жестом указал сэру Томасу на стул.

— Надеюсь, никто не знает про нашу с вами встречу?

— Насколько это зависит от меня, милорд.

По губам сэра Томаса мелькнула горькая улыбка, одна бровь чуть приподнялась.

— Не говоря уж о том, что мне могут перерезать глотку, я попросту потеряю всякое значение в роли двойного агента, если братство обнаружит вдруг, что у меня было назначено свидание с королевским офицером. Чтобы попасть сюда, я воспользовался туннелем, ведущим в подвалы дворца из крипты кафедрального собора.

— Вас могли видеть, когда вы входили в церковь.

— Вот это их совсем не беспокоит, милорд.

Сэр Томас пренебрежительно махнул рукой.

— С того времени, как братство запретили, нам приходится притворяться. Нет смысла избегать церкви и привлекать этим к себе внимание, если ты даже и не христианин.

Его улыбка снова скривилась.

— А почему, собственно, и нет? Если от человека требуют, чтобы он изображал веру в языческий друидизм и страстно отрицал веру в Христа на сборищах горстки немытых и нечесаных фанатиков, то почему этим самым язычникам нельзя притворяться, что они верят в Христа, притворяться с той же самой целью — чтобы прикрыть свои настоящие занятия. Разница лишь в том, что в одном случае закон стоит на твоей стороне, а в другом — нет.

— Мне казалось,— сказал лорд Дарси,— что разница в том, стоишь ли ты против короля и Отечества или нет.

— Нет, нет,— энергично покачал головой сэр Томас.— Вот тут-то вы и ошибаетесь, милорд. Священное братство древнего Альбиона поддерживает короля и Отечество ничуть не меньше, чем вы или я.

Сунув руку в висевший на поясе кошель, лорд Дарси достал кисет с табаком и принялся набивать фарфоровую трубку.

— Объясните мне, пожалуйста, поподробнее, сэр Томас. Я хочу узнать про братство как можно больше — и про его теории, и про практические действия.

— Тогда я начну с теории, милорд. Братство состоит из людей, верящих в то, что этим островам Судьбой — Судьбой с большой буквы — предназначено принести мир и процветание всему человечеству. А чтобы исполнить это предначертание, мы должны вернуться к верованиям и обычаям исконных обитателей островов — кельтов, которые по праву владели ими ко времени вторжения Цезаря, то есть к 55 году до Рождества Христова.

— А разве кельты *были* аборигенами этих островов?

— Вы поймите меня, милорд...

В голосе сэра Томаса появилось что-то от педагога, вразумляющего непонятливого ученика.

— Я же пытаюсь рассказать вам то, во что братство верит официально. Когда разбираешься в мотивах человеческого поведения, надо исходить из того, что человек *считает* верным, а не из того, что верно *в действительности.*

Лорд Дарси раскурил наконец свою трубку и кивнул:

— Простите меня, пожалуйста. Продолжайте.

— Благодарю вас, милорд. Вся эта языческая практика базируется на пантеистической теологии. У Бога не три ипостаси, их — бесконечное множество. Христианская точка зрения, по их мнению, верна, но крайне ограниченна. Бог един — это верно, однако он более

чем триедин, он бесконечно-един. Они считают, что христианская вера в триединого Бога не более верна — и не более ложна,— чем утверждение: «На берегах Англии есть три песчинки».

Сэр Томас развел руками.

— Мир полон духов — деревья, камни, животные, любые предметы — все они полны... ну, пусть будет «духов», за неимением лучшего слова. Далее, все эти духи разумны — зачастую совершенно непостижимым для нас образом, но тем не менее — разумны. Каждый из них индивидуален и может располагаться где угодно в спектре от «доброго» до «злого». Одни из них — сильнее, другие — слабее. Некоторые из них, например дриады, прочно связаны с чем-то материальным, примерно так же, как душа человеческая — с телом. Другие являются «свободными духами» — это, как мы называем, «призраки», «демоны», «ангелы». Некоторыми из духов, вообще-то говоря — большинством, можно управлять, одними — прямо, другими — опосредованно, через других духов. Их можно уговорить, подкупить, им можно угрожать.

Так вот, древние бритты владели всеми тайными приемами уговаривания этих духов — или их подкупа, или управления ими — как вам будет угодно. Похоже, что этими приемами владеют и братья-друиды, принадлежащие к внутреннему кругу братства. Во всяком случае, именно так они говорят прочим братьям. Большинство из друидов — «древней крови», как они это называют,— выходцы из Шотландии, Ирландии, Уэльса, Бретани, с Оркнейских островов, острова Мэн и так далее. Чистокровные кельты, по их словам. Иногда, правда, во внутренний круг допускаются и лица англосаксонского, норманнского или франкского происхождения. Остальных просят не беспокоиться.

И не думайте, что они против Отечества, милорд. Ни в коем случае. Нам предначертано править всем миром — в конечном итоге. Королю Британских островов суждено стать правителем Империи, которая по-

кроет весь земной шар. И что такое — король? Он — щит, защита от дурного глаза, амулет, не дающий ордам «плохих духов» портить жизнь всем и каждому. Король сдерживает бури, предотвращает землетрясения, глад и мор — вообще оберегает своих подданных ото всяческого ущерба.

За короля и Отечество, милорд,— но только не совсем в том смысле, как это понимаете вы или я.

— Интересно,— задумчиво произнес лорд Дарси.— А как же они объясняют то, что в Британии все-таки бывают ураганы и заморозки?

— Ну а это, понимаете ли, недосмотр Его Величества. Если король не ведет себя как ему подобает — другими словами, не следует древней вере и не делает все по друидским законам,— тогда его защита ослабевает, и сквозь нее может пробраться Враг.

— Ясно. А среди этих законов есть и такой, согласно которому Его Величество должен милостиво разрешить убить себя, ежели братству такое вдруг заблагорассудится?

— Не совсем точно, милорд. Не «ежели заблагорассудится», а только если стране угрожает серьезная опасность. Или каждый седьмой год — уж что наступит раньше.

— А как насчет других жертвоприношений?

— Насколько мне известно, человекоубийства не было. Однако каждое из их сборищ сопровождается ритуальным закланием какого-либо животного. Какого именно — это зависит от цели собрания и времени года. — И все это грубо нарушает законы,— заметил лорд Дарси.

— Совершенно верно,— согласился сэр Томас.— Все мои доклады и собранные мною досье хранятся у его высокопреосвященства архиепископа. Как только будут все необходимые доказательства, можно будет подмести их подчистую, до последнего. Слишком уж далеко они заходят со своими пагубными теориями.

— Вы говорите прямо с какой-то страстью, сэр Томас.

— Еще бы. Суеверия, милорд, — основной источник смятения умов у низших классов. Каждый день они видят, что делают на научной основе официальные волшебники, и в результате готовы поверить буквально в любую глупость, путая науку и суеверия. Именно поэтому мы должны бороться со всеми этими черными магами, шаманами, колдунами, ведьмами и прочей криминальной публикой, не давая им устраивать свои шабаши. А то человек заболел и, вместо того чтобы обратиться к настоящему целителю, идет к какому-то неграмотному колдуну, который вполне способен приложить к ране заплесневелый хлеб, сопровождая это бессмысленным бормотанием. А то и того чище, пациент с больным сердцем может получить отвар наперстянки или настой какой другой травы, не имеющей ни малейшей символической связи с его болезнью. С этим, милорд, давно пора покончить.

В голосе теоретика больше не слышалась скучающая ирония; видимо, эта тема действительно берет его за живое, подумал лорд Дарси. Конечно же, дипломированные целители тоже используют при случае различные лекарства и травы, но всегда — на научных основаниях, в соответствии с Законами Магии; по большей части, однако, они полагались на наложение рук — символ их целительного искусства. Человек, идущий со своей болезнью к кому угодно, кроме священника-целителя, или поверяющий свои боли и беды шарлатану, действующему вне рамок Церкви, воистину сильно рискует.

— У меня тоже нет ни малейших сомнений, сэр Томас, что братство это нуждается в основательной чистке. Однако, если только вы не намерены сообщить Его Величеству Королю, что настало время нанести удар, я, боюсь, не в состоянии ждать, пока ваш капкан захлопнется. Мне надо разрешить конкретную задачу — кто и почему убил лорда Кембертона.

Сэр Томас встал, сунул руки в карманы и угрюмо уставился на свисающий со стены гобелен.

— Я все время думаю об этом, думаю с того самого момента, как узнал о его смерти.

— Думаете — о чем?

— Об этой краске, вайде, — я так понимаю, что это и вправду была вайда, милорд?

— Вайда.

— В таком случае это прямо указывает на братство. Некоторые члены внутреннего круга обладают Талантом — плохо тренированным, используемым во зло, но вполне определенным. Вы знаете, милорд, нет в мире зрелища, более приводящего в отчаяние, чем используемый во зло Талант. Это просто преступление!

Лорд Дарси кивнул, выражая согласие со сказанным. Понятно, почему этот вопрос так задевает сэра Томаса. Сам теоретик не обладает сколь-нибудь заметным Талантом. Он теоретизирует, а всю практическую работу проводят другие. Он предлагает схему экспериментов, а осуществляют их другие — опытные, обученные волшебники. Но сэра Томаса не оставляла страстная мечта самому проводить свои эксперименты. Видеть, как другие используют во зло то, на что он сам не способен, было для сэра Томаса как острый нож.

— Беда в том, — продолжал сэр Томас, — что у меня нет никаких ниточек. Я не слышал ни о каком заговоре с целью убийства лорда Кембертона. Не могу даже представить себе, чем мог он помешать братству. Конечно же, это не значит, что нет какой-нибудь причины, мне неизвестной.

— А не занимался ли он, часом, расследованием деятельности братства?

— По крайней мере, мне это неизвестно. Разумеется, он мог расследовать дело, касающееся кого-то, кто связан с братством.

Лорд Дарси в задумчивости разглядывал табак, тлеющий в трубке.

— И тогда этот гипотетический кто-то использовал богатые возможности братства, чтобы избавить себя от угрозы разоблачения или от того, чем ему был опасен лорд Кембертон?

— Вполне возможно,— согласился сэр Томас.— Но тогда эта предполагаемая личность должна стоять довольно высоко в иерархии внутреннего круга. И даже в таком случае крайне сомнительно, чтобы они пошли на убийство в чьих-то личных интересах.

— А совсем необязательно, чтобы эти интересы были личными. Ну вот, скажем, если Кембертон обнаружил, что некий житель этого города является польским агентом, но не знал при этом, что тот связан заодно еще и с братством. Что может случиться в такой ситуации?

— Вполне возможно,— повторил сэр Томас.

Покончив с изучением гобелена, он повернулся к лорду Дарси.

— В таком случае он и другие польские агенты вполне могли прикончить лорда Кембертона. Только это ничуть нас не подвигает, милорд. После многих месяцев работы у меня все еще нет ни малейших указаний на то, что кто-либо из внутреннего круга связан с Польшей. Более того, внутренний круг состоит из семи человек, и по крайней мере троих из них я все еще не сумел опознать.

— Они скрывают свои лица? — В некотором смысле. Рядовые члены братства являются на собрание в белых одеяниях с капюшонами вроде монашеских; внутренний круг выделяется зелеными одеяниями с капюшонами, полностью закрывающими лицо — за исключением отверстий для глаз. Считается, что их никто не знает, но я лично сумел точно опознать четверых, а пятого — предположительно.

— Почему же тогда вы говорите, что не можете опознать по крайней мере троих из них? Почему такая осторожная оговорка?

Сэр Томас улыбнулся.

— Это очень умные люди, милорд. На собраниях их всегда семеро, но в действительности — больше. Может быть, даже целая дюжина. На любом конкретном сборище в зеленое одеты семеро, а остальные — в белое. И они время от времени меняются одеяниями, так

что члены братства, не имеющие отношения ко внутреннему кругу, считают, что мастер имярек во внутренний круг не входит — они же видели его в обычной белой одежде.

— Если я правильно понимаю, ни на одно собрание не приходят все одновременно, — сказал лорд Дарси. — В противном случае этот фокус потихоньку раскрылся бы.

— Совершенно верно, милорд. Приходят те, кому сообщили дату, время и место.

— А где обычно проводятся эти собрания?

— В лесу, милорд. Поблизости от города есть несколько подходящих рощиц. Все абсолютно безопасно. Вокруг расставляют часовых, которые сразу поднимут тревогу, если появится стража. Ни один обыватель не решится и близко подойти, а сообщить офицеру короля — тем паче: все они до смерти боятся братства.

— Вы говорите, их семеро. Почему, интересно?

— Опять суеверие, милорд. — Сэр Томас сардонически рассмеялся. — Считается, что это мистическое число. А ведь любой ученик волшебника может сказать вам, что универсальным символическим значением обладает только пятерка.

— Конечно же, — согласился лорд Дарси. — Неодушевленная природа стремится избегать пятиричности.

— Вот именно, милорд. Не бывает пятигранных кристаллов. Даже додекаэдр, правильный многогранник с двенадцатью пятиугольными гранями, в природе никогда не встречается. Не стану излагать вам всю эту длинную математику, но, если верны мои последние теоремы, гипотетические «первичные составные элементы» материальной вселенной не могут появляться в комбинациях по пять. Вселенная, построенная из таких совокупностей, распалась бы в прах за неуловимую долю секунды.

Он улыбнулся.

— Конечно же, этим «кирпичикам», если они и существуют, суждено навсегда остаться гипотетическими — они ведь должны быть столь малы, что их не

рассмотришь и в сильнейший микроскоп. С тем же успехом можно пытаться рассмотреть геометрическую точку на геометрической линии. Все это — символические абстракции: они очень удобны для работы, однако реальное их существование крайне сомнительно.

— Понимаю. Однако, с другой стороны, живые существа?..

— Живые существа проявляют пятиричность. Морская звезда. Многие цветы. Пальцы человеческих конечностей. Пять — это очень мощное число, милорд, очень важное для магии, что видно по обширному применению пентакля и пентаграммы во многих областях тауматургии. Используется и шестерка, ведь слово «гекс», которым иногда называют заклинание, происходит от «гексагона», шестиугольника, изображенного на Соломоновой Печати.

Шестерка очень часто встречается в природе, как одушевленной, так и нет. Снежинки, пчелиные соты и прочее. Она послабее пятерки, но все же полезна. Но семерка — это же совсем бестолковое число. Ее полезность настолько ограничена, что почти равна нулю. Ее использование в Книге Откровения святого Иоанна Богослова связано с вербальной символогией, которая...

Тут сэр Томас прервался с кривой улыбкой.

— Простите меня, милорд. Я давно заметил, что меня быстро заносит в педагогику, если забываю следить за собой.

— Да нет, мне было очень интересно, — сказал лорд Дарси. — Однако больше всего меня интересует другое: не могло ли случиться так, что лорд Кембертон пал жертвой какого-то дикого ритуала жертвоприношения?

— Я... не... знаю.

На этот раз сэр Томас говорил очень медленно, задумчиво. Он нахмурился, ненадолго замолк и добавил:

— Думаю, такое нельзя исключать. Но это значило бы, что лорд Кембертон сам являлся членом внутреннего круга.

— Почему?

— Ему нужно было *с охотой* пойти на смерть, иначе жертва бессмысленна. Конечно, в последнее время были попытки — в основном из-за подстрекательства польских агентов — сделать исключение для короля. Но эти попытки не нашли достаточно сильной поддержки. Большинство этих людей, милорд, — безнадежно запутавшиеся фанатики, однако они абсолютно искренни. Изменить такую существенную часть верований совсем не столь уж просто, как это, видимо, кажется королю Казимиру IX. Если бы Его Славянскому Величеству сказали, что брак, при котором невеста отвечает священнику против своей воли, с упертым в бок ружьем, является истинным святым таинством, то он был бы просто потрясен, поверь кто-нибудь в такое. Однако он, похоже, думает, что последователей друидизма можно с легкостью заставить поверить в нечто до крайности недруидическое. Его Славянское Величество далеко не глуп, но ведь и в самом остром глазу есть слепое пятно.

— Ну а возможно ли, — спросил лорд Дарси, — что лорд Кембертон и вправду *принадлежал* к внутреннему кругу?

— Честно говоря, я так не думаю, милорд, но совсем отбрасывать такой вариант нельзя. Наверное, вам имеет смысл просмотреть мои письменные доклады. Все копии есть у милорда архиепископа.

— Отличная мысль, сэр Томас.

Лорд Дарси поднялся со стула.

— Я хотел бы получить список выявленных членов, а также список подозреваемых.

Он посмотрел на часы. До назначенной заранее встречи с семьей покойного герцога Кентского оставалось еще два с половиной часа. Времени хватит.

— Сюда, ваше лордство. Их сиятельства и сэр Эндрю готовы принять вас, — поклонился лакей.

По длинному коридору лорд Дарси был препровожден в гостиную, где его ожидала семья покойного герцога.

Самого герцога, его жену и сына лорд Дарси видел иногда в свете. Однако ни с леди Энн, их дочерью, ни с братом герцогини, сэром Эндрю Кэмпбеллом-Макдональдом, он прежде не встречался.

Человек доброжелательный, хотя и строгий, покойный де Кент не мог похвастать чувством юмора; при всей строгости своих моральных принципов он никогда не был ни резок, ни злопамятен. Он снискал глубокое уважение по всей Империи, но особенно — в собственном герцогстве.

Маргарет, герцогиня Кентская, второй ребенок и единственная дочь покойного сэра Остина Кэмпбелла-Макдональда, вышла замуж за герцога в 1944 году, когда ей было чуть больше двадцати, а ему — лет на двадцать больше. Одаренная быстрым, сообразительным умом, веселая, остроумная и до сих пор очень привлекательная женщина, на протяжении всех этих двух десятков лет она искрилась жизнью и блистала в свете на фоне своего более спокойного, умеренного супруга. Она любила веселые балы, хорошие вина и хорошую еду. Она обожала танцевать и скакать верхом. Она — одна из немногих женщин — состояла членом знаменитого лондонского игорного клуба «Уорденс».

При всем при том на нее ни разу не пала ни малейшая тень скандала. Она тщательно избегала ситуаций, которые могли возбудить хоть каплю подозрения насчет ее — или ее семьи — аморального или непорядочного поведения.

В семье герцога было двое детей: девятнадцатилетний наследник титула лорд Квентин и леди Энн, которая, если верить доходившим до лорда Дарси слухам, в свои шестнадцать лет уже успела превратиться в очаровательную юную леди. В обоих детях ощущалась живость матери, однако воспитаны они были хорошо и вели себя безукоризненно.

Брат герцогини Кентской, сэр Эндрю, имел репутацию добродушного, общительного, остроумного человека. Чуть не двадцать пять лет он провел в Новой Англии, северном материке Нового Света, и вернулся

домой, в Англию, лет пять тому назад. Возраст его приближался к шестидесяти.

Вдовствующая герцогиня сидела на стуле, обитом парчой. Фигура этой красивой женщины с возрастом нисколько не испортилась, а лишь обрела зрелость; в густых каштановых волосах еще не появилось ни единого седого волоска. Выражение лица герцогини выдавало то напряжение, в котором она находилась последние дни, но глаза ее смотрели ясно и спокойно.

Рядом со стулом, высокий и прямой, стоял печальный лорд Квентин, ее сын. К нему, как непосредственному наследнику трона герцога Кентского, уже обращались «ваше сиятельство» и «милорд герцог», хотя для того, чтобы взять бразды правления в свои руки, ему требовалось еще подтверждение титула королем.

На небольшом, но почтительном расстоянии от этой сиятельной пары стоял сэр Эндрю Кэмпбелл-Макдональд.

Лорд Дарси поклонился.

— Ваши сиятельства, сэр Эндрю, мне очень жаль, что наша встреча случилась при столь печальных обстоятельствах. Как вам известно, я всегда восхищался покойным его сиятельством.

— Вы очень любезны, милорд,— сказала вдовствующая герцогиня.

— Печалит меня также и то,— продолжал лорд Дарси,— что я нахожусь здесь не только по личным мотивам — чтобы отдать последний долг покойному его сиятельству, но и в официальном своем качестве.

Молодой лорд Квентин слегка кашлянул.

— Не надо извиняться, милорд. Мы понимаем, таков ваш долг.

— Благодарю вас, ваше сиятельство. В таком случае, я начну с вопроса: когда каждый из вас последний раз видел лорда Кембертона живым?

— Недели три тому назад,— ответил лорд Квентин.— В конце апреля. Он уезжал в Шотландию, в отпуск.

Вдовствующая герцогиня кивком подтвердила слова сына.

— Это было в субботу. Значит, двадцать пятого числа.

— Верно,— согласился молодой герцог.— Двадцать пятого апреля. И никто из нас с тех пор его не видел. Я имею в виду — живым. По просьбе шефа стражи я опознал его тело.

— Понятно. Мне хотелось бы знать, может ли кто-нибудь из вас высказать предположение о причине, по которой некто захотел избавиться от лорда Кембертона?

Лорд Квентин прищурился, размышляя. Герцогиня ответила, прежде чем он успел что-либо сказать.

— Конечно, нет. Лорд Кембертон был прекрасным и очень порядочным человеком.

Лицо лорда Квентина прояснилось.

— Да, это был очень хороший человек. Не могу представить, кому и зачем понадобилось его убивать.

— Если позволено будет высказаться мне,— вмешался сэр Эндрю,— лорд Кембертон, как я понимаю, передал в руки королевского правосудия многих злодеев. Я слышал, что ему не раз угрожали, угрожали люди, отправленные в тюрьму после того, как их преступления были вскрыты благодаря его усилиям. Так разве не может быть так, что одна из этих личностей исполнила свою угрозу?

— В высшей степени возможно,— согласился лорд Дарси.

Он уже договорился с шефом Бертрамом относительно проведения розыска в этом направлении. Это было обычным порядком при расследовании смерти офицера королевского правосудия.

— Очень может быть, что именно здесь и лежит ответ. Однако я, естественно, просто обязан принимать во внимание буквально любую возможность.

— Не хотите ли вы предположить, милорд,— в голосе вдовствующей герцогини позвякивали льдинки,— что в этом ужасном преступлении замешан кто-либо из рода Кентов?

— Я ничего не предполагаю, ваше сиятельство,— ответил лорд Дарси.— Мои обязанности состоят не в

том, чтобы делать предположения, а в том, чтобы устанавливать факты. Когда все факты будут извлечены на свет, отпадет всякая нужда в предположениях и подозрениях. Правда, какой бы она ни была, всегда указывает в верном направлении.

— Конечно.— В голосе герцогини появилось что-то похожее на смущение.— Вы должны простить меня, милорд,— это все от переутомления.

— Вы действительно должны простить мою сестру,— поддержал герцогиню сэр Эндрю.— Ее нервы сейчас далеко не в лучшем состоянии.

— Я еще могу говорить сама за себя, Эндрю.

Вдовствующая герцогиня на секунду прикрыла глаза.

— Но в то же время мой брат прав, лорд Дарси,— добавила она.— Последнее время я не очень хорошо себя чувствую.

— Ради Бога простите меня, ваше сиятельство,— мягко ответил лорд Дарси.— Я вовсе не имел намерения доставлять вам дополнительные огорчения в такое трудное для вас время. Думаю, в настоящий момент у меня нет больше вопросов. Будем считать, что на некоторое время с официальными моими обязанностями покончено. Могу ли я быть чем-либо полезен вам лично?

Она снова прикрыла глаза.

— Сейчас — ничем, милорд, хотя я очень благодарна вам за предложение. Квентин?

— Сейчас — нет,— повторил за матерью лорд Квентин.— Если ваша помощь потребуется, милорд, то я сообщу вам об этом.

— Тогда, с разрешения ваших светлостей, я покину вас. Еще раз примите мои извинения.

Сопровождаемый сенешалем, лорд Дарси по тому же длинному коридору направился к выходу. Однако не успел он достичь двери, как путь ему преградила неожиданно появившаяся откуда-то сбоку совсем молодая девушка. Не было ни малейшего сомнения, кто это — столь разительно походила она на свою мать.

— Лорд Дарси? — произнесла она юным, чистым голосом.— Я — леди Энн.

Девушка протянула ему руку.

Слегка улыбнувшись, лорд Дарси склонился к этой руке. Целовать руки молодым девушкам считалось чуточку старомодным, но, видимо, леди Энн считала себя в свои шестнадцать вполне взрослой и стремилась это показать.

Однако, взяв протянутую ему руку, лорд Дарси понял, что недооценил дочь герцога.

— Весьма польщен, миледи,— сказал он, коснувшись губами юной руки, и одновременно в его ладонь незаметно скользнула зажатая в этой руке плотно сложенная бумажка.

— К сожалению, я не смогла поприветствовать вас, милорд.— Голос девушки звучал совершенно спокойно.— Я не очень хорошо себя чувствую, у меня ужасная мигрень.

— Не стоит беспокоиться, миледи. Надеюсь, вам скоро станет лучше.

— Благодарю вас, милорд. Ну а до того времени...— И она прошла мимо.

Лорд Дарси не оборачивался, однако был уверен, что кто-то из троих в гостиной открыл дверь и наблюдал за этой встречей.

И только выйдя за главные ворота герцогского дворца, он развернул полоску бумаги.

Там было написано:

«Милорд, мне надо поговорить с вами. Приходите в кафедральный собор, к раке святого Томаса, в шесть. *Пожалуйста!*»

Подпись гласила: «Энн Кентская».

В пять тридцать, сидя в своих апартаментах во дворце архиепископа, лорд Дарси слушал доклад мастера Шона.

— Мы с мастером Тимоти обследовали все замки и засовы на окнах и дверях мастерской краснодеревщика, как вы и просили, милорд. Хорошие заклинания,

милорд: солидная, профессиональная работа. Конечно, я лично смог бы открыть любой из них, но для этого надо серьезно знать дело. Ни один простой взломщик или волшебник-дилетант тут не справится.

— Ну, и в каком они состоянии? — поинтересовался лорд Дарси.

— Насколько мы поняли, ни один из замков не открывался. Конечно, это еще ничего не значит, ведь как хороший слесарь может открыть замок и закрыть его снова, не оставив никаких следов, точно так же хороший волшебник мог снять эти заклинания и снова наложить их, да так, что ничего потом не заметишь. Но это была бы работа по высшему классу, милорд.

— Так-так.

Лорд Дарси задумался.

— А вы справились в реестре гильдии, Шон?

— Первое, что я сделал, милорд.— Мастер Шон улыбнулся.— Согласно реестру гильдии волшебников, в Кентербери сейчас есть только один человек, способный на такую работу,— не считая, естественно, меня.

— Насчет вас я нисколько не сомневаюсь, старина Шон.— Лорд Дарси тоже улыбнулся.— Так только один? В таком случае совершенно очевидно...

— Вот именно, милорд. Это — сам мастер Тимоти.

Кивком выразив свое удовлетворение, лорд Дарси выбил пепел из трубки.

— Очень хорошо. Встретимся попозже, мастер Шон. Мне надо еще кое-что выяснить. Нам нужно больше фактов.

— И где же вы собираетесь искать их, милорд?

— В церкви, мастер Шон, где же еще, как не в церкви.

На лице мастера Шона, глядевшего вслед удаляющемуся лорду Дарси, отразилась явная озабоченность.

— Возможно,— пробормотал он себе под нос, только наполовину в шутку,— его лордство собирается вознести молитву Всевышнему, дабы тот сжалился и сказал нам, кто же это сделал.

В это время в соборе почти никого не было. Какие-то две женщины молились у усыпанной драгоценными камнями раки святого Томаса Бекета, несколько человек молились у других гробниц. Несмотря на то что снаружи все было залито вечерним солнцем, в соборе царил полумрак; солнечные лучи, почти горизонтально проникая сквозь витражи окон, освещали стены, почти не рассеивая полумрак в соборе.

Святой Томас все еще пользовался популярностью, хотя идеи, за которые он сражался и умер восемь веков тому назад, мало кого уже волновали. Даже вопрос о причастности Генриха II, первого короля из династии Плантагенетов, к смерти архиепископа Томаса интересовал одних только историков, которые, скорее всего, никогда не смогут прийти к согласию. Чудом оправившись после едва не оказавшейся смертельной раны, нанесенной арбалетной стрелой при осаде Шалю, Ричард Львиное Сердце приложил все старания, чтобы оградить Генриха II от любых упреков,— и это при том, что сам боролся с отцом до самого дня его смерти. Да и наследовавший Ричарду Артур, его племянник,— «добрый король Артур», столь часто смешиваемый в народных легендах с Артуром из Камелота,— сделал кое-что для того, чтобы обелить своего дядю. Теперь все это не имеет особого значения. Главное — потомки Артура, включая нынешнего Джона IV, до сих пор владеют той Империей, которую основал Генрих.

И Генрих II по праву занимает столь же почетное место в истории, как и Томас — на небесах.

Приблизившись к раке, лорд Дарси узнал в одной из коленопреклоненных женщин леди Энн. Чтобы не мешать, он остановился, не доходя до нее нескольких ярдов. Окончив молитву и поднявшись на ноги, девушка оглянулась, увидела лорда Дарси и направилась прямо к нему.

— Спасибо, что пришли, милорд.

Ее голос звучал очень тихо.

— Крайне жаль, что нам приходится встречаться таким образом. Семейство решило, что мне лучше не говорить с вами, потому что они считают меня глупой, увлекающейся девчонкой. Но это не так, действительно не так,— хотя я и вправду думаю, что вы — просто великолепны.

Она не спускала с него больших серых глаз.

— Видите ли, милорд, я знаю про вас все. Леди Ивонна — моя школьная подруга. Она говорит, что вы — лучший следователь во всей Англии.

— Я стараюсь быть им, миледи.

Лорд Дарси несколько смутился. Он только раз говорил с Ивонной, дочерью маркиза Руанского, да и весь тот разговор состоял из пары десятков слов, но и этого, видимо, хватило, чтобы вызвать у девочки острый приступ обожания — обычной для школьниц болезни. То, как горели глаза леди Энн, свидетельствовало, что эта болезнь ко всему еще и заразная.

— Я думаю, что чем скорее вы разрешите загадку смерти лорда Кембертона, тем лучше будет для всех, вы согласны? Поэтому я молилась святому Томасу, чтобы он помог вам. Уж он-то должен понимать кое-что в убийствах, правда ведь?

— Думаю, да, миледи,— согласился лорд Дарси.— А вы считаете, что для разгадки этого убийства мне требуется особое вмешательство святого Томаса?

Леди Энн явно смутилась, но затем увидела искорки смеха в серо-стальных глазах знаменитого следователя. На ее губах появилась ответная улыбка.

— Я этого не думаю, милорд, но никогда и ни в чем нельзя быть полностью уверенным. К тому же святой Томас и сам не станет помогать, если вы не будете нуждаться в этой помощи.

— Я краснею, миледи.

На деле лорд Дарси и не думал краснеть.

— Уверяю вас, у нас со святым Томасом не будет и капли профессионального соперничества. А так как я работаю в интересах правосудия, небеса зачастую приходят мне на помощь, прошу я об этом или нет.

Неожиданно посерьезнев, леди Энн сказала:

— А бывает так, чтобы небеса мешали вашей работе? Я имею в виду — в интересах божественного милосердия?

— Такое тоже случается иногда,— серьезным тоном признал лорд Дарси.— Только я не стал бы говорить «мешают», лучше сказать «озаряют состраданием», вам, наверное, понятна разница, миледи?

Девушка утвердительно кивнула:

— Думаю, да. Да, конечно же, понятна. Очень рада услышать это от вас, милорд.

И тут лорда Дарси осенило. Леди Энн подозревает кого-то, человека, которого ей жалко. А так ли верно подобное предположение? Может, она говорит все это, движимая состраданием к себе самой?

«Не спеши,— предостерег себя лорд Дарси.— Не спеши, скоро все узнаешь».

— Причина моей встречи с вами,— леди Энн снова понизила голос,— состоит в том, что я, кажется, нашла Ключ.

Лорд Дарси прямо-таки услышал заглавную букву.

— Неужели, миледи? Расскажите мне о нем.

— На самом деле целых *два* Ключа.

Теперь ее голос превратился в заговорщический шепот.

— Первый — это то, что я видела. Я видела лорда Кембертона вечером одиннадцатого, в прошлый понедельник, когда он вернулся из Шотландии.

— Послушайте, это же крайне важно!

Теперь лорд Дарси говорил таким же шепотом.

— Где и когда, миледи?

— Дома, в замке. Было уже очень поздно — почти полночь, очень скоро после этого ударили в колокол. Мне не спалось. Папа был так плох, и я...— она замолкла, чтобы проглотить набегавшие слезы,— я очень беспокоилась и не могла уснуть. Я глядела в окно — мои комнаты на втором этаже — и увидела, как он вошел в боковую дверь. Там есть газовый фонарь, который не гасят всю ночь, и я ясно увидела его лицо.

— А вам известно, что он делал потом, в замке?

— Нет, милорд. Я об этом и не думала. Я никуда не выходила из своих комнат и в конце концов заснула.

— А после этого вы видели лорда Кембертона живым?

— Нет, милорд. Да и мертвым — тоже. А он что, и *вправду* был выкрашен в синий цвет?

— Да, миледи.

Лорд Дарси немного помолчал.

— А второй ключ, миледи?

— Понимаете, я, по правде говоря, не знаю, имеет ли он какое-то значение. Судите сами. Тогда, в понедельник вечером, когда лорд Кембертон вернулся домой, у него на руке висел длинный зеленый плащ. Я обратила на это внимание, ведь он был в темно-синем плаще, я еще подумала, зачем ему сразу два плаща?

Глаза лорда Дарси чуть сузились.

— И?..

— И вот вчера... понимаете, милорд, я чувствовала себя довольно плохо. Мы с отцом были очень близки, и...

Она снова прервалась, чтобы справиться с набегавшими слезами.

— Как бы там ни было, я просто бродила по замку. Мне хотелось побыть одной. Я оказалась в западном крыле, которым мы почти не пользуемся, разве только для размещения гостей, и где в это время никого не было. Я почувствовала дым — странный запах, совсем не похожий на запах горящих дров или углей. Я пошла на запах и попала в одну из гостевых комнат. Кто-то разводил огонь в камине; мне это показалось странным, ведь вчерашний день был теплым и солнечным, вроде сегодняшнего. Кто-то успел переворошить золу, но от нее еще поднимался дымок. Запах был как от горящей тряпки, и это тоже показалось мне очень странным, так что я порылась в золе кочергой — и нашла *это*!

Леди Энн двумя пальчиками извлекла нечто из сумочки, висевшей у нее на поясе, и торжественно протянула это нечто лорду Дарси.

— По-моему, милорд, один из наших слуг знает кое-что об убийстве лорда Кембертона!

Лорд Дарси смотрел на зажатый между тонкими пальчиками маленький клочок обгоревшей по краям зеленой ткани.

Мастер О Лохлейн вошел в комнату лорда Дарси с большой коробкой под мышкой и сияющей улыбкой на круглой ирландской физиономии.

— Достал, милорд! — торжествующе возвестил он.— В одной из обивочных мастерских нашелся целый ящик. И почти того же цвета.

— Значит, подойдет?

— Да, милорд.

Маленький волшебник взгромоздил коробку на ближайший стол.

— Поработать придется порядочно, но мы должны получить нужные вам результаты. Кстати, милорд, по дороге я зашел в больницу аббатства и поговорил с целителем, который проводил вскрытие покойного его сиятельства герцога. И преподобный отец, и врач, ему ассистировавший, уверены: его сиятельство умер естественной смертью. Никаких следов яда.

— Великолепно! Естественная смерть значительно лучше согласуется с моей гипотезой, чем тонкое, исхищренное убийство.

Лорд Дарси указал на коробку, принесенную мастером Шоном.

— А теперь давайте взглянем на эту вату.

Мастер Шон послушно открыл коробку: ее до краев заполнял какой-то зеленый пух.

— Вот эта вата, милорд. Мелко нарубленное льняное волокно, такое же, из какого соткан ваш кусочек ткани. Вообще-то, это скорей даже не вата, а корпия. Единственный материал, который нам подойдет.

Окинув взглядом комнату, он нашел интересовавший его предмет.

— Ага! Вижу, вы добыли уже поворотный барабан.

— Да. Милорд архиепископ поручил одному из своих мастеровых соорудить его для нас.

Это был небольшой бочонок, объемом, наверное, в несколько галлонов, с ручкой сбоку. Бочонок стоял на подставке так, что его можно было вращать за эту ручку. С другой стороны он закрывался плотной крышкой.

Мастер Шон подошел к шкафу и достал оттуда свой большой расписанный саквояж. Поставив саквояж на стол рядом с коробкой, он начал извлекать из него различные предметы.

— Только это — довольно длительный процесс, милорд. Сложная штука, тут не получится, чтобы раз, два — и готово. Мастер Тимоти Видо гордится умением соединить края разорванной ткани так, что не образуется шва, а ведь эта операция по сравнению с тем, чего хотим мы, не столь уж сложна. Ему всего-то и надо, что воспользоваться Законом Сродства; края разорванной ткани находятся в таком высоком сродстве, что все получается мгновенно.

А вот этот пух, у него же нет ни малейшего сродства с нашим огрызком тряпки. Поэтому приходится использовать Закон Синекдохи, гласящий, что часть эквивалентна целому — и наоборот. А теперь посмотрим. Как там, все сухое?

Разговаривая, он подбирал инструменты и материалы, необходимые для наложения нужных ему заклинаний.

Лорду Дарси всегда доставляло огромное удовольствие наблюдать, как работает мастер Шон, и слушать, как он при этом сопровождает каждое свое действие пространным комментарием. Многое из этого он слушал по сотому уже, наверное, разу, но всегда находилось нечто такое, что он откладывал у себя в памяти на будущее. Разумеется, лорд Дарси не мог прямо использовать эти знания, у него не было для этого ни Таланта, ни, пожалуй, и склонности. Однако при его роде занятий никакие знания не могли оказаться лишними.

— Вы же видели, конечно, милорд,— продолжал свою лекцию мастер Шон,— как кусочек янтаря притягивает к себе нитки или клочки бумаги, если потереть его перед этим шерстью, а стеклянная палочка делает то же самое, если натереть ее шелком. Так вот, здесь в основе своей, то же самое явление, только в этом случае требуются структурирование и концентрация силы. В этом-то вся трудность. А теперь, милорд, на некоторое время мне нужна полная тишина.

Прошел почти целый час, пока мастер Шон закончил все приготовления к эксперименту. Он посыпал зеленый пух и обгорелую тряпицу различными порошками, бормотал заклинания и рисовал своим жезлом в воздухе сложные символы и узоры. Лорд Дарси сидел совершенно тихо; опасно мешать волшебнику, занятому своей работой.

В конце концов мастер Шон вывалил все содержимое коробки в бочонок; туда же он бросил и клочок зеленой ткани. Затем, плотно закрыв крышку, он, продолжая тихо бормотать заклинания, начертил жезлом в воздухе еще несколько загадочных фигур.

— А вот теперь начинается самая скучная часть, милорд,— сказал он.— Волоконца тут довольно мелкие, но все равно придется крутить этот бочонок не меньше полутора часов. Тут же все построено на вероятности, милорд. Края этого лоскутка будут пытаться найти волоконца наиболее похожие на те, с которыми они соединялись прежде. Затем этот кусочек волокна найдет другой, и так далее. Так вот, в самом грубом приближении, чем мельче предметы раздроблены, тем идентичнее они становятся. В теории, если чистое вещество — например, соль — разделить на мельчайшие возможные частицы, все они будут абсолютно идентичны. В газе... но это к делу не относится. Короче говоря, возьми я, скажем, полудюймовые зеленые волоконца, мне бы потребовались их многие тонны, а вертеть пришлось бы несколько дней. Не буду утруждать вас математикой всего этого дела. Как бы там ни было, потребуется время, так что...

Улыбнувшись, лорд Дарси сделал успокаивающий жест.

— Спокойствие, дорогой Шон. Я это предвидел.

Потянув за шнур звонка, он вспомнил вдруг, как всего день назад король точно так же предугадал, что понадобится ему самому.

В дверь постучали, и на «войдите» лорда Дарси в комнату робко вошел молодой человек в одеянии послушника.

— Брат Дэниел, если не ошибаюсь? — спросил вошедшего лорд Дарси.

— Д-да, милорд.

— Брат Дэниел, это мастер Шон. Мастер Шон, старший послушник сообщил мне, что брат Дэниел виновен в небольшом нарушении правил ордена. Наказанием ему должны быть несколько часов монотонной работы. Так как вы — дипломированный волшебник и, следовательно, облечены соответствующим доверием, то вы вправе наложить наказание на послушника, если он сам на то согласится. Что скажете вы, брат Дэниел?

— Как милорду будет угодно.

Юноша не знал, куда деваться от смущения.

— Отлично. В таком случае, мастер Шон, я оставляю брата Дэниела на ваше попечение, а сам удалюсь на пару часов. Хватит вам этого?

— Вполне, милорд. Садитесь на табуретку, брат. Вам только и потребуется крутить эту ручку — медленно, без рывков, но и без остановок. Вот таким образом. Вот-вот. Правильно. А теперь — кончаем разговоры. Увидимся позже, милорд.

Вернулся лорд Дарси в сопровождении сэра Томаса Лесо. Брата Дэниела поблагодарили и отпустили.

— Готово, мастер Шон?

В голосе лорда Дарси слышалось нетерпение.

— Готово, готово, милорд. Ну-ка, давайте посмотрим...

Лорд Дарси и сэр Томас с молчаливым интересом наблюдали, как мастер Шон вскрывает свой бочонок.

Коротышка-волшебник извлек откуда-то тонкие кожаные перчатки.

— Понимаете, нельзя, чтобы на эту штуку попадала влага,— объяснил он, запуская руки внутрь деревянного цилиндра.— И металла нельзя касаться, а то сразу рассыпется. Теперь вынимаем, осторожно... потихоньку... вот!

От вытащенной им тонкой, напоминающей паутину ткани во все стороны разлетелись крошечные пушинки; и правда, вата, положенная ранее в бочонок, не была уже однородным комом, она приобрела форму и фактуру. В руках мастера Шона находилось нечто вроде длинного плаща с капюшоном, изготовленного из пушистой на вид, тонкой зеленой ткани. В передней части капюшона были два отверстия для глаз. С предельной осторожностью воссозданное одеяние было уложено на стол. Лорд Дарси и сэр Томас глядели на него, не прикасаясь.

— Никаких сомнений,— нарушил тишину сэр Томас.— Это был клочок одной из тех мантий, которые надевают семеро из братства Альбиона.

Он перевел взгляд на ирландца.

— Великолепная работа, мастер волшебник. Не думаю, чтоб мне доводилось раньше видеть лучше выполненную реконструкцию. По большей части они разваливаются на куски при первой же попытке взять их в руки. Насколько она прочна?

— Примерно как папиросная бумага, сэр. На наше счастье, последнее время погода была сухой. В сырую погоду,— тут он улыбнулся,— результат был бы больше похож на мокрую папиросную бумагу.

— Хорошо сказано, мастер Шон,— улыбнулся в ответ сэр Томас.

— Спасибо, сэр Томас.

Мастер Шон вынул рулетку и начал тщательно измерять реконструированный плащ, записывая все

цифры в свой блокнот. Покончив с этим занятием, он посмотрел на лорда Дарси.

— Вот, пожалуй, и все, милорд. Нужна нам зачем-нибудь эта штука?

— Думаю, нет. Вещественным доказательством она не является, да к тому же и не доживет до суда, рассыпется задолго до него.

— Что верно, то верно, милорд.

Он подхватил почти невесомое одеяние у левого плеча, где располагался первоначальный клочок материи, и запихнул большую часть плаща в ту самую коробку, в которой раньше лежала зеленая вата. Затем, продолжая держать рукой в перчатке обгорелый лоскуток, он дотронулся до мантии серебряным жезлом — и тут же от нее остался один этот лоскуток; остальной материал мгновенно вернулся к своему предыдущему состоянию — в бесформенный ком спутанных волокон.

— А это я спрячу как вещественное доказательство, милорд.

Через три дня, в пятницу двадцать третьего, лорд Дарси начал замечать у себя признаки беспокойства. Добавив еще несколько строк к черновику донесения, которое должно быть в итоге отослано Его Величеству, он заодно перечитал все, что написал раньше. Написанное ему не понравилось. Не выявилось ничего нового. Никаких новых улик, никакой новой информации. Лорд Дарси все еще ждал, что ему сообщит сэр Ангус Макриди, надеясь, что хоть это что-то прояснит. Но из Эдинбурга — ни ответа ни привета.

Похороны покойного его сиятельства герцога Кентского состоялись вчера, в четверг, реквием служил сам милорд архиепископ. Присутствовала чуть ли не половина аристократии Империи, включая Его Величество. По просьбе лорда Дарси милорд архиепископ разрешил ему сидеть у алтаря на клиросе, чтобы видеть лица присутствующих. Лица эти не подсказали лорду Дарси почти ничего.

Судя по информации, имеющейся у сэра Томаса Лесо, либо сам лорд Кембертон, либо сэр Эндрю Кэмпбелл-Макдональд, либо оба они состояли в братстве Альбиона. Это тоже ни о чем не говорило — весьма вероятно, что либо один из них, либо оба были заслана туда самим герцогом.

— Остается, старина Шон,— сказал он своему другу в четверг вечером,— все тот же самый вопрос, что и в понедельник. Кто и зачем убил лорда Кембертона? У нас есть уже много фактов, однако пока что ни один из них не имеет объяснения. Как и зачем попал лорд Кембертон в гроб герцога? Когда его убили? Где находилось тело, пока его не обнаружили?

А еще: почему лорд Кембертон нес зеленую мантию? Была ли это та самая, которую сожгли в понедельник? А если так, почему человек, уничтоживший ее, тянул с этим до понедельника? Зеленое одеяние подошло бы как лорду Кембертону, так и сэру Эндрю, они оба высокого роста. Но оно ни в коем случае не принадлежало никому из Кентов; самый высокий из них — лорд Квентин, но и ему не хватило бы дюймов шести роста, чтобы носить этот плащ, не наступая при каждом шаге на края.

Все это мне очень подозрительно, Шон. Мне совсем не нравится, куда указывают улики.

— Что-то я не очень понимаю вас, милорд,— отозвался мастер Шон.

— А вот послушайте. Вы были в городе, вы слышали, что говорят люди. Вы читали передовицы в «Кентербери Геральд». Все уверены, что именно братство Альбиона убило лорда Кембертона. Добрый человек Джек, этот вошедший в поговорку средний обыватель, не смог бы пройти мимо такой бросающейся в глаза улики, как вайда.

А что в результате? Члены братства перепуганы до полусмерти. Большинство из них — совершенно безвредные люди, если говорить по большому счету. Просто принадлежность к нелегальной организации дос-

тавляет им удовольствие, сходное с тем, которое получает маленький мальчик, воруя яблоки. А теперь вся христианская община дружно ополчилась на язычников, требуя предпринять какие-то меры. И ведь не только здесь, а по всей Англии, Шотландии и Уэльсу.

Не приносили лорда Кембертона в жертву, ни с его согласия, ни против его воли. Будь это жертвоприношение, его тело оказалось бы совсем в другом месте, скорее всего, его закопали бы в лесу.

Нет, его убили в замке Кентербери, не дальше крепостной стены, и это было именно убийство, а не жертвоприношение. А с какой стати тогда вайда?

— А может быть, как предохранительное заклинание, милорд? — предположил мастер Шон.— Древние бритты были достаточно знакомы с символикой и знали, что стреловидные листья вайды можно использовать для защиты. Они брали вайду, идя на битву. Им, конечно же, неоткуда было знать, что таким образом предохранительные заклинания не работают. Они...

— А вы сами стали бы использовать вайду в качестве составной части заклинания, защищающего труп от разложения? — прервал своего помощника лорд Дарси.

— Ну... нет, милорд. Вы же знаете, что есть значительно лучшие заклинания. Заклинания с вайдой требуют очень много времени, к тому же тело надо крайне тщательно окрасить. Да и вообще такие заклинания не слишком эффективны.

— А с чего бы им тогда пользоваться такими заклинаниями?

— А! Я понимаю, что вы хотите сказать, милорд!

Широкое ирландское лицо мастера Шона расплылось в улыбке.

— Конечно же! Тело *должно* было быть найдено! Вайду использовали для того, чтобы бросить тень на священное братство древнего Альбиона и отвести подозрение от кого-то другого. А может, цель этого убийства в том и состояла, чтобы досадить братству?

— Обе гипотезы не лишены смысла, мастер Шон, но у нас все еще мало данных. *Факты,* Шон, нам нужны *факты!*

И вот прошло еще двадцать четыре часа, а новых фактов как не было, так и нет. Обмакнув перо в бутылочку с чернилами, лорд Дарси доверил бумаге сей глубоко разочаровывающий факт.

Открылась дверь, и в комнате появился мастер Шон, а почти по пятам за ним — молодой послушник с подносом, на котором стоял завтрак для их лордства. Лорд Дарси отодвинул бумаги в сторону, освобождая место для подноса. Мастер Шон держал в руках конверт.

— Доставлено с нарочным, милорд. От сэра Ангуса Макриди из Эдинбурга.

Лорд Дарси чуть не вырвал у него долгожданное письмо.

Виноват был, конечно, только он сам. Три человека столпились вокруг стола, каждый из них пытался что-то сделать. Послушнику, пристраивавшему поднос на стол, пришлось отвести его немного в сторону, когда мастер Шон протянул конверт лорду Дарси. Угол подноса зацепил горлышко бутылочки с чернилами, та упала набок, и все ее содержимое выплеснулось на рукопись лорда Дарси.

На какое-то мгновение случившееся заставило всех застыть и смолкнуть, затем тишину нарушили обильные извинения послушника. Лорд Дарси глубоко вздохнул, а затем совершенно спокойно объяснил ему, что ничего такого страшного не произошло, что тот ни в коем случае не виноват и что он, лорд Дарси, ничуть не сердится. После этого, поблагодарив ошарашенного юношу за принесенный завтрак, лорд Дарси отпустил его.

— И не беспокойтесь об этом беспорядке, брат, — добавил мастер Шон. — Я приберу все сам.

Когда дверь за послушником закрылась, лорд Дарси горестно уставился на залитые чернилами листы, а затем на конверт, принесенный мастером Шоном.

— Вы же знаете, Шон, — ровным голосом произнес он, — что я не какой-нибудь там нервический, легковозбудимый тип. Однако, если в этом конверте, что у меня в руках, нет хороших новостей и полезной информации, я прямо вот сейчас брошусь на пол в бешеном приступе неконтролируемой ярости и буду грызть ковер. Грызть, пока не прогрызу в нем дыру.

— А мне и в голову не придет осуждать вас за это, милорд, — сказал мастер Шон, великолепно знавший, что уж так-то поступить его лордство не сможет никогда. — Пересядьте сюда, милорд, а я тем временем попробую немного разобраться с этим стихийным бедствием.

Лорд Дарси пересел в кресло у окна, а мастер Шон поставил поднос на маленький столик рядом с этим креслом. Жуя сэндвич и запивая его кофе, лорд Дарси прочитал донесение из Эдинбурга.

Хотя поездка лорда Кембертона по Шотландии и не проходила в свете всеобщего внимания, секретной ее тоже нельзя было назвать. Он посетил некоторые места, задал некоторые вопросы и ознакомился с некоторыми архивными записями. Сэр Ангус прошел по его следу и узнал все то, что узнал лорд Кембертон, хотя, по собственному его признанию, не имел ни малейшего представления, что покойное его лордство собирался делать с добытыми сведениями, какую гипотезу он разрабатывал, и вообще, значила ли эта информация хоть что-нибудь — даже для самого лорда Кембертона.

Наряду с другими местами его лордство посетил отдел гражданских записей и церковный брачный регистр. Его интересовали записи, касающиеся Маргарет Кэмпбелл-Макдональд, нынешней вдовствующей герцогини Кентской.

В 1941 году, когда ей было всего девятнадцать, будущая герцогиня вышла замуж за некоего Честера Лоуэлла, человека с крайне сомнительным прошлым. Его отец сидел в тюрьме за растрату, а жизнь свою

закончил, утонув при весьма загадочных обстоятельствах. Младший брат Честера, Ян, дважды попадал под суд по обвинению в занятиях магией без лицензии, однако оба раза был освобожден с вердиктом «не доказано». В конце концов он получил шесть лет за мошенничество, снова связанное с незаконной магией, и вышел на свободу только в 1959 году. Сам Честер Лоуэлл был азартным игроком наихудшей разновидности, человеком, который пытался набить свой карман, жульничая в карты и в кости.

Брак оказался очень коротким; уже через три недели Маргарет ушла от Честера Лоуэлла и вернулась домой. Лоуэлл, видимо, не очень горевал об утрате; во всяком случае, он не делал никаких попыток вернуть жену. Через шесть месяцев, окутанный густым облаком подозрений, он поспешно отбыл в Испанию; шотландские власти считали, что Честер Лоуэлл каким-то образом связан с исчезновением из одного из банков Глазго шести тысяч соверенов. Однако доказательства не были достаточно сильны, чтобы добиться экстрадиции[1] его из-под защиты короля Арагона. В 1942 году арагонские власти сообщили, что «инглез» Честер Лоуэлл был застрелен в Сарагосе во время ссоры, возникшей во время карточной игры. Шотландцы послали следователя, знавшего Лоуэлла в лицо, для опознания тела, после чего дело против него было закрыто.

«Вот те на! — подумал лорд Дарси.— Значит, Маргарет Кентская — дважды вдова».

Краткий брачный союз с Лоуэллом остался бездетным. В 1944 году, после восьми месяцев ухаживания, Маргарет стала герцогиней Кентской. Сэру Ангусу Макриди не было известно, знал ли тогда герцог о предыдущем браке своей невесты и узнал ли он о нем когда-нибудь потом.

---

[1] Экстрадиция — выдача иностранному государству лица, нарушившего законы этого государства.

Интересовался лорд Кембертон и сэром Эндрю Кэмпбеллом-Макдональдом. Прошлое его оказалось безупречным, а репутация в Шотландии — великолепной. В 1939 году он отправился в Новую Англию и служил некоторое время в Имперском легионе. Отлично проявил себя в трех сражениях с краснокожими туземцами и оставил службу с великолепным послужным списком и получив чин капитана. В 1957 году краснокожие варвары устроили набег на маленькую деревушку, в которой он жил, и после страшной резни сожгли ее дотла; некоторое время считалось, что сэр Эндрю погиб при этом налете. Он вернулся в Англию в 1959 году почти без пенни в кармане, так как все его скромное состояние погибло вместе с деревушкой. Получив от герцога Кентского пенсию и какой-то небольшой служебный пост, последние пять лет он жил вместе со своей сестрой и ее мужем.

Отложив письмо, лорд Дарси задумчиво допил кофе. По его виду не было похоже, что он собирается впадать в ярость и жевать ковер.

— Не хватает только волшебника,— размышлял лорд Дарси вслух.— Где в этом деле волшебник? Точнее говоря — *кто* он? Единственный волшебник в поле зрения — это мастер Тимоти Видо, но он, по всей видимости, не связан ни с лордом Кембертоном, ни с герцогским дворцом. Сэр Томас подозревает, что сэр Эндрю может быть членом братства Альбиона, но из этого еще совсем не следует, что тот хоть что-нибудь смыслит в магии.

Кроме того, лорд Дарси был вполне уверен, что, являясь сэр Эндрю членом внутреннего круга, он не стал бы столь вызывающе привлекать внимание к братству.

— Вот ваше донесение, милорд.

Очнувшись от своих раздумий, лорд Дарси увидел стоящего рядом мастера Шона. Его лордство смутно сознавал, что маленький ирландец занят чем-то в другом конце комнаты, но только теперь понял — чем именно. На листах рукописи, которые протягивал ему

волшебник, не было уже никаких следов пролитых чернил, разве что чуть влажноватые пятна; в то же время четкие, аккуратные штрихи почерка лорда Дарси остались без изменений. Лорд Дарси достаточно наслушался от своего помощника о магии, чтобы понять — тот просто использовал различие намерений. Все написанное нанесено на бумагу намеренно, с определенной целью, а разлитые чернила попали на нее по случайности, поэтому очищающее заклинание могло отличить одно от другого и удалить лишь второе.

— Спасибо, Шон. Как всегда, вы работаете быстро и точно.

— Слава Богу, вы не пользуетесь этими новомодными несмываемыми чернилами.— В голосе Шона звучало неодобрение.— Вот тогда бы потребовалось значительно больше времени.

— Н-да? — рассеянно сказал лорд Дарси, просматривая бумаги.

— Да, милорд. На чернила накладывают заклинание, делающее их несмываемыми. Это прекрасно для документов и банковских счетов и вообще везде, где нельзя вносить изменения. Но вот удалять пятна от таких чернил прямо-таки чертовски трудно. Мастер Тимоти рассказывал мне, что пару недель назад убил целых два часа, снимая чернильное пятно с ковра в кабинете герцога.

— Понятно,— с той же рассеянностью сказал лорд Дарси, продолжая просматривать бумаги. И вдруг замер.

Через несколько секунд лорд Дарси медленно повернул голову и посмотрел на мастера Шона.

— А мастер Тимоти не называл точную дату, когда это произошло?

— А зачем... нет, милорд, не говорил.

Отложив бумаги, лорд Дарси поднялся.

— Идемте, мастер Шон. Нам нужно задать мастеру Тимоти Видо несколько важных вопросов. Очень важных.

— Насчет чернил, милорд? — ошарашенно спросил волшебник.

— Да, именно насчет чернил. И насчет кое-чего настолько дорогого, что во всем Кентербери на него нашелся лишь один покупатель.

Достав из гардероба синий плащ, он накинул его на плечи.

— Идемте, мастер Шон.

— Итак,— сказал лорд Дарси через три четверти часа, когда они с мастером Шоном проходили через широко открытые ворота внешней крепостной стены Кентерберийского замка,— теперь мы знаем, что эта работа была проделана вечером одиннадцатого мая. Теперь остается уточнить еще один-два момента, и все пробелы в моей гипотезе будут заполнены.

Они направлялись прямо к мастерской мастера Уолтера Готобеда.

Генри Лавендер сообщил им, что в настоящий момент мастера Уолтера нет. Они с Томом Уайлдерспином взяли телегу и мула, чтобы отвезти стол одному городскому заказчику.

— Ничего страшного, добрый человек Генри,— сказал лорд Дарси.— Возможно, вы сможете нам помочь. Скажите, у вас найдется зебровое дерево?

— Зебровое, милорд? Думаю, найдется немного. Мы его мало применяем, милорд. Очень уж оно дорогое, милорд.

— Не будете ли вы добры посмотреть, сколько его у вас под рукой, добрый человек Генри? Мне бы очень хотелось знать.

— Конечно, милорд. Сейчас.

Он направился в большую кладовую, располагавшуюся в дальнем конце мастерской.

Как только подмастерье исчез из виду, лорд Дарси подскочил к задней двери мастерской. Дверь эта запиралась изнутри на обычную щеколду, открыть снаружи ее было невозможно. Лорд Дарси перевел взгляд на опилки, обрезки дерева и щепки, в изобилии валявшиеся под ногами, и быстро высмотрел то, что искал.

Подобрав с пола подходящую щепку, он заклинил ее так, чтобы она не давала щеколде опуститься между скобами. Покончив с этим, он вытащил из кармана длинную бечевку и перебросил ее через щепку. Затем вышел, открыв дверь и просунув под нее концы бечевки и вытянув их наружу; потом закрыл за собой дверь.

Оставшийся в мастерской мастер Шон внимательно наблюдал за происходящим. Бечевка натянулась и разом выдернула щепку из-под щеколды. Лишившись опоры, железная полоса с глухим стуком упала на место. Дверь была заперта.

Мастер Шон торопливо поднял щеколду, и лорд Дарси вернулся в мастерскую. Ни один из них не произнес ни слова, но улыбки на их лицах выражали полное удовлетворение.

Подмастерье Генри вернулся только через несколько минут; судя по всему, он не слышал звука падающей щеколды.

— У нас почти нет зебрового дерева, милорд.

В голосе его слышалось глубокое сожаление.

— Так, обрезки. Две трехфутовые доски шесть на три восьмых дюйма. Остатки от одной работы, которую мастер Уолтер выполнял несколько лет назад. Тогда пришлось заказывать материал, не помню, то ли в Лондоне, то ли в Ливерпуле, милорд.

Генри положил принесенные доски на соседний верстак. Чередование светлых и темных полос придавало дереву благородный вид, несмотря даже на грубую, необработанную поверхность.

— О, этого вполне хватит, — успокоил столяра лорд Дарси. — Я подумывал о ящичке для хранения табака. Что-нибудь чисто функциональное — простое, но элегантное. Безо всякой резьбы, чтобы выявлялась красота самого дерева.

Глаза Генри Лавендера зажглись энтузиазмом.

— Совершенно верно, милорд! Конечно, милорд! Какую конкретную конструкцию милорд имеет в виду?

— В этом я полагаюсь на вас и мастера Уолтера. Вместимость должна быть порядка двух фунтов.

Побеседовав еще несколько минут, они договорились о сроке изготовления и цене. А затем, словно случайно об этом вспомнив, лорд Дарси сказал:

— Да, кстати, добрый человек Генри... Мне кажется, что вас немного подвела память. Во вторник, когда я задавал вам вопросы.

— Милорд?

Подмастерье Генри был поражен, удивлен и, похоже, немного напуган.

— Вы сказали мне, что заперли все в субботу в половине девятого. Но вы забыли упомянуть, что кроме вас в мастерской был еще один человек. Некий джентльмен пришел сюда как раз тогда, когда вы собирались уходить. Он что-то попросил у вас, и вы принесли ему требуемое. Он вышел вместе с вами и стоял неподалеку, пока вы запирали дверь. Разве не так, Генри?

— Истинно, как Святое Писание, милорд, — с благоговением в голосе подтвердил столяр. — Откуда вы все это знаете?

— Я знаю это потому, что иначе просто быть не могло.

— Все так и происходило, милорд. Это был лорд Квентин, милорд. То есть я хотел сказать, новый герцог, а тогда он еще был лорд Квентин. Он попросил у меня кусок тисового дерева, чтобы использовать как пресспапье. Он знал, что у нас есть кусок полированного тиса, и захотел его купить, и я ему этот кусок продал. Только мне и в голову не приходило, что в этом есть что-то плохое, милорд!

— Вы не сделали ничего плохого, Генри, — ну разве что забыли рассказать мне про этот случай. Ничего страшного не произошло, но вам надо было вспомнить раньше.

— Простите меня, пожалуйста, милорд. Я просто не придавал этому никакого значения.

— Понятно, понятно. Только когда в следующий раз будете отвечать на вопросы офицера короля, постарайтесь не забывать подробности. Это может оказаться очень важным.

— Я не забуду, милорд.

— Будем надеяться. Всего хорошего, добрый человек Генри. С нетерпением жду свой ящичек для табака.

Направляясь к главным воротам через оживленный в это время дня замковый двор, мастер Шон спросил:

— А что, если бы у него не нашлось зебрового дерева, милорд? Как бы тогда вы исхитрились услать его из мастерской?

— Попросил бы кусок тиса,— сухо ответил лорд Дарси.— А теперь надо звонить в Шотландию. Думаю, в течение ближайших двадцати четырех часов я смогу закончить донесение.

В комнате было шесть человек. Маргарет, вдовствующая герцогиня Кентская, выглядела бледнее обычного, однако сохраняла всю свою царственность, оставаясь полной хозяйкой своей гостиной. Квентин, наследник герцогства Кентского, с мрачным лицом стоял возле камина; полуприкрытые глаза его внимательно наблюдали за происходящим. Сэр Эндрю Кэмпбелл-Макдональд картинно стоял у окна, засунув руки в карманы парадного костюма и слегка расставив ноги. Леди Энн сидела на стуле с прямой спинкой неподалеку от сэра Эндрю. Лицом к лицу с обитателями замка стояли лорд Дарси и мастер Шон.

— Я хочу еще раз извиниться перед вашими сиятельствами за наше столь бесцеремонное вторжение в столь тяжелое и печальное для вас время,— сказал лорд Дарси.— Однако необходимо разобраться в некоем небольшом деле, относящемся к юрисдикции короля. А если быть точнее — в деле о предумышленном убийстве. Одиннадцатого мая сего года лорд Кембертон тайно вернулся из Шотландии, где он добыл крайне интересную информацию — информацию, способную при определенном к ней подходе стать основой для шантажа. Именно из-за этих шотландских

находок он и был убит. Затем его тело было спрятано до ночи с прошлой субботы на воскресенье или до раннего утра воскресенья, в каковое время оно было помещено в гроб, изготовленный для покойного его сиятельства герцога.

Упомянутые сведения являлись не просто скандальными; при соответствующем использовании они могли стать настоящей катастрофой для герцогского рода. Если бы некто представил доказательства, что первый муж ее сиятельства герцогини еще жив, она бы потеряла все права на титул и превратилась в Маргарет Лоуэлл из Эдинбурга, а ее дети оказались бы незаконнорожденными и, следовательно, потеряли право претендовать на владение или правление герцогством Кентским.

Пока лорд Дарси говорил, вдовствующая герцогиня подошла к ближайшему стулу и тихо села. Лицо ее превратилось в бесстрастную маску.

Лорд Квентин не шелохнулся.

Леди Энн выглядела так, словно кто-то ударил ее по щеке.

Сэр Эндрю просто переступил с одной ноги на другую.

— Прежде чем продолжать, я хотел бы представить вам одного моего коллегу. Попросите его войти, мастер Шон.

Маленький ирландец открыл дверь, и в гостиную вступил средних лет человек с резкими чертами лица и песочно-желтыми волосами.

— Леди и джентльмены,— представил его лорд Дарси,— разрешите познакомить вас с детективом, мастером розыскных дел Александром Гленкэнноном.

Мастер Александр поклонился хранившей молчание четверке.

— Ваши сиятельства. Леди Энн. Большая для меня честь.

Затем он поднял глаза и в упор посмотрел на сэра Эндрю.

— Ну, здравствуй, Лоуэлл.

Человек, называвший себя сэром Эндрю, улыбнулся.

— Здравствуй, Гленкэннон. Итак, я влип, так что ли?

— Если ты предпочитаешь называть это так — то да, Лоуэлл.

— А вот я думаю, что нет.

Сделав неожиданное движение, бывший «сэр Эндрю» оказался позади стула леди Энн. Одна его рука, так и не извлеченная из кармана камзола, уперлась девушке в бок.

— Я бы еще задумался, стоит ли при помощи пистолета выяснять отношения с двумя офицерами Его Величества, но в данном случае, если возникнут неприятности, первой умрет эта девочка. А повесить меня два раза вам все равно не удастся.

Он говорил совершенно хладнокровно, как человек, привыкший выбираться из отчаянных ситуаций.

— Леди Энн, — негромко сказал лорд Дарси, — делайте в точности так, как он говорит. *В точности,* вы понимаете? Мы поступим так же.

Злость на себя за то, что не сумел предугадать, как поведет себя Лоуэлл, может обождать; сейчас надо думать, и думать быстро. Нельзя ручаться, что в кармане у этого человека действительно лежит пистолет, но приходится ему поверить на слово. Рисковать нельзя.

— Благодарю вас, милорд, — криво ухмыльнулся Лоуэлл. — Я верю, что все будут достаточно благоразумны и послушаются совета его лордства.

— И что же теперь? — спросил лорд Дарси.

— Теперь мы с леди Энн удалимся. Мы выйдем из комнаты, пересечем двор и покинем пределы замка. В течение двадцати четырех часов ни один из вас не выйдет отсюда. К тому времени я окажусь в безопасности. Если все будет именно так, леди Энн сможет вернуться — без единой царапины. А если поднимется шум и крик... впрочем, зачем об этом говорить, ведь такого же не может случиться, правда?

Кривая улыбка «сэра Эндрю» стала еще шире.

— А теперь — прочь от этой двери. Идем, Энн, тебе предстоит небольшая приятная прогулка в обществе любимого дядюшки.

Леди Энн встала и вышла из комнаты, сопровождаемая Лоуэллом, ни на мгновение не спускавшим глаз с остальных. Дверь закрылась.

— Я бы не хотел услышать, что эта дверь открывается, прежде чем я выйду из замка, — раздался голос Лоуэлла, приглушенный толстыми дубовыми досками. Затем послышались звуки удаляющихся по коридору шагов.

В гостиной была еще одна дверь, и лорд Дарси бросился к ней.

— Нет! Пусть он уходит!

— Идиот! Он убьет Энн!

Лорд Квентин и герцогиня закричали почти одновременно.

Лорд Дарси не обратил на них внимания.

— Мастер Шон! Мастер Александр! Проследите, чтобы эти люди вели себя тихо и не покидали комнату, пока я не вернусь!

С этими словами он выбежал из гостиной.

Лорд Дарси до тонкости знал все закоулки замка Кентербери. В свое время он тщательно изучил чертежи всех важнейших замков Европы. Пробежав коридор, он, шагая через ступеньку, начал подниматься по каменной лестнице. Он бежал все вверх и вверх, направляясь на обнесенную зубчатой стеной крышу огромного здания.

Наверху лорд Дарси позволил себе перевести дыхание. Выглянув в бойницу, он увидел внизу, в шестидесяти футах от себя, Лоуэлла и леди Энн. Не торопясь, чтобы не привлекать к себе внимания заполнявших двор людей, они двигались к воротам. Им предстояло пройти еще три четверти пути.

Лорд Дарси бросился по переходу к крепостной стене.

Ширина стены была шесть футов; зубчатые стенки, шедшие по обе стороны центрального прохода, защищали следователя герцога от случайного взгляда снизу. Пригибаясь, он добежал до башни, возвышавшейся над главными воротами замка. Остановить его было некому; давным-давно уже ни один солдат не нес караульную службу у бойниц на этой стене: многие столетия прошли с того времени, как замок последний раз подвергался осаде.

Внутри надворной башни находилась опускная решетка, массивная конструкция из перекрещивающихся железных брусьев, которую можно быстро опустить при нападении. Сейчас решетку удерживали упоры, не говоря уж о двух тяжелых противовесах, висевших на цепях в глубоких колодцах под башней.

Лорд Дарси не стал выглядывать через стену, чтобы узнать, где сейчас объекты его охоты. Наверняка не дошли еще до ворот, а если так — Лоуэлл может случайно поднять глаза и заметить его. Этого допустить никак нельзя.

Он решил не идти по лестнице, а бросился к проходящей через специально проделанную шахту толстой цепи, соединяющей опускную решетку с одним из противовесов, и полез по этой цепи вниз. Далеко внизу, на расстоянии футов в шестьдесят, виднелись каменные плиты.

К большой радости лорда Дарси, днем в нижней камере башни стража не стояла. Отвечать на недоуменные вопросы или утихомиривать бдительного стражника было просто некогда.

Несколько раз ему уже казалось, что это он сам, а не леди Энн, расстанется сегодня с жизнью. Даже после сотен лет мира здесь продолжали соблюдать старинные правила и держали цепи хорошо смазанными, в любой момент готовыми к работе. Пришлось обхватить цепь ногами и изо всех сил цепляться за нее руками, но все равно он несколько раз соскальзывал, обжигая кожу на ладонях, бедрах и икрах. Массивный противовес туго, как стальную колонну, натя-

гивал состоявшую из огромных восьмидюймовых звеньев цепь.

Цепь исчезала в двенадцатидюймовом отверстии пола. Лорд Дарси качнулся в сторону и легко спрыгнул на каменные плиты.

Затем, очень осторожно, он чуть приоткрыл тяжелую дубовую дверь.

Неужели Лоуэлл и девушка уже прошли?

Из двух цепей, удерживающих опускную решетку, лорд Дарси выбрал ту, спустившись по которой он окажется слева от выходящего из ворот Лоуэлла. Пистолет у Лоуэлла в правой руке, и...

Они шли мимо двери, впереди — леди Энн, Лоуэлл чуть позади. Рывком распахнув дверь, лорд Дарси одним прыжком преодолел разделявшее их расстояние.

Ударив корпусом, лорд Дарси отбросил Лоуэлла в сторону и оттолкнул пистолет от леди Энн за какую-то долю секунды до того, как прогремел выстрел.

Случайные прохожие бросились врассыпную, а лорд Дарси и Лоуэлл покатились по мостовой, вырывая оружие друг у друга.

Стражники сорвались со своих мест и бросились к сцепившимся в яростной борьбе людям.

Они не успели. Прогремел второй выстрел.

Какое-то мгновение ни одна из лежащих на земле фигур не шевелилась.

Затем лорд Дарси медленно встал, рука его сжимала пистолет.

Лоуэлл был в сознании, но на левом боку у него начало расплываться красное пятно.

— Я тебя еще сделаю, Дарси,— хриплым шепотом проговорил он.— Сделаю, даже если сдохну потом.

Не обращая на него внимания, лорд Дарси повернулся к обступившим их стражникам.

— Я — лорд Дарси, специальный следователь Рыцарского суда Его Величества,— сообщил он.— Этот человек арестован за предумышленное убийство. Возьмите его под стражу и поскорее позовите сюда целителя.

Когда лорд Дарси привел леди Энн, вдовствующая герцогиня и лорд Квентин по-прежнему находились во все той же гостиной.

— О! Мама! Мама!

Девочка бросилась в объятия герцогини.

— Лорд Дарси спас мою жизнь! Он был великолепен! Вы бы только видели!

Герцогиня посмотрела на лорда Дарси.

— Я очень благодарна вам, милорд. Вы спасли жизнь моей дочери. Но вы же погубили ее. Вы погубили всех нас.

Нет, нет, дайте мне договорить,— остановила она пытавшегося что-то сказать лорда Дарси.— Теперь наконец это вышло наружу, так что я могу попытаться все объяснить.

Да, я думала, что мой первый муж умер. Так что можете себе представить, что я почувствовала пять лет назад, когда он вдруг объявился. Что мне было делать? У меня просто не было выбора. Он принял личину моего покойного брата Эндрю. Это было просто — никто здесь никогда не видел ни того ни другого. Ничего не знал даже мой муж, герцог. Я не могла ему сказать.

Честер не требовал слишком многого. Он не пытался выдоить меня досуха, как это делает большинство шантажистов. Он вполне удовлетворился скромным постом и пенсией, которые обеспечил ему мой муж, и вел себя вполне пристойно. Он...

Герцогиня резко остановилась, посмотрев на сразу побледневшего сына.

— Я... я виновата перед тобой, Квентин,— сказала она тихо.— Прости меня, Я знаю, что ты сейчас чувствуешь, но...

— Ты хочешь сказать, мама,— прервал ее лорд Квентин,— что это дядя Эн... *этот человек* шантажировал тебя?

— Конечно же.

— И отец не знал? И никто его не шантажировал?

— Да конечно же, нет! Каким образом? Да и кто...

— Может быть,— спокойно произнес лорд Дарси,— вам лучше рассказать своей матери, что, по-вашему, произошло в ночь на двенадцатое.

— Я услышал звуки ссоры,— лорд Квентин был явно ошеломлен,— в отцовском кабинете. Там была какая-то возня, похожая на драку. Через дверь трудно разобрать. Я постучался, и все стихло. Тогда я открыл дверь и вошел. Отец лежал на полу без сознания. Неподалеку от него лежал лорд Кембертон — мертвый. В сердце торчал нож для бумаг, которым отец вскрывал письма и который всегда был у него на столе.

— А рука лорда Кембертона сжимала пачку бумаг, подробно излагающих тайну скелета в вашем семейном шкафу?

— Да.

— Кроме того, во время борьбы упала бутылка несмываемых чернил, и содержимое ее обрызгало тело лорда Кембертона?

— Да, да. Все его лицо было в чернилах. Но откуда вы знаете?

— Знать такие вещи входит в круг моих служебных обязанностей. Давайте я расскажу и остальное. Вы сразу же решили, что, получив подобную информацию, лорд Кембертон попытался шантажировать вашего отца.

— Да. Я уловил через дверь слово «шантаж».

— И вы решили также, что ваш отец напал на лорда Кембертона с разрезным ножом, а потом, из-за слабости своего здоровья, упал в обморок. И вы поняли, что обязаны что-то предпринять, чтобы спасти честь семьи и своего отца от шелковой петли.

Вам надо было куда-то деть тело. Только куда? И тогда вы вспомнили купленный недавно сохранитель.

Лорд Квентин утвердительно кивнул.

— Да. Деньги мне дал отец. Это должен был быть подарок для матери. Она любит иногда перекусить в течение дня, и мы подумали, что будет удобно, если у нее в комнатах появится сохранитель, полный еды, тогда ей не придется каждый раз посылать на кухню.

— Верно, — сказал лорд Дарси. — Вот туда-то вы и поместили тело лорда Кембертона. Мастер Тимоти Видо объяснил мне, что заклинание, наложенное на деревянный сундук, сохраняет все, что лежит внутри, пока закрыта крышка. Считалось, что лорд Кембертон в Шотландии, так что никто его и не хватился. Отец ваш так и не поправился после той ночи, поэтому он ничего вам не сказал.

Возможно, он вообще ничего не знал. Я думаю, что ваш отец упал тогда, когда лорд Кембертон, именно для этой цели и посланный в Шотландию, подтвердил его худшие подозрения. Здесь же находился и Лоуэлл — герцог хотел посмотреть ему в глаза. Когда его сиятельство упал, лорд Кембертон на мгновение отвлекся. Этого мгновения оказалось достаточно, чтобы Лоуэлл схватил разрезной нож и убил его. Он знал, что герцог ничего не скажет, но лорд Кембертон, связанный присягой королевского офицера, будет обязан его арестовать.

Лоуэлл, кстати, был к тому же и членом священного братства древнего Альбиона. Кембертон узнал и это. Лоуэлл, скорее всего, под чужим именем снимал где-то в городе жилье, где хранил свои вещи. Кембертон нашел это место и принес с собой в качестве доказательства зеленое одеяние Лоуэлла. Когда Лоуэлл заговорит, мы сможем узнать, где находится его нора.

Он выбежал из комнаты, оставив лежать на полу герцога и лорда Кембертона и прихватив свою зеленую мантию. Возможно, он услышал ваш стук, лорд Квентин, а возможно, и нет. Я лично сомневаюсь, но это обстоятельство не имеет никакого значения. Сколько времени потребовалось, чтобы привести в порядок кабинет, ваше сиятельство?

— Сперва... сперва я положил отца на диван. Затем стер с пола кровь, но чернила не смывались. Затем я отнес лорда Кембертона в подвал и положил тело в сохранитель. Мы поставили его туда до дня рождения мамы, до следующей недели. Это должно было быть сюрпризом. Он... — Лорд Квентин умолк.

— Сколько все-таки времени вы провели в комнате? — спросил лорд Дарси.

— Наверное, минут двадцать.

— Мы не знаем, что делал Лоуэлл все это время. Наверное, он очень удивился, по возвращении увидев, что тела нет и кабинет прибран.

— Так и было,— сказал лорд Квентин.— Я позвал сэра Бертрама, нашего сенешаля, и отца Джозефа, целителя, и все мы находились в отцовском кабинете, когда... *он*... вернулся. Да, у него был очень удивленный вид. Но я подумал, что он просто потрясен, увидев отца в таком состоянии.

— Вполне понятно,— сказал лорд Дарси.— А тем временем вам надо было решать, как поступить с телом лорда Кембертона. Нельзя же было навсегда оставить его в сохранителе.

— Нельзя. Я решил, что смогу вывезти его наружу, подальше от замка. Пусть его найдут как можно дальше, чтобы не усмотрели никакой связи.

— Но оставалась история с чернильными пятнами,— сказал лорд Дарси.— Смыть их не удалось. Вы знали, что для удаления пятна с ковра придется позвать мастера Тимоти, волшебника, но, если бы позднее такое же пятно обнаружилось и на трупе, мастер Тимоти мог что-нибудь заподозрить. Поэтому вы решили скрыть следы. В буквальном смысле слова. И вы выкрасили тело вайдой.

— Да. Я подумал, что тогда обвинят братство Альбиона и что это отвлечет внимание от нас.

— Разумеется. И почти преуспели в этом. С одной стороны — сохранитель, с другой — вайда; в результате все было очень похоже на работу волшебника.

Но приближался прошлый понедельник. В Кентербери это праздник — в память о спасении жизни герцога в шестнадцатом веке. Частью праздничного ритуала является обыск замка. Тело лорда Кембертона было бы найдено.

— Я не мог придумать, как выкрутиться из этой ситуации,— сказал лорд Квентин.— К таким делам я

не привычен. Я начинал все сильнее нервничать, но никак не мог выдумать, каким образом незаметно вывезти тело из замка.

— Но пока что надо было спрятать тело на этот день. Поэтому вы устроили так, чтобы в субботу вечером мастерская мастера Уолтера осталась незапертой, и положили тело в гроб, думая забрать его после праздника и унести обратно в сохранитель.

К несчастью — в нескольких смыслах этого слова, — рано утром в понедельник ваш отец скончался. И тело лорда Кембертона нашли.

— Совершенно верно, милорд.

— Лоуэлл, вероятно, впал в полную панику, узнав, что найденное тело выкрашено вайдой. Он знал, что это бросает подозрение на него, — особенно если кто-нибудь знал, что он — член братства. Поэтому тем же вечером он сжег в камине свою зеленую мантию, думая этим уничтожить доказательство своей причастности к братству. Только сжег он ее недостаточно тщательно.

После наступившей паузы заговорила герцогиня.

— Ну что ж, милорд, вы поймали своего убийцу. И вы узнали, что сделал мой сын, пытаясь спасти честь семьи. К сожалению, все было тщетно. Честер Лоуэлл, мой первый муж, все еще жив. Мои дети — незаконнорожденные, и мы остались без гроша.

Мастер стражи Александр Гленкэннон слегка кашлянул, чтобы привлечь к себе внимание.

— Прошу прощения, ваше сиятельство, но я счастлив сообщить, что вы ошибаетесь. Я много лет знал этих мошенников Лоуэллов. Как раз я и ездил в 1942 году в Сарагосу, чтобы опознать Честера Лоуэлла. Я видел тело, и это был Честер, именно так. Сходство, конечно, большое, но все равно этот тип — младший брат, Ян Лоуэлл, отсидевший свой срок к 1959 году. Ян не был шулером, но он ничем не лучше своего братца Честера.

Вдовствующая герцогиня лишилась дара речи.

— Это же было для него совсем просто,— вступил лорд Дарси.— Честер, несомненно, рассказывал Яну про свой брак — возможно, вплоть до самых интимных подробностей. Вы знали Честера всего два месяца. Младший брат очень на него похож. Как вы могли заметить разницу через четверть века? Тем более что вы даже не знали о существовании младшего, Яна.

— Это правда? Действительно, правда? Слава Богу!

— Это правда, ваше сиятельство, можете ни в чем не сомневаться,— ответил лорд Дарси.— И вы действительно можете благодарить Бога. Яну Лоуэллу совсем незачем было вас выдаивать, как вы выразились, досуха. Поступая так, он мог довести вас до отчаяния — может, даже до попытки убить его. Конечно, он мог взять у вас деньги и убраться подальше, но это не входило в его планы.

Ему нужны были не деньги, ваше сиятельство. Он хотел получить защиту, укрытие, укрытие у всех на виду, в месте, где никому и в голову не придет его искать. Ему нужна была «крыша». Ему был нужен камуфляж.

Как выяснилось, он занимал весьма высокое положение в священном братстве древнего Альбиона — место довольно-таки хлебное, так как вожаки братства ни перед кем не отчитываются, на что они тратят деньги, вносимые рядовыми членами. К тому же у меня есть все основания предполагать, что он находился на жаловании Его Славянского Величества Казимира Польского,— хотя, сильно подозреваю, и тут не обошлось без обмана, ведь он не мог не знать, что изменить в нужную сторону религиозные верования совсем не так просто, как, судя по всему, это кажется королю Казимиру. Как бы там ни было, Ян Лоуэлл ни в коем случае не брезговал польским золотом, взамен посылая Его Славянскому Величеству очень красочные донесения.

Ну кто, подумайте, мог заподозрить в Эндрю Кэмпбелле-Макдональде, человеке с послужным списком отважного солдата и с репутацией безупречного джентльмена, польского шпиона и вожака подрывного братства Альбиона.

Но, конечно, в конце концов нашелся человек, у которого появились подозрения. Может статься, мы так никогда и не узнаем, что обеспокоило покойное его сиятельство и лорда Кембертона, хотя, возможно, что-нибудь нам расскажет сам Ян Лоуэлл. Это их подозрение привело в конечном счете к крушению Лоуэлла, хотя им самим оно стоило жизни.

В дверь постучали, и лорд Дарси открыл ее. На пороге стоял священник в одежде бенедиктинца.

— Да, преподобный отец?

— Я — отец Джозеф. А вы — лорд Дарси?

— Да, это я, преподобный отец.

— Я — тот целитель, которого стражники призвали оказать помощь вашему пленнику. Очень жаль, но я не смог ничего поделать, милорд. Несколько минут тому назад он скончался от огнестрельной раны.

Лорд Дарси повернулся и посмотрел на герцогскую семью. Все кончено. Теперь этому скандалу совсем необязательно выходить на всеобщее обозрение. Да и зачем, если в действительности этого скандала вообще не существовало?

Пройдет совсем немного времени, и сэр Томас Лесо закончит свою работу. Вожаки братства Альбиона будут схвачены и предстанут перед Королевским Верховным судом; после этого остатки братства потеряют всякое значение. И все будет хорошо.

— Я бы хотел поговорить с семьей, понесшей столь тяжелую утрату, — сказал отец Джозеф.

— Чуть позже, преподобный отец. — Теперь голос вдовствующей герцогини опять звучал ясно и спокойно. — Я бы хотела исповедаться перед вами через несколько минут. Вы не могли бы подождать снаружи?

Священник почувствовал, что здесь происходит нечто не совсем обычное.

— Конечно, дочь моя. Я подожду.

И он закрыл дверь.

Лорд Дарси знал, что герцогиня расскажет священнику все, но ее признания будут надежно защищены тайной исповеди.

Общие чувства подытожил лорд Квентин.

— Вот это,— холодно сказал он,— будут похороны, которые доставят мне большое удовольствие. Мы очень благодарны вам, милорд.

— И я очень признателен вам, ваше сиятельство. Пойдемте, мастер Шон, нам еще предстоит переправа через Канал.

СИЛА ВООБРАЖЕНИЯ

Для смерти лорда Арлана не было никаких осмысленных причин — разве что считать причиной время, когда она произошла. Крайне редко самоубийцы решаются на последний шаг в четыре часа дня.

При жизни лорд Арлан возглавлял ему же принадлежавшее издательство «Мэйярд Хауз» — одно из самых больших в Нормандии. Редакция «Мэйярд Хауз» занимала целиком довольно большое здание, расположенное в самом сердце Старого города — рядом с собором святого Оуэна. В канун дня святого Эдуарда Исповедника, в среду 12 октября 1972 года, лорд Арлан крепко спал в своем кабинете. Обычную его привычку поспать немного в это время дня давно и хорошо знали все служащие, так что двигались они тихо, а разговаривали вполголоса и только при крайней необходимости. Никто не входил в кабинет и не покидал его в течение почти целого часа.

В пять минут пятого трое сотрудников издательства — дамозель Барбара и добрые люди Уобер и Андрэй — услышали через толстую дубовую дверь кабинета какой-то глухой удар, за которым последовали не менее странные звуки. В нерешительности они обменялись взглядами. Происходило что-то не то, но ни один из них не решался открыть эту дверь, справедливо опасаясь крайне вспыльчивого характера лорда Арлана.

© А. Пчелинцев, перевод, 1996

Через тридцать секунд в комнату ворвался сэр Стефан Имбрай.

— Что там происходит? — резко спросил он. — Я сидел в библиотеке и услышал, как упал стул или что-то похожее. А теперь звуки такие, словно милорда сильно тошнит.

С этими словами он с той же решительностью двинулся в направлении кабинета. Сотрудники издательства вздохнули с облегчением; только главный редактор сэр Стефан мог позволить себе заявиться в этот кабинет без приглашения.

Распахнув дверь, он замер на пороге.

— Господи Боже! — Голос главного редактора сорвался. — Быстро! Помогите мне кто-нибудь!

Лорд Арлан висел на веревке, конец которой был переброшен через проходивший под потолком толстый деревянный брус. Тело его продолжало судорожно подергиваться. У ног на полу валялся опрокинутый стул.

Когда Арлана опустили на пол, в нем еще теплилась жизнь, однако горло его было раздавлено; владелец издательства умер, прежде чем сумели вызвать скорую помощь или целителя.

Лорд Дарси, главный следователь Его Королевского Высочества Ричарда, герцога Нормандского, разглядывал лежащее на диванчике маленькое, довольно-таки жалкое тело. Лорд Арлан был коротышкой — пять футов четыре дюйма — и весил всего девять стоунов[1]. В этом мертвом теле не ощущалось и следа той неудержимой, фанатичной и — временами — почти истерической энергии, которая делала лорда Арлана одним из наиболее уважаемых людей в его области деятельности. Иногда он даже внушал страх. Теперь он походил на мальчика-подростка.

Закончив осмотр трупа, доктор Пейтли, хирург, поднял взгляд на лорда Дарси.

---

[1] Английская мера веса, равная 6,33 кг.

— После вскрытия мы с мастером Шоном сможем дать более точную информацию, милорд, но я бы сказал, что смерть наступила не менее тридцати и не более сорока пяти минут тому назад.

Врач пригладил седеющие волосы и поправил пенсне.

— Это хорошо согласуется с тем временем, когда нас известили, милорд.

— Согласуется, согласуется,— пробормотал лорд Дарси.

Высокий, худощавый и красивый, он говорил на англо-французском с отчетливым английским акцентом.

— Мастер Шон, как там у вас?

Мастер Шон О Лохлейн, главный следственный маг Его Высочества, крутил в руках маленький золотой жезл, на сверкающей поверхности которого виднелся причудливый спиралеобразный орнамент. Прерывать занятого работой волшебника не очень разумно, но лорд Дарси чувствовал, что толстенький, приземистый ирландец уже закончил и просто о чем-то задумался.

Он не ошибся. Мастер Шон повернул к нему круглое лицо и сдержанно улыбнулся.

— Ну что ж, милорд, времени для полного анализа не было, но основные факты не вызывают сомнения.

Он опять задумчиво покрутил свой жезл.

— В момент смерти в комнате не было никого другого, и не только в этот момент, но и весь предыдущий час. Время смерти — четыре четырнадцать, плюс-минус минута. Время психического шока от повешения — пять минут пятого. В комнате ни малейших признаков злокозненного влияния, никакой черной магии.

— Спасибо, Шон.

Лорд Дарси смотрел на потолочную балку.

— Ваша помощь, как всегда, просто неоценима.

Его лордство повернулся к четвертому присутствующему, мастеру стражи Гийому де Лилю, крупному, крепкому мужчине с огромными черными усами. Кроме внешности закаленного бойца мастер стражи обладал еще и проницательным умом отличного следователя.

— Мастер Гийом,— лорд Дарси указал наверх,— вы не могли бы послать одного из своих людей принести мне стремянку подлиннее, чтобы доставала до этой балки?

— Сию секунду, милорд.

Двое стражников в мундирах быстро принесли лестницу; лорд Дарси поднялся по ней к массивному брусу, проходившему футах в десяти от пола и в двух с половиной от потолка.

Веревку, на которой висел лорд Арлан, еще не сняли; лорд Дарси внимательнейшим образом изучил и ее, и брус через сильную лупу.

Мастер Шон своими голубыми ирландскими глазами взирал на это священнодействие снизу.

— Позволительно ли спросить, что это вы там выискиваете, милорд?

— Как вы видите,— лорд Дарси продолжал изучать поверхность бруса,— веревка перекинута через брус, в этом вот месте, а конец ее прочно привязан к трубе, проходящей под окном у письменного стола. Вообще говоря, нельзя полностью исключить возможность, что лорда Арлана задушили, надели ему на шею петлю, а потом подтянули в то положение, в котором его потом нашли. В таком случае трение веревки о брус сместило бы волоконца дерева и веревки вверх и назад. Однако...— Следователь герцога вздохнул и начал спускаться.— Однако ничего подобного. Все выглядит так, будто он и вправду спрыгнул с этого стула и повис на веревке.

— А хватило бы времени,— спросил мастер Гийом,— вздернуть его таким образом?

— Возможно, и нет, дорогой мастер Гийом, но нужно проверить все вещественные доказательства, все мелочи. Если бы волоконца показали трение не в ту сторону, пришлось бы пересмотреть данные, касающиеся времени.

— Спасибо, милорд.

Лорд Дарси перешел к осмотру конца веревки, привязанного к трубе.

Кабинет имел только одно окно. Лорд Арлан любил полумрак и тишину, одного окна ему вполне

хватало. Окно это располагалось прямо за письменным столом и выходило в узкую, футов трех шириной, вентиляционную шахту. Даже в яркий полдень свет через нее почти не проникал. Для освещения его лордство использовал газовые фонари, даже днем. Все они горели, однако лорд Дарси, по вечной своей недоверчивости, принюхался. Газом не пахнет, газ здесь ни при чем.

Узкое, высокое окно состояло из двух фрамуг, верхней и нижней, подвешенных на горизонтальных осях и открывающихся наружу. Верхний край рамы располагался в девяти футах от пола. Обе фрамуги оказались приоткрытыми, верхняя — на три дюйма, а нижняя — дюймов на восемь. Через эту нижнюю щель и проходила веревка, конец которой был привязан к наружной трубе, проходящей в шести дюймах ниже окна. Веревка тянулась к брусу, а оттуда опускалась вниз.

Тщательный осмотр показал, что окно шире не открывается, вся его механика окрашена по крайней мере дважды, и краска, попавшая на шарниры и в щели, прихватила фрамуги намертво. По-видимому, они находились в таком положении уже многие годы.

— Три дюйма сверху и восемь — снизу.

На лице лорда Дарси была задумчивость.

— Вряд ли хватит, чтобы кто-нибудь сумел пролезть. А кроме окна и двери, других путей в кабинет и из него нет.

Он вопросительно посмотрел на мастера Шона.

— Так?

— Так, милорд,— согласился толстенький ирландец.— Это мы с мастером Гийомом проверили досконально. Никаких тайных ходов, отъезжающих стенных панелей. Ничего такого и в помине нет.

Немного помолчав, он добавил:

— Но мрака тоже нет.

Серые глаза лорда Дарси сузились.

— Вы сказали, мастер Шон,— нет мрака? Вы не можете изъясняться попонятнее?

— Понимаете, милорд, в комнате самоубийцы всегда есть ощущение какого-то мрака, глубокой подавленности, которая буквально пропитывает стены. Психическое состояние, в котором должен находиться человек, решивший покончить с собой, почти всегда оставляет на окружающей обстановке подобный отпечаток. А здесь — ничего похожего.

— Действительно?

Лорд Дарси отметил про себя этот факт. Его серые глаза еще раз оглядели комнату.

— Ну хорошо. Мастер Шон, наложите на тело предохранительное заклинание, а я пойду опрашивать свидетелей.

— Как скажете, милорд.

— Идемте в библиотеку, мастер Гийом,— сказал лорд Дарси, повернувшись к двери.

Мастер стражи направился следом.

В библиотеке, под охраной двух дюжих стражников в черной с серебром форме хранителей королевского спокойствия, их ждали пятеро. Трое из них были уже знакомые сотрудники издательства: черноглазая шатенка дамозель Барбара, круглолицый, начинающий лысеть добрый человек Уобер и высокий, тощий и близорукий добрый человек Андрэй. Четвертым был главный редактор сэр Стефан Имбрай, широкоплечий великан ростом в шесть футов четыре дюйма. Пятого, быкоподобного типа с жестким, красивым лицом, лорд Дарси видел впервые.

Сэр Стефан встал.

— С вашего позволения, милорд, почему нас здесь держат? У меня назначен деловой обед, а остальные хотели бы уйти домой. И вообще — почему Его Королевское Высочество герцог направил на расследование такого тривиального дела вас?

— Это же закон,— ответил лорд Дарси,— и закон прекрасно вам известный, сэр Стефан. Если кто-либо из аристократов умирает насильственной смертью — все равно, по злому ли умыслу, по случайности или от собственной руки,— я обязательно участвую

в расследовании. А насчет того, почему вас здесь задержали, могу ответить одно: я — офицер королевского правосудия.

Сэр Стефан чуть побледнел.

Нет, не от страха — скорее от глубокого уважения. Его Величество Джон IV, Милостью Божией Король и Император Англии, Франции, Ирландии, Новой Англии и Новой Франции, Король Италийцев и Император Священной Римской Империи, Защитник Истинной Веры, был последним из длинной цепочки королей дома Плантагенетов, правившей Англо-Французской империей со времен Генриха II. Король Джон в полной мере обладал силой, мудростью и умением править, которыми славились представители этой древнейшей династии Европы. Он вел свою родословную от короля Артура Умелого, внука Генриха II и племянника Ричарда Львиное Сердце. Этот последний, с трудом оправившись от раны, нанесенной арбалетной стрелой в 1199 году, стал мощной силой, объединяющей Империю, и умер, не оставив потомков, в 1219 году. Джон IV был также прямым потомком Ричарда Великого, преобразовавшего и укрепившего Империю во второй половине пятнадцатого века.

Напоминание о том, что лорд Дарси — офицер короля, охладило пыл сэра Стефана.

— Конечно, милорд.

Сэр Стефан хорошо владел своим голосом.

— Я просто хотел получить информацию.

— Именно этим занят и я, — негромко сказал лорд Дарси. — Получаю информацию.

Он развел руками.

— Таков мой долг.

— Конечно, конечно, — поспешил согласиться Имбрай. В голосе его чувствовалось смущение. — Я не хотел никого обидеть.

В «Мэйярд Хаузе» сэр Стефан привык сам отдавать распоряжения, однако он прекрасно знал, когда следует уступить перед вышестоящим лицом.

— А я и не обижен. Но теперь — насчет информации. Во-первых, кто этот джентльмен?

Лорд Дарси указал на пятого члена ожидавшей группы, мускулистого человека с довольно привлекательным лицом и темными, курчавыми волосами.

Упомянутый джентльмен встал, и сэр Стефан Имбрай представил его по всей форме.

— Милорд Дарси, разрешите мне представить вам доброго человека Эрнесто Нормана, одного из лучших наших писателей. Добрый человек Норман, лорд Дарси, главный следователь Его Королевского Высочества.

Глядя на лорда Дарси пронзительными черными глазами, Эрнесто поклонился.

— Высокая честь, ваше лордство.

— Честь для меня. Я читал некоторые ваши сочинения. Как-нибудь, если вы не против, я бы хотел поговорить с вами о них.

— С удовольствием, ваше лордство,— сказал добрый человек Эрнесто, садясь. Однако в голосе его слышалось какое-то недовольство.

Лорд Дарси оглядел библиотеку — просторное, богато отделанное помещение с потолком высотой футов в восемнадцать. По стенам ее высились десятифутовые шкафы, битком набитые книгами. Свободное пространство над ними украшали мечи, боевые топоры, булавы и щиты самых разнообразных форм. На шкафах стояло несколько шлемов. Дверь охраняли два полных рыцарских доспеха шестнадцатого века, каждый из которых сжимал в своей железной перчатке пятнадцатифутовое копье. Окна были скрыты за зеленого бархата портьерами; помещение освещали причудливого вида золоченые газовые фонари.

Пока лорд Дарси обводил взглядом библиотеку, все присутствующие почтительно молчали. Он прочно установил здесь свой авторитет.

Затем взгляд следователя герцога остановился на сэре Стефане.

— Я знаю, что вы уже несколько раз прошли через это, однако я вынужден попросить вас повторить все заново.

Он мельком взглянул на остальную четверку.

— Это касается всех вас.

Стоящий у дверей мастер стражи Гийом, не привлекая излишнего внимания, вынул блокнот и приготовился стенографировать разговор.

— Не понимаю, зачем столько суеты вокруг обычного самоубийства.

Выглядел сэр Стефан Имбрай довольно хмуро.

— Мне кажется, милорд, что...

— *Это не самоубийство!*

Голос дамозель Барбары прозвучал резко, как удар.

Сэр Стефан резко обернулся, лицо его перекосил гнев. Однако, прежде чем он успел что-либо сказать, лорд Дарси его остановил:

— Пусть она говорит, сэр Стефан.

Затем он продолжил уже более мягким голосом:

— На чем основано ваше заявление, дамозель?

— У меня нет никаких доказательств.

В глазах Барбары стояли слезы, она была сейчас очень красива.

— Ничего конкретного, ничего такого, что я могла бы доказать. Но как всем хорошо известно, последний год я была любовницей милорда Арлана. Я знаю его, он бы никогда не убил себя.

— Понятно.

В голосе Дарси прозвучала задумчивость.

— Вы обладаете Талантом, дамозель?

— В очень небольшой степени. Я проходила тестирование. Мой Талант выше среднего, однако незначительно.

— Понимаю. Так, значит, у вас нет никаких улик, кроме знания характера покойного милорда и интуиции?

— Никаких, милорд.

Теперь ее голос звучал совсем тихо.

— Хорошо. Благодарю вас, дамозель Барбара. А теперь, сэр Стефан, будьте любезны продолжить свой рассказ.

Сэр Стефан сумел взять себя в руки, однако Эрнесто Норман, как заметил лорд Дарси, посмотрел на дамозель Барбару с плохо скрываемой ненавистью.

«Ревность, — подумал лорд Дарси. — Ревность, да еще какая. Полная глупость. Этому человеку нужен целитель».

Сэр Стефан, высокий и мощный, начал рассказывать в третий раз:

— Около половины третьего...

Около половины третьего лорд Арлан, вернувшись после обеда в «Мезон дю Шах», проигнорировал недобрый взгляд, брошенный на него дамозель Барбарой. Старомодное воспитание, полученное дома, в Северной Англии, мешало ей понять, что джентльмену вполне позволительно изредка заглядывать в «Мезон дю Шах» — ради обеда, совсем не ради чего-либо еще. Ей были как-то привычнее более добропорядочные мужские клубы Йорка или Карлайля.

— Где сэр Стефан? — рявкнул лорд Арлан на доброго человека Андрэя.

— Еще не вернулся после обеда, милорд.

— Какие-нибудь срочные дела?

— Вас ждет добрый человек Эрнесто, милорд. В библиотеке.

— Эрнесто Норман? Подождет. Я дам вам знать, когда его вызвать. А сэра Стефана пришлите сразу, как появится.

Лорд Арлан прошел в свой кабинет.

В полтретьего он проревел:

— Барбара!

Согласно ее собственным показаниям, дамозель Барбара откликнулась: «Да, милорд», — и бегом направилась в кабинет. Лорд Арлан, опять же по ее словам, сидел за письменным столом. Стол этот, семь футов на три, выглядел весьма внушительно. Внушительно выглядел и восседавший за ним лорд Арлан — по той простой причине, что кресло его было приподнято на шесть дюймов, а ноги опирались на спрятанную под столом тоже шестидюймовую скамеечку. Все посетители — кроме разве что очень уж высоких — смотрели на лорда Арлана снизу вверх.

Дамозель Барбара, по ее словам, вошла в кабинет, застыла, как положено, у двери и спросила:

— Вы звали, милорд?

Лорд Арлан не поднял головы от рукописи, лежавшей перед ним.

— Да, милая, звал. Пришли ко мне Эрнесто.

— Да, милорд.

И она отправилась к заждавшемуся писателю.

Ждал писатель в библиотеке. Узнав от дамозель Барбары, что лорд Арлан готов его принять, он, всем видом своим выражая ярость, направился через приемную в кабинет его лордства. Вошел он не постучав, а дверь за собой захлопнул с треском.

Показания Нормана гласили следующее:

— Я прямо готов был придушить этого мелкого ублюдка. Или избить его до потери пульса. Что уж там будет больше с руки. Я только что прочитал гранки своего последнего романа «Рыцарь воинств». Этот сучий недомерок буквально *зарезал* мою книгу! Я сказал ему, что не разрешу печатать роман в таком виде. А он заявляет — он, видите ли, купил у меня права и может теперь делать все, что ему заблагорассудится. Мы побеседовали еще, все в том же духе, я ничего не добился и ушел.

Сотрудники издательства подтвердили, что из кабинета доносился шум перебранки, но слов не разобрал никто.

Добрый человек Эрнесто покинул кабинет, не забыв и на этот раз хлопнуть дверью, без четверти три.

Сэр Стефан Имбрай вошел в приемную в тот самый момент, когда Норман вылетел из кабинета. Они не поздоровались, и писатель в негодовании покинул приемную.

Сэр Стефан с удивлением воззрился вслед Норману.

— Какая муха его укусила?

— Не знаю, сэр Стефан,— ответил добрый человек Уобер.— Его лордство велел, чтобы вы, сэр, как вернетесь, сразу шли к нему.

Согласно показаниям сэра Стефана, после этого он направился в кабинет, где застал лорда Арлана пьющим кофе — который был принесен ему добрым человеком Андрэем несколькими минутами ранее.

— Совсем короткий деловой разговор, и все, милорд. Лорд Арлан дал мне указания относительно формата трех книг, которые мы сейчас издаем. Рутинные дела, совсем малоинтересные. Однако, если вы желаете, я могу...

— Позже, если понадобится. Продолжайте.

— Вышел из кабинета я в одну или две минуты четвертого. В три часа он всегда ложится спать до четырех. Я отправился в художественный отдел проверить, как у них обстоят дела с книжными иллюстрациями, а потом пошел поработать в библиотеку; мне надо было кое-что уточнить для книги по магии, которую мы издаем весной.

— Научная работа?

— Да. «Психологистика» сэра Томаса Лесо, доктора тауматургии.

— А! Великолепный человек. Мастер Шон обязательно постарается купить эту книгу.

Сэр Стефан кивнул:

— Фирма с радостью подарит ему два экземпляра. А может быть...— Глаза главного редактора зажглись.— Может быть, мастер Шон согласится написать о ней рецензию для руанской «Таймс»?

— Вполне возможно, если вы найдете к нему подход,— согласился лорд Дарси.— Но, к делу. Так, значит, в решительный момент вы находились здесь, в библиотеке?

— Да, милорд.

— Могу я тогда спросить, откуда вы узнали, что произошло? — Лорд Дарси был почти уверен, что знает ответ на этот вопрос, но ему хотелось услышать, что скажет сэр Стефан.— Насколько я понял, вы оказались в приемной буквально через несколько секунд после... э-э... этого печального инцидента. Откуда вы о нем узнали?

— Я услышал шум, милорд.

Поднявшись с места, сэр Стефан указал на одно из занавешенных зеленым бархатом северных окон библиотеки.

— Вот это окно, милорд, выходит прямо в вентиляционную шахту.

Подойдя к окну, он отодвинул портьеру.

— Как легко можете видеть.

Вентиляционная шахта, в которую выходило окно, имела ширину три фута. Напротив этого окна, в ярде от него, находилось окно кабинета лорда Арлана, приоткрытое сверху и снизу, как уже раньше успел заметить лорд Дарси. Окно библиотеки тоже стояло открытым, но его фрамуги легко поворачивались, их шарниры не были замазаны краской.

— Мастер Шон? — произнес лорд Дарси с нормальной разговорной громкостью.

Между задернутых занавесок противоположного окна появилось круглое лицо волшебника.

— Да, милорд?

— Как там, все в порядке?

— В полном, милорд.

— Очень хорошо. Продолжайте.

Лорд Дарси задернул портьеру, повернулся и посмотрел на лица присутствующих, освещенные неровным светом газовых фонарей.

— Прекрасно, сэр Стефан. С этим разобрались. Еще один вопрос.

— Да, милорд?

— А как случилось, что, когда вы ворвались в кабинет лорда Арлана и увидели, что он висит в петле, вы не перерезали веревку? Одно движение перочинным ножиком освободило бы его горло, не правда ли? А вы вместо этого *развязали узел. Почему?*

На этот раз ответила дамозель Барбара.

— А разве вы не знаете, милорд?

Лорд Дарси ожидал, что после этих слов все глаза устремятся на сэра Стефана, однако вместо этого все почему-то уставились на него.

— Объясните, пожалуйста, свои слова, дамозель.

Лорд Дарси довольно быстро сумел оправиться от неожиданности.

— Лорд Арлан до смерти боялся всех острых предметов, — объяснила девушка. — Это было прямо манией. Например, он никогда не заходил в художественный отдел — ведь у них там есть ножницы и бритвы, которыми пользуются при изготовлении коллажей и всякого такого.

Глаза лорда Дарси сузились.

— Однако он был, как я понимаю, гладко выбрит?

— Гладко — да, — спокойно ответила Барбара, — но не «выбрит». Его парикмахер использует депиляторный воск, который выдергивает волосы с корнем. Больно, конечно, но лорд Арлан считал, что уж лучше вытерпеть боль, чем дать бритве приблизиться к его лицу. Он не разрешал никому из окружающих даже иметь при себе нож. И мы все подчинялись.

— Даже нож для вскрытия писем?

— Даже нож для вскрытия писем.

Дамозель Барбара широко обвела рукой стены.

— Вы посмотрите на все это древнее оружие. Ни у одного из мечей нет ни острого лезвия, ни острого кончика. Разве это не ответ, почему сэр Стефан не обрезал веревку?

— Вполне достаточный, дамозель. — Лорд Дарси слегка поклонился.

«Господи Боже! — подумал он. — Да они тут все малость спятили, а их покойный хозяин, похоже, больше всех».

Семь вечера. После смерти лорда Арлана прошло уже почти три часа. Хотя снаружи, под затянутым облаками темным небом, уже явственно ощущался осенний холодок, в кабинете лорда Арлана, где горели камин и газовые фонари, было по-летнему тепло. Тело хозяина кабинета, защищенное ото всех неприятностей

одеялом и предохранительными заклинаниями мастера Шона, покоилось на диване.

Сам упомянутый мастер Шон стоял и рассматривал в мягком газовом свете конец свисавшей сверху веревки — источника всех сегодняшних хлопот. За ним, также стоя, с молчаливым уважением наблюдали лорд Дарси, доктор Пейтли и мастер стражи Гийом. Мешать священнодействию волшебника крайне неразумно.

Кончив разглядывать веревку, мастер Шон наклонился и вынул из своего большого, испещренного загадочными символами саквояжа несколько предметов, в их числе — маленький черного дерева жезл с серебряным навершием.

— Тут никаких проблем, милорд. Психический шок, связанный с насильственной смертью, очень сильно зарядил пеньку.

Мастер Шон обожал читать лекции, в такие педагогические моменты обычный его ирландский акцент странным образом почти исчезал.

— Здесь работает Закон Сродства; говоря научным языком, у нас имеется психическое силовое поле, которое, будучи должным образом к тому побуждено, будет стремиться вернуться к первоначальному состоянию.

Эбеновый жезл описал некие сложные кривые, губы мастера Шона произнесли слова ритуала.

И веревка стала двигаться, плавно, изящно. Словно направляемый невидимой рукой, пеньковый жгут свернулся в петлю. Быстро, без единой задержки, веревка завязалась узлом. Неуловимую долю секунды петля, висевшая в воздухе, представляла собой идеальный круг, а затем как-то сразу обмякла.

— Вот и все, милорд.

Мастер Шон указал на чудом возникшую петлю.

Лорд Дарси обошел ее кругом, разглядывая узел, но не трогая его.

— Очень интересно. Простая скользящая петля, а не «узел палача».

Не отрывая глаз от веревки, он добавил:

— Мастер Гийом, вы не можете одолжить мне рулетку?

Отстегнув рулетку от ремня, мастер стражи вручил ее лорду Дарси.

Сперва было измерено расстояние от пола до петли. Затем — высота сиденья валявшегося на полу стула. Последним, со всем надлежащим почтением, был измерен покойник — от пяток до шеи.

По завершении этих загадочных действий лорд Дарси обратился к доктору Пейтли:

— Вы, пожалуй, самый легкий из нас четверых. Сколько вы весите?

— Десять стоунов, милорд. Ну, может, на фунт-другой поменьше.

— Тогда вы вполне подойдете. Возьмитесь за эту веревку и повисните на ней.

Доктор Пейтли недоуменно моргнул.

— Милорд?

— Возьмитесь за веревку чуть повыше петли и оторвите ноги от пола. Вот так, верно.

Лорд Дарси повторил измерение.

— Растягивание меньше чем на четверть дюйма, это можно не принимать в расчет. Теперь отпускайте ее, доктор. Спасибо.

После этого мастер стражи Гийом получил назад свою рулетку.

Запрокинув голову, лорд Дарси рассматривал балку, с которой свисала веревка.

— Ну до чего же глупо так поступать,— пробормотал он словно сам себе.

— Очень верно вы это говорите, милорд,— откликнулся мастер Гийом.— Я всегда считал, что самоубийство — страшная глупость. К тому же, как кто-то сказал: «Это *столь* необратимо».

— Я не говорю о самоубийстве, дорогой вы мой мастер стражи. Я говорю об убийстве. И оно, к сожалению, не менее необратимо.

— Убийство, милорд? — Брови мастера Шона О Лохлейна полезли вверх.— Ну, если вы так говорите.

Но как же все-таки хорошо, что мне не приходится заниматься следственной работой.

— Как это, дорогой Шон? А чем же вы занимаетесь?

В голосе лорда Дарси звучало искреннее изумление.

Ухмыльнувшись, ирландец отрицательно покачал своей крупной головой.

— Только не этим, милорд. Я — волшебник. Технический работник, откапывающий факты, которые нельзя обнаружить иным способом. Но только все на свете ниточки ничем не помогут человеку, неспособному связать их в единое непротиворечивое целое. А это — ваша грань Таланта, милорд.

— Таланта?

На этот раз лорд Дарси изумился еще больше.

— Но у меня нет Таланта, Шон. Я к чудесам не имею никакого отношения.

— Бросьте, милорд. Вы обладаете той разновидностью Таланта, которая всегда имелась у всех действительно великих сыщиков, — способностью перескочить от ничем не подтвержденного предположения к готовому умозаключению безо всяких промежуточных шагов. А после этого вы прекрасно знаете, где надо искать улики, которые подтвердят это ваше заключение. Ведь вы уже два часа знаете, что это — убийство, а заодно и имя убийцы.

— Ну конечно же! И то и другое с самого начала было очевидно. Вопрос был не в том, кто это сделал, а в том, как он это сделал. — Его лордство широко улыбнулся. — Ну а теперь ответ на этот последний вопрос прост, как копье.

— А почему вы так уверены, что это убийство, милорд?

На этот раз спрашивал мастер Гийом.

— Во-первых, те промеры, которые мы только что провели, показывают, что ноги покойного лорда Арлана, висящего в петле, не доставали до пола на семнадцать дюймов. Высота сиденья этого стула — восемнадцать дюймов. Если бы — я повторяю, *если бы* — он надел себе на шею эту петлю, а затем отшвырнул ногой стул, он

упал бы всего на один дюйм. Конечно, он бы задохнулся, тут вопросов нет. Но вы же видели жуткие следы от веревки, глубоко впившейся в горло покойного, и слышали слова доктора Пейтли, что гортань раздавлена. Кстати, доктор, а шея у него не сломана?

— Нет, милорд. Сильно вывихнута и растянута, но не сломана.

— Он же был совсем легкий,— продолжил лорд Дарси.— Девять стоунов. Падение с высоты в один дюйм не могло такого наделать.

Тут следователь перевел взгляд на мастера Шона.

— А в таком случае, как вам понятно, все произошло иначе. Оставалось только поднапрячь немного воображение и придумать, как это *могло* произойти, а затем проверить улики и убедиться, что все *произошло* именно так. Заключительный шаг — перепроверить улики и убедиться, что иначе никак не могло быть. Ну а после этого уже можно производить арест.

Через пятнадцать минут лорд Дарси, мастер Шон и мастер Гийом вошли в библиотеку, где четверо стражников продолжали охранять пятерых подозреваемых. Мастер Шон, державший в руке свой разукрашенный саквояж, остался у дверей, в компании двух рыцарских доспехов с пятнадцатифутовыми копьями.

Сэр Стефан Имбрай, читавший до этого книгу, выпустил ее из рук и она упала на пол.

— Сколько это будет еще продолжаться, лорд Дарси?

В его голосе звучала плохо сдерживаемая ярость.

— Только пару минут, сэр Стефан. Мы почти закончили расследование.

Глаза всех присутствующих, за исключением мастера Шона, были устремлены на следователя герцога.

— Слава Богу,— с облегчением вздохнул сэр Стефан.— Очень рад, что все это закончилось, милорд. Разумеется, этим еще будет заниматься коронер. Надеюсь, жюри присяжных вынесет вердикт «Самоубийство в состоянии помрачения рассудка».

— А вот я на это не надеюсь. Я считаю, что они определят происшедшее как преднамеренное убийство. И их решением в нем будет обвинен сэр Стефан Имбрай, и за это преступление он будет предан Верховному Королевскому суду.

Сэр Стефан стал белым как мел.

— Вы что, с ума сошли?

— Бывает у меня и такое, но — не в этот раз.

— Но ведь в момент преступления... — от удивления дамозель Барбаре не хватило воздуха, — в этот момент сэра Стефана не было ни в кабинете, ни рядом с ним!

— А вот тут-то вы и ошибаетесь. Он находился здесь, в этой комнате, не более чем в дюжине футов от лорда Арлана. Все было сделано до крайности просто. Он пришел к лорду Арлану в кабинет и подсыпал в его кофе снотворное. Одно из самых сильных, быстродействующих снотворных. Несколько минут — и его лордство потерял сознание. Затем сэр Стефан привязал веревку к проходящей снаружи за этим окном трубе, перекинул ее конец через брус и обвязал им шею вашего злополучного хозяина.

— Но ведь этот недомерок был повешен только через час, — вмешался добрый человек Эрнесто Норман.

— Верно. Но дайте мне закончить. Так вот, затем сэр Стефан взгромоздил бесчувственное тело лорда Арлана *на эту балку.*

— Одну секундочку, ваше лордство, — продолжал недоумевать Эрнесто. — Я и сам не очень-то люблю сэра Стефана, однако, сколь он ни высок, ему бы не поднять лорда Арлана на высоту в десять футов, даже встав на стул. А стремянки в комнате нет.

— Очень верное наблюдение, добрый человек Эрнесто. Однако вы не принимаете во внимание, что в кабинете есть еще один стул. Стул лорда Арлана имеет высоту в целых двадцать четыре дюйма вместо обычных восемнадцати.

— Плюс шесть дюймов? — Эрнесто Норман покачал головой. — Все равно не хватит. Ему надо было по крайней мере еще шесть...

Писатель вдруг смолк, его глаза расширились.

— Скамеечка для ног!

— Совершенно верно. Поставьте ее на этот стул — и вот вам те самые шесть дюймов. Даже мне почти хватило бы, хоть я и ниже сэра Стефана. А поднять девять стоунов такому сильному человеку тоже не слишком трудно.

— Если даже предположить, что все так и было...

Губы сэра Стефана стали пепельно-серыми, но голосом своим он все еще владел.

— Даже если все так, что же я сделал потом?

— Но это ведь совершенно ясно, дорогой сэр Стефан. Вы ушли из кабинета, предварительно вернув на место стул и скамеечку, а также положив набок стул для посетителей. Потом вы занялись своими делами, как вы нам и рассказывали, зная, что никто не решится войти в кабинет после трех часов.

— Но мы же слышали, как стул упал в четыре! — негромко воскликнула Барбара.

— Нет. Согласно вашим собственным показаниям, вы услышали глухой удар. Но именно сэр Стефан сказал, что слышал звук упавшего стула, вы бессознательно с ним согласились и дальше держались того же мнения. На самом деле вы слышали, как упало с балки и рванула веревку тело лорда Арлана.

Дамозель Барбара зажмурилась, ее передернуло. Двое ее коллег молча, в ужасе смотрели на лорда Дарси.

— Вы выждали час, сэр Стефан. Затем в четыре часа вы...

Тут лорд Дарси прервался, уловив сигнал мастера Шона.

— Да, мастер Шон?

— Вот это, милорд. Безо всяких сомнений.

Он указал на доспех, стоявший слева от двери.

— Вот теперь следствие полностью завершено.

На губах лорда Дарси мелькнула недобрая улыбка.

— Итак, потом, в четыре часа, вы, сэр Стефан, взяли это копье — совершенно тупое, как и все остальное оружие, находящееся здесь, — и столкнули им

лорда Арлана с бруса. После чего вы вернули копье на место и побежали в кабинет. Вы знали, что для развязывания узла потребуется некоторое время и знали также, что за это время лорд Арлан успеет скончаться.

Но только все это ужасно глупо. Вы оказались перед дилеммой. Трудность заключалась в том, какой длины брать веревку. Если лорд Арлан упадет со слишком большой высоты, у него сломается шея, что вызвало бы, мягко говоря, удивление — ведь высота стула всего восемнадцать дюймов. А сделай вы веревку короче, чтобы он только задохнулся,— и его ноги окажутся выше сиденья стула. Вы остановились на золотой середине. Неужели вы не могли понять, что при любом варианте останется несоответствие?

Лорд Дарси повернулся к мастеру Гийому.

— Мастер стражи Гийом де Лиль, я, как офицер королевского правосудия, поручаю вам, офицеру королевского спокойствия, арестовать этого человека по подозрению в убийстве.

Когда стражники увели поникшего сэра Стефана, потрясенная дамозель Барбара спросила:

— Но почему, милорд? Почему он это сделал?

— Прежде чем идти сюда, я ознакомился с завещанием лорда Арлана в Государственном архиве.

Лорд Дарси смотрел на Барбару.

— Половину своей доли в фирме он оставил вам, а половину — сэру Стефану. Сэр Стефан хотел иметь контроль над фирмой. Теперь все достанется вам.

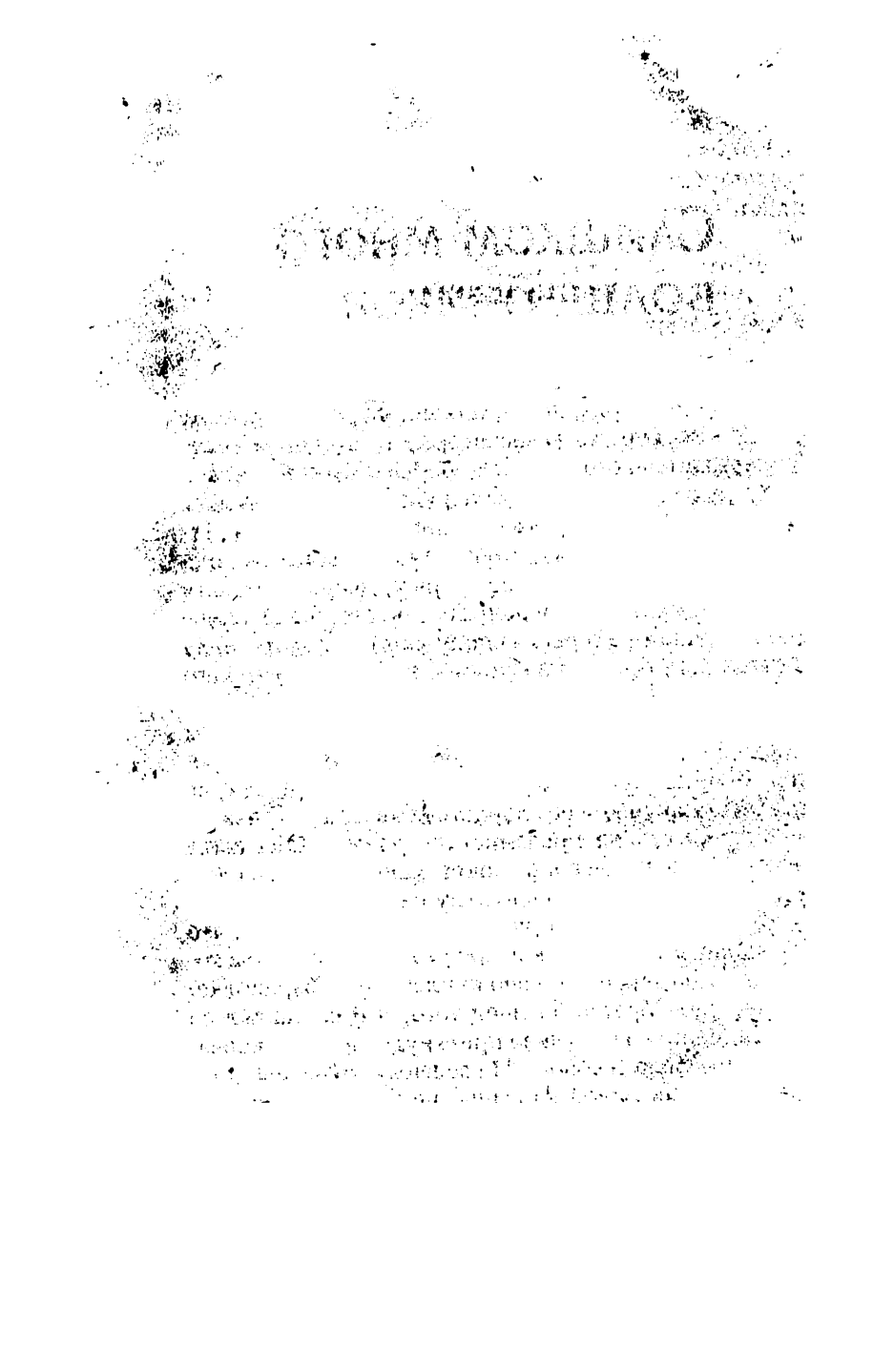
Дамозель Барбара заплакала.

Но от лорда Дарси не укрылась торжествующая полуулыбочка, скользнувшая по лицу Эрнесто. Похоже, эта улыбка говорила: «Вот теперь-то я напечатаю свой роман в том виде, в каком он написан».

Тут оставалось только вздохнуть, что лорд Дарси и сделал.

— Идемте, мастер Шон. Поздно уже, а нам еще предстоит званый ужин.

Слишком много волшебников

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I

Эта комната лорду Эшли, командору, специальному агенту Его Величества Императорского военно-морского разведывательного корпуса, определенно не нравилась. Не спасало ее даже то, что поблизости находились Шербурские Императорские военно-морские доки. Не нравилась она ему потому, что в этом районе жили люди достатка среднего, это раз; во-вторых, дверь в комнату оказалась открытой; и наконец — и это было самое главное, — рядом с дверью на полу лежал тот, кто лорду командору был просто необходим. Из груди лежащего торчал большой — судя по рукояти — нож.

Его лордство отвёл глаза от тела хозяина комнаты и принялся осматривать помещение. Комната была крошечной — футов восемь на десять, а дюймах в шести, не больше, над макушкой его лордства нависал потолок. У правой стены стояла приземистая кровать. Она была застелена, но дешевое синее покрывало оказалось слегка помятым. В дальнем левом углу расположился недорогой деревянный стол, а рядом — стул из того же, что и стол, гарнитура. Ближе к двери, у левой стены, раскорячилось древнее кресло, явно купленное на барахолке. Еще один стул, братец-близнец того, что составлял со столом компанию, сиротливо приткнулся в ногах кровати. Другой мебели не было. На зеленых крашеных стенах не висело ни одной картины, не было в комнате и

© А. Пчелинцев, Н. Романецкий, перевод, 1996

украшений. В общем, личность проживающего здесь человека в обстановке не выражалась никак.

Взгляд лорда Эшли снова обратился на хозяина. Его лордство осторожно закрыл за собой дверь и шагнул к лежащему. Осторожно поднял его руку и пальцами обхватил запястье.

Пульса не было.

Его лордство вернул руку покойника в первоначальное положение, сделал шаг назад и задумчиво посмотрел на тело. В кармане на поясе командора лежали сто золотых соверенов. Деньги были взяты из специального фонда, чтобы заплатить доброму человеку Жоржу Барбуру за услуги, оказанные им военно-морской разведке. К несчастью, добрый человек Жорж Барбур уже не будет обузой для специального фонда. Или к счастью?..

Командор Эшли перешагнул через тело, подошел к столу и принялся за бумаги. Внимательно просмотрел их. Убедился — нет ничего такого, что могло бы связать убитого с корпусом военно-морской разведки. Тем не менее он собрал бумаги и засунул в карман плаща: нельзя исключать возможность обнаружения секретных записей — либо в закодированном виде, либо написанных симпатическими чернилами. Распахнув дверцу небольшого стенного шкафа в правом углу комнаты, лорд Эшли обнаружил там запасной костюм — ничем не лучше того, что был на убитом. В карманах — воздух, за подкладкой — пустота. В двух ящиках — нижнее белье, чулки и прочие предметы личного пользования.

Командор снова взглянул на труп. Об учиненном обыске, конечно, придется доложить милорду адмиралу, но иного выхода нет: здесь могут оказаться предметы, которые безопаснее найти ему, а не местным стражникам.

Обыск оказался бесплодным. Лорд Эшли внимательным взглядом обежал стены. Жорж Барбур лишь день назад переехал в эту клетушку, и у него явно не было времени, чтобы сделать себе тайник, незаметный для цепких глаз и чутких пальцев командора имперской разведки. Несмотря на это, лорд Эшли еще раз обыскал комнату. И снова ничего не нашел.

Не дал результатов и осмотр тела убитого. Вывод был ясен: Барбур успел передать Зету всю имеющуюся у него информацию. Уже легче!..

Командор еще раз оглядел комнату, убедил себя, что ничего не мог пропустить, и вышел в коридор. Узкая темная лестница вела на нижний этаж. Лорд Эшли одолел ее быстро, почти бегом.

Консьержка сидела в своей конторке, прямо перед входной дверью. Это была уже немолодая, но все еще ясноглазая женщина. Она смотрела на высокого, аристократично выглядящего командора с улыбкой такой же ясной, как и ее глаза.

— Да, сэр? Чем могу вам помочь?

— У меня печальные новости, добрая женщина,— спокойно сказал лорд Эшли.— Один из ваших постояльцев мертв. Нужно срочно вызвать стражника.

— Мертв? Кто? Неужели добрый человек Жорж?

— Он самый,— подтвердил его лордство.

Всего несколько минут назад он сообщил консьержке, что идет повидать Барбура, *живого* Барбура, а теперь... Даже тело еще не остыло, и не успела свернуться кровь. Убийство явно произошло совсем недавно.

— У него были посетители в последние полчаса?

— Посетители? — Консьержка сощурилась, пытаясь собраться с мыслями.— Нет, сэр, кроме вас, никого не было... Хотя я могла и не заметить. Я уходила на пару минут — всего на пару минут, не больше. Мне надо было в магазин доброго человека Фентнера, табачника. Только у него продается мой любимый сорт табака.

Глаза командора Эшли пронзали ее насквозь.

— Когда точно вы уходили и когда вернулись? Вспомните — это может быть чрезвычайно важно!

— Ну... ну... Я вернулась как раз перед тем, как пришли вы, сэр,— нервно сказала женщина.— Едва я зашла в дом, как святой Денис пробил три четверти.

Командор Эшли взглянул на свои часы. Была минута двенадцатого.

— По-видимому, кто-то выждал, когда вы уйдете, поднялся наверх и успел уйти до вашего возвращения. Вы долго отсутствовали?

— Не дольше, чем требуется, чтобы дойти до угла и вернуться обратно, сэр. Я не имею привычки надолго исчезать днем, когда дверь открыта.— Она озадаченно нахмурилась.— Кто же поднимался наверх, сэр? И зачем?

— Кто бы он ни был,— сказал лорд Эшли,— но он успел ткнуть ножом в сердце вашего постояльца. Жорж Барбур убит, добрая женщина, и нам нужно срочно вызвать стражу.

Бедная консьержка была настолько потрясена, что командор понял: вряд ли стражникам удастся сейчас чего-нибудь от нее добиться. Слава Богу, он догадался спросить ее о посетителях до того, как сообщил о том, что Жорж Барбур умер не по своей воле. Иначе бы и эта скудная информация навсегда исчезла из ее памяти.

— Присядьте, добрая женщина,— мягко сказал командор.— Успокойтесь. Бояться вам нечего. Я сам позабочусь о том, чтобы вызвать стражников.

Консьержка в изнеможении рухнула в потертое кресло в своей конторке, а лорд Эшли открыл входную дверь и выглянул на улицу. Его оглушили звонкие голоса мальчишек.

Благодаря годам флотской службы его лордство без труда мог выделить среди мальчишек лидера стаи.

— Эй, парень! — позвал он.— Да-да, ты, в зеленой шапке!.. Хочешь заработать шиллинг?

Мальчишка обернулся, и его хмурое лицо расплылось в улыбке:

— Конечно, милорд! — Он стянул с головы свою изрядно потускневшую шапку.— С большим удовольствием, милорд!

Юнец понятия не имел, кто с ним разговаривает, но стоящий перед ним хлыщ явно был джентльменом, а к таким людям следует обращаться «милорд». Тем более если речь идет о возможности зашибить монету.

Притихла и вся остальная компания — кто знает, а вдруг и им хоть что-то перепадет от этого богатого джентльмена.

— Очень хорошо,— быстро сказал командор Эшли.— Вот тебе полшиллинга. Если через пять минут приведешь сюда стражника, получишь вторую половину.

— *С-с... стражника,* милорд? — У мальчишки, похоже, не укладывалось в голове, как это может нормальный человек, да еще по собственному желанию, подпустить к себе стражника ближе, чем на тысячу ярдов.

— Да, стражника.— Командор улыбнулся.— Скажи ему, что лорд Эшли, королевский офицер, требует безотлагательной помощи, и веди его сюда. Все ясно?

— Да, милорд. Лорд Эшли, королевский офицер, милорд! Ясно!

— Отлично, парень!.. Теперь вы. Вот полшиллинга каждому. Если за пять минут приведете стражника, тоже получите вторую половину. Тот, кто вернется первым, получит целый шиллинг. Теперь вперед! Бегом!

Мальчишки вмиг разлетелись.

В тот же день, в два часа тридцать минут пополудни, три человека встретились в удобной, очень похожей на клубную комнате в здании штаба Шербурской Его Императорского Величества военно-морской базы.

Командор лорд Эшли, в безукоризненной форме, с причесанными, слегка вьющимися каштановыми волосами, сидел прямо и непринужденно. Он надел форму всего двадцать минут назад. Лорд адмирал намекнул ему: предстоящая встреча носит не совсем приватный характер, а поэтому гражданская одежда даст не тот эффект, что королевские — голубой с золотом — цвета формы командора.

Лорда Эшли вряд ли можно было назвать красавцем: его квадратная физиономия имела слишком неровный загар. Тем не менее женщины восхищались им, а мужчины его уважали за решительное выражение

лица. Глаза лорда, серо-зеленые, в коричневых крапинках, были глазами моряка — казалось, что командор постоянно пристальным взглядом охватывает края горизонта. По-видимому, в поисках шквала...

У лорда адмирала Эдви Бренкорта взгляд был точно такой же, только глаза голубые, а не зеленые, да годами он был чуть ли не вдвое старше двадцатисемилетнего командора. Впрочем, и в пятьдесят два признаки седины можно было заметить лишь на висках адмирала. Его голубая форма была немного помята — все-таки он носил ее с раннего утра,— но зато дополнительный золотой галун на рукавах и плечах придавал образу адмирала необычайную выразительность.

По сравнению с этим великолепием черный с серебром китель шефа-мастера стражи Анри Вера, главы Департамента стражи Шербура, выглядел бледновато, хотя в другой компании производил достойное впечатление. Шеф Анри был мрачным, решительным и крепким человеком пятидесяти с небольшим лет, флегматичным бойцом по духу и поведению.

Первым заговорил шеф Анри:

— Милорды! Это убийство имеет гораздо большее значение, чем кажется со стороны. По крайней мере, гораздо большее, чем *мне* думалось.

Он говорил на англо-французском с той педантичной аккуратностью, которая сразу показывала, что такая манера выражаться для него непривычна. Он многие годы тренировался, стремясь избавиться от влияния *местного* говора — акцента, выдававшего его скромное происхождение,— но усилия, с которыми он произносил правильно выстроенные фразы, все еще были заметны.

Шеф Анри посмотрел на милорда адмирала:

— Кем был этот Жорж Барбур, ваше лордство?

Прежде чем ответить на вопрос, милорд адмирал взял с низкого столика, за которым они сидели, графинчик с бренди и аккуратно наполнил три рюмки.

— Вы понимаете, шеф Анри... Дело осложняется тем, что оно связано с безопасностью флота. Все услы-

шанное вами в этой комнате должно остаться в ее пределах.

— Разумеется, милорд,— сказал шеф Анри.

Он отлично знал, что это крыло здания штаба прекрасно защищено эффективными и дорогостоящими охранными заклинаниями. В бюджете вооруженных сил Его Величества имелась специальная статья, предназначенная для оплаты услуг наиболее квалифицированных экспертов в этой области — волшебников, занимающих высокое положение в гильдии магов. Результаты их работы всегда были гораздо более эффективны, чем обычные коммерческие заклинания, обеспечивающие уединенность в отелях и частных домах.

Такие предосторожности диктовались сложным международным положением. Последние пятьдесят лет польские короли постоянно демонстрировали миру свои честолюбивые помыслы. В 1914 году Сигизмунд III приступил к целой цепочке аннексий, в результате которых от Русских государств был оттяпан изрядный кусок территории между Москвой и Киевом.

Пока Польша стремилась на восток, политика Англо-Французской империи была направлена на поощрение подобных аппетитов: имперские владения в Новом Свете быстро расширялись, а Азия казалась такой далекой...

Однако у сына Сигизмунда, Казимира IX, появились большие проблемы с созданной отцом квазиимперией. Ему пришлось изменить свою восточную политику: в начале тридцатых Русские государства сумели образовать некое подобие коалиции, и король Польши вынужден был прекратить свои поползновения. Да, если русские когда-нибудь объединятся по-настоящему, они станут грозным противником...

Теперь Казимир IX начал бросать взгляды на запад, на Германские государства, бывшие до сих пор буфером между польской и англо-французской границами. Немцы сохраняли независимость благодаря умной политике колебаний — а-ля перетягивание каната — между Польшей и Империей. Если бы армии

Казимира IX попытались вторгнуться, скажем, в Баварию, принц Рейнхардт VI тут же попросил бы имперской помощи. И тут же получил бы ее. С другой стороны, если бы король Джон IV вздумал обложить налогом ту же Баварию — размером хоть в один соверен — и с этой целью направил в нее свои вооруженные силы, Его Высочество принц Баварский не менее громко возопил бы о помощи со стороны Польши.

Поэтому Казимир, реализация честолюбивых планов которого притормозилась, из кожи вон лез, стремясь подорвать Англо-Французскую империю, по возможности ослабить ее, а затем и осуществить вооруженное вторжение в Германию.

Это была очень непростая задача. Еще Генрих II в XII веке дал процессу развития Империи очень хороший толчок. Сын его, Ричард Львиное Сердце, в первые десять лет своего правления совершенно не заботился о делах государства, предпочитая заниматься освобождением Гроба Господня, но, чудом избежав смерти при осаде Шалю, совершенно переменился. Длительная борьба с лихорадкой, вызванной раной от арбалетной стрелы, напрочь изменила его характер. Король вернулся в Англию, и в течение следующих двадцати лет правление Ричарда I отличалось мудростью и благоразумием. Его племянник Артур стал королем в 1219 году, через три года после смерти изгнанного принца Джона, сумев в мудрости обойти даже Ричарда. Он вошел в историю под именем Артура Умелого, и в общественном сознании его часто путали с более ранним королем Артуром, жившим в VI столетии.

В течение канувших в Лету веков Плантагенеты — где тонкой дипломатией, а где острым мечом, — сменяя друг друга, наращивали мощь страны. Теперь она была уже вдвое старше Римской империи, но до сих пор не показывала никаких признаков загнивания.

У Казимира IX не было возможности использовать армию, а его военно-морские силы оказались блокированными в акватории Балтики. Ни один польский корабль не мог выйти в Северное море, не опасаясь

встречи с имперским флотом или же с флотом Скандинавии — союзницы Империи. Северное море и Западная Балтика являлись территориальными водами Империи и Скандинавии. Польские торговые суда проходили через них только после тщательного досмотра. Искали, разумеется, оружие. В 1939 году Казимир попытался прорвать блокаду, но потерял бóльшую часть флота, не добившись даже тени успеха. С тех пор он таких попыток не делал.

Вместо боевых действий Казимир взялся за иные способы ведения войны: саботаж, терроризм, экономические диверсии и тысячи прочих хитроумных видов подрывной деятельности. До настоящего времени он так и не сумел нанести Империи реальный ущерб — его выпады были не более чем булавочными уколами. Впрочем, до настоящего времени хитроумию польских спецслужб противостояла бдительность королевских офицеров.

Прежде чем продолжить беседу, адмирал Бренкорт аккуратно закрыл графин стеклянной пробкой.

— Боюсь, я должен принести вам свои извинения, шеф Анри. Исполняя мой приказ, командор лорд Эшли в разговоре с вашим сержантом, который расследовал обстоятельства убийства Барбура, придержал определенную часть информации. Разумеется, он был вынужден так поступить исходя из интересов государственной безопасности. Однако теперь я уполномочил его рассказать вам обо всех обстоятельствах этого дела... Будьте так любезны, милорд!

Командор Эшли пробовал свой бренди. Шеф Анри почтительно ждал. Он знал, что о некоторых сторонах дела он все равно ничего не услышит,— лорд Эшли наверняка проинструктирован, какие детали осветить, а какие, наоборот, покрыть дополнительным слоем мрака. Тем не менее шеф Анри знал и другое — в изложении лорда Эшли история будет существенно богаче подробностями, чем все то, что он слышал о ней до сих пор.

Командор Эшли аккуратно поставил рюмку на стол.

— Вчера утром, — начал он, — в понедельник, двадцать четвертого октября, я получил от Канцелярии лорда Верховного адмирала в Лондоне спецпакет. Мне было приказано вручить его адмиралу Бренкорту сегодня утром. Я выехал из Лондона дуврским поездом и около полуночи, переправившись через Канал на специальном пакетботе военно-морских сил, прибыл в Шербур. — Он замолк и в упор поглядел на шефа Анри. — Надо учесть, что, будь на моем приказе гриф «Весьма срочно», я бы приложил все усилия, чтобы доставить пакет сразу по прибытии. Но мне было приказано вручить пакет сегодня утром. Даю вам честное слово, что с того момента, как я получил пакет, и до того, как он попал в руки адмирала, я не терял его из вида и не открывал.

— Могу подтвердить это, — сказал адмирал Бренкорт. — Как вам известно, шеф Анри, волшебники Адмиралтейства начитывают заклинания на конверты и печати таких пакетов. Эти заклинания хоть и не предохраняют спецпочту от вскрытия посторонними лицами, однако позволяют перед вскрытием проверить пакет на целостность.

— Понимаю, милорд. — Шеф-мастер стражи кивнул. — Ваш волшебник проверил пакет. — Это было утверждение, а не вопрос.

— Разумеется, — сказал адмирал. — Продолжайте, командор!

— Благодарю, милорд! — Командор Эшли повернулся к шефу Анри. — Я провел ночь в отеле «Королева Джин». Сегодня в девять утра я доставил пакет милорду адмиралу. — Он замолк.

— Я вскрыл пакет, — немедленно продолжил адмирал Бренкорт. — Большая часть его содержимого к данному делу отношения не имеет. Однако там было приложение, которое я должен был передать командору лорду Эшли. Ему предписывалось вручить определенную сумму денег некоему Жоржу Барбуру. Так мы оба впервые узнали о существовании этого человека. — Он взглядом предложил командору Эшли продолжить повествование.

— Согласно полученным инструкциям,— сказал лорд Эшли,— я должен был немедленно доставить деньги Барбуру, который, судя по всему, был двойным агентом, официально работающим на Его Славянское Величество короля Казимира Польского, а фактически — на морскую службу разведки имперского военно-морского флота. Деньги Барбуру следовало передать в промежутке между четвертью и половиной одиннадцатого. Я отправился на явку, поговорил с консьержкой и поднялся наверх. Дверь в комнату оказалась чуть приоткрытой. Я постучал, она приоткрылась больше. Жорж Барбур лежал на полу с ножом в сердце.— Лорд Эшли развел руками.— Конечно, я был удивлен, но мне следовало выполнять свой долг. Я забрал все его бумаги — они там, на столе,— и обыскал комнату. Бумаги были доставлены адмиралу.

— Вы должны понимать, шеф Анри,— заметил адмирал Бренкорт,— существовала вероятность, что в этих документах содержатся шифрованные сообщения, имеющие отношение к обеспечению безопасности. Однако, поскольку таковых там не оказалось, бумаги будут переданы вам. Лорд Эшли подробно расскажет, где и в каком состоянии он нашел каждый из документов.

Шеф Анри посмотрел на командора:

— Не могли бы вы представить письменный рапорт, включающий в себя эскиз, на котором было бы изображено, где лежали бумаги... ну и все прочее? — Он был весьма задет тем, как вольно представители военно-морского флота обращаются с уликами по делу об убийстве, но прекрасно понимал, что бороться с подобным обращением — все равно что плевать против ветра.

— Я буду рад представить страже такой рапорт,— сказал командор Эшли.

— Премного благодарен, ваше лордство!..— Шеф Анри помолчал, раздумывая.— Скажите, не показалось ли вам, что бумаги были в беспорядке... как-то разбросаны?

Командор слегка нахмурился:

— Нет. По-моему, они не были раскиданы как попало. Но и не сложены в стопку. Я бы сказал, на столе наблюдался этакий... ну что ли — рабочий беспорядок. Вы понимаете, что я имею в виду. Как будто Барбур просматривал бумаги перед смертью.

— Или их просматривал кто-то *еще*, — задумчиво произнес шеф Анри.

— Да, такое, конечно, возможно, — согласился командор. — Вот только было ли у убийцы на это время?

— Представьте, что убийца искал один или, скажем, несколько документов, — медленно сказал шеф. — И представьте, что он был знаком с ними в достаточной степени, чтобы опознать их по внешнему виду. Ему потребовалось бы на поиски всего несколько секунд, не так ли?

Командор и адмирал переглянулись.

— Да, — быстро сказал командор, — пожалуй...

— А нет ли у вас каких-нибудь предположений насчет характера этих бумаг? — спросил шеф Анри с наигранным равнодушием.

— Нет! — твердо сказал адмирал. — Честное слово, я ничего не скрываю. Местная канцелярия даже о существовании этого Жоржа Барбура понятия не имела, и поэтому мы не имеем ни малейшего представления ни о направлении его деятельности, ни о характере находящихся у него документов. Впервые мы узнали о нем только сегодня, а из Лондона ничего пока больше не поступало. Впрочем, Лондон еще и не знает, что Барбур мертв... Придет время, когда какой-нибудь волшебник сумеет придумать способ организовать телесонную связь через Канал, но до тех пор нам придется полагаться на курьерскую службу.

— Понятно. — Шеф Анри нервно потер руки. — Надеюсь, ваши лордства понимают, что я лишь исполняю свой долг. Совершено преступление. Оно должно быть раскрыто. Я обязан приложить все усилия, чтобы установить личность убийцы и привлечь его к ответственности. Закон требует, чтобы я предпринял определенные действия...

— Мы все понимаем, шеф Анри, — сказал адмирал.

Шеф проглотил остаток бренди:

— Наша служба не имеет ни малейшего желания мешать флоту, как, впрочем, и разглашать каким-либо образом информацию, которая может пойти на благо врагов Отечества.

— Разумеется. — Адмирал согласно кивнул.

— Однако дело представляется мне достаточно сложным, — продолжал шеф Анри. — Благодаря свидетельству консьержки время убийства нам известно с точностью до десяти минут. Мы знаем, что Барбур провел в этой комнате всю ночь и что он ушел утром примерно в девять ноль пять, а вернулся примерно в десять двадцать. Остальные жильцы работают и отправились на службу гораздо раньше. В здании в это время находились только Барбур и консьержка... Казалось бы, неплохое начало, но дальше следуют сплошные «не». Мы понятия не имеем, что из себя представлял этот Барбур. Нам неизвестен круг его знакомых. Мы не знаем, с кем он встречался и с кем находился в деловых отношениях. У нас нет никаких идей о том, кому мог принадлежать нож, которым его зарезали. Нож, кстати, совершенно обычный... А когда сюда приплетаются еще и сложности, связанные с международным положением, я вынужден сделать вывод, что происшедшее не по моему рангу. В подобных случаях я обязан уведомить следственный департамент Его Королевского Высочества в Руане.

Адмирал Бренкорт кивнул:

— Все ясно. Думается, любое должностное лицо из департамента Его Высочества будет готово оказать вам содействие. Можем ли мы еще чем-нибудь помочь страже?

— Да, милорд адмирал! Если это вас не затруднит... Наверняка кое-кто в Лондоне об убитом кое-что знает. Если в этом не будет нарушения режима секретности, я бы хотел узнать о Барбуре все, что только возможно. Мне бы очень хотелось получить информацию из Лондона.

— Конечно, шеф Анри, — сказал адмирал. — Я сделаю все возможное. Командор Эшли в ближайшие часы возвращается в Англию. Надо немедленно уведомить о случившемся Канцелярию лорда Верховного адмирала. Я отправлю с командором письмо, запрашивающее нужную вам информацию.

И тут шеф Анри, не сумев сдержаться, осклабился:

— Черт возьми! Все-таки лорд Дарси никогда не ошибается!

— Дарси? — Адмирал моргнул. — Кто это?.. Ах да! Вспомнил! Главный следователь Его Высочества. В прошлом году он вроде бы оказался на высоте здесь, в Шербуре. Дело «Проклятие Атлантики»... Ведь это был он?

Шеф Анри деликатно кашлянул:

— Можно выразиться и так. Я не имею права обсуждать детали!

— Да-да, конечно! Но с чего вы взяли, что он никогда не ошибается?

— Потому что я ни разу не слышал о таких случаях! — резко сказал шеф Анри. — Когда я связался с Руаном и проинформировал его лордство об убийстве, он сказал, что сразу выехать не сможет и пришлет своего заместителя, сэра Элиота Меридита. Тот будет заниматься делом до прибытия самого лорда Дарси. Он также сказал, что вы, несомненно, почти сразу пошлете курьера в Лондон, и поинтересовался, не буду ли я любезен, по его выражению, попросить милорда адмирала, чтобы курьер доставил в столицу специальное послание лорда Дарси.

Адмирал Бренкорт удовлетворенно хмыкнул:

— Проницательный джентльмен этот лорд Дарси! Мы так и поступим. Что в послании?

— Главный судебный маг лорда Дарси, мастер Шон О Лохлейн, присутствует на конвенции в Королевском управлении стражи. Лорд Дарси хотел бы, чтобы вы передали мастеру О Лохлейну: он должен немедленно покинуть Лондон, вернуться в Нормандию и отправиться прямо сюда, в Шербур.

— Непременно,— сказал адмирал.— Если вы напишете письмо, лорд Эшли доставит его сразу по прибытии в Лондон. Королевское управление недалеко от Адмиралтейства.

— Благодарю вас,— сказал шеф Анри.— Почтовый пакетбот покинет Шербур только вечером, и письмо вручили бы адресату не раньше завтрашнего полудня. Помощь курьера сэкономит массу времени. Могу я воспользоваться вашей ручкой и бумагой?

— Да, конечно.

Шеф Анри окунул адмиральскую ручку в чернильницу и начал писать.

Глава II

Шон О Лохлейн, мастер-тауматург, член Королевского колдовского общества и главный судебный маг Его Высочества Ричарда, герцога Нормандского, прилагал все усилия, чтобы не показать окружающим своей злости. Усилия эти увенчались полным успехом: сказалась многолетняя тренировка в качестве служителя закона. Конечно, если бы он дал волю своей ирландской крови, она бы давно превратилась в пар, но маг обязан строго контролировать свои чувства.

Конкретного адреса его злость не имела. И уж во всяком случае он злился не на себя. Он был в ярости на судьбу, случай и совпадение, а это не те персоны, на которые следует изливать гнев. Поэтому мастер Шон обуздал свою ярость, трансформировал ее и позволил ей проявиться милой улыбкой и изысканными манерами. И тем не менее он не столько слушал его лордство епископа Винчестерского, сколько думал о работе, на которую потратил почти полгода. Полгода ежедневного каторжного труда — и вдруг выясняется, что тех же самых результатов достиг не ты один. И пока епископ, который был не только превосходным чародеем и целителем, но и жутким занудой, насиловал своим брюзжанием правое ухо О Лохлейна, глаза мастера Шона ощупывали толпу в главном выставочном зале. Мастер

Шон уделял голосу собеседника ровно столько внимания, чтобы к месту вставлять: «Да, милорд» и «Конечно, милорд». Впрочем, епископу большего и не требовалось.

Значительная часть присутствующих в зале была в светло-голубых одеяниях, соответствующих званию мага, но встречались и клерикальные черные, и даже епископальные пурпурные цвета. В углу четыре целителя в одеждах раввинов с жаром беседовали с архиепископом Йоркским, чьи всклокоченные белые волосы образовывали некое подобие нимба вокруг его пурпурной ермолки. Возле двери с потерянным видом торчал командор флота, в полной парадной форме — китель с золотым галуном и узенький парадный клинок с позолоченным эфесом. Интересно, что мог забыть в такой компании флотский офицер? Тоже с докладом или просто гость?

Мастер Шон недолго ломал голову над этим вопросом: его внимание переключилось на ботаническую секцию выставки. Ему вдруг показалось, что он узнал человека, стоящего перед рядами горшочков с травами.

— А *этот-то* что здесь делает? — пробормотал он вслух.

— М-м-м? — Епископ повернулся к нему.— О ком вы?

— О, прошу прощения! Мне показалось, там стоит коллега моего начальника, лорда Дарси... Но я не уверен — он стоит к нам спиной.

— Где? — Епископ обвел глазами зал.

— Вон там, на ботанической выставке... возле трав... Не лорд ли это Бонтриомф, главный следователь Лондона? Уж очень похож!..

— Да, полагаю, это он... Вам, наверное, известно, что маркиз Лондонский в свободное время занимается выращиванием экзотических трав. Вероятно, он послал Бонтриомфа посмотреть выставку. Ведь сам милорд маркиз редко покидает дворец... Уже десятый час?! Боже, я и не думал, что так поздно! В десять я должен произносить речь и обещал моему целителю, отцу Ку-

инну, поговорить с ним перед выступлением. Простите, мастер Шон, но...

— Разумеется, милорд! Было очень приятно побеседовать с вами.— О Лохлейн наклонился и поцеловал кольцо на протянутой руке епископа.

— Беседа с вами, мастер Шон, была в высшей степени содержательной. До свидания!

— До свидания, милорд!

«Врачу, исцелися сам»,— ехидно подумал мастер Шон. Фраза устарела только в том смысле, что целители больше не ограничиваются «врачебными» методами лечения. Когда в XIV веке гениальный Хилари Роберт сформулировал законы магии, «лекари» и «целители» услышали в звоне колокола маленького монастыря в Уолсингеме, где обитал святой Хилари, похоронный звон по самим себе. Далеко не каждый мог использовать на практике законы святого Хилари, они подчинялись лишь тем, у кого был Талант. С этого времени процедура наложения рук стала считаться столь же надежной, сколь ошибочной она считалась ранее. Однако и доныне было легче заметить соринку в глазу брата своего, чем бревно в собственном. К тому же милорд епископ был уже очень старым человеком, а старость и смерть по-прежнему оставались неизлечимыми недугами — даже для самых лучших целителей.

Мастер Шон снова взглянул в сторону горшочков с травами, но, пока они с епископом обменивались любезностями, лорда Бонтриомфа и след простыл. И сколько толстячок-ирландец ни вглядывался в толпу, все было тщетно.

Конвенцию целителей и магов, проводимую каждые три года, мастер Шон ожидал, уже заранее предчувствуя блаженство от будущего триумфа, но блаженство оказалось изрядно подпорченным. Чему радоваться, если работа, над которой ты корпел целых три года и которую писал в течение шести последних месяцев, практически продублирована другим? Впрочем, ничего уже не изменишь, и к тому же сэру

Джеймсу Цвинге приходится расстраиваться по этому поводу не меньше, чем Шону О Лохлейну.

— Доброе утро, мастер Шон! — раздался резкий сухой голос. — Надеюсь, вы хорошо спали?

Мастер Шон обернулся и отвесил поклон средней глубины:

— Доброе утро, гроссмейстер! Я спал вполне прилично. А вы?

Мастер Шон спал неважно, и гроссмейстер знал не только это, но и причину его бессонницы. Однако даже мастер Шон О Лохлейн не станет перечить сэру Лайону Гандолфусу Грею, магистру естественных наук, доктору богословия, мастеру-тауматургу, гроссмейстеру древнейшей и славнейшей гильдии магов.

— Я спал не хуже вас, — сказал сэр Лайон, — но в моем возрасте было бы легкомысленным ожидать хорошего сна... Хочу представить вам весьма многообещающего молодого человека.

Гроссмейстер выглядел весьма внушительно — высокий, изможденный, но с яркой аурой силы, как физической, так и психической. Его волосы были серебристо-седыми, как и длинная борода — предмет его особой гордости. Глубоко посаженные глаза с пронзительным взглядом, тонкий орлиный нос и кустистые, нависающие над глазами брови довершали картину.

Однако мастер Шон слишком давно знал гроссмейстера, чтобы любоваться его внешностью, и потому с интересом разглядывал молодого человека, стоящего рядом с сэром Лайоном.

Тот был среднего роста — выше коротышки-ирландца, но много ниже сэра Лайона Грея. Рукава голубого одеяния незнакомца были окантованы белым, и, в отличие от серебра мастера, это означало, что перед Шоном О Лохлейном стоит ученик-тауматург. Внимание мастера Шона привлекло лицо молодого человека. Его кожа была темного красно-коричневого цвета, нос — широким и рельефным, практически черные радужки почти скрыты за тяжелыми веками. Незнакомец мило улыбался.

— Мастер Шон,— сказал сэр Лайон.— Позвольте представить вам лорда Джона Кецаля, четвертого сына Его Высочества герцога Мечиканского.

— Рад познакомиться с вашим лордством! — Мастер Шон слегка поклонился.

Лорд Джон Кецаль поклонился заметно глубже — так, согласно приличиям, ученик должен кланяться мастеру.

— Я очень ждал этой встречи, мастер,— сказал он на почти безупречном англо-французском.

Шон О Лохлейн заметил лишь легкое присутствие акцента Мечики — одного из южных герцогств Новой Англии, расположенного к северу от перешейка, соединяющего этот материк с Новой Францией. Впрочем, было бы удивительно, если бы у отпрыска семьи Монтесумы вообще отсутствовал местный акцент.

— Лорд Джон Кецаль решил обучиться судебной магии,— сказал сэр Лайон.— Полагаю, он добьется на этом поприще замечательных успехов... А теперь, с вашего позволения, я должен пойти в подготовительный комитет и проверить повестку дня.

Мастер Шон, оставшись с лордом Джоном Кецалем наедине, улыбнулся молодому человеку своей лучшей ирландской улыбкой:

— Я вижу, ваше лордство, вы не только достаточно сообразительны, но и обладаете могучим Талантом.

На лице молодого мечиканца отразилось испуганное благоговение.

— Вы можете определить это на взгляд? — спросил он почти шепотом.

Улыбка О Лохлейна стала шире:

— Нет, я просто вычислил это.

«Слышал бы меня сейчас лорд Дарси»,— подумал он.

— Вычислили? Каким образом?

— Да как вам сказать! — Мастер Шон усмехнулся.— Гроссмейстер охарактеризовал вас достаточно красноречиво. Он назвал вас многообещающим молодым человеком и сказал: «Полагаю, он добьется

замечательных успехов». Должен заметить, что сэр Грей и самого короля не представит так, если у него не окажется достойного Таланта. А раз вы произвели впечатление на гроссмейстера, значит, вы действительно хорошо себя зарекомендовали. К тому же вы не из тех, кому похвала кружит голову, иначе гроссмейстер не говорил бы таких слов в вашем присутствии. — Мастер Шон заметил откровенное смущение молодого человека и тут же сменил тему разговора: — В чем вы специализируетесь?

Лорд Кецаль сглотнул:

— Ну... э-э-э... в черной магии.

Мастер Шон вытаращил глаза. Его бы меньше шокировало заявление целителя, сказавшего, что он специализируется в отравлении людей.

Молодой мечиканский аристократ несколько секунд выглядел таким же ошарашенным, но тут же взял себя в руки.

— Я не имел в виду, будто я *занимаюсь* черной магией... Боже правый! — Он оглянулся, словно испугавшись, что кто-нибудь услышал о такой мерзости, но, убедившись в отсутствии поблизости любопытных, вновь обратил свое внимание на мастера Шона. — Я не сказал, что *практикую* ее, — повторил он почти шепотом. — Понимаете, я изучаю черную магию с целью борьбы с нею. Я знаю, что в Европе она встречается не часто, но... В общем, Мечика — это не Европа. Даже спустя четыреста лет все еще существуют последователи Древней Религии, в особенности культа Хицилопочетля, древнего бога войны. Не в городах, конечно, и даже не в большинстве сельских областей... Но в отдаленных районах, в горах и джунглях.

— И что же он за бог, этот самый Как-Его-Там? — поинтересовался мастер Шон.

— Хицилопочетль. Это бог, весьма популярный у варварских народов, в особенности воинственных. От его почитателей требуются высокая дисциплина, крайний аскетизм, добровольные лишения и жертвы, то есть налицо типичное сатанинское преувеличение доброде-

тельности воздержания, бедности и повиновения. Принесение жертвы сопровождается вырезанием сердец у живых людей... Хицилопочетль — это злобный кровавый дьявол! — Человеческие жертвы или, по крайней мере, их пропаганда небезызвестны и здесь, — заметил мастер Шон.

Лорд Джон Кецаль кивнул:

— Да, да, я понимаю. Вы имеете в виду так называемое священное братство Туманного Альбиона. Его главарей вычистили, насколько я помню, в мае тысяча девятьсот шестьдесят пятого... или в начале июня.

— Увы, — сказал мастер Шон, — если бы от них можно было избавиться подобным образом! Черная магия распространена гораздо шире, чем вы думаете. Есть истории, не ставшие достоянием публики... К примеру, будучи учеником гильдии, вы могли читать о деле лэйрда Дункана из Дункана, в шестьдесят третьем.

— О да! Я читал ваше изложение этого дела в «Протоколах». Оно было связано с таинственной смертью графа д'Эвро... Хотелось бы мне оказаться там, когда лорд Дарси раскрывал это преступление! — Обсидиановые глаза молодого мечиканца загорелись.

— А с чем связан ваш интерес к черной магии? — поинтересовался ирландский волшебник.

— Ну, как я уже сказал, культ Хицилопочетля достаточно распространен в отдельных районах герцогства... по сути, чем дальше к югу, тем шире. Моего благородного кузена, герцога Юкатанского, такое положение очень беспокоит. Если бы это было обычное крестьянское суеверие, мы бы так не волновались, но у многих из этих людей — самый настоящий Талант... А некоторые из наиболее образованных нашли возможность применить Законы Магии к культовым ритуалам Хицилопочетля. И всегда со злыми намерениями. Это черная магия самого худшего пошиба, — голос лорда Кецаля дрогнул, — и я собираюсь приложить все свои силы, чтобы искоренить ее. Последователи культа не ограничивают свою активность отдаленными районами, где расположены их храмы.

Агенты являются в деревни и терроризируют крестьян, а в городах пытаются выступать против правительства. Это безобразие должно быть прекращено, и я своими глазами увижу, как оно будет прекращено!

— Что ж, ваши амбиции похвальны! Вы не...

— Э, да тут мастер Шон,— донесся масленый голос из-за спины лорда Кецаля.

Шон О Лохлейн обратил внимание на мастера Юэна Макалистера еще минутой раньше и очень надеялся — как выяснилось, напрасно,— что тот его не заметит: у мастера Шона хватало проблем и без Макалистера.

— Мастер Юэн...— натянуто улыбаясь, начал О Лохлейн с намерением представить Джона Кецаля, но Макалистер, не обратив на ученика ни малейшего внимания, перебил коллегу:

— Слышал я, Шон, вы вчера поцапались с сэром Джеймсом? Хе-хе...

— Поцапались — это громко сказано. Мы всего-навсего...

— Я не имел в виду ссору. О чем вы с ним говорили? Похоже, это никому не известно.

— А это никого и не касается! — огрызнулся мастер Шон.

— Конечно, никого, хе-хе, конечно... Но, думается, это было что-то серьезное, иначе гроссмейстер не растащил бы вас.

— Он не растаскивал нас, как вы изволили выразиться,— процедил сквозь сжатые в фальшивой улыбке зубы мастер Шон.— Он просто выступил судьей в нашем споре.

— Да, хе-хе, естественно.— Долговязый шотландец пригладил песочного цвета волосы и улыбнулся во весь рот.— Я понимаю вашу злость на сэра Джеймса: иногда он бывает просто непереносим, хе-хе... Я имею в виду его язвительность. У сэра Джеймса острый язык.

— Весьма острый! — подтвердил лорд Джон Кецаль.— Я уже испытал его на себе.

Мастер Юэн Макалистер посмотрел на молодого мечиканца так, словно только сейчас его увидел.

— Не до́лжно ученику перебивать мастеров, — сказал он ледяным тоном. — А ра́вно и критиковать мастера. И в любом случае, надо быть достаточно мудрым, чтобы не критиковать главного судебного мага города Лондона!

Лицо лорда Джона Кецаля превратилось в деревянную маску. Он церемонно поклонился:

— Прошу прощения, мастер! Я допустил бестактность... С позволения мастеров, меня ждут. Надеюсь, я могу снова с вами встретиться, мастер Шон?

— Конечно же! Как насчет ленча? Есть определенные темы, которые мне хотелось бы обсудить с вами.

— Отлично. Когда?

— Ровно в полдень. В столовой.

— Я буду. До свидания, мастер Шон... мастер Юэн! — Мечиканец повернулся и ушел с гордым и даже несколько чопорным видом.

— До свидания, ваше лордство! — сказал мастер Шон в удаляющуюся спину.

Мастер Юэн моргнул:

— Вы сказали «ваше лордство»? Кто этот парнишка?

— Лорд Джон Кецаль, — с гнусной улыбочкой ответил мастер Шон. — Этот «парнишка» приходится сыном Его Светлейшему Высочеству Нецуалькойотлю, герцогу Мечиканскому.

Мастер Юэн заметно побледнел.

— О Боже! — прошептал он. — Надеюсь, его лордство не оскорбился...

— С вашими методами знакомства, — проникновенно сказал О Лохлейн, — у вас когда-нибудь будет очень много высокопоставленных друзей, *мастер* Юэн. А теперь простите — меня тоже ждут. — Он ушел, предоставив Макалистеру возможность смотреть вслед мечиканцу и кусать лошадиными зубами нижнюю губу.

Ох уж этот Макалистер, думал Шон. Каким бы талантливым магом он ни был, его снобизм не даст ему возможности занять какой бы то ни было пост в гильдии. У мастера есть полное право отчитать ученика, но

за дело, а не по пустякам. А с другой стороны, уж если ты злоупотребляешь этим правом, так нечего дрожать, если у отчитываемого оказываются знатные родственники... И вообще, надо перебить чем-нибудь привкус во рту от этой встречи.

Мастер Шон взглянул на часы. Девять двадцать две. До встречи еще остается время — немного, но хватит вполне. Он направился в частный бар, арендованный для участников конвенции и их гостей.

Через пять минут, с пинтой доброго английского пива, уютно устроившейся в круглом ирландском брюшке, Шон поднялся по лестнице на второй этаж и двинулся по коридору к комнате, занимаемой мастером сэром Джеймсом Цвинге, главным судебным магом города Лондона.

Ровно в половине десятого Шон постучал в дверь. Ответа не было, но ему показалось, что внутри кто-то есть, и он постучал снова, уже погромче.

На этот раз ему ответили, но ответ оказался совсем не таким, какого он ожидал. Из-за двери донесся хриплый, искаженный эхом крик:

— Мастер Шон! Помогите!

За криком последовал звук, услышав который Шон О Лохлейн понял: в комнате что-то упало — или кто-то упал — на пол.

Шон схватился за ручку двери и попытался ее повернуть. Бесполезно — дверь была заперта.

Зато распахнулись двери соседних комнат.

Глава III

Ровно в семь ноль три вечера лорд Дарси, главный следователь Его Высочества Ричарда Нормандского, вышел из кэба у парадной двери огромного городского дома-дворца, принадлежащего милорду маркизу Лондонскому. В руке лорда Дарси был дорожный саквояж, в глазах — целеустремленный блеск.

Охранник, наряженный в ярко-желтую форму личной гвардии маркиза, поинтересовался, с какой целью

прибыл визитер. Лорд Дарси спокойным, хорошо контролируемым голосом ответил, что милорд маркиз ожидает лорда Дарси из Руана.

Гвардеец посмотрел на высокого симпатичного человека с узким лицом и прямыми каштановыми волосами удивленно: этот руанец говорил на англо-французском с явным английским акцентом. Тут охранник заметил в глазах незнакомца странный блеск и решил, что следует предварительно проконсультироваться с лордом Бонтриомфом.

Не прошло и минуты, как лорд Бонтриомф был у дверей.

— Это вы, Дарси? Мы вас не ждали,— сказал он, приветливо улыбаясь.

— Не ждали? — В ответной улыбке лорда Дарси была твердость закаленной стали.— Должен ли я предположить, будто вы полагаете, что, получив послание милорда маркиза, я отправлюсь паломником в Рим?

Лорд Бонтриомф заметил сдержанный гнев гостя.

— Мы полагали, что вы вызовете нас по телесону из Дувра,— сказал он.— К прибытию поезда мы бы отправили на станцию экипаж.

— Милорд маркиз не сообщил мне, что оплатит все издержки,— холодно ответил лорд Дарси.— И поэтому я решил, что расходы лягут на мой собственный карман. Сравнив стоимость сообщения по телесону со стоимостью поездки в кэбе, я предпочел последний вариант.

— Хм-м... Понятно... Ладно, проходите в кабинет. Думаю, милорд маркиз ждет нас.

Бонтриомф провел гостя по коридору, открыл дверь и пропустил Дарси вперед.

Кабинет был просторным и хорошо обставленным. Здесь было несколько удобных на вид стульев и большое, обитое красной мавританской кожей кресло. В углу, на резной подставке, стоял большой глобус, а на стенах висело несколько картин, в том числе великолепная репродукция Ванденбосха, изображающая водопад. Завершали обстановку два больших письменных стола.

За одним из столов восседал милорд маркиз Лондонский.

Маркиз занимал чуть ли не половину кабинета. Это был очень тучный мужчина с массивным лицом, тронутым печатью задумчивости. Взгляд его, казалось, был погружен в самое себя. Необъятная туша маркиза — не менее двадцати стоунов — создавала в кабинете атмосферу почти королевского величия.

— Добрый вечер, Дарси, — сказал маркиз, не вставая, но протягивая гостю широкую толстую руку, скорее напоминающую плавник тюленя.

— Милорд маркиз! — Дарси пожал и отпустил тюлений плавник. Затем, прежде чем хозяин успел что-либо ответить, лорд Дарси твердо уперся ладонями в стол, наклонился и спросил: — А теперь скажите мне, какая часть из всего этого просто болтовня?

— Вы смеетесь надо мной, — мрачно проговорил маркиз. — Сядьте, будьте добры! Мне не нравится необходимость, глядя на вас, выворачивать шею.

Лорд Дарси, не отрывая глаз от маркиза, угнездился в кресле, обитом красной кожей.

— Это вовсе не болтовня, — продолжал маркиз. — Я признаю, что у меня нет полного перечня фактов, но и имеющихся, на мой взгляд, достаточно, чтобы оправдать наши действия. Не соблаговолите ли выслушать доклад лорда Бонтриомфа?

— Соблаговолю! — Дарси повернулся ко второму столу, за который сел Бонтриомф.

Лорд Бонтриомф был довольно высоким, приятной внешности мужчиной с квадратной челюстью, всегда хорошо одетым и производящим впечатление стопроцентной компетентности.

— Можете докладывать, Бонтриомф, — сказал маркиз.

— Обо всем?

— Обо всем. Разговоры — дословно.

Лорд Бонтриомф откинулся на спинку стула и на мгновение закрыл глаза. Дарси приготовился внимательно слушать. У Бонтриомфа были две особенности,

делавшие его в глазах маркиза незаменимым: умение рассказывать и эйдетическая память[1].

Бонтриомф открыл глаза и посмотрел на лорда Дарси.

— По приказу милорда, — начал он, — я отправился на конвенцию магов и целителей посмотреть выставку трав. Его интересовали образцы польской дьяволовой травы, которую ему...

Маркиз фыркнул:

— Чушь! Это не имеет никакого отношения к убийству!

— А я не утверждал, что имеет... На чем я остановился? Ах да... которую ему удавалось пока вырастить только из черенков. Он хотел узнать, как культивируют проросшие семена.

Я явился в Королевское управление в самом начале десятого. Помещение было битком набито волшебниками всех мастей и рангов, а священников хватило бы, чтобы заполнить церковь от алтаря до паперти. Для начала мне пришлось убеждать двух охранников у дверей, что я не обыкновенный турист, желающий поглазеть на честну́ю компанию, но с ними мне удалось справиться, и около десяти минут десятого я уже был на выставке. Довольно долго я рассматривал дьяволову траву — на мой взгляд, она чувствовала себя совсем неплохо, — а затем обошел и остальную экспозицию. Там нашлось еще несколько редких экземпляров, но они вас вряд ли заинтересуют, так что я опущу подробности.

Я бродил по выставке из чистого интереса, без какой-либо цели, и не встретил ни одного знакомого. Это меня вполне устраивало, потому что я отправился туда отнюдь не ради праздных разговоров. Так я гулял до девяти двадцати пяти. В девять двадцать пять меня хлопнули по плечу.

---

[1] Эйдетизм — разновидность образной памяти, заключающаяся в способности сохранять яркие образы предметов долгое время спустя после исчезновения их из поля зрения.

Я обернулся. Предо мной стоял лорд Эшли собственной персоной, в парадной флотской форме, озирающийся так, как должен озираться офицер военно-морского флота на конвенции магов.

«Бонтриомф! — сказал он.— Как я рад вас видеть!»

«Я тоже рад вас видеть,— ответил я.— Как поживает имперский флот? Вы, кажется, переквалифицировались в волшебника?»

Это была не просто шутка. У Тони есть зачатки Таланта, то, что маги называют «скачкообразные расплывчатые способности к предвидению». Эти способности время от времени помогают ему выбираться из переделок да от случая к случаю бывают полезны за игровым столом. А в общем, он знает о магии не больше, чем страус об айсбергах.

Он немного посмеялся и говорит:

«Какой из меня волшебник!.. Я здесь по заданию флота. Ищу вашего приятеля, да вот не знаю, как он выглядит».

«И кого же вы ищете?» — спросил я.

«Мастера Шона О Лохлейна. Я узнал у регистрационной стойки номер его комнаты, но в комнате его нет».

«Если он даже и здесь,— сказал я,— то я его не видел. Впрочем, я его и не искал».

Я огляделся, но О Лохлейна поблизости не было. Зато я обнаружил другого знакомого мне человека.

«Если кто и знает, где мастер Шон,— сказал я командору Эшли,— так это гроссмейстер сэр Лайон Грей. Подойдем к нему».

Сэр Лайон Грей стоял около одной из дверей и разговаривал с человеком, на котором была одежда какого-то из фламандских орденов. Едва мы подошли к сэру Лайону, монах тут же удалился.

«Доброе утро,— сказал я.— Сэр Лайон, полагаю, вы знакомы с командором Эшли».

«Доброе утро, лорд Бонтриомф,— ответил старый волшебник.— Да, командор Эшли и я раньше уже встречались друг с другом. Чем могу быть полезен?»

«У меня послание к мастеру Шону О Лохлейну,— сказал Эшли.— Вы не знаете, где его можно найти?»

Гроссмейстер открыл было рот, но тут в дверь влетел маленький худощавый мастер-тауматург. Он был сильно возбужден — его голубые глаза вылезали из орбит, а руки метались, как два подвыпивших мотылька, по ошибке принявших его голову за пламя свечи. Он быстро огляделся, увидел сэра Лайона и прямиком направился к нам, по-прежнему размахивая руками.

«Гроссмейстер! — выпалил он сдавленным голосом.— Гроссмейстер! Мне необходимо немедленно поговорить с вами!»

«Успокойтесь, мастер Нетли,— сказал гроссмейстер.— Что случилось?»

Мастер Нетли наконец заметил меня и лорда Эшли:

«Это... э-э... конфиденциально, гроссмейстер».

Сэр Лайон слегка нагнулся и склонил голову набок. Мастер Нетли — а он на добрый фут ниже сэра Лайона — встал на цыпочки, сумев таким образом дотянуться губами до уха гроссмейстера. Я не мог уловить ни слова из того, что он шептал, но, пока он говорил, глаза сэра Лайона раскрывались все шире и шире. И тут гроссмейстер уставился на меня.

Должен сказать, когда гроссмейстер сэр Лайон Гандолфус Грей начинает поедать вас своими глазами, у вас появляется страстное желание немедленно очистить свою совесть от наиболее гнусных грехов, совершенных вами за последнее время. К счастью, моя совесть оказалась чиста.

Гроссмейстер выпрямился и перевел взгляд на лорда Эшли:

«Джентльмены! Произошло нечто серьезное. Не будете ли вы добры оба последовать за мной?»

Он повернулся и вышел. Мы с Эшли двинулись за ним. Едва мы перебрались из выставочного зала в коридор, я спросил:

«В чем дело, сэр Лайон?»

«Я сам толком не знаю, но, судя по всему, что-то случилось с мастером Джеймсом Цвинге. Нам повезло, что здесь, в вашем лице, оказалось королевское правосудие».

Тут лорд Эшли сказал:

«Простите, сэр Лайон, но я обязан срочно доставить сообщение мастеру Шону».

«Я это уже слышал! — довольно резко ответил старик. — Мастер Шон находится там, куда мы направляемся. Поэтому я и попросил вас следовать за мной».

«Понятно. Прошу прощения, сэр Лайон!»

Дальнейший наш путь — по лестнице и коридору — происходил в полном молчании. Нетли семенил рядом, продолжая размахивать руками.

В коридоре, возле дверей комнаты, которую занимал Цвинге, стояли трое мужчин и женщина. На двух мужчинах и женщине были светло-голубые одежды волшебников, третий мужчина был в обычном деловом костюме торговца.

Одним из волшебников оказался мастер Шон. Второй был высоким молодым человеком с белой тесьмой ученика на одежде, на вид — мечиканец. Волшебница же выглядела просто великолепно — таких крайне редко встретишь в коридорах гостиниц. Медововолосая блондинка, пышная грудь, широкие бедра, осиная талия и темно-синие глаза. Она всего на пару дюймов ниже меня, и...

— Остановитесь, Бонтриомф! — сказал маркиз Лондонский. — Нам совсем ни к чему сейчас описание женских прелестей. И уж совсем излишни *такие* подробности — Дарси уже встречал Мэри, вдовствующую герцогиню Камберлендскую... Продолжайте.

— Прошу прощения, — извинился Бонтриомф. — Третий мужчина оказался неким Луи Болмером, генеральным управляющим Королевского управления стражи. Он примерно на дюйм выше мастера Шона и выглядит так, будто резко похудел сразу фунтов на пятьдесят. Обвисшие щеки придают его физиономии странноватый вид: как будто ее изготовили из ушей гончих собак. Болмер был обеспокоен и испуган.

Я сразу спросил, что произошло.

Мастер Шон сказал:

«В половине десятого сэр Джеймс ждал меня у себя. Я постучал, но никто не ответил. Я постучал снова. Послышался крик и звук падения тяжелого тела. С тех пор в комнате больше ничего не происходит. Дверь закрыта, и мы не можем попасть внутрь».

Я посмотрел на Болмера:

«У вас есть ключ?»

«Да, ваше лордство,— ответил он, тряхнув щеками.— Я принес его, едва мастер Нетли рассказал мне о происшедшем. Но ключ не поворачивается. Осмелюсь предположить, что он заклят».

«Замок блокирован персональным заклинанием,— пояснил мастер Шон.— Думаю, он может быть открыт только ключом самого сэра Джеймса. А поскольку этот ключ вряд ли нам доступен, то, боюсь, придется выщибать дверь».

Если вы когда-либо бывали в Королевском управлении, вы знаете, какие там двери. Очень толстые, дубовые, работы семнадцатого века.

«Вы можете снять это заклинание, Шон?» — спросил я.

«Спрашиваете! — ответил он.— Но на это потребуется время. Полчаса, если повезет и я сразу пойму его психическую структуру. Два-три часа, если не повезет... Это не повседневное коммерческое заклинание, это тонкая работа. Да и наложено оно самим мастером сэром Джеймсом».

Я встал на колени и заглянул в замочную скважину. Кроме противоположной стены комнаты, ничего не было видно. Скважина достаточно велика, но дверь слишком толста: впечатление, что смотришь сквозь тунель. У этих дверей толщина дюйма два. Я поднялся на ноги и повернулся к Болмеру:

«Принесите топор. Будем рубить».

Похоже, он собирался возразить, но сказал только: «Сию минуту, ваше лордство!» — и удалился.

Пока он отсутствовал, я задал несколько вопросов.

«Что произошло сразу после того, как вы услышали крик, Шон?»

«В первые несколько секунд — ничего,— ответил О Лохлейн.— А потом из своих комнат вышли присутствующие здесь коллеги».

«Из каких комнат?»

«Из комнаты Нетли Дейла слева, а лорда Джона Кецаля справа от комнаты сэра Джеймса, если я не ошибаюсь».

Нетли, сцепив пальцы и справившись таким образом со своими нетрезвыми мотыльками, сказал:

«Верно. Совершенно верно».

Лорд Кецаль просто кивнул.

«Лорд Джон Кецаль,— проговорил я, и имя прозвучало как удар колокола.— Вы приходитесь четвертым сыном Его Высочеству герцогу Мечиканскому, не так ли?»

Он поклонился:

«Именно так, милорд».

Тут я повернулся к медововолосому видению. Тогда я еще не знал, кто она такая, но, поскольку слева на ее груди красовался полный герб Камберлендов, а не просто корона, я вычислил...— Услышав фырканье, лорд Бонтриомф снова прервал повествование.— Да, милорд?

— Совершенно необязательно сообщать нам, каким путем вы дошли до очевидного,— сказал с мрачным сарказмом де Лондон.— Дарси интересуют факты, а не те детские мыслительные процессы, с помощью которых вы их получили.

— Не смею возражать, милорд! — сказал лорд Бонтриомф.— Так или иначе, я правильно установил личность леди.

«Где остановились вы, ваша светлость?» — спросил я.

«Напротив»,— сказала она.

Ширина коридора в Королевском управлении — восемь футов, и комната герцогини располагалась прямо напротив комнаты Цвинге.

«Благодарю вас! А теперь... — Я оглядел остальных. — Почему вы все вышли в коридор? Что вас встревожило?»

Все они назвали одну и ту же причину. Крик. Никто из них не слышал, как стучал Шон: двери слишком толсты для этого. Я знаю — сам проверял. Стук в чужую дверь можно услышать, если только специально прислушиваться, а крик в другой комнате должен быть просто чертовски громким. Я установил также, что единственным, кто мог услышать звук от падения тела на пол, был Шон. Остальные в тот момент еще не открыли свои двери. Кто из них первым вышел в коридор, я установить не смог — никто не обратил внимания на такую, с их точки зрения, мелочь. По-видимому, была порядочная суматоха...

Когда управляющий Болмер вернулся с топором, я взглянул на часы. Было без двадцати трех минут десять — с того момента, когда Шон постучал в дверь, прошло около семи минут.

Попросив всех отойти от двери, я вырубил порядочный кусок из ее центра, не повредив ни коробки, ни замка. После этого, опять же попросив всех оставаться в коридоре, протиснулся через дыру внутрь.

Это был обычный номер, двенадцать на пятнадцать футов, с ванной. На противоположной от двери стене два окна, оба со ставнями, закрыты на шпингалеты, но ставни установлены таким образом, чтобы в комнату мог проникать солнечный свет. Стекла оказались целыми.

Тело главного судебного мага находилось почти точно в центре комнаты, далее чем в шести футах от двери. Он лежал в луже свежей крови, на левом боку, и его камзол был настолько окровавлен, что поначалу было невозможно понять, что произошло. Присмотревшись, я заметил на левой стороне груди, над сердцем, порез на камзоле. Я осторожно отогнул его и обнаружил под порезом колотую рану.

В паре футов от тела, на краю лужи крови, лежал нож. У него была тяжелая рукоять из черного оникса и цельное серебряное лезвие. Я уже видывал такие

ножи, лорд Дарси, да и вы — тоже. Это был нож волшебника, используемый в некоторых заклинаниях для символического разрезания психических связей или других подобных магических действий. Должен заметить, что человеческие тела такие ножи режут ничуть не хуже, чем психические связи.

На полпути между дверью и телом лежал медный ключ, на вид брат-близнец того, которым управляющий пытался открыть дверь. Я отметил место одним из своих ключей и опробовал находку в замке. Замок открылся как по маслу, и стало ясно, что этот ключ принадлежит сэру Джеймсу — никакой другой ключ замка бы не открыл.

После этого я обыскал тело. Ничего особенного найти не удалось. В карманах были — кольцо для ключей; два золотых и три серебряных соверена плюс кое-какая мелочь; записная книжка, страницы которой были исписаны магическими символами и уравнениями, в которых я разбираюсь не больше, чем в китайских иероглифах. Там же лежал обычный карманный ножичек и, наконец, футляр для документов, в котором я обнаружил: сертификаты мастера-тауматурга; лицензию на занятие магией, подписанную епископом Лондонским; удостоверение главного судебного мага; карточку члена Королевского колдовского общества и несколько личных бумаг. Можете на все это посмотреть, Дарси: документы в сейфе у милорда маркиза.

В стенном шкафу висели еще три костюма, принадлежащие сэру Джеймсу, в карманах — пусто. На письменном столе лежали бумаги, исписанные колдовскими символами, еще больше таких бумаг валялось в мусорной корзине. Я оставил все их на месте. Еще в комнате присутствовал украшенный символами саквояж. К нему я даже не притрагивался: совать нос в магические принадлежности волшебника — все равно что играть с собственной жизнью. Даже если волшебник уже мертв...

Самым же удивительным было то, что я не нашел в комнате никого постороннего. Прятаться было не-

где. Я посмотрел и под кроватью, и в шкафу, и в ванной.

Теперь несколько выводов.

Первое: через дверь никто выйти не мог. Единственный ключ, которым удалось бы запереть ее снаружи, находился внутри комнаты. К тому же уже через несколько секунд после того, как сэр Джеймс закричал, в коридоре оказались четыре человека. И трое из них не спускали с двери глаз до того самого момента, как я взялся рубить ее.

Второе: через окна тоже никто не уходил. Окна были закрыты на шпингалеты изнутри. Стекла и ставни сплошные. Окна выходят во дворик, представляющий собой часть столовой. Там в этот момент завтракали двенадцать человек — все волшебники. Никто из завтракавших ничего не видел, хотя крики привлекли их внимание и они смотрели в сторону окон. Кроме того, стена отвесная, тридцати футов в высоту, без выступов или чего-то такого, за что можно схватиться пальцами.

Пока я обыскивал комнату, прибыл шеф-мастер стражи и двое его людей. Вы встречали шефа Хеннели Грейма? Такой высокий парень, крепкий, с квадратной физиономией. Встречали, да?.. Я велел ему позаботиться о консервирующем заклинании и ничего больше не трогать. Потом я вышел в коридор и отвел всю компанию предполагаемых свидетелей в один из свободных номеров. Управляющий одарил меня ключом, а я посоветовал ему отправляться по своим делам.

Командор лорд Эшли уже выказывал признаки нетерпения. Он успел передать сообщение мастеру Шону и теперь должен был доложить об исполнении приказа в Канцелярию лорда Верховного адмирала. Поэтому я отпустил его. Сэр Лайон, мастер Шон, ученик лорд Джон Кецаль и вдовствующая герцогиня Камберлендская были настолько потрясены случившимся, что напрочь проглотили языки.

«Сэр Лайон,— сказал я,— комната была заперта изнутри, а сэр Джеймс зарезан в тот момент, когда в комнате отсутствовали посторонние... Какие из этих фактов следуют выводы?»

Сэр Лайон погладил свою бороду:

«Я понимаю, что вы имеете в виду... Да, на первый взгляд, происшедшее может быть интерпретировано как убийство с применением черной магии. Но это только предположение, основанное на физических фактах. Вряд ли вы сумеете это определить, но уверяю вас, что на данный момент гостиница защищена отнюдь не простыми коммерческими заклинаниями и заклинаниями для обеспечения уединенности. Перед началом конвенции специальная группа из шести магов прошла по всему зданию, усиливая старые и накладывая новые заклинания. Эти заклинания не могут, конечно, осложнить жизнь ясновидцам, так как не существует способов начитать заклинания в будущее, но они воспрепятствуют любым попыткам определить, что происходит в другой комнате, или понять, что происходит в чужом мозгу. И прежде чем я с уверенностью смогу утверждать, что сэр Джеймс убит с применением черной магии, я бы хотел поиска дополнительных фактов».

«В таком случае,— сказал я,— возникает новый вопрос: у кого имелись причины убить его? С ним кто-нибудь ссорился?»

И тут, лорд Дарси, взгляды всех находящихся в комнате обратились на мастера Шона. Кроме, разумеется, взгляда самого О Лохлейна.

«Это была не ссора,— твердо сказал он.— Мы с сэром Джеймсом были злы, но вовсе не друг на друга».

«А на кого же вы были злы?»

«На судьбу... Мы оба занимались совершенно новым колдовским эффектом и нашли почти одинаковые заклинания, производящие его. Такое случалось в тауматургии и раньше. Мы могли рычать и огрызаться друг на друга, но злы были только на судьбу, допустившую такое совпадение».

«И как же протекала ваша... э-э-э... дискуссия?» — спросил я.

«Был случайный разговор в комитете. Мы беседовали, и проблема всплыла на поверхность. Мы сравнили записи, тут все и началось. Фактически мы спорили, кому читать доклад первым. Потом мы попросили сэра Лайона помочь нам справиться с этой проблемой».

Я посмотрел на гроссмейстера. Он кивнул:

«Это верно. А я решил, что лучше всего будет, если они объединят свои открытия и представят совместный доклад, подписанный обоими именами, с подробным разъяснением того, что работа была проделана независимо друг от друга».

«Сэр Лайон,— сказал я.— Эта работа или эти работы не будут простым набором магических уравнений, не так ли?»

«Нет, конечно. В них будет полное объяснение эффекта. Разумеется, без уравнений никуда не денешься, но сам текст написан на англо-французском. Естественно, в нем содержится уйма технических терминов, профессионального жаргона, если вас это интересует...»

«Но где же тогда работа сэра Джеймса? — спросил я.— Ее нет в номере».

«Она у меня,— сказал Шон.— Мы с сэром Джеймсом договорились, что первое сравнение работ сделаю я, а потом мы составим план нашего совместного труда. Сегодня утром, в половине десятого, мы и должны были обсудить этот план».

«А когда вы в последний раз видели сэра Джеймса Цвинге?» — спросил я.

«Вчера вечером, около десяти. Я пошел с ним в его номер, и он отдал мне рукопись. Насколько мне известно, я был последним, кто его видел. Он собирался заняться какой-то работой и не хотел, чтобы его беспокоили до половины десятого».

«Ему был необходим для этой работы нож?»

«Какой нож?» — озадаченно спросил мастер Шон.

«Вы знаете какой... Один из этих больших серебряных ножей с черной рукояткой».

«А-а-а... Вы говорите о пентакле?.. Не думаю. Он сказал, что собирается заняться бумагами. Никаких экспериментов... Но в принципе, думаю, это возможно».

Тогда я сказал:

«Мастер Шон, вы не будете против, если я посмотрю рукопись сэра Джеймса?»

Подозреваю, что тут я поднес спичку к его ирландскому темпераменту.

«Не понимаю, какое отношение к делу имеет рукопись! — сказал он раздраженно.— Я работал над этой темой три года. Ничего хорошего нет в том, что сэр Джеймс дублировал меня, но я не собирался разглашать содержание работы до тех пор, пока не буду готов к докладу».

И тут гроссмейстер сэр Лайон сказал:

«Я не могу настаивать, чтобы вы показали эти бумаги, мастер Шон. Не могу я просить вас продемонстрировать и сам процесс. Но я чувствую, что это может иметь значение».

Мастер Шон открыл было рот и тут же закрыл его. Через несколько секунд он наконец произнес:

«Ладно, все равно доклад уже представлен в программе конвенции. Моя работа называлась «Методы оперирования недоступных органов». Свою сэр Джеймс назвал «Хирургическое рассечение внутренних органов без вскрытия брюшной полости»...»

И тут мастер Нетли проскрипел:

«Вы подразумеваете метод контроля над лезвием внутри замкнутого пространства?.. Поразительно! — Он отошел от Шона на пару шагов.— Так вот что он имел в виду, когда кричал!»

В тот момент я впервые узнал, что крик мастера Джеймса не был простым восклицанием. Он произнес слова, и все сошлись на том, что он крикнул: *«Мастер Шон! Помогите!»*

Маркиз Лондонский во время всего рассказа сидел с закрытыми глазами.

— Удовлетворительно,— сказал он. Потом открыл глаза и посмотрел на лорда Дарси.— Теперь,— прогремел он,— вы понимаете, почему я был вынужден отдать приказ об аресте мастера Шона О Лохлейна по подозрению в убийстве мастера Джеймса Цвинге?

Глава IV

Лорд Дарси долго и пристально смотрел в глаза маркиза. Тот отвечал ему не менее твердым взглядом.

— Понятно,— сказал наконец лорд Дарси.— И подобную улику вы посчитали решающей? — Слово «улику» он выговорил с явным сарказмом.

— Нет, конечно! — Маркиз рубанул тюленьим ластом воздух.— Разумеется, в таком состоянии я не стану направлять дело в Верховный суд... Но если бы у меня имелась хоть одна улика, мастера Шона уже не подозревали бы, а обвинили в предумышленном убийстве.

— Понятно,— повторил лорд Дарси ледяным тоном.— Должен ли я считать, что от меня как раз и ждут таких улик?

Маркиз Лондонский на четверть дюйма приподнял и опустил плечи:

— Честно говоря, мне все равно. Однако я понимаю вашу личную заинтересованность в этом деле, и, разумеется, вы можете рассчитывать на любую помощь со стороны моей службы в расследовании, которое вознамеритесь предпринять.

— Даже так? — сказал лорд Дарси.— Отлично! Я принимаю ваше гостеприимство и сотрудничество... Не освободите ли вы мастера Шона под его поручительство до тех пор, пока не будут найдены решающие улики?

Маркиз нахмурился, и впервые в его голосе послышалось откровенное неудовольствие:

— Вы не хуже меня знаете, что человек, арестованный по подозрению в совершении уголовного преступления, не может быть освобожден под собственное поручительство! Таков королевский закон, и я не в силах изменить его.

— Да-да, конечно,— пробормотал лорд Дарси.— Конечно... Но надеюсь, я все-таки могу поговорить с мастером Шоном?

— Разумеется. Он в Тауэре[1]. Я распорядился, чтобы ему было удобно. Можете навестить его в любое время.

Лорд Дарси поднялся:

— Премного вам обязан, милорд. В таком случае я немедленно займусь делом. Вы позволите мне удалиться?

— Можете идти, Дарси. Лорд Бонтриомф проводит вас до дверей.— Маркиз Лондонский грузно встал из-за стола и, не сказав больше ни слова, покинул кабинет.

Лорд Дарси тоже молчал, пока не оказался у входной двери. А перед тем как шагнуть на улицу, сказал:

— Милорд маркиз любит развлекаться играми, Бонтриомф.

— Э-э-э... возможно... Да, любит.— Бонтриомф помолчал.— Я уверен, вы сумеете разобраться с этим делом, Дарси.

— Думаю, сумею. Не удивляйтесь ничему.

— Не буду... До встречи, Дарси!

— До свидания. Увидимся завтра утром.

Мастер Шон О Лохлейн, сидя в уютной камере древней крепости, известной миру под названием «Тауэр», больше не злился. Даже на судьбу... Теперь его душу заполняло чувство, похожее сразу и на решимость, и на терпение. Он знал, что лорд Дарси не оставит в беде своего помощника, а потому его заключение носит сугубо номинальный характер.

Днем, когда его заподозрили в убийстве, он ощутил некоторый удар по самолюбию, поскольку ему не разрешили взять с собой в Тауэр саквояж. Впрочем, все верно: если уж согласиться с тем, что запереть вол-

---

[1] Тауэр — замок-крепость в Лондоне, одна из королевских резиденций (с конца XI до XVII века), главная государственная тюрьма (до 1820 года), затем (в нашей реальности) — музей.

шебника — само по себе нелегкое дело, то давать ему при этом магические атрибуты было бы и вообще непроходимой глупостью.

Но стражи Тауэра ошибались, полагая, что без своих инструментов волшебник беспомощен, как малое дитя. Они не знали, что мастер Шон давно уже начитал на свой саквояж одно небольшое заклинание. Заклинание это способствовало выполнению нижеследующего условия: «Инструменты волшебника не могут быть надолго отделены от хозяина без его воли». В результате заклинание вызвало к жизни цепочку, казалось бы, совершенно не связанных друг с другом событий.

Саквояж был заперт в комнате мастера Шона в Королевском управлении стражи, дабы оставаться там до тех пор, пока окончательно не решится судьба его хозяина. Так приказал шеф-мастер стражи в момент ареста Шона. Подчиняясь велению закона, мастер Шон отдал шефу свой ключ. Но, в отличие от комнаты покойного мастера Джеймса Цвинге, на замок комнаты мастера Шона О Лохлейна не было начитано никаких специальных заклинаний. И потому, когда одна из горничных, обходя в час пополудни номера на предмет уборки, сунула в замочную скважину свой ключ, замок открылся.

Было вполне естественно, что Бриджит Курвиль, проникнув в очередную комнату, осматривала ее, чтобы решить, какие меры следует принять для восстановления порядка. Осмотрела она и комнату мастера Шона.

Все чисто, подумала она. Кровать не застелена, но так всегда и бывает. Нет, что ни говори, а эти волшебники очень опрятны. Мусор и бутылки не разбрасывают. Да и не пьют много, я думаю. Иначе какие бы они были волшебники!

Она прибралась — застелила постель, повесила чистые полотенца, положила новый кусок мыла, словом, выполнила все то, что от нее требовала ее профессия.

Конечно, Бриджит Курвиль видела разукрашенный магическими символами саквояж. Такие во время проведения конвенции находились почти в каждой

комнате. Но сознательно она не обратила на него ни малейшего внимания.

Зато подсознание шепнуло ей, что саквояжа здесь быть ни в коем случае не должно.

Можно утверждать, что Бриджит Курвиль и не думала, что делает, когда она взяла саквояж, выставила его в коридор и, закрыв дверь, отправилась к следующей комнате.

В час пятнадцать слуга с кухни — восемнадцатилетний парень, заботой которого была доставка гостям заказанных в номера обедов, обнаружил стоящий в коридоре саквояж. Не задумываясь, парень взял его и отнес вниз. Он оставил саквояж на стойке для багажа рядом с парадным входом и тут же забыл о нем.

Хеннели Грейм, шеф-мастер стражи города Лондона, закончив осмотр места преступления, появился внизу без пяти два. Он остановился у дверей и увидел на багажной стойке саквояж. Заметив на ручке инициалы «Ш О Л», он автоматически прихватил его с собой. По дороге он зашел в Тауэр, перемолвился парой слов с главным надзирателем крепости и ушел, даже и не вспомнив о принесенном предмете.

Саквояж оставался незамеченным в приемной главного надзирателя до без четверти три. За это время множество людей входило в приемную и выходило из нее. Нет ничего удивительного в том, что никто из них не видел саквояж: ни один посетитель не собирался идти в *нужном* направлении.

В два сорок пять надзиратель, отвечающий за камеру, в которой содержался мастер Шон О Лохлейн, выйдя после доклада главному надзирателю, наконец обратил внимание на разукрашенный символами предмет.

Если бы он уходил со службы или направлялся вместо башни святого Томаса в Среднюю башню, он бы тоже не заметил саквояжа — заклинание отвело бы ему глаза. Но судьба вела его в башню святого Томаса, и потому он взял саквояж и, поднявшись по винтовой лестнице, пошел к камере мастера Шона.

Он отпер дверь и вежливо постучал:

— Мастер Шон! Это я, надзиратель Линзи.

— Входи, парень, входи,— весело ответил мастер Шон.

Дверь открылась. Увидев в руке надзирателя саквояж, мастер Шон подавил улыбку и спросил:

— Чем могу быть полезен?

— Я должен узнать, что вы пожелаете на обед, мастер,— почтительно сказал Линзи и рассеянно поставил саквояж на пол.

— Мне все равно, мой добрый страж,— ответил Шон.— Что бы ни предложил главный надзиратель, мне все подойдет.

Линзи улыбнулся:

— Благодарю вас, мастер.— Он понизил голос:— Никто из нас не думает, что это совершили вы, мастер Шон. Мы знаем, что волшебник не может убить человека... Не таким образом, я имею в виду. Не черной магией.

— Спасибо за добрые слова, парень,— с чувством сказал мастер Шон.— Я очень благодарен тебе за сочувствие... А теперь, ты уж меня прости, я хотел бы кое-что обдумать.

— Конечно, мастер, конечно.— Надзиратель закрыл дверь, тщательно запер ее и отправился по своим делам.

Путешествие лорда Дарси от дворца маркиза до Тауэра прошло без всяких приключений. Кэб прогрохотал по Марк-лейн, повернул и спустился с Тауэрхилл. У ворот на Уотер-лейн он остановился, и лорд Дарси покинул экипаж.

Тяжелый белесый туман неспешно тек сквозь прутья высокой железной ограды и ласково льнул к теням, разлегшимся под готическими арками. Когда по накрытой туманным одеялом Темзе проходил корабль, был слышен постепенно удаляющийся звон сигнального колокола. Влажный воздух лип к лицу. Легкий запах гниющих судов переплывал через крепостную

стену. Лорд Дарси сморщил нос, приостановился на секунду, а потом быстрым шагом двинулся по каменному мосту, ведущему из Средней башни в следующую — более массивную, черно-серую с изредка попадающимися вкраплениями беловатых камней. Еще одна арка, короткий прямой проход, поворот направо, и вот он, вход в башню святого Томаса.

Через несколько минут надзиратель отпер дверь в камеру мастера Шона.

— Позовите меня, ваше лордство, когда пожелаете выйти. — Он удалился, закрыв и снова заперев дверь.

— А что, Шон? — Лорд Дарси слегка усмехнулся. — По-моему, вы даже довольны этим идиллическим отдыхом от своих обязанностей. Я прав?

— Э-э-э... И да, и нет, милорд, — сказал маленький волшебник и махнул ручкой в сторону небольшого столика, на котором с удобством расположился его саквояж. — Не могу сказать, что я доволен своим арестом, но зато он дал мне возможность поэкспериментировать и подумать.

— Неужели?! И о чем же?

— О том, как выходить из запертых комнат, милорд.

— И чего же вы добились своими экспериментами, мой милый Шон?

— Я обнаружил, что здешняя система охраны не слишком хороша. Я имею в виду: не слишком хороша, чтобы удержать *меня.* Решение заклинания на этом замке заняло у меня десять минут. — Шон крутил между большим и указательным пальцами правой руки маленькую палочку из желтой меди. — Разумеется, я снова закрыл его. Ни к чему беспокоить надзирателя: он славный малый.

— Вижу, вы без особого труда вернули себе саквояж со снаряжением. — Дарси улыбнулся. — Милый Шон, трудно ожидать, чтобы обыкновенный тюремный маг был способен соперничать с мастером-тауматургом, обладающим вашей квалификацией. А теперь сядьте, ради Бога, и подробно расскажите, как вы дошли до

заключения в одной из старейших лондонских тюрем. Не пропускайте ничего.

Пока мастер Шон излагал свою одиссею, лорд Дарси не перебивал: он многие годы работал с волшебником и прекрасно знал, что память Шона остра и безгранична.

— И вот,— закончил мастер Шон,— лорд Бонтриомф привел меня сюда, причем, должен вам заметить, с обширными и искренними извинениями. Но хоть убейте, не могу понять, зачем маркиз отдал приказ о моем аресте. Ведь человек с такими способностями не может не понимать, что я не имею ни малейшего отношения к смерти сэра Джеймса.

Лорд Дарси достал кожаный кисет и набил свою любимую отделанную золотом трубку.

— Дорогой мой Шон, конечно же, маркиз знает, что вы невиновны,— решительно сказал он.— Причина в том, что маркиз скуп и ленив. Лорд Бонтриомф прекрасный работник, но ему не хватает способностей к дедуктивному мышлению. Милорд маркиз, напротив, может сделать самые блестящие логические выводы, но беспардонно ленив. Он крайне редко покидает свой дворец и никогда не предпринимает этого ради расследования преступлений. Если уж ему приходится заниматься таким делом, милорд маркиз великолепно решает самые запутанные и сложные задачи, причем работает исключительно со словесными отчетами лорда Бонтриомфа. Ум маркиза — просто блистателен! — Дарси зажег трубку и окружил себя облаком ароматного дыма.

Мастер Шон улыбнулся:

— Сказанное вами звучит как комплимент.

— Вовсе нет, я просто констатирую факт. Наверное, это у него в крови. Мы ведь кузены, вы знаете.

Мастер Шон кивнул:

— Однако в вашей крови лени не заметно... И тем не менее, даже если он и ленив, зачем было нужно арестовывать меня?

— Он ленив и скуп, дорогой мой Шон,— поправил волшебника Дарси.— Тут сыграли свою роль оба эти

фактора. Маркиз понял сразу, что происшедшее слишком сложно для лорда Бонтриомфа.— Дарси улыбнулся и вынул трубку изо рта.— Вы сказали, что я сделал комплимент маркизу... Он, со своей стороны, сделал мне такой же комплимент, только не на словах. Смотрите...— Дарси снова затянулся.— Маркиз ленив, а следовательно, хочет, чтобы работу за него сделал кто-то другой. Но этот другой должен быть способен решить задачу с той же легкостью, с какой бы ее решил сам маркиз. Если бы пожелал приложить к ней свой ум... Он выбрал меня, и мне очень нравится, что он не выбрал кого-то другого.

— Все это по-прежнему не объясняет необходимости моего ареста,— сказал мастер Шон.— Милорд маркиз мог бы просто попросить вас о помощи.

Лорд Дарси вздохнул:

— Вы снова, Шон, забыли о его скупости. Если бы он попросил Его Высочество на некоторое время предоставить мои услуги, ему пришлось бы платить мне из своего личного кошелька. Он поступает иначе. Арестовав вас, он лишает меня моего главного помощника. Он уверен, что я приложу все свои силы, чтобы освободить вас. Он знает, что, засадив вас в Тауэр, он оставляет мне единственный выход — заняться расследованием, причем в мое личное время, сэкономив тем самым ему кругленькую сумму.

— Попахивает шантажом,— сказал мастер Шон.

— Ну, шантаж — это, наверное, слишком сильно сказано,— задумчиво произнес лорд Дарси.— С другой стороны, должен заметить, что все остальные определения оказались бы слишком слабыми... Впрочем, и этой проблеме в свое время будет уделено достаточное внимание. Пока же мы озабочены смертью сэра Джеймса... Что там было с замком в его комнате?

Мастер Шон поудобнее уселся на стуле:

— Вам, милорд, наверное, известно, что большинство коммерческих заклинаний очень просты, особенно в тех случаях, когда пользуются несколькими ключами, как в отелях.

Лорд Дарси терпеливо кивнул. У мастера Шона была манера излагать факты таким образом, как будто он читал лекцию в школе начинающих волшебников,— манера довольно естественная, так как в свое время ирландец действительно преподавал в одной из школ гильдии магов и даже написал два учебника и несколько монографий. Лорд Дарси давно уже выработал у себя привычку внимать собеседнику, даже если и слышал излагаемое раньше,— ведь всегда есть возможность поучиться, узнать что-нибудь новое, то, что полезно сохранить в памяти для последующего использования. В общем-то, у лорда Дарси не было врожденного Таланта, необходимого для прямого владения Законами Магии, но кто может сказать, какая часть полученной информации приведет следователя к преступнику?..

— В обычном коммерческом заклинании используется Закон Инфекции,— продолжал мастер Шон,— так что каждый ключ, соприкасающийся с замком во время начитывания заклинания, будет закрывать и открывать этот замок. К сожалению, в результате происходит относительное ослабление заклинания. Разумеется, «неинфицированный» дубликат ключа не сможет открыть замок, но любой хороший ученик гильдии сумеет разрушить заклинание, если у него будет такой дубликат. Я уже не говорю о том, что любой мастер сможет разрушить его вообще безо всякого ключа, потратив на это не более пары минут.— Мастер Шон позволил себе мягкую учительскую улыбку.— Что же касается персонального заклинания мастера, то тут используется Закон Уместности. При этом один замок и один ключ превращаются в некий единый механизм «замок-ключ». Заклинание начитывается при безусловном нахождении ключа в замочной скважине, и ключ рассматривается как отсоединяемая часть механизма, если вы понимаете меня, милорд. Никакой другой ключ не откроет и не закроет замок, даже если он физически является абсолютной копией оригинала.

— Мастер Джеймс использовал именно такое заклинание? — спросил Дарси.

— Именно такое, милорд.

— А может ли другой мастер-тауматург снять это заклинание?

Мастер Шон кивнул:

— Да, может. Но смотрите, что при этом произойдет. Для начала неизвестному пришлось бы простоять в коридоре не менее получаса, проделывая необходимый ритуал. Любой, кто прошел бы в это время мимо, не мог не заметить нашего неизвестного. А уж находящийся у себя сэр Джеймс и подавно заметил бы процесс разрушения своего заклинания.— Мастер Шон развел руками.— Но предположим, неизвестному удалось-таки проделать все это незамеченным. Он открывает дверь обычным дубликатом, входит и убивает мастера сэра Джеймса. Отлично!.. Теперь ему надо выйти и наложить новое заклинание — как и положено, с ключом в замке. Это займет у него еще полчаса. А затем...— Мастер Шон театрально поднял указательный палец.— А затем — *ему надо вернуть ключ в комнату.*— Мастер Шон снова развел руками.— Это невозможно, милорд. Даже для мага!

Несколько мгновений Дарси задумчиво затягивался трубкой, затем спросил:

— Разве теоретически невозможно перенести материальный объект из одной точки в другую, не проделав пути между этими точками в пространстве?

— Теоретически? — Мастер Шон улыбнулся.— Разумеется, милорд. Превращение металлов тоже теоретически возможно, но, как и мгновенный перенос материальных объектов, этого еще никто не сумел проделать. А когда кто-нибудь откроет необходимые для мгновенного переноса церемонии и ритуалы, произойдет революция в науке двадцатого века, и об этом не будут молчать... Нет, милорд, пока все это находится за пределами возможностей современной науки.— Мастер Шон снова улыбнулся.— Когда же эти пределы расширятся, вряд ли вновь открытый эффект будет использоваться для того, чтобы перенести на несколько футов обычный медный ключ.

— Отлично,— сказал Дарси.— Значит, рассмотренный вариант мы можем исключить.

— К сожалению,— сказал мастер Шон,— все эти персональные заклинания изрядно усложняют работу. Если бы их не было, ваша работа стала бы намного проще.

— Мой дорогой Шон,— с улыбкой ответил Дарси,— вы не правы. Если исчезнут все эти заклинания, используемые в каждом отеле, в каждом деловом здании, в любой общественной структуре, моя работа не перестанет быть сложной. Она вообще перестанет быть... Ведь несмотря на то, что Талант безусловно полезен, его беспорядочное применение привело бы к такому покушению на личную жизнь и права человека, что мы просто обязаны защищать себя от него. Вообразите себе, что сумеет натворить всевидящий в мире, где отсутствуют защитные заклинания. В таком мире вообще не будет необходимости в следователях вроде меня. В таком мире страже надо будет представить дело на рассмотрение всевидящего, а тот сразу сообщит, как было совершено преступление и кто преступник. А с другой стороны, как будет удобно коррумпированному правительству нанимать таких всевидящих для тотальной слежки за частными лицами! А какие бы появились возможности для шантажа! — Дарси помотал головой.— Нет, Шон, мы должны быть благодарны персональным заклинаниям, которые защищают нас от подобного использования Таланта. Пусть даже при этом требуется физическое расследование преступлений... Кстати, меня и так не вызывают, если что-то происходит на природе. Если человека убили в поле или в лесу, ученик-тауматург, работающий на местных стражей, легко разберется в деле — так же легко, как он находит пропавших детей или заблудившихся животных. Моя способность к установлению фактов исходя из физических и магических свидетельств делает меня полезным именно в городах и деревнях. Найти способ, мотив и возможность удобного случая — вот моя работа.

Он вытащил из кармана серебряную вещицу с ручкой из слоновой кости и принялся чистить трубку.

— Способ, мотив и возможность удобного случая, — задумчиво повторил он. — В настоящее время у нас нет кандидатов на первое и второе, на зато хоть пруд пруди претендентов на третье...

Он отправил серебряную вещицу в карман, а трубку — в рот. Некоторое время посидел, глядя в пространство.

— Естественно, мой дорогой Шон, — продолжил он наконец, — что, когда в деле появляются элементы магии, обнаружение замешанного волшебника становится первостепенным фактором в решении проблемы. Вспомните хотя бы любопытное поведение лэйрда Дункана в замке д'Эвро или странные привычки однорукого мусорщика на ярмарке в Михайлов день[1], припомните польского мага в деле «Проклятие Атлантики», исчезнувшего волшебника в случае с шантажом в Кентербери и странное дело о золотой ночной вазе леди Оверли. В каждом деле был прямо задействован только один волшебник. А что мы имеем здесь? — Лорд Дарси показал трубкой общее направление на гостиницу, в которой произошло убийство. — Мы имеем здесь почти половину лицензированных магов Империи. Хороша коллекция — семьдесят пять — восемьдесят процентов самых могущественных волшебников всей Земли... В результате вы оказались перед множеством — я бы даже сказал, перед изобилием — подозреваемых, у каждого из которых есть умение пользоваться черной магией и была возможность использовать ее против мастера сэра Джеймса Цвинге.

Мастер Шон задумчиво потер свой округлый ирландский нос большим и указательным пальцами левой руки:

— Не понимаю, милорд, зачем кому-то из них идти на такое. Каждый член гильдии знает, насколько это опасно. *«Состояние сознания, необходимое для исполь-*

[1] Михайлов день — 29 сентября.

зования Таланта с целью применения черной магии, неотвратимо разрушает личность пользователя». Это цитата из одного из базисных учебников, милорд, и каждый курс обучения содержит вариацию на ее тему. Не думаю, что волшебник может быть *настолько* тупым...

— А почему хирурги иногда становятся зависимыми от маковой вытяжки?

— Да знаю я, милорд, знаю, — устало сказал мастер Шон. — Один случай использования черной магии сам по себе не фатален, зачастую он даже не дает заметных моральных и ментальных изменений. Но ключевое слово здесь «заметных». Ведь моральное разложение началось еще до того, как человек, обладающий Талантом, только *помыслил* заняться черной магией.

Несмотря на то что это случалось раньше и наверняка не раз случится впредь, никому из членов гильдии магов не нравилась мысль о том, что тот или другой их собрат может прибегнуть к извращенной форме Искусства, составляющей черную магию.

Не то чтобы они боялись столкнуться с нею — нет! Они должны были столкнуться и сталкивались — с целью возмездия. Лорд Дарси очень хорошо знал — а очень немногие из тех, кто не был высокопоставленным мастером гильдии, располагали этим знанием, — что происходило с магом, который был уличен в использовании Таланта во зло.

Вычищение!

Злой волшебник, обвиненный собственным сознанием, обвиненный истинным Судом истинно Равных, обвиненный теми, кто действительно мог понять мотивы и причины, приговаривался к тому, чтобы его Талант был...

...СТЕРТ.

...УДАЛЕН.

...РАЗРУШЕН.

Назначался Специальный исполнительный комитет — группа магов, достаточно большая и достаточно

могущественная, чтобы превзойти мощь Таланта виновного.

Когда экзекуция завершалась, виновный не терял ничего, кроме Таланта. Его знания, его память, его жизненные принципы и здоровье — все оставалось при нем. Но его магические способности уходили — чтобы не вернуться уже никогда.

— Между прочим,— сказал лорд Дарси,— у нас есть и свои проблемы. Командор лорд Эшли передал вам мое сообщение?

— Разумеется, милорд.

— Мне очень не хочется отрывать вас от конвенции, дорогой мой Шон,— я знаю, что она для вас значит. Но это необычное убийство, оно затрагивает безопасность Империи.

— Понимаю, милорд,— сказал мастер Шон.— Долг есть долг.— В его голосе зазвучала явная грусть.— Я бы, конечно, предпочел самолично прочитать доклад на конвенции... Но ведь его все равно напечатают в «Протоколах», что будет почти так же почетно.

— Хм-м-м...— сказал лорд Дарси.— Когда вы должны читать ваш доклад?

— В субботу, милорд. Сэр Джеймс и я должны были объединить наши работы и представить их вместе, но теперь вопрос так уже не стоит. Работы должны быть опубликованы отдельно друг от друга.

— В субботу,— повторил лорд Дарси.— Что ж, если мы вернемся в Шербур завтра днем, придется завершить вашу часть работы за двадцать четыре часа. Тогда в пятницу вы успеете на вечернее судно и вернетесь в Лондон, чтобы представить и свой доклад, и достижения покойного сэра Джеймса.

Мастер Шон просветлел:

— Это очень любезно с вашей стороны, милорд! Но если мы собираемся заняться делом, вам еще надо вытащить меня из этого роскошного номера этой древней гостиницы...

— Ха! — Лорд Дарси неожиданно вскочил.— Мой дорогой мастер Шон! Проблему вашего вызволения я,

кажется, уже решил... хотя может потребоваться время на предварительную подготовку. — Он двинулся в сторону двери. — А сейчас я пожелаю вам спокойной ночи. Буду рад увидеть вас завтра!

Глава V

Во дворике туман уже полускрыл высокие зубчатые стены Тауэра, а за Уотер-лейн мир, казалось, вообще растворился в молоке. Газовые фонари над воротами изливали свой свет в никуда.

— Ожидает ли вас экипаж, ваше лордство? — спросил сержант охраны, стоящий на ступеньках рядом с лордом Дарси.

— Нет, — ответил Дарси. — Я приехал в кэбе. Должен признаться, совсем забыл заглянуть в прогноз погоды. Надолго этот туман?

— Главный маг Управления погоды утверждал, что туман начнет рассеиваться утром, в пять минут шестого. Постепенно он превратится в легкую дымку, которая окончательно исчезнет в шесть двенадцать.

— Плохо, — уныло сказал лорд Дарси. — Не могу же я торчать здесь до восхода.

— Я прикажу охраннику у ворот, чтобы он посмотрел, нельзя ли поймать вам кэб. Сейчас еще довольно рано. А вы можете подождать во внешнем... — Он замолк.

Откуда-то из тумана, задавившего своим телом Уотер-лейн, послышался цокот копыт и шуршание колес. Шум явно приближался.

— Это вполне может быть кэб, ваше лордство. — Сержант повысил свой авторитетный тон до командного: — Надзиратель Джейсон! Посигнальте этому кэбу!

— Слушаюсь, сержант! — донесся от ворот приглушенный туманом голос, за которым сразу же последовал пронзительный звук свистка.

— Боюсь, мы будем разочарованы, сержант, — сказал лорд Дарси. — Ваши уши должны были подсказать вам, что в приближающийся экипаж впряжена пара

лошадей. Таким образом, это личная коляска, а не кэб. Во всем Лондоне не найдется кэбмена, который оказался бы настолько расточительным, чтобы использовать пару там, где достаточно одной лошади.

Сержант обратился в слух:

— Хм-м... Осмелюсь сказать, вы правы, милорд. Звучит как пара — теперь и я слышу. Хотя...

— Это хорошо накатанная пара,— сказал Дарси.— Идут почти точно шаг в шаг. Но поскольку два копыта не могут стукнуть по мостовой абсолютно одновременно, то получается эффект легкого эха, хорошо различимый тренированным слухом.

Пронзительные свистки прекратились: очевидно, и охранник у ворот понял, что приближается не кэб.

Тем не менее коляска вдруг остановилась. Потом поводья щелкнули, и экипаж снова тронулся. Но теперь он явно поворачивал, направляясь к воротам. Он выплыл из тумана настолько неожиданно, словно материализовался из самой клубящейся мглы. Экипаж, слабо освещенный желтым светом фонарей, остановился в нескольких ярдах от ворот.

Из полумрака донесся отчетливый голос:

— Лорд Дарси! Это вы?

Голос был явно женский, причем знакомый, но туман исказил его так, что Дарси не узнал говорившую. Они с сержантом стояли прямо под фонарем, который довольно неплохо освещал их обоих.

— У вас преимущество передо мной, леди,— сказал Дарси.

Донесся тихий смешок:

— Разве вы разучились читать гербы, милорд?

Дарси уже заметил на двери коляски гербовый щит, но разглядеть детали при таком освещении было попросту невозможно. Впрочем, в этом уже не было и нужды — теперь лорд сумел узнать голос.

— Даже великолепие герба Камберлендов может утонуть в лондонском «гороховом супе».— Дарси подошел к экипажу.— Если вы хотите, чтобы ваш герб узнавали в подобную ночь, вашей светлости

нужно нечто большее, чем ночные и противотуманные огни.

Теперь он лучше видел ее. Прелестное лицо и облако золотых волос были лишь слегка размыты туманом.

— Я одна, — сказала она очень мягко.

— Здравствуйте, Мэри, — так же мягко ответил Дарси. — Вы-то что тут делаете?

— Разумеется, я здесь для того, чтобы спасти *вас*, — сказала вдовствующая герцогиня Камберлендская. — Ведь вы отпустили свой кэб, даже не подумав о надвигающемся тумане... Увы, вы просчитались — на этой стороне от святого Павла кэба вовек не поймаешь. Садитесь, мой дорогой, и давайте покинем это унылое обиталище.

Лорд Дарси повернулся к сержанту охраны, все еще стоящему под фонарем:

— Благодарю за старание, сержант! Кэб мне уже не понадобится. Ее светлость любезно предложила мне свою помощь.

— Очень хорошо, ваше лордство... До свидания, ваше лордство! До свидания, ваша светлость!

Попрощавшись с сержантом, лорд Дарси забрался в коляску. Кучер щелкнул поводьями, и экипаж тут же окунулся в клубящееся молоко.

Герцогиня опустила шторки, включила внутри коляски лампу, и два пассажира смогли наконец отчетливо рассмотреть друг друга.

— Вы хорошо выглядите, мой дорогой, — сказала герцогиня.

— Вы тоже, как всегда, прекрасны, — отозвался лорд Дарси. В его глазах обнаружился странный дразнящий блеск, который ее светлость никак не могла понять.

— Куда бы вы хотели отправиться? — спросила она, вглядываясь в него своими поразительными темно-синими очами.

— Куда пожелаете, моя милая. Мы даже можем просто покататься по Лондону некоторое время. Ровно столько, сколько вам потребуется, чтобы выложить мне

всю имеющуюся у вас информацию, касающуюся убийства мастера сэра Джеймса Цвинге.

Глаза герцогини округлились. На мгновение она потеряла дар речи, потом воскликнула потрясенно:

— Черт возьми! Как вы узнали?

— Вычислил.

— Лжете!

— Ничуть... У вас острый ум, моя дорогая, вы сумеете повторить мои логические изыскания.

Около минуты Мэри Камберлендская не мигая смотрела на лорда Дарси. Затем резко тряхнула своей золотой головкой:

— У вас есть информация, которой нет у меня.

— Сомневаюсь... Разве что я лучше вас знаю, как работает ваш мозг. У вас есть очаровательная привычка заставить человека почувствовать, что он для вас жутко важен. Даже если с этой целью вам приходится слегка приврать.

Она улыбнулась:

— Вы и в самом деле *являетесь* для меня важным, мой дорогой. А маленькие небылицы суть порождение хороших манер и грамотной дипломатии, от них нет никакого вреда. И разве все это имеет хоть какое-то отношение к вашей притворной дедукции?

— Такие слова недостойны вас, моя дорогая! — резко сказал Дарси. — Вы прекрасно знаете, что я никогда не претендую на иные, чем у меня есть, умственные способности.

Она раскаянно улыбнулась и мягко коснулась его руки:

— Я знаю... прошу прощения, и, пожалуйста, объясните...

Улыбка вернулась на лицо лорда Дарси. Он положил ладонь на руку герцогини:

— Извинения принимаются... А объяснение — и очень простое — вот оно. — Он шутливо погрозил ей пальцем. — Вы утверждали, что приехали забрать меня из Тауэра. Но я прекрасно знаю, что, кроме меня, надзирателей, мастера Шона и еще двух человек, никто в Лондоне не знает,

где я нахожусь. Более того, никто, кроме вышеназванных лиц, вообще не знает, что я приехал в Лондон. Если же кто-то узнал, то только путем колдовства... Вы волшебница, это так. Но мы оба знаем, что герцогиня Камберлендская еще не достигла подобного уровня квалификации. Разумеется, вы могли догадаться, что я приеду сразу, как только мне сообщат об аресте мастера Шона, но вы никак не могли знать точно, когда я покину Тауэр. Ergo, ваше прибытие случайно совпало с моим посещением крепости. Далее... Едва ваш экипаж приблизился к воротам, вы услышали, как охранник свистком подзывает кэб. Если бы вы ехали мимо, вы бы не обратили на свисток ни малейшего внимания. Вы же, однако, остановились, показались охраннику и въехали во дворик. Следовательно, вашей целью был сам Тауэр...— Дарси снова положил ладонь на руку герцогини и продолжал: — Въехав сюда, вы увидели меня. Сам тон вашего голоса, когда вы меня окликнули, показал, что мое нахождение здесь для вас неожиданно. Ваши способности к умозаключениям заметно выше среднего. Да и не надо быть гигантом мысли, чтобы, сопоставив сигнальный свисток и мое присутствие во дворике, сделать вывод, что кэб нужен именно мне. А зная, что беззаботность лорду Дарси не присуща, вы понимаете, что, недавно прибыв в Лондон, я не обратил внимания на предсказания о тумане и отпустил свой кэб. Тут вы и разыграли льстивую и лицемерную сценку, будто приехали забрать меня.

Журчащий смех родился в устах герцогини:

— Это была ложь не для того, чтобы обмануть вас, дорогой мой.

— Я знаю. Вы хотели, чтобы я разинул от удивления рот и воскликнул: «Боже мой! *Как* вы узнали, что я буду здесь? Не стали ли вы ясновидящей?» А вы бы улыбнулись и с умным видом ответили: «Ах, у меня свои каналы».

Герцогиня снова засмеялась:

— Вы слишком хорошо меня знаете, милорд... Но какое отношение все это имеет к моей информации относительно смерти мастера сэра Джеймса?

— Вернемся к вашему приезду в Тауэр,— сказал Дарси.— Если вы приехали отнюдь не ради меня, то что же явилось вашей целью? Она должна быть очень важной, иначе бы вы не потащились сюда в такую погоду. Но, увидев лорда Дарси, вы тут же приглашаете его в экипаж, и мы уезжаем. Какое бы дело ни было у вас в Тауэре, его оказалось возможным обсудить и со мной, так? Очевидно, у вас было сообщение для мастера Шона, но сообщение не строго личное. Ergo...— Он улыбнулся, оставив окончательный вывод недосказанным.

— Когда-нибудь,— сказала вдовствующая герцогиня Камберлендская,— я обязательно откажусь от попыток переиграть вас в вашей собственной игре.

— Надеюсь, это произойдет не очень скоро,— заметил лорд Дарси.— Немногие люди беспокоятся о развитии своего интеллекта. Так приятно водить знакомство с женщиной, которая относится к этим немногим!

— Боже!!! — Голос герцогини был полон наигранной трагедии.— Этот человек любит меня только за мой ум!!!

Дарси в очередной раз улыбнулся:

— *Mens sana in corpore sano*[1], моя дорогая. А теперь вернемся к вашей информации.

— Хорошо,— сказала она и неожиданно задумалась.— Я не знаю, имеет ли это какое-нибудь значение или нет,— за что купила, за то и продаю. Решайте сами...

Лорд Дарси кивнул:

— Продолжайте.

— Я кое-что увидела... и услышала,— сказала Мэри де Камберленд.— Без семи минут восемь — я точно заметила время, потому что в восемь пятнадцать сама собиралась кое с кем встретиться за завтраком,— я вышла из моего номера в гостинице.— Она посмотрела Дарси прямо в глаза.— Мой номер расположен напротив номера мастера сэра Джеймса. Вам это известно?

— Да.

---

[1] Mens sana in corpore sano *(лат.)* — в здоровом теле здоровый дух.

— Прекрасно... Я открыла дверь и услышала голос, доносящийся через дверь из номера напротив. Как вы знаете, двери в Королевском управлении настолько толсты, что нормальный разговор через них не услышишь. Но этот голос был слышен... Голос женский, не очень высокий, но довольно сильный. Слова звучали очень четко. Она сказала...

— Подождите, Мэри! — Лорд Дарси поднял руку. — Вы можете повторить слова *в точности?*

— Конечно, могу, — твердо ответила герцогиня. — Она сказала: «Господи, сэр Джеймс! Вы же подписываете ему смертный приговор! Я вас предупреждаю! *Если* он умрет, *вы* тоже умрете!»

Обрушилась тишина, нарушаемая только цокотом копыт да шумом колес.

— Точна ли интонация, которую вы сейчас воспроизвели? — спросил лорд Дарси. — Голос звучал и зло, и испуганно?

— В словах было больше злости, чем испуга, но присутствовал и некий оттенок страха.

— Очень хорошо. Что дальше?

— Затем донесся чуть слышный звук... похоже, кто-то говорил нормальным голосом. Голос был плохо слышен, совершенно неузнаваем и не оставлял никакой возможности понять сказанное.

— Мог ли это быть сэр Джеймс?

— Мог. Это вообще мог быть кто угодно. Разумеется, в тот момент я предположила, что это *был* сэр Джеймс, но там и в самом деле мог быть любой другой человек. — Или вовсе никого?

Мэри на секунду задумалась:

— Нет-нет, в комнате явно был кто-то еще.

— Откуда вы знаете?

— Почти тут же дверь распахнулась, и девушка выбежала в коридор. Она захлопнула дверь и ушла, даже не заметив меня. Или сделала вид, что не заметила... И тут же изнутри в замочную скважину сунули ключ и повернули. Естественно, я не думала разбираться в случившемся и пошла завтракать.

— А кто была эта девушка? — спросил лорд Дарси.

— Я уверена, что никогда ее раньше не видела,— сказала герцогиня.— Эта девушка не из тех, кто легко забывается. Крошечное создание — меньше пяти футов ростом,— но отлично сложена. Просто превосходная фигура!.. Волосы длинные и черные как смоль, они были схвачены сзади серебряным кольцом, знаете, на манер лошадиного хвоста? Лицо ее столь же прекрасно, как и фигура, глаза феи и довольно чувственный рот. Она была в одежде ученицы — голубой, с белой тесьмой на рукаве,— и это весьма странно, потому что учеников, как вы знаете, допускают на конвенцию только по специальному приглашению, и такие случаи крайне редки.

— Еще более странным мне представляется то, что ученик позволяет себе разговаривать в таком тоне с мастером.

— Да, странно,— согласилась герцогиня.— Как я уже сказала, в тот момент я не обратила на происшедшее особенного внимания. Но после ареста мастера Шона этот случай всплыл в моей памяти. Остаток утра и весь день я провела в попытках узнать об этой девушке все возможное.

— И все же вы не сочли происшедшее достаточно важным, чтобы сообщить о нем Бонтриомфу или шефу-мастеру? — спокойно сказал Дарси.

— Важным? Конечно, я подумала, что это важно! Я и сейчас так думаю. Но сообщать стражникам?.. С какой стати, мой дорогой?! Во-первых, у меня не было никакой стóящей информации, тогда мне не было известно даже ее имя. Во-вторых, это случилось за полтора часа до убийства. В-третьих, если бы я сказала о девушке Бонтриомфу или шефу Хеннели, они бы просто запутали все, арестовав и ее, а улик против нее у них было не больше, чем против мастера Шона...

— А в-четвертых,— добавил лорд Дарси,— вы вообразили себя детективом. Продолжайте. Что вам удалось выяснить?

— Не много,— заметила Мэри.— Я достаточно легко разыскала ее имя в списке участников конвенции. Она тут единственная ученица по приглашению. Зовут ее Тия Эйнциг.— Герцогиня произнесла имя по буквам.

— Эйнциг? — Лорд Дарси поднял бровь.— Определенно, немка. Возможно, из Пруссии, что сразу же делает ее польской подданной.

— Может, имя и прусское, но сама она — нет,— сказала герцогиня.— Тем не менее она и в самом деле является — или являлась — подданной Его Славянского Величества. Она из какого-то маленького местечка к востоку от Дуная, в нескольких сотнях миль от берегов Адриатики. Это один из тех городков, в названии которых шестнадцать букв, из них только три — гласные. К-Д-Ж-А-и-много-еще-чего-то. В тысяча девятьсот шестьдесят первом году она приехала в Беллуно. Потом по несколько месяцев жила в Милане и Турине. В шестьдесят третьем году перебралась во Францию и поселилась в Гренобле. Все это всплыло в прошлом году, когда ее делом занимался Раймонд.

— Раймонд?

— Его светлость герцог Дофинский,— пояснила Мэри де Камберленд.— Естественно, запрос на экстрадицию должен быть рассмотрен самим герцогом.

— Естественно! — Сардонический блеск вернулся в глаза лорда Дарси, и они загорелись опасным светом.— Мэри?

— Да?

— Беру назад все то, что я говорил о вас как о женщине, владеющей своим интеллектом. Рациональный ум упорядочивает факты и сообщает их в строгом логическом порядке. В первый раз слышу о какой-то экстрадиции!

— Ох! — Герцогиня подарила собеседнику бриллиантовую улыбку.— Извините, дорогой. Я...

Он прервал ее:

— Можно я сначала спрошу, где вы раскопали эту информацию? Ведь не ездили же вы в Гренобль и не

попросили своего старого друга герцога предоставить вам возможность просмотреть записи судебных процессов герцогства Дофине[1].

— Откуда вы узнали, что он мой старый друг? — спросила вдовствующая герцогиня Камберлендская. — Не припоминаю, чтобы я когда-нибудь вам об этом говорила.

— Вы и не говорили. Мэри де Камберленд не та женщина, которая выставляет напоказ имена влиятельных друзей. Но вы не назвали бы имперского губернатора по имени, если бы он не был вашим близким другом. Повторяю: откуда у вас информация об этой истории с Тией Эйнциг?

— От отца Доминика. Преподобный отец Доминик из Ордена святого Бенедикта, который был сенситивом в клерикальной комиссии, назначенной архиепископом для проверки личности Тии Эйнциг. Его светлость герцог Дофинский попросил о назначении комиссии из-за обвинений, выдвинутых против девушки в Беллуно, Милане и Турине — именно эти города требовали экстрадиции, — чтобы проверить на месте выдвинутые обвинения.

— Какие конкретно против нее выдвигались обвинения?

— Одни и те же во всех трех случаях. Занятие магией без лицензии и...

— И?

— И черная магия.

---

[1] Дофине — в реальности историческая область на юго-востоке Франции. Главный город — Гренобль.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава VI

Карлайл-хаус был собственностью герцогов Камберлендских, хотя его часто и ошибочно считали частью наследства маркизата Карлайл. Впрочем, так считали те, для кого важнее, как произносится имя собственное, а не как оно написано[1].

Мэри — вдовствующая герцогиня Камберлендская, в прошлом герцогиня Консорт, урожденная леди де Божор — была второй женой овдовевшего герцога Камберлендского. Герцогу к моменту женитьбы было за шестьдесят, леди Мэри — чуть более двадцати. Однако никто из знавших эту пару не считал их брак женитьбой декабря на мае, даже сын и наследник герцога от первого брака. У старого герцога, пусть лишь отдаленно связанного с королевской семьей, были энергия, красота и долголетие Плантагенетов. Его золотистые волосы со временем светлели, на лице углублялись морщины, но это было все то немногое, чем он расплачивался со своим возрастом. Выглядел он — да и вел себя — так же, как те, кто был на двадцать лет моложе. Но даже сильный, красивый и могущественный не застрахован от несчастного случая с лошадью. Не стал исключением и его светлость.

Мэри, любившая мужа не только за юношескую энергию, но и за зрелую мудрость, стала вдовой прежде, чем ей исполнилось тридцать.

---

[1] Обыгрывается одинаковое произношение английских слов «Carlyle» и «Carlisle».

Ее пасынок Эдвин, ставший после смерти отца герцогом Камберлендским, был довольно скучным парнем. Он стал хорошим имперским губернатором, но ему явно не хватало искорки Плантагенетов, даже такой слабой, какая была у его отца. Эдвин любил и уважал свою мачеху (бывшую на шесть месяцев младше его), но совершенно не понимал ее. Живость, острый ум и в особенности печать Таланта делали ее чужой для наследника.

Все закончилось соглашением. Де Камберленд должен был печься о герцогстве, оставаясь в Карлайле[1], Мэри отдавался в пожизненное владение Карлайл-хаус. Это было все, что его светлость мог сделать для своей любимой мачехи.

Когда лорд Дарси и герцогиня вошли в парадную дверь Карлайл-хауса, открывший им сенешаль, пробормотав: «Добрый вечер, ваша светлость и ваше лордство», — быстро закрыл дверь, преградив дорогу серым щупальцам тумана, пожелавшим погостить немного в ярко освещенном холле.

— Добрый вечер, Джеффри, — сказала ее светлость, поворачиваясь так, чтобы сенешаль мог снять с нее плащ. — Где все?

— Милорды епископы Винчестерский и Карлайлский уже легли, ваша светлость. Отцы-бенедиктинцы отправились к святому Павлу, где в собрании Ордена состоится молебен. Они соблаговолили сообщить мне, что по причине тумана проведут ночь с братией в доме Ордена. Сэр Лайон Грей остался на предстоящую ночь в своей комнате в Королевском управлении. Мастер Шон О Лохлейн сообщил, что временно нездоров.

— Нездоров! — Герцогиня засмеялась. — Еще бы! Его лечат в Тауэре, Джеффри.

— Так мне сказали, ваша светлость, — промолвил невозмутимый сенешаль. — Сэр Томас Лесо в салоне, — продолжил он, принимая плащ у лорда Дарси. — Милорд Джон Кецаль наверху, облачается в вечерний

[1] Карлайл (Carlisle) — город на севере Англии, административный центр графства Камбрия.

костюм, скоро спустится вниз. Горячие блюда, заказанные вашей светлостью,— на буфете.

— Благодарю вас, Джеффри. Кстати... Я послала коляску во дворец маркиза за багажом лорда Дарси. Давайте подумаем, где мы можем разместить лорда.

— Я бы предложил Лилейный покой, ваша светлость. Он рядом с Розовым покоем и сообщается с ним дверью, что очень удобно, если придется переносить вещи мастера Шона. Разумеется, если апартаменты устроят его лордство.

— Отлично, Джеффри! — сказал Дарси.— Пожалуйста, дайте мне знать, когда мои вещи поднимут наверх. У меня еще не было удобного случая освежиться после приезда в Лондон.

— Я прослежу, чтобы вашему лордству немедленно доложили.

— Благодарю вас, Джеффри.

— Рад стараться, ваше лордство!

— Идемте, милорд,— сказала герцогиня, взяв Дарси за руку.— Выпьем с сэром Томасом, чтобы изгнать из костей этот туман.

По дороге к салону лорд Дарси спросил:

— Что за бенедиктинцы у вас в гостях?

— Старший — отец Куинн с севера Ирландии.

— Отец Куинн? — задумчиво произнес лорд Дарси.— Не думаю, что я его знаю. А еще кто?

— Еще отец Патрик из Шербура,— ответила ее светлость.— Прекрасный сенситив и целитель. Полагаю, вам стоит с ним познакомиться.

— С отцом Патриком мы уже знакомы,— сказал Дарси.— И должен сказать, что я полностью согласен с вашей оценкой. Будет очень приятно встретиться с ним еще раз.

Они вошли в большую комнату с высокими потолками, служившую одновременно салоном и столовой. В дальнем конце салона, в большом кресле, вытянув ноги к громадному камину и держа в руке полупустой бокал, сидел бледнолицый мужчина. Зачесанные назад светло-каштановые волосы открывали его широкий лоб.

Увидев приближающуюся хозяйку и лорда Дарси, мужчина поднялся.

— Добрый вечер, ваша светлость! Лорд Дарси, очень рад снова вас видеть! — Приятная улыбка, казалось, зажигала в его серо-голубых глазах неукротимое пламя.

Дарси пожал протянутую руку:

— Я тоже очень рад видеть вас, сэр Томас! Выглядите вы, как всегда, соответствующе!

— Для ученого, вы подразумеваете,— сказал со смешком сэр Томас.— Кстати! Могу ли я осмелиться предложить вам обоим по глотку отличного бренди из запасов нашей милостивой хозяйки?

— Без сомнения, сэр Томас,— с улыбкой сказала герцогиня.— Я чувствую себя так, как будто туман пробрался в каждую мою косточку.

Сэр Томас подошел к буфету и длинными ловкими пальцами вытащил из графина стеклянную пробку. Наполняя красно-коричневой жидкостью два тонкостенных бокала для бренди, он сказал:

— Едва услышав об аресте мастера Шона, я был абсолютно уверен, что вы появитесь в Лондоне. Но увидеть вас так скоро я, честно говоря, не ожидал.

Улыбка лорда Дарси стала слегка ироничной.

— Маркиз Лондонский был достаточно добр, чтобы послать через Канал специального курьера. А я сумел хорошо согласовать расписание движения кораблей и поездов.

Сэр Томас подал каждому по бокалу бренди:

— Вы намерены задействовать свой великолепный мозг с целью раскрытия убийства и оправдания мастера Шона?

Лорд Дарси рассмеялся:

— Ни в коем случае!.. Милорд маркиз, конечно, хотел бы, чтобы я так поступил, но я его не обяжу. Случай с сэром Джеймсом очень интересен, однако мне надо выполнять свой долг в Нормандии. Только между нами — и попрошу вас не распространять эту информацию до послезавтра — я собираюсь освободить мастера Шона, поставив моего кузена перед дилеммой.

С этой целью я собрал достаточное количество фактов, чтобы заставить его отменить приказ об аресте моего помощника. Потом мы с мастером Шоном вернемся в Нормандию.

Мэри де Камберленд посмотрела на него с обидой и удивлением:

— Как? Вы возвращаетесь и забираете мастера Шона с собой? Так скоро? Но ведь конвенция...

— Боюсь, конвенции придется обойтись без мастера Шона,— сказал Дарси, и в голосе его прозвучали извинение и сокрушенность.— Нас с ним ждет свое убийство. Я не могу рассказывать вам о деталях, да и должен заметить, что наш случай не является ни столь эффектным, ни столь... э-э-э... известным, как убийство сэра Джеймса Цвинге, но долг есть долг. Впрочем, если дело будет завершено быстро, мастер Шон сможет вернуться на конвенцию.

— А как же доклад, который он должен прочитать? — настаивала герцогиня.

— Если это окажется возможным,— твердо сказал Дарси,— я прослежу, чтобы он вернулся. Лишь бы все было в порядке... Тогда он появится здесь в субботу и представит почтенному собранию свой доклад. В этом, в конце концов, тоже состоит часть его долга!

— Так вы вернете дело в руки лорда Бонтриомфа? — спросил сэр Томас.

— Мне нет нужды возвращать это дело,— со смешком сказал Дарси.— Ведь я его и не принимал. Оно целиком в компетенции лорда Бонтриомфа, и я желаю ему удачи. Они с маркизом великолепно разберутся с этим убийством, можете не сомневаться.

— Без помощи судебного мага?! — поразился сэр Томас.

— Они справятся! — Лорд Дарси рубанул ладонью воздух.— Покойный сэр Джеймс был не единственным судебным магом в Лондоне. К тому же милорд маркиз, по-видимому, вообще не нуждается в судебном маге. Когда убили второго по способностям, он не нашел ничего умнее, как засадить в Тауэр первого.

Не очень это похоже на действия человека, отчаянно нуждающегося в хорошем совете классного волшебника.

Герцогиня и сэр Томас рассмеялись, а лорд Дарси хлебнул из своего бокала.

На другом конце салона открылась дверь.

— Добрый вечер, ваша светлость! — промолвил теплый баритон.— Добрый вечер, джентльмены!.. Извините, ради Бога! Я вам не помешал?

Лорд Дарси обернулся в сторону вошедшего. Это был молодой человек в малиновом с золотом вечернем одеянии, характерные черты которого выдавали в его хозяине мечиканца. Без сомнения, перед лордом Дарси стоял не кто иной, как лорд Джон Кецаль дю Монтесума де Мечико.

— Вовсе нет, милорд,— сказала герцогиня.— Мы ждали вас. Проходите! Позвольте представить вам нашего нового гостя.

Едва представление состоялось, глаза лорда Джона Кецаля вспыхнули, а тяжелые веки поднялись.

— Очень рад с вами познакомиться, милорд,— сказал он,— хотя, конечно, я очень сожалею об обстоятельствах, которые привели вас сюда. Я ни на мгновение не поверил в то, что мастер Шон может оказаться виновником этого ужасного преступления.

— Благодарю, милорд,— ответил Дарси.— Спасибо на добром слове о мастере Шоне.— И вкрадчиво добавил: — Я и не думал, что невиновность мастера Шона настолько очевидна, что это становится ясным после столь короткого знакомства.

Взгляд мечиканца сделался слегка застенчивым:

— Ну, это не совсем так. Настолько очевидна!.. Нет, я бы не сказал, что в мастере Шоне вообще что-то может казаться очевидным. Просто...— Он смущенно замолчал.

— Скромность милорда Джона Кецаля делает ему честь,— произнесла герцогиня нежным голоском.— Его Талант редок даже в среде волшебников. Он — охотник на ведьм.

— В самом деле? — Лорд Дарси посмотрел на молодого человека с явно возросшим интересом.— При-

знаюсь, я никогда раньше не встречал волшебника с такими способностями. Стало быть, вы способны обнаружить присутствие лица, пользующегося черной магией, даже на расстоянии?

Джон Кецаль кивнул:

— Да, милорд.

Он походил сейчас на юнца, которому красивая женщина только что сказала, что он очень симпатичен.

Сэр Томас закудахтал:

— Разумеется, лорд Дарси, молодой человек сразу определил, что мастер Шон не любительствует в черной магии. Охотнику на ведьм это понятно с первого взгляда. — Старик обратил свою улыбку к Джону Кецалю. — Когда у нас обоих найдется свободное время, я хотел бы обсудить с вами теорию и проверить, насколько она согласуется с практическими результатами.

— Это... это будет для меня честью и удовольствием, сэр Томас, — сказал молодой дворянин. В голосе его прозвучали благоговейные нотки. — Но... но я очень слаб в символогической теории. Математика — это не то, чем я хорошо владею.

Сэр Томас усмехнулся:

— Не беспокойтесь, милорд. Обещаю не душить вас уравнениями аналогии. Боже правый, да мы уже о работе!.. Извините, но, когда я покидаю свою библиотеку, я прилагаю все усилия, чтобы избежать излишних размышлений.

Это, как знал Дарси, было полной неправдой: сэр Томас просто пытался облегчить участь молодого человека.

Лесо, несмотря на степень доктора тауматургии, не был практикующим волшебником. Строго говоря, волшебником его вообще нельзя было назвать: он не обладал ни малейшей искоркой Таланта. Лесо был магом-теоретиком и работал с высшими эзотерическими формами субъективной алгебры, оставляя проверку его теорий на практике другим. Его блестящий ум был способен схватывать символогические соотношения, на которые обычный практикующий волшебник смотрел

порой как баран на новые ворота. Было очень немного Th.D.[1], которые оказывались в силах проследить его глубокие и сложные символогические аналогии до их конечных выводов. Большинство мастеров Искусства безнадежно утопали в цепочках уравнений после нескольких начальных соответствий. И сэр Томас не был настолько оторван от жизни, чтобы считать, что ученик сумеет понять его рассуждения. С другой стороны, сэр Томас всегда безумно радовался возможности обсудить Искусство с практикующими магами.

— Могу я задать вопрос вам, милорд? — задумчиво спросил Дарси.— Я официально не подключен к расследованию убийства сэра Джеймса Цвинге, но представителям моей профессии присуща некая естественная любознательность. Я задам вам вопрос, который может считаться профессиональным, а потому,— он улыбнулся,— если пожелаете, можете прислать мне счет за оказанные профессиональные услуги.

Лорд Джон Кецаль тоже улыбнулся:

— Если вопрос потребует, чтобы я сотворил заклинание, я непременно пришлю вам счет — разумеется, по стандартным ученическим расценкам. Поступить иначе мне не позволит членство в гильдии. Но если вас просто интересует профессиональное мнение, я к вашим услугам.

— Тогда проблему оплаты мы оставим на ваше усмотрение,— сказал лорд Дарси.— А вопрос следующий... Обнаружили ли вы присутствие черного мага среди участников конвенции?

Стало так тихо, как будто на мгновение остановилось само время. И сэр Томас, и герцогиня, казалось, перестали дышать в ожидании ответа молодого мечиканского дворянина.

Но лорд Джон Кецаль молчал не более двух-трех секунд. Когда он заговорил, голос его был тверд:

— Милорд, мне бы очень хотелось изучить судебную магию под началом мастера. К тому же я изучал

[1] Th.D.— доктор тауматургии.

полицейскую работу и обычные способы расследования преступлений. Можно, я отвечу на ваш вопрос своим?

— Разумеется.

Лорд Джон Кецаль сжал в раздумье губы, словно засомневался в чем-то. Потом сказал:

— Давайте предположим, что лично вы — благодаря вашим собственным способностям — знаете, что некий человек — преступник и что он совершил данное конкретное преступление. Однако предположим также, что, кроме вашего личного знания, у вас нет ни малейшего доказательства вины этого человека. Мой контрвопрос таков... Посчитаете ли вы возможным на таких основаниях выдвинуть обвинение против этого человека?

— Нет, конечно,— без промедления ответил лорд Дарси.— Я вас понял. Разумеется, нельзя обвинять человека без доказательств... Но информация, доведенная до представителя следствия для того, чтобы подсказать ему путь к поиску доказательств,— не есть публичное обвинение.

— Возможно, вы и правы,— медленно проговорил молодой волшебник.— Я непременно приму ваши слова к сведению, но сейчас я чувствую, что мое мнение — даже для помощи следствию! — не будет достаточно обоснованным.

— Да, конечно,— спокойно сказал Дарси,— только вы можете принять решение.— Он сделал паузу и добавил: — Но имейте в виду, что если ваш Талант охотника на ведьм известен достаточно широко — к примеру, если он известен тому, чья жизнь может зависеть от вашего молчания,— то я посоветовал бы вам быть очень осторожным. Чтобы не умолкнуть навсегда...

Прежде чем лорд Джон Кецаль успел ответить, дверь отворилась, и на пороге появился Джеффри.

— Ваша светлость! Надеюсь, вы простите меня за вторжение, но меня просили уведомить его лордство, как только багаж его лордства доставят в Лилейный покой.

— Ах да! — сказал Дарси.— Благодарю вас, Джеффри.

— Думаю, мне тоже следует надеть вечернее платье,— сказала Мэри де Камберленд.— Вы извините

меня, джентльмены? И ради Бога, не задерживайте из-за моего отсутствия свой ужин, воспользуйтесь тем, что стоит на буфете.

Через пятнадцать минут, побрившись и приняв душ, лорд Дарси впервые за последние часы почувствовал себя человеком. Он еще раз осмотрел себя в большом зеркале, расположенном в ванной Лилейного покоя, слегка поправил серебряные кружева на воротнике и рукавах сорочки, стряхнул микроскопическую пылинку с парадного камзола, сшитого из кораллового атласа, и решил, что теперь готов предстать перед собранием в гораздо более приличном виде.

Дверь в салон была открыта, и, приблизившись к ней, лорд Дарси услышал голос Томаса Лесо:

— Факт остается фактом, милорд! Сэр Джеймс, несмотря ни на что, мертв.

— Не могло ли это быть самоубийством, сэр Томас? — спросил лорд Кецаль. — Или, скажем, несчастным случаем?

Это поистине непостижимо, сказал себе Дарси. Великие и умнейшие люди, чьи обычные разговоры касаются лишь царства мыслей, в своих вечерних беседах, как правило, избегают сплетен, спортивных событий и даже убийств — кроме абстрактных случаев. Но дайте им вот такое убийство — не рядовую смерть в пьяной драке, не застреленного во время ограбления человека, не грязное убийство на почве ревности, не еще более мерзкое сексуальное преступление, а вот такую, необъяснимую, окруженную тайной смерть... В общем, дайте им головоломное, странное убийство — и пожалуйста! Ни о чем другом они уже не смогут говорить. Не более получаса назад сэр Томас заявил, что хотел бы побеседовать с лордом Кецалем о теоретической магии применительно к охоте на ведьм, а о чем он изволит говорить сейчас?..

— Вы сомневаетесь, убийство тут или несчастный случай? — сказал Томас Лесо. — Не знаю, не знаю...

Авторитеты, похоже, считают, что это все-таки убийство.

— Но почему?.. Я имею в виду, с какой стати кому бы то ни было убивать мастера Цвинге. Каков мотив?

— Прекрасный вопрос,— сказал лорд Дарси, входя в салон.

В салоне находились все те же двое мужчин. Очевидно, герцогиня еще не закончила свой туалет.

— В качестве пищи для ума я и сам обдумывал этот вопрос,— продолжал Дарси.— Но простите, что перебил! Ради Бога, продолжайте, а я пока погляжу, что тут у нас на буфете.

— Лорду Джону никак не удается понять мотив убийства,— сказал сэр Томас.

Лорд Дарси посмотрел на ряд медных горшочков, под каждым из которых горела маленькая спиртовка, и поднял крышку первого.

— Ах, Боже мой! Ветчина! — воскликнул он.— Ну хорошо, сэр Томас, так что же насчет мотива? Кто мог желать смерти мастера Джеймса Цвинге? — Он положил кусок ветчины себе на тарелку и взялся за исследование содержимого следующего горшка.

Сэр Томас нахмурился.

— Вряд ли это был кто-то из моих знакомых,— медленно проговорил он.— Конечно, временами сэр Джеймс мог быть совершенно невыносимым, но не думаю, чтобы он намеренно и незаслуженно кого-то задел.

Дарси полил ветчину горячим вишневым соусом.

— И вы не слышали, чтобы кто-то грозился его убить? Разве у него ни с кем не было столкновений?

— Помимо так называемого спора с мастером Шоном, вы имеете в виду?.. Да, помнится, был подобный случай. С месяц назад мастер Юэн Макалистер наговорил про Цвинге достаточно неприятных вещей. Мастер Юэн подал заявление для поступления в Военно-морской исследовательский отдел, а сэр Джеймс, у которого в этом отделе имелись связи, предпринял все усилия, чтобы заявление мастера Юэна не приняли.

— В данном случае мотив имеется.— Лорд Дарси налил себе полный бокал кларета и, сев на стул лицом к собеседникам, поставил поднос к себе на колени.— Я никогда не имел удовольствия встречаться с мастером Юэном Макалистером, но, судя по рассказам мастера Шона, удовольствие это весьма и весьма сомнительное. А что, Макалистер из тех людей, которые могут убить из мести?

— Я... не... знаю,— медленно выговорил сэр Томас.— Я могу себе представить, как Макалистер убивает человека с целью предотвращения вреда, который мог бы ему нанести убитый... Но я бы сто раз подумал, прежде чем сказать, что мастер Юэн решится на убийство после того, как вред уже причинен.

Надо будет утром сообщить об этом лорду Бонтриомфу, подумал Дарси. Пусть Бонтриомф поинтересуется, не подавал ли и даже не собирался ли мастер Юэн подать заявление еще на какую-нибудь должность, где у сэра Джеймса Цвинге «имелись связи».

— Есть ли еще кандидаты в убийцы? — спросил Дарси, внимательно изучая содержимое своей тарелки.

— Нет,— через мгновение ответил сэр Томас.— Других случаев конфликтов между сэром Джеймсом и кем бы то ни было я не знаю.

— А не знакома ли вам некая дамозель Тия Эйнциг? — спросил лорд Дарси все тем же спокойным тоном.

Улыбка медленно стерлась с физиономии сэра Томаса. Прошло несколько секунд, прежде чем он ответил:

— Да, я ее знаю, милорд. А в чем, собственно, дело?

— Ходят слухи, будто ее в свое время обвиняли в занятиях черной магией... А сэра Джеймса, похоже, убили не без помощи черной магии.

Обычно бледное лицо сэра Томаса вдруг потемнело:

— Эй, послушайте-ка!.. Да вы, кажется, обвиняете Тию в этом убийстве!..

— Обвиняю?.. Ни в коем случае, сэр Томас! Просто обращаю ваше внимание на возможную связь...

— И совершенно необязательно обращать мое внимание! Незачем, понятно?! Тия — ведьма не больше,

чем *вы!* Слышите? Я не позволю вам делать такие намеки! Слышите?

— Успокойтесь, сэр Томас, — мягко сказал Дарси. — Расслабьтесь. Обуздайте свои эмоции. Расскажите самому себе анекдот или вспомните какое-нибудь приносящее радость в душу уравнение.

Краска схлынула с лица сэра Томаса, но он не улыбнулся словам лорда Дарси.

— Мои глубочайшие извинения, милорд, — проговорил он чуть слышно. — Я... я с трудом понимал... Я... я был не в себе. Это... болезненная для меня тема, милорд.

— Забудьте о ней, сэр Томас. Я вовсе не хотел вас расстраивать и не вижу в вашем поведении ничего особенного. Убийство — весьма неприятная вещь, а когда оно случается чуть ли не рядом с вами... Давайте лучше сменим тему разговора.

— Нет-нет, милорд, — запротестовал Лесо. — Прошу вас, не обращайте внимания на мою горячность...

— Дорогой мой сэр Томас! Я настаиваю! Весь вечер я хотел расспросить лорда Джона Кецаля про Мечику, так что не отнимайте у меня такой возможности. Конечно, убийства — моя работа, но если я непосредственно не занят в расследовании какого-нибудь преступления, бесконечные разговоры о нем начинают мне надоедать. Итак... — Он повернулся к Джону Кецалю: — Если меня не подводит память, милорд, первый англо-французский корабль появился у берегов Мечики в тысяча пятьсот шестьдесят девятом году. Участники той экспедиции были первыми европейцами, которых встретили ваши предки. Что стало причиной того неимоверного благоговения, с которым они тогда отнеслись к европейцам?

— Это весьма интересно, милорд, — с энтузиазмом отозвался молодой человек. — Но прежде вы должны понять значение мифа о Кецалькоатле[1]...

Поначалу разговор выглядел несколько натянутым, но энтузиазм молодого мечиканца был настолько

[1] Кецалькоатль — одно из трех главных божеств в мифологии индейцев Центральной Америки.

искренним, что и сэр Томас, и лорд Дарси были быстро захвачены дискуссией.

Когда вдовствующая герцогиня Камберлендская спустилась в салон, дискуссия шла уже в полную силу. Час спустя ничего не изменилось — все присутствующие по-прежнему обсуждали достоинства Мечики.

Спать лорд Дарси лег поздно. А заснул еще позже.

Глава VII

Решение Дарси не браться за дело Цвинге, позволив — а скорее, заставив,— чтобы его кузен маркиз Лондонский задействовал для расследования убийства собственные силы, было твердо. Дарси не имел ни малейшего желания участвовать в расследовании, даже если бы для этого ему пришлось загнать в бутылку свое прирожденное любопытство, закупорить оную бутылку и усесться сверху на пробку.

Было бы, конечно, интересно посмотреть, выдержит ли бутылка гигантское давление любопытства лорда Дарси, но связываться с этим видом посуды так и не пришлось. Увы, любое решение, независимо от его твердости и от личности принявшего это решение, может оказаться невыполнимым из-за изменившихся обстоятельств. А обстоятельства решительно изменились уже на следующее утро.

Этим самым утром — а был четверг — лорд Дарси дремал, лежа в постели. Мозг его еще по-настоящему не проснулся, и мысли блуждали где-то за границами реального мира. И тут в дверь Лилейного покоя тихо постучали.

— Да? — отозвался Дарси, не открывая глаз.

— Ваш кофе, милорд, как приказывали,— произнес тихий голос.

— Оставьте в гостиной,— сонно сказал Дарси.— Я выйду через несколько минут.

Но он не вышел. Через несколько минут он снова оказался в объятиях Морфея. Он не слышал, как открылась дверь его спальни, не уловил почти бесшум-

ных шагов, пересекших толстый ковер от двери до кровати.

Неожиданно кто-то коснулся его плеча. Глаза Дарси мгновенно открылись, сон как ветром сдуло.

— Мэри?!

Вдовствующая герцогиня сделала реверанс:

— К вашим услугам, милорд! Кофе, милорд?

Дарси сел на постели:

— Великолепно! Герцогиня — горничная... Разумеется, кофе! Немедленно! И бегом, ваша светлость! — Он тихо засмеялся, когда герцогиня удалилась с мягкой улыбкой на губах.— Кстати! — крикнул он вдогонку.— Велите милорду маркизу вычистить мои ботинки!

Герцогиня вернулась, толкая перед собой столик на колесиках. На столике расположились серебряный кофейник, ложка и чашка с блюдечком.

— Ваши ботинки уже вычищены, милорд,— ответила она, по-прежнему сохраняя в голосе почтительные интонации.— А еще я позволила себе вольность, милорд, приказав почистить и погладить одежду вашего лордства. А потом ее повесили в шкаф в гостиной.— Она налила ему кофе.

— Неужели?! — Дарси потянулся за чашкой.— Надеюсь, моей одежды касались руки епископа?

— У милорда епископа,— ответила герцогиня,— есть другие, более важные дела... Зато о вашем утреннем моционе побеспокоились Его Величество.

Лорд Дарси замер, не донеся чашку до рта. Что это она себе позволяет?.. Шутки шутками, но должна быть и граница. Непозволительно в своих остротах использовать короля.

И тут же Дарси понял, что его мозг проснулся не настолько, насколько он думал. Дарси отхлебнул кофе, причмокнул и поставил чашку на блюдце.

— Где курьер Его Величества? — спокойно спросил он.

— Ждет в прихожей. Позвать его сюда?

— Разумеется... Впрочем, подождите! Который сейчас все-таки час?

— Около семи.

— Попросите его немного подождать. Я оденусь. Распорядитесь принести одежду.

Через семь минут с секундами лорд Дарси, полностью одетый в соответствующий утренний костюм, открыл дверь в гостиную Лилейного покоя. Мэри, вдовствующей герцогини Камберлендской, на горизонте не наблюдалось. Зато на одном из стульев расположился низкорослый худощавый человек с меланхоличным взглядом, одетый в серо-голубую униформу кэбмена. Увидев лорда Дарси, он вежливо поднялся, держа в руке квадратную шляпу.

— Лорд Дарси?

— Он самый. А вы?

Человечек достал из своей шляпы серебряный значок с выгравированным на нем королевским гербом. В металл был вставлен полированный, но не подвергнутый огранке камень, похожий на небольшой — с четверть дюйма — кусок сероватого полупрозрачного стекла.

— Королевский вестник, милорд! — Гость прикоснулся к камню большим пальцем правой руки, и кусочек блеклого стекла тут же исчез.

Вместо него засиял красноватым блеском рубин, и в этом нельзя было ошибиться.

Камень был магически настроен на одного и только одного человека. Лишь этот человек был способен своим прикосновением заставить камень светиться изнутри красным. Королевский знак, разумеется, можно украсть, но ни один вор не сумел бы превратить серый неприметный камешек в настоящий рубин.

Гениальный сэр Эдвард Элмер, доктор тауматургии, более тридцати лет назад разработал это заклинание, и до сих пор никто еще не сумел с ним справиться. Заклинание отлично служило для опознавания личных агентов Его Величества Джона IV, грознейшего и суверенейшего. Покойный сэр Эдвард был гроссмей-

стером гильдии магов, и считалось, что как волшебник он превосходил даже сэра Лайона Гандолфуса Грея.

— Отлично,— сказал лорд Дарси. Он не спросил имени гостя: королевский вестник остается безымянным.— Слушаю вас!

Посланник наклонил голову:

— Вы должны сопровождать меня, милорд. По приказу Его Величества!

Дарси нахмурился:

— Это все?

Вестник снова поклонился:

— Я доставил послание Его Величества, милорд. Больше мне нечего добавить.

— Понятно... Будут ли возражения, если я прибуду вооруженным?

По лицу королевского вестника расплылась широкая улыбка:

— Я бы сказал, милорд, что это будет весьма целесообразным... Его Величество приказали передать вашему лордству еще одно сообщение, но только в том случае, если ваше лордство задаст вопрос об оружии. Я должен передать сообщение словами Его Величества. Можно?

— Продолжайте,— сказал Дарси.

Вестник закрыл глаза, лицо его застыло. Когда он заговорил, голос зазвучал ровно и чисто, в нем не осталось и следа выговора лондонца среднего класса. Тембр и интонации тоже напрочь изменились.

Теперь в гостиной звучал голос самого Джона IV:

— Мой дорогой Дарси. Когда мы встречались в последний раз, вы пришли с оружием. Я бы не ожидал от человека с вашим достоинством нарушения прецедента. Дело не терпит отлагательств. Ждем вас как можно скорее.

Лорд Дарси подавил желание поклониться вестнику и сказать: «Слушаюсь, сир!» — в конце концов, вестник не более чем инструмент королевской воли.

Конечно, ему можно полностью доверять, иначе у него не было бы серебряного знака. Разумеется, даже

его обычное послание надо было выслушивать с должным почтением. Но когда он доставлял сообщение голосом Его Величества, даже он сам, вестник, не знал содержания послания. Он шептал себе ключевое заклинание, и сообщение королевским голосом выдавалось адресату. У вестника ни до, ни после этого события не оставалось о нем никаких воспоминаний. Он добровольно согласился на запись этого сообщения, добровольно согласился на его автоматическую выдачу с последующим столь же автоматическим стиранием. Ни один волшебник на Земле не мог бы извлечь из его мозга информацию после доставки, так как ее больше попросту не существовало.

Конечно, эту информацию можно было извлечь до встречи с адресатом, но только не из королевского вестника. Любая попытка извлечь сообщение из мозга вестника без должных на то полномочий приведет к немедленной смерти курьера. Впрочем, этот факт вестник осознавал и принимал как часть своего долга перед королем и Империей.

Умолкнув, королевский вестник открыл глаза:

— Все в порядке, ваше лордство?

— Отлично, дружище! Вы хороший кэбмен?

— Лучший в Лондоне, милорд. Хоть и не мне это говорить...

— Великолепно! Мы должны отправиться немедленно.

По дороге Дарси размышлял над посланием короля. Когда он спросил вестника, брать ли ему с собой оружие или нет, это был дежурный вопрос, который мог бы задать любой офицер службы охраны общественного порядка. Лорду Дарси и в голову не приходило, что ему предстоит личная аудиенция у Его Величества, и он спросил об оружии лишь исходя из интересов служебного долга. А теперь, задав этот простой вопрос, он обнаружил себя в рядах малочисленной группы людей, которым позволялось быть вооруженными в присутствии короля.

По традиции, в присутствии Его Величества разрешалось оставаться при оружии только Великим Лор-

дам государства, да и в этом случае речь шла лишь о шпагах.

Теперь же получалось, что лорд Дарси стал единственным человеком за всю историю Империи, у которого было королевское разрешение — больше, кстати, смахивающее на приказ — предстать перед Его Величеством вооруженным пистолетом. Это была уникальная честь, и Дарси прекрасно осознавал сей факт.

Но подобные мысли недолго занимали его, существенно более важной была сама причина вызова к королю. Почему Его Величество лично интересуется делом, которое — за исключением немногочисленных outre[1] деталей — представляется довольно обычным убийством? По крайней мере, на первый взгляд оно никак не связано с государственными делами. Хотя...

И тут Дарси хлопнул себя ладонью по лбу. Дурак, сказал он себе. Болван! Слабоумный идиот! Конечно же — Шербур!.. Вот что бывает, когда позволяешь эмоциям брать над собой верх. Надо было не сокрушаться по поводу местонахождения мастера Шона, а проанализировать известные факты. И связь между ними стала бы очевидной и ясной, как Божий день!..

Теперь Дарси знал причину своего вызова к Его Величеству. И потому, когда кэб проехал в ворота Вестминстерского дворца и вооруженная охрана сразу узнала экипаж и кэбмена, лорд Дарси нисколько не удивился, обнаружив, что во внутреннем дворе его ждет офицер флота в форме командора. Скорее, его удивило бы теперь отсутствие подобного встречающего.

Командор открыл дверцу кэба и, когда пассажир вышел, произнес:

— Лорд Дарси? Я командор лорд Эшли. Ваш слуга, милорд!

— А я ваш, милорд, — ответил Дарси. — Кстати, ваше присутствие подтверждает подозрения.

— Подозрения? — командор удивился.

---

[1] Outre *(франц.)* — преступающий границы.

— Похоже, предполагают, что существует связь между убийством некоего Жоржа Барбура в Шербуре два дня назад и убийством мастера сэра Джеймса Цвинге вчера в Королевском управлении. По крайней мере, военно-морская разведка предполагает такую связь.

— Мы почти уверены, что эта связь существует, — сказал лорд Эшли. — Проходите. Прямо сейчас в «Приемной королевы Анетт» состоится совещание. В эту дверь, по коридору до лестницы и... Впрочем, я, по-видимому, напрасно стараюсь, милорд. Вы ведь знаете дворец?

— Я вменил себе в обязанность, милорд, изучить планы известных дворцов и замков Империи. «Приемная королевы Анетт», где в тысяча восемьсот девяносто первом году было пересмотрено и подписано Копенгагенское соглашение, находится прямо над молельней святого Эдуарда Исповедника, освященной в тысяча шестьсот тридцать третьем, во время правления Эдуарда Седьмого. К ней надо идти по этой лестнице, налево, по коридору через Гасконскую дверь, поворот направо, пятая дверь по правой стороне. Дверь легко узнаваема, потому что на ней все еще сохранился личный герб Анетт Фландрийской, супруги Гарольда Второго. — Дарси одарил лорда Эшли широкой улыбкой. — Но если ответить на вопрос, как вы его понимали, — нет, я никогда раньше не бывал в Вестминстерском дворце.

Командор улыбнулся тоже:

— И я не бывал. — Он засмеялся. — По правде говоря, я несколько ошарашен этим столь неожиданным взлетом в представители столь высокого общества... — Он спрятал улыбку. — В деле замешаны два человека, которых я никогда не встречал, — такое нередко случается в разведывательной работе, — и тут же то, что еще недавно казалось рядовым убийством, перерастает в дело государственной важности. — Он слегка понизил голос: — Сам Его Величество намерены участвовать в совещании.

Они поднялись по лестнице и свернули налево, к Гасконской двери.

— Можно мне узнать, милорд, — сказал Дарси, — есть ли у вас какая-нибудь версия?

— Насчет личности убийц?.. Разумеется, польские агенты. — Командор рассек воздух ладонью. — Но если вы имели в виду версию о том, кем именно могли быть эти агенты, то у меня ее нет. Ведь убийцей может оказаться, в принципе, кто угодно. Скажем, незаметному лавочнику, или ремесленнику, или еще кому-нибудь в таком же духе, обычному малозаметному человеку, его польские руководители однажды дают задание: «Отправляйся туда-то и туда-то. Там найдешь человека, которого зовут так-то и так-то. Убей его». Он выполняет приказ, а через час опять занимается своим повседневным делом. Он и жертва никогда не были знакомы. Нет никаких мотивов, могущих привести к убийце. Совершенно никаких зацепок...

Миновав Гасконскую дверь, они повернули направо.

— Надеюсь, — с улыбкой сказал Дарси, — что в целом корпус военно-морской разведки не разделяет вашего пессимизма.

— Думаю, разделяет, — слегка извиняющимся тоном произнес командор. — Если убийцу найдут, прекрасно, но это будет просто побочным результатом истинного дела. Вы понимаете?..

— Стало быть, флот полагает, что произошло нечто более опасное, нежели простое убийство?

Они остановились перед дверью с гербом, украшенным эмалью с позолотой.

— Разумеется, — сказал Эшли. — И король очень обеспокоен. Его Величество ознакомят вас с прочей информацией.

Он кивнул лорду Дарси и открыл дверь в «Приемную королевы Анетт».

Глава VIII

Лорд Дарси сразу узнал троих из сидящих за столом, хотя только одного из них он встречал раньше.

Лорд Бонтриомф, как и всегда, выглядел спокойным и любезным.

Прямой как жердь старик с серебристой бородой, пронзительными глазами и величественным узким носом не мог быть никем иным, кроме как сэром Лайоном Греем, хоть и был в обычном утреннем костюме, а не в официальном светло-голубом одеянии мастера-тауматурга.

Еще один из присутствующих обладал очень характерным лицом. На вид ему было около пятидесяти, но в его темных, вьющихся, слегка встрепанных волосах было совсем мало седых прядок, да и те требовали для своего обнаружения очень внимательного глаза. Лоб его был высоким и отвесным, придавая голове довольно импозантный вид; под густыми пышными бровями располагались глубоко посаженные глаза с тяжелыми веками; нос был таким же большим, как и у сэра Лайона, но не тонким и лезвиеподобным — он был широк и слегка свернут, как будто его по меньшей мере однажды сломали и позволили срастись без помощи целителя. Рот этого человека был широким и прямым, усы — густыми и кустистыми, по-кошачьи растопыренными во все стороны, причем конец каждого волоска загибался вверх. Густая борода была коротко подстрижена, но, подобно всей остальной растительности, украшавшей физиономию, заставляла вспомнить о проволоке.

При первом взгляде на него складывалось отталкивающее впечатление о безжалостности и дурных намерениях, и только следующий, более внимательный взгляд давал понять, что за безжалостностью прячутся мудрость и юмор. Это был человек огромной внутренней силы, способный контролировать ее и направлять на умное и правильное использование.

Лорд Дарси много слышал об этом человеке, и китель королевского синего цвета, изрядно сдобренный золотом, лишь чуть-чуть подсказал ему, что перед ним Питер де Валера́ ап Смит, лорд Верховный адмирал Императорского военно-морского флота, командующий объединенными флотами, рыцарь-командор Ордена Золотого Леопарда и глава штаба военно-морских операций.

Человек рядом с лордом Верховным адмиралом был примерно того же возраста, но его волосы были явно более седыми, а черты лица — настолько обычными, что в сравнении с адмиральскими делались незначительными. Лорд Дарси не узнал его, но на нем была форма флотского капитана, что предполагало его принадлежность к военно-морской разведке.

Когда командор Эшли представил тех, кто нуждался в представлении, все начальные идентификации лорда Дарси оказались безошибочными, включая и последнюю: на совещании присутствовал капитан Перси Смоллетт, глава корпуса военно-морской разведки флота.

Из всех троих флотских, заметил Дарси, лишь у лорда Верховного адмирала была его парадная шпага — лишь ему одному было дозволено носить оружие в присутствии короля. Дарси вдруг стало казаться, что все присутствующие смотрят на его правое бедро, хоть пистолет и был спрятан под утренним камзолом.

Не успели завершиться официальные представления, как открылась дверь в смежную комнату и вошел человек, одетый в ливрею мажордома королевского двора.

— Милорды и джентльмены! — объявил он.— Его Императорское Величество король!

Все шестеро вскочили. Когда король вошел в зал, они низко поклонились, не преклоняя, однако, колен. Таковы были тонкие требования придворного этикета. На Его Величестве была форма главнокомандующего имперским флотом. Если бы он был в полных регалиях или в обычной уличной одежде, коленопреклонение выглядело бы уместным. В армейской же или флотской форме он был *военным офицером* — конечно, офицером самого высшего звания, но все же офицером,— а ни один военный офицер не бывает настолько высок, чтобы преклонять пред ним колени.

— Милорды и джентльмены,— сказал Его Величество,— прошу сесть.

Джон IV, Милостью Божией Король и Император Англии, Франции, Шотландии, Ирландии, Новой Англии

и Новой Франции, Защитник Веры et cetera, был типичным представителем династии. Высокий, широкоплечий, голубоглазый, статный блондин, Джон Английский был прямым потомком Генриха II, первого Плантагенета, по линии внука Генриха, короля Артура. Как и его предшественники, король Джон IV обладал силой, способностями и мудростью, присущими старейшей правящей семье Европы. Ничем, кроме внешности, он не напоминал членов необузданной и непостоянной младшей ветви семьи — теперь, к счастью, угасшей, — происшедшей от младшего сына Генриха II, несчастного принца Джона Безземельного, умершего в изгнании за три года до смерти короля Ричарда Львиное Сердце, последовавшей в 1219 году.

Король сел во главе стола. Слева от него разместились лорд Верховный адмирал, капитан Смоллетт и лорд Бонтриомф, справа — сэр Лайон, командор лорд Эшли и лорд Дарси.

— Милорды и джентльмены! Я думаю, всем вам понятна причина, по которой мы здесь собрались. Однако для того, чтобы упорядочить факты в наших умах, я попрошу милорда Верховного адмирала рассказать, с чем мы в настоящее время столкнулись. Будьте добры, милорд!

— Слушаюсь, сир! — Голос Верховного адмирала, слегка дребезжащий баритон, даже будучи приглушенным, скорее предназначался для того, чтобы орать приказы с юта, чем вести тихую беседу в Вестминстерском дворце.

Верховный адмирал обвел присутствующих проницательным взглядом. Словно на карту посмотрел.

— Здесь замешано оружие, — сказал он напрямик. — То есть я называю это оружием, а сэр Лайон — нет. Но я простой моряк, а не волшебник. Все мы знаем, что возможности волшебства ограничены. Вот почему магия непригодна для военного дела: если волшебник воспользуется тауматургией, чтобы уничтожить вражеский корабль, ему придется прибегнуть к черной магии, а ни один нормальный волшебник этого не захочет. К

тому же черная магия не слишком эффективна. Польский флот пытался применить ее в тридцать девятом, но наши контрзаклинания свели ее действие на нет. Пока они пытались заставить свои заклинания работать, мы преспокойненько громили их корабли с помощью самой обычной артиллерии... Однако, насколько я понимаю, здесь *не* черная магия. — Он посмотрел на гроссмейстера. — Может быть, вы лучше объясните, сэр Лайон?

— Хорошо, милорд, — сказал Лайон Грей. — Думаю, я должен пояснить вам, что граница между тем, что мы называем «черной магией», и тем, что называем «белой магией», не так четко определена, как многие предполагают. Например, мы говорим, что занятие Искусством для исцеления — это белая магия, а использование заклятий для вызывания болезней и смерти — черная магия. Но могут спросить: разве лечение сломанной ноги маньяку-убийце, с тем чтобы он мог продолжать убивать, — это белая магия?.. Или наоборот: черная ли магия — проклясть того же маньяка, чтобы он умер и никого больше не убил? Ответ в обоих случаях — да. Это может быть доказано символогической математикой теории этики. Не буду вам надоедать уравнениями аналогий. Достаточно сказать, что в подобных, своего рода антагонистических, случаях теория этики вполне действенна. Достижения науки сведены в афоризм, который знает наизусть всякий ученик-тауматург: *«Черная магия — это в основном символизм и намерения».* — Сэр Лайон улыбнулся и сделал правой рукой жест допущения. — То же самое, конечно, и с белой магией, но остерегаться мы должны именно черной.

— Вполне понятно, — сказал капитан Смоллетт.

— Я не буду вдаваться в предмет дальше, — сказал сэр Лайон, — скажу только, что теория этики *позволяет* одному человеку вмешиваться в действия другого, если эти действия имеют целью разрушение. В результате мы изготовили... э-э... «оружие», о котором упомянул милорд Верховный адмирал. — Сэр

Лайон окинул взглядом присутствующих, останавливая глубоко посаженные сверкающие глаза на каждом по очереди. Затем нагнулся, вытащил из-под стола и поставил на полированную дубовую поверхность некий предмет. — Вот оно, милорды и джентльмены.

«Оно» оказалось конструкцией, выглядящей довольно-таки необычно. Основной ее частью был медный цилиндр восьми дюймов в диаметре и восемнадцати дюймов в длину. Цилиндр был установлен на маленьком треножнике, который удерживал его в горизонтальном положении на расстоянии четырех дюймов от крышки стола. С одной стороны цилиндр имел две рукоятки, так что его можно было наводить на цель, взявшись за рукоятки руками. С другого конца выступала конусообразная деталь — около трех дюймов в диаметре и десяти в длину. Свободный конец ее при длине в четыре дюйма расширялся до шести дюймов, создавая нечто похожее на раструб-дуло.

Лорд Бонтриомф улыбнулся:

— Эта пушка имеет очень странную форму, сэр Лайон.

Гроссмейстер ответил сухим смешком:

— Ваше лордство, разумеется, понимает, что это *не* пушка. Однако аналогия найдена весьма удачно. Конечно, я не имею возможности продемонстрировать его действие здесь, но принцип...

— Одну минутку, сэр Лайон, — мягко перебил гроссмейстера король.

— Сир? — Брови гроссмейстера взлетели кверху: он явно не ожидал реплики Его Величества.

— Может ли это устройство быть использовано против одного человека? — спросил король.

— Конечно, сир, — ответил Лайон Грей. — Но Ваше Величество должны понимать, что оно работает для препятствования только одному типу действий, а у нас нет условий, чтобы...

— Положитесь на меня, сэр волшебник, — сказал король. — Полагаю, у нас *есть* условия, о которых вы говорите. Вы можете использовать в качестве мишени лорда Дарси?

— Могу, сир,— сказал сэр Лайон, и глаза его снова блеснули.

— Отлично! — Король посмотрел на Дарси.— Вы согласитесь на маленький эксперимент с вашим непосредственным участием, милорд?

— Вашему Величеству стоит только приказать,— сказал Дарси.

— Очень хорошо! — Его Величество протянул правую руку.— Не будете ли вы так добры дать мне пистолет, который носите на бедре, милорд?

Казалось, сидящих за столом поразила бесшумная молния. Головы резко повернулись. Глаза в ошеломленном удивлении остановились на лице лорда Дарси. Верховный адмирал судорожно схватился за эфес своей парадной шпаги и на полдюйма вытащил ее из ножен.

Шок был очевидным. Кто-то *осмелился* явиться на личную аудиенцию к королю, будучи вооруженным пистолетом!

— Мир, мир, милорд адмирал! — сказал король.— Лорд Дарси явился при оружии по нашему желанию и соизволению. Ваш пистолет, лорд Дарси!

Дарси с невозмутимым видом произвел действие, которое привело бы в неописуемый ужас любого верноподданного человека в Империи. Он вытащил пистолет в присутствии Его Величества Джона IV Английского. Затем поднялся, перегнулся через стол и протянул королю пистолет — рукояткой вперед.

— Как приказали, Ваше Величество,— спокойно сказал он.

— Благодарю, милорд. Ого! Отличное оружие! Я всегда считал, что «макгрегор» сорокового калибра — лучший из существующих пистолетов. Вы готовы, гроссмейстер?

Сэр Лайон Грей осознал наконец намерения своего короля. Он улыбнулся и развернул блестящее металлическое устройство таким образом, что раструб оказался направленным точно на лорда Дарси.

— Я готов, сир!

Тем временем король разрядил «макгрегор», вытащив все семь патронов сорокового калибра и разложив их на столе перед собой. Пять пар глаз зачарованно следили за его действиями.

— Милорд,— сказал король, поднял голову.— Я попрошу вас не обращать внимания на манипуляции сэра Лайона.

— Слушаюсь, сир,— сказал Дарси.

— Отлично, милорд! — Взгляд Его Величества переместился вверх, упершись в стену напротив.— Вот что, милорд... Обратите-ка внимание на витраж в том окне. А конкретно на ту часть, которая изображает короля Артура, держащего свиток,— сцену, символизирующую основание древнейшего и благороднейшего Ордена Круглого Стола.

Лорд Дарси посмотрел в окно:

— Я вижу ту часть, о которой говорит Ваше Величество.

— Хорошо... Это окно, милорд, представляет из себя бесценное произведение искусства. Тем не менее оно чрезвычайно раздражает меня.

Дарси снова посмотрел на короля. Его Величество толкнул правой рукой незаряженный пистолет. Тот скользнул по полированной поверхности стола и остановился перед лордом Дарси. Затем король щелкнул пальцем, и тем же путем к Дарси прибыл один из семи патронов.

— Я повторяю, милорд,— сказал король,— это стекло мне надоело. Не соизволите ли вы пустить в него пулю?

— Как прикажете, сир! — сказал Дарси.

Если бы он не знал, что является субъектом научного эксперимента, последовавшая за этими словами сцена была бы самой унизительной в его карьере. Лишь потом он осознал, как задели бы его смешки любого из сидевших за столом. А для человека, умеющего великолепно контролировать свои эмоции, подобный взрыв негодования и вовсе оказался бы окончательным унижением. Однако никто не засмеялся, и лорд

Дарси впоследствии был очень благодарен присутствующим за такую сдержанность.

Задача была — проще некуда. Взять патрон, вложить его в барабан, защелкнуть барабан, прицелиться и выстрелить.

Лорд Дарси потянулся правой рукой за пистолетом, а левой — за патроном. Каким-то образом он умудрился неправильно взять пистолет — так, что тот оказался вверх рукояткой и дулом к нему. Да и пальцы левой руки почему-то не сумели сжать патрон, тот выскользнул и нахально покатился по столу. Дарси потянулся за ним, схватил, но патрон выскользнул снова. Тогда Дарси, разозлившись, прихлопнул патрон ладонью, как муху, и наконец-то поймал.

Но облегченно перевести дух не успел. Раздался громкий стук. Оказывается, сосредоточившись на патроне, Дарси предоставил пистолету возможность спокойненько вывалиться из правой руки.

Дарси стиснул зубы и зажал в левой руке капризный патрон. Затем решительно потянулся и снова поднял пистолет правой рукой. Неплохо!

Теперь нужно открыть барабан. Большой палец осторожно нащупал кнопку и нажал ее, но в этот момент остальные пальцы обрели полную самостоятельность. В результате пистолет оказался висящим на указательном пальце и принялся качаться вокруг скобы. Дарси сделал привычное движение, собираясь крутнуть пистолет вокруг пальца и поймать рукоятку. Пистолет крутиться не пожелал. Вместо этого он соскользнул с пальца и снова с нахальным стуком грохнулся о крышку стола.

Лорд Дарси глубоко вздохнул. Затем, не теряя спокойствия, потянулся и еще раз поднял пистолет. Теперь для открытия барабана он решил прибегнуть к помощи большого пальца левой руки. И, воплощая это решение в жизнь, снова уронил патрон.

Следующие несколько минут были откровенным кошмаром. Патрон настойчиво выскальзывал из пальцев, а когда Дарси все-таки удавалось схватить его,

тот напрочь отказывался отправляться в барабан. А как только начинало казаться, что патрон смирился с судьбой и правильно встал на свое место, тут же падал пистолет.

Дарси стиснул зубы так, что вокруг челюсти рельефно проступили мускулы. Теперь он работал руками медленно, аккуратно и осторожно. Терпение и труд все перетрут!.. Ему — после многих промахов, соскальзываний и падений — таки удалось загнать патрон и защелкнуть барабан.

Чувство облегчения от этого успеха было таким большим, что пальцы снова расслабились и пистолет опять оказался на столе. Окончательно разозлившись на себя, Дарси потянулся, схватил оружие, поднял его в направлении окна и...

Раздался грохот: проклятый пистолет выстрелил, выстрелил намного раньше, чем собирался это сделать лорд Дарси.

Король Артур и его исторический свиток остались в целости и сохранности: пуля ударилась о стену в двух футах от них, отбила приличный кусочек камня и срикошетила в потолок, где наконец и обрела покой в дубовой балке.

После бесконечно долгого молчания сэр Лайон Гандолфус Грей мягко проговорил:

— Поразительно! Ваше Величество, во всех предыдущих тестах никому еще не удавалось даже зарядить пистолет, не говоря уже о том, чтобы так близко подобраться к поражению мишени. Да, не много найдется столь дисциплинированных умов, особенно в рядах польского королевского флота.

Его Величество катнул по столу остальные шесть патронов:

— Перезарядите и спрячьте ваше оружие, милорд. И прошу вас, примите мои искренние извинения за все... э-э... неудобства, которые причинил вам этот эксперимент.

— Все в полном порядке, сир. Это был весьма поучительный опыт.

Дарси с легкостью сгреб все шесть патронов и без проблем зарядил свой «макгрегор»: хотя дуло устройства все еще смотрело в его направлении, руки сэра Лайона Грея больше не лежали на рукоятках.

— Поздравляю вас, милорд,— сказал король.— Все из присутствующих здесь, за исключением лорда Бонтриомфа и вас, уже наблюдали действие этого устройства. Как сказал сэр Лайон, вы первый, кому удалось зарядить оружие, находясь под действием его заклятия.— Он посмотрел на гроссмейстера.— У вас есть еще что-нибудь добавить, сэр волшебник?

— Нет, сир... Но, может быть, есть вопросы?

Лорд Бонтриомф поднял руку:

— Один вопрос, сэр Лайон!

— Прошу, милорд.

Бонтриомф показал на устройство:

— Этой штукой способен управлять каждый — любой неспециалист, я имею в виду,— или оператором может быть только волшебник?

Сэр Лайон улыбнулся:

— К счастью, милорд, устройством нельзя пользоваться без развитого Таланта. Однако способности мастера ему не требуются. С ним вполне может справиться ученик третьего курса.

— В таком случае, сэр Лайон,— сказал Дарси, отрезав все, что собирался добавить лорд Бонтриомф,— секрет этого прибора состоит из двух частей. Я прав?

— Милорд,— сказал сэр Лайон через мгновение,— отсутствие у вас Таланта — немалая потеря для гильдии магов. Как вы правильно определили, существуют две части заклинания. Первая — и самая важная — встроена сюда, в это устройство.— Он прикоснулся рукой к отливающему золотом медному инструменту.— Символизм, встроенный в эту... э-э... «штуку», как выразились вы, лорд Бонтриомф,— основа принципа ее работы. В медном цилиндре содержатся постоянные заклинания — мы называем их «начинка». Но само по себе устройство бесполезно. Его может использовать только волшебник, способный употребить должные заклинания

для его активации. Эти заклинания мы называем «программа». Вы следите за моей мыслью, милорд?

Бонтриомф, ухмыляясь, кивнул.

— Вы и лорд Дарси совместно ответили на мой вопрос,— сказал он.— Продолжайте, сэр Лайон.

— У меня все,— заметил гроссмейстер.— Продолжение за милордом Верховным адмиралом.

— Все вы, я думаю, поняли,— сказал Верховный адмирал, не дожидаясь, пока гроссмейстер сядет,— что может сделать с неприятельским кораблем это устройство, оказавшись в руках волшебника, знающего заклинания. Причем оно не мешает управлять кораблем — это, насколько я понимаю, оказалось бы черной магией,— но любая попытка зарядить пушки и выстрелить из них обернется неразберихой. Вы видели, что происходит, когда *один* человек пытается это сделать. Представьте, что произойдет *с командой*... Каждый не только путается в своей работе, он еще постоянно лезет под ноги другим. В общем, неразбериха и хаос! — Верховный адмирал сжал правую руку в кулак.— Я думаю, вы понимаете, милорды и джентльмены, что с этим устройством мы можем держать польский флот запертым в Балтике столько, сколько нужно. При условии, конечно, что *у нас* это устройство есть, а *у них* — нет. И в этом, сэры, корень проблемы. Секрет этого устройства ни в коем случае не должен попасть в руки поляков!

И в самом деле корень, подумал Дарси, подавляя улыбку удовлетворения. Король уже достал свою трубку и вовсю набивал ее. Дарси, Верховный адмирал и капитан Смоллетт тут же полезли за своими курительными принадлежностями.

Закуривая, Дарси смотрел на капитана Смоллетта. Он мог с точностью до слова предсказать, какой будет следующая реплика лорда Верховного адмирала.

— И тут мы сталкиваемся лицом к лицу с проблемой шпионажа,— сказал Верховный адмирал, выпустив изо рта облако дыма.— Капитан Смоллетт, будьте добры, познакомьте нас с подробностями.

— Слушаюсь, м'лорд! — Глава военно-морской разведки, в свою очередь, пару мгновений важно дымил трубкой. — Проблема чрезвычайно проста, м'лорды. Ответ сложен. Кто-то пытался продать секрет этого устройства полякам, понимаете?.. У нас в Шербуре сидел двойной агент. Звали его Барбур, Жорж Барбур. Не англофранцуз. Поляк. Делал для нас чертовски хорошую работу. Высокая благонадежность. — Смоллетт достал трубку изо рта и пыхнул чубуком воздух. — Несколько недель назад Барбур получил письмо — анонимное, неотслеживаемое, — сообщающее, что секрет устройства продается. Описание внешних данных и действия устройства были достаточно точными, понимаете, м'лорды?.. Очень хорошо. Барбур вышел на контакт со своим начальником, известным ему только под кличкой Зет, и запросил инструкций. Зет пришел ко мне, я отправился к милорду Верховному адмиралу. Посовещавшись втроем, мы решили устроить ловушку.

— Прошу прощения, капитан Смоллетт, — сказал Дарси, воспользовавшись крохотной паузой в рассказе.

— Конечно, м'лорд.

— Кто знал об этой ловушке, кроме вас, милорда Верховного адмирала и Зета?

— Никто, м'лорд, — твердо сказал капитан Смоллетт. — Абсолютно никто!

— Благодарю. Извините, что перебил, капитан.

— Ничего, м'лорд... в любом случае, — Смоллетт затянулся трубкой, — так или иначе, мы ее устроили. Барбур должен был продолжить контакт. За детали устройства запросили пять тысяч золотых соверенов.

И они того стоят, подумал Дарси. Один золотой соверен составляет пятьдесят серебряных соверенов, а на шиллинг — одну двенадцатую часть серебряного соверена — в забегаловке можно выпить чашку кофе. Это сколько же кофе можно купить на четверть миллиона серебряных соверенов!..

— Переговоры потребовали времени, — продолжал капитан Смоллетт. — Барбур не мог показаться слишком настойчивым. Выглядит подозрительно, да? Но так

или иначе, контакт продолжался. Барбур, вы должны понять, не работал через органы разведки в Шербуре. Только напрямик через Зета. Ему надо было быть осторожным в контактах с нами, понимаете? За ним следили польские агенты в Шербуре.— Капитан Смоллетт издал короткий лающий смешок.— В то время как мы следили за поляками, разумеется. Дьявольская работа! Мы не могли разрушить прикрытие Барбура — чертовски ценный человек, понимаете?.. За время контактов тот, кто пытался продать секрет, дважды приходил к Барбуру. Барбур его описал. Черные волосы, черная борода, черные усы, прямой нос, довольно длинный. Носил очки с синими стеклами, говорил хриплым шепчущим голосом с провансальским акцентом. Довольно высокий. Одет как процветающий торговец.

Дарси встретился глазами с Бонтриомфом, и оба следователя обменялись быстрыми ухмылками. Описание было таким, что ни одному из них не требовалось следующее утверждение капитана.

— Очевидно, маскарад,— сказал Смоллетт.

— Вопрос, капитан,— сказал Бонтриомф.

— Да, м'лорд?

— Этот тип дважды назначал свидание Барбуру. Если вы знали обо всем, почему не схватили его, когда он приходил на встречу?

— Не могли, м'лорд,— твердо сказал капитан Смоллетт.— Не разрушив прикрытие Барбуру. Слишком много польских агентов в Шербуре следило за Барбуром. Они знали, что у Барбура было дело с этим парнем — назвавшимся, кстати, добрым человеком Фицджином. Любая попытка схватить Фицджина потребовала бы и ареста Барбура, понимаете? Если бы мы этого не сделали, поляки догадались бы, что мы знаем о Барбуре. И даже если бы они не поняли, что он двойной агент, мы бы все равно потеряли возможность работать с ним. Он бы сразу стал бесполезным для польских спецслужб. Мы не могли на это пойти, понимаете?

— Вы могли проследить за этим Фицджином после встречи,— заметил Бонтриомф.

— Мы *следили,* м'лорд! — с некоторой резкостью сказал капитан.— Естественно. Оба раза.— Смоллетт с досадой нахмурился.— Я вынужден заметить, что, к несчастью, он оба раза ускользал от наших агентов.— Смоллетт глубоко вздохнул.— Наш добрый человек Фицджин, м'лорды и джентльмены, оказался совсем не дилетантом.— Смоллетт по очереди обвел суровым взглядом всех присутствующих.— Чертовски хитрый человек! Не знаю, подозревал ли он, что за ним следят, или нет. Но даже если он не подозревал о слежке со стороны имперских агентов, наверняка подозревал о поляках. Оба раза ему удалось уйти, и я не приношу извинений, м'лорды.

Капитан Смоллетт остановился, чтобы перевести дыхание, и тут же Верховный адмирал сказал, обращаясь на этот раз только к Его Величеству:

— С вашего позволения, сир, я обязан взять под защиту капитана Смоллетта. Ни один агент — или даже группа агентов — не сумеют достаточно долго следить за подозреваемым, если тому известно, что за ним следят, и он натренирован в технике освобождения от слежки.

— Я это знаю, милорд,— спокойно отозвался король Джон.— Продолжайте, пожалуйста, капитан Смоллетт.

— Слушаюсь, сир! — сказал капитан и прочистил горло.— Как я уже говорил, нам не удалось проследить за так называемым Фицджином. Но Барбур — с нашего согласия — расставил ловушку. Понимаете, он согласился, что информация, которой обладает Фицджин, стоит пять тысяч золотых соверенов. Он заявил Фицджину, что правительство Его Величества Казимира Польского согласно с этой ценой. *При условии...* — Капитан сделал неопределенный жест трубкой и снова прочистил горло.— *При условии...* хм-м... Фицджин должен доказать Барбуру, что является человеком, у которого есть доступ к секрету.— Смоллетт снова сунул трубку в рот и оглядел присутствующих.— Я думаю, вы следите, м'лорды,— проговорил он, зажав трубку зубами.— Фицджин не передаст информацию

без денег в руках. Но откуда польские агенты могут знать, что его секрет вообще чего-то стоит? — Капитан Смоллетт поднял палец.— *Так* наш двойной агент Барбур заявил Фицджину. Теперь Барбуру надо было рассказать для прикрытия историю своим польским начальникам. И он доложил им, что вышел на контакт с офицером имперского флота, желающим продать Польше схемы расположения кораблей Империи и Скандинавии в Северном море и на Балтике. Цена такой информации не превысила бы двухсот золотых соверенов.— Капитан Смоллетт развел руки в жесте неудовольствия.— Большей суммы они просто не стали бы платить, так как расположение флота можно быстро изменить. Тем не менее сама по себе такая информация полезна. Ясное дело, поляки согласились. Но они не заплатят, пока не получат информацию на руки. С другой стороны, Фицджин требовал сто золотых соверенов. Как доказательство, что с ним играют в честную игру. И тогда мы приняли следующее решение. Барбур должен притвориться, что деньги идут из Польши. Сказал, что, надеясь на добросовестность Фицджина, он даст ему сто соверенов. Затем добудет еще сорок девять сотен и заплатит их тогда, когда детали секрета будут доставлены. Проблема была в том, что Фицджин не назначил точного времени свидания. Умно с его стороны, не так ли? Держал Барбура в неизвестности. Понимаете, м'лорды?

— Я понимаю,— сказал Бонтриомф,— что Фицджин в результате должен был раскрыться за пять тысяч серебряных соверенов. Но он в ловушку не попал, не так ли? И ваша контора так и не заплатила ему сто золотых соверенов?

— Вы правы, м'лорд,— сказал капитан Смоллетт.— Сто золотых соверенов так и не были заплачены.— Он посмотрел на лорда Эшли.— Объясните, командор!

Лорд Эшли кивнул:

— Слушаюсь, сэр! — Он посмотрел на Дарси, затем на Бонтриомфа.— Я должен был доставить деньги Барбуру вчера утром. Когда я к нему явился, он был

уже мертв. Его зарезали за несколько минут до моего прихода.— Командор начал рассказывать о всех своих действиях после обнаружения тела, включая разговор с шефом Анри и адмиралом Бренкортом.

Лорд Бонтриомф слушал, не задавая вопросов, а когда рассказ командора завершился, Бонтриомф в недоуменном ожидании уставился на Верховного адмирала.

— Хм! — Лорд Верховный адмирал издал громкий смешок.— Да-а, милорды! Вы спрашиваете, где же тут связь, а связь такова... Сэр Джеймс Цвинге, мастер-тауматург и главный судебный маг города Лондона, был также главой нашей контрразведывательной сети, работающим под псевдонимом Зет.

Глава IX

— А теперь,— сказал лорд Дарси часом позже,— я готов арестовать убийцу сэра Джеймса Цвинге.

Милорд маркиз Лондонский даже не шевельнулся за своим столом. Лишь слегка сузившиеся глаза показывали, что он слышал сказанное главным следователем Нормандии.

Дарси и Бонтриомф вернулись в кабинет де Лондона сразу после того, как Его Величество отпустил собравшихся в Вестминстерском дворце. Последние указания короля все еще звучали в ушах Дарси:

«Так вы договорились, милорды? Наши гражданские следователи продолжат расследование этих убийств, как будто они никоим образом не связаны с военно-морским флотом. Просто разыскивают обычных убийц. Между убийством Барбура и убийством сэра Джеймса в глазах общественности не должно быть никакой связи. Тем временем корпус военно-морской разведки будет работать над проверкой остальных связей Барбура, а также изучит рапорты, которые двойной агент отправлял Зету и которые Зет передавал в Канцелярию в Лондоне. Эти рапорты могут содержать гораздо больше, чем мы думаем. И последнее. Требуется сделать все, чтобы агенты Его Величества Казимира

Польского оставались по меньшей мере в таких же потемках, в каких находимся мы».

На мгновение лорд Дарси подумал, что последний мрачный сарказм короля рассердил Верховного адмирала Питера де Валера ап Смита. Потом он понял, что шумный вздох, изданный лордом Верховным адмиралом, был результатом доблестной и небезуспешной попытки подавить приступ смеха.

«Ей-богу,— подумал Дарси,— я должен получше узнать этого старого пирата».

Когда Дарси и Бонтриомф вошли в кабинет, маркиз Лондонский сидел за столом и почитывал книжечку. Он взял тонкую золотую закладку, аккуратно пристроил ее между страницами, не спеша закрыл книгу и положил на стол.

— Доброе утро, милорды! — прогрохотал он, наклонив голову не более чем на одну восьмую дюйма.— Вам письмо, Дарси.— Он толкнул белый конверт по столу похожим на сардельку указательным пальцем.— Доставлено сюда сегодня утром специальным курьером.

— Благодарю,— вежливо пробормотал Дарси.

Взяв конверт, он сломал печать и прочитал три листа плотно исписанной бумаги. Затем, сложив листы, вернул их в конверт и улыбнулся:

— Весьма информативное письмо! Как вы, без сомнения, заметили по печати, милорд маркиз, оно от моего помощника, сэра Элиота Мередита. А теперь я готов арестовать убийцу мастера сэра Джеймса Цвинге.

— Неужели? — через некоторое время сказал маркиз.— Вы уже завершили дело? Без личного осмотра места преступления? Без допросов свидетелей? Невероятная проницательность — даже для вас, мой дорогой кузен.

— И это *вы* позволяете себе придираться к недостатку личного участия в расследовании,— мягко сказал Дарси, удобно располагаясь в красном кожаном кресле.— Что же касается моего свидетеля, то нет необходимости допрашивать его еще раз. Вся информация перед нами, остается лишь разложить ее по полочкам.

Маркиз уперся ладонями в стол, сделал четыре коротких вдоха и медленно выдохнул через нос:

— Ладно, давайте послушаем.

— Все очень просто. И настолько очевидно, что из-за этой очевидности возникает желание заглянуть немного поглубже. Смотрите: человек убит в закрытой и охраняемой заклинаниями комнате, в гостинице, где пруд пруди волшебников. Естественно, мы приходим к мысли, что тут не обошлось без участия черной магии. Очевидно, да?.. На самом деле, *слишком очевидно.* Все сделано так, чтобы именно этому мы и поверили.

— А как же развивались события на самом деле? — заинтересованно спросил маркиз.

— А на самом деле Цвинге был убит на глазах свидетелей, которых привели туда только для того, чтобы они показали потом, что комната была закрыта, — спокойно сказал Дарси.

Милорд маркиз прикрыл глаза:

— Понятно... вот в какую сторону дует ветер, а? — Он открыл глаза и посмотрел на лорда Бонтриомфа.

Тот спокойно и без выражения вернул взгляд.

— Продолжайте, лорд Дарси, — сказал маркиз. — Я бы хотел услышать все.

— Как вы уже поняли, дорогой кузен, — продолжил Дарси, — это мог сделать лишь Бонтриомф. Это он взломал дверь. Это он первым вошел в комнату. Это он приказал всем остальным свидетелям оставаться в коридоре. Затем он наклонился над лежащим без сознания сэром Джеймсом и, заслоняя свои руки своим же собственным телом, воткнул нож в сердце мастера Цвинге.

— А откуда он знал, что сэр Джеймс будет без сознания? А почему сэр Джеймс закричал? И какие у Бонтриомфа были мотивы? — Все три вопроса прозвучали неторопливо и почти без эмоций. — Полагаю, у вас есть объяснения.

— Естественно. Среди materia medica[1] специалиста по травам есть несколько средств, которые запросто

[1] Materia medica *(лат.)* — здесь: набор лекарственных трав.

вызовут потерю сознания и ко́му. Бонтриомф, зная, что сэр Джеймс вчера утром собирался запереться в своем номере, сумел подсыпать немного такого снадобья в его утренний кофе — для специалиста это совсем несложное дело. Дальше ему надо было просто подождать. Рано или поздно сэра Джеймса хватятся. Кто-нибудь начнет удивляться, почему он не пришел на заранее обусловленную встречу. Кто-то постучится в его комнату и обнаружит, что она заперта. Наконец, кто-нибудь попросит управляющего проверить, все ли в порядке. Когда управляющий обнаружит, что не может открыть дверь, он попросит официальной помощи. И тут, совершенно случайно, лорд Бонтриомф, главный следователь маркиза Лондонского, оказывается на месте происшествия. Он посылает за топором, а... — Лорд Дарси оставил фразу незаконченной и повернул руку ладонью вверх, как будто протягивал маркизу все дело на блюдце.

— Продолжайте! — В голосе маркиза прозвучала угроза.

— Крик объяснить легко,— сказал Дарси.— Сэр Джеймс потерял сознание не до конца. Он услышал стук мастера Шона. У них была назначена встреча, и сэр Джеймс знал, что за дверью мастер Шон. Придя в себя от стука, он позвал: «Мастер Шон! Помогите!» А затем снова провалился в забытье. Бонтриомф, разумеется, не мог знать, что такое произойдет, но для него это был подарок судьбы, хотя, в принципе, и не нужный для реализации его замысла. Даже если бы крика и не было, Шон все равно понял бы, что случилось нечто экстраординарное, и уведомил бы управляющего. И все пошло бы естественным путем.— Дарси сложил руки на груди, откинулся на спинку кресла, опустил подбородок и исподлобья посмотрел на рассерженного де Лондона.— Мотив тоже совершенно ясен. Ревность.

— Ха! — взорвался маркиз.— Вот тут-то вы и сели в лужу! До сих пор ваши рассуждения были неглупы, но мотивация — просто чушь... Женщина? Фи! Лорд

Бонтриомф иногда может подурачиться, но с женщинами он совсем не дурак. Я не зайду так далеко, чтобы утверждать, что нет женщины, которую лорд Бонтриомф не смог бы заполучить, если бы пожелал, но я скажу, что его ego таково, что он и не пожелает женщины, которая не желает его самого или предпочла ему другого. Он и пальцем не шевельнет из-за такой женщины, не говоря уже о том, чтобы пойти из-за нее на убийство.

— Согласен,— благодушно сказал Дарси.— Я и не имел в виду женщин. Да и не его ревность.

— А чью же?

— Вашу.

— Ха! Бессмыслица!

— Вовсе нет. Вы увлекаетесь выращиванием трав, милорд, это одна из самых сильных страстей в вашей жизни. Вы признанный специалист в этой области и гордитесь этим. Цвинге тоже был травником, хотя и не вашего направления. Но если у вас когда-нибудь и был в этой области соперник, так только мастер Джеймс Цвинге. Недавно сэру Джеймсу удалось вырастить польскую дьяволову траву — из семян, а не из черенков, как обычно. Вам такое не удалось. Будучи уязвленным до глубины души, вы попросили Бонтриомфа убрать конкурента. Тот — из лояльности — не мог вам отказать. Вот вам, милорд, способ, мотив и возможность удобного случая. Quod erat demonstrandum[1].

Маркиз повернул голову и гневно посмотрел на Бонтриомфа:

— Вы соучастник этого слабоумного дуракаваляния?

Бонтриомф мотнул головой:

— Конечно, нет, милорд! Но мне кажется, он явно взял нас за жабры.

— Фигляр! — Маркиз фыркнул и снова посмотрел на Дарси.— Отлично!.. Я не хуже вас понимаю, когда меня дурачат. Я сожалею об аресте мастера Шона,

[1] Quod erat demonstrandum *(лат.)*— что и требовалось доказать.

это было легкомысленное предприятие. И вы прекрасно понимаете, что у меня не больше желания отправиться в Тауэр самому, чем лишиться на любой продолжительный период времени услуг лорда Бонтриомфа. Вне этого здания он — мои глаза и уши. Я немедленно подпишу приказ об освобождении мастера Шона. И раз вам это дело поручил лично Его Величество, оплату вы получите из персональных королевских фондов.

— С сегодняшнего дня — без сомнения,— сказал Дарси.— Но остается вопрос о вчерашнем дне, включая переправу через Канал, билет на поезд и оплату кэба.

— Ладно,— проворчал маркиз.

Он подписал чек, налил на него расплавленного воска и придавил своей личной печатью. Все было проделано в абсолютном безмолвии. Затем он выдрал из кресла свое массивное тело.

— Лорд Бонтриомф, выдайте милорду кузену все, что ему причитается. Откройте сейф и возьмите деньги из фонда мелких расходов. Я пошел наверх, в комнату для растений.

Покидая кабинет, он разве что не хлопнул дверью.

Бонтриомф посмотрел на Дарси:

— Слушайте, неужели вы и в самом деле думаете?..

— Не будьте смешным, милорд! Я прекрасно знаю, что каждое слово вашего рассказа полностью соответствует истине. А маркиз так же прекрасно понимает, что я это знаю.

Лорд Дарси был не из тех, кто ошибается в подобных случаях. Как выяснилось, он и не ошибся: повествование лорда Бонтриомфа было верным и точным во всех деталях.

— Не пора ли нам в Тауэр? — спросил Дарси.

Бонтриомф достал пистолет из ящика своего стола.

— Секунду, милорд,— сказал он.— Однажды я раз и навсегда решил ни в коем случае не заниматься делом об убийстве без оружия в кармане... Кстати, вам не кажется, что нам следовало бы организовать вре-

менный штаб в гостинице Королевского управления? Так было бы проще поддерживать контакт друг с другом и с гражданскими следователями шефа Хеннели.

— Прекрасная мысль, — сказал Дарси. — И раз уж вы вспомнили о гражданских следователях... Со всех ли свидетелей сняты показания относительно вчерашнего?

— По возможности, милорд. Конечно, мы не могли опросить всех, но думаю, отчеты, имеющиеся у нас, достаточно полны.

— Хорошо. Возьмите их, пожалуйста, с собой. Я хотел бы просмотреть их по дороге в Тауэр. Вы готовы?

— Готов, милорд.

— Тогда вперед! — сказал лорд Дарси. — Пора освобождать мастера Шона из заточения.

Глава X

Покачиваясь на пружинных подвесках, служебный экипаж, принадлежащий лондонской страже, катился к гостинице Королевского управления. Шорох шин аккомпанировал цокоту копыт. Мастер-тауматург Шон О Лохлейн откинулся на спинку сиденья, прижимая к своему круглому брюшку саквояж, украшенный колдовскими символами.

— Эх, милорды! — сказал он двоим мужчинам, расположившимся на противоположном сиденье. — Какое, поистине, облегчение — оказаться снова свободным. Можете поверить, двадцать четыре часа в Тауэре не соответствуют моему представлению о хорошем времяпрепровождении. Не скажу, чтобы я возражал против возможности побыть немножко в одиночестве... Как известно, любой волшебник, который не устраивает себе ежегодную неделю размышлений, обнаруживает, что сила начинает покидать его. Но когда есть работа... — Он сделал паузу. — Милорд, надеюсь, своим освобождением я обязан не тому, что вы уже *расставили* в деле точки над «i»?

Дарси засмеялся:

— Не бойтесь, мой дорогой Шон! Вы не пропустили ничего интересного.

— Его лордство,— сказал Бонтриомф,— освободил вас, прибегнув к простому, но очень эффективному шантажу.

— *Контршантажу,* если угодно,— поправил Дарси.— Я просто доказал де Лондону, что лорда Бонтриомфа можно упечь за решетку на основании столь же бездоказательных данных, которыми маркиз руководствовался, сажая вас.

— Минуточку! — сказал Бонтриомф.— Данные не были *настолько* бездоказательными. Их было вполне достаточно — причем в обоих случаях,— чтобы дать разрешение на предварительное задержание с целью допроса.

— Разумеется,— согласился Дарси.— Но милорд маркиз и не пытался допрашивать мастера Шона. Он следовал букве закона больше, чем его духу. Причина происшедшего — в семейном соперничестве: у нас с маркизом похожие, хотя и не одинаковые, способности, а отсюда, в сущности, дружественный, но порой излишне эмоциональный антагонизм. Кузен не посмел бы арестовать обычного подданного Его Величества на основании подобных улик, если бы искренне не считал, что подозреваемый и в самом деле совершил преступление. Я бы выразился категоричнее: у него никогда и мысли не возникло бы так поступить.

— Рад слышать это,— сказал Бонтриомф,— потому что вы правы. Но порой ваше соперничество заходит слишком далеко. Обычно я стараюсь стоять в стороне, но...

— Позвольте мне поправить вас,— с улыбкой перебил Дарси.— Как раз обычно вы *не* стоите в стороне. Напротив, обычно вы полностью преданы милорду маркизу, обычно вы принимаете его сторону, заставляя меня переигрывать вас обоих — достаточно сложная задача, должен сказать. На этот раз, однако, вы почувствовали, что арест мастера Шона с целью вынудить меня взяться за расследование — явный перебор. Я от-

даю себе полный отчет, что, если бы *я* отправился в Тауэр, было бы совсем другое дело.

Бонтриомф задумчиво уставился в крышу экипажа.

— А ведь *это* мысль,— сказал он.

— Не думайте об этом слишком упорно, милорд,— сказал мастер Шон, и в его голосе прозвучала легкая угроза.

Бонтриомф резко опустил глаза и открыл рот, но что он хотел сказать, никто так и не узнал: экипаж остановился.

Возница открыл окошечко на крыше и проговорил:

— Королевское управление, милорды.

Лакей распахнул дверцу экипажа, и они вышли. Бонтриомф задержался и незаметно сунул в руку лакея пару монет.

— Подождите нас, Барни. Распорядитесь, чтобы позаботились о коляске и лошадях, а потом вы и Деннис посидите в пивной напротив. Мы можем отсутствовать довольно долго, так что не стесняйтесь, выпейте по паре кружек пива. Когда потребуется, я пришлю за вами.

— Хорошо, милорд,— тепло сказал Банри.— Спасибо!

Бонтриомф проследовал за лордом Дарси и мастером Шоном в гостиницу Королевского управления.

Дарси в одиночестве стоял в фойе, глядя через застекленные двери на толпу в вестибюле.

— А где мастер Шон? — спросил Бонтриомф.

— Внутри. Я послал его вперед. Видите, по меньшей мере дюжина доброжелателей и не меньше двух дюжин просто любопытных окружили Шона. Они поздравляют его с освобождением, утверждают, будто все время знали, что он невиновен, и пытаются вытрясти из него информацию об убийстве. Пока их внимание привлечено к мастеру Шону, мы с вами, милорд, тихо войдем и отправимся прямо на место преступления. Пошли?

Оказавшись в вестибюле, они и в самом деле остались незамеченными. На конвенции сегодня был День посетителей, и вокруг толпились люди, пришедшие

посмотреть выставку и самих волшебников. Дарси и Бонтриомф были просто еще двумя любителями поглазеть.

В одной из секций выставки ученик-тауматург демонстрировал двум мальчишкам детскую игрушку. Тут же стоял их гордый отец. Глаза ребят были круглыми от удивления и восхищения.

Игрушка представляла собой комплект, состоящий из шестидюймовой черной палочки с белым концом, пяти разноцветных шариков дюймового диаметра и пластины длиной в фут с шестью отверстиями — пять отверстий были окаймлены полосками тех же цветов, что и шарики, а шестое — белой.

— Вы видите, ребята,— говорил ученик-тауматург,— что шарики не в тех отверстиях. Цвета отверстий и шариков не совпадают. Цель игры — как раз в том, чтобы расположить шарики правильно. Вы передвигаете за раз один шарик. К примеру, этот.— Он направил палочку в сторону пластины, находящейся от него в нескольких футах.

Один из шариков плавно поднялся в воздух и перелетел в белое углубление. В освободившееся отверстие перелетел шарик соответствующего отверстию цвета. Процесс повторялся до тех пор, пока все шарики не оказались на своих местах.

— Видите? — сказал ученик-тауматург.— Теперь я снова перемешаю шарики и дам попробовать вам. Просто укажите белым концом палочки и представьте себе, какого цвета шарик должен взлететь. Потом, когда он уже будет в воздухе, представьте себе цвет отверстия, в которое он должен опуститься. Вот так. Именно так.

Дарси знал, что ученик-тауматург демонстрирует не просто игрушку. На самом деле это было тестирующее и обучающее устройство. С тем заклинанием, которое было на нем в настоящий момент, с этим фокусом справился бы любой и каждый. Заклинание было рассчитано на постепенное исчезновение в течение нескольких месяцев. К тому времени большинству де-

тей игрушка окончательно надоедала. Но если она попадала в руки ребенку с Талантом, его интерес, как правило, не исчезал. Более того, с помощью ритуала игры ребенок начинал чувствовать само заклинание. Если такое случалось, ребенок мог проделывать этот фокус и через год, тогда как его бесталанные друзья давно уже утрачивали власть над игрушкой. Исчезнувшее исходное заклинание к этому времени заменялось собственной упрощенной версией ребенка. К игре прилагался буклет, в котором обо всем рассказывалось родителям. Авторы буклета настаивали, чтобы ребенку — если он преуспел в сохранении работоспособности игрушки — были предложены дальнейшие тесты.

В другой секции священник в черном с белыми кружевами на воротничке и манжетах раздавал буклеты, описывающие новое здание, которое предлагалось возвести в Оксфорде с целью разместить в нем королевскую колдовскую лабораторию. Была выставлена и масштабная модель предлагаемой постройки.

Прямо перед собой Дарси и Бонтриомф увидели нечто казавшееся обыкновенным дверным проемом. В центре проема плавала призрачная табличка, голубые буквы гласили:

«ПОЖАЛУЙСТА, ПРОЙДИТЕ ЗДЕСЬ».

Когда они «прошли здесь», табличка исчезла, а они почувствовали некое подобие обдувшего их легкого ветерка. С противоположной стороны проема появилась другая табличка:

СПАСИБО!
Если вы осмотрите свою одежду, вы обнаружите,
что вся грязь и обрывки ниток исчезли.
Это предварительная модель,
пока устройство на стадии разработки.
В конечном итоге оно будет
в каждом доме.
Уэллс и Сыновья
«Магическая бытовая техника»

— Ничего техника,— сказал Бонтриомф.— Смотрите, даже ботинки блестят! — добавил он, когда они

прошли сквозь вторую табличку и она медленно растаяла в воздухе.

— Полезная,— согласился Дарси,— но совершенно непрактичная. Шон рассказывал, ее представляли еще на прошлой конвенции. Она хорошо рекламирует разработавшую ее компанию, но утверждение «будет в каждом доме» — совершеннейшая чушь. Слишком дорого, потому что минимум раз в неделю заклинание должно обновляться мастером-тауматургом... Да с сегодняшней толпой им просто повезет, если заклинания хватит хотя бы на день.

— Хм-м,— сказал Бонтриомф.— Тогда его ждет судьба устройства «Вид на Лондон с высоты птичьего полета», которое демонстрировалось ими же несколько лет назад.

— Что-то читал,— заметил Дарси.— Деталей не помню.

— Выглядело оно впечатляюще. Это был хрустальный шар около...— Бонтриомф вытянул перед собой руки, как будто держал воображаемый глобус,— ну, десяти дюймов в диаметре, на мой взгляд. Шар был установлен на подставке, и в него требовалось смотреть сверху. В результате появлялось странное ощущение, будто смотришь на Лондон с большой высоты, из точки прямо над Адмирал-Бэкингем-холлом, где была выставка. Можно было видеть гуляющих людей, движущиеся по улице экипажи, как будто вы сидите на шпиле собора и смотрите вниз. Магическое зеркало было подвешено футах в двухстах над зданием и передавало картинку в хрустальный шар с помощью психического отражения.

— Понимаю,— сказал Дарси.— А что с ним случилось? Я больше ничего о нем не слышал.

— Ну-у, им сразу же заинтересовалось военное ведомство. Представьте себе разведку, вооруженную магическим зеркалом, летающим над позициями противника. Представьте наблюдателя, который сидит в полной безопасности на своей территории и спокойненько наблюдает за тем, что делает противник... В общем-то,

колдуны военного ведомства все еще работают над ним, но пока так ничего и не добились. Во-первых, для работы требуются трое мастеров: один для левитации зеркала, другой для его активации и третий для поддержания активности приемного кристалла. Все трое должны быть специально натренированы и должны сработаться, как единый организм. Во-вторых, волшебники, управляющие зеркалом, должны находиться в пределах прямой видимости от него. В-третьих, плоскость поверхности зеркала все время должна быть перпендикулярна вертикальной оси хрустального шара. Не спрашивайте меня почему — я не волшебник и совершенно не разбираюсь в теории. В любом случае, пока что эта штука не стала практичной для передачи изображений на расстояние.

Они покинули вестибюль и вверх по лестнице двинулись к комнате покойного сэра Джеймса Цвинге.

— До сих пор,— сказал лорд Дарси,— кроме семафора и гелиографа, требующих для передачи сообщений цепочки видимых друг от друга башен, единственным практичным средством связи на большие расстояния у нас является телесон. А колдуны-математики так и не создали удовлетворительной теории, объясняющей работу этой системы... Ого! Вижу, ваши люди на посту!

Они дошли до вершины лестницы. В коридоре, прямо напротив двери в комнату, где было совершено убийство, стояли два одетых в черное стражника из службы охраны порядка.

— Доброе утро, Джефферс и Дюбуа,— сказал Бонтриомф, подходя к двери.

Стражники отсалютовали.

— Доброе утро, милорд,— сказал старший из них.

— Все в порядке? Никаких происшествий?

— Никаких, милорд. Тихо, как в могиле.

— Джефферс,— с улыбкой сказал Бонтриомф.— С вашим остроумием вы либо быстро подниметесь до мастера стражи, либо останетесь патрульным на всю жизнь.

— Мои амбиции невелики, милорд.— Джефферс сделал честное лицо.— Я всего лишь хочу стать сержантом стражи. Для этого достаточно быть дураком.

— Патрульный,— сказал Дарси с грустью.— Навсегда.— Он посмотрел на дверь.— Вижу, дыру уже успели заделать.

— Да, милорд,— отозвался Джефферс.— Они просто прибили панель поверх дыры. В остальном все нетронуто. Хотите заглянуть внутрь, милорды? — Он вытащил из сумки на поясе тяжелый медный ключ.— Это ключ сэра Джеймса. Вы можете открыть дверь, но гроссмейстер сэр Лайон наложил заклинание на саму комнату.

Дарси взял ключ, вставил его в длинную и широкую замочную скважину, повернул и открыл дверь. Они с Бонтриомфом остановились на пороге.

В дверях не было никакого материального барьера, ничего, что они могли бы увидеть или потрогать. И тем не менее барьер существовал. Дарси обнаружил вдруг, что у него нет ни малейшего желания входить в эту комнату. Как раз наоборот, он чувствовал отчетливое отвращение к ней; а единственным желанием было желание любой ценой избежать проникновения в нее. Не было там ничего, что могло бы заинтересовать его настолько, что он преодолел бы отвращение. Комната была табу. Смотреть в нее из коридора требовалось и хотелось — входить не требовалось и не хотелось.

Дарси окинул комнату взглядом.

Мастер сэр Джеймс Цвинге все еще лежал там, где упал. Благодаря консервирующему заклинанию он выглядел так, будто умер не более нескольких минут назад.

В коридоре раздались шаги. Дарси повернулся и увидел приближающегося мастера Шона.

— Извините, что задержался, милорды,— сказал волшебник и остановился на пороге.— Ну и что мы здесь имеем?.. Ага, отвращающее заклинание. Хм-м... И кстати, начитано мастером. Придется заняться. Увы, чтобы решить его, мне потребуется порядочно времени.

— Оно начитано самим гроссмейстером сэром Лайоном, — сказал Дарси.

— В таком случае проще позвать сэра Лайона, — сказал мастер Шон. — Не стоит терять время, пытаясь снять его самостоятельно.

— Простите, мастер-тауматург, — почтительно сказал стражник Джефферс. — Вы Шон О Лохлейн?

— Он самый.

Стражник достал из внутреннего кармана куртки конверт.

— Гроссмейстер, — сказал он, — приказал мне удостовериться и отдать это вам, когда вы придете.

Мастер Шон поставил на пол свой саквояж, взял конверт. Открыв его, вытащил единственный лист бумаги и внимательно прочитал.

— Ага! — сказал он, и его круглое ирландское лицо просияло. — Понятно! Гениально! Обязательно надо будет запомнить! — Он посмотрел на лорда Дарси, попрежнему улыбаясь. — Сэр Лайон оставил мне ключ к заклинанию. Он предвидел, что я окажусь здесь этим утром. Теперь, если вы подождете несколько минут...

Толстяк-ирландец встал на колени и открыл свой саквояж. Пошарив в саквояже, он извлек на свет палочку из золота и эбонита. Следом появились маленькая бронзовая чаша, железный треножник с шестидюймовыми ножками, два серебряных пузырька и кремневая зажигалка необычной конструкции.

Остальные почтительно отошли в сторону: не стоит отвлекать работающего мага.

Мастер Шон установил треножник на полу, прямо напротив открытой двери, и поставил на него бронзовую чашу. Затем положил в чашу несколько кусков древесного угля из саквояжа. Через две минуты угли уже светились красноватым светом. Шон бросил в чашу по большой щепотке порошка из каждого из двух пузырьков, и над маленькой жаровней поднялся плотный столб синевато-серого ароматного дыма. Бормоча что-то неслышное остальным, мастер Шон нарисовал палочкой в воздухе ряд символов. Затем аккуратно —

сложным и запутанным способом — согнул письмо сэра Лайона Грея. Когда письмо было должным образом сложено, он бросил его на угли и, едва оно запылало, нарисовал еще несколько символов, опять что-то бормоча.

— Прошу,— сказал он наконец.— Теперь можете войти, милорды.

Двое следователей тут же перешагнули через порог: их отвращение к этому поступку полностью исчезло. Мастер Шон достал из своего саквояжа маленькую бронзовую крышку и плотно закрыл жаровню.

— Пусть она постоит здесь, парни,— сказал он стражникам.— Через несколько минут остынет. Но пока смотрите, чтобы она ни в коем случае не упала.— И он присоединился к Дарси и Бонтриомфу.

Лорд Дарси закрыл дверь и внимательно ее осмотрел. Изнутри повреждения, оставленные топором лорда Бонтриомфа, были прекрасно видны. В остальном дверь не несла на себе ничего необычного. Быстрое, но тщательное обследование окон бесповоротно убедило Дарси в том, что Бонтриомф совершенно прав в своих выводах. Никаких секретных панелей, никаких потайных выходов. Окна плотно закрыты на шпингалеты, и нет никакого способа закрыть их снаружи без помощи черной магии.

Дарси с трудом отодвинул один из шпингалетов и попытался открыть окно. Распахиваясь наружу, оно ласково скрипнуло.

Дарси выглянул из окна. Окно выходило в маленький дворик, где, продолжая столовую гостиницы Королевского управления, стояли окруженные стульями несколько столиков.

Некоторые столики были заняты. Пять магов, три священника и епископ, сразу услышав, как открылось окно, с интересом смотрели вверх.

Лорд Дарси вытянул шею и тоже посмотрел вверх. В десяти футах над ним располагались окна следующего этажа. Дарси убрал голову и закрыл окно.

— Этим путем никто не выходил,— уверенно сказал он.— Обычному человеку для этого прежде всего

потребовалась бы веревка. Ему пришлось бы либо спуститься вниз на тридцать футов, либо на десять футов карабкаться вверх.

— Обычному человеку,— сказал Бонтриомф, делая ударение на первом слове.— Однако для мастера-тауматурга левитация представляет из себя не слишком сложный трюк.

— А что скажете вы, мастер Шон? — поинтересовался Дарси у коротышки-ирландца.

— В принципе, он мог бы выйти и здесь,— заметил тот.

— Кстати,— сказал Бонтриомф,— эти шпингалеты вполне могли быть задвинуты снаружи с помощью магии.

— Вполне могли быть задвинуты,— согласился мастер Шон.

Лорд Бонтриомф выжидающе посмотрел на лорда Дарси.

— Очень хорошо,— сказал с улыбкой Дарси и на некоторое время задумался.— Давайте разовьем эту версию до того, что геометры называют reductio ad absurdum[1]. Представим себе всю сцену. Что должно было произойти? — Он показал на тело, лежащее на полу.— Сэр Джеймс зарезан. Нашего убийцу-волшебника — простите за двусмысленность! — неотвратимо манит окно. Он открывает его. Затем встает на подоконник и выходит в воздух, прибегая к процессу левитации. Он закрывает окно и начинает накладывать заклинание, которое загоняет шпингалеты назад, в гнезда. Когда это проделано, он улетает — вверх или вниз, все равно.— Дарси посмотрел на мастера Шона.— Сколько времени это у него займет?

— Не меньше пяти-шести минут. Если ему вообще удастся... Дело в том, что левитация вызывает сильное психическое истощение, заклинание можно поддерживать лишь несколько минут. Вдобавок, параллельно

[1] Reductio ad absurdum *(лат.)* — доведение до нелепости.

с поддержанием первого заклинания вы заставляете его начитывать второе. Заклинание вроде того, что было начитано на эту комнату, милорд, мы называем *статическим.* Оно обусловливает *состояние* объекта. Но левитация и перемещение шпингалетов — это уже *кинетические* заклинания. Вам все время требуется поддерживать их действие. Поддержание двух кинетических заклинаний одновременно требует от вас неимоверной концентрации психики. Я бы и сам не сразу решился попытаться начитать запирающее окна заклинание, находясь в подвешенном состоянии на высоте в тридцать футов. А если бы спешил или меня отвлекали, то не решился бы и вовсе.

— И даже при условии, что это можно совершить, процесс займет не меньше пяти-шести минут,— сказал лорд Дарси.— Бонтриомф, не затруднит ли вас открыть другое окно? Мы его еще не проверяли.

Лондонский следователь вытащил шпингалет и толчком открыл окно. Послышался явственный скрип.

— Что вы видите? — спросил Дарси.

— Девять пар глаз, пялящихся на меня,— ответил лорд Бонтриомф.

— Именно, друзья мои, именно! Оба окна, когда их открывают, издают легкий скрип. Скрип хорошо слышен во дворике внизу. Вчера утром находящиеся во дворике хорошо слышали крик сэра Джеймса, но даже если бы сэр Джеймс совсем не закричал, когда его убивали, преступник не смог бы уйти через окно незамеченным. Я уже не говорю о том, чтобы пять-шесть минут провисеть в воздухе.

Лорд Бонтриомф закрыл окно.

— А что, если преступник был невидим? — спросил он, глядя на маленького ирландца.

— Эффект Тарнхелма? — спросил мастер Шон и засмеялся.— Милорд, что бы там ни воображали себе неспециалисты, эффект Тарнхелма очень непросто использовать на практике. К тому же «невидимость» — любительский и в корне неверный термин. Заклинания, использующие эффект Тарнхелма, по структуре

своей очень близки к заклинанию отвращения, с которым вы столкнулись у дверей этой комнаты. Если волшебник накладывает такое заклинание на себя, ваши глаза будут избегать прямого взгляда на него. Вы сами не будете это осознавать, но всякий раз будете смотреть в сторону от его фигуры. Он может стоять посреди толпы, и никто в дальнейшем не сможет сказать, что он там был, потому что никто его не видел. Даже уголком глаза.— Мастер Шон поднял палец.— Точно так же вы не увидели бы его, даже если бы он был с вами один на один. Вы бы никогда не посмотрели на волшебника, а заметив его краем глаза, посчитали, что это комод, или вешалка для шляп, или фонарный столб — что лучше всего подходило бы к обстоятельствам. Ваш мозг списал бы его на что-нибудь, что должно там находиться, на привычную и потому незаметную часть нормального фона.— Мастер Шон снова засмеялся.— Но по-настоящему невидимым он не будет. Вы вполне можете увидеть его, к примеру, в зеркале или любой другой отражающей поверхности. Просто потому, что заклинание не будет удерживать ваши глаза от взгляда на зеркало...

— Он мог бы начитать заклинание, отвращающее глаза от этого зеркала,— сказал Бонтриомф.— Мог ведь? Надеюсь, это статическое заклинание?

— Конечно,— сказал мастер Шон.— Он мог начитать отвращающее заклинание на все отражающие поверхности в окрестностях. Но ведь человеку надо смотреть на *что-то,* и даже неспециалисту такие обстоятельства показались бы подозрительными. А кроме того, любой маг даже с полуразвитым Талантом немедленно обнаружил бы его. Но даже предположив, что в подобной обстановке наш волшебник сумел представить себя невидимым, вспомните, что ему еще надо было сделать. Ему требовалось управиться сразу с тремя заклинаниями: он левитирует, делает себя «невидимым» и закрывает окно... Нет, милорды, так не бывает. Это попросту невозможно.

Дарси обежал глазами комнату.

— В таком случае подведем итог,— сказал он.— Убийца не мог покинуть комнату через окна — ни колдовским, ни обычным способами. Значит, мы...

— Минуточку! — воскликнул лорд Бонтриомф.

Глаза его расширились, он сделал останавливающее движение рукой и посмотрел на мастера Шона:

— А представьте себе, что все произошло совершенно иначе.— Он взглянул на мертвое тело.— Преступник убивает сэра Джеймса. Его жертва успевает крикнуть. Убийца знает, что вы находитесь за дверью. Он понимает, что не сможет скрыться через дверь. Окна тоже исключены — по тем причинам, которые вы только что привели. Что остается делать убийце?.. Ему остается использовать эффект Тарнхелма. Когда я врываюсь сюда с топором, я его не вижу. Я считаю, что комната пуста, есть только труп на полу. Я ведь не могу увидеть убийцу, не так ли?.. Тут он спокойно уходит через открытую дверь, и никто его не замечает.

Мастер Шон помотал головой:

— Нет, милорд. Вы бы его и в самом деле не заметили, это так. Но я заметил бы. И гроссмейстер сэр Лайон тоже. Мы оба смотрели внутрь через дыру в двери, и нам была видна вся комната, даже ванная, когда дверь в нее была открыта.

Лорд Бонтриомф посмотрел через открытую дверь в ванную:

— Не вся, глядите. Предположим, преступник лежал непосредственно в самой ванне. Вы бы его не увидели отсюда.

— Верно. Но я отчетливо помню, как вы заглянули прямо в ванну. Если бы в ней лежал волшебник, использующий эффект Тарнхелма, вы бы этого никогда не сделали.

Бонтриомф нахмурился:

— Да, я посмотрел. Вы правы. Хорошо, значит, такая возможность исключена. Его не было в комнате, и при нас он ее не покидал.— Бонтриомф посмотрел на лорда Дарси.— Что же остается?

— Пока мы не знаем, старина,— сказал Дарси.— Нам нужны дополнительные данные.— Он подошел к телу убитого и встал на колени, стараясь его не касаться.

Мастер Джеймс Цвинге был невысоким худым человеком с редеющими седыми волосами и такими же седыми бородкой и усами. Вместо форменного одеяния волшебника, которое ему полагалось, он был одет в опрятный и довольно дорогой штатский костюм. Как и сказал Бонтриомф, с первого взгляда заметить рану было довольно трудно. Она была едва в дюйм длиной, и, кроме того, кровь, залившая одежду мертвого мага, почти скрывала ее. Рядом с трупом, в луже крови, лежал нож с серебряным лезвием и черной рукоятью. Блестящее лезвие также было забрызгано кровью.

— Бонтриомф,— сказал Дарси.— Вы абсолютно уверены, что, когда вы проникли в комнату, кровь была еще свежей?

— Совершенно уверен,— сказал Бонтриомф.— Она была ярко-красной и все еще жидкой. И рана еще слегка кровоточила. Замечу, что хотя я и не хирург, но вовсе не дилетант, когда дело доходит до знаний об *этой* конкретной теме. Когда я впервые увидел тело, сэр Джеймс был мертв всего несколько минут.

Дарси кивнул:

— Похоже. Даже сейчас, благодаря консервирующему заклинанию, кровь еще кажется свежей.— Он показал на ключ, лежащий в нескольких футах от тела: — Это ваш ключ, милорд?

— Да,— сказал Бонтриомф.— Я положил его на то самое место, откуда взял ключ сэра Джеймса.

— И он по-прежнему там, куда вы его положили?

— Без сомнения.

Лорд Дарси на глаз прикинул расстояние между ключом и дверью.

— Четыре с половиной фута,— пробормотал он и поднялся с колен.— Дайте-ка мне ключ сэра Джеймса...

Бонтриомф без лишних вопросов выполнил его просьбу.

— Благодарю вас,— сказал Дарси.— Сейчас мы проведем маленький эксперимент.

— Эксперимент, милорд? — встрепенулся мастер Шон, и лицо его просветлело.

— Не для ваших способностей, мой дорогой Шон. Они потребуются в свое время.— Дарси подошел к двери и открыл ее, не обращая внимания на стражников, по-прежнему занимающих свой пост в коридоре. Потом посмотрел себе под ноги.— Мастер Шон! Не будете ли вы так добры убрать эту жаровню?

Коротышка-волшебник нагнулся и поднес руку к бронзовой чаше:

— Она еще горячая. Я поставлю ее на стол.— Он поднял треножник за одну из ножек и отнес в комнату.

— Не понимаю, чего вы хотите,— сказал Бонтриомф лорду Дарси.

— Полагаю, вы заметили щель между нижней кромкой двери и полом? — сказал Дарси.— А не случилось ли так, что преступник убил сэра Джеймса, вышел в коридор, запер комнату и попросту подсунул ключ под дверь?

Мастер Шон моргнул.

— Рядом со мной, стоящим около двери все это время? — воскликнул он.— Да это же абсурд, милорд!

— Когда мы исключили все невозможное,— спокойно сказал Дарси,— можем проверить и откровенно неправдоподобное.

Мастер Шон продолжал моргать с удивленным видом.

Лорд Дарси встал на колени и заглянул под дверь.

— Похоже, зазор несколько шире, чем кажется. И ковер не доходит до самой двери. Мастер Шон, будьте добры, закройте дверь.

Волшебник закрыл дверь, оставшись в комнате.

Дарси положил тяжелый медный ключ на пол и попытался пропихнуть его в щель.

— Вряд ли,— пробормотал он.— Ключ слишком толст. Конечно, его можно протолкнуть в эту щель,— он запихал ключ под дверь,— но потребовались бы

немалые усилия. Да и кромка ковра остановила бы его гораздо ближе к двери. — Он выдернул ключ назад. — Откройте, мастер Шон!

Дверь распахнулась.

— Смотрите, — сказал Дарси, продолжая оставаться на коленях, — какие царапины оставила моя попытка пропихнуть его под дверью. Нет, это было бы невозможно сделать, не оставив следов на полу и двери, не говоря уж... — Он вдруг замолк. — Что это? — произнес он, глядя на ковер.

— *Что — что?* — спросил Бонтриомф.

Дарси не ответил. Он внимательно разглядывал ковер. На ковре, примерно в восьми дюймах от его края, напротив той стороны дверного косяка, где не было петель, красовалось маленькое пятнышко.

— Можно попросить у вас увеличительное стекло, мастер Шон? — спросил Дарси, не поднимая головы.

— Конечно.

Мастер Шон подошел к столу, открыл свой саквояж, достал большую лупу на костяной ручке и протянул Дарси.

— Что вы нашли? — спросил он и тоже встал на колени.

И тут же увидел на ковре метку, которую продолжал внимательно изучать не отвечающий на вопросы Дарси. Метка выглядела как темное пятно, имеющее форму полукруга. Выпуклая сторона полукруга была обращена в сторону комнаты, а прямая-диаметр шла параллельно двери. Пятно было маленьким — примерно с половину ногтя большого пальца.

— Это кровь? — спросил мастер Шон.

— Трудно определить на темно-зеленом ковре, — сказал лорд Дарси. — Это вполне может быть кровь, но может оказаться и любое другое темное вещество. Что бы это ни было, оно впиталось в волокна ворса, хотя и не достигло подкладки. Очень интересно! — Он встал с колен.

— Можно мне? — спросил лорд Бонтриомф, протягивая руку за увеличительным стеклом.

— Разумеется. — Дарси отдал линзу, и настала очередь лондонского следователя преклонять колени.

— Мастер Шон, — сказал Дарси, — вы меня чрезвычайно обяжете, если сделаете тест на состав этого вещества. Я бы очень хотел знать, кровавое ли это пятно. И если да, то кровь ли это сэра Джеймса? — Он задумчиво прищурил глаза. — А заодно сделайте тщательную проверку и всех остальных пятен вокруг тела. Я хотел бы быть уверенным, что вся кровь принадлежит сэру Джеймсу.

— Хорошо, милорд. Вам требуются еще какие-нибудь тесты, кроме вышеназванного?

— Да!.. Первый: был ли на самом деле кто-либо посторонний в комнате, когда умер сэр Джеймс? Второй: если для убийства применялась черная магия, то каков ее характер?

— Я постараюсь удовлетворить ваш интерес, милорд, — сказал мастер Шон, и в голосе его прозвучало явное сомнение, — хотя это будет и нелегко.

Лорд Бонтриомф поднялся с колен и вернул мастеру Шону увеличительное стекло.

— А что тут трудного? — спросил он. — Я знаю, что такие тесты необычны, но я видел, как их проделывал ученик.

— Дорогой мой Бонтриомф, — проникновенно сказал Дарси, — вы не учитываете обстоятельств. Если, как мы с вами полагаем, убийство совершил маг, то он, скорее всего, был мастером. Он прекрасно знал, что в гостинице хоть пруд пруди таких же мастеров, и принял все меры предосторожности, чтобы скрыть следы и утаить свою личность. Это должны быть меры, о которых нормальный преступник никогда бы не подумал, а если бы и *подумал,* то не смог предпринять. Поскольку сэр Джеймс был убит, скорее всего, вчера утром, у убийцы была целая предшествующая ночь для начитывания заклинаний. Можем ли мы рассчитывать, что мастер Шон в несколько минут разгадает то, над чем другой мастер имел возможность работать всю ночь. — Он сунул руку во внутренний карман

камзола и вытащил конверт, переданный ему де Лондоном. — Кроме того, у меня появились дополнительные данные о том, насколько умелы убийцы при сокрытии своих следов. Вот тут сегодняшнее утреннее сообщение от сэра Элиота Меридита, моего помощника. Это отчет о том, что он успел обнаружить по делу об убийстве Жоржа Барбура в Шербуре. Отчет содержит в себе две информации, кажущиеся совершенно несовместимыми друг с другом. — Дарси посмотрел на мастера Шона. — Дорогой мой Шон! Не сообщите ли вы мне свое профессиональное мнение об ученике-тауматурге, судебном маге шефа мастера шербурской стражи Анри Вера?

— О Джузеппе? — Мастер Шон поджал губы. — Компетентен, я бы сказал. Вполне компетентен. Он, конечно, не мастер, но...

— Вы можете себе представить, чтобы он мог что-нибудь напутать в тех двух тестах, которые я только что попросил провести вас?

— Мы все способны на ошибки, милорд, но... Нет. Я бы сказал, что при обычных обстоятельствах на результаты работы Джузеппе вполне можно положиться.

— При обычных обстоятельствах! Именно так!.. А если бы он столкнулся с махинациями мастера-тауматурга?

Шон О Лохлейн пожал плечами:

— В этом случае получение ошибочных результатов вполне возможно. Джузеппе — не того калибра волшебник, чтобы вывести на чистую воду мастера.

— Это может объяснить противоречивость данных, — сказал лорд Дарси. — Не стану утверждать, что произошло именно так, но подобная возможность существует.

— Прекрасно, — нетерпеливо сказал Бонтриомф. — Ну и *каковы же* эти противоречивые данные?

— Согласно официальному рапорту Джузеппе, в комнате Барбура, когда его убили, никого не было. Более того, в ней, кроме него, никого не было в течение нескольких последних часов.

— Очень хорошо,— сказал Бонтриомф.— И где же вы видите тут противоречие?

— Противоречивы результаты второго теста,— спокойно ответил Дарси.— Джузеппе не сумел обнаружить никаких следов черной магии. А если быть более точным, то и вообще никакого волшебства.

В наступившей тишине Дарси вернул конверт в карман.

Шон О Лохлейн вздохнул:

— Ну ладно, милорды, я займусь тестами. Но мне бы хотелось призвать на помощь еще одного волшебника. На тот случай...

— Нет! — резко сказал лорд Дарси.— Ни при каких обстоятельствах! Вы, мастер Шон, единственный в этом мире волшебник, которому я могу безоговорочно доверять.

Маленький ирландец повернулся и с глубоким вздохом посмотрел прямо в глаза Дарси.

— Милорд,— сказал он тихим, торжественным голосом,— нижайше хочу напомнить вам, что, хотя вы несомненно обладаете лучшим дедуктивным умом на всей Земле, мастером-тауматургом являюсь я.— Он сделал паузу.— Мы долгое время работали вместе, милорд. В течение многих лет я, используя тауматургию, находил вам улики, а вы получали эти улики и делали на их основе безупречные выводы. Вы не можете выполнять мою работу, милорд, а я — вашу. До сих пор, милорд, между нами существовало негласное соглашение, что я не пытаюсь лезть в вашу область, а вы не пытаетесь решать мои вопросы. Это соглашение отменено?

Некоторое время лорд Дарси молчал, собираясь с мыслями. Затем, тоном, очень похожим на тон маленького ирландца, произнес:

— Мастер Шон, я хотел бы принести вам свои глубочайшие извинения. Я знаток своего дела. Вы знаток волшебства и волшебников. Да будет так! Соглашение не отменялось и, надеюсь, никогда не будет отменено.— Он на миг замолк, потом, после глубокого

вдоха, продолжил своим обычным голосом: — Разумеется, дорогой Шон!.. Вы можете прибегнуть к любому виду консультации, который пожелаете.

Пока шла эта небольшая схватка между двумя друзьями, лорд Бонтриомф отвернулся, подошел к трупу и усиленно делал вид, будто изучает лежащее тело.

— Э-э-э... Милорд!..— Мастер Шон выглядел слегка ошеломленным. Он прочистил горло и сказал: — Милорд, я вовсе не собирался ни с кем консультироваться. Мне не нужен консультант, мне попросту нужен хороший помощник. С вашего разрешения, я хотел бы попросить помочь мне лорда Джона Кецаля. Он пока еще ученик, но хочет стать судебным магом, и опыт будет ему весьма полезен.

— Разумеется, мастер Шон. Думается, лучшего помощника вы и выбрать не могли. А теперь давайте посмотрим...— Он взглянул на тело.— Не хотелось бы без необходимости прикасаться к предметам, могущим оказаться уликами... Эти церемониальные ножи изготавливаются по единому образцу, не так ли?

— Да, милорд. Каждый волшебник должен собственноручно изготовить свой пентакль, но делаются они по единой технологии. Изготовление своих инструментов — одно из первых условий, которых обязан придерживаться начинающий. В нашем деле ни в коем случае нельзя использовать инструменты, изготовленные чужими руками. Именно процесс изготовления и настраивает инструмент на личность пользователя. Если можно так выразиться, они должны быть одинаковыми по конструкции, но разными по личности.

— Понимаю. Вы не разрешите мне посмотреть на ваш пентакль? Чтобы не трогать нож сэра Джеймса...

— Разумеется.— Мастер Шон достал из саквояжа нож и протянул лорду Дарси.— Смотрите, не порежьтесь — он острый, как бритва!

Дарси взялся за ониксовую рукоять и освободил нож от черных кожаных ножен. Блестящее лезвие в разрезе представляло собой равнобедренный треугольник.

Длина лезвия от ручки до острия составляла пять дюймов, ширина у рукояти — два дюйма. Дарси повернул нож и посмотрел на основание ручки.

— Тут ваша монограмма и символ. Полагаю, нож сэра Джеймса помечен таким же образом?

— Да, милорд.

— Не затруднит ли вас посмотреть на него и сказать мне, можете ли вы идентифицировать его как принадлежавший сэру Джеймсу?

— Милорд, я сразу же в этом убедился. Я видел этот нож много раз. Это нож сэра Джеймса.

— Отлично. В противном случае что бы он делал в этой комнате?

Дарси вложил смертоносное лезвие в ножны и вернул пентакль хозяину.

— Лезвие из чистого серебра, мастер Шон? — спросил лорд Бонтриомф.

— Да, милорд.

— Скажите мне, как вам удается содержать таким острым лезвие из такого мягкого металла?

Мастер Шон широко улыбнулся:

— Конечно, изготовить лезвие весьма непросто. Его приходится доводить полировальной пастой с помощью очень мягкой замши. Но ведь пентакль используется лишь как нож-символ, понимаете? Мы никогда не режем им ничего вещественного. Так что если хозяин аккуратен, точить нож не приходится.

— Но если вы никогда не режете им ничего вещественного,— сказал Бонтриомф,— зачем его вообще точить? Какая разница, острый он или тупой, как, скажем, нож для бумаги?

Мастер Шон с тоской посмотрел на лондонского следователя.

— Милорд,— сказал он с бесконечным терпением,— это символ острого ножа. У меня есть и другой — с тупым лезвием. Он представляет собой символ тупого ножа. Ваше лордство должны понять, что в большинстве случаев самым лучшим символом вещи является сама эта вещь.

Бонтриомф ухмыльнулся и поднял руку ладонью вверх:

— Виноват, мастер-тауматург. Примите мои извинения, но, пожалуйста, не читайте мне лекций по передовой теории символов. Я никогда не был способен ее понять.

— Вы хотите еще что-нибудь посмотреть, Бонтриомф? — резко спросил лорд Дарси.— Если нет, давайте удалимся и дадим мастеру Шону возможность заняться своей работой.— Он шагнул к двери.— Мы проинструктируем стражников, чтобы вас не беспокоили, Шон. Когда закончите, уведомите шефа-мастера стражи Хеннели Грейма, что мы хотели бы, чтобы вскрытие было произведено немедленно. И буду вам очень благодарен, если вы отправитесь в морг и лично проследите за работой хирурга.

— Разумеется, я позабочусь об этом. И представлю отчет в резиденцию милорда маркиза, как только это будет возможно.

— Отлично!.. Идемте, Бонтриомф, нас с вами тоже ждет работа.

Глава XI

Пока Бонтриомф инструктировал стражников, Дарси пересек коридор, подошел к двери напротив комнаты покойного сэра Джеймса и резко постучал в нее, прямо над замочной скважиной.

— Ваша светлость, в подобающем ли вы виде?

Послышался приглушенный шум, и дверь распахнулась.

— Лорд Дарси! — сказала вдовствующая герцогиня Камберлендская, сверкнув ослепительной улыбкой.— Вы испугали меня, милорд!

Дарси понизил голос так, чтобы стражники и Бонтриомф не смогли услышать:

— Есть старая умная поговорка о том, что люди, подслушивающие у замочных скважин, часто слышат вещи, которые их пугают.— Затем, понизив голос

до нормального разговорного тона, он сказал: — Я хотел бы переговорить с вашей светлостью тет-а-тет. На секундочку, если можно.

— Конечно, милорд.— Герцогиня отступила, чтобы впустить его в комнату, и закрыла за ним дверь.— В чем дело?

— Пара вопросов, Мэри. Мне нужна ваша помощь.

— Я думала, вы вернетесь в Шербур, как только вызволите мастера Шона из Тауэра.

— Обстоятельства изменились,— сказал Дарси.— Бонтриомф и я теперь вместе работаем над этим делом. Но сейчас я о другом... Когда вы рассказывали мне вчера вечером о дамозель Тии, вы забыли упомянуть о ее связи с сэром Томасом Лесо.

Синие глаза ее светлости расширились.

— Но... кроме того факта, что он был среди лиц, рекомендовавших ее кандидатуру для ученичества в гильдии, мне больше ничего не известно ни о какой связи. А что?

Дарси нахмурился:

— Или я ошибаюсь, или между ними существует значительно более глубокая связь. Сэр Томас любит эту девушку... Или думает, что любит. Он явно боится, что она может быть замешана в чем-то незаконном, в чем-то преступном,— и он боится признаться себе в такой возможности.

— Преступном? Вы имеете в виду черную магию или...— Мэри помедлила.— Или убийство сэра Джеймса?

— Не знаю. Это может быть или то, или другое, или и то и другое... А может, и нечто совершенно иное. Но меня интересуют не столько подозрения сэра Томаса, сколько поступки самой девушки. Меня интересуют ее поступки в прошлом и будущем, которые могут оказаться связанными с убийством. В то же время мне не хотелось бы, чтобы она знала, что ее подозревают. А потому я не хотел бы устраивать ей официальный допрос. Ее уже допрашивали сержанты стражи. Подвергнув дамозель Эйнциг еще какому-либо допро-

су, мы дадим ей понять, что проявляем к ее персоне дополнительный интерес. Сейчас она еще не знает, что ее видели выходящей из номера сэра Джеймса, и пока я не готов к тому, чтобы она об этом узнала.

— Значит, вы хотите, чтобы я устроила ей нечто вроде допроса? — сказала герцогиня, и глаза ее сверкнули от воодушевления.

— Именно! Я знаю вас, Мэри: вы в любом случае будете стараться удовлетворить свое любопытство.— Дарси улыбнулся.— Вы будете шнырять где только можно, и я бы, Мэри, хотел, чтобы действия такой проныры, как вы, были максимально скоординированы с моими действиями. Допросите ее, но не впрямую. Используйте обходные пути и вашу хитрость. Узнайте ее, завоюйте, если сумеете, ее доверие. Ведь не будет ничего подозрительного в том, что вы с нею начнете обсуждать убийство сэра Джеймса. Осмелюсь предположить, что в гостинице сейчас все только и делают, что обсуждают его.

Герцогиня засмеялась:

— Обсуждают его?! Разве вы не чувствуете психического напряжения, появившегося в этом здании?

— В некоторой степени чувствую, но, очевидно, не с той силой, что вы.

— Оно и в самом деле существует. За последние двадцать четыре часа было начитано столько защитных заклинаний, заряжено столько амулетов, сотворено столько чар и контрчар, что можно было бы разогнать целую фалангу Легионеров Ада.— Улыбка Мэри растворилась в озабоченности.— Дорогой мой, они не только говорят об этом, они еще и принимают меры. Гильдия встревожена гораздо сильнее, чем кажется со стороны. Рядом с нами появился черный маг, имеющий силу, достаточную для того, чтобы убить мастера такого ранга, как сэр Джеймс Цвинге. Этого факта хватает, чтобы вывести из себя мэтров, что же говорить о нас!.. Мы *должны* его найти, а контрзаклинания в гостинице замаскировали все следы злобы, которая должна была бы висеть над местом преступления, как

туман над трясиной. Все это постоянно держит нас взбудораженными.

— Не удивительно, — сказал Дарси. — Зато это позволяет вам в любое время начать разговор об убийстве, не вызвав ни малейших подозрений.

— Верно. Но есть еще один фактор, который мы не можем не учитывать. Очень скоро разнесется — если уже не разнесся — слух, что вы работаете над этим делом. Ни для кого не секрет и то, что мы с вами — друзья. Если дамозель Тии это известно, *она* может попробовать выкачать информацию *из меня.*

— Пусть попробует, Мэри, пусть. Выясните, какого рода информация ее интересует. Если она просто задаст вопросы, естественные при данных обстоятельствах, это одно. Если вопросы покажутся излишне назойливыми или несколько не по делу, это другое. Но не давайте ей никакой информации, кроме общеизвестной. Скажите ей, что я слишком сдержанный, скажите ей, что я невыносимо скучный, скажите, что я — настоящий зануда. Говорите ей обо мне любую чушь, пока она не поверит, что я с вами не делюсь новостями. И внимательно наблюдайте за нею, если, конечно, сумеете проделать это, не вызывая подозрений. Вы сделаете это для меня, Мэри?

— Приложу все мои старания, милорд!

— Отлично. Лорд Бонтриомф и я устроим временный штаб здесь, в гостинице. Там постоянно будет дежурить сержант. Если у вас появится для меня сообщение, скажите ему или оставьте на мое имя запечатанный конверт.

— Очень хорошо, — сказала ее светлость. — Я берусь за эту работу. Вы разнюхивайте свое, а я буду — свое.

Лорд Бонтриомф терпеливо ждал лорда Дарси в коридоре.

— Куда теперь? — спросил он.

— Вниз. Надо повидать генерального управляющего Луи Болмера. Заодно распорядимся насчет временного штаба.

Они двинулись по коридору.

— Вы сможете выделить трех хороших сержантов стражи? — спросил Дарси. — Чтобы у нас в штабе находился кто-нибудь все двадцать четыре часа в сутки.

— Это легко, — сказал Бонтриомф. — В штатском или в форме?

— Обязательно в форме! Все будут видеть, что здесь стражники, а стражники в форме отвлекут внимание от любых работников в гражданском, которых нам потребуется использовать.

— Верно. Я согласую это с шефом Хеннели.

Внизу, у регистрационной стойки, Дарси пожелал поговорить с Луи Болмером. Клерк тут же исчез, через минуту вернулся и сказал:

— Не будете ли вы так добры пройти в кабинет, милорды?

Клерк провел следователей в комнату, расположенную позади регистрационной стойки. Едва они вошли, Луи Болмер встал.

Генеральный управляющий выглядел осунувшимся. За исключением темных мешков под глазами, его лицо было бледным и каким-то желтоватым, как будто прозрачная кожа на его лице обтягивала сплошное сало. Улыбка его казалась искренней, но выглядела такой же усталой, как и все остальное.

— Добрый день, ваши лордства! — сказал генеральный управляющий. — Чем могу вам помочь?

Бонтриомф представил лорда Дарси, а затем объяснил, что им требуется помещение для временного штаба.

— Я думаю... да, у нас есть то, что вам нужно, — сказал управляющий после секундного раздумья. — Я предоставлю вам кабинет ночного управляющего. Он может разместиться вместе с дневным управляющим, если... ну... когда он вернется на работу. Я освобожу его стол и... ну... перенесу его вещи в другой кабинет. Его кабинет имеет приличные размеры — чуть меньше этого. Подойдет?

— Если можно, мы бы хотели на него посмотреть, — сказал Бонтриомф.

— Разумеется. Если ваши лордства пройдут за мной...

Генеральный управляющий провел их в коридор, соединяющий вестибюль с дальним крылом здания и начинающийся как раз от регистрационной стойки. По правой стороне коридора, всего в нескольких ярдах от вестибюля, располагались две двери. Дальше по коридору двери были с обеих сторон. Болмер открыл вторую из ближних дверей.

— Первая — в кабинет дневного управляющего,— пояснил он.

Следователи вошли в комнату размерами пятнадцать на пятнадцать футов.

— Вот это я и имел в виду, ваши лордства,— сказал Болмер.

— Мне нравится,— сказал Бонтриомф.— А что думаете вы, Дарси?

— Вполне удовлетворительно.— Лорд Дарси выглянул из комнаты.— Куда ведет этот коридор?

— Там служебные помещения, ваше лордство. Склады, мастерская по ремонту мебели, прачечная, комната сторожа и прочее в том же духе. Дверь в дальнем конце — черный ход. Она выходит в переулок Потсмоук, который является продолжением Верхней Суондхем-лейн.

— Дверь можно открыть снаружи?

— Только ключом. На ней стоит ночной замок. Каждый свободно может выйти, но, чтобы попасть обратно, нужен ключ.

— У меня идея,— сказал Бонтриомф.— Мы поставим у двери стражника, чтобы быть уверенными, что сюда не проникнет никто посторонний. Потом мы отопрем дверь. В результате стражники смогут приходить и уходить, когда потребуется, не топая через ваш вестибюль и не беспокоя гостей. Годится?

— Конечно, ваше лордство!

— Хорошо. Я пришлю сержанта заняться кабинетом.

— Прекрасно, ваше лордство. Я освобожу стол. Требуется от меня еще что-либо?

— Да,— сказал Дарси.— Меня интересует такая вещь. Вчера гостиница была закрыта для всех, кроме участников конвенции магов и целителей, не так ли?

— И их гостей, да. Внутрь пускали только тех, у кого имелись здесь служебные дела. Швейцару были даны четкие инструкции.

— Понятно. Ведется ли у вас какая-нибудь запись?

— Обязательно. У дверей всегда находится журнал регистрации. Не сегодня, конечно, так как сегодня День посетителей, но в обычное время — обязательно.

— Я хотел бы, если можно, посмотреть его,— сказал лорд Дарси.

— Разумеется, ваше лордство. Не вернуться ли нам в мой кабинет? Я покажу вам журнал регистрации.

Через минуту трое мужчин просматривали переплетенный в ткань журнал, лежащий на столе Болмера.

— Вот страница за среду,— сказал управляющий,— от полуночи до полуночи.

Дарси и Бонтриомф быстро пробежали глазами по четырем колонкам, озаглавленным: «Время прибытия», «Имя», «Цель визита» и «Время убытия».

Записей было не очень много. Первый посетитель появился в половине седьмого — агент Королевской почтовой службы доставил в гостиницу корреспонденцию. Ушел он в шесть тридцать пять. Без двенадцати минут девять прибыл командор лорд Эшли, указавший в качестве цели визита «официальное послание мастеру-тауматургу Шону О Лохлейну». Он убыл в девять пятьдесят пять. В две минуты десятого зарегистрировался лорд Бонтриомф, «по личному делу маркиза де Лондона». Время ухода указано не было. Следующую запись сделали в девять пятьдесят одну. Она гласила просто: «Шеф-мастер стражи Хеннели Грейм и четверо стражников, по делам Его Величества».

— Ничем эти записи нам не помогут,— сказал лорд Бонтриомф.— Впрочем, иного я и не ожидал.

Дарси ухмыльнулся:

— Интересно, а какого рода запись вы надеялись обнаружить?.. «Девять двадцать. Мастер-тауматург

Люцифер С.Вельзевул. Цель визита: убийство сэра Джеймса Цвинге. Время убытия: девять тридцать одна»... Такую, что ли?

— Она была бы полезной,— заметил Бонтриомф.

— Я вижу, ни у вас, ни у стражников не проставлено время убытия.— Дарси посмотрел на Болмера.— Почему так?

Управляющий подавил зевок:

— А? Что, ваше лордство?.. Время убытия? Знаете, входило и выходило столько стражников, что я просто дал указание швейцару позволять любому офицеру службы охраны порядка входить и выходить по собственному желанию.— Он подавил еще один зевок.— Извините меня!.. Недостаток сна. Мой ночной управляющий, смена которого длится с полуночи до девяти утра, не явился прошлой ночью на работу. Мне пришлось его замещать.

— Все в порядке,— сказал Дарси, по-прежнему глядя в журнал регистрации.

После полудня имелись еще записи, в основном приходили торговцы и промышленники, использующие волшебство и нанимающие магов для своих целей. Одна запись привлекла внимание лорда Дарси.

— Что это? — спросил он, постучав пальцем по странице.

Бонтриомф вслух прочитал запись:

— «Два пятьдесят четыре. Командор лорд Эшли. С официальным делом к управляющему Болмеру». Время ухода не указано.

— Э-э-э... Ну, ваши лордства... Пришли и ушли несколько флотских... Официальное дело.

— Официальное дело,— пробормотал Дарси.— О чем они хотели с вами поговорить?

— Не со мной... с... с Полом Николсом, моим ночным управляющим.

— О чем?

— Я... я не волен говорить, ваше лордство! Строгие инструкции из Адмиралтейства. Именем Его Величества.

— Понятно,— жестко сказал Дарси.— Благодарю вас, Болмер. Чуть позже к вам обратится сержант стражи и займется кабинетом для штаба... Пойдемте, Бонтриомф! — Он повернулся и покинул кабинет управляющего чуть ли не строевым шагом.

Лорд Бонтриомф последовал за ним. Проложив путь через толпу посетителей, они покинули вестибюль. Наконец Бонтриомф не выдержал:

— Кажется, я вижу в ваших глазах кровь?

Дарси фыркнул:

— Вы обнаружили ее чертовски вовремя. Как далеко отсюда Канцелярия Адмиралтейства?

— Десять минут пешего хода. Взяв коляску, можно управиться за три.

— Коляска,— сказал Дарси.

Лакей Барни стоял рядом с экипажем, который отогнали к обочине, в нескольких ярдах от парадной двери Королевского управления.

— Барни! — крикнул лорд Бонтриомф.— Где Деннис?

— Все еще в пивной, милорд,— сказал лакей.— Один момент, я его позову.

Он перебежал улицу и через тридцать секунд появился из пивной вместе с кучером.

— В Канцелярию Адмиралтейства! — приказал лорд Бонтриомф, когда Деннис взобрался на свое место.— Как можно быстрей!

Они с Дарси влезли в экипаж.

— Значит, у Смоллетта есть от нас секреты,— сказал Бонтриомф, когда коляска тронулась с места.

— Он знает что-то, чего не знаем мы,— отозвался Дарси.

— Имейте в виду, что приказ молчать был дан Болмеру вчера, еще до того, как король поручил нам совместное с разведкой расследование.

— Это верно,— сказал Дарси.— Но почему флот так переполошился из-за человека, который позже неожиданно исчез?.. И вы обратили внимание, Болмер

всем своим видом показывает, что не ждет возвращения ночного управляющего?.. Учитывая все эти факты, не кажется ли вам странным, что ни Смоллетт, ни Эшли даже не упомянули о них сегодня утром?

— Это кажется мне более чем странным,— заметил Бонтриомф.— Поэтому я и сказал: у Смоллетта от нас секреты... Как распределим обязанности? Вы его будете держать за руки, пока я буду ставить ему фонарь под глаз? Или наоборот?

— Ни так и ни этак,— сказал лорд Дарси.— Мы вместе возьмем его за грудки и как следует потрясем.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава XII

Лорд Бонтриомф почти не ошибся: меньше чем через четыре минуты они с Дарси покинули экипаж, остановившийся около громадного старинного здания, в котором размещалось Адмиралтейство. Они прошагали по ступеням и вошли через широкие двери в приемную, размерами смахивающую на вестибюль гостиницы. Они направились к окошку, над которым висела табличка «Справки», и тут лорд Дарси заметил знакомую фигуру.

— Вот он, наш голубок,— шепнул он Бонтриомфу и громко окликнул: — Командор Эшли!

Лорд Эшли обернулся на зов и, узнав их лордства, любезно улыбнулся:

— Добрый день, милорды! Могу ли я чем-нибудь вам помочь?

— Искренне надеюсь, что можете,— сказал Дарси.

Улыбка на лице командора канула в небытие.

— В чем проблемы? Что-нибудь случилось?

— Понятия не имею. Но хочу, чтобы вы мне кое-что объяснили... К примеру, почему флот так заинтересовался неким Полом Николсом, ночным управляющим Королевского управления?

Эшли озадаченно моргнул:

— Разве капитан Смоллетт вам не говорил?

— Разумеется, говорил! — сказал Бонтриомф.— Он нам обо всем говорил. Да вот память у нас отшибло, потому и спрашиваем!

Командор Эшли пропустил сарказм лондонского следователя мимо ушей. В глазах моряка появилась озабоченность. Наконец он принял решение:

— Эта информация должна исходить от капитана Смоллетта. Я провожу вас в его кабинет. Могу я сказать капитану, что вы пришли получить информацию прямо от него?

— Выходит,— сказал Дарси, сухо улыбнувшись,— капитан Смоллетт предпочитает, чтобы его подчиненные хранили молчание. Не так ли?

Ответная улыбка командора Эшли получилась слегка кривоватой:

— Я выполняю приказы. А для них есть достаточные основания. В конце концов, Военно-морской разведывательный корпус не имеет привычки выбалтывать имеющуюся у него информацию!

— Мне это хорошо известно,— сказал Дарси,— и я не предполагаю, что у разведки появилась такая привычка. Тем не менее инструкции Его Величества были, мне думается, достаточно четкими.

— Я уверен, что тут простой недосмотр со стороны капитана. Это дело взволновало весь разведывательный корпус, и руководство корпуса, как я уже говорил вам утром, не очень надеется, что убийцы будут найдены.

— А если честно, и не очень беспокоится об этом,— сказал Дарси.

— Я бы так не говорил, милорд... просто мы не считаем поиски наемных польских убийц своей работой. У нас нет нужной квалификации. Наша работа — это получение информации обо всем, чем занимается военно-морской флот Казимира, и противодействие разведывательной деятельности его служб. Ваши люди лучше обучены ловить убийц, и мы — совершенно правильно, на мой взгляд,— оставляем этот пирог вашему столу.

— Мы не можем съесть этот пирог, не имея достаточной информации о его начинке,— любезно сказал Дарси.— Потому мы сюда и пришли.

— Я не осведомлен о достаточности или недостаточности имеющейся у вас информации. Тем не менее пойдемте, я провожу вас к капитану Смоллетту.

Следователи прошагали за командором по коридору, поднялись на один пролет вверх по лестнице и миновали еще один коридор, ведущий в тылы Адмиралтейства. Младший офицер далеко не младшего возраста, сидевший в кабинете, куда они вошли, оторвал взгляд от стола. На двоих в штатском он даже не посмотрел.

— Слушаю, милорд командор,— сказал он.

— Не доложите ли вы капитану, что лорд Дарси и лорд Бонтриомф желают его повидать? Дело, с которым они явились, капитану известно.

— Слушаю, милорд командор,— сказал он.

Младший офицер встал, прошел в кабинет Смоллетта и через минуту вернулся.

— Капитан приветствует вас, милорды,— доложил он.— Капитан готов немедленно принять вас, всех троих.

«Есть три способа сделать дело,— подумал Дарси.— Способ правильный, способ неправильный и способ военно-морского флота».

Когда они вошли в кабинет, капитан Смоллетт стоял возле стола. В зубах его была крепко зажата трубка, обрамленная сединой лысина поблескивала в солнечном свете, струящемся из окна за его спиной.

— Добрый день, м'лорды! — рубанул он.— Не ожидал увидеть вас снова так скоро. Полагаю, у вас есть для меня какая-то информация?

— Я бы сказал, что это у вас есть для нас информация,— проговорил Дарси.

Брови капитана Смоллетта взлетели вверх. Как две вспугнутые чайки.

— Да?.. Боюсь, не много,— сказал он, не выпуская трубки из зубов.— С утра ничего нового не произошло. Потому я и предположил, что вы принесли свежую информацию.

— Мы пришли не за свежей информацией, капитан Смоллетт. Наоборот, теперь она может оказаться слишком устаревшей...

Чайки капитана вернулись на место, но взгляд стал еще более непонимающим.

— Вчера днем,— сказал Дарси,— в два пятьдесят четыре, ваш агент, командор лорд Эшли, вернулся в гостиницу Королевского управления. Кроме него, приходило и уходило еще несколько ваших людей. Генеральный управляющий Луи Болмер сказал, что у него есть строгие — именем Его Величества — инструкции от флота не разглашать информацию об этих посещениях. Он не имеет права давать объяснения никому, включая и должным образом уполномоченных офицеров службы охраны порядка, работающих по специальному приказу, дающему им возможность действовать от имени Его Величества.— Лорд Дарси слегка развел руками.— Я мог бы силой вырвать у Болмера эту информацию, но он действовал с добрыми намерениями, да у него и без того хватает проблем. Я понял, что вы можете предоставить мне всю информацию, которая есть у него, и еще много другой. Внизу мы встретили милорда командора, но он, несомненно, тоже ярый исполнитель приказов. И я сообразил, что не имеет смысла терять время в попытках извлечь из него то, что я вполне могу получить от вас.— Дарси изобразил на лице любезную улыбку.— Нам стало известно, что некий Пол Николс, ночной управляющий гостиницы, не явился в полночь на работу. Это, по-видимому, важно, но ваши агенты начали задавать о нем вопросы за десять часов до этого происшествия. Мы бы хотели знать причину такой любознательности. Я не спрашиваю, почему вы не предоставили нам эту информацию сегодня утром. Я лишь прошу вас дать ее нам теперь.

Несколько секунд капитан Смоллетт молчал, его серые глаза не мигая изучали лицо Дарси.

— Что ж,— сказал он наконец,— полагаю, я того заслужил. Надо было упомянуть о Николсе утром, согласен. Но дело в том, что это происшествие не подпадает под вашу юрисдикцию. Хотя для вас оно может выглядеть и иначе. Наши люди везде ищут Николса, но мы вряд ли сумеем доказать, что он совершил преступление.

— А что он, по вашему мнению, сделал?

— Он кое-что украл.— Смоллетт невесело улыбнулся.— Проблема — в отсутствии доказательств, что вещь, которую украл Николс, вообще существовала. Но даже если она существовала, мы не уверены в ее ценности.

— Сплошные загадки,— сказал Бонтриомф.— По крайней мере, для меня. Есть ли у этого кольца начало?

— Э-э-э... прошу прощения! Не собирался говорить загадками... Да, почему бы вам не присесть? Бренди там, на столе. Налейте им бренди, командор. Устраивайтесь поудобнее. Это довольно длинная история.

Капитан Смоллетт сел за стол, потянулся к стопке папок и достал из верхней конверт.

— Картина такова. Цвинге был занятым человеком. Ему надо было следить за уймой вещей. У обычного человека работа главного судебного мага города Лондона и так заняла бы все время.— Капитан посмотрел на Бонтриомфа.— Скажите честно, м'лорд. Вы когда-нибудь подозревали, что Цвинге работал на военно-морской разведывательный корпус?

— Никогда,— признался Бонтриомф.— Одному Богу известно, как тяжела была его работа. Он всегда был занят, он был одним из тех, кто считает, что спать ночью больше пяти часов — явный признак лени. Скажите мне, капитан, а милорд маркиз знал?

— Его не ставили в известность. Цвинге говорил о своих подозрениях, что м'лорду де Лондону известно о его работе на флот. Но если м'лорд маркиз и знал, он никогда не упоминал о своем знании.

— Он не стал бы,— сказал Бонтриомф.

— Разумеется. В любом случае, у Цвинге было чертовски много работы. В Европе происходят и более серьезные события, чем наше нынешнее дело, смею вас уверить. Тем не менее Цвинге чувствовал необходимость своего участия в конвенции магов и целителей. «Будет странно,— сказал он,— если я не стану участвовать. Ведь я здесь, в Лондоне...» И все такое прочее. Но, конечно же, он продолжал работать, даже на конвенции.

— Теперь мне понятно, зачем он начитал специальное заклинание на замок своей комнаты в гостинице, — сказал Дарси.

— Конечно-конечно, — согласился капитан Смоллетт. — Вчера утром он прислал мне с посыльным из гостиницы вот это письмо. — Капитан предал конверт лорду Дарси. — Заметьте, на нем стоит штамп «7.45».

Дарси осмотрел конверт снаружи. Письмо было адресовано капитану Перси Смоллетту и имело гриф «Лично». Дарси открыл конверт и извлек лист бумаги.

— Письмо зашифровано, — сказал он.

— Разумеется, — сказал Смоллетт.

Он вытащил из папки еще один листок и передал его Дарси:

— Вот расшифровка.

Лорд Дарси принялся читать сообщение вслух:

— «Сэр! У меня есть для вас специальный пакет, содержащий информацию чрезвычайной важности, которую я только что получил. В настоящее время я не могу покинуть гостинцу, но и не хочу доверять такую информацию обычному посыльному. Поэтому я запечатал конверт собственной печатью и передал управляющему гостиницы Полу Николсу. Он положил пакет в сейф и получил мои инструкции о передаче послания вашему курьеру».

Записка была подписана одной буквой — «Z».

Дарси вернул бумаги Смоллетту:

— Понятно, капитан... Ради Бога, продолжайте.

— Как я уже сказал, сообщение пришло в семь сорок пять. Конверт положили на мой стол вместе с остальной утренней почтой. Я появился здесь, в кабинете, лишь без нескольких минут десять. Почту просмотреть не успел, потому что тут же пришел командор Эшли и принес не только известие из Шербура о том, что убили Барбура, — это само по себе было достаточно неприятной новостью, — но и информацию об убийстве сэра Джеймса, случившемся всего полчаса назад. Так как теперь вы знаете о значении, которое мы придавали этому делу, вы поймете, что в течение следую-

щих нескольких часов я был чрезвычайно занят. Я получил возможность просмотреть почту лишь в начале третьего. Расшифровав письмо, я тут же послал присутствующего здесь Эшли забрать пакет.— Смоллетт посмотрел на командора.— Дальше рассказывайте вы, м'лорд. Я уверен, что лорд Дарси предпочитает получать факты по возможности из первых рук.

— Слушаюсь, сэр! — Командор повернулся к Дарси лицом.— Я отправился в гостиницу, где встретился с Луи Болмером и сказал ему, что сэр Джеймс оставил в сейфе пакет, адресованный капитану Смоллетту, с тем чтобы пакет был передан курьеру из Адмиралтейства. Болмер заявил, что ничего об этом не знает, и я сказал ему, что пакет был передан Полу Николсу. Тогда Болмер сообщил, что Николс не упоминал о пакете, когда в девять уходил с работы. Тем не менее Болмер согласился открыть сейф и передать мне пакет. Когда он открывал сейф, я стоял рядом с ним. Сейф был небольшим, и в нем мало что хранилось. Конечно, там не обнаружилось никакого пакета, адресованного капитану Смоллетту. Не оказалось даже следов того, что он в сейфе находился. Болмер клялся, что за день ни разу не открывал сейф, и оба конторских клерка его слова подтвердили. Кроме Болмера и его двух помощников — вечернего и ночного управляющих,— никто не знает комбинации, а защитное заклинание позволяет помощникам открывать сейф лишь во время их дежурства, то есть с трех дня до полуночи для вечернего управляющего и с полуночи до девяти утра для ночного.

Лорд Дарси кивнул:

—,Таким образом, все концы сходятся к Николсу. Только он мог вытащить пакет из сейфа.

— Я подумал точно так же,— сказал Эшли.— Естественно, я настоял на немедленном разговоре с Полом Николсом и поинтересовался его домашним адресом. Тут же выяснилось, что Николс живет в самой гостинице, занимает комнату на последнем этаже. Мы с Болмером поднялись наверх, и я постучался в дверь Николса. Ответа не последовало. Тогда Болмер открыл дверь

запасным ключом, и мы вошли. Николса в комнате не было. Его кровать оказалась застеленной и имела вид, явно говорящий о том, что на ней не спали. Болмер сказал, что это странно. Обычно Николс после работы отправляется перекусить, потом возвращается в гостиницу и спит часов до шести.

— Вы не выяснили, пользовался ли Николс услугами горничных? — спросил Дарси.

Командор кивнул:

— Пользовался. Николс часто уходил по вечерам, и прислуга имела указания убирать его комнату вечером, с половины восьмого до половины девятого. Я осмотрел комнату и проверил его вещи. Не похоже было, чтобы он занимался их упаковкой. Его чемодан, пустой, находился в шкафу. Болмер сказал, что, насколько ему известно, это единственный чемодан, принадлежащий Полу Николсу.

— Хорошо живется контрразведке! — со вздохом заметил Бонтриомф.— Если бы офицер службы охраны порядка попытался без ордера обыскать чью-нибудь комнату, он немедленно оказался бы в Королевском суде и был бы вынужден давать объяснения милорду Закону, как он дошел до жизни такой.

— Ну, я не то чтобы обыскивал комнату,— сказал Эшли.— Я просто осмотрелся.

— Итак,— сказал Дарси,— вы обнаружили, что Николса в комнате нет и, судя по всему, он не ложился, поскольку кровать была застелена еще предыдущим вечером.

— Совершенно верно. Я расспросил кое-кого из служащих гостиницы. Никто из них не видел Николса возвращающимся с завтрака — или, может быть, для него это был ужин,— так что я велел Болмеру никому ничего не говорить и сообщить нам, как только Николс появится. Затем я вернулся сюда и доложил обо всем капитану Смоллетту.

Лорд Дарси кивнул и перевел взгляд на капитана.

— С тех пор мы его ищем,— сказал Смоллетт.— Посылали людей в гостиницу, чтобы проверить, выйдет ли он в полночь на работу. Он не появился. И до сих пор о нем никаких вестей.

— Стало быть,— заметил Дарси,— вы подозреваете, что исчезновение пакета и исчезновение Николса взаимосвязаны?.. Я согласен с вами. Содержимое пакета было зашифровано, не так ли, капитан?

— Разумеется. И не простым кодом, каким была написана эта записка.— Смоллетт постучал ладонью по папке.— В серьезных случаях Цвинге всегда использовал обработанные заклинаниями спецбумагу и спецчернила. И если печать сломает человек, не имеющий на это полномочий, написанное исчезнет прежде, чем он успеет достать бумагу из конверта.

— В таком случае очевидно, что Николс не вскрывал пакет и не мог оценить важность содержащихся в нем документов.

— Очевидно,— согласился капитан Смоллетт.— Более того, сам Цвинге не был дураком. Он не передал бы пакет Полу Николсу, если бы не доверял ему. В общем, существует лишь один способ ознакомиться с содержимым пакета, на который начитано защитное заклинание. Надо отнести его к магу, достаточно умному и сильному, чтобы проанализировать и снять заклинание мастера сэра Джеймса Цвинге.

— Есть ли у вас какие-нибудь соображения, какого рода информация могла содержаться в исчезнувшем послании? — спросил лорд Дарси.

— Представления не имею. Она не могла быть слишком срочной, то есть требующей немедленных действий. В этом случае Цвинге, несмотря ни на что, доставил бы ее мне лично. Но, по-видимому, она оказалась достаточно важной, чтобы заставить агентуру Казимира пойти на убийство с целью заполучить ее.

— И какая же здесь, по вашему мнению, связь с убийством Барбура? И с новым секретным оружием флота?

Капитан насупился и несколько секунд усиленно пыхтел трубкой.

— Тут для предположений весьма шаткая почва. Очевидно, Барбур был раскрыт как двойной агент. Иначе бы его не убрали.

— Здесь я с вами согласен,— сказал Дарси.

— Очень хорошо. Что касается Фицджина и осведомленности поляков о проекторе хаоса, то тут могут быть несколько вариантов... Если, как мы надеемся, они ничего не знают об изобретении, то они ничего не знают и о Фицджине. Кроме совершенно лживых материалов, которые им передал Барбур. Тогда, узнав, что Барбур двойной агент, они просто убивают его и плюют на Фицджина. Информация о диспозиции флота не заслуживает больших беспокойств. Однако, боюсь, мы покажемся слишком большими оптимистами, если уверуем, что польское правительство не имеет никаких сведений о существовании проектора хаоса. Кажется более правдоподобным, что они только делают вид, будто не предпринимают усилий выяснить, что это за зверь и с чем его едят,— с целью внушить нам, будто они ничего не знают о Фицджине. Ведь если бы они о нем знали, они бы не стали убирать Барбура, пока не взяли в свои лапы Фицджина... С другой стороны, вполне может оказаться, что они уже заполучили секретную информацию и Фицджин нужен им, как собаке пятая нога.— Смоллетт пристукнул ладонью по столу.— И наконец, существует вероятность, что Фицджин сам был польским агентом, посланным с целью проверки Барбура. Когда они выяснили, что Барбур выдает информацию, в корне отличную от той, которую получает от Фицджина, они тут же подписали доброму человеку Жоржу смертный приговор.— Капитан Смоллетт развел руками.— К сожалению, все это не более чем домыслы. На настоящий момент нам крайне важно заполучить Пола Николса. Я бы предоставил вам информацию о нем еще утром, но, как я уже сказал, у нас нет формальных поводов к аресту Николса. Мы не сможем доказать, что пакет вообще существовал. Не говоря уже о том, что Николс украл его... Так на каких основаниях мы могли передать дело офицерам королевского правосудия?

— Дорогой мой капитан,— проникновенно сказал Дарси,— вы бы попытались изучить еще хоть что-ни-

будь, помимо адмиралтейских правил!.. Побег с места преступления — всегда достаточное основание, чтобы получить разрешение на задержание с целью допроса... А теперь вопрос, который всякий следователь задаст себе в первую очередь: куда отправился подозреваемый? В польское посольство?

Смоллетт помотал головой:

— Нет. За всеми входящими в польское посольство и выходящими оттуда ведется постоянное наблюдение. Двадцать четыре часа в сутки.

— Совершенно верно. Я это знаю. Поляки — тоже. Но штаб-квартира польской разведывательной сети находится в Сити. Где именно?

— Хотел бы я это знать,— сказал капитан.— Заплатил бы полугодовое жалование за такую информацию. У нас есть основания полагать, что в Лондоне работают минимум три сети. Каждая из них не известна другим, а если и известна, то лишь немногим избранным. Конечно, мы знаем некоторых агентов и следим за ними. В последние восемнадцать часов мои люди не спускали глаз со всех известных нам польских агентов. Ничего интересного... Но где расположены их штаб-квартиры, мы не знаем. Мне неловко признаваться в этом, но такова правда. И у нас нет никаких ниточек, никаких предположений, никаких следов.

— Остается единственный способ отыскать Николса,— сказал Дарси.— Придется прочесать Лондон, а это потребует немалого количества глаз и ног. Пусть ваши люди по-прежнему ищут его тайно, а лорд Бонтриомф и лондонские стражники будут искать в открытую, с целью допросить по поводу побега с места преступления.

Бонтриомф кивнул:

— Мы способны развернуть поиски в течение часа. Если будут какие-нибудь результаты, капитан, я немедленно дам вам знать.

— Очень хорошо, м'лорд.

— Надо ковать железо, пока горячо.— Бонтриомф встал.— Займусь организацией поисков немедленно. Если

вам потребуется контакт со мной, пошлите сообщение в Королевское управление. Мы организовали временный штаб, где все время будет дежурить сержант стражи. И я буду регулярно там появляться.

— Великолепно. Я очень благодарен вам, м'лорд.

— Встретимся позже, джентльмены. До свиданья.

Лорд Бонтриомф вышел из кабинета, весьма довольный, похоже, что ему есть наконец-то во что вцепиться зубами.

— Что касается меня, капитан,— сказал Дарси,— то я хотел бы попросить вас об одном одолжении. Речь пойдет, насколько я понимаю, о весьма щекотливом деле.

— О каком же?

— Мне бы хотелось взглянуть на ваши секретные документы, а особенно на донесения Жоржа Барбура, в которых упоминается о Фицджине и проекторе хаоса.

— М'лорд,— сказал капитан Смоллетт с ледяной улыбкой.— Любая разведывательная организация — и не без оснований — ревниво относится к своим делам. Наш корпус — не исключение. До сих пор интересующие вас документы проходили под грифом *«Совершенно секретно»*. О существовании Барбура в качестве двойного агента было известно лишь высшим должностным лицам Адмиралтейства... Впрочем, один раз вы уже преподали мне урок за сокрытие информации. Не хочу повторять ошибок. Вы и командор Эшли сможете ознакомиться с документами, имеющими отношение к происходящим в настоящее время событиям. А можно и мне попросить *вас* об одолжении?

— Разумеется, капитан. О каком?

— С вашего позволения, я хотел назначить командора лорда Эшли связным офицером между гражданским следствием и флотом. Если говорить более точно — между вами и мной. Командор знает флот, хорошо изучил работу разведки и немного осведомлен в расследованиях преступлений. Прежде чем его пере-

вели в корпус, он работал во флотском Си-Ай-Ди[1]. Его задачей будет помогать вам всеми возможными способами. Вы согласны, м'лорд?

— Конечно, капитан. Блестящая идея.

— В таком случае, командор, немедленно приступайте к выполнению!

— Слушаюсь, капитан! — Лорд Эшли улыбнулся лорду Дарси.— По возможности, милорд, я постараюсь не путаться у вас под ногами.

— Улажено! — Капитан Смоллетт встал.— А сейчас я принесу вам необходимые документы.

Мастер Шон О Лохлейн закрыл дверь и принялся осматривать место преступления. Затем он повернулся к стоящему рядом ученику лорду Джону Кецалю:

— Теперь вы понимаете, почему нам нужна осторожность? Мы еще не готовы снять с тела консервирующее заклинание, и потому придется следить, чтобы ни одно из заклинаний, которые мы будем использовать при работе, не вступило во взаимодействие с консервирующим. Понятно?

Джон Кецаль кивнул:

— Да, мастер. Полагаю, я понял.

Мастер Шон подарил ему улыбку:

— Я тоже так полагаю, юноша. Вы прекрасно справились с тестами на анализ крови.— Он сделал паузу.— Кстати, как вы думаете, сумели бы вы отработать эти тесты самостоятельно, если вам позволят их произвести?

Лорд Джон Кецаль искоса взглянул на маленького волшебника:

— Тесты на анализ крови?.. Да, мастер, думаю, сумею.

— Хорошо! — Мастер Шон удовлетворенно кивнул.— *Но,* — он предупреждающе поднял палец,— следующий тест будет посложнее. Тут мы сталкиваемся

---

[1] CID (Criminal Investigation Department) — отдел уголовного розыска.

с психическим шоком. Дело в том, что, когда человеку причиняют боль или когда он умирает, всегда наблюдается психический шок. Бывают, конечно, и исключения — если человек медленно угасает во сне или нечто в этом же роде... Но *здесь* мы имеем дело с явным насилием.

— Я понимаю,— сказал Джон Кецаль.

— Прекрасно. Теперь вам предстоит исполнить роль моего носильщика. Все компоненты разложены на столе. Я попрошу *вас* приготовить кадило, так как именно вам придется работать с ним.

— Хорошо, мастер,— сказал молодой мечиканский дворянин с легкой тревогой в голосе.

На столе возле двери стоял бронзовый горшочек, который мастер Шон достал из своего саквояжа. К горшочку была прикреплена связка цепочек фута в три длиной. Рядом лежали бронзовая крышечка с отверстием и железный треножник.

Лорд Кецаль открыл свой собственный саквояж, достал из него недостающие предметы и принялся готовить смесь для кадила. Ирландец внимательно, но с доброжелательностью следил за его манипуляциями.

Поставив бронзовый горшочек на железный треножник, лорд Кецаль зажег на дне горшочка несколько кусочков древесного угля. Затем, выстроив на столе батарею баночек и бутылочек, с помощью маленькой золотой ложечки он принялся накладывать в специальную золотую плошку различные ингредиенты. Перед добавлением в смесь очередного ингредиента он брал в руку золотую палочку и начитывал на него необходимое заклинание.

В плошку были положены ладан и ароматный бальзамин, самонил и шамбала, куркума и талезин, сандаловое дерево и кедр, а кроме них — еще четыре менее известных, но более сильнодействующих компонента. Компоненты добавлялись в строгом порядке, каждый со своим, строго индивидуальным заклинанием.

Закончив смешивание и начитав заключительное заклинание, ученик-тауматург поднял голову и посмотрел темными глазами на коротышку-мастера.

Шон О Лохлейн кивнул:

— Прекрасно сработано! — Он улыбнулся. — А теперь я бы хотел задать вам один вопрос... Знали ли вы, что делали? Не удивляйтесь, у меня привычка считать, что студенту вечно не хватает знаний. Я сам был когда-то студентом и хорошо помню, как мне не хватало знаний. К тому же, — он засмеялся, — лорд Дарси утверждает, что я очень люблю читать лекции. — Улыбка медленно сползла с физиономии ирландца. — Дело в том, что мы собираемся воспользоваться динамическим заклинанием, и изолироваться от него нам придется тоже с помощью динамического заклинания. А это значит, что, пока вы окуриваете комнату, я должен буду защищать тело. Вам это понятно, молодой человек?

— Да, мастер.

— Очень хорошо. Когда вы поместите приготовленную смесь в кадило, образуется дым, представляющий собой множество различного вида маленьких частиц. Благодаря заклинанию, которое вы начитали, эти частицы будут особым образом притягиваться и прилипать к стенам и мебели в этой комнате. Они образуют на поверхностях, которых коснутся, то, что мы называем голографическими матрицами. Каждый из различных видов частиц образует свою матрицу, зависящую от психического влияния, запечатленного на этих поверхностях. А анализируя эти матрицы в совокупности, мы сумеем конкретно определить это психическое влияние. — Мастер Шон сложил руки на груди и одарил мечиканца самой лучшей улыбкой, на которую был способен. — Да, молодой человек, вы принадлежите к тому типу студентов, который мне всегда нравился. Вы внимательно слушаете старого мастера, и вам не надоедает даже то, что многое вы уже и так знаете, потому что вас привлекает сам процесс получения информации.

Почти незаметная краска удовольствия залила темное лицо Джона Кецаля.

— Да, мастер Шон, — осторожно сказал он, — я изучал матричную теорию.

— Верно, матричную теорию вы изучали. Но вы достаточно умны, чтобы понимать: теория и практика отнюдь не одно и то же.— Ирландец удовлетворенно кивнул.— Из вас получится судебный маг. *Отличный* судебный маг.— Улыбка мастера Шона стала сдержанней.— У вас правильное отношение к делу, молодой человек. Посмотрим, есть ли у вас техника.— Он отвернулся от мечиканца и оглядел стены.— Если вы все сделаете правильно, лорд Джон Кецаль, на этих стенах появятся матрицы из частичек дыма. Заклинания, начитанные на разные компоненты, делают каждую матрицу вполне различимой, а комбинация этих заклинаний делает различимой комбинацию матриц. Человек без Таланта не увидит здесь ничего, кроме грязноватых стен. Мы с вами увидим матрицы, и я приложу все усилия, чтобы научить вас их истолковывать.— Он снова повернулся к ученику.— Готовы ли вы, мой мальчик?

Лорд Джон Кецаль сжал губы:

— Я готов, мастер.

— Ну что ж, приступим!

Мастер Шон достал из своего саквояжа два жезла, подошел к трупу, лежащему возле стола, и наклонился над ним.

— Я тоже готов, мой мальчик. Начинайте. Следите за своими заклинаниями.

Молодой мечиканец осторожно подул на угли в горшочке, пока они не засветились красно-оранжевым. Затем, пробормотав специальное заклинание, он вылил содержимое золотой плошки на горящие угли. Немедленно к потолку поднялось плотное облако белого ароматного дыма. Лорд Джон Кецаль быстро приладил к горшочку крышечку с отверстием и поднял кадило за цепочки. Его левая рука сжала концы цепочек, а правая качнула кадило. Он подошел к ближайшей стене и, раскачивая курительницу, двинулся вдоль стены, позволяя плотному дыму наплывать на ее поверхность.

Шаг за шагом он шел по комнате, ритмично раскачивая кадило и шевеля губами в такт движению, а

плотный дым клубился вдоль стен и поднимался к потолку, распространяя в воздухе тяжелый аромат.

Пока помощник производил окуривание, мастер Шон неподвижно стоял над телом, держа в каждой руке по длинному жезлу из сверкающего хрусталя. Руки его были широко раскинуты, создавая психический зонт, который должен был защитить труп от воздействия магического ритуала, творимого Джоном Кецалем.

Поза ирландского волшебника не казалась напряженной. Вокруг него сияла аура мощи, он вроде бы стал выше ростом, а его толстое неказистое туловище выглядело чуть ли не металлическим. Свет газового светильника играл в глубине хрустальных жезлов, разбрасывая по всей комнате сверкающие маленькие радуги.

Дым из курительницы клубами плыл по комнате, но явно избегал места, контролируемого мастером Шоном: словно невидимая сила не пускала крошечные ароматные частички в эту часть комнаты. Частички запросто достигали стен, мебели и потолка, легко прилипали к ним, но ни одна из них не посмела приблизиться к фигуре могущественного мастера-тауматурга.

Трижды молодой мечиканец обошел по кругу комнату, и весь воздух в ней — за исключением защищенного Шоном объема — стал мутно-синим от дыма.

Затем Джон Кецаль вернулся к столу, поставил дымящееся кадило на треножник, снял крышечку с отверстием и заменил ее цельной, тут же прервавшей выделение дыма и потушившей тлеющие угли. После этого ученик-тауматург достал из своего саквояжа серебряную палочку с утолщением на одном из концов. Взяв ее за тонкий конец, он повернулся к ближайшей стене и нарисовал в воздухе магические символы. То же самое он повторил и с остальными стенами.

Едва он это сделал, дым клубами устремился к стенам, и воздух быстро очистился.

Лорд Кецаль убрал палочку в саквояж и мягко сказал:

— Закончено, мастер.

Шон О Лохлейн оглядел комнату, опустил руки и убрал в свой саквояж хрустальные жезлы. Затем еще раз — внимательно — осмотрел комнату.

— Отличная работа, мой мальчик! — сказал он.— Воистину отличная работа. А теперь попробуйте мне рассказать, что здесь произошло.

Взгляд лорда Кецаля коснулся стен. Но к его глазам этот взгляд не имел никакого отношения. Человеку, не обладающему Талантом, глаза бы не помогли. Для такого человека матрицы, проявленные процедурой окуривания, были бы совершенно невидимы.

Джон Кецаль вполне мог их воспринимать, но ему еще не хватало тренировки, чтобы их истолковать.

Мастер Шон почувствовал его неуверенность.

— Вперед, мой мальчик,— сказал он.— Положитесь на интуицию. Попробуйте догадаться. Это единственный способ проверить свои ощущения и тем самым перейти от смутных предположений к полной уверенности.

— Ну...— осторожно начал Джон Кецаль.— Похоже на то, что...— Он замолк, затем сказал: — Да нет же, это смехотворно. Этого просто не может быть!

Мастер Шон раздраженно крякнул:

— Так не годится, юноша! Вы пытаетесь себя переубедить. Вы пытаетесь дать *логическое* толкование, не успев субъективно воспринять данные. Я спрашиваю вас снова. Как вам кажется, что здесь произошло?

Лорд Кецаль посмотрел еще раз. На сей раз он медленно повернулся на триста шестьдесят градусов, впитывая в себя любую мелочь в окружающей обстановке. Потом осторожно произнес:

— В комнате не было никого, кроме сэра Джеймса...— Он снова замолк.

— Верно,— сказал мастер Шон.— Совершенно верно. Продолжайте. Вы пока не сказали об одном выявленном нами парадоксе.

Судя по голосу, Джон Кецаль был слегка озадачен:

— Мастер, мне кажется, что сэра Джеймса Цвинге убили дважды. И между этими двумя убийствами прошло несколько минут. Возможно, полчаса...

Шон О Лохлейн улыбнулся и кивнул:

— Вот!.. Вы почти поняли, молодой человек. Думаю, результаты вскрытия наверняка подтвердят ваше предположение. Но вы не закончили анализа.— Он сделал широкий стремительный жест рукой.— Посмотрите внимательно. Здесь присутствуют две последовательно наложившиеся матрицы. Пока наш покойный коллега в одиночестве находился в комнате, с ним случилось два сильнейших психических шока. Вы верно указали: они были разделены во времени на полчаса. Все дело в том, что первый шок случился, когда сэра Джеймса *убили,* а второй — когда он *умер.*

Глава XIII

Широкие двери, что вели из вестибюля гостиницы Королевского управления в главный зал, были закрыты, но не заперты на замок. На дверях не висела табличка «Только для участников конвенции» — на собрании магов в таких табличках не возникало необходимости. На двери начитали такое заклинание, что ни у одного из простых посетителей, валом валивших на выставку в вестибюле, и мысли бы не возникло заглянуть в зал. А если бы такая мысль явилась кому-нибудь, она тут же — и бесследно! — убралась бы туда, откуда пришла.

Сэр Томас Лесо и вдовствующая герцогиня Камберлендская распахнули двери и вошли в зал. Сделав пару шагов, герцогиня остановилась и глубоко вздохнула.

— Неприятности, ваша светлость? — осведомился сэр Лесо.

— Боже правый, что за толпа! — воскликнула герцогиня.— Мне показалось, они выдышали весь свежий воздух в Лондоне!

Зал представлял собой картину, которая, по сравнению с вестибюлем, казалась идиллическим пейзажем. Помещение было почти того же размера, что и вестибюль, но людей здесь находилось в десять раз меньше.

А вместо калейдоскопического разнообразия расцветок, бушевавшего в вестибюле, костюмы присутствующих в зале были нескольких основных цветов. Доминировал бледно-голубой, присущий одеяниям магов. Встречались бело-черный целителей-священников и уж совсем редкий епископальный пурпур. Темные раввинские одеяния немногочисленных иудейских целителей были малоотличимы от одежд священников, но иногда глаз цеплялся за яркие пятна, указывающие на присутствие в зале небольшого количества *хакимов* — целителей, принадлежащих к свитам послов из исламских стран.

— День посетителей, — сказал сэр Томас, — это стихийное бедствие, с которым мы должны смириться, ваша светлость. Люди имеют право знать о деятельности гильдии — гильдия обязана информировать народ.

Мэри обратила взгляд сияющих синих глаз на лицо собеседника:

— Мой дорогой сэр Томас! В жизни есть много действий, которые обязано совершать человеческое существо, и многие из них совершенно необходимы. Но их необходимость вовсе не означает, что они обязательно доставляют удовольствие. Ну, а где же ваше обещанное восхитительное создание?

— Секундочку, ваша светлость, дайте осмотреться! — Сэр Томас, который дюйма на два был выше основной массы присутствующих, быстро произвел инспекторскую проверку. — Ага, вот она. Идемте, ваша светлость!

Вдовствующая герцогиня вслед за сэром Томасом пересекла зал.

Дамозель Тия была взята в окружение группой молодых и красивых учеников.

Мэри де Камберленд улыбнулась про себя. Было очевидно, что интерес молодых учеников к прелестной ученице был совершенно не связан с Искусством. Форменное одеяние, в которое была облачена дамозель Тия, было простого светло-голубого цвета и вовсе не предназначалось для обольщения, тем не менее...

И тут вдовствующая герцогиня заметила нечто ускользавшее раньше от ее внимания: дамозель Тия но-

сила герб, объявлявший ее ученицей его светлости Чарлза, архиепископа Йоркского.

Сейчас дамозель Тия показалась Мэри Камберлендской несколько выше, чем вчера, когда герцогиня увидела ее выходящей из комнаты сэра Джеймса. Впрочем, причина обнаружилась тут же. Тия носила туфли фасона, который родился в южной части Польской Германии и еще не был принят в центрах моды ни в самой Польше, ни в Империи. Туфли были очень похожи на обычные, только носок у них сходился в точку, а пятка поднималась над полом шпилькой дюйма в два с половиной.

«Боже правый,— подумала Мэри,— как может женщина ходить на таких высоченных каблуках и не портить себе ноги?»

А может, это какая-нибудь психологическая уловка, подумала она. Без этих каблуков дамозель Тия была крошечной девушкой — на целый дюйм ниже пяти футов и на целый фут ниже самой вдовствующей герцогини Камберлендской. Неужели она носит эти каблуки для того, чтобы хоть таким способом увеличить свой рост?

Нет, конечно, решила Мэри. У Тии слишком много самонадеянности и сознания собственных способностей, чтобы ей требовались фальшивые подпорки в виде этих маленьких ходуль. Она носит их лишь потому, что таков фасон, к которому она привыкла. Эти каблуки не более чем так называемый «национальный костюм».

— Простите,— сказал сэр Томас Лесо, прокладывая путь через толпу, окружавшую Тию.

Каждый из учеников трижды посмотрел на сэра Томаса.

Первый взгляд отмечал, что на нем нет стандартного голубого одеяния.

«Неужели зевака?»

Второй взгляд обнаруживал ленточки слева на груди, утверждавшие, что он доктор тауматургии и член Королевского колдовского общества.

«Нет, это не зевака».

Бросив третий взгляд, они узнавали в нем великого волшебника-теоретика, портрет которого становился известным каждому ученику уже к концу первой недели обучения.

В благоговении перед сэром Томасом молодые люди начали отступать от Тии.

Тия обнаружила, что количество симпатичных молодых магов, увивавшихся вокруг нее, стало резко уменьшаться, и подняла голову, чтобы выяснить причину их странного поведения. Мэри де Камберленд тут же заметила, что, когда Тия увидела рядом с собой высокую фигуру сэра Томаса, глаза ее загорелись, а на прелестном личике эльфа расцвела улыбка.

Ну и ну, подумала Мэри. Оказывается, чувства сэра Томаса вовсе не являются безответными. Она вспомнила, как лорд Дарси говорил: «Сэр Томас любит эту девушку. Или думает, что любит». Но лорд Дарси не был сенситивом, а герцогиня Камберлендская в некоторой степени была. Поэтому для нее здесь даже и вопроса не возникало.

Не успел сэр Томас и слова произнести, как дамозель Тия склонила голову:

— Добрый день, сэр Томас!

— Добрый день, Тия! Извините, что разогнал ваших ухажеров. — Он повернулся к герцогине. — Ваша светлость, позвольте представить вам дамозель Тию... Тия, я хотел бы познакомить тебя с моим другом Мэри, герцогиней Камберлендской.

Тия распахнула глаза и сделала реверанс:

— Для меня большая честь познакомиться с вашей светлостью.

Тут сэр Томас посмотрел на часы и сказал:

— Боже! Уже время собрания в Королевском колдовском обществе. — Он подарил обеим женщинам по виноватой улыбке. — Надеюсь, вы, леди, простите меня. Встретимся позже.

Приветливая улыбка Мэри де Камберленд была адресована Тии лишь частично. В глубине души этой улыбкой Мэри поздравляла самое себя. Лорд Дарси

обязательно оценит мои усилия, подумала она. Ведь это надо суметь — зная время начала собрания в ККО, завлечь сэра Томаса в зал в такой момент, чтобы после представления женщин друг другу ему пришлось бы сразу исчезнуть.

— Тия,— сказала она.— Вы пробовали наше английское пиво? Или наши французские вина?

Глаза девушки сверкнули.

— Ви́на — да, ваша светлость. Пиво еще не приходилось.— Тия помедлила.— Я слышала, оно сравнимо с немецким?

Ее светлость фыркнула:

— Дорогая моя Тия! Точно так же можно сказать, что кларет сравним с уксусом.— Она ухмыльнулась.— Давайте покинем этот торжественный конклав, и я с большим удовольствием представлю вас английскому пиву.

«Оружейная комната» Королевского управления была, как и вестибюль, битком набита посетителями.

В одной из ее кабинок вдовствующая герцогиня Камберлендская уверенно подняла холодную оловянную кружку.

— Тия! — сказала она задушевно.— Дорогая моя! В этом мире существует много напитков. Есть вина для гурманов, есть виски и бренди для мужчин, есть ликеры для женщин, а молоко и лимонад — для детей. Но если вам хочется хорошо, по-дружески выпить, в мире нет ничего, что могло бы сравниться с добрым английским пивом.

Тия подняла свою кружку и коснулась ею кружки Мэри.

— Ваша светлость,— сказала она,— после подобного представления я не позволю себе упустить такой шанс.

Единым махом она осушила половину кружки. Затем посмотрела на Мэри сверкающими эльфийскими глазками:

— Оно и *в самом деле* прекрасно, ваша светлость!

Мэри повторила подвиг собутыльницы, поставила кружку на стол и спросила:

— Лучше наших французских вин?

Тия рассмеялась:

— Конечно, ваша светлость. Много лучше! Мне так хотелось пить!

Мэри вернула Тии улыбку:

— Вы совершенно правы, моя дорогая. Вино — для вкуса, пиво — для жажды.

Тия снова отхлебнула из кружки:

— Знаете, ваша светлость, там, откуда я родом, для девушки моего круга было бы предосудительно даже сидеть в присутствии герцогини. Я уже не говорю о том, чтобы пить с нею пиво в баре.

— Чушь! — сказала Мэри.— Я ведь не пэр, я такой же простой человек, как и вы.

Тия с тихим смехом покачала головой:

— Какая разница, ваша светлость! Любой обладатель титула неизмеримо выше обычного человека вроде меня. По крайней мере, так считается в провинции Банат[1], представляющей собой всю Польскую Гегемонию, которую я видела. А потому, когда я слышу титул «герцогиня», я тут же вздрагиваю.

— Я заметила,— сказала Мэри.— И хочу обратить ваше внимание на то, что всякому желающему добиться положения в магии не мешало бы научиться управляться с символами, более важными, чем титулы.

— Я знаю,— мягко ответила девушка.— И очень стараюсь, ваша светлость.

— Уверена, вы достигнете многого, моя дорогая,— сказала герцогиня и тут же сменила тему: — Скажите, где вы изучали англо-французский? Вы прекрасно говорите.

— У меня жуткий акцент,— возразила Тия.

[1] Банат — в реальности историческая область на территории Румынии и Сербии.

— Вовсе нет! Если вы пожелаете узнать, как можно исковеркать язык, послушайте некоторых жителей Лондона. Кто бы вас ни учил, он сделал это на совесть.

— Меня учил дядя Нипелер, брат моего отца. Он торговец и провел часть своей юности в Анжу[1]. И сэр Томас мне очень помогает — он постоянно исправляет ошибки в моей речи и обучает меня принятым здесь манерам.

Герцогиня кивнула и улыбнулась:

— Кстати, о сэре Томасе... Надеюсь, его-то титул вас не пугает?

Глаза Тии снова заблестели:

— Пугаться сэра Томаса?! *О нет,* ваша светлость! Он так добр ко мне. Гораздо больше, чем я заслуживаю... Вообще все добры ко мне с тех пор, как я оказалась здесь. Все! Нигде больше не найдешь такого дружелюбия и такой доброты, как в государстве Его Величества короля Джона.

— Даже в Италии? — небрежно спросила вдовствующая герцогиня.

Тия помрачнела:

— В Италии меня хотели повесить!

— Повесить вас?! Господи, да за что же?

Помолчав немного, девушка сказала:

— Думаю, это не секрет. В Италии меня обвинили в занятиях черным искусством.

Вдовствующая герцогиня Камберлендская мрачно кивнула:

— Понятно. Продолжайте. Что произошло?

— Ваша светлость, я никогда не могла спокойно смотреть, как страдают люди. Наверное, это потому, что, когда я была еще ребенком, мои родители умерли у меня на глазах. Они умерли один за другим, в течение нескольких месяцев. Я так хотела, чтобы они оба жили, но ничего не могла сделать. Я была беспомощна. Все дети порой испытывают это ужасное чувство, чувство

[1] Анжу — в реальности историческая область на северо-западе Франции. Главный город — Анже.

беспомощности, но в таких условиях оно особенно тягостно.— Темные глаза девушки еще больше потемнели.

Мэри де Камберленд ничего не сказала, но сочувствие явно было написано на ее лице.

— Меня вырастил дядя Нипелер, добрый и удивительный человек. Понимаете, у него тоже есть Талант целителя, но он не развит.— Тия не сводила глаз со своей кружки, снова и снова проводя крошечным изящным пальчиком по ее краю.— У него не было возможности развить его. Он мог бы и вовсе не узнать, что обладает Талантом, если бы не прожил столько лет в Анжу, где эти вещи выясняют. Он обнаружил, что у меня тоже есть Талант, и научил всему, что знал,— к сожалению, он знал не очень много... в славянских государствах право человека стать целителем определяется его политическими связями и платежеспособностью. Так же, как и право пользоваться услугами обученного целителя. Дядя Нипелер является... *являлся*... торговцем, очень деловым человеком. Но он никогда не был богат, разве что по сравнению с сельскими жителями. Да и политически он всегда считался неблагонадежным из-за тех лет, что провел на территории Империи... Он использовал свой, пусть и неразвитый, Талант, чтобы помогать больным крестьянам. Они знали, что могут положиться на его помощь вне зависимости от того, каков их кошелек, и любили его за это. Он растил меня в тех же традициях, ваша светлость.— Тия сжала губы и отпила из кружки.— А потом... А потом... Офицеры гра...— Она замолкла и уткнулась носом в кружку.

Герцогиня молча ждала, не смея вымолвить ни единого слова.

— Я не хочу говорить об этом,— сказала Тия через некоторое время.— Я... Я убежала. В Италию. Там были больные люди. Люди, нуждавшиеся в помощи. Я помогала им, а они давали мне пищу и кров. Мне не нужны были деньги. Я ничего с них не брала, не подумайте. Бедные помогали мне в ответ на ту помощь, которую оказывала им я. За детей... Но невежды назвали это черной магией... Сначала в Беллуно. Потом в Милане. А затем и

в Турине. Каждый раз расползался слух, будто я занимаюсь черным искусством. И каждый раз мне приходилось бежать. В конце концов мне пришлось вообще покинуть Итальянские государства. Я пересекла границу Империи и отправилась в Гренобль. Думала, что там буду в безопасности. Думала, что смогу найти себе какую-нибудь работу, может быть, даже выучусь на горничную для леди — ведь это весьма достойная профессия. Но великий герцог Пьемонта[1] настиг меня своим доносом, и я была арестована стражниками. — Тия снова замолчала.

Мэри де Камберленд сочувственно покивала головой.

— Я была перепугана, — продолжала Тия. — Я не нарушила никаких законов Империи, но пьемонтцы требовали моей экстрадиции. Я предстала перед милордом маркизом Гренобльским. Милорд услышал мои мольбы и передал дело суду его светлости герцога де Дофине. Я боялась, что, едва услышав обвинения, меня сразу передадут властям Пьемонта. Зачем *кто-то* будет выслушивать *никого?*

— Королевское правосудие так не поступает, — сказала вдовствующая герцогиня.

— Теперь я это знаю, — сказала Тия, — убедилась... Я была отправлена на специальную церковную комиссию для обследования. — Она снова отпила из кружки и посмотрела Мэри де Камберленд прямо в глаза. — Комиссия оправдала меня. Я занималась магией без лицензии, это верно. Но они сказали, что с точки зрения закона это отнюдь не основание для экстрадиции. А сенситивы комиссии легко выяснили, что, занимаясь целительством, я не использовала черную магию. Однако они меня предупредили, что в Империи на практикование магии требуется лицензия. Отец Доминик, глава комиссии, сказал, что такой, как у меня, Талант обязательно надо развивать, и представил меня сэру Томасу, который читал лекции на семинаре для мастеров-тауматургов в Гренобле. А сэр Томас привез меня в Англию и

[1] Пьемонт — в реальности область на северо-западе Италии. Главный город — Турин.

представил его светлости архиепископу Йоркскому... Вы ведь знаете архиепископа, ваша светлость? Он святой, настоящий святой!

— Уверена, он был бы ошеломлен, услышав это, — с улыбкой сказала герцогиня, — но, строго между нами, я с вами согласна. Он великолепный сенситив. И, очевидно, — она взглянула на герб архиепископа на плече Тии, — решение его светлости было для вас благоприятным. Я бы даже сказала, весьма благоприятным.

Тия кивнула:

— Да. Именно по рекомендации его светлости меня взяли ученицей в гильдию.

Мэри де Камберленд ощущала ауру дурных предчувствий, завесой окружавшую девушку.

— Теперь, когда ваше будущее определилось, — тепло сказала она, — вам совершенно не о чем беспокоиться.

— Да, — сказала с легкой улыбкой Тия. — Да, совершенно не о чем беспокоиться.

Но глаза ее говорили обратное, а завеса тьмы и не собиралась рассеиваться.

В этот момент около стола появился официант и вежливо кашлянул:

— Прошу прощения, ваша светлость. — Он посмотрел на Тию. — Прошу прощения, дамозель. Вы ученица Тия... э-э-э.. Эйнциг? — Он слишком выделил концевое «г».

Тия улыбнулась ему:

— Да. А в чем дело?

— Дамозель, у стойки сидит мужчина. Он хочет поговорить с вами. Утверждает, что вы его знаете.

— В самом деле? — Тия не обернулась, чтобы посмотреть. Только подняла бровь. — Который?

Официант тоже не обернулся. И не повысил голоса:

— У стойки, дамозель, на третьем табурете справа. Торговец в лиловом жилете.

Тия небрежно взглянула в сторону стойки. Вдовствующая герцогиня последовала ее примеру.

На третьем табурете справа сидел смуглый мужчина со щетинистыми бровями, тяжелыми вислыми уса-

ми и глубоко посаженными глазами, которыми он, как хорек, так и стрелял по сторонам. Жилет на нем был странного покроя. «Стиль Дугласа» — явный признак того, что его хозяин с острова Мэн[1]. Больше, как известно, этот стиль нигде не признают.

И тут Тия, задыхаясь, произнесла:

— Я... я поговорю с ним. Вы простите меня, ваша светлость?

— Разумеется, моя дорогая. Официант, обратите внимание — наши кружки уже пусты.

Мэри наблюдала за тем, как Тия встала и подошла к стойке. Она хорошо видела лицо незнакомца и спину Тии, но в мешанине эмоций, наполнявших помещение, эмоции Тии выделить было невозможно. Слова незнакомца Мэри уловить тоже не сумела: его лицо казалось мертвым, губы едва шевелились, да и движения их почти скрывались густыми усами. Весь разговор продолжался менее двух минут. Потом незнакомец встал, поклонился Тие и быстро вышел.

Тия еще с полминуты оставалась у стойки, потом развернулась и направилась к кабинке, где ее ждала вдовствующая герцогиня. Выражение на ее лице можно было истолковать только как мрачную радость.

— Извините, ваша светлость, — сказал она. — Приятель. Мы с ним некоторое время не виделись.

Она села и подняла свою кружку. Потом вдруг сказала:

— Прошу прощения, ваша светлость. Который час?

Мэри посмотрела на часы:

— Двенадцать минут седьмого.

— О Боже! — воскликнула Тия. — Сэр Томас специально предупреждал меня, чтобы после шести я носила вечернее платье.

Мэри рассмеялась:

— И он, разумеется, прав. Нам обеим следовало бы уже переодеться.

Тия наклонилась к герцогине.

---

[1] Мэн — остров в Ирландском море.

— Ваша светлость,— сказал она доверительно.— Должна признаться, я не привыкла к анжуйскому стилю. Сэр Томас был настолько добр, что купил мне несколько вечерних платьев. Среди них есть одно, которое я еще не носила. Хотелось бы надеть его сегодня, но,— голос Тии стал совсем тихим,— я не знаю, как его надевать. Не будет ли ваша светлость столь добры, чтобы подняться ко мне и помочь мне с ним справиться?

— Разумеется, моя дорогая,— сказала Мэри, смеясь.— Но с одним условием!

— С каким, ваша светлость?

— Платье, которое должна надеть я, обычно требует целого батальона помощников. Иначе мне в него просто не облачиться. Как вы думаете, вы сможете заменить батальон?

Это было откровенное вранье. Герцогиня вполне могла обойтись и без посторонней помощи, но ведь лорд Дарси просил ее проследить за девушкой. И хотя теперь она уже не была уверена, что слежка все еще необходима, она решила придерживаться его указаний.

— Я попытаюсь.— Тия обаятельно улыбнулась.— Моя комната двумя этажами выше.

— Отлично! Сначала мы поднимемся на два этажа и облачим вас в ваш наряд, затем спустимся на этаж и разберемся с моим. После этого все присутствующие здесь волшебники будут валяться у наших ног.

Герцогиня подписала счет, поданный официантом, и две женщины покинули гостеприимное заведение.

Тия повернула ключ в замке, распахнула дверь и остановилась. На полу, прямо за дверью, лежал конверт. Тия подняла его и улыбнулась герцогине:

— Извините, ваша светлость! Платье, о котором я говорила, висит в шкафу, вон там. Я бы хотела, чтобы ваша светлость высказала о нем свое мнение. Оно синего цвета.

Мэри подошла к шкафу, открыла дверцу и посмотрела на шеренгу нарядов. Но прежде чем она ус-

пела хоть что-нибудь сказать, сзади раздался голос Тии. Мэри не поняла ни слова из короткой реплики девушки, но в голосе Тии явно прозвучал гнев. Герцогиня медленно обернулась и спросила:

— Возникли какие-нибудь проблемы?

— Проблемы?! — Глаза девушки сверкнули. Ее правая рука смяла конверт и судорожным жестом бросила его в стоящую рядом корзину для мусора. — Никаких проблем, ваша светлость... Никаких проблем!

С натянутой улыбкой она подошла к шкафу и посмотрела на платье. Замерла в молчании, словно платье загипнотизировало ее.

Мэри де Камберленд осторожно шагнула назад.

— Очень симпатичное платье, Тия, — сказал она. — Вы будете в нем неотразимы!

Молниеносным движением она дотянулась до мусорной корзины, схватила бумагу, которую выкинула Тия, и сунула себе в карман. И еще раз сказала:

— Это просто великолепное платье!

Тия не оборачивалась.

Мэри почувствовала, что девушка в задумчивости и смущении. Содержание записки расстроило Тию, изменило ее ближайшие планы, и теперь она явно пыталась придумать, что ей делать дальше.

Наконец девушка обернулась. Прелестное личико исчезло: перед Мэри стоял смертельно больной человек.

— Ваша светлость, я... я плохо себя чувствую. Я хотела бы на некоторое время прилечь.

Мэри де Камберленд решила было предложить свои услуги целителя, но тут же сообразила, что этим предложением только увеличит напряженность и смущение Тии. Голова у девушки не болела. И ничего не болело. Она просто хотела немедленно избавиться от гостьи. Выхода у Мэри не было.

— Конечно, моя дорогая. Понимаю... Встретимся позже. — Она улыбнулась, поняв, что точь-в-точь повторила слова сэра Томаса. — Доброго вечера, дорогая.

Мэри вышла в коридор и услышала, как за ней запирается дверь.

«Что теперь?» — подумала она. Ведь не было способа навязаться Тии так, чтобы та не поняла, что ей навязываются. Как поступить теперь?

Мэри стала спускаться вниз. Пройдя лестничный пролет, она достала записку, которую ей удалось вытащить из мусорной корзины, и развернула.

Записка была на языке, который Мэри абсолютно не знала. Не было ни одного понятного слова. Но посреди этого таинственного текста стояло одно, легко узнаваемое число:

«7:00».

Больше ничего понять было нельзя.

Глава XIV

Лорд Дарси с трудом откинулся на спинку жесткого стула. Спинка была абсолютно прямой, да и сам стул оказался типичным образчиком мебели, принадлежащей Адмиралтейству. Дарси потянулся и громко выдохнул:

— У-у-у-ух!..

Он чувствовал себя так, словно по нему промаршировал целый батальон. Потом он снова наклонился вперед, закрыл папку, лежащую перед ним, и посмотрел через стол на командора Эшли.

— Негусто, а, милорд?

Эшли кивнул:

— Да, милорд, негусто. Таинственный Фицджин остался таким же таинственным, как и раньше.

Дарси отодвинул от себя папку.

— Согласен.— Он побарабанил пальцами по крышке стола.— Барбур ничем не может вывести нас на Фицджина. Штаб военно-морской базы в Шербуре даже не знал о существовании Барбура. Если не обнаружится что-нибудь неожиданное, с той стороны дополнительной информации о Фицджине нам ждать нечего.

— А с этой стороны у вас появились какие-нибудь нити, милорд?

— Что ж, проанализируем данные.— Лорд Дарси положил ладонь на кучу папок.— Предположительно,

лишь три человека знают, как изготовить и активировать проектор хаоса: сэр Лайон Грей, сэр Томас Лесо и покойный сэр Джеймс Цвинге. Разумеется, существует вероятность, что информация эта была у них похищена, но давайте сначала исследуем возможность, которая приходит на ум первой. Мог ли быть Фицджином кто-нибудь из этих троих?

Командор нахмурился:

— Трудно себе представить, чтобы столь уважаемые и облеченные доверием люди могли предать Империю.

— Да,— сказал Дарси.— Так же, как трудно представить, почему мог бы предать Империю любой из высокопоставленных офицеров. Тем не менее такое не раз случалось, и мы обязаны рассмотреть эту возможность.— Дарси убрал ладонь с папок.— Итак, что у нас с сэром Томасом?.. Сэр Томас разработал теорию и произвел расчеты при создании устройства. А как насчет сэра Лайона и сэра Джеймса?.. Они участвовали в создании колдовской машиностроительной техники, позволившей претворить проект в жизнь.— Он сделал паузу.— Скажите, милорд, если бы вам пришлось выбирать из этих троих, кого бы вы заподозрили в первую очередь?

Командор откинулся на спинку стула и посмотрел поверх низко подвешенных газовых ламп на затененные балки высокого потолка.

— Думаю, так,— сказал он через некоторое время.— Во-первых, я бы исключил сэра Томаса. В основе проекта лежит его открытие, и если уж сэру Томасу так потребовались деньги, ему было бы проще продать польскому правительству само открытие.

— Согласен,— без выражения сказал Дарси.

— Сэр Лайон и так богат как Крез,— продолжал командор.— Не скажу, что четверть миллиона серебряных соверенов для него вообще ничего не значат, но это не та сумма, ради которой человек с подобным общественным положением пошел бы на предательство.

— Согласен,— повторил Дарси.

— Теперь сэр Джеймс...— Командор Эшли помолчал.— Не знаю... конечно, он не был богатым человеком.— Он еще с полминуты разглядывал потолок, затем опустил голову и посмотрел на Дарси.— Вот вам версия, милорд. Не знаю, насколько она близка к действительности, но рассмотреть ее не повредит.

— Давайте рассмотрим,— сказал лорд Дарси.— Я готов рассматривать любую ниточку, куда бы она ни вела.

— Хорошо... предположим, что Цвинге и Барбур действовали заодно. Естественно, чтобы отвлечь внимание от себя, им надо изобрести таинственного Фицджина. Никто и никогда не видел Фицджина и Барбура вместе. Наши агенты видели таинственного незнакомца входящим к Барбуру и видели, как он уходил от него. Он появлялся из ниоткуда и исчезал в никуда. Так, может, Фицджина изображал сам Барбур? В конце концов, Барбур и в самом деле имел связи с польскими агентами.

— Цвинге работал не с одним Барбуром,— заметил Дарси,— почему бы ему не воспользоваться другими контактами и не продать секрет тихо и спокойно, без всего этого громоздкого маскарада?

Командор положил на стол правую руку и повернул ее ладонью вверх.

— А что бы произошло, если бы он так поступил?.. Едва польский флот будет оснащен проектором, мы сразу узнаем об этом. Естественно, первое подозрение падает на Цвинге, так как из всех троих лишь у него были контакты с польскими агентами. К тому же обычный человек, желающий продать государственную тайну, не может спланировать операцию по принципу: «А встречусь-ка я с польским агентом, да и загоню ему эту штуковину». Польские агенты — не фонарные столбы, их не так-то легко отыскать.

— Верно,— задумчиво сказал лорд Дарси.— Трудно продать товар, не зная, как войти в контакт с покупателем. Прошу вас, продолжайте.

— Цвинге не дурак. Для того чтобы подозрение не пало потом на него, он организовывает этот спектакль

с привлечением Барбура. Все разыскивают таинственного Фицджина, готовят ему ловушку. А тем временем Барбур и в самом деле договаривается с поляками, причем рассказывает им ту же байку про Фицджина. Неглупо...

— И чем же, в таком случае, должен закончиться этот спектакль? — спросил Дарси.

— Давайте посмотрим... Секрет передают полякам. Поляки расплачиваются с Барбуром. Думаю, Цвинге нашел бы возможность в этот момент оказаться в Шербуре. Вряд ли он доверил бы своему Жоржу пять тысяч золотых соверенов. Ловушка для таинственного Фицджина, разумеется, не срабатывает, так как нельзя загнать в ловушку несуществующего человека. А после того, как мы обнаруживаем, что польский флот обзавелся проектором хаоса, у Цвинге всегда есть оправдание: «Фицджин наверняка заподозрил Барбура и нашел другой путь выхода на поляков». Неглупо?.. Возможно, Цвинге собирался расплатиться с Барбуром и как-то поделить с ним деньги, а возможно, собирался по-тихому убрать двойного агента. Теперь нам этого уже не узнать.

— Интересно, — сказал Дарси. — Вполне вероятно, что именно этот план и существовал, но если так, то он не сработал. Как вы полагаете, что произошло в действительности?

— Я думаю, поляки выяснили, что Барбур работает на Зета, а Зетом является сэр Джеймс. В таком случае, если моя гипотеза хоть чуть-чуть близка к истине, есть по меньшей мере два возможных объяснения случившемуся... Первое. Поляки решили, что вся эта кутерьма с продажей секрета — просто наживка для какой-то ловушки, мистификация, придуманная сэром Джеймсом с неясными целями, и послали агентов, чтобы устранить обоих участников игры... Второе. У них была причина поверить, что сэр Джеймс действительно стал предателем и готов работать на них. Они знали, что сэр Джеймс не передаст Барбуру чертежи или детали устройства до достижения договоренности. Но они также знали и

то, что Цвинге надо держать материалы в таком месте, где он сможет быстро до них добраться. Он должен был заранее их приготовить и где-то спрятать — сомневаюсь, чтобы он мог с ходу, по памяти, нарисовать их.— Командор задумчиво покусал нижнюю губу.— Итак, пока один из агентов работает с Барбуром в Шербуре, другой в Лондоне следит за Цвинге. Договор заключается в Шербуре, и Барбур тут же посылает информацию о нем Цвинге. Цвинге, не зная, что поляки следят за ним, достает материалы из тайника, намереваясь передать их Барбуру. Но теперь поляки знают, что материалы уже у сэра Джеймса. Они отдают шербурскому агенту приказ убрать Барбура, а здесь убивают Цвинге и забирают у него чертежи, сэкономив таким образом польской казне весьма солидный куш.

— Я должен признаться,— медленно сказал Дарси,— что слишком мало знаю о международных разведывательных сетях. Такая версия никогда бы не пришла мне в голову! А как со способом убийства? Как на самом деле польские агенты убили сэра Джеймса Цвинге?

Командор выразительно пожал плечами:

— Тут уж вы положите меня на обе лопатки, милорд. Мои познания в области черной магии колеблются между «ничего» и «совершенно ничего». Да и мой опыт работы во флотском Си-Ай-Ди никогда не включал в себя расследование конкретных преступлений. Что бы там о моей квалификации ни говорил капитан Смоллетт...

Лорд Дарси засмеялся:

— По крайней мере, достаточно честно. Надеюсь, нынешнее расследование даст вам возможность понять, как мы, бедные невежественные гражданские следователи, раскрываем преступления.— Он посмотрел на свои наручные часы.— Боже! Седьмой час! Я полагал, Адмиралтейство закрывается в шесть.

Командор ухмыльнулся:

— Осмелюсь сделать предположение... Думаю, капитан Смоллетт предупредил, чтобы нас не беспокоили.

— Без сомнения,— сказал Дарси.— Хорошо. Давайте положим папки на место и отправимся в гостиницу. Я хочу задать сэру Лайону Грею пару вопросов. Если, конечно, мы его поймаем... а еще стоит поговорить с его светлостью архиепископом Йоркским. Нам надо побольше узнать о девушке по имени Тия Эйнциг.

— Тия Эйнциг? — Лорд Эшли моргнул: это имя он услышал впервые.

— По дороге в гостиницу я расскажу вам то немногое, что знаю о ней... У Адмиралтейства найдется для нас с вами транспорт? Или придется ловить кэб?

— Боюсь, все экипажи Адмиралтейства в шесть оказываются под замком, милорд,— сказал командор.— Придется ехать в кэбе, если сумеем поймать.

— Если не поймаем, пройдемся пешком,— заметил Дарси.— Королевское управление не на другом конце города.

Через несколько минут они уже шагали по затемненным коридорам Адмиралтейства. В вестибюле вооруженный младший офицер проводил их лордства через парадную дверь.

— Сегодня вечером ужасный туман, милорды,— сказал он.— Надеюсь, ваша поездка окажется приятной. Капитан Смоллетт распорядился, чтобы вас ждал экипаж.

— Возблагодарим Бога за эту маленькую любезность,— сказал Дарси.

Туман казался даже более плотным, чем прошлым вечером. У поребрика, едва видимый в тусклом свете газовой лампы, висящей над дверями здания, стоял экипаж с гербом Адмиралтейства. Двое мужчин спустились по лестнице к нему, и командор Эшли окликнул:

— Младший офицер Хоскинс, это вы?

— Да, милорд командор. Капитан Смоллетт приказал обязательно дождаться вас.

— Превосходно! Отвезите нас в Королевское управление.

И двое мужчин забрались в экипаж.

Возвращение в гостиницу заняло гораздо больше времени, чем дневное путешествие к Адмиралтейству.

Туман разогнал посетителей выставки по домам, и их лордства нашли вестибюль гостиницы опустевшим. Лишь около одной из экспозиций стоял человек в голубом одеянии мастера-тауматурга. Их лордства приблизились к одинокому зрителю, и лорд Дарси тронул его за плечо.

— Прошу прощения, мастер,— сказал он официальным тоном.— Я лорд Дарси, специальный следователь, имеющий королевский ордер. Я был бы очень благодарен, если бы вы подсказали мне, где можно найти сэра Лаойна Гандолфуса Грея.

Мастер-тауматург обернулся, его лицо тронула подобострастная улыбка.

— Очень рад встрече с вами, лорд Дарси,— сказал он.— Я мастер Юэн Макалистер. Мой очень хороший приятель мастер Шон О Лохлейн много рассказывал мне о вас, ваше лордство.— На лицо волшебника вдруг набежала тень.— Мне очень жаль, ваше лордство, но гроссмейстер сэр Лайон в данный момент недоступен. Он на специальном исполнительном заседании высших должностных лиц Королевского колдовского общества и гильдии магов. Могу я еще чем-нибудь помочь вашим лордствам?

Дарси решил воздержаться от замечания, что пока мастер-тауматург мало чем помог их лордствам.

— Ах как плохо! Впрочем, ладно... Скажите, его светлость архиепископ Йоркский тоже принимает участие в заседании?

— О нет, ваше лордство. Его светлость не является членом исполнительного комитета. Его церковные обязанности слишком обременительны, чтобы позволить его светлости взять на себя дополнительную нагрузку. Кстати, я видел его светлость совсем недавно. Он пьет чай в ресторане, ваше лордство, в Зале Со Щитами.— Макалистер поднял руку и бросил стремительный взгляд на часы.— Да, это было всего пару минут назад, ваши лордства. Его светлость еще должен быть там.— Он

опустил руку.— Могу ли я еще чем-нибудь помочь вам? — И прежде чем кто-либо из них успел ответить, продолжил: — Могу ли я помочь вам в поисках мерзкого преступника, совершившего отвратительное убийство,— лицо Макалистера стало вдруг подчеркнуто печальным,— нашего доброго друга мастера сэра Джеймса? Какой трагический конец!.. Ваше лордство готовы арестовать виновника?

— Мы сделаем все, что сможем, мастер Юэн,— резко сказал лорд Дарси.— Весьма благодарны вам за информацию. Доброго вечера, мастер Юэн, еще раз благодарю вас.

Они с Эшли повернулись и отправились в ресторан, предоставив Макалистеру возможность провожать их безучастным взглядом.

— Вот вам мастер Юэн Макалистер,— сказал Эшли, когда они удалились.— Этакий маленький скользкий ублюдок...

— Я бы узнал его, даже если бы он не соизволил представиться. Описание мастера Шона, как всегда, оказалось очень точным.

— Нет ли у вас ощущения, что мастер Юэн тоже замешан в деле? — задумчиво проговорил Эшли.

Прежде чем ответить, Дарси сделал еще два шага.

— Буду с вами откровенен,— сказал он.— Хотя у меня и нет улик, я считаю весьма вероятным, что мастер Юэн Макалистер — одна из ключевых фигур в тайне, окружающей смерть сэра Джеймса.

Лорд Эшли удивленно посмотрел на него:

— Однако я не заметил у вас особенного желания расспрашивать его дальше.

— Я читал показания, которые он дал вчера лорду Бонтриомфу. Все утро он пробыл в своей комнате, где-то до девяти или четверти десятого,— он не уверен во времени. Потом находился внизу, в вестибюле. Мастер Шон частично подтверждает его показания. Интересно то, что номер мастера Юэна находится этажом выше, прямо над номером, в котором был убит сэр Джеймс.

— *Это* пища для размышлений,— сказал Эшли, когда они подошли к Залу Со Щитами.

Лорд Дарси распахнул дверь.

Наружный дворик, который они видели утром из комнаты сэра Джеймса, был теперь окутан туманом, но сам ресторан заливали светом газовые лампы. Их лордства вошли и оглядели помещение. За одним из столиков в одиночестве пил чай пожилой человек в пурпурном одеянии.

— Полагаю, это и есть его светлость архиепископ Йоркский,— сказал Дарси.

Они приблизились к столику.

Архиепископ казался глубоко задумавшимся. На столике лежал блокнот, и его светлость аккуратно выписывал символы на его страницах.

— Глубочайшие извинения за то, что вынужден побеспокоить вас, ваша светлость,— вежливо произнес Дарси.— Я бы ни в коем случае не стал мешать вашим размышлениям, но у меня королевское дело.

Старичок с улыбкой взглянул на него. В свете газовых ламп серебристые волосы архиепископа, окружающие пурпурную шапочку, выглядели этаким гало. Не поднимаясь, он протянул руку.

— Вы не мешаете, милорд.— Голос архиепископа был мягок, как весенняя трава.— Мое время — ваше время. Полагаю, вы — лорд Дарси из Руана?

— Да, ваша светлость,— сказал Дарси.— А это командор лорд Эшли из корпуса военно-морской разведки.

— Очень хорошо,— сказал мудрый старый сенситив.— Прошу вас, милорды, присаживайтесь. Благодарю... По-видимому, вы пришли обсудить со мной обстоятельства смерти сэра Джеймса Цвинге?

— Да, ваша светлость,— сказал Дарси, усаживаясь на стул.

Архиепископ Йоркский сложил руки на столе:

— Я к вашим услугам. Все, чем могу помочь, чтобы прояснить это дело...

— Ваша светлость очень добры,— сказал Дарси.— Как вы, наверное, знаете, я не обладаю Талантом, и по-

тому существуют факты, в которых вы можете разобраться, а я — нет.

— Весьма возможно. Какие, например?

— Насколько я понимаю, в этой гостинице волшебнику было бы трудно, не выдав себя, совершить ритуал черной магии. Более того, каждый из здесь присутствующих волшебников был проверен на ортодоксальность практики и получил от своего епархиального епископа лицензию, подтверждающую эту проверку.

— И вас интересует,— мягко сказал архиепископ,— как сумел такой человек избежать нашего внимания.

— Именно.

— Хорошо, я попытаюсь объяснить. Давайте начнем с лицензии на практику. Лицензия выдается каждому конкретному волшебнику, когда он, закончив ученичество, становится по правилам гильдии достаточно квалифицированным, чтобы использовать свой Талант. Далее он переэкзаменовывается каждые три года, и его лицензия обновляется только в том случае, если он подтвердил квалификацию. Вам это известно?

Дарси кивнул:

— Да, ваша светлость.

— Очень хорошо,— сказал архиепископ.— Возникает вопрос: какие факторы на практике способны дисквалифицировать волшебника? Что не позволит церкви обновить его лицензию?.. Причин существует немало, но главной из них, как правило, оказывается практикование черной магии. К великому сожалению, никто, кроме очень немногих сенситивов чрезвычайно высокой квалификации, не способен определить, практиковал ли человек то, что мы называем черной магией, если заклинания были слабодействующими, если вред, причиненный ими, относительно невелик, если практикующий еще не успел достаточно измениться под действием своих занятий. Вы понимаете?

— Думаю, да,— ответил Дарси.

— Тогда,— продолжал архиепископ, поднимая палец,— вы поймете, что волшебник может некоторое время заниматься черной магией, прежде чем эти занятия

окажут на его душу такое воздействие, что изменения станут очевидными для Коллегии экзаменаторов. Однако крупное преступление, подобное убийству, разумеется, будет немедленно обнаружено сертификационной комиссией, собранной для этой цели. Проверяемому волшебнику придется подвергнуться тестированию, и если он использовал свое Искусство для того, чтобы совершить такое ужасное преступление, как убийство, он эти тесты автоматически завалит.— Архиепископ повернул руку ладонью вверх.— Но вы понимаете, что нельзя устроить подобную проверку каждому из присутствующих здесь магов. Гильдия должна считать своих членов ортодоксальными до тех пор, пока не появятся достаточные свидетельства, чтобы обосновать проверку их ортодоксальности.

— Я это прекрасно понимаю,— сказал Дарси,— но, кроме того, я знаю, что вы — один из самых тонких сенситивов и один из самых могущественных целителей христианского мира.— Он посмотрел архиепископу прямо в глаза.— Я ведь знал лорда Сейгера из Йоркшира.

Глаза его светлости погрустнели.

— О да, бедный Сейгер. Беспокойная душа! Я делал для него все, что мог, и все же я знал... да, знал... что в любом случае он долго не проживет.

— Ваша светлость опознали его как убийцу-психопата,— сказал Дарси.— И если среди нас сейчас ходит такой же убийца, разве не будет он опознан так же легко, как лорд Сейгер?

Встревоженные глаза архиепископа посмотрели сначала на Дарси, затем на Эшли.

— Милорды,— сказал он осторожно.— Область магии не так-то легко делится на снежно-белую и иссиня-черную. И в душах человеческих не просто разобраться. Случай с лордом Сейгером оказался запредельным и по этой самой причине легко выявляемым, хотя и его было непросто трактовать. Но разве можно заявить: «Этот человек способен на убийство» или «Этот человек убивал» — и, исходя из этого заявле-

ния, изолировать его от общества?.. Сами по себе эти черты не обязательно несут зло. Способность убивать — необходимейшая черта, обеспечивающая выживание рода людского. Уничтожить ее — значило бы, по сути, уничтожить само человечество. К примеру, будучи сенситивом, я могу сразу сказать, что вы оба убивали человеческие существа. Но разве я могу определить, были ли эти убийства оправданны? Мы, сенситивы, не ангелы, милорд. Мы не можем брать на себя роль Господа Бога. Лишь когда присутствует истинное, глубоко укоренившееся в душе злое намерение, оно станет столь вопиюще очевидным, что немедленно будет обнаружено. Ни в одном из вас, например, я подобного зла не нахожу.

Последовало продолжительное молчание. Наконец Дарси сказал:

— Мне кажется, я понимаю... Прав ли я, однако, решив, что если каждому из присутствующих здесь волшебников предложат стандартные тесты на ортодоксальность, то всякий совершивший убийство посредством черной магии будет с помощью этих тестов немедленно выявлен?

— О да, конечно, — сказал архиепископ. — Можете быть уверены, что в том случае, если светские власти не смогут найти виновного, эти тесты *будут* проведены. Но, — он поднял длинный тонкий палец, — до сих пор ни у Церкви, ни у гильдии нет никаких свидетельств того, что подобное черное волшебство было совершено. Потому-то мы и остаемся пока в стороне.

— Понимаю, — сказал лорд Дарси. — С вашего позволения, ваша светлость, еще один вопрос. Что вы можете сказать о дамозель Тии Эйнциг?

— Дамозель Тия? — святой старец хмыкнул. — Ну, милорд... с этой девушки вы можете немедленно снять всякие подозрения о каком-либо соучастии ее в убийстве сэра Джеймса. За последние несколько месяцев дамозель Тию дважды проверяли компетентные коллегии и экзаменаторы. Она никогда в жизни не занималась черной магией.

— Я не согласен с вашим мнением о том, что подобные проверки полностью освобождают от подозрений в соучастии, — сказал Дарси. — Ведь человек может оказаться замешанным в убийстве и не практикуя черную магию. Поправьте меня, если я ошибаюсь.

Архиепископ задумался.

— Тут вы, конечно, правы. Возможно... да-да, *вполне* возможно... что дамозель Тия совершила преступление, и, если она при этом не пользовалась черной магией, мы не обязательно обнаружили бы это. — Он улыбнулся. — Но я уверяю вас, в этой девушке нет зла, совсем нет.

Архиепископ вдруг посмотрел в сторону. Дарси проследил за его взглядом.

К столу приближалась Мэри де Камберленд. Она явно была возбуждена, но изо всех сил старалась не показать этого.

— Ваша светлость, — сказала она и сделала быстрый реверанс. Потом посмотрела на Дарси. — Я... — Она замолкла, взглянула на Эшли и архиепископа, затем снова посмотрела на Дарси. — Я могу говорить, милорд?

— О вашем задании? — спросил Дарси.

— Да.

— Мы как раз беседовали о Тии. У вас что-то новенькое?

— Прошу вас, ваша светлость, присаживайтесь, — сказал архиепископ. — Мне бы хотелось услышать все, что вы можете рассказать о Тии.

Тихим голосом вдовствующая герцогиня Камберленд-ская поведала о своем разговоре с Тией Эйнциг, о короткой встрече Тии с незнакомцем в баре, об инциденте с запиской в комнате Тии. Рассказ герцогини отличался такой точностью и вниманием к деталям, которые не сумел бы превзойти даже лорд Бонтриомф.

— Я везде вас искала, — закончила герцогиня. — Отправилась в штаб, но сержант вас не видел. Просто повезло, что я сюда зашла.

Лорд Дарси протянул руку:

— Дайте мне посмотреть записку.

Герцогиня отдала ему листок бумаги:

— Вот почему я так торопилась найти вас. Все, что я здесь понимаю,— это цифры.

— Текст написан по-польски,— сказал Дарси.— «Будьте в «Собаке и Зайце» в семь часов»,— перевел он.— Подписи нет.— Он посмотрел на часы.— Без трех минут семь! Где эта чертова «Собака и Заяц»?

— Может быть, имеется в виду «Гончая и Заяц»? — спросил лорд Эшли.— Есть пивная с таким названием на Верхней Суондхем-лейн. Мы вполне можем успеть.

— А никакой «Собаки и Зайца» вы не знаете? — спросил Дарси.— Что ж, тогда нам надо ловить хоть такой шанс.— Он повернулся к вдовствующей герцогине:— Мэри, вы проделали грандиозную работу. Я не могу сейчас отблагодарить вас. Нам придется оставить вас в обществе архиепископа. Ваша светлость должны нас простить... Идемте, Эшли! Где эта «Гончая и Заяц»?

Они вышли из Зала Со Щитами в вестибюль, и лорд Эшли сказал:

— Вот коридор, который выведет нас из вестибюля в переулок Потсмоук. Повернув направо, мы окажемся на Верхней Суондхем-лейн. Не больше полутора минут.

Вспомнив о промозглом тумане на улице, они натянули плащи и накинули на головы капюшоны. Затем, не обращая внимания на взгляды нескольких волшебников, крайне удивленных той скоростью, с какой двое мужчин пересекли вестибюль, они ринулись по коридору к черному ходу. У двери стоял стражник.

— Я лорд Дарси,— быстро сказал следователь.— Передайте лорду Бонтриомфу, что мы отправились в пивную «Гончая и Заяц» и постараемся вернуться как можно скорее.

Глава XV

Туман в переулке Потсмоук был настолько густым, что, когда за их лордствами закрылась дверь, им показалось, что весь мир затоплен влажным мраком.

— Сюда,— сказал Эшли.

Они повернули направо, пробираясь ощупью по переулку Потсмоук до конца квартала. Здесь узкий переулок пересекала улица святого Суидина, и он, расширяясь, превращался в Верхнюю Суондхем-лейн. На перекрестке несколько газовых фонарей вели с туманом борьбу не на жизнь, а на смерть, но даже при их молчаливой поддержке уже через несколько футов было трудно что-либо различить.

Едва их лордства вышли на перекресток, Дарси услышал в тумане справа отдаленное «цок-цок-цок». Как будто по улице святого Суидина топал кто-то, обутый в ботинки со стальными подковками. Странное цоканье приближалось. Звуки слева позволяли предположить, что от перекрестка удаляются две пары ботинок на кожаной подошве: одна — совсем близко, другая — немного подальше. А далеко впереди явно двигался экипаж, запряженный парой лошадей, — копыта отчетливо постукивали по мостовой.

Их лордства пересекли улицу святого Суидина и двинулись по Верхней Суондхем-лейн.

— Думаю, наша цель совсем близко, — сказал через минуту Эшли. — Точно, вот и пивная.

Из тумана появилась вывеска под газовым светильником, изображающая ярко-красную собаку, нагонявшую такое же длинноухое существо, как и она.

— Отлично, — сказал Дарси. — Давайте-ка войдем. Только не снимайте капюшон и не расстегивайте плащ. Мне бы не хотелось, чтобы кто-то заметил ваш флотский китель. А так мы сойдем за обычных торговцев средней руки.

— Пожалуй, — сказал Эшли. — Надеюсь, мы сумеем обнаружить девушку. Вы узнаете ее?

— Думаю, да. Описание, данное ее светлостью, было достаточно подробным. Не так много девушек подобного роста и внешности разгуливают в такое время по Лондону.

Он распахнул дверь.

Вдоль всей левой стены помещения протянулась длинная стойка, вдоль правой располагались кабинки.

По центру — между стойкой и кабинами — стояли несколько столов. За одним из них резались в карты. На задней стене пивной висела мишень для игры в дартс. В нее с глухим стуком втыкались дротики. Рука клиента, метающего дротики, была столь же сильна, сколь слаба его меткость.

Дарси и Эшли быстренько оккупировали пустые табуреты у стойки. Пивная была настолько велика, что даже изрядное количество посетителей не создавало ощущения, что помещение переполнено.

— Есть кто-нибудь знакомый? — пробормотал Эшли.

— Пока не вижу,— ответил Дарси,— но она может находиться в одной из дальних кабинок. Или вообще еще не пришла.

— Полагаю, второе ближе к истине,— сказал Эшли.— Взгляните в зеркало за стойкой.

В зеркале прекрасно была видна входная дверь, и лорд Дарси сразу узнал миниатюрную фигурку и прелестное личико Тии Эйнциг. Пока она шла по пивной, процесс идентификации в мозгу Дарси завершился.

— Это она,— сказал следователь.— Видите высокие каблуки, о которых упоминала ее светлость?

И тут же понял, что именно каблуки дамозель Эйнциг и издавали странные цокающие звуки, которые он слышал на перекрестке. Тия отстала от него и Эшли не более чем на тридцать секунд.

Девушка, не оглядываясь по сторонам, направилась прямо к дальним кабинкам, как будто точно знала, где именно ее будут ждать. Подойдя к последней кабинке, расположенной рядом с черным ходом, она повернулась лицом к залу, шагнула в кабинку и скрылась из поля зрения двух соглядатаев.

— Интересно,— сказал Дарси,— там уже есть кто-нибудь или ей придется ждать?

— Давайте подойдем поближе и посмотрим.

— Давайте... Только не подходите слишком близко. Не хотелось бы, чтобы кто-либо из них увидел наши лица.

— А мы с вами желаем последить за игрой в дартс,— сказал Эшли.— Она нас очень интересует.

— Годится, — согласился Дарси.

Они целеустремленно, но неторопливо — игра в дартс ведь никуда не убежит! — прошли к дальнему концу стойки.

В кабинке напротив Тии Эйнциг кто-то сидел. Фигура у сидевшего была явно мужской, но капюшон плаща полностью скрывал его лицо, да и голову он держал склоненной.

— Давайте передвинемся к крайнему столику, — тихо произнес Дарси. — Посмотрим, нельзя ли услышать их разговор. Но двигайтесь осторожно и не открывайте лицо. Только нужно все это проделать так, чтобы наше поведение никому не показалось намеренным.

Последний столик находился между входом в пивную и кабинкой, за которой они наблюдали. Отсюда таинственного незнакомца совсем не было видно. Он сидел к ним спиной и говорил так тихо, что разобрать слова оказалось просто невозможным, — слышалось только какое-то «бур-бур-бур...». Зато Тию было слышно очень хорошо: девушка сидела к ним лицом, и, как и сказала Дарси прошлым вечером Мэри де Камберленд, голос Тии был достаточно сильным. Даже когда она старалась говорить тихо.

Поначалу Дарси и Эшли слышали только невнятное бормотание незнакомца, потом Тия сказала:

— Если вы не желали его смерти, зачем вы его убили? — Выражение ее лица было гневно-холодным и жестким.

Снова раздалось бормотание.

— Вы ведь выяснили, — сказала Тия, — что Зетом, главой Европейского отдела Имперской военно-морской разведки, был на самом деле мастер сэр Джеймс Цвинге. И после этого вы сидите тут и утверждаете, что секретные службы короля Казимира не желали смерти Цвинге.

Бормотание, доносившееся из-под капюшона, стало откровенно злым.

— Я говорю так, как считаю нужным, — сказала Тия. — Следите за *своим* языком!

С минуту она молчала, слушая собеседника, и на лице ее застыло выражение холодного гнева. Потом ее губы тронула ледяная улыбка.

— Нет,— сказала Тия.— Я и не подумаю просить его. Ни для вас, ни для Польши, ни для короля Казимира со всей его треклятой армией!

Человек в капюшоне бросил короткую фразу, и ледяная улыбка Тии стала чуть шире.

— Нет. Будьте вы прокляты!.. И для *него* — тоже! А знаете, почему?.. Потому что *теперь* я знаю — вы мне *лгали.* Потому что *теперь* я знаю — он в безопасности, он избежал пыточных камер польской тайной полиции!

Незнакомец проговорил что-то еще.

— Подписываю ему смертный приговор? — Тия сухо засмеялась, и в смехе этом не было ни тени юмора.— О нет! Вы слишком долго играли мною. Вы пытались заставить меня предать страну, которая была ко мне так добра. Вы хотели, чтобы я предала человека, который любит меня. Из-за вас я жила в постоянном страхе, но дальше так продолжаться не будет. Да, я подпишу смертный приговор... Вам! Я расскажу властям Империи все, что знаю, и надеюсь, они вас повесят, вы, злобный, ничтожный...— Она неожиданно замолчала и часто заморгала глазами.— Что? — Она продолжала моргать.

Дарси, внимательно следивший за лицом Тии из-под своего капюшона, заметил, как изменилось ее лицо. Если раньше его выражение было каменным, то теперь оно сделалось деревянным. Но льда в нем не осталось.

Эшли протянул руку и схватил Дарси за запястье.

— Будьте осторожны! — прошептал он.— Эта пара намерена уйти через черный ход!

Дарси мысленно улыбнулся.

Лорд Бонтриомф упоминал, что у Эшли случаются неожиданные вспышки способности к предвидению, и, по-видимому, сейчас произошла именно такая вспышка. Неразвитый Талант, как правило, способен на подобное под действием стресса.

Предвидение Эшли сбылось. Тия встала. Тут же из кабинки появился и человек в капюшоне — по-прежнему спиной к наблюдателям. Он шагнул к черному ходу, Тия — за ним. Через мгновение они исчезли за дверью.

Дарси и Эшли медленно поднялись и двинулись следом. Взявшись за дверную ручку, Дарси остановился.

— Чего вы ждете? — спросил Эшли.

— Пусть отойдут немного,— сказал Дарси.— Тогда они не заметят света, когда откроется дверь.

— Как бы не потерять их в тумане...

— С ее-то каблуками?! Такие звуки не скроет и туман.— Дарси чуть-чуть приоткрыл дверь.— Слышите? Они пошли направо. Что это за улица?

— Должно быть, Олд-Барнегот-роуд.

— Теперь пойдемте.

Дарси открыл дверь, и их лордства окунулись в клубящийся туман. Каблучки Тии оказались прекрасным ориентиром, ошибиться в направлении было невозможно.

— Давайте-ка сократим дистанцию,— предложил Дарси шепотом.— Если мы не будем шуметь, ее каблуки заглушат наши шаги.

Несколько минут они молча следовали за хорошо слышными «цок-цок-цок». Затем Эшли тихо сказал:

— Знаете, я мало что понял из их разговора в пивной, но, думаю, мне следует поблагодарить судьбу даже за это.

— Почему? — спросил Дарси.

— Было бы менее удивительно, если бы они говорили по-польски. Мы знаем, что Эйнциг владеет польским. А записка указывает, что и этот тип тоже им владеет.

— Как раз наоборот,— сказал Дарси.— Записка указывает, что неизвестный знаком с польским, но свободно им не владеет. Понятия «гончая» и «собака» у поляков разнятся так же, как и у нас. Он же, переводя название пивной на польский, употребил слово «собака», чего не сделал бы человек, хорошо знакомый с

языком. И вообще, все это немало говорит нам о человеке, которого мы преследуем.

— В каком смысле, милорд?

— Что он глуп, претенциозен и имеет явную тягу к мелодраматизму. Он мог спокойно написать записку на англо-французском, но использовал польский. Зачем?

— Может быть, для того, чтобы ее не понял никто из посторонних?

— Вот-вот... Вы совершаете ту же ошибку, что и он. Лишь человек, плохо знакомый с языком, может посчитать его неким видом тайнописи. Разве является для вас англо-французский тайным языком, с помощью которого можно скрывать свои мысли от других?

— Вряд ли,— сказал с улыбкой Эшли.

— Но даже если и так,— мягко добавил Дарси,— лишь полный глупец решится показать свое откровенно слабое знание языка человеку, для которого этот язык является родным. Каблуки Тии снова явно повернули направо.

— Где мы теперь? — осведомился Дарси.

— Если я еще не потерял ориентировку, мы только что миновали Грейт-Харлоу-хаус, а это означает, что они свернули на Темза-стрит и направляются точно на юг.

Не в первый раз Дарси пожалел о том, что слабо знаком с Лондоном.

— У вас есть хоть какие-то соображения о цели их путешествия? — спросил он.

— Ну, если они никуда больше не свернут,— сказал Эшли,— мы минуем церковь святого Мартина и упремся точнехонько в центр Вестминстерского дворца.

— Только не уверяйте меня, что они хотят повидаться с Его Величеством,— сказал Дарси.— Сомневаюсь, смогу ли я переварить такую новость...

— Подождите-ка... Кажется, они свернули налево.

— А что там?

— Мост Сомерсет,— ответил Эшли.— Они переходят реку. На мосту есть фонари. Нам лучше поотстать.

— Не думаю,— сказал Дарси.— Рискнем.

— Сколько они еще собираются ходить? — пробормотал Эшли.— У них что, вечерняя прогулка в Кройдон[1]?

Огни на мосту статус-кво не нарушили. Фонари находились далеко друг от друга, а туман здесь, над Темзой, оказался настолько плотным, что человека, стоящего под фонарем, не было видно и с пятнадцати футов. Погоня продолжалась прежним порядком: мягкий шаг и острый слух.

И вдруг цоканье каблучков впереди затихло. Двое преследователей замерли. Тия и неизвестный находились где-то возле середины моста, и оттуда донеслась приглушенная, но четко различимая фраза:

— А теперь залезай на балюстраду.

— Боже правый! — воскликнул Дарси.— Вперед!

Предосторожности сразу стали излишними, и двое охотников бросились к своей дичи. Из тумана возник человек в капюшоне, стоящий под одним из фонарей. Тии Эйнциг нигде не было видно. Из-под моста донесся глухой всплеск.

Неизвестный обернулся на шаги преследователей, лицо его по-прежнему было скрыто капюшоном. На секунду он замер, решая, что ему предпринять. Потом понял, что убежать уже не удастся — преследователи были слишком близко. Тогда его правая рука нырнула под полу плаща, и в туманном свете фонаря слабо сверкнуло иглоподобное лезвие рапиры.

Представители имперского флота не случайно слыли прекрасными фехтовальщиками. Во всяком случае, реакция командора Эшли оказалась практически мгновенной. Его шпага выскочила из ножен и заняла нужную позицию раньше, чем человек в капюшоне устремился в атаку.

— Займитесь им! — крикнул Дарси.— А я за девушкой!

Он сбросил плащ, вспрыгнул на широкую каменную балюстраду и ринулся вниз, в непроглядную мглу.

[1] Кройдон — район в южной части Большого Лондона.

Глава XVI

Эшли не видел, как лорд Дарси нырнул с моста. Глаза командора неотрывно следили за противником, освещенным слабым сиянием газового фонаря. Эшли был спокоен и уверен в своих силах. Движения противника сразу подсказали командору, что перед ним не профессионал.

Но когда неизвестный бросился в атаку, Эшли неожиданно почувствовал странный наплыв страха. Рапира в руке противника, казалось, дрожала и расплывалась.

Лишь благодаря инстинкту и удаче Эшли сумел избежать первого смертоносного прикосновения и парировать удар своим клинком. Но взгляд командора по-прежнему не мог поймать стальное острие рапиры. Похоже, глаза перестали подчиняться контрразведчику и отказывались смотреть на оружие противника.

Следующие несколько секунд поединка едва не повергли командора в панику, так как выпады неизвестного лишь чудом не достигали цели, а собственные удары Эшли легко отбивались клинком, которого командор никак не мог разглядеть.

Куда бы ни смотрел Эшли, клинок врага оказывался совершенно в другом месте. Движения вражеской рапиры были сильными и стремительными, и выпады противника обязательно завершились бы смертельным уколом, если бы шпага командора каким-то образом не умудрялась отбивать их в сторону. Встречные атаки Эшли парировались с необычайной легкостью, и всякий раз, когда рапира неизвестного касалась шпаги командора, глаза Эшли смотрели мимо оружия.

Командору не требовалось объяснения происходящего. Было совершенно очевидно, что он столкнулся с заколдованным оружием в руках смертельно опасного убийцы.

И тут на сцену вышел собственный, неразвитый Талант командора. Это был Талант, редкий даже в гильдии

магов. Эшли обладал способностью заглядывать в будущее, на очень короткое время — обычно лишь на какие-то мгновения и крайне редко на две-три минуты.

Гильдия способна обучить большую часть людей с подобным Талантом. В результате волшебники получали возможность предсказывать погоду, предупреждать о землетрясениях и предвидеть другие природные явления, не связанные с действиями человека. Но даже величайшие ученые маги не разработали еще методов развития дара, принадлежащего Эшли. Ведь его способность — умение предсказывать результаты людских поступков — была самой малораспространенной среди магов. И поскольку колдовские законы асимметрии времени до сих пор не были постигнуты, этот вид Таланта не мог быть доведен до той степени надежности, которой достигали прочие Таланты.

У командора бывали случайные вспышки способности к предвидению, но он понятия не имел, когда они придут и сколько времени будут продолжаться. Однако, как любой умный человек, наделенный интуицией, командор Эшли был способен действовать, опираясь на нее.

Он вдруг понял, что инстинктивно знает, где в следующее мгновение окажется заколдованный клинок врага. Черный волшебник, намеревавшийся убить Эшли, возможно, и имел на своей стороне чрезвычайно развитый Талант, но как он мог противостоять предвидению!

Поняв это, Эшли больше не пытался смотреть ни на вражеский клинок, ни на сжимающую его руку. Теперь глаза командора следили за телом противника. Оно передвигалось из одной позиции в другую, будто копировало эскизы из учебника для начинающих фехтовальщиков. Эшли мог вообще закрыть глаза: он все равно знал, что сейчас делает враг.

Некоторое время командор не предпринимал активных действий. Он лишь парировал атаки, внимательно изучая, как черный волшебник работает с оружием. Однако больше Эшли отступать не собирался.

А потом он начал наступление. Раз за разом он заставлял противника делать шаг назад. Теперь они снова находились под фонарем. Черный волшебник явно начал терять уверенность. Его атаки и защита потихоньку становились менее четкими. Теперь страх и паника зажали в свои тиски противоположную сторону.

Командор обдумал план действий. Он не хотел убивать этого человека: шпион-волшебник должен быть арестован, осужден и повешен — или за убийство сэра Джеймса Цвинге, или за приказ совершить это убийство. У Эшли не было никаких сомнений насчет такого исхода разворачивающихся событий, но было бы глупо, убив черного мага, брать на себя роль королевского правосудия.

Теперь командор знал, что взять противника живым будет нетрудно. Потребуется всего два быстрых движения — выпад между локтем и запястьем, чтобы разоружить врага, и стремительный удар клинком плашмя по голове, чтобы оглушить его.

Эшли сделал еще два финта, намереваясь отодвинуть противника назад и загнать в позицию, необходимую для нанесения завершающего удара. Волшебник отступал, будто повинуясь устным приказам. Почти так оно, собственно, и было: молниеносные движения шпаги в руке командора являлись приказами, требующими неукоснительного исполнения, иначе...

Теперь фонарь оказался за спиной Эшли, и свет впервые коснулся лица под капюшоном.

Узнав знакомые черты, лорд Эшли хмуро улыбнулся. Взять *этого* человека будет и в самом деле приятно!..

Настал решающий момент.

Эшли начал движение в сторону оставленного на мгновение без защиты предплечья волшебника.

И тут же почувствовал, что Талант покинул его. Он стал слишком уверенным в себе, и психологическое напряжение, поддерживавшее цепочку абсолютно точных предчувствий, упало ниже критического порога.

Он еще не успел осознать этого, когда его левая нога не удержалась на скользком от тумана покрытии моста.

Эшли судорожно попытался восстановить равновесие, но было поздно: видно, смерть почувствовала, что пришел наконец ее час.

Однако он уже нагнал достаточно страху на своего противника, и волшебник даже не понял, что эта пауза — для него возможность поразить врага. Черный маг лишь сообразил, что судьба подарила ему мгновение безопасности и, пока смертоносная флотская шпага ему не угрожает, это мгновение надо срочно использовать. Полы его плаща взметнулись крыльями гигантской птицы, он развернулся и исчез в тумане. Как будто его и не было.

Лорд Эшли сумел удержать свой вес на вытянутой левой руке и таким образом избежал контакта физиономии с мостовой. Но едва он поднялся на ноги, как острая боль пронзила его правую лодыжку. Он слышал удаляющийся топот ног волшебника, но знал, что теперь не поймает его: с подвернутой ногой много не набегаешь.

Эшли прислонился к балюстраде и громко расхохотался. Смех этот родился в нем еще тогда, когда он узнал перекошенное, испуганное лицо своего противника. Но смеялся он теперь над самим собой. Подумать только — несколько секунд он и в самом деле жутко боялся этого подобострастного червяка, мастера Юэна Макалистера!..

Через полминуты командор справился с приступом смеха. Он загнал глубоко в легкие порцию насыщенного туманом воздуха и вытер пот со лба тыльной стороной левой руки. Затем ловким движением вернул в ножны шпагу.

Очень плохо, подумал он, что скользкая мостовая не позволила мне схватить мастера Юэна. Впрочем, личность черного волшебника теперь известна, и лорду Дарси ничего не остается...

Лорд Дарси!

Возбуждение отпустило мозг Эшли, и он поковылял поперек моста к той балюстраде, что располагалась ниже по течению реки.

Внизу была кромешная тьма, даже поверхность воды оказалось невозможно разглядеть.

— Дарси!

Голос командора загремел над рекой, но плотный туман рассеял звук прежде, чем он улетел вдаль.

Ответа не было.

Эшли позвал еще дважды. Безуспешно.

И тут он услышал справа от себя быстрые шаги. Повернувшись навстречу неведомому гостю, командор положил руку на эфес шпаги.

Неужели Макалистер осмелился вернуться?! Сомнительно, конечно, но все же... проклятый туман!

Эшли чувствовал себя запертым в маленьком мирке, границами которого были ватные сугробы, расположенные на расстоянии в дюжину футов от него. А за границами этого мирка жили невидимые создания, воплощенные только в собственные шаги.

Но тут появился свет, и среди ватных сугробов возникла человеческая фигура, несущая газовую лампу. Эшли не знал этого грузного человека, но черная форма лондонского стражника была одеянием товарища. Стражник остановился и тоже положил руку на эфес шпаги.

— Могу я спросить, что здесь происходит, сэр? — вежливо произнес он, но глаза его были настороже.

Лорд Эшли медленно убрал руку с эфеса. Стражник его примеру не последовал.

— Я услышал шум на мосту, сэр, — сказал он бесстрастно. — Похожий на звон оружия. Затем со стороны моста кто-то пробежал мимо. В тумане я не сумел разглядеть бегущего. А только что... — Он помедлил. — Это вы кричали, сэр?

Неожиданно Эшли понял, сколь подозрительным он должен показаться блюстителю порядка. В длинном черном плаще, с поднятым капюшоном, стоящий спиной к фонарю, лицо в тени — все, как у Макалистера.

Командор медленно поднял руку и стянул с головы капюшон, потом откинул на спину плащ, чтобы стражник смог разглядеть его форму.

— Командор лорд Эшли,— представился он.— Кричал и в самом деле я. А человек, пробежавший мимо вас,— преступник, и его разыскивают за убийство.

— Убийство, ваше лордство? — беспомощно спросил стражник.— И кто же он?

— Увы, он не назвал мне своего имени,— сказал Эшли.

Впрочем, сами по себе мои утверждения вполне правдивы, подумал он. А о Макалистере надо сначала поговорить с лордом Дарси.

— Дело в том, что несколько минут назад этот тип столкнул с моста молодую девушку,— добавил он.— Мой приятель нырнул за нею.

— Нырнул за нею? В такую ночь?.. Это глупо, ваше лордство! Похоже, вместо одного трупа мы получим два.

— Вполне возможно,— заметил Эшли.— Я звал его, но он не отзывается... Однако мой приятель очень силен, и, хотя маловероятно, чтобы он спас девушку, есть неплохие шансы, что сам он сумеет добраться до берега.

— Хорошо, ваше лордство. Мы немедленно начнем искать эту пару.

Стражник достал свисток и отправил во тьму серию резких высоких пронзительных нот — сигнал королевских стражников: «Требуется помощь». Через секунду-две с обоих берегов реки донеслись далекие свистки, означающие ответ: «Идем». Прошло секунд десять, и стражник повторил призыв, чтобы его собратья смогли засечь направление.

— Помощь подоспеет через несколько минут, а до тех пор мы с вами бессильны,— резко сказал стражник и достал из кармана блокнот.— Теперь, ваше лордство, я еще раз хотел бы услышать ваше имя. Как и имена остальных участников происшествия.

Командор повторил свое имя, затем сказал:

— Девушку зовут Тия Эйнциг.— Он произнес ее фамилию по буквам.— Она — важная свидетельница

по делу об убийстве, потому убийца и хотел от нее избавиться. Человека, прыгнувшего за ней, зовут лорд Дарси, он...

— Вы сказали «лорд Дарси»? — Стражник оторвал глаза от блокнота. — Лорд Дарси, знаменитый следователь из Руана?

— Он самый.

— Тот самый лорд Дарси, который прибыл из Нормандии с целью помочь лорду Бонтриомфу раскрыть убийство в гостинице Королевского управления?

— Именно он, — сказал Эшли устало.

— И он прыгнул в *реку?*

— Да, он прыгнул в реку! — Командор выразительно пожал плечами. — Лорд Дарси пытался спасти девушку. Сейчас он, наверное, уже доплыл до Нора[1]. Если мы подождем еще немного, он вполне успеет вернуться назад.

— Вы слишком нетерпеливы, ваше лордство, — раздраженно произнес стражник. — Спешка — родная сестра неудачи.

Он снова поднес свисток к губам и послал сигнал тревоги. Через несколько секунд повторил его.

Вскоре они услышали цокот копыт. Цокот быстро приближался и превратился в глухой гром, когда лошадь галопом выскочила на мост. В тумане возникло световое пятно. Стражник тут же посигналил своим фонарем и сказал:

— А вот и сержант, ваше лордство.

Неожиданно нависший над ними сержант стражи осадил гнедого мерина. Стражник вытянулся в струнку.

— Что случилось, Артур?

— Этот джентльмен, сержант, — командор лорд Эшли. Имперский военно-морской флот. — Стражник открыл блокнот и быстро и сжато доложил обо всем, что ему рассказал Эшли.

---

[1] Нор — департамент на сервере Франции, в который входит часть береговой полосы пролива Па-де-Кале.

Не успел он закончить, как с обоих концов моста послышались топот тяжелых сапог и цокот копыт. Прибыла подмога.

— Все ясно, милорд командор, — сказал сержант. — Мы займемся поисками лорда Дарси. Скорее всего, он поплыл к правому берегу, поскольку тот ближе, но мы обыщем обе набережные. Артур, отправляйтесь к патрульному посту у Темза-стрит. Скажите им, чтобы выводили на реку свои катера. И пусть передадут сообщение на другие посты вниз по течению. Надо обшарить Темзу — отсюда до Челси[1].

— Слушаюсь, сержант! — Артур растворился в тумане.

— Если можно, сержант, я хотел бы попросить вас об одолжении, — сказал Эшли.

— Все, что в моих силах, милорд командор!

— Отправьте курьера в гостиницу Королевского управления. Пусть он доложит обо всем, что произошло, сержанту стражи, дежурящему там. Кстати, около гостиницы меня ждет младший офицер Хоскинс со служебным экипажем, принадлежащим Адмиралтейству. Пусть курьер передаст Хоскинсу приказ командора лорда Эшли немедленно доставить экипаж на Темза-стрит, к мосту Сомерсет. Я тоже полагаю, что лорд Дарси направился к правому берегу, и помогу вашим людям в прочесывании набережной.

— Хорошо, милорд. Курьер будет послан без промедления.

Мэри де Камберленд вышагивала по пустому вестибюлю Королевского управления, изо всех сил стремясь подавить в своей душе нервное нетерпение.

Она чувствовала, что должна предпринять какие-то действия, но не знала — какие.

Она хотела бы с кем-нибудь поговорить, но говорить было не с кем.

---

[1] Челси — район Большого Лондона.

Сэр Лайон и сэр Томас все еще совещались с высокопоставленными волшебниками Империи. Мастер Шон находился в морге, наблюдая за аутопсией[1] мастера сэра Джеймса Цвинге. Лорд Бонтриомф — со слов сержанта, дежурившего во временном штабе,— обшаривал город в поисках пропавшего человека по имени Пол Николс. (Мэри знала, что сержант не сказал бы ей и этого, если бы лорд Бонтриомф не сообщил ему, что ее светлость вдовствующая герцогиня Камберлендская привлечена к расследованию в качестве поставщика информации. Сержант, видимо, относился к ее статусу в расследовании с гораздо большим пиететом, чем статус того заслуживал.) А лорд Дарси самым вульгарным образом таскался по улицам, следя за Тией Эйнциг.

Все это не оставляло герцогине никакого занятия.

Перестав мерить шагами вестибюль, она свернула в коридор, ведущий к временному штабу. Возможно, туда поступили какие-нибудь новости. А если и нет, так лучше побеседовать с сержантом, чем бесцельно мотаться по вестибюлю.

Конечно, если бы нынешняя конвенция развивалась по обычному сценарию, Мэри нашла бы, с кем повеселиться в «Оружейной комнате». Но убийство заставило волшебников поумерить свои аппетиты.

Герцогиня шагнула через открытую дверь в маленький кабинет:

— Есть новости, сержант Питер?

— Никаких, ваша светлость.— Сержант стражи встал из-за стола.— Лорд Бонтриомф так пока и не вернулся, лорд Дарси — тоже.

— Судя по вашему виду, сержант, вы скучаете, как и я. Можно мне присесть?

— Окажите мне честь, ваша светлость! Прошу вас, располагайтесь вот в этом кресле. Боюсь, правда, что оно не очень удобно. Похоже, ночного управляющего снабдили не самой лучшей мебелью.

[1] Аутопсия — вскрытие трупа для определения причин смерти.

В кабинет ввалился еще один сержант. Кивнув герцогине, сказал:

— Д'вечер, мэм! — Повернулся к дежурному: — Вы здесь главный?

— До возвращения лорда Бонтриомфа или лорда Дарси — я,— сказал дежурный.— Сержант Питер О Сечнейл.

— Сержант Мишель Кёр-Терр, речной наряд. Возвращения лорда Дарси вы можете и не дождаться. Девушку по имени Тия Эйнциг столкнули с моста Сомерсет, и лорд Дарси прыгнул вслед за ней. Там выводят на реку патрульные катера и организуют по обеим набережным от моста Сомерсет до Челси поисковые группы, но лично я думаю, шансов не много. Командор лорд Эшли попросил нас сообщить вам о случившемся. Он сказал, что лорду Бонтриомфу потребуется информация.

Сержант Питер кивнул.

— Ладно,— резко сказал он.— Я доложу его лордству, как только он вернется. Что-нибудь еще?

— Да. Вы не знаете, где находится младший офицер Хоскинс со служебным экипажем? Командор лорд Эшли приказал, чтобы он немедленно отправился на Темза-стрит к мосту Сомерсет. Транспорт потребуется лорду Дарси, когда они найдут его... Хотя я полагаю, что его лордства уже нет в живых.

Мэри де Камберленд встала и тихо сказала:

— Он жив. Если бы он умер, я бы знала.

— Прошу прощения, мэм? — сказал сержант Мишель Кёр-Терр.— Не понял...

— Пустяки, сержант,— спокойно ответила герцогиня.— Вы сказали, на Темза-стрит к мосту Сомерсет? Я знаю, где младший офицер Хоскинс. Я передам ему приказ.

И тут сержант Мишель заметил наконец на платье Мэри герб Камберлендов. А сержант Питер пояснил:

— Ее светлость работает с нами над этим делом.

— О, это... это очень мило со стороны вашей светлости,— сказал сержант Мишель.

— Ничуть, сержант!

Герцогиня вышла из кабинета, быстро прошла по коридору, пересекла вестибюль и вышла на улицу. Она понятия не имела, где может стоять служебный экипаж Адмиралтейства, но время задавать вопросы уже миновало.

Поиски не отняли у нее много времени. Экипаж ждал в полуквартале от парадной двери Королевского управления, ближе к улице святого Суидина. Герб Адмиралтейства на дверце экипажа мог не узнать только полный идиот. Кучер и лакей сидели, завернувшись в шинели и укрыв ноги пледом, спокойно курили трубки и разговаривали.

— Младший офицер Хоскинс? — властно спросила Мэри.— Я — герцогиня Камберлендская. Лорд Эшли прислал приказ, чтобы экипаж немедленно следовал на Темза-стрит к мосту Сомерсет. Я еду с вами.

И прежде чем лакей успел хоть пальцем пошевелить, чтобы спуститься вниз, она распахнула дверцу и села в экипаж. Младший офицер Хоскинс открыл окошко в крыше и посмотрел на нее:

— Ваша светлость, но...

— Лорд Эшли,— холодно перебила герцогиня,— приказал отправляться *немедленно.* Это экстренный случай... А теперь, черт возьми, вперед!

Младший офицер Хоскинс моргнул:

— Да, ваша светлость!

Он закрыл окошко, и экипаж тронулся.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Глава XVII

Когда тело лорда Дарси скользнуло в утробу Темзы, ощущение было такое, что его мгновенно вморозили в гигантскую глыбу льда. И только то, что он мог двигать руками и ногами, говорило, что вокруг не лед, а чернильные воды Темзы. Секунда за секундой он барахтался, пытаясь сорвать камзол, и вроде пора уже было зарыться в грязь и придонный мрак, но тут голова его оказалась на поверхности. Он сделал глубокий вдох и снова ушел под воду.

«Какой же ты дурак, — говорил он себе, пока стаскивал обувь, — проклятый тупой осел с куриными мозгами. Или вообще без мозгов... Ведь девушка позволила столкнуть себя без борьбы, не издала ни единого звука. Разве есть шансы отыскать ее в этом мире мрака и смерти, более чем в сотне ярдов от ближайшего берега?..»

Тяжесть на бедре напомнила ему еще кое о чем. Конечно, он мог бы достать пистолет, но никогда не стал бы стрелять в человека, вооруженного только рапирой. Впрочем, время, потраченное на то, чтобы заставить противника бросить свое оружие, обернулось бы потерянными драгоценными секундами. Даже сейчас его шансы найти девушку были малы. Если бы случилась задержка, они вообще бы приближались к нулю.

Во всяком случае, подумал он, стоило бы оставить пистолет на мосту. Сейчас он стал лишь помехой.

С сожалением Дарси вытащил оружие из кобуры и навсегда вручил его грязным глубинам могучей реки. Потом снова всплыл на поверхность и огляделся.

Было совсем не так темно, как ему показалось вначале. Смутно, но огни на мосту все же были видны.

— Тия! — крикнул Дарси. — Тия Эйнциг! Где вы? Вы меня слышите?

Течение должно было унести ее под мост, но как далеко? Может, она уже сделала свой последний вдох — не воздухом, а водой?

Вдруг до него донесся какой-то неясный звук.

Дарси прислушался: всхлип — очень тихий — и слабый всплеск.

— Тия Эйнциг! — снова позвал Дарси. — Где вы?

Ответа не было, но шум повторился. Выше по течению, между Дарси и мостом. Все-таки он правильно рассчитал, прыгнув в реку с противоположной балюстрады.

Дарси поплыл в сторону неясных звуков, его сильные руки успешно боролись с течением. Источник шума приближался, но в мяукающем всхлипывании не было ничего человеческого.

И тут следователь коснулся ее.

Она тоже боролась с течением, но не очень уверенно. Этого, однако, оказалось достаточно, чтобы держать голову над водой. Дарси обнял девушку левой рукой, и она тут же замерла. Плаща на ней не было — по-видимому, сорвало при ударе о воду. Всхлипывания прекратились, тело Тии совсем расслабилось, но дышать она продолжала. Поддерживая ее лицо над водой, Дарси принялся загребать рукой, направляясь к правому берегу.

Слава Богу, она маленькая и легкая, подумал он. Не больше семи драгоценных камней, к тому же насквозь промокших[1].

1 В оригинале здесь игра слов. Английское слово «stone» обозначает как «камень» (в том числе и драгоценный), так и единицу измерения веса (6,34 кг).

Мысль показалась ему смешной, но смех в такой ситуации был явно делом несвоевременным. Все равно что смеяться на собственных похоронах, подумал он, и эта вторая мысль оказалась достаточно мрачной, чтобы отбить у него всякое желание смеяться.

Где, в конце концов, этот чертов берег?! Сколько времени нужно, чтобы проплыть сто с небольшим ярдов?

Дарси казалось, что с начала заплыва прошли часы. Мышцы правого плеча потихоньку наливались усталостью. По-прежнему поддерживая голову девушки над водой, он сменил руки, начал загребать левой. Минуты тянулись как часы, и теперь вокруг него была только тьма. Огни на мосту давно растворились, а огни на берегу — если берег вообще *существовал* в этот мире! — и не думали появляться.

Не потерял ли он ориентировку? Может, он плывет по течению, а не поперек реки? Как проверишь? Вокруг ничего — одна вода, вода, вода... Гребок за гребком, гребок за гребком, гребок за гребком...

И вдруг, когда он вытянул руку для очередного гребка, пальцы наткнулись на что-то твердое. От удара руку и запястье пронзила жалящая боль.

Это была каменная полка, одна из ступеней лестницы, ведущей с набережной к воде. Дарси вытолкнул на ступеньку девушку, затем выбрался из воды и сам.

С Тией, похоже, все было более или менее нормально: во всяком случае, она дышала.

Неожиданно Дарси понял — он настолько ослаб и измотан, что вряд ли без посторонней помощи сумеет взобраться по ступенькам на набережную. А уж втащить наверх девушку... Но разве можно оставить ее лежать на холодном камне?!

Он приподнял Тию, прижал к себе, стараясь согреть ее тело, и замер.

Так он и сидел на ступенях — неподвижный, холодный и мокрый. Как статуя в осеннюю ночь. И мысли его целиком растворились в бескрайней тьме.

Минула вечность, и что-то коснулось его оцепеневшего сознания. В окружающем мире происходили какие-то изменения. Краем глаза Дарси уловил странное движение и повернул голову налево.

Во мраке появилось смутное свечение, превратилось в огонек. Огонек метался взад-вперед и становился все ярче. Нет, он был не один, их было два... три...

И тут до него донесся голос:

— Э-э-э!.. Лорд Дарси! Вы слышите нас, милорд?

Оцепеневший мозг оживал, снова обретал возможность анализировать происходящее.

Туман, похоже, несколько поредел, подумал Дарси. Голоса явно звучат еще издали, но огни уже хорошо различимы.

— Эй! — крикнул он. Его голос прозвучал слабо даже для его собственных ушей. Он попробовал еще раз: — Э-э-эй!

— Кто тут? — спросили из мрака.

Дарси неожиданно для себя усмехнулся.

— Тут лорд Дарси,— крикнул он.— Ведь вы меня звали, насколько я понял.

В темноте заорали:

— Он здесь! Мы нашли его!

Кто-то свистел в свисток.

Дарси всего вдруг заколотило, зубы его застучали.

Вот и реакция, подумал он, изо всех сил пытаясь справиться с зубами, я слаб, как новорожденный котенок.

Холод превратил его мышцы в студень. Тепло ощущалось только в груди, к которой он продолжал прижимать Тию.

Девушка все еще дышала — спокойно, размеренно,— но тело ее было полностью расслаблено. Словно он держал на руках еще не остывший труп. Она даже не дрожала.

Все нормально, подумал Дарси, просто я дрожу за нас обоих. Вокруг метались огни, слышался топот ног.

Похоже, они собрали тут целую армию, равнодушно подумал Дарси.

А потом рядом с ним появился стражник и, осветив его фонарем, спросил:

— С вами все в порядке, ваше лордство?

— Да, замерз только очень.

Стражник заметил наконец Тию:

— Боже правый, милорд! Девушка с вами?! — Он заорал в темноту: — Девушка у него!

Но Дарси его уже не слушал. Он смотрел на Тию. Свет фонаря бил ей прямо в лицо. Глаза девушки были широко открыты, но взгляд был устремлен в никуда. Так смотрят мертвые. Впрочем, мертвые еще и не дышат.

К нашедшему Дарси стражнику присоединялись другие.

— Больше света его лордству!

— Разрешите помочь вам подняться, милорд!

А потом раздался знакомый голос:

— Дарси! Слава Богу, вы живы! И девушка тоже? Это просто чудо!

— Привет, Эшли,— сказал Дарси.— Спасибо, что организовали помощь.

Эшли усмехнулся:

— Вот ваш плащ. Негоже мусорить на мостах.

Он сбросил свой плащ, накинул его на Тию. Потом осторожно поднял ее на руки и понес по ступенькам вверх, аккуратно, бережно. Как жених невесту.

Дарси тоже закутался, но его продолжало колотить.

— Вам надо в тепло, милорд,— сказал стражник.— Иначе эта сырость убьет вас.

Дарси собрался с силами и начал подниматься по лестнице. И тут с набережной донесся еще один знакомый голос:

— Вы нашли его?

— Мы нашли обоих, ваша светлость,— ответили из темноты.

— Мэри,— позвал Дарси,— а вы-то что здесь делаете?

— На этот вопрос я уже отвечала вам вчера вечером.— Герцогиня рассмеялась.— Я приехала вас спасти.

— Сегодня я вам верю,— сказал Дарси.

В конце концов ему удалось справиться с лестницей. Выбравшись на набережную, он обнаружил лорда Эшли, держащего на руках Тию. Несколько стражников светили на девушку фонарями, а Мэри — сейчас не герцогиня, но умелая медсестра — ощупывала ее своими пальцами, пальцами сенситива.

— Что с ней? — спросил Дарси.

— Вы весь дрожите,— сказала Мэри, не поднимая головы.— В экипаже есть бренди. Выпейте немного.— Она посмотрела на лорда Эшли.— Кладите ее в коляску. Мы отвезем ее прямо в Карлайл-хаус. Там отец Патрик — лучшего ухода она не получит и в госпитале.

Два глотка бренди помогли Дарси справиться с дрожью.

— Что с ней? — спросил он снова.

— Шок и переохлаждение, разумеется,— ответила Мэри.— Могут быть и повреждения внутренних органов, но думаю, все же ничего серьезного. Однако она находится под действием заклинания, которое я не могу снять. Надо как можно скорее отвезти ее к отцу Патрику.

Они уложили девушку на одно из сидений экипажа.

— С ней все будет в порядке? — спросил Эшли.

— Думаю, да,— ответила герцогиня.

Эшли кивнул и сказал:

— Лорд Дарси, можно поговорить с вами с глазу на глаз?

— Разумеется... В чем дело?

Они отошли в сторону.

— Человек на мосту...— начал Эшли.

— Ах да,— сказал Дарси.— Я должен был сразу спросить о нем. Однако вы, я вижу, не ранены. Надеюсь, его не пришлось убить?

— Не пришлось... Стыдно признаться, но я даже не сумел его задержать. Поскользнулся на мостовой, и он скрылся. Впрочем, лицо его я рассмотреть сумел.

— Вы его узнали?

— Да. Это наш льстивый приятель, мастер Юэн Макалистер.

Дарси кивнул:

— То-то мне показался знакомым его голос, когда он приказал Тии лезть на балюстраду. Он держал ее под заклятием.

— Покушение на Тию — не единственное применение черной магии со стороны этой свиньи,— заметил Эшли и рассказал Дарси о своем поединке с Макалистером.

— В таком случае, вам нечего стыдиться,— сказал Дарси.— Я рад, что вы вообще остались в живых.

— Я тоже,— сказал Эшли.— Слушайте, в экипаже не хватит места для всех. Ведь Тии потребуется целое сиденье. Вы поезжайте, а я все равно сегодня больше не понадоблюсь. Кто-нибудь из стражников поймает мне кэб.

— Спасибо,— сказал Дарси.— Не сделаете ли мне одолжение? Надо бы заглянуть в Королевское управление и рассказать обо всем лорду Бонтриомфу. Если мастер Юэн понял, что вы его узнали, он вряд ли покажется в гостинице. Скажите Бонтриомфу, чтобы он уведомил сэра Лаойна. Хорошо?

— Конечно. Прямо сейчас туда и отправлюсь. Добрый ночи, милорд! Доброй ночи, ваша светлость! — крикнул командор герцогине.

Дарси открыл дверцу экипажа.

— В Карлайл-хаус, Хоскинс,— сказал он и забрался внутрь.

Прошло больше часа, пока лорд Дарси действительно не почувствовал себя лучше. Горячая ванна освободила его от ледяных лап и запахов Темзы. Короткая, но наполненная магическими деяниями встреча с отцом Патриком обезопасила от простуды. Мэри де Камберленд и добрейший отец энергично настаивали на том, чтобы он отправился в постель, так что вскоре Дарси обнаружил себя разлегшимся в шелковой пижаме на четырех или пяти подушках. Ноги его были укрыты парой теплых шерстяных одеял, а плечи обернуты в тяжелую шаль. Кроме того, в ногах его размес-

тилась бутылка горячей воды, а в желудке — две тарелки горячего сытного супа.

Открылась дверь, и вошла Мэри, неся на подносе большую дымящуюся кружку.

— Как вы себя чувствуете? — спросила она.

— Если честно, то вполне прилично. А как Тия?

— Отец Патрик сказал, что все будет хорошо. Он уложил ее спать. Заявил, что до завтра она ни с кем говорить не сможет.— Она поставила кружку на столик у кровати.— Это вам. — Что это? — спросил Дарси, с подозрением косясь на кружку.

— Лекарство. Очень полезно при вашем самочувствии.

— А что в лекарстве?

— Ну, если вам так уж интересно, то оно содержит бренди «Опорто», мед, горячую воду и пару травок, прописанных отцом Патриком.

— Да-а,— сказал Дарси,— пока вы не упомянули последнее, звучало весьма недурственно.— Он взял кружку и отхлебнул.— Впрочем, и на вкус тоже неплохо.

— Есть ли у вас силы принимать посетителей? — участливо спросила герцогиня.

— Нет,— ответил Дарси.— Я на смертном одре. Я в коме. Мое дыхание поверхностно, пульс слаб и нитевиден. А кто желает со мной пообщаться?

— Ну, сэр Томас, к примеру. Он хотел поблагодарить вас за спасение Тии, но бедняга сам, кажется, на грани срыва, и я сказала ему, что он сможет поблагодарить вас и завтра. Лорд Джон Кецаль согласился, что его разговор с вами тоже может подождать до завтра. Но вот сэр Лайон... Он приехал несколько минут назад, и я настоятельно советую вам с ним встретиться.

— А где же мастер Шон?

— Полагаю, он тоже был бы здесь, если бы хоть кто-нибудь догадался сообщить ему о вашем намерении принять бодрящую прохладную ванну... Он все еще в морге.

— Бедняга,— сказал Дарси.— У него был тяжелый день.

— А *вы* чем занимались? — спросила ее светлость. — Кружева плели?

Дарси пропустил ее реплику мимо ушей.

— Я рассчитываю, что он абсолютно точно и различными способами определит, были ли использованы наркотики или яды, — задумчиво сказал он. — Я подозреваю, что нет, но наверняка мы будем знать, лишь когда Шон завершит свою работу.

— Да, — согласилась ее светлость. — Так вы примете сэра Лайона?

— Конечно!.. Пожалуйста, пригласите его.

Вдовствующая герцогиня Камберлендская вышла и через минуту вернулась в сопровождении высокого стройного седобородого сэра Лайона Гандолфуса Грея.

— Я понимаю, у вас был день, полный приключений, — веско сказал гроссмейстер.

— Обычный день офицера королевской юстиции, сэр Лайон, не более. Прошу вас, садитесь.

— Благодарю, — сказал сэр Лайон и обратился к герцогине, собравшейся покинуть комнату: — Ваша светлость, не будете ли вы добры остаться? Разговор касается не только офицеров короля, но и каждого члена гильдии.

— Разумеется, гроссмейстер! — Герцогиня вернулась и села в кресло.

Сэр Лайон снова посмотрел на Дарси:

— Командор лорд Эшли проинформировал меня о том, что опознал мастера Юэна Макалистера. Бонтриомф тут же отдал стражникам приказ искать его по всему городу. Со своей стороны, я послал всех находящихся в Лондоне мастеров-тауматургов на помощь стражникам, чтобы они помешали Макалистеру использовать для побега свое Искусство.

— Очень хорошо, — сказал Дарси.

— Не подкрепленное уликами слово лорда Эшли, — продолжал гроссмейстер, — само по себе было бы недостаточным, чтобы предъявить мастеру Юэну обвинение перед Специальным исполнительным комитетом гильдии магов. Но этого слова вполне было достаточ-

но, чтобы заставить нас предпринять немедленные действия по поиску таких улик.

— В самом деле? — с интересом сказал Дарси.— Разумеется, вы нашли эти улики.

Сэр Лайон тяжело вздохнул:

— Да. Вам, наверное, известно, что волшебники для защиты начитывают на саквояжи, в которых носят атрибуты своей профессии, специальные заклинания?

— Известно,— сказал Дарси, вспомнив, с какой легкостью мастер Шон вернул себе свой саквояж.

— Тогда вы поймете, почему мы попросили лорда Бонтриомфа немедленно получить у судьи ордер на обыск, а затем отправились прямо в комнату мастера Юэна. Как и сэр Джеймс, он тоже наложил на замок специальное заклинание, но мы сняли его за пятнадцать минут. После этого мы сняли защитные заклинания и с его саквояжа. Все улики были там — пузырек кладбищенской пыли, две мумифицированные летучие мыши, человеческие кости, порох, содержащий серу, и многие другие вещи, хранить которые волшебник может лишь в том случае, если он получил специальное разрешение на исследования от гильдии вкупе с надлежащими полномочиями от церкви.

Лорд Дарси кивнул.

— «Черная магия основана на символизме и намерениях»,— процитировал он.

— Именно,— сказал сэр Лайон.— Кроме того, у меня есть свидетельство отца Патрика о черном заклинании, которое Макалистер наложил сегодня вечером на Тию. Так что, милорд, у нас вполне достаточно доказательств, чтобы обвинить его в черной магии. Сможете вы собрать улики для обвинения его в других преступлениях или нет — это, разумеется, другой вопрос, но будьте уверены: гильдия сделает все, что в наших силах, чтобы помочь вам их собрать. Вам надо только попросить, милорд.

— Благодарю вас, сэр Лайон. Не удовлетворите ли вы мое любопытство еще в одном плане?.. Лорд Эшли рассказал вам о своем поединке на мосту Сомерсет?

— Да.

— Прав ли я, полагая, что заклинание, наложенное мастером Юэном на свое оружие, есть в каком-то смысле использование эффекта Тарнхелма?

— Бесспорно! — Сэр Лайон улыбнулся, но было видно, что он несколько озадачен. — Вы весьма проницательны, милорд! Распознать это лишь по описанию лорда Эшли...

— Вовсе нет, — сказал Дарси. — Просто мастер Шон — великолепный учитель.

— Милорд не просто проницателен, гроссмейстер, — сказала вдовствующая герцогиня. — Он меня вообще в гроб загонит. Я знаю, что такое эффект Тарнхелма, поскольку не раз встречалась с ним в учебниках, но теория и практика его использования — выше моего понимания.

— Вы должны только радоваться способностям милорда, — решительно сказал сэр Лайон. — Одна из проблем общественной психологии заключается в том, что слишком мало неспециалистов проявляют интерес к науке. Если бы было больше людей, похожих на лорда Дарси, мы бы уже давно справились с суевериями, до сих пор царящими в умах девяноста девяти человек из ста. — Он улыбнулся. — Я понимаю, вы пошутили, но мы все обязаны обучать неспециалистов при первой же возможности. Только из-за невежества и суеверий процветают все эти самозваные маги, ведьмы и прочие деятели, практикующие без лицензии. Только из-за невежества и суеверий столько людей считают, что черную магию можно победить лишь черной магией, что единственный способ уничтожить зло — прибегнуть к использованию другого зла. Только из-за невежества и суеверий знахари и шарлатаны, не обладающие и крупицей Таланта, могут жить за счет продажи под видом амулетов и талисманов всяких безделушек. — Сэр Лайон вздохнул, и Дарси показалось, что гроссмейстер в один миг постарел и потерял всю свою импозантность. — Разумеется, обучение такого рода не приведет само по себе к исчезновению мастеров Юэнов. Современная на-

ука по сравнению с предыдущими веками хороша уже тем, что позволяет нам иметь менее коррумпированные и менее коррумпируемые правительство, церковь и суд, но даже наука не всесильна. По-прежнему существуют выверты человеческой натуры, которые мы способны распознать лишь тогда, когда становится поздно, и Юэн Макалистер — яркий тому пример.

— Сэр Лайон, — заметил Дарси. — Я бы сказал, что случай с мастером Юэном имеет несколько большее значение. В нашей собственной истории — а в некоторых странах и до сих пор — существуют социальные структуры, пытающиеся скрыть и замолчать преступные деяния своих членов. Было время, когда церковь, правительство и суд скорее предпочли бы проигнорировать или скрыть проступки священника, правителя и судьи, чем признать перед общественным мнением свою небезгрешность. Ведь любая претендующая на непогрешимость социальная структура стремится не совершать ошибок, а ошибки, которые неизбежны, покрываются тайной либо всячески оправдываются — ложью, увертками или искажениями. И когда-нибудь это приводит к коллапсу всей структуры. Маленький человек, у которого нет никакой власти, доверяет тем, у кого есть власть — будь то духовная, светская или колдовская, — именно потому, что он уверен: мы сделаем все, чтобы выявить такого вот мастера Юэна. Маленький человек знает: мы никогда не возьмем такого мастера под защиту и не притворимся, будто его не существует. И потому мастер Юэн становится воплощением неудачи, которое может быть превращено в символ удачи.

— Разумеется, — сказал сэр Лайон, — но все равно неприятно, когда такое происходит. Последний подобный случай произошел в тридцать девятом, когда гроссмейстером был сэр Эдвард Элмер. Я входил тогда в Специальный исполнительный комитет и очень надеялся, что при моей жизни гильдия с подобным больше не столкнется. Тем не менее мы предпримем все, что обязаны предпринять. — Он поднялся. — Могу я еще что-нибудь сделать для вас?

— Думаю, нет, сэр Лайон. Во всяком случае, не сейчас. Большое вам спасибо за информацию! Да, кстати... Не скажете ли вы магам, занимающимся поисками мастера Юэна, чтобы меня обязательно уведомили, если его возьмут ночью? В любое время... Есть вопросы, которые я хотел бы ему задать немедленно.

— Я уже дал такие указания в отношении себя, — сказал сэр Лайон. — Прослежу, чтобы и вам сообщили. Спокойной ночи, милорд! Спокойной ночи, ваша светлость! Если что-нибудь случится, я в своей комнате.

Когда гроссмейстер вышел, вдовствующая герцогиня сказала:

— Надеюсь, до утра они никого не поймают. Вам обязательно надо выспаться. Однако я рада, что эта жуткая заварушка близится к завершению.

— Не будьте слишком оптимистичны, Мэри, — сказал лорд Дарси. — Еще крайне много вопросов остается без ответа. Мастера Юэна до сих пор не нашли, а Пол Николс, где бы он ни скрывался, умудряется избежать задержания уже в течение тридцати шести часов. И мы по-прежнему не получили результатов титанических трудов мастера Шона. У этой запутанной веревки еще слишком много узлов, чтобы утверждать, что виден конец. — Он посмотрел на свою пустую кружку. — Не соблаговолите ли вы принести мне еще одну? На сей раз без дополнительных ароматизаторов доброго отца Патрика, если вас не затруднит.

— Конечно.

Однако когда вдовствующая герцогиня вернулась, лорд Дарси уже крепко спал, и воспользоваться содержимым горячей кружки пришлось ей самой.

Глава XVIII

— Надеюсь, вы чувствуете себя сносно, милорд?

Всегда пунктуальный, Джеффри поставил на столик у кровати кофейник и чашку.

— Вполне сносно, Джеффри, благодарю вас, — сказал Дарси. — Ах! Кофе пахнет изумительно. Надеюсь,

вы сами его сварили? Карлайл-хаус, за исключением моего собственного дома, — единственное место в Империи, где можно получить приличный утренний кофе.

— Очень приятно слышать это от вас, милорд, — сказал Джеффри, наливая кофе. — Кстати, я позволил себе вольность принести вам утренний «Курьер». Есть, однако, сообщение, с которым ваше лордство, возможно, пожелает ознакомиться раньше новостей. — Он извлек конверт десяти дюймов в ширину и четырнадцати в длину.

Лорд Дарси тут же узнал на клапане личную печать мастера Шона.

— Мастер Шон О Лохлейн, — сказал Джеффри, — явился ночью, уже после того как вы изволили уснуть. Он пожелал, чтобы я передал вашему лордству послание сразу, как только ваше лордство проснется.

Дарси взял конверт. По-видимому, в нем находился отчет об исследованиях, которые мастер Шон произвел в номере покойного сэра Джеймса Цвинге, а также отчет об аутопсии.

Лорд Дарси глянул на часы на столике:

— Благодарю вас, Джеффри. Не будете ли вы добры через сорок пять минут разбудить мастера Шона и передать ему, что ровно в десять я жду его к завтраку?

— Конечно, милорд. Что-нибудь еще, милорд?

— Пока нет.

— Рад служить вам, милорд! — Джеффри вышел.

В течение часа Дарси ознакомился с отчетом мастера Шона и прочел лондонский «Курьер». К десяти он был одет и полностью готов к работе. Горячий завтрак на двоих накрыли на столе в гостиной. Ровно в десять раздался стук в дверь.

— Входите, дорогой Шон, — сказал Дарси. — Бекон и яичница с нетерпением ждут нас.

Волшебник появился с улыбкой на лице, но Дарси заметил, что улыбка эта выглядит несколько натянутой.

— Доброе утро, милорд, — вежливо сказал волшебник. — Вы ознакомились с моим отчетом?

Он сел за стол.

— Да,— сказал Дарси.— И не нашел там ничего, что бы объяснило ваш суровый вид. Обсудим отчет после завтрака. Вы уже видели сегодняшний утренний «Курьер»?

— Нет, милорд, еще не успел.— Мастер Шон принялся за яичницу с беконом.— Там есть что-нибудь интересное?

— Нет,— сказал Дарси.— Ничего там интересного нет, помимо льстивых упоминаний обо мне и еще более льстивых упоминаний о вас. Можете ознакомиться с ними на досуге. Единственное заслуживающее внимания сообщение — то, что сегодня вечером не будет тумана.

Следующая четверть часа прошла в необычной тишине. Всегда болтливому мастеру Шону сегодня, казалось, нечего было сказать.

В конце концов Дарси с некоторым раздражением отодвинул тарелку и проговорил:

— Шутки в сторону, дорогой Шон! Я не вижу вашего привычного энтузиазма. Если есть что-нибудь, помимо содержащегося в отчете, я хотел бы немедленно это услышать.

Мастер Шон спрятал улыбку за кофейной чашкой:

— Нет, мне нечего добавить к отчету. Не хочется мешать вашему завтраку. Возможно, я еще не совсем проснулся.

Дарси нахмурился, взял аккуратно написанный отчет и раскрыл его.

— Прекрасно! Тогда у меня несколько вопросов, просто так, ради голого любопытства. Во-первых, рана...

— Да, милорд?

— Согласно вашему отчету, лезвие вошло в грудь сверху вниз, между третьим и четвертым ребром, в результате чего образовалась рана около пяти дюймов глубиной. Лезвие задело стенку легочной аорты, и эта рана, несомненно, стала причиной смерти.

— Несомненно, милорд.

— Очень хорошо.— Дарси встал.— Будьте добры, мастер Шон, возьмите ложку и представьте, что у вас в руке нож. Теперь ударьте меня под тем самым углом, под которым была нанесена рана сэру Джеймсу.

Мастер Шон взялся за черенок ложки, поднял ее над головой и медленно, по широкой дуге, опустил ее до касания с грудью его лордства.

— Очень хорошо! Благодарю вас, Шон. Если нанести настоящий удар, куда бы проникло лезвие?

— Ну, милорд, если бы под таким углом в грудь вошла пуля, она вышла бы в районе поясницы.

Дарси, кивнув, вернулся к отчету.

— И,— размышлял он вслух,— как показали результаты осмотра, лезвие повредило ребра выше и ниже раны.— Он посмотрел на ирландца.— Мастер Шон, если бы вы пожелали зарезать человека, как бы вы это проделали?

Мастер Шон повернул ложку так, что его большой палец коснулся черенка, и выбросил руку вперед, коснувшись груди лорда Дарси.

— Конечно, так, милорд.

Следователь кивнул:

— И при подобном ударе плоскость ножа параллельна ребрам, а не перпендикулярна к ним.

— Конечно, милорд,— сказал мастер Шон.— Если лезвие будет расположено иначе, оно, скорее всего, застрянет между ребрами.

— Скорее всего,— согласился Дарси.— Кстати, согласно отчету об аутопсии, присланному мне вчера из Шербура сэром Элиотом, Жорж Барбур был убит тем самым ударом, который вы только что продемонстрировали. А вот сэра Джеймса зарезали способом, который бы не применил ни один квалифицированный специалист по работе с ножом.

— Верно, милорд. Ни один человек, умеющий обращаться с ножом, никогда бы не нанес удар сверху.

— Зачем же тогда одному человеку совершать убийства с использованием двух столь отличных друг от друга методов?

— Если это был *тот же самый* человек, милорд...

— Да-да... Но если даже предположить, что существуют двое различных убийц, — а именно так считает разведка флота, — то удар, нанесенный сэру Джеймсу, по-прежнему остается неквалифицированным, не так ли? Стал бы профессиональный убийца преднамеренно наносить подобный удар?

Мастер Шон хохотнул:

— Если бы его нанимал я, милорд, не думаю, чтобы он соответствовал бы моим требованиям.

— Неплохо сказано. — Дарси улыбнулся. — Кстати, вы тщательно изучили нож?

— Пентакль сэра Джеймса?.. Да.

— Я тоже — вчера, когда он лежал на полу в комнате сэра Джеймса. Мне бы хотелось привлечь ваше внимание к специфическому состоянию ножа.

Мастер Шон нахмурился:

— Но... в его состоянии не было ничего специфического!

— Именно. В этом и выражается специфичность.

Пока мастер Шон переваривал последний аргумент, Дарси продолжил:

— Теперь обратимся к другим фактам.

Он сел и перевернул очередную страницу отчета. Мастер Шон занял свое кресло и положил ложку в тарелку.

— Здесь вы говорите, что сэр Джеймс умер между девятью двадцатью пятью и девятью тридцатью пятью, так?

— Это проистекает из результатов вскрытия и данных магического обследования, милорд. А так как сам я слышал его крик ровно в половине десятого — плюс-минус полминуты, — то могу утверждать, что сэр Джеймс умер между девятью двадцатью девятью и девятью тридцатью пятью.

— Очень хорошо, — сказал Дарси. — Но насколько я понимаю, психические матрицы показывают нам, что удар ножом был нанесен без пяти девять. — Он перевернул страницу отчета. — Значит, нож вошел в стенку легочной аорты, но до конца ее не вскрыл. Рана,

однако, оказалась достаточно серьезной, чтобы наступил шок. Так что сэр Джеймс был смертельно ранен уже в тот момент.

— Ну, милорд,— сказал мастер Шон,— рана могла быть и несмертельной. Возможно, хороший целитель, появись он вовремя, и спас бы жизнь сэра Джеймса.

— Потому что стенка аорты была прорезана не до конца?

— Да. Если бы артерию вскрыли сразу и насквозь, сэр Джеймс умер бы прежде, чем упал на пол. При вскрытии подобной артерии падение кровяного давления приведет к потере сознания за доли секунды. Почти тут же наступают сердечная аритмия и смерть.

Лорд Дарси кивнул:

— Понимаю. Значит, стенка аорты была почти прорезана, но не до конца. Сэр Джеймс упал на пол и пролежал так около получаса. Ваш стук в дверь вывел его из вызванного шоком ступора. Сэр Джеймс попытался приподняться, схватившись за стол, на котором среди прочих вещей лежал и ключ.— Дарси сделал паузу и нахмурился.— Он позвал вас на помощь и хотел взять ключ, чтобы открыть вам дверь.— Дарси постучал пальцем по отчету.— Это усилие привело к окончательному прорыву стенки аорты. Из раны хлынула кровь, а сэр Джеймс уронил ключ на пол и умер... Такова ваша интерпретация случившегося, мастер Шон.

Мастер Шон кивнул:

— Полагаю, все было именно так, милорд. Данные магического обследования и вскрытие подтверждают мой вывод.

— Полностью с вами согласен, дорогой Шон.— Дарси перелистнул еще несколько страниц.— Значит, ни ядов, ни наркотиков не обнаружено?

— Нет... Разве что использовали вещество, совершенно неизвестное фармакопее. Я провел тест на все известные, и, если Господь Бог не отменил Закон Подобия, мастер сэр Джеймс не был отравлен и не находился в состоянии наркотического опьянения.

Лорд Дарси перевернул еще страницу:

— Мозг и череп без повреждений... Кровоподтеков нет... Переломов тоже... М-да-а! — Он обратился к другой части отчета. — Вот мы и подошли к данным магического обследования. Согласно вашим тестам, вся кровь в комнате принадлежит сэру Джеймсу?

— Да, милорд.

— А что с тем странным полукруглым пятном возле двери?

— Это тоже кровь сэра Джеймса, милорд.

Дарси кивнул:

— Так я и подозревал... Ваши тесты говорят, что в тот момент, когда сэру Джеймсу нанесли смертельный удар, в комнате, кроме него, никого не было. Подобную же информацию я получил из Шербура о деле Жоржа Барбура. — Он улыбнулся. — Мастер Шон, я прекрасно понимаю, что в официальном отчете вы можете привести лишь научно доказуемые факты... Но нет ли у вас какого-нибудь предположения, догадки какой-нибудь, чего-нибудь такого, что могло бы мне помочь?

— Попытаюсь, милорд, — медленно сказал мастер Шон. — Как я уже говорил вам вчера, я способен выявить любое действие черного мага. Вам также известно, что использование анка[1] в качестве детектора зла позволяет сделать безошибочные выводы. — Он глубоко вздохнул. — А теперь, когда мы знаем о мастере Юэне Макалистере, его причастность к преступлению и вообще должна быть легко выявлена... — Шон О Лохлейн кивнул на пачку листов, лежащую перед лордом Дарси. — Но я не могу отречься от выводов, сделанных в отчете. — Он снова вздохнул. — Милорд, убийство мастера сэра Джеймса Цвинге не связано ни с какой магией — ни с белой, ни с черной. Я не нашел следов...

Стук в дверь перебил ирландца.

— Да, — сказал лорд Дарси, и в голосе его прозвучало неудовольствие. — Кто там?

---

[1] Анк — древнеегипетский символ жизни, относящийся к классу крестов.

— Отец Патрик,— раздалось из-за двери.

Раздражение лорда Дарси мигом исчезло.

— Прошу вас, преподобный отец!

Дверь открылась, и в комнату вошел высокий бледный человек в одеянии бенедиктинца.

— Доброе утро, милорд! Доброе утро, мастер Шон! — с улыбкой сказал он.— Вижу, сегодня вы здоровы, милорд!

— В ваших руках, преподобный отец, я и не мог стать иным. Могу ли я вам чем-нибудь помочь?

— Можете, милорд. И себе тоже, если позволительно будет так выразиться.

— Каким образом, преподобный отец?

Священник задумался.

— При обычных обстоятельствах,— сказал он наконец осторожно,— как вы знаете, я не могу нарушать тайну исповеди. Но в данном случае исповедница сама пожелала, чтобы я поговорил с вами.

— Дамозель Тия, я полагаю? — сказал Дарси.

— Конечно. Она рассказала свою историю дважды. Сначала мне, потом сэру Томасу Лесо.— Отец Патрик посмотрел на мастера Шона, с серьезным видом кивающего головой.— Вы понимаете, о чем я говорю, мастер-тауматург.

— Разумеется, ваше преподобие. Классическая триада. Сначала церкви, потом возлюбленному, и наконец,— мастер Шон с почтением кивнул в сторону лорда Дарси,— светским властям.

— Совершенно верно,— сказал священник.— Это будет полное исцеление.— Он снова посмотрел на Дарси, уже покинувшего кресло.— Я не буду сообщать вам подробности, милорд. Лучше, если вы услышите их сами. Но она прекрасно знает, что именно вы спасли ее вчера вечером. Вы должны понимать, что вам не стоит преуменьшать свои заслуги.

— Я понимаю, преподобный отец. Могу ли я, прежде чем мы отправимся, задать вам пару вопросов?

— Разумеется. Если они не потребуют от меня нарушения обетов, я отвечу.

— Они касаются лишь случившегося прошлым вечером. Помнит ли она события, происшедшие после того, как мастер Юэн наложил на нее черное заклятие?

Отец Патрик покачал головой:

— Не помнит... Она сама вам объяснит.

— Да, но меня кое-что беспокоит, преподобный отец. Не слишком ли легко все было проделано?.. Мгновение назад она была в сознании, полностью управляла своими чувствами, и вдруг — автомат, выполняющий все приказы. Не думал, что у волшебников такая власть над людьми!

— Боже правый! — воскликнул мастер Шон.— Но такое быстрое превращение невозможно! *Совершенно* невозможно, милорд! Даже самый могущественный из черных магов не сможет оседлать чужое сознание, лишь шевельнув пальцем.

— Сам Сатана не подчинит человеческий разум без определенной подготовки, милорд,— сказал отец Патрик.— Мастер Юэн, должно быть, провел кое-какую предварительную работу. Он должен был заранее наложить вспомогательные заклинания, иначе бы окончательное заклятье не оказалось таким действенным.

— Я припоминаю,— сказал Дарси,— как на прошлой конвенции, три года назад, какой-то разбойник совершил глупую ошибку, в последний вечер конвенции напав на улице на мастера-тауматурга. Волшебник сразу сообщил стражникам о происшествии. Сам он был цел и невредим, а разбойник оказался полностью парализованным. Должен заметить, это был образец блестящей работы. Волшебник применил такое заклинание, что его было невозможно снять до тех пор, пока преступник не признался в совершенном злодеянии. В результате волшебнику не пришлось даже давать показания в суде. Но самое главное заключалось в том, что заклинание было наложено в считанные секунды.

— Это несколько другой случай, милорд,— сказал отец Патрик.— Если у нападающего имеются злые намерения, зло может быть возвращено его носителю. Происходит нечто подобное отражению света от зерка-

ла... Так что все вполне может обернуться параличом, о котором вы говорили. Любой мастер-тауматург способен использовать такой эффект для защиты. Однако чтобы наложить заклинание на человека, у которого нет злых намерений, требуется энергия самого волшебника. Он не может использовать психическую энергию нападающего, так как на него никто не нападает. И как следствие, наложение заклинания требует гораздо большего времени.

— Понятно,— сказал Дарси.— Благодарю вас, преподобный отец, это весьма проясняет дело. А теперь пойдемте повидаем юную леди.

— С вашего позволения, милорд,— сказал мастер Шон,— я отправлюсь в Королевское управление. Лорд Бонтриомф наверняка пожелает взглянуть на мой отчет.

Лорд Дарси улыбнулся:

— А кроме того, вам не терпится вернуться на конвенцию, не так ли?

Мастер Шон вернул ему улыбку:

— Да, милорд, не терпится.

— Хорошо, чуть позже я последую за вами.

Сэр Томас Лесо, высокий, худой и угрюмый, стоял перед Гардениевым покоем, отведенным герцогиней Камберлендской дамозель Тии Эйнциг.

— Доброе утро, милорд,— сказал он.— Я... я бы хотел поблагодарить вас за то, что вы совершили прошлой ночью, но не знаю, как это сделать...

— Дорогой сэр Томас! Я не совершил ничего такого, чего не совершили бы вы, оказавшись на моем месте. И уж совсем не надо быть таким угрюмым!

— Угрюмым? — Сэр Томас через силу выдавил из себя улыбку.— Разве я угрюм?

— Конечно, вы угрюмы, сэр Томас... И у вас есть причины быть таким. Услышав историю Тии, вы очень боитесь, что я арестую ее по обвинению в шпионаже.

Сэр Томас моргнул и ничего не сказал.

— Успокойтесь, мой дорогой,— сказал Дарси.— Она ни в коей мере не является шпионкой. Иначе бы вы тоже желали ее арестовать. Ведь вы не из тех, кто позволяет любви ослепить себя. Более того, могу вам напомнить о законах, касающихся свидетелей обвинения... Ага, так-то лучше, ваша улыбка сразу стала искренней. А теперь, джентльмены, если вы извините меня, я попрошу вас погулять по этому коридору.

Дарси открыл дверь и вошел в гостиную Гарденневого покоя. Не пройдя и полпути по направлению к спальне, он услышал оттуда голос девушки:

— Милорд Дарси? Это вы?

Следователь подошел к двери спальни:

— Да, дамозель, это я, лорд Дарси.

Дамозель Эйнциг пребывала в постели, чуть ли не до самого носа укрытая теплыми одеялами. Ее губы тронула мягкая улыбка.

— Вы красивы, милорд. Я очень рада. Мне бы не хотелось оказаться обязанной жизнью уроду...

— Дорогая Тия, когда спасена такая красавица, как вы, внешность спасителя не имеет ни малейшего значения.— Дарси подошел и сел в кресло у кровати.

— Милорд,— мягко сказала Тия,— я не буду спрашивать, как вы очутились там, где возникла столь острая нужда в вашем присутствии. Я просто благодарна судьбе за то, что вы там очутились.

— Хорошо, дамозель, но вопрос не в том, как *я* очутился на мосту. Вопрос в том, как *вы* там оказались. Расскажите-ка мне о мастере Юэне Макалистере.

На мгновение рот девушки превратился в прямую неподвижную линию, потом она снова улыбнулась:

— Мне придется вернуться немного назад, к моей жизни в Банате...

История, которую Тия поведала Дарси, по сути полностью совпадала с тем, что она рассказывала Мэри Камберлендской. Были, правда, кое-какие дополнительные детали.

На дядю Нипелера донес за занятия Искусством исцеления один из его конкурентов, а так как о его

политических симпатиях подозревали уже давно, тайная полиция короля Казимира IX решила арестовать и дядю, и племянницу. На всякий случай... Однако Нипелер Эйнциг оказался готовым к такому повороту событий, а его сильный — хоть и неразвитый — Талант вовремя предупредил его о замыслах властей. Лишь на несколько минут опередив агентов тайной полиции, дядя и племянница направились в сторону итальянской границы. Увы, у тайной полиции имеются свои магические средства, и беглую парочку загнали в ловушку менее чем в сотне ярдов от спасительного рубежа. Нипелер велел своей племяннице спасаться бегством, а сам взялся нейтрализовать агентов тайной полиции.

В тот день Тия видела его в последний раз.

История ее злоключений в Италии и Дофине была известна лорду Дарси, но он не перебивал девушку. А потом она перешла к самому интересному.

— Я думала, что оказалась в безопасности, когда сэр Томас привез меня сюда, в Англию,— сказала она.— Но тут ко мне явился мастер Юэн. Тогда, правда, я не знала, кто он, он не назвал своего имени. Он сказал мне, что тайная полиция арестовала дядю Нипелера и посадила его в тюрьму. С моим дядей хорошо обращаются, сказал он, но дальнейшее дядино благополучие целиком зависит от моего желания сотрудничать. Мастер Юэн объяснил мне, что сэру Томасу известен секрет оружия, которое разрабатывалось для военно-морского флота. Сам-то он понятия не имел, что это за оружие, но польская разведка каким-то образом узнала о его существовании и о том, что у сэра Томаса имеется чрезвычайно важная информация, касающаяся разработок. Поскольку мастер Юэн знал, что сэр Томас доверяет мне, он попросил меня раздобыть для него эту информацию. Он пригрозил, что дядю Нипелера будут пытать — или вообще убьют,— если я не сделаю того, о чем он просит.— Она вдруг повернула голову и в упор посмотрела на лорда Дарси.— Но я не стала... Вы должны поверить, что я не *стала* выполнять его просьбу. Сэр Томас подтвердит

вам, что я никогда не интересовалась никакой его секретной работой. *Никогда!*

Лорд Дарси вспомнил лицо сэра Томаса, каким он видел его полчаса назад.

— Я верю вам, дамозель. Продолжайте.

— Я не знала, что делать. Я не хотела им ничего говорить и не хотела предавать сэра Томаса. Я сказала им, что стараюсь, что завоевываю доверие сэра Томаса. Я сказала им... — она помедлила, покусывая нижнюю губу, — я говорила мастеру Юэну все что угодно, лишь бы сохранить жизнь моего дяди...

— Разумеется, — мягко сказал лорд Дарси. — И никто не может винить вас за это.

— А потом началась конвенция, — продолжала Тия. — Мастер Юэн велел мне принять в ней участие. Я пыталась оставаться в стороне. Я объяснила ему, что хоть меня и приняли в гильдию ученицей, но учеников на конвенцию в качестве участников, как правило, не приглашают. Тогда он заявил, что у меня есть влиятельные друзья — сэр Томас, его светлость архиепископ... И вообще, если я не приложу всех усилий, чтобы попасть на конвенцию, он устроит так, чтобы мне присылали по одному пальцу дяди Нипелера за каждый пропущенный мною день конвенции. Надо было что-то делать, вы ведь понимаете, милорд?

— Я понимаю, — сказал Дарси.

— Юэн Макалистер, — продолжала она, — специально предостерег меня, чтобы я избегала мастера сэра Джеймса Цвинге. Он сказал, что сэр Джеймс — контрразведчик, что он — глава Имперских разведывательных органов по Европе. И тут мне пришло в голову, что, возможно, сэр Джеймс сумеет мне помочь. В среду утром я пошла к нему. Я встретила его в вестибюле и поинтересовалась, не могу ли я с ним поговорить. Объяснила, что у меня есть очень важная для него информация. — Она слегка улыбнулась. — Он сильно брюзжал, но согласился со мной встретиться. Я рассказала ему все — и о моем дяде, и о мастере Юэне. Он как раз *находился* в своей комнате! Я рассказала ему, что им-

перские агенты *наверняка* могут освободить моего дядю из польской тюрьмы. Он заявил мне, что и понятия не имеет ни о какой шпионской работе, что он всего-навсего судебный маг, работающий на маркиза де Лондона. Он сказал, что ему абсолютно неизвестны способы освободить моего дядю из польской тюрьмы, да и из любой другой тюрьмы тоже... Я была в ярости. Я не помню точно, что я ему тогда сказала, но мои слова прозвучали... зло. Теперь мне хотелось бы, чтобы я их не говорила. Я покинула его комнату, и он закрыл за мной дверь. Возможно, я была последней из тех, кто видел сэра Джеймса Цвинге живым.— Она помолчала и торопливо добавила: — За исключением его убийцы, конечно.

— Дамозель Тия,— сказал Дарси самым задушевным голосом,— теперь я должен кое-что сказать вам. И попрошу вас никому не говорить об этом, пока не разрешу. По рукам?

— Конечно же, по рукам, милорд!

— Так вот... Я верю, что *вы* были последней из тех, кто видел сэра Джеймса живым. Улики, имеющиеся у меня сейчас, подтверждают это. Но я хочу, чтобы вы знали... Я ни в малейшей степени не верю, что вы несете хоть какую-нибудь ответственность за его смерть.

— Благодарю вас, милорд,— сказала девушка, и в глазах ее вдруг блеснули слезы.

Лорд Дарси взял Тию за руку:

— Полно, моя дорогая, сейчас не самое подходящее время для слез. Ну, хватит, не надо плакать.

Она улыбнулась сквозь слезы:

— Вы очень добры, милорд!

— Нет-нет, дорогая Тия. Я отнюдь не добрый. Я злой и жестокий, и у меня есть скрытые мотивы.

Она рассмеялась.

— Они есть почти у всех мужчин.

— Я имел в виду совсем другое,— сухо заметил Дарси.— Я хотел сказать, что должен задать еще один вопрос.

Она вытерла слезы и одарила его шаловливой улыбкой:

— Тогда никаких скрытых мотивов. Стыдитесь! — И тут же вновь стала серьезной.— Что за вопрос?

— Почему мастер Юэн решил убить вас?

Дарси был уверен, что знает ответ, но не хотел открывать девушке, какими путями он раздобыл это знание.

На сей раз ее улыбка стала такой же холодной и мстительной, как уже виденная им вчерашним вечером. — Потому что я узнала правду,— сказала она.— Вчера вечером я встретила друга моего дяди — некоего Колина Макдэвида, жителя острова Мэн. Я знала его с тех еще пор, когда была маленькой девочкой. И добрый человек Колин сказал мне правду... Дядя Нипелер ушел из ловушки, о которой я вам рассказывала. Добрый человек Колин помог ему спастись, и с тех пор дядя работал с ним на острове Мэн. Он в безопасности, но все это время прятался, опасаясь, что поляки отомстят ему. Он думал, что я мертва, пока не увидел в лондонском «Курьере» список участников конвенции, а в нем — мое имя. Тогда он попросил Колина разыскать меня. Кроме того, Колин объяснил мне и кое-что другое. Оказывается, при побеге мой дядя организовал ситуацию таким образом, чтобы сложилось впечатление, будто его убили. Он сделал все, чтобы отвести опасность от меня. И пока мастер Юэн шантажировал меня жизнью дяди, польская тайная полиция была уверена, что на самом деле дядя мертв. Разве удивительно, что я разозлилась, когда наконец узнала правду?

— Конечно, не удивительно,— сказал Дарси.— Это произошло вчера вечером?

— Да. А потом я получила от мастера Юэна записку, в которой он назначил мне встречу в пивной, носящей название «Гончая и Заяц». Вы знаете ее?

— Да. Продолжайте!

— Я снова вышла из себя,— сказала дамозель Тия.— Я наговорила ужасных вещей, как и в случае с сэром Джеймсом.— Взгляд ее посуровел.— Однако я не собираюсь жалеть о том, что наговорила мастеру Юэну! Я сказала ему все, что я о нем думаю, сказала,

что сообщу о нем властям, сказала, что хотела бы видеть его на виселице. Я... — Она вдруг замолкла и озадаченно нахмурила лоб. — Я не вполне уверена в том, что произошло после этих моих слов... Кажется, он поднял руку, — медленно проговорила она, — и нарисовал в воздухе символ... А потом... Нет, больше не помню ничего... Вплоть до сегодняшнего утра, когда проснулась здесь и увидела возле себя отца Патрика. — Стремительным движением она вдруг схватила правую руку лорда Дарси, стиснула ее. — Я знаю, что поступила плохо, милорд. Я... я предстану перед Королевским судом, милорд?

Дарси улыбнулся и встал:

— Я думаю, предстанете, дорогая моя... Предстанете как самая важная свидетельница на процессе против мастера Юэна Макалистера. И могу уверить вас, что ни в каком ином качестве вы перед судом не предстанете.

Девушка все еще держалась за руку лорда Дарси. Неожиданно она поднесла ее к губам и поцеловала.

— Я очень благодарна вам, милорд!

— Это я должен вас благодарить. — Лорд Дарси поклонился. — Если в дальнейшем вам, дамозель, потребуется моя помощь, вам стоит только попросить.

Он вышел из Гардениевого покоя, будучи уверенным, что в коридоре его ждут два человека. Однако их оказалось трое. Отец Патрик и сэр Томас Лесо внимательно наблюдали, как он закрывает дверь.

— Она в порядке? — спросил отец Патрик.

— По-моему, в полном! — сказал Дарси и бросил взгляд на третьего ожидающего.

— У сержанта Питера для вас новости, — сказал отец Патрик, — но я не позволил ему мешать вам... А теперь, если вы извините меня, я вернусь к своей пациентке. — Он вошел в Гардениевый покой и прикрыл за собой дверь.

Лорд Дарси улыбнулся сэру Томасу:

— Все отлично, друг мой! Ни у кого из вас нет повода для страха. — Он повернулся к стражнику. — Вы принесли мне информацию, сержант?

— Да, милорд. Лорд Бонтриомф сказал, что она чрезвычайно важна. Мы нашли Пола Николса.

— Наконец-то! — воскликнул Дарси.— Где же его нашли? Он что-нибудь сказал?

— Боюсь, нет, милорд. Его нашли в подсобке гостиницы. Он был мертв, милорд, мертвее не бывает.

Глава XIX

Лорд Дарси шагал по вестибюлю гостиницы Королевского управления, за ним следовал сержант стражи. Дарси прошел по коридору мимо кабинетов управляющих по направлению к черному ходу. Сержант Питер уже объяснил ему, где находится подсобка, но информация эта была излишней, так как около подсобки стояли на посту два стражника. Она находилась слева по коридору, на полпути между временным штабом и черным ходом. Подсобка оказалась мастерской по ремонту мебели. Вдоль стен — верстаки с инструментами, на полу разбросаны детали разобранного кресла. Картину завершала распахнутая настежь дверь в дальней стене.

Возле двери стояли лорд Бонтриомф и мастер Шон О Лохлейн. Когда Дарси вошел, оба повернулись к нему.

— Привет, Дарси,— сказал Бонтриомф.— Вот мы получили и еще одного.— Он кивнул в сторону открытой двери.

За дверью находилась маленькая кладовка, забитая пиломатериалами и обломками мебели. Сразу за порогом лежало человеческое тело.

Зрелище было не из приятных — почерневшее лицо, высунутый язык. Вокруг шеи, глубоко врезавшись в плоть, был обмотан шнур.

— Что произошло? — спросил Дарси у Бонтриомфа.

Лорд Бонтриомф, тупо глядя на труп, произнес:

— Я сейчас начну биться головой о стену!.. Я искал этого человека со вчерашнего дня. Я прочесал весь

Лондон. Я задал всему персоналу этой гостиницы все вопросы, которые только можно придумать.— Он поднял глаза на Дарси.— В конце концов, я пришел к совершенно идиотскому выводу, что Пол Николс никогда не покидал стен гостиницы.— Он криво улыбнулся.— И вот полчаса назад один из служащих, плотник и столяр, в обязанности которого входит починка гостиничной мебели, заглянул сюда.— Бонтриомф снова кивнул на кладовку.— Он искал кусок дерева, а нашел вот *это.* Он несся по коридору и вопил как припадочный. К счастью, я оказался во временном штабе. Да и мастер Шон только что появился.

— Это точно Пол Николс? — спросил Дарси.

— Да! Нет никаких сомнений.

Дарси посмотрел на ирландца:

— Ни сна ни отдыха измученной душе, да, мастер Шон? Что вы обнаружили?

Шон О Лохлейн вздохнул:

— Не скажу наверняка, пока хирург не произведет аутопсию, но, по-моему, этот человек мертв по меньшей мере уже сорок восемь часов. На правом виске у него кровоподтек, он не очень заметен из-за свертывания крови, но он там есть. Думаю, жертву, прежде чем убить, оглушили. Кто-то ударил его по голове, а затем взял кусок обивочного шнура и задушил Николса.

— Сорок восемь часов,— задумчиво сказал Дарси и посмотрел на часы.— С точностью до часа-двух это будет примерно то же время, когда убили сэра Джеймса... Интересно!

— Есть одна вещь, милорд,— сказал мастер Шон,— которая вызовет у вас еще больший интерес.— Он встал на колени и показал на кусочки какого-то вещества, приставшие к рубашке убитого.— Как вы думаете, милорд, что это?

Дарси тоже опустился на колени, некоторое время изучая находку.

— Это воск для печатей,— мягко сказал он.— Кусочки синего воска для печатей.

Мастер Шон кивнул:

— Я тоже так подумал, милорд.

Дарси встал:

— Мне очень не хочется снова вешать на вас такое утомительное занятие, Шон, но работа должна быть сделана. Мне надо знать время его смерти и...

Мастер Шон еще раз взглянул на рубашку мертвеца и тоже поднялся на ноги.

— И побольше об этих кусочках синего воска, милорд, не так ли?

— Точно!

— Ну что ж,— сказал Бонтриомф,— по крайней мере, на этот раз мы хотя бы знаем, кто его убил.

— Да,— сказал Дарси.— Я знаю, кто его убил. Но я бы очень хотел еще знать и зачем его убили!

— Вы имеете в виду мотив? — спросил Бонтриомф.

— Нет, этот мотив я знаю. Я хотел бы знать мотив мотива, если вы меня понимаете...

Лорд Бонтриомф не понимал.

Следующие полчаса расследования не принесли ничего, достойного внимания.

Убийство Пола Николса было полной противоположностью убийству сэра Джеймса: насколько то казалось сложным, настолько это — простым. Здесь не было ни закрытых дверей, ни признаков черной магии, ни сомнений по поводу способа совершения убийства. Закончив осмотр места преступления, лорд Дарси убедился, что первоначальное впечатление оказалось абсолютно правильным. Пола Николса заманили в мастерскую, оглушили ударом по голове, задушили куском обивочного шнура и спрятали тело в маленькой кладовке. Что произошло затем, было не совсем ясно, но Дарси чувствовал, что последующие находки существенно первоначальную версию не изменят.

Удовлетворившись этим, Дарси решил оставить дальнейшее расследование лорду Бонтриомфу и мастеру Шону.

Ну а теперь, подумал он, что делать теперь? И решил: для начала надо обзавестись пистолетом.

Он рассказал Бонтриомфу, как его собственное оружие осталось на дне Темзы, на что Бонтриомф заявил:

— В моем столе лежит «герон» тридцать шестого калибра. Можете воспользоваться им, если пожелаете. Неплохое оружие...

Дарси хотел уже было взять кэб и отправиться во дворец маркиза, как вдруг ему пришло в голову, что сейчас весьма кстати оказался бы стаканчик чего-нибудь крепкого. Он пошел в «Оружейную комнату» и заказал бренди с содовой.

В гостинице по-прежнему ощущалась напряженная атмосфера. Конвенция казалась завершившейся: ни у одного из волшебников, которых Дарси встретил сегодня утром, не было серебряного канта мастера. Кроме Шона О Лохлейна...

У дальнего конца стойки Дарси обнаружил знакомое лицо. Молодой мечиканец сосредоточил все свое внимание на пинте английского пива, не замечая ничего вокруг. Изобразив на своей физиономии легкое неодобрение, Дарси взял стакан и отправился к молодому человеку.

— Доброе утро, милорд,— сказал он.— Ай-ай-ай! А я-то думал, что вы на охоте!

Ученик-тауматург Джон Кецаль ошарашенно поднял на Дарси глаза.

— Лорд Дарси! — сказал он.— Я хотел бы с вами поговорить.— Улыбка его стала грустной.— Они не пожелали, чтобы я помогал в поисках мастера Юэна. Они опасаются, что ученик не справится с мастером.

— А вы полагаете, что справитесь?

— Нет! — воскликнул Джон Кецаль.— Не в этом дело, понимаете? Я вполне допускаю, что мастер Юэн — гораздо более могущественный маг, чем я. Но ведь мне вовсе не надо вступать с ним в поединок. Если он решит воспользоваться магией, когда его загонят в угол, с ним справится другой, более сильный волшебник... Все дело в том, что я могу найти мастера Юэна. Я могу

выяснить, где он скрывается. Но никто не слушает ученика!

Лорд Дарси внимательно посмотрел на молодого человека.

— Дайте-ка мне понять вас,— осторожно сказал он.— Вы думаете, что можете отыскать место, где скрывается мастер Юэн?

— Я не думаю — я знаю! Я уверен, что могу найти его. Когда вы прошлым вечером привезли дамозель Тию, от нее просто несло черной магией.— На лице Джона Кецаля появилась извиняющаяся улыбка.— Я не имею в виду настоящий запах, понимаете? Не тот запах, как у табака или,— он кивнул на стакан лорда Дарси,— бренди.

— Понимаю,— сказал Дарси.— Это просто образное сравнение для психического чувства, которое оно больше всего напоминает. Именно поэтому про людей с вашим типом Таланта и говорят, что они «вынюхивают» ведьм.

— Да, милорд, именно! И каждый конкретный акт черной магии имеет свой собственный характерный «аромат», то самое «зловоние», по которому можно идентифицировать волшебника, его совершившего. В среду вечером вы спросили, не подозреваю ли я кого-нибудь, и я отказался вам ответить конкретно. Но я имел в виду мастера Юэна. Я уже тогда мог определить в нем порок. А теперь, когда есть образец его последней «работы», я сумею «вынюхать» Макалистера в любом уголке Лондона.— Он застенчиво улыбнулся.— Я как раз и сидел здесь, раздумывая, браться мне за поиски самостоятельно или нет.

— Вы обнаружили «аромат» черной магии у дамозель Тии,— сказал Дарси.— А откуда вы знаете, что не сама она практиковала черное Искусство?

— Милорд! — сказал Джон Кецаль.— Есть огромная разница между грязным пальцем и его отпечатком!

Целую минуту Дарси в тишине созерцал свою выпивку. Потом поднял стакан и в два глотка прикончил его содержимое.

— Милорд Джон Кецаль! — сказал он отрывисто. — Лорд Бонтриомф и его стражники ищут мастера Юэна. Сэр Лайон и мастера Гильдии занимаются тем же самым. Командор лорд Эшли и корпус военно-морской разведки выполняют эту же задачу. Но знаете что?..

— Не знаю, милорд, — сказал Джон Кецаль, поставив на стойку опустевшую пивную кружку. — Что?

— А мы с вами выставим их всех в самом глупом виде... Пойдемте! Надо поймать кэб. Сначала отправимся во дворец маркиза, а потом — туда, куда нас поведет ваш «нос».

Глава XX

«Нос» Джона Кецаля водил их по Лондону несколько часов.

В маленьком пабе, далеко к северу от Темзы, ученик-тауматург лорд Джон Кецаль тупо смотрел в стоящую перед ним кружку пива. У него не осталось сил даже на то, чтобы выпить его.

— Думаю, я нашел Макалистера, милорд, — сказал он. — Думаю, я нашел его.

— Очень хорошо, — сказал Дарси.

И не осмелился ничего добавить. В течение всего этого времени он строго следовал указаниям Джона Кецаля, делая на карте отметки, пока молодой мечиканский охотник за ведьмами выслеживал свою добычу — черного мага.

— Дело оказалось более сложным, чем я думал, — сказал Джон Кецаль.

Дарси хмуро кивнул. Охота на ведьм — поиск психического зла — была совсем не похожа на всевидение, но даже и в этом случае тайные защитные заклинания снижали остроту восприятия молодого мечиканца.

— Может, и более сложно, — сказал Дарси. — Зато надежно и уверенно.

Его лордство вдруг осознал, что молодой ученик еще не до конца развил свой врожденный Талант. Это, естественно, потребует времени и труда.

— Давайте-ка повторим,— предложил Дарси.— Выкладывайте мне сведения в том порядке, в каком вы их добывали.

— Хорошо, милорд! — Молодой мечиканец немного подумал и сказал: — Его окружают те, кто окажет ему помощь... мастеру Юэну, я имею в виду. Однако жизнью ради него они рисковать не станут.— Лорд Кецаль снова немного подумал и продолжил: — Его окружает огромное психическое напряжение, но лично к нему оно не имеет никакого отношения. Нервничающие люди даже не знают о его существовании.

— Понимаю, милорд,— сказал Дарси.— Судя по вашему описанию, мастера Юэна окружают большей частью люди без Таланта, но стремящиеся Талант использовать.— Он разложил на столике карту Лондона.— Теперь давайте посмотрим, не можем ли мы точно определить местоположение.— Он постучал пальцем по карте.— Отсюда,— он передвинул палец,— в этом направлении, да?

— Да, милорд.

— Теперь,— Дарси передвинул палец еще дальше,— отсюда,— он снова передвинул палец,— сюда. Так?

— Да.

Лорд Джон Кецаль знал направление, но, похоже, выдать дополнительную информацию был не способен. Раз за разом Дарси проходил через эту рутину, повторял всю цепочку и повторял.

И все же с каждым разом всплывала новая информация. В конце концов Дарси сумел нарисовать на карте Лондона круг. Он постучал по нему кончиком карандаша:

— Он где-то в этом районе. Другого возможного решения не существует.— Дарси потянулся и положил руку на плечо мечиканца.— Я знаю, что вы устали. Усталость — нормальное состояние королевского следователя.

Лорд Джон Кецаль расправил плечи и поднял глаза:

— Я знаю. Но,— он постучал пальцем по месту, обведенному лордом Дарси,— тут слишком большая территория. Я думал, смогу установить его местоположение более точно.— Он глубоко вздохнул.— А теперь вижу, что...

— Бросьте,— сказал Дарси.— Вы слишком рано поднимаете руки. Мы нашли его. Просто вы не понимаете, насколько хорошо мы обложили нашу добычу. Мы знаем район. Теперь нужно только точное описание окружающей обстановки.

— Здесь я бессилен,— сказал Джон Кецаль, и в его голос вернулась тоска.

— Не думаю,— сказал Дарси.— Я попрошу вас сосредоточиться на символах, окружающих мастера Юэна Макалистера. Не на его физическом окружении, а на символическом.

Наступила тишина. Дарси ждал.

Вдруг Джон Кецаль поднял голову:

— Есть! Я вижу... Это рисунок герба, милорд. *На серебре... косым крестом... пять искаженных ромбов... красных...*

— Продолжайте,— быстро сказал Дарси, делая торопливые пометки на полях карты.

Лорд Джон Кецаль смотрел в никуда.

— *На серебре...*— сказал он,— *по вертикали... три черных трилистника... самый нижний перевернут...*

Лорд Дарси сделал еще одну пометку, а потом очень осторожно, словно боясь спугнуть удачу, опустил руку на стол.

— Я прошу вас, милорд, дать мне еще один. Всего лишь один!

— *На серебре...*— сказал Джон Кецаль,— *сердце... красное...*

Дарси откинулся на спинку стула, глубоко, с шумом вздохнул и воскликнул:

— Порядок, милорд, порядок! Благодаря вам!.. Пойдемте, нам надо вернуться в Карлайл-хаус.

Через полчаса ту же самую карту Лондона изучала ее светлость Мэри, вдовствующая герцогиня Камберлендская.

— Да-да, конечно,— сказала она и посмотрела на молодого мечиканца.— Разумеется... *На серебре косым крестом пять искаженных красных ромбов.*— Она перевела взгляд на лорда Дарси.— Пятерка бубен.

— Верно,— сказал лорд Дарси.

— Следом — тройка треф. А потом — туз червей.

— Точно! Вы и теперь сомневаетесь, что мастер Юэн скрывается именно там?

Мэри опустила глаза на карту:

— Нет, конечно, нет. Разумеется, он там.— Она снова посмотрела на Дарси.— И вы не направились туда, милорд? — Она бросила взгляд на Джона Кецаля и поправилась: — Милорды?

— А была ли необходимость? — сказал Дарси.— Милорд дю Моктесума заверил меня, что, если мастер Юэн покинет свое убежище, он тут же будет об этом знать. Верно, милорд?

— Верно,— кивнул Джон Кецаль. И добавил: — Я, разумеется, не могу гарантировать получение информации о его, так сказать, локальных передвижениях, но, если он вздумает удалиться от этого места, я тут же узнаю.

— Я не могу понять одного,— заметила ее светлость.— Почему милорд Джон Кецаль не распознал символику сразу? — Она с улыбкой посмотрела на молодого мечиканца.— Не примите мои слова за сомнение в ваших способностях... И тем не менее вы видели символы — и обнаружили в них знаки геральдики, а не элементы карточной игры. Я не сомневаюсь, что вы объясните сей парадокс, но, с вашего позволения, я бы хотела знать, как его объясняет лорд Дарси.

— Я располагаю информацией, которой у вас нет,— с улыбкой сказал Дарси.— Позапрошлым вечером мы с милордом говорили о Мечике, и частью разговора стала короткая дискуссия по поводу игр и отдыха. Я заметил, что милорд ни разу не упомянул об игре в

карты,— из чего я сделал вывод, что карты там распространены мало.

— В Мечике,— сказал Джон Кецаль,— колода карт, как правило, представляет собой своего рода приспособление для предсказания будущего, используемое черными магами и волшебниками, не имеющими лицензии. Я не воспринимаю карточную колоду в качестве приспособления для игры, хотя, разумеется, слышал, что ее можно так использовать.

— Конечно,— сказал Дарси.— И потому вы увидели в обнаруженных символах знаки геральдики — области знаний, с которой вы хорошо знакомы.— Он посмотрел на герцогиню.— И потому мы явились к вам.— Он улыбнулся.— Разве есть кто-нибудь, знающий игорные заведения Лондона лучше, чем вы?!

Мэри снова принялась изучать карту.

— Да,— сказала она.— В этом районе есть только одно такое заведение. «Manzana de Oro».

— Ага,— сказал Дарси.— «Золотое яблоко», да? И что вы о нем знаете?

— Оно принадлежит мавру из Гранады.

— Что вы говорите!.. Не могли бы вы описать его?

— О-о, это очаровательнейший тип,— сказала ее светлость.— Высок... такой же, как вы... и дьявольски красив. У него темная... почти черная... кожа, сверкающие глаза и маленькая острая бородка. Одевается на восточный манер и просто изысканно. На безымянном пальце левой руки носит огромный изумруд, а в тюрбане — большой рубин... или, может быть, шпинель. На поясе всегда украшенный драгоценными камнями персидский кинжал, который, похоже, стоит целое состояние. Насколько я знаю, этот мавр — отъявленный негодяй, но по манерам и обхождению — джентльмен до мозга костей. Он называет себя Сиди аль-Назир.

— Как?! — Дарси вдруг захохотал.

— Могу ли я поинтересоваться,— едко сказала герцогиня,— что здесь смешного, милорд?

— Прошу прощения! — Дарси подавил смех.— Не примите мое поведение за бестактность. Виноват только

наш приятель мавр... «Сиди аль-Назир», подумать только! Восхитительно! Чувствую, этот джентльмен мне понравится.

— Не составит ли для вас труда, милорд, — любезно сказала ее светлость, — посвятить нас в ваше веселье?

— Очень удачный выбор имени и титула, — сказал Дарси. — В вольном переводе «Сиди аль-Назир» означает «Милорд Победитель». Как изумительно он проинформировал лондонских игроков, что всегда остается с выгодой! Да, я и в самом деле думаю, что милорд аль-Назир мне понравится. — Он посмотрел на герцогиню. — Вы вхожи в этот клуб?

— Вы знаете, что да, — сказала она. — Иначе бы вы меня не спрашивали!

— Верно, — вкрадчиво сказал Дарси. — И раз уж вы участвуете в нашей охоте, я не стану лишать вас удовольствия помочь нам поймать добычу в капкан. — Он повернулся к Джону Кецалю. — Милорд, дичь обложена. Теперь нам остается только изобрести сам капкан.

Джон Кецаль с улыбкой кивнул:

— Конечно, милорд, конечно. Начнем с того...

Вечер был ясным. На черном бархате неба каждая звездочка выглядела отдельным сверкающим бриллиантом.

Великолепная карета с гербом Камберлендов остановилась напротив «Manzana de Oro». Лакей, низко склонившись, открыл позолоченную дверцу, и из кареты вышли четверо. Первой появилась ни много ни мало сама ее светлость вдовствующая герцогиня Камберлендская. Следом выбрался высокий, худой, красивый мужчина в безупречном вечернем костюме. Третий пассажир был так же высок — темнолицый человек, носящий герб герцогского дома Моктесумы. Все трое поклонились четвертому.

Его высочество князь Владистовский оказался низеньким толстяком с черной пышной окладистой боро-

дой и моноклем в правом глазу. Он вышел из кареты молча, с большим достоинством и ответил на поклон своих спутников покровительственным кивком.

Ее светлость герцогиня Камберлендская кивнула двум швейцарам, подобно церберам охраняющим вход в «Manzana de Oro», и все четверо вновь прибывших проследовали в клуб. У внутренней двери джентльмен, сопровождавший ее светлость, сказал мажордому:

— Доложите милорду аль-Назиру. Ее светлость Мэри, вдовствующая герцогиня Камберлендская. Лорд Джон Кецаль дю Моктесума де Мечико. Его наисветлейшее высочество Иван, князь Владистовский. И я, лорд из Арси.

Мажордом низко поклонился честно́й компании и сказал:

— Его лордству будет доложено.— Затем он повернулся к вдовствующей герцогине:— Прошу прощения... э-э... ваша светлость поручается за этих джентльменов?

— Разумеется, Абдул! — величественно сказала ее светлость, и вся четверка шагнула через порог.

Лорд Дарси приотстал от герцогини, и, когда Джон Кецаль поравнялся с ним, спросил шепотом:

— Он здесь?

— Здесь,— шепнул Джон Кецаль.— Теперь я могу определить его местоположение с точностью до десяти футов.

— Прекрасно. Продолжайте улыбаться и следовать моим указаниям. Но если его местоположение начнет меняться, немедленно дайте мне знать.

Они проследовали за ее светлостью и великолепно одетым князем Владистовским в очередную дверь.

Приемная оказалась большой — футов тридцать на двадцать — и не давала и повода для предположений, что «Manzana de Oro» — игорный клуб. Обстановка была мавританской, а для Дарси, побывавшего в Южной Испании, Северной Африке и Аравии,— даже слишком мавританской. Такая обстановка скорее соответствовала не общественным помещениям мусульманских стран, а *гарэму*.

Стены приемной были отделаны золотой парчой или чем-то очень на нее похожим. Арки над выходами из приемной были украшены исключительно текстами — это были цитаты из Корана, цитаты хоть и красивые, благодаря арабскому письму, но в данной обстановке совершенно бессмысленные.

Пол был выложен мавританской плиткой, а экзотические цветы в бронзовых горшках были с большим вкусом расставлены вдоль стен. В центре приемной бил золотой фонтан. Струи воды создавали в воздухе фантастические узоры необычных форм, все время меняющиеся и неповторимые. Фонтан окружали переливающиеся огни. Вода струилась по целой системе стоков, которые издавали звуки, рождающие прекрасную изменчивую мелодию.

Вокруг толклись люди в изысканных вечерних туалетах, обмениваясь любезностями друг с другом.

Ее светлость с улыбкой обернулась к своим друзьям:

— Направимся в игровые комнаты, милостивые сэры?

Князь Владистовский посмотрел на лорда Дарси, и тот сказал:

— Конечно, ваша светлость.

Герцогиня кивнула в сторону одной из арок, под которой пряталась дверь, ведущая в игровую комнату:

— Составьте мне компанию.

Обстановка в игровой оказалась еще более пышной, чем в приемной. Здесь висели золотые портьеры, вышитые пурпурным и красным и украшенные сценами из мусульманских мифов. Но красота портьер создавала лишь фон для восточного великолепия самой комнаты, которая, в свою очередь, была лишь фоном для великолепных вечерних туалетов, в которых щеголяли игроки.

Между столами, наблюдая за игрой, незаметно передвигались несколько остроглазых молодых людей. Лорд Дарси знал, что это ученики-тауматурги, нанятые с целью пресечения попыток со стороны игроков использовать для повышения своих шансов развитый

Талант. Их работа заключалась совсем не в том, чтобы помешать такой магии. Они просто докладывали крупье, после чего нарушитель изгонялся из клуба. Предполагалось, что неразвитые Таланты, которыми могут обладать сами игроки, нейтрализуют друг друга.

Князь Владистовский одарил лорда Дарси ослепительной улыбкой и произнес чуть слышно:

— Благодаря помощи лорда Кецаля я и сам уже засек мастера Юэна. Теперь он наш, милорд. Он в комнате справа, прямо вот за этой аркой, украшенной пурпурными надписями.

Лорд Дарси поклонился князю.

— Ваше высочество чрезвычайно проницательны, — сказал он. — Но где же, черт возьми, Сиди аль-Назир?!

Это был риторический вопрос, который вовсе не требовал ответа. Мэри Камберлендская уверила его, что аль-Назир неизменно собственной персоной встречает представителей знати, когда они появляются в клубе, однако никаких признаков мавра нигде в округе не наблюдалось.

Тем не менее князь Владистовский ответил на риторический вопрос лорда Дарси:

— Кажется, он в своем кабинете. Мы, конечно, не можем быть уверены наверняка — ни лорд Кецаль, ни я, — но мы сошлись на том, что он там.

Лорд Дарси кивнул:

— Хорошо. В таком случае поступим следующим образом. — Он с улыбкой подошел к вдовствующей герцогине Камберлендской. — Ваша светлость, — сказал он очень тихо, — я вижу, тот джентльмен, с которым мы встретились у дверей, последовал за нами сюда.

Она не повернула головы:

— Абдул? Да... Он, наверное, уже удивляется, почему мы до сих пор не подошли к столам.

— Хороший вопрос, с точки зрения этого Абдула. Грех не воспользоваться таким интересом! Подойдите к нему и спросите, где Сиди аль-Назир. Потребуйте разговора с Сиди. В конце концов, вы сопровождаете очень высокопоставленного гостя, князя из далекого

русского княжества Владистов, и не видите причин, по которым эль Сиди не встречает князя так, как он того заслуживает. Заливайте на всю катушку, но добейтесь, чтобы он повернулся к нам спиной.

Герцогиня кивнула и через всю комнату направилась к приспешнику эль Сиди, оставив своих спутников около двери, которая стала теперь их целью.

Едва герцогиня завладела вниманием Абдула, лорд Дарси шепнул:

— Все в порядке, начинаем. Вперед!

Лорд Джон Кецаль повернулся лицом к толпе, следя за присутствующими, а лорд Дарси и князь Владистовский шагнули к двери.

— Заклинания на замке нет,— сказал князь.— Через нее ходит слишком много народу.

— Прекрасно! — Лорд Дарси повернул ручку, и уже через полсекунды и он, и его спутник оказались за вновь закрывшейся дверью.

Сиди аль-Назир точно соответствовал описанию, данному герцогиней. Едва он увидел, что в кабинет вошли двое посторонних, его правая рука потянулась к ящику стола. Впрочем, она тут же замерла: прямо в черные глаза аль-Назира смотрел такой же черный зрачок «герона» тридцать шестого калибра. Через пару секунд мавр перевел взгляд на лицо держащего оружие человека.

— С вашего позволения, милорд,— хладнокровно сказал он,— я бы вернул на стол мою руку порожней.

— Надеюсь, вы так и поступите.— Дарси взглянул на человека, сидящего напротив Сиди аль-Назира.— Добрый вечер, милорд! Вижу, вы меня опередили.

Командор лорд Эшли спокойно улыбнулся.

— Это было неизбежно,— сказал он холодным сдавленным голосом.— Рад вас видеть.— Он посмотрел на мавра.— Милорд аль-Назир,— сказал он,— только что предложил мне работать на правительство Польши.

Дарси посмотрел на смуглого человека:

— Что скажете, Милорд Победитель?

Сиди аль-Назир медленно положил обе руки на стол и улыбнулся:

— О, вы понимаете мой язык, благороднейший лорд? — сказал он по-арабски.

— Хотя я и не говорю на Языке Языков так же бегло, как вы, — ответил Дарси, — но для работы, которой я занимаюсь, моих небольших познаний в языке Пророка вполне достаточно.

Тонкие губы Сиди аль-Назира зазмеились улыбкой.

— Не стану перечить вам, благороднейший, — сказал мавр. — Отмечу только, что ваше произношение выдает тот факт, что вашим учителем был подданный шахиншаха[1]. А вообще, вы изъясняетесь на языке Корана весьма бегло.

Теперь и Дарси позволил появиться на своих губах чему-то похожему на улыбку.

— Это правда. Мой инструктор в благородном языке Пророка Ислама прибыл от двора, на котором лежит тень Господа, — от двора шаха Персии. Но может быть, вы предпочтете, чтобы я говорил на унижающем достоинство человека диалекте Северо-Западной Африки и Южной Испании?

Сиди аль-Назир растерянно заморгал от неожиданной смены акцента собеседником, но потом брови его поднялись, а улыбка стала еще шире.

— О мудрейший, ваши знания выдают вас. Лишь немногие в империи франков так владеют Языком Языков. В таком случае вы — прославленный Сиди из Арси. Весьма приятно познакомиться с вами, милорд!

— Надеюсь, дальнейшие события подтвердят, что и с вами было приятно познакомиться, милорд, — сказал Дарси. И вновь сменил язык: — Однако у вас гости, милорд. Давайте продолжим на англо-французском.

— Конечно, — сказал Сиди аль-Назир и взглянул на лорда Эшли. — Значит, это была ловушка?

Эшли кивнул:

— Ловушка, мой дорогой аль-Назир.

---

[1] Шахиншах — титул монарха в Иране (Персии).

— Скверная, как мне кажется,— с улыбкой сказал Сиди аль-Назир.— Скверно спланированная и скверно исполненная.— Он тихо хмыкнул.— Мне с такой ловушкой даже не требуется отрицать истину!

— Посмотрим,— сказал Дарси.— *Что* есть истина?[1]

Улыбка Сиди аль-Назира не исчезла. Он просто перевел взгляд на командора Эшли. Лорд Эшли коротко глянул на него и — тоже с улыбкой — обратился к лорду Дарси:

— Извините, что втянул вас в это. Не знал, что вы окажетесь здесь. Мы давно подозревали, что «Manzana de Oro» — резидентура разведывательной сети, принадлежащей Его Славянскому Величеству. С целью удостовериться в этом, я наделал тут долгов.— Он снова посмотрел на Сиди аль-Назира.

Мавр, по-прежнему улыбаясь, вздохнул:

— Всего около полутора сотен золотых соверенов, милорд... Больше, чем вы сможете заработать за год.

Лорд Эшли спокойно кивнул:

— Совершенно верно. А сегодня вы предложили мне на выбор два взаимоисключающих варианта. Либо вы сообщите о моем долге в Адмиралтейство, и в этом случае, как вы предположили, моя карьера потерпит крах. Либо я становлюсь шпионом Его Славянского Величества.

Улыбка Сиди аль-Назира стала шире.

— Вот потому я и сказал, что ловушка плохо организована, милорд командор. Я отрицаю, что сделал вам подобное предложение, и у вас нет свидетеля, чтобы опровергнуть меня.

Дарси, не опуская пистолета, позволил себе улыбнуться.

— Милорд аль-Назир,— сказал он.— К вашему сведению, я совершенно уверен, что вы только что сделали командору подобное предложение.

Мавр ответил белозубой улыбкой:

---

[1] Слова, произнесенные Понтием Пилатом во время суда над Иисусом Христом.

— Ах, милорд, *вы,* конечно, можете быть уверенным.— Он засмеялся.— Возможно, даже я уверен, почему бы и нет? И уж наверняка в этом уверен командор лорд Эшли. Но,— он развел руками,— улика ли это? Разделит ли вашу уверенность суд? — Он вдруг погрустнел.— Да, несомненно, вы способны меня депортировать. Показания милорда Эшли могут оказаться вполне убедительными для такого исхода. Здесь это достаточное основание, чтобы заставить меня вернуться в родную Испанию. Придется закрыть «Manzana de Oro». Как жалко будет поменять холод и туман Лондона на тепло и красоту Гранады! — Он подарил лорду Дарси очередную улыбку.— Опасаюсь, однако, что в тюрьму вы меня посадить не сможете.

— Вот тут,— сказал Дарси,— вы, возможно, и правы. Посмотрим!

— Так ли уж необходимо, милорд, держать ваше оружие направленным на меня? — сказал Сиди аль-Назир.— Я нахожу, что это определенно не по-джентльменски.

— Конечно, милорд,— сказал Дарси, ни на йоту не сдвигая в сторону линию прицела.— Не будете ли вы так добры вытащить... нет-нет, не только пистолет... весь ящик вашего стола. Там может оказаться и больше одного пистолета.

Сиди аль-Назир очень аккуратно вытащил ящик и поставил его на стол.

— Только один, милорд. И смею вас заверить, я и не подумаю касаться его в вашем присутствии.

Дарси посмотрел на оружие, лежащее в ящике.

— Ага,— сказал он.— «Толедо» тридцать девятого калибра. Очень хороший инструмент, милорд. Я прослежу, чтобы вам его обязательно вернули. Если позволит закон...

Обсидиановые глаза Сиди аль-Назира сверкнули, их взгляд впился в лицо Дарси. Мавр вдруг понял, что в информации, имеющейся у незваного гостя, содержится далеко не одно только подозрение в шпионаже.

Ловушка оказалась более опасной, чем представлялось на первый взгляд.

— Возможно, милорд, — сказал он вкрадчиво, — что причиной проигрышей лорда Эшли были махинации некоего мастера-тауматурга, которого я решил уволить. У командора в течение короткого времени до этого были значительные выигрыши. Возможно, мастер-тауматург, о котором я упомянул, решил исправить положение. Если это так, то я, конечно, не несу личной ответственности...

— Ага, — сказал лорд Дарси. — Значит, мастер Юэн все-таки взял верх над неразвитыми способностями лорда Эшли. — Не сводя глаз с Сиди аль-Назира, он обратился к командору: — Во что вы обычно играли, Эшли?

— В «красное и золотое».

— Ясно. Если против вас работает мастер-тауматург, от предвидения в этой игре будет мало толку. После того как вы поставили на любой конкретный номер, волшебник наверняка сумеет сделать так, чтобы шарик не остановился на нужном вам месте. Даже если волшебник будет находиться в другой комнате. — Дарси посмотрел прямо в глаза Сиди аль-Назира. — Значит, предварительный сговор?.. Вы пытались завербовать командора, используя в игре против него вашего волшебника.

— Мы предполагали нечто подобное, — бодро сказал лорд Эшли, — и решили позволить Сиди аль-Назиру делать, что ему вздумается, и посмотреть, что из этого выйдет.

Мавр, все еще держа руки высоко над столом, пожал плечами.

— Что бы ни случилось, — сказал он, — уверяю вас, что этот волшебник больше на меня не работает. Однако имеющаяся у меня информация позволяет мне считать, что вам очень хочется его разыскать. Возможно, я смогу чем-то помочь вам в ваших поисках. Возможно, я сумею проинформировать вас о нынешнем местопребывании мастера Юэна. В конце концов, мы ведь здравомыслящие люди, не так ли?

— Боюсь, ваша информация слегка запоздала, милорд... — начал Дарси, но тут распахнулась дверь, и в кабинет ворвался Джон Кецаль.

— Берегитесь! — закричал мечиканец. — Он передвигается! Он знает, что его предают!

Джон Кецаль еще не успел закончить, когда распахнулась другая дверь, малозаметная, расположенная позади стола Сиди аль-Назира. Мастер Юэн Макалистер обогнул стол и устремился к выходу. Между ним и свободой находился только лорд Джон Кецаль, и черный маг резко выбросил правую руку в сторону молодого мечиканца.

Джон Кецаль тоже вскинул руку, пытаясь отразить заклинание, но разве по силам ученику тягаться с мастером!.. Защитное заклинание мечиканца ослабило удар, но полностью его нейтрализовать, разумеется, не смогло. Джон Кецаль пошатнулся и опустился на колени. Глаза его остекленели, он превратился в статую.

Однако его слабое сопротивление на миг задержало побег мастера Юэна, а дальше уже начал действовать опомнившийся лже-князь Владистовский. Мастер Шон О Лохлейн сорвал свою фальшивую бороду и позволил упасть на пол липовому моноклю.

Лорд Дарси при этом даже головы не повернул, но ему потребовалось все его самообладание, чтобы не отвести пистолет от Сиди аль-Назира. Мавр тоже оказался железным человеком. Он так и не оторвал глаз от дула направленного на него пистолета.

Между тем черный маг развернулся лицом к мастеру Шону и стремительным движением руки нарисовал в воздухе какой-то символ. Физиономия мастера Юэна искривилась в жуткой гримасе.

Дарси и все находящиеся в кабинете немедленно почувствовали психический удар. По-видимому, мастер Юэн после схватки на мосту не терял времени даром и все прошедшие часы потратил на подготовку защитных заклинаний.

На мгновение показалось, что мастер Шон О Лохлейн, по которому был нанесен удар, тоже превратился

в статую. Но ведь и он готовился к поединку. К тому же у него было явное преимущество: он знал своего противника, а мастер Юэн мог только догадываться, с кем из членов Гильдии ему придется столкнуться.

Рука мастера Шона шевельнулась, начертила в воздухе встречный символ.

Мастер Юэн моргнул, стиснул зубы и извлек откуда-то из-под плаща длинный белый жезл.

Все остальные присутствующие в комнате не шевелились, даже лорд Дарси. Они сохраняли неподвижность отчасти из-за психического напряжения, разлившегося по кабинету, отчасти потому, что хотели увидеть исход дуэли между двумя мастерами-тауматургами, но главным образом из-за того, что даже ненаправленное, рассеянное действие заклинаний все-таки заворожило их.

Кроме мастера Шона, никто не понял, что за жезл достал мастер Юэн. Но мастер Шон, едва увидев его, сразу понял, что жезл изготовлен из берцовой кости человека, и мгновенно приготовил контрзаклинание.

Рассеянное действие заклинаний проявилось и за стенами кабинета. В игровых комнатах все на некоторое время застыли. Потом без каких-либо причин даже игроки высокого класса сделали очень странные ставки. Так, юный отпрыск богатого рода заказал игру, которая в случае выигрыша превратила бы поставленные им пятьдесят золотых соверенов в один серебряный.

А в кабинете аль-Назира лорд Джон Кецаль неожиданно сумел посмотреть в сторону, лорд Эшли потащил из ножен свою шпагу, сам Сиди аль-Назир слегка отшатнулся от стола, а рука лорда Дарси чуть дрогнула, по-прежнему держа «герон» тридцать шестого калибра нацеленным в лоб мавра.

Но мастер Шон отразил и это заклинание, созданное с единственной целью — толкнуть его на какое-нибудь глупое, рискованное действие.

Рисковать мастер Шон не стал. Решительно шагнув к мастеру Юэну, он твердо и холодно произнес:

— Именем Гильдии, мастер Юэн, *сдавайтесь!* В противном случае за последствия я не отвечаю!

Ответ мастера Юэна состоял всего из трех слов — яростных, энергичных и непристойных.

А потом выбеленный костяной жезл резким движением был направлен в сторону мастера Шона.

Но мастер Шон отразил и этот чудовищный психический удар. Без жезла, не имея ничего, кроме собственных рук, мастер Шон применил в схватке последний, самый эффективный жест.

Жест этот, однако, последним не стал, потому что мастер Юэн снова шагнул вперед и снова взмахнул своим белым как мел жезлом.

Потом он шагнул еще раз.

И еще раз взмахнул жезлом.

Новый шаг.

Новый взмах.

Еще один шаг.

Мастер Шон отошел в сторону, глядя на мастера Юэна.

Теперь взмахи жезлом были направлены не на маленького ирландца, а в том направлении, где он находился четверть минуты назад.

Мастер Шон глубоко вздохнул:

— Я, пожалуй, прерву его, пока он не воткнулся в стену.

Лорд Дарси по-прежнему держал на прицеле Сиди аль-Назира.

— Что он делает? — спросил он.

— Он пойман в петлю времени, милорд. Я завязал его мысли в узел. Они двигаются по кругу, оканчиваясь там, где начались. Он будет повторять бесполезное действие снова и снова, пока я не вытащу его из петли.

Несмотря на явно колдовские жесты черного мага, все почувствовали, что рассеянное действие заклинаний исчезло. Что бы ни происходило в зациклившемся мозгу Юэна Макалистера, оно не вызывало никаких магических эффектов.

— Что с лордом Джоном Кецалем? — спросил Дарси.

— Как только я освобожу его от заклинания на ошеломление, с ним все будет в порядке.

— Великолепно проделано, мастер Шон! — сказал Дарси и обратился к командору: — Милорд Эшли! Будьте добры, подойдите к ближайшему окну, назовите себя и кликните подмогу. Клуб полностью блокирован стражниками.

Глава XXI

Сэр Фредерик Брюле, сенешаль дворца маркиза де Лондона, подал в кабинет милорда маркиза три чашки кофе. Первая оказалась в центре стола самого маркиза, вторая — в центре стола лорда Бонтриомфа, а третья — на углу стола Бонтриомфа, возле красного кожаного кресла, в котором расположился лорд Дарси. После этого сэр Фредерик бесшумно покинул кабинет.

Милорд маркиз сделал глоток из своей чашки и сердито посмотрел на лорда Дарси:

— Вы настаиваете на этой встрече, милорд кузен?

— А вы видите какой-нибудь другой способ получить необходимые нам улики? — вкрадчиво осведомился Дарси.

Он уже пытался обсудить с маркизом эту проблему, но тот отказался вести деловые разговоры за обедом.

Маркиз сделал еще один глоток.

— Да, боюсь, других способов нет, — согласился он и перевел взгляд на Бонтриомфа. — Надеюсь, охрана надежна?

— С него не спускают глаз три мастера-тауматурга, — сказал Бонтриомф. — Мастер Шон наложил на него заклинание, которое продержит его в полнейшем ошеломлении до тех пор, пока заклинание не будет снято. Не знаю, чего вы хотите еще!

Маркиз Лондонский фыркнул:

— Я хочу всего-навсего быть уверенным, что он не сбежит. — Маркиз взглянул на стенные часы. — С тех пор как вы произвели аресты в «Manzana de Oro», прошло три часа. Если мастер Юэн все еще в своей

камере, я соглашусь, что охрана организована как положено... А теперь доложите, какую информацию вам удалось получить.

Лорд Бонтриомф повернул руку ладонью вверх:

— Мастер Юэн признался почти во всем. Ему известно, что его обвиняют в шпионаже и в применении черной магии. Ему также известно, что он обвиняется в убийстве. Пока мастер Шон не наложил на него успокаивающее заклинание, он из кожи вон лез — признавал что угодно, кроме фактов, которые подводят его шею под петлю.

— Ха! Естественно, он пытается спасти свою жалкую шкуру. Очень хорошо!.. А что, по-вашему, случилось? У меня есть ваши отчеты и отчеты лорда Дарси. Выводы очевидны. Что вы скажете? — Маркиз посмотрел лорду Бонтриомфу прямо в глаза.

Бонтриомф пожал плечами:

— Я не гений. Я скажу вам то, что придумал шеф Хеннели. Я даю вам для оценки *его* версию. Но имейте в виду, я совсем не утверждаю, что она точна во всех деталях. Кроме того, шеф-мастер стражи Хеннели Грейм обсуждал ее с командором Эшли и капитаном Смоллеттом, так что я даю вам для оценки и их версию.

Маркиз посмотрел на лорда Дарси, потом снова перевел взгляд на Бонтриомфа:

— Хорошо, начинайте.

— Слушаюсь! Для начала, нам больше нет нужды беспокоиться об убийстве в Шербуре. Убийство совершил польский агент, ибо поляки обнаружили, что Барбур двурушничает, а в этом случае наши шансы отыскать убийцу просто ничтожны. Другое дело — убийство сэра Джеймса. Тут мы знаем, кто убийца, и имеем орудие преступления. Нам известно, что дамозель Тию шантажировали, что мастер Юэн угрожал убить ее дядю, если она не подчинится его приказам. Проигнорировав его приказы, она отправилась к сэру Джеймсу Цвинге и рассказала ему все, включая и то, что ей было известно о мастере Юэне. Естественно, Макалистеру

требовалось устранить сэра Джеймса, хотя убийство и привело бы к назначению нового главы Европейского отдела разведки и потребовало бы от поляков повторения всей операции по раскрытию личности его преемника.— Бонтриомф посмотрел на лорда Дарси.— Что касается того, как убийство было совершено, то тут важным ключом является полукруглое пятно крови, которое вы мне показали.— Он снова повернулся к маркизу.— Вы понимаете, не правда ли? Это был отпечаток каблука. А в гостинице имелась лишь одна пара туфель, способная оставить такой отпечаток. Я имею в виду туфли на высоких каблуках, принадлежащие Тии Эйнциг... Взгляните на факты. Из отчета мастера Шона О Лохлейна нам известно, что сэра Джеймса зарезали не в половине десятого, когда он крикнул, а получасом раньше, примерно в девять. Полученная им рана не привела к мгновенной смерти.— Бонтриомф снова взглянул на лорда Дарси.— Сэр Джеймс лежал без сознания, затем, когда мастер Шон постучал в дверь, он вышел из ступора на несколько секунд, достаточных, чтобы позвать мастера Шона на помощь. Сэр Джеймс приподнялся, но это усилие оказалось роковым. Он упал и умер. Вы согласны?

— Разумеется,— сказал Дарси.— Все случилось именно так. Его зарезали в девять или около того, но умер он только в половине десятого. Результаты вскрытия и колдовское расследование психической атмосферы на месте преступления ясно нам это показывают. Однако вы пока не объяснили, каким образом в девять или в любое другое время его сумели зарезать в закрытой комнате. Факты говорят, что в момент нанесения удара в номере находился лишь сэр Джеймс. Как вы это объясните?

— Неприятно это говорить,— сказал лорд Бонтриомф,— но мне кажется, что выводы мастера Шона ошибочны. Когда в деле замешан мастер-тауматург, улики вполне могут оказаться состряпанными. Вот что произошло... Мастер Юэн, зная, что ему придется избавиться от дамозель Тии, решает заодно с ее помощью

покончить и с сэром Джеймсом. Он наложил на дамозель Эйнциг заклинание. Она пришла к сэру Джеймсу, его же собственным ножом убила мастера и скрылась, но при этом оставила у двери полукруглый отпечаток каблука.— Бонтриомф откинулся на своем стуле.— Просто как дважды два. Если бы не этот след, мне бы пришлось предположить единственное — что мастер Юэн наложил на мастера Джеймса Цвинге заклинание, которое заставило того зарезать себя пентаклем. Вряд ли Макалистер справился бы с такой задачей. Даже самым могущественным заклинанием трудно принудить кого-либо к самоубийству.— Бонтриомф бросил взгляд на лорда Дарси.— Вы сами убедились в этом, милорд: хотя дамозель Тию и заставили прыгнуть с моста, она, как только оказалась в воде, приложила все силы, чтобы не утонуть сразу.

— Да, приложила,— подтвердил Дарси.— Продолжайте.

— Как я уже говорил,— продолжил Бонтриомф,— если бы не этот отпечаток, пришлось бы предположить, что сэра Джеймса понудили к самоубийству, применив черную магию.— Он пожал плечами.— И хотя такой способ в принципе остается возможным, я бы предпочел отталкиваться от отпечатка каблука. И потому я утверждаю, что сэра Джеймса убила дамозель Тия, а когда она покинула его номер, мастер Юэн воспользовался магией, чтобы запереть дверь изнутри, находясь в комнате наверху. Я не говорю, что формально юридически Тия Эйнциг виновна в убийстве, но орудием в руках мастера Юэна она, несомненно, оказалась.

Маркиз громко фыркнул и открыл было рот, но лорд Дарси предупреждающе поднял руку.

— Прошу вас, милорд кузен,— сказал он.— Думаю, мы должны выслушать и остальные версии. Пожалуйста, милорд,— обратился он к лондонскому следователю,— продолжайте.

Бонтриомф посмотрел на него с горечью:

— Конечно, вы, два гения, решили уже все головоломки. Я же просто мальчик на побегушках и никогда

ни на что большее и не претендовал. Однако, если вас не устраивает эта версия, вот другая.— Он сделал глубокий вдох.— Если вы помните, сначала мы арестовали мастера Шона на том основании, что он и сэр Джеймс открыли способ с помощью магии управлять ножом. А теперь предположите, что именно так все и было совершено. Предположите, что сэра Джеймса и в самом деле зарезали этим способом. Кто мог совершить такое убийство? — Он махнул рукой.— Я не стану заявлять, что это сделал сэр Джеймс. Да, он имел такую возможность, но предположение, что он выбрал столь странный метод самоубийства, было бы, как говорит милорд маркиз, неудовлетворительным. Мысль о случайности происшедшего оказалась бы еще более неудовлетворительной... Милорд может придумать и другое прилагательное, я не хочу заниматься словесной эквилибристикой... Мы также знаем, что не делал этого и мастер Шон. Во-первых, на подготовку заклинания ушло бы по меньшей мере три четверти часа, а во-вторых, по утверждению гроссмейстера сэра Лайона, между магом и его жертвой не должно быть больше одной стены или другой материальной преграды. И разумеется, мастер Шон не сумел бы простоять в коридоре три четверти часа незамеченным. А кроме того, его в это время в том коридоре и вообще не было.— Бонтриомф снова махнул рукой.— Так что о мастере Шоне забудем.

— Очень мило с вашей стороны,— пробормотал Дарси.

— Кто остается? Из тех, кого мы знаем, вроде бы никого. Но не мог ли и мастер Юэн сделать то же открытие? В конце концов, если открытие сумели совершить порознь два мастера-тауматурга, почему бы не сделать его и третьему? Или, скажем, он украл открытие — не знаю... Но не может ли оказаться, что мастер Юэн все-таки сумел направить нож в грудь сэра Джеймса?

На этот раз хотел сказать что-то Дарси, но его перебил маркиз.

— Боже правый! — загремел он.— Неужели этого человека обучал я! — Он развернул свою массивную голову, словно орудийную башню, и в упор расстрелял Бонтриомфа: — В таком случае объясните мне, ради Бога, куда исчез нож!

Лорд Бонтриомф моргнул и, ничего не сказав, посмотрел на лорда Дарси.

— Вы, несомненно, заметили,— спокойно сказал Дарси,— что пентакль, лежавший рядом с телом сэра Джеймса и оказавшийся, кстати, единственным режущим предметом в комнате, не мог быть орудием преступления. Вы ведь читали отчет об аутопсии, не так ли?

— Да, но...

— В таком случае вы, разумеется, понимаете, что лезвие, имеющее форму равнобедренного треугольника с основанием в два и высотой в пять дюймов, никак не могло нанести пятидюймовую рану, если ширина разреза оказалась менее дюйма. Еще более важным является то, на что я уже обращал внимание мастера Шона. Нож из чистого серебра тверже золотого, но мягче свинцового. И естественно, его режущие кромки заметно затупились бы, раз он повредил два ребра. Тем не менее нож остался острым как бритва. Отсюда следует, что мастера Джеймса Цвинге не убивали его собственным пентаклем. Более того, отсюда следует, что орудия преступления вообще не было в комнате, где умер сэр Джеймс.

Бонтриомф довольно долго смотрел на лорда Дарси, потом повернулся к маркизу:

— Хорошо, мне тоже не нравится последняя версия, потому что она не объясняет появление отпечатка каблука. А теперь вот еще появился и исчезнувший нож... Так что я возвращаюсь к первоначальной версии, но вношу в нее одно маленькое изменение. Тия Эйнциг принесла свой нож, а после убийства унесла его с собой.

Маркиз даже не потрудился оторвать взгляд от стола.

— Неудовлетворительно, милорд,— сказал он.— Крайне неудовлетворительно! — Он наконец соизволил

взглянуть на Бонтриомфа.— И вы еще пытаетесь возложить вину на дамозель Тию? Ха! На каком основании?

— Хотя бы на основании отпечатка ее каблука.— Бонтриомф подался вперед.— Это *была* кровь сэра Джеймса, не так ли? Ну и каким же образом дамозель Эйнциг могла заполучить ее на свой каблук, если не находилась там в момент, когда сэр Джеймс залил своей кровью весь центр комнаты?

Маркиз Лондонский поднял глаза к потолку.

— Будь я человеком послабее,— сказал он со скукой в голосе,— я бы этого не выдержал. Ваши умозаключения были бы абсолютно верны, Бонтриомф, *если бы* это был след каблука дамозель Тии. Но, увы, это не так.

— А чей же это еще след? — огрызнулся Бонтриомф.— Кто еще мог оставить такой полукруглый кровавый след?

Милорд маркиз закрыл глаза и, обращаясь, по-видимому, к лорду Дарси, сказал:

— Я не собираюсь дальше слушать эти бредни! Буду весьма счастлив председательствовать на вечернем мероприятии — особенно теперь, когда мы добились официального разрешения на него. Я вернусь, когда соберутся гости.— Он встал и направился к задней двери, потом остановился и обернулся.— А до этого не будете ли вы столь любезны развеять фантазии лорда Бонтриомфа по поводу каблука дамозель Тии? — И он ушел.

Лорд Бонтриомф сделал глубокий вдох и задержал дыхание. Казалось, прошли добрых три минуты, прежде чем он — медленно — выдохнул.

— Ладно,— сказал он наконец.— Я уже говорил: я не гений. По-видимому, вы обнаружили в этом деле много больше, чем я. Поступим так, как предложил милорд маркиз Лондонский. Мы соберем их всех здесь и побеседуем с ними.— Он вдруг резко ударил по крышке стола.— Но, ей-богу, есть одна вещь, с которой я бы хотел разобраться прежде, чем мы этим займемся! По-

чему вы утверждаете, что след каблука не принадлежит дамозель Тии?

— Потому, дорогой мой Бонтриомф,— вкрадчиво сказал лорд Дарси,— что пятно вовсе не является следом каблука.— Он сделал паузу.— Если бы это был каблук, то его хозяин своим весом вдавил бы кровь в волокна подкладки, но ведь вы согласны, что такого не случилось? Кровь пропитала лишь верх волокон, а ниже просочилась совсем чуть-чуть.

Лорд Бонтриомф закрыл глаза и, благодаря своей эйдетической памяти, воспроизвел в уме кровавое пятно. Потом он открыл глаза:

— Ну хорошо, я был не прав. Пятно не было следом каблука. Тогда в чем же моя ошибка?

— Ваша ошибка в том, что вы предположили, будто это пятно крови,— сказал Дарси.

Бонтриомф нахмурился:

— Не станете же вы утверждать, что это *не* пятно крови!

— Не стану,— сказал Дарси.— Все дело в том, что это лишь *половина* пятна.

Глава XXII

Поздно вечером в кабинете милорда маркиза Лондонского оказалось девять гостей. Сэр Фредерик Брюле обеспечил желтыми стульями восьмерых. Лорд Бонтриомф и маркиз сидели за своими столами. Лорд Дарси устроился слева от стола Бонтриомфа в красном кресле, развернутом к остальным собравшимся.

Желтые стулья стояли в два ряда. В первом ряду слева направо разместились гроссмейстер сэр Лайон Гандолфус Грей, Мэри де Камберленд, капитан Перси Смоллетт и командор лорд Эшли, во втором — сэр Томас Лесо, лорд Джон Кецаль, отец Патрик и мастер Шон О Лохлейн. За ним возле двери расположился шеф-мастер стражи Хеннели Грейм, уверивший сэра Фредерика, что предпочитает стоять.

Сэр Фредерик подал всем присутствующим напитки и бесшумно удалился.

Милорд маркиз Лондонский оглядел присутствующих и сказал:

— Милорды, ваша светлость, джентльмены! — Он сделал паузу и снова окинул всех взглядом. — Не стану говорить, что прийти сюда было с вашей стороны очень мило. Вы здесь не по приглашению, но по приказу. Тем не менее все вы, кроме одного, приглашены сюда в качестве свидетелей, дабы помочь нам установить истину, и все, кроме одного, могут считать себя моими гостями. — Он снова сделал паузу, глубоко вдохнул и медленно выдохнул. — Должен предупредить вас о том, что вы обязаны отвечать на заданные вам вопросы — не потому, что я, будучи главой Лондона, попросил вашего содействия, но, что более важно, потому, что вы здесь по приказу грознейшего и суверенейшего Его Величества. Это всем понятно?

Присутствующие молча кивнули.

— В таком случае, — продолжал маркиз, — мы с вами принимаем участие в предварительном судебном заседании. Председательствую я в качестве судьи Королевского суда. Лорд Бонтриомф выступает в роли секретаря Королевского суда. Это может показаться незаконным, но тем не менее полностью согласуется с требованиями закона. Последнее всем понятно?

Снова молчаливые кивки.

— Очень хорошо. Не думаю, что мне надо предупреждать вас — хотя по закону я это обязан сделать, — что все сказанное каждым из вас будет записано лордом Бонтриомфом и может быть использовано в качестве улики. — Маркиз еще раз обвел взглядом присутствующих. — В качестве amicus curia[1] у нас выступает преподобный отец Патрик, представитель ордена святого Бенедикта, зарегистрированный сенситив Святой Матери Церкви. В качестве официального судебного исполнителя — шеф-мастер стражи города Лондона Хен-

[1] Amicus curia *(лат.)* — блюститель закона.

нели Грейм. Государство представляет лорд Дарси, проживающий в Руане, главный следователь Его Королевского Высочества принца Ричарда, герцога Нормандского. Хотя у этого суда есть право выносить представления, понятно, что любой обвиненный может без ущерба для себя подать на апелляцию и может быть представлен в суде, назначенном Его Величеством королем, любым адвокатом, которого пожелает выбрать обвиненный.— Маркиз еще раз глубоко вздохнул и прочистил горло.— Это всем понятно? Отвечайте вслух!

Нестройный хор голосов сказал:

— Да, милорд.

— Очень хорошо.— Маркиз извлек свое массивное тело из кресла, и все остальные тоже встали.

— Преподобный отец,— обратился маркиз к бенедиктинцу,— будьте добры, приведите всех к присяге.

Когда присутствующие были приведены к присяге, милорд маркиз со вздохом удовлетворения опять опустился в кресло:

— А теперь, прежде чем мы начнем... Может, у кого-нибудь возникли вопросы?

Тишина в кабинете показала, что вопросов пока не возникло.

Маркиз Лондонский на долю дюйма поднял голову и исподлобья посмотрел на лорда Дарси:

— Прошу вас, милорд прокурор. Можете начинать.

Дарси поднялся из красного кожаного кресла, поклонился в сторону суда и сказал:

— Благодарю, ваша честь! Суд позволит мне сидеть во время представления дела?

— Да, милорд. Прошу садитесь.

— Благодарю, ваша честь! — Лорд Дарси снова устроился в красном кожаном кресле.

Его глаза по очереди ощупали каждого из приглашенных, потом он сказал:

— В данном случае мы имеем дело с двумя видами преступлений: изменой и убийством. Хотя мне известно, что большинство из вас знакомо с фактами, по закону я должен предполагать, что это не так. Поэтому

мне придется огласить каждый из имеющихся фактов по очереди. Вы должны понимать, что свидетельства, подтверждающие эти факты, могут быть приведены после моего предварительного представления.

Он снова обвел взглядом гостей и начал:

— Три дня назад, во вторник, двадцать пятого октября тысяча девятьсот шестьдесят шестого года, незадолго до одиннадцати часов утра в дешевой меблированной комнате в городе Шербуре был убит некто по имени Жорж Барбур. Свидетельства, которые будут представлены вниманию суда, покажут, что добрый человек Жорж был двойным агентом, то есть человеком, который, делая вид, что работает на секретную службу Его Славянского Величества короля Казимира IX, на самом деле числился в списках личного состава нашей военно-морской разведки и, как показывают факты, был полностью лоялен по отношению к Империи. Вы подтверждаете это, капитан Смоллетт? — спросил он, глядя на сидящего на втором стуле справа капитана.

— Да, м'лорд прокурор.

— Почти сразу после того, как его убили,— продолжал Дарси,— командор лорд Эшли из Военно-морского разведывательного корпуса доложил шербурским стражникам об обнаружении тела убитого. Он также доложил, что ему было приказано передать доброму человеку Жоржу сто золотых соверенов, которые двойной агент должен был заплатить некоему доброму человеку Фицджину.

Эпизод за эпизодом, факт за фактом — лорд Дарси представил присутствующим все дело, не упустив ни одной детали, за исключением точного описания конструкции и принципа действия проектора хаоса. Лорд Дарси назвал его просто «очень важным секретом военно-морского флота».

Он рассказал, как было обнаружено убийство сэра Джеймса Цвинге, описал нападение на дамозель Тию, схватку на мосту, заявление дамозель Тии, обнаружение тела Пола Николса и, наконец, розыски и арест мастера Юэна Макалистера.

— Наш суд,— сказал Дарси,— должен ответить, кто убил этих трех человек. И почему. Государство заявляет, что виновником всех трех смертей является один и только один человек.

Он по очереди оглядел лица сидевших перед ним, пытаясь оценить их выражения. Ни один из них не проявлял никаких признаков волнения, даже тот, в виновности которого Дарси был абсолютно уверен.

— Я вижу, у вас вопрос, капитан Смоллетт. Прошу вас, задавайте его... Нет-нет, сидите.

Капитан Смоллетт прочистил горло.

— М'лорд! — Он еще раз прочистил горло.— Поскольку мы уже арестовали виновного, могу я спросить, зачем вообще нужно данное расследование?

— Затем, капитан, что мы еще не арестовали виновного. Мастер Юэн, если не касаться его истинных преступлений, не может быть обвинен даже в простом убийстве, не говоря уж о тройном.

Капитан Смоллетт сказал: «М-м-м...» — и замолк.

— Таковы, милорд, ваша светлость, джентльмены, факты, имеющие отношение к делу,— заключил Дарси.— Теперь мой долг как государственного прокурора — связать все факты в единую цепь. Для начала позвольте мне отвергнуть версию, будто мастер Юэн Макалистер хоть в какой-то степени причастен к убийствам... Да, мастер Юэн действительно был агентом Его Славянского Величества, работавшим совместно с владельцем клуба «Manzana de Oro» Сиди аль-Назиром. Доказательство может быть представлено позже, а пока давайте просто примем этот факт за истину.— Он повернулся к главе военно-морской разведки:— Капитан Смоллетт!

— Да, м'лорд?

— Я хочу задать вам гипотетический вопрос, и ради безопасности пусть он остается гипотетическим. *Если* — я подчеркиваю, *если* — бы вам стала известна личность главы польской разведки по Франции и Британским островам, дали бы вы приказ устранить его?

Глаза капитана Смоллетта сузились.

— Нет, м'лорд, никогда!

— А почему, капитан?

— Это была бы совершеннейшая глупость, м'лорд. Несомненно! Пока мы знаем, кто он... э-э-э... если бы мы знали, кто он... нам было бы выгоднее следить за ним и принимать меры к тому, чтобы обеспечивать его информацией, характер которой соответствует нашим, а не польским интересам. Кроме всего прочего, установление личности главы польской разведки вывело бы нас и на его агентов. Когда видишь голову, м'лорд, значительно проще держать под наблюдением и все тело.

— В таком случае, капитан, убив мастера сэра Джеймса Цвинге, польская разведка совершила бы откровенную глупость?

— Без сомнения, м'лорд! Приличный разведчик никогда бы не пошел на такое. Никогда! — Капитан Смоллетт замолчал, переваривая новую мысль.

— Даже в случае, если мастер сэр Джеймс узнал, что мастер Юэн Макалистер работает на поляков? — спросил Дарси.

— Хм-м... Даже в этом случае, м'лорд. Выгоднее было бы вывести мастера Юэна из игры, перебросить его на другую работу и сменить имя.

— Благодарю вас, капитан Смоллетт! Пойдем дальше... Как вы знаете,— Дарси имел в виду всех собравшихся,— существует еще одна проблема, а именно — мог ли мастер Юэн совершить преступление, использовав черную магию, и так умело скрыть улики, что его причастность к убийству стала бы неопределимой? Я утверждаю, милорды, ваша светлость, джентльмены, что мастер Юэн этого сделать не мог.— Дарси посмотрел на бенедиктинца.— Отец Патрик!

Священник наклонил голову:

— Да, милорд?

— Вы обследовали мастера Юэна после его ареста, преподобный отец?

— Да, милорд.

— Является ли Талант мастера Юэна столь же сильным, столь же могучим, столь же впечатляющим, как Талант мастера Шона О Лохлейна?

— Милорд прокурор...— Отец Патрик повернулся к маркизу де Лондону.— Если суду угодно...

— Давайте-давайте, святой отец,— сказал маркиз.

— Я полагаю, что, хотя мои показания компетентны, они далеко не авторитетны. Однако, отвечая на ваш прямой вопрос, милорд, я должен сказать, что Талант мастера Юэна гораздо слабее, чем Талант мастера Шона О Лохлейна. Однако, милорды, мои показания — не самое лучшее доказательство. Проще обратить внимание на ту относительную легкость, с которой мастер Шон одолел мастера Юэна в схватке в «Manzana de Oro». Кроме того, вспомните, как легко было снять заклинания с замка комнаты мастера Юэна и с его саквояжа, в котором он носил свои профессиональные принадлежности... Прошу прощения, милорд прокурор, если я не по порядку...

— Ничего страшного, преподобный отец,— сказал Дарси.— Но я должен спросить вас еще раз. Вы свидетельствуете, что Талант мастера Юэна значительно слабее Таланта мастера Шона?

— Да, милорд.

Дарси посмотрел на гроссмейстера сэра Лайона Гандолфуса Грея:

— Вы можете что-нибудь добавить, гроссмейстер?

Сэр Лайон кивнул:

— С разрешения суда я бы хотел задать вопрос командору лорду Эшли.

— Суд разрешает,— прогремел де Лондон.— Задавайте ваш вопрос!

— Милорд командор,— сказал сэр Лайон,— вы описали следователям, как мастер Юэн применил к своему оружию эффект Тарнхелма. Не могли бы вы...

— Одну минуту,— сказал Дарси.— Я бы хотел, чтобы милорд командор давал показания без наводящих вопросов. Будьте добры, лорд Эшли!

— Конечно, милорд.

Дарси посмотрел на сэра Лайона:

— Вам нужно описание поединка на мосту Сомерсет, гроссмейстер?

— С вашего разрешения, милорд.

Дарси перевел взгляд на лорда Эшли:

— Прошу вас, милорд командор.

Эшли подробно описал поединок на мосту.

Выслушав его рассказ, сэр Лайон сказал:

— С разрешения суда я хотел бы задать свидетелю пару вопросов.

— Разрешается,— сказал де́ Лондон.

— Милорд командор, какого рода оружие использовал мастер Юэн?

— Рапиру, гроссмейстер. Рапиру треугольного сечения, без режущих кромок, примерно двух с половиной футов в длину и с очень острым концом.

Сэр Лайон кивнул:

— Вы видели ее. А потом, когда начался поединок, она исчезла?

— Не совсем исчезла, сэр Лайон,— сказал Эшли.— Она... она *мерцала*... Мне... мне трудно объяснить. Просто я не мог задержать на ней взгляд. Но я знал, что она там.

— Благодарю вас, командор,— сказал сэр Лайон.— Теперь, если суд позволит, я дам свои показания. Действительно, могущественный волшебник, такой, как мастер сэр Джеймс или мастер Шон О Лохлейн...

— Или вы? — неожиданно спросил Дарси.

Сэр Лайон улыбнулся:

— Или я, если вы настаиваете, милорд прокурор... Любой могущественный волшебник мог бы сделать свою рапиру настолько невидимой, что ее присутствие было бы невозможно обнаружить.

— Благодарю вас,— сказал лорд Дарси.— Вопрос, который я хочу поставить перед судом, таков... Возможно ли, чтобы человек с ограниченным Талантом, пусть и достигший уровня мастера, как Юэн Макалистер, способен был совершить ритуал черной магии, а затем скрыть содеянное так, что ни мастер Шон О Лохлейн, ни объединенные Таланты всех присутствующих на конвенции мастеров гильдии не сумели определить, что он сделал?

— Это абсолютно невозможно, милорд! — твердо сказал сэр Лайон.

Дарси посмотрел на бенедиктинца:

— Ваше мнение, преподобный отец?

— Я полностью согласен с гроссмейстером сэром Лайоном,— тихо произнес отец Патрик.

Лорд Дарси повернулся к маркизу де Лондону:

— Есть ли необходимость в настоящий момент, милорд, привлечь внимание суда к свидетельству Шона О Лохлейна, мастера-тауматурга, о том, что он не смог обнаружить никакой черной магии, связанной с убийством сэра Джеймса Цвинге?

— Можете продолжать, милорд. Если подобное свидетельство станет необходимым, показания мастера Шона будут заслушаны в момент, когда в этом возникнет необходимость.

— Благодарю, милорд! — Дарси замолк и еще раз оглядел всех присутствующих.— В таком случае получается, что сэр Джеймс Цвинге был убит обычными методами. Однако, если убийство не связано с черной магией, как же быть с фактами, утверждающими, что в девять часов, когда сэра Джеймса зарезали, и в половине десятого, когда он умер, в его комнате не было второго человека. Как такое может быть? — Дарси сделал эффектную паузу и заявил: — Я утверждаю, что мы излишне склоняемся к магическому объяснению убийства сэра Джеймса, тогда как можно отыскать и более простое, материальное.

Он откинулся в своем кресле, но, прежде чем успел продолжить, сэр Томас Лесо поднял руку:

— Если можно, милорд, я хотел бы заявить, что любая версия, связывающая это убийство с колдовскими процессами, окажется математически несостоятельной. Но я не понимаю, как человек может быть убит внутри закрытой комнаты обычными материальными методами. — Вот потому-то я и должен представить доводы государства,— сказал Дарси.— Хотя, повторяю, все факты перед вами. Оказывается, все мы не заметили одной детали, а эта деталь такова: убийце

совсем не обязательно находиться в комнате, где находится жертва. Если вы помните, в комнате Жоржа Барбура, когда его убивали, не было никого, однако он упал так близко от двери, что, вероятнее всего, его зарезал некто находившийся в коридоре.

— Ну-ну,— сказал командор Эшли.— Это, может быть, и возможно с Жоржем Барбуром, но совершенно не годится в случае с сэром Джеймсом.

— Годится, милорд командор, годится,— сказал Дарси.— Подходящим орудием мастера сэра Джеймса было довольно легко зарезать и из коридора.

— Но... через закрытую дверь? — спросил Джон Кецаль.

— А почему бы и нет? — вопросом на вопрос ответил Дарси.— Разве закрытые двери абсолютно непроницаемы? Двери номеров в гостинице Королевского управления очень стары — им пара веков, если не больше. Вспомните размеры ключей, подходящих к этим дверям. А затем представьте размер замочной скважины, в которую вставляется такой ключ. И хотя дверь в номер сэра Джеймса была заперта, размер замочной скважины вполне достаточен, чтобы сквозь нее прошло лезвие шириной в один дюйм.— Дарси посмотрел на мастера Шона О Лохлейна.— У вас вопрос, мастер Шон?

— Да, милорд. Я согласен с вами, что лезвие, поразившее сэра Джеймса, прошло через замочную скважину. По вашему указанию я взял соскобы с замочной скважины и нашел следы крови сэра Джеймса. Но,— он слегка улыбнулся,— если ваше лордство извинит меня, я бы хотел, чтобы мне продемонстрировали, как человек может получить через замочную скважину такой странный, почти вертикальный удар.

— Согласен,— сказал Дарси.— Но сначала я хотел бы привлечь внимание суда к необычному пятну крови возле двери. Полное описание обнаруженного пятна приводится в официальном отчете.

Маркиз кивнул:

— Да. Продолжайте, милорд прокурор.

Дарси повернулся направо, к лорду Бонтриомфу:

— Вы не попросите сэра Фредерика внести дверь?

Бонтриомф протянул руку назад и дернул за сигнальный шнурок. Через несколько секунд сэр Фредерик Брюле с помощником внесли тяжелую дубовую дверь. Они поставили ее вертикально в центре кабинета, между желтыми стульями и столом маркиза. Чтобы дверь не упала, им пришлось ее держать.

— Эта демонстрация необходима,— сказал Дарси.— Дверь, которую вы видите, совершенно такая же, как и в номере сэра Джеймса. Ее сняли в другом номере гостиницы Королевского управления. Вы сейчас видите обе ее стороны... Мастер Шон, не поможете ли вы мне, сыграв роль вашего покойного коллеги?

— Конечно, милорд.

— Превосходно! Встаньте-ка с *той* стороны двери, чтобы ручка и замочная скважина находились *слева* от вас. Я в этой демонстрации сыграю роль убийцы.— Дарси взял со стола Бонтриомфа лист бумаги.— Так, посмотрим... Лорд Эшли, можно мне воспользоваться вашей шпагой?

Без единого слова командор Эшли вытащил из ножен свой парадный клинок и подал его лорду Дарси.

— Благодарю вас, командор! Вы были исключительно полезны в течение всего расследования.— Дарси взял шпагу и примерил ее к руке.— А теперь, мастер Шон, займите свое место, и мы разыграем маленький спектакль. Все присутствующие должны иметь в виду, что наблюдаемая ими сцена произошла в действительности, однако не стоит полагать, что она сопровождалась теми же самыми репликами. Тут могут быть и некоторые вариации.

Мастер Шон встал с одной стороны двери, лорд Дарси подошел к другой и постучал.

— Кто там? — спросил мастер Шон.

— Специальный курьер из Адмиралтейства,— сказал лорд Дарси высоким, совершенно не похожим на свой голосом.

— Вы должны взять конверт у стойки регистрации, — сказал мастер Шон.

— Я знаю, сэр Джеймс, — сказал лорд Дарси все тем же высоким голосом, — но у меня специальное послание от капитана Смоллетта.

— Ну хорошо, — сказал мастер Шон. — Тогда подсуньте его под дверь.

— Я должен передать конверт в ваши руки, — сказал Дарси, вставляя острие шпаги в замочную скважину.

— Подсуньте его снизу, — сказал мастер Шон, — а я возьму. Таким образом он будет передан мне в руки.

— Хорошо, сэр Джеймс. — Дарси преклонил колени и, не вытаскивая шпагу из замочной скважины, просунул бумагу под дверь.

Мастер Шон наклонился, чтобы поднять ее, и в этот момент лорд Дарси с силой послал шпагу вперед. Острие шпаги коснулось груди мастера Шона, и раздался металлический лязг.

Лорд Дарси немедленно выдернул шпагу из замочной скважины. Мастер Шон очень артистично хватил ртом воздух, шатаясь, сделал несколько шагов от двери и упал на пол. Лорд Дарси вытащил бумагу и встал.

— Мастер Шон, — сказал он, — имеет обыкновение носить великолепную кольчугу, чего, к сожалению, не делал сэр Джеймс. Теперь вы понимаете, что произошло? Когда сэр Джеймс нагнулся, чтобы поднять конверт, левая сторона его груди оказалась как раз напротив замочной скважины. Шпага и вонзилась туда. Одна капля крови упала — половина на ковер, половина на лежащий конверт. Лезвие сдерживало кровотечение, пока его не вытащили и сэр Джеймс не отшатнулся от двери. После этого он оказался в шоке. Его рана, хоть и глубокая, непосредственной опасности для жизни не представляла, поскольку лезвие не прорезало ни одного из крупных кровеносных сосудов и не проткнуло легкое. Кровотечение было, но не сильное. Так он пролежал примерно с полчаса. К сожалению,

шпага повредила стенку большой легочной аорты до такой степени, что ее целостность сохранял лишь тонкий слой ткани. В половине десятого в дверь постучал мастер Шон, у которого на это время была назначена встреча с сэром Джеймсом. Стук вывел сэра Джеймса из ступора. Он, должно быть, понял, что прошло какое-то время и у дверей стоит мастер Шон. Пытаясь подняться с пола, он схватился за стол, на котором лежали ключ от комнаты и пентакль с серебряным лезвием, и позвал на помощь мастера Шона. Однако предпринятое усилие оказалось роковым. Повысившееся кровяное давление прорвало стенку легочной аорты, и сэр Джеймс снова рухнул на пол, уронив при этом ключ и пентакль. Не прошло и нескольких секунд, как он скончался.

Мастер Шон встал, тщательно отряхнул свое одеяние волшебника. Сэр Фредерик и его помощник вынесли из кабинета дверь.

— С разрешения суда,— сказал маленький ирландец,— угол, под которым удар лорда Дарси пришелся в мою грудь, точно соответствует положению раны на теле сэра Джеймса.

— Теперь вы видите,— сказал Дарси,— как пытались убить сэра Джеймса и как он умер.— Он положил шпагу на стол лорда Бонтриомфа.— Настало время разобраться в подоплеке событий. Тут мы должны вернуться к таинственному Фицджину. Утром во вторник Фицджин обнаружил, что Жорж Барбур является двойным агентом. Появилась необходимость убрать его. Фицджин пришел к Барбуру и постучал в дверь. Когда Барбур открыл, Фицджин, не мешкая, ударил его ножом. Потому и не было свидетельств о том, что в комнате Барбура в момент смерти хозяина находился посторонний. Фицджин убил его, не переступая порога. К моменту своей гибели Барбур уже раскрыл личность Фицджина и чуть ранее, утром, отправил сообщение об этом Зету, то есть сэру Джеймсу Цвинге. Спасая свою шкуру, Фицджин приехал сюда, в Лондон. Здесь он умудрился перехватить послание, которое, по его

мнению, сообщало о нем в Адмиралтейство. Он решил, что это должно быть письмо от сэра Джеймса, в котором содержится информация, доведенная до сэра Джеймса Жоржем Барбуром. Фицджин немедленно отправился к номеру мастера Цвинге и, используя перехваченный конверт, который, естественно, вполне можно было принять и за встречное послание — из Адмиралтейства сэру Джеймсу,— хитростью заставил сэра Джеймса нагнуться к замочной скважине.— Лорд Дарси взмахнул рукой.— Результатом стало то, что вы увидели в нашем с мастером Шоном исполнении.— Дарси обвел взглядом лица молчаливых людей.— Теперь вы, несомненно, уже поняли, кто является убийцей. К счастью, у нас есть и дополнительные доказательства. Видите ли, Фицджин не предусмотрел возможности ошибки в своих предположениях. Он решил, что письмо, посланное Барбуром утром во вторник, двадцать пятого октября, прибудет рано утром в среду, двадцать шестого, на следующий день. Более того, он решил, что Барбур послал письмо в гостиницу Королевского управления и что письмо Барбура было частью содержимого конверта, отправленного в Адмиралтейство сэром Джеймсом Цвинге, того самого конверта, который Фицджину удалось перехватить. Но Фицджину не пришло в голову, что Барбур мог и не знать, что сэр Джеймс находится сейчас в гостинице Королевского управления, а потому более вероятно, что Барбур адресовал письмо сэру Джеймсу сюда, во дворец маркиза.— Дарси поднялся из кресла и подошел к столу де Лондона.— Могу ли я взять конверт, ваша честь?

Маркиз без слов протянул Дарси бледно-голубой конверт.

Дарси посмотрел на бумажный прямоугольник:

— По штемпелю отправлено из Шербура во вторник, двадцать пятого октября, а получено в среду утром, двадцать шестого. Адресовано сэру Джеймсу Цвинге.

Он повернулся к собравшимся и с удовлетворением заметил, как шеф-мастер стражи Хеннели Грейм переместился ближе к одному из присутствующих.

— У этих сообщений была особенность,— спокойно продолжал Дарси.— Сэр Джеймс обеспечивал своих агентов спецбумагой и спецчернилами, специальным синим воском для печатей и специальными печатями. Все это было магически обработано таким образом, что, если конверт вскрывался не самим сэром Джеймсом или капитаном Смоллеттом, то бумага внутри становилась чистой. Я прав, капитан Смоллетт?

— Да, м'лорд.

Дарси снова посмотрел на конверт в своей руке:

— Потому этот конверт и остался неоткрытым. Теперь только *вы,* капитан, можете вскрыть его без ущерба для содержимого. Будьте добры, капитан!.. У нас есть причины считать, что письмо откроет вам личность так называемого Фицджина, убийцы сэра Джеймса.

Бравый моряк взял конверт, сломал голубую печать, отогнул клапан и вытащил листок бумаги.

— Адресовано сэру Джеймсу,— сказал он.— А почерк Барбура, я узнаю его.

Он не дочитал письмо до конца. Едва одолев половину, он резко повернулся налево.

— Вы!!! — вскричал он потрясенно.

Командор Эшли вскочил, его правая рука метнулась к ножнам.

И тут он вдруг понял, что ножны пусты, что шпага находится далеко-далеко, на другом конце комнаты, на столе лорда Бонтриомфа. А затем почувствовал, как что-то уперлось ему в спину.

Шеф-мастер стражи Хеннели Грейм, твердой рукой держа пистолет, произнес:

— Не дергайтесь, милорд! На вашей совести и так уже достаточно убийств!

— Вы хотите что-нибудь сказать, командор? — спросил Дарси.

Эшли открыл рот, закрыл его, судорожно глотнул и снова открыл рот. Глаза его, казалось, обнаружили что-то в бесконечности.

— Вы взяли меня, милорды,— хрипло произнес он.— Я очень сожалею, что мне пришлось убивать, но...

но видите ли... вы бы посчитали меня предателем. Да, мне нужны были деньги, но я бы никогда не предал Империю. Я не знал секрета. — Он замолчал и закрыл левой рукой глаза. — Я знал, что Барбур — польский шпион. Я не знал, что он — двойной агент. Я думал, что смогу получить от него немного денег. Но я... я не предал бы моего короля. Я просто боялся, что кто-то подумает, будто я — предатель. — Он опустил руку. — Милорды! — Голос его дрожал, хотя он и старался говорить ровно. — Я бы хотел исповедоваться отцу Патрику. А потом я бы хотел сделать суду признание.

Маркиз де Лондон кивнул лорду Дарси. Тот в ответ кивнул маркизу.

— Государство удовлетворяет вашу просьбу, милорд, — сказал Дарси, — но я должен попросить вас оставить здесь ваши ножны и китель.

Без единого слова командор Эшли снял перевязь и положил на стул, затем повесил на спинку китель.

— Шеф Хеннели, — сказал маркиз де Лондон. — Я поручаю вам арест этого человека на основании его собственного признания. Отведите его в другую комнату, где преподобный отец сможет выслушать его исповедь. И соблюдайте закон.

— Слушаюсь, милорд! — сказал шеф Хеннели, после чего вся троица покинула кабинет.

— А теперь, милорд прокурор, — сказал маркиз, — не будете ли вы любезны рассказать суду и присутствующим здесь свидетелям всю историю целиком?

Лорд Дарси поклонился:

— Да, милорд. В первый раз я заподозрил Эшли, обратив внимание на следующий факт. Согласно записям в журнале регистрации, он явился в гостиницу в среду, в восемь часов сорок восемь минут, назвав целью своего прибытия доставку послания мастеру Шону. Однако *он даже не пытался найти мастера Шона вплоть до девяти двадцати пяти,* когда он заговорил с лордом Бонтриомфом. Впрочем, это я ни к селу ни к городу... А произошло вот что. — Дарси занял свое место в красном кожаном кресле. — Эшли уже сказал

нам, что ему были нужны деньги. Почему у него возникла потребность в деньгах, я объясню через некоторое время. Он попытался продать секрет, которого у него не было, как не было и доказательств, что он таким секретом обладает. В конце концов, его подвели к необходимости принять плату в сто золотых соверенов, просто для того, чтобы раскрыть себя. Вечером в понедельник, когда Эшли прибыл в Шербур и при встрече с Барбуром раскрылся, тот сказал ему, что заплатит на следующее утро. Затем, во вторник утром, Эшли дают указание передать Барбуру сто золотых соверенов. И вот тут командор запаниковал — но не так, как мы с вами представляем себе панику, а хладнокровно-тревожно, ибо именно так работает ум Эшли. Он понимал, что, если отнесет деньги Барбуру лично, тот непременно его узнает. Кроме того, он понял, что его планы провалились, что Барбур оказался двойным агентом. Тогда он отправился к Барбуру, и когда тот открыл дверь, Эшли убил агента, воспользовавшись ножом, который специально купил для этой цели. К его счастью, консьержка дома, где Барбур снимал комнату, перед появлением Эшли на несколько минут отлучилась. Потом командор доложил об убийстве руководству. К этому времени он уже обнаружил, что информация о личности Фицджина передана Зету. Следовательно, ему надо было перехватить информацию, предотвратить ее передачу в Адмиралтейство.— Дарси глубоко вздохнул.— В определенном смысле можно сказать, что тут я ему помог. Естественно, я в то время и предположить не мог, что Эшли — убийца. Тем не менее я попросил его передать сообщение мастеру Шону, в результате чего Эшли получил официальный повод появиться в гостинице Королевского управления. В среду утром, в половине седьмого, почта из Шербура была доставлена в Королевское управление. Сэр Джеймс получил корреспонденцию в семь. Расшифровав полученное сообщение, он пошел вниз, к стойке регистрации, и попросил человека, которому он доверял,— а этим человеком был управляющий Пол Николс,—

передать конверт курьеру из Адмиралтейства и тут же отправил к капитану Смоллетту одного из гостиничных боев, чтобы тот сообщил капитану о конверте. Вернулся в свою комнату сэр Джеймс вместе с дамозель Тией. Между ними произошел спор, о котором все вы слышали. Когда Тия ушла, сэр Джеймс в последний раз запер дверь своего номера. В восемь сорок восемь прибыл лорд Эшли с официальным поручением разыскать мастера Шона. Он подошел к стойке, намереваясь спросить о мастере Шоне. Но Пол Николс предположил, что перед ним ожидаемый курьер из Адмиралтейства.— Лорд Дарси сделал рукой неопределенный жест.— Конечно, теперь этого не докажешь, но наверняка так и было. Николс, должно быть, произнес нечто вроде: «Командор, вы — курьер из Адмиралтейства, прибывший за письмом сэра Джеймса?» Что еще надо было Эшли?! Он сказал: «Да» — и взял конверт. На конверте имелся номер комнаты сэра Джеймса, и Эшли прямиком направился туда. Потом они с сэром Джеймсом разыграли оригинал того маленького спектакля, который чуть ранее представили вам мастер Шон и я.— Дарси легонько махнул рукой.— Тут я хотел бы обратить внимание на одну вещь. Убийцы довольно часто — и чаще, чем нам кажется,— удачливы. Я вполне допускаю, что удача позволила бы простому смертному убить сэра Джеймса именно тем способом, каким он был убит. Обычный человек при удаче вполне мог нанести через замочную скважину удар, хитростью поставив сэра Джеймса в необходимое положение, и результат оказался бы тем же, что и у лорда Эшли. Но командор Эшли — необычный человек. У него есть одно преимущество: иногда, в моменты стресса, он на короткое время способен предвидеть ближайшее будущее... Я еще раз привлеку ваше внимание к замочной скважине. Дверь толстая. Замочная скважина хоть и достаточно широка, но не позволяет нанести удар под иным углом, нежели позволяет скважина. А ведь существует вероятность, что, даже оказавшись в результате трюка с письмом в нужном месте, сэр

Джеймс мог не оказаться в нужном положении. Только представьте себе, сколько существует способов нагнуться, чтобы вытащить из-под двери листок бумаги!.. Конечно, положение, на деле принятое сэром Джеймсом, является самым вероятным, но станет ли разумный убийца полагаться на такую вероятность? Разумеется, нет: слишком велика возможность неудачи. И тем не менее неизвестный убийца пошел на подобный фокус. Это была еще одна из нитей, привлекших мое внимание к лорду Эшли. Из-за эмоционального напряжения, в котором командор находился, его пророческие способности позволили ему *знать* — знать без тени сомнения,— где и когда окажется сэр Джеймс. И он точно знал, что ему надо сделать, чтобы сэр Джеймс в нужном месте оказался. Цвинге не пустил бы Эшли в комнату и не открыл бы ему дверь. Следовательно, Эшли должен был убить его единственным возможным способом. Что он и сделал благодаря зачаткам своего Таланта. Его шпага прошла через замочную скважину по прямой. Упала единственная капля крови — половина на ковер, половина на конверт. Думаю, это совершенно ясно... Эшли вернул конверт в карман, а шпагу в ножны. Вот почему я попросил его оставить здесь и китель, и ножны.— Он кивнул на стул, где командор оставил вышеназванное.

Мастер Шон уже успел осмотреть китель.

— Вы были правы, милорд,— сказал он.— В кармане есть пятно. Не сомневаюсь, что кровь найдется и в ножнах.

— Я тоже не сомневаюсь,— согласился Дарси.— С вашего разрешения я продолжу... В этот момент Эшли понял еще одну вещь. Он понял, что один — и лишь *один* — человек знает, что он взял тот конверт... Я не знаю точно, как умер Пол Николс, но почтительно предлагаю суду следующую версию. Около девяти часов командор Эшли вернулся в вестибюль и увидел уходящего с работы Николса. Коридор к черному ходу из вестибюля хорошо просматривается, и Эшли увидел, как Николс покинул свой кабинет. Эшли подошел

к нему, рассказал какую-нибудь историю и заманил ничего не подозревающего человека в мастерскую по ремонту мебели. А там — быстрый удар по голове плюс веревка вокруг шеи,— лорд Дарси щелкнул пальцами,— и свидетеля по имени Пол Николс больше не существует. Вот тут, я думаю, лордом Эшли снова овладела паника. Стоя в кладовке, над телом только что задушенного им человека, убийца пожелал узнать, что же все-таки находится в конверте. Он вскрыл письмо, уронив несколько кусочков воска на труп Николса. И естественно, ничего не увидел, так как бумаги оказались совершенно чистыми. Полагаю, позже он просто сжег их. Это было бы умнее всего. Но ему требовалось сделать еще кое-что. Он должен был передать мое сообщение мастеру Шону. Он нашел в вестибюле лорда Бонтриомфа, и все вы знаете, что происходило дальше. Однако напоследок я хочу заметить, что, хотя лорд Эшли после убийства Николса *вернулся* в вестибюль в девять десять, к Бонтриомфу он обратился только в девять двадцать пять. По-видимому, он боялся разговаривать с каким бы то ни было волшебником, опасаясь, что эмоциональное состояние выдаст его, и до тех пор, пока не увидел Бонтриомфа, так и не набрался смелости с кем-нибудь заговорить.

Капитан Смоллетт поднял правую руку, и золотые полоски знаков различия на обшлаге блеснули в свете газовых ламп.

— Если можно, вопрос, м'лорд!

Энергичная физиономия капитана сейчас, казалось, несколько посерела. Непросто главе разведывательной службы обнаружить, что один из самых доверенных его сотрудников предал своего патрона.

— Конечно, капитан.

— Полагаю, мне понятно, что командор делал и как он это делал. Чего я не понимаю, так это — *почему?* У вас есть какие-нибудь соображения, милорд?

— Всего лишь несколько часов назад, капитан, я тоже ломал над этим голову. Основным мотивом было желание денег. Кстати, разговор, который состоялся у

нас с ним вчера в Адмиралтействе, показал, что он зациклился на предательстве из-за денег и только из-за денег. Любой мотив, который он приписывал возможным подозреваемым, касался денег. Но до налета на «Manzana de Oro» я не понимал всей цепочки мотивов. Я не понимал, зачем ему так требовались деньги. Мастер Юэн Макалистер во всем признался, и раз уж тут у нас предварительное судебное заседание, я могу огласить его признание и не привлекая мастера Юэна в качестве свидетеля.— Дарси улыбнулся.— Боюсь, в настоящее время он не способен быть свидетелем.— Дарси сложил кончики пальцев и посмотрел на носки своих ботинок.— Мастер-тауматург Юэн Макалистер, оплачиваемый агент польской разведки, совместно с Сиди аль-Назиром, владельцем клуба «Manzana de Oro», пытался путем шантажа завербовать командора Эшли. Когда крутится колесо рулетки, когда карта переворачивается рубашкой вниз, когда кости падают на стол — игрок ощущает мгновенный взрыв эмоционального напряжения. Из-за этого напряжения люди и играют. Когда наступал такой момент, лорд Эшли, в силу своего Таланта, мог время от времени предвидеть выигрышный ход. Не часто, разумеется, напряжение бывало достаточно сильным, но иногда оно давало лорду Эшли то, что игроки называют словом «edge»[1]. Шансы в его пользу увеличивались, и командор выигрывал — не всегда и не эффектно, но достаточно регулярно. Редкие способности командора, разумеется, не поддаются выявлению со стороны волшебников, работающих на любой игорный клуб. Их не может выявить даже мастер-тауматург.— Дарси посмотрел на Томаса Лесо.— Я прав, сэр Томас?

Маг-теоретик кивнул:

— Вы правы, милорд. Это особая форма Таланта, она вплотную связана со временем, и поскольку скорее

[1] Edge *(англ.)* — здесь: преимущество (дословно: острие, лезвие).

пассивна, чем активна — то есть созерцательна по природе своей,— постольку практически неопределима. В отличие от людей, чей Талант позволяет видеть сквозь пространство или — изредка — сквозь время в прошлое, способности, оперирующие с будущим, как правило, невозможно ни предсказать, ни натренировать, ни контролировать.— Сэр Томас чуть пожал плечами.— Возможно, однажды более великий, чем я, математик и решит задачу асимметрии времени. До тех же пор...— Он снова пожал плечами и оставил реплику незавершенной.

— Благодарю вас, сэр Томас,— сказал Дарси.— Однако при определенных обстоятельствах волшебник вполне может помешать предвидению. Мастер Юэн воздействовал на игровые приспособления в «Manzana de Oro» тогда и только тогда, когда там играл командор Эшли. Командор начал проигрывать. И прежде чем он это понял, оказался крупным должником. Вот по этой самой причине он и совершил все свои преступления.— Дарси улыбнулся.— Кстати — и на это мастер Юэн обратил в своих признаниях особое внимание,— я бы попросил вас на минуту представить себе положение, в котором Макалистер оказался на мосту Сомерсет, когда неожиданно понял, что перед ним человек, способный предвидеть любое его действие. Но это так, между прочим... На самом деле командор смог совершить свои преступления из-за фантастической удачи. Он не планировал своих поступков, он действовал импульсивно и тем не менее умудрился совершить одно из самых головоломных преступлений, которые мне довелось расследовать. А затем его поразила *столь же* фантастическая неудача. При столкновении с опасностью он умен и хладнокровен, с легкостью и действует, и лжет — великолепные данные для разведчика, должен заметить. Но ложь, к которой он прибегнул в кабинете Сиди аль-Назира, оказалась слишком прозрачной... Вчера днем, когда мы занимались поисками Пола Николса, я спросил вас, капитан, нет ли у вас каких-нибудь подозрений, где может скрываться Ни-

колс и где может располагаться штаб-квартира польской шпионской сети. Вы ответили, что не имеете ни малейшего понятия. И вдруг сегодня, в кабинете Сиди аль-Назира, лорд Эшли преспокойненько заявляет мне, что должен Сиди около полутора сотен золотых соверенов — сумму, немалую даже для командора военно-морского флота. А сделав такое заявление, тут же объясняет, что военно-морская разведка давно подозревала Сиди и что он, командор, специально залез в долги, чтобы спровоцировать Сиди аль-Назира на свою вербовку. Вот потому я и говорю, что фантастическая удача в этот момент превратилась для него в фантастическую неудачу. На самом деле до сегодняшнего дня Эшли и не подозревал, что Сиди работал на поляков. Эшли задолжал игорному клубу, и поначалу аль-Назир просто загонял его в угол, грозясь известить вас, капитан, о долге. Что бы вы сделали, если бы получили такое сообщение? Уволили бы командора?

— Сомневаюсь,— сказал Смоллетт.— Перевел бы его, разумеется. Нельзя держать в разведке человека, который играет подобным образом. Я не против игры как таковой, милорд, но играть надо на то, что имеешь, а не на то, на что надеешься.

— Конечно,— сказал Дарси.— Понимаю. Однако попал бы командор в черный список? У него стало бы меньше шансов продвинуться выше своего нынешнего звания?

— Меньше шансов, милорд? Я бы сказал — вообще никаких. Не могу дать нашивки капитана тому, о ком сообщают подобное.

Дарси кивнул:

— Вот-вот, и Эшли это знал. Ему надо было что-то предпринять, чтобы рассчитаться с Сиди аль-Назиром. Тут он и состряпал сей фантастический план, надеясь выманить деньги у человека, о котором он точно знал, что тот — польский агент... Как выразился вчера его светлость архиепископ Йоркский, в этом человеке нет зла. В нем есть лишь отчаяние. Думаю, мы вполне можем поверить его утверждению, что он не предал бы

своего короля и Империю... — Дарси вздохнул. — Сделай Сиди аль-Назир свое предложение милорду командору две недели... или даже неделю назад, и ничего бы этого не случилось. Лично я считаю, что предложи аль-Назир командору возместить долг предательством до сегодняшнего дня, и острый ум командора придумал бы ту же самую ложь, что он рассказал мне сегодня. Последовало бы только маленькое изменение, капитан Смоллетт: Эшли рассказал бы ее вам... Как бы вы приняли лорда Эшли, если бы он заявил вам, что, добровольно залезши в долги, он раскрыл резидента польской разведки? Что ему, командору Эшли, предложили стать двойным агентом и что теперь на соответствующих условиях он может стать тройным агентом? Если честно, капитан, как бы вы отнеслись к подобному заявлению?

Капитан Смоллетт довольно долго рассматривал свои колени. Все остальные, казалось, затаили дыхание, ожидая его ответа. Когда Смоллетт поднял глаза, они скорее были обращены к маркизу де Лондону, а не к лорду Дарси.

— С разрешения суда, милорд, — медленно проговорил капитан. В его глазах плескалась боль. — Я вынужден признать, что, если бы ситуация оказалась такой, как ее только что представил лорд Дарси, я бы поверил рассказу командора Эшли. И весьма вероятно, рекомендовал бы его к поощрению.

В этот момент открылась дверь, и вошел отец Патрик. За ним следовал командор лорд Эшли. Лицо Эшли было бледным, его запястья сковывали наручники. Сзади шагал остроглазый шеф-мастер стражи Хеннели Грейм, с пистолетом в кобуре, но с рукой наизготовку.

— Ваша честь! — веско сказал священник. — Мой долг — требовать внимания суда.

— Суд признает в преподобном отце Патрике *amicus curia,* — прогрохотал маркиз.

— Ваша честь, — сказал святой отец. — Милорд Эшли, командор имперского военно-морского флота нашего грознейшего и суверенейшего короля, хочет,

согласно своей доброй воле, сделать заявление и дать показания настоящему суду.

Маркиз де Лондон бросил взгляд на лорда Бонтриомфа, который по-прежнему корпел над своим блокнотом, потом снова посмотрел на Дарси.

— Можете приступать, — сказал он.

Глава XXIII

Через сорок минут лорд Бонтриомф просмотрел свои стенографические каракули и задумчиво покивал.

— Дело завершено, — сказал он. — Это объясняет все.

Командор лорд Эшли вышел, чтобы быть препровожденным шефом Хеннели и группой стражников в Тауэр. Предварительное судебное заседание было официально закрыто.

Милорд маркиз оглядел кабинет, затем посмотрел на лорда Дарси.

— За исключением некоторых неточностей в репликах, вы представили нам практически подлинную картину действий Эшли. Удовлетворительно. Я бы даже сказал, *весьма* удовлетворительно. — Он оглядел остальных. — Есть ли у кого вопросы?

— У меня вопрос, — сказал сэр Лайон Гандолфус Грей и обратился к лорду Дарси: — Если можно, милорд... Почему вы были уверены, что между мастером Юэном Макалистером и командором Эшли не существовало прямой связи?

Лорд Дарси улыбнулся:

— Разумеется, я не мог быть полностью уверенным, сэр Лайон. Но это казалось наиболее вероятным. Мастер Юэн изо всех сил старался заставить дамозель Тию вытянуть секрет из сэра Томаса Лесо. Вряд ли он стал бы так стараться, если бы знал, что лорд Эшли хочет продать секрет. Использовать командора было бы гораздо проще, чем заставлять упрямую девчонку предать того, кого она любит.

— Но откуда вы знали, что Тия не шпионит добровольно? — спросил сэр Томас.

— Было несколько причин,— сказал Дарси.— Конечно, церковные комиссии дважды оправдывали ее, но имелись и другие факты... Она пошла к сэру Джеймсу, а такой поступок не похож на поведение шпиона. Шпион бы действовал без промедления, а она всего лишь поспорила и ушла. К тому же квалифицированные разведчики, в отличие от дамозель Тии, не выбрасывают записки от своих связников в мусорные корзины и не забывают о них. Конечно, поначалу существовала возможность, что встреча в пивной «Гончая и Заяц» была спектаклем, разыгранным специально для меня, но последующая попытка мастера Юэна избавиться от девушки сразу отмела такую возможность. Следовательно, она, как и говорила, действительно собиралась рассказать все офицерам короля.

— Не смешно ли,— сказала вдовствующая герцогиня Камберлендская,— что, пока вся стража Лондона и половина имперского флота бились над определением личности убийцы, письмо все время находилось здесь, в кабинете милорда маркиза?

Лорд Дарси взял голубой конверт со стола лорда Бонтриомфа, куда его положил капитан Смоллетт.

— Вы подразумеваете это? — спросил он извиняющимся тоном.— Боюсь, искать информацию здесь не было никакого смысла.

— Почему? — Вдовствующая герцогиня нахмурилась.— Из-за заклинаний?

— О нет,— сказал Дарси.— Дело в том, что ни этого конверта, ни его содержимого несколько часов назад попросту не существовало. Почерк, хоть он и очень похож на руку Жоржа Барбура, на самом деле мой. У меня была возможность досконально изучить руку Барбура. Вчера днем в Канцелярии Адмиралтейства... Понимаете, мне требовалось собственноручное признание Эшли. На самом деле у нас было очень мало улик. Я знал, *что* он делал и *как* он это делал, исключительно благодаря аргументированной дедукции. Конечно, в кармане его кителя, как и в ножнах, найдена кровь, но мы не могли рассчитывать на такое везение. Нам было нужно

что-то большее. Вот и появилось это письмо. В конце концов, вы понимаете — Эшли не мог знать *наверняка,* что сообщение Барбура было послано в гостиницу. Поскольку я понял, что он открыл конверт при первой же возможности, я был уверен — он не нашел там ничего, кроме листов чистой бумаги. Он никак не мог знать *наверняка,* что эти листы содержали опасную для него информацию... Думаю, письмо было необходимой ложью, и если вы постараетесь, капитан Смоллетт, вы вспомните, что я ни разу не утверждал, будто *это* письмо действительно пришло от Барбура.

— Да,— сказал капитан Смоллетт.— Не утверждали.

— Милорды, ваша светлость, джентльмены,— сказал маркиз де Лондон.— У нас была довольно напряженная ночь. Полагаю, что лучше всего мы используем ее остаток, немного поспав.

Восемь гостей покинули дворец маркиза вместе. За исключением капитана Смоллетта, все отправились в Карлайл-хаус.

Но был у де Лондона еще один гость, и Дарси знал о нем. Этот гость оставался до тех пор, пока не ушли все остальные.

За репродукцией Ванденбосха в кабинете маркиза была отодвигаемая панель, за которой был устроен маленький альков. Когда панель задвигали, любой сидящий в затемненном алькове мог видеть через картину и слышать все, что происходило в кабинете.

Лишь маркиз, лорд Бонтриомф и лорд Дарси знали, что в том алькове во время служебного расследования, завершившегося арестом убийцы, находился еще один человек, но только двумя месяцами позднее, уже в Руане, лорд Дарси получил от таинственного наблюдателя кое-какое известие.

Пакет был доставлен в резиденцию лорда Дарси Королевским Вестником. Пакет оказался небольшим, но довольно увесистым. В нем была записка:

«Милорд Дарси!

Учитывая ваши блестящие успехи по защите Нашего государства, Мы снова оказались перед вами в долгу. Мы понимаем, как вы несчастны, потеряв свой любимый «макгрегор» сорокового калибра, который вы с такой готовностью использовали при демонстрации в Вестминстере.

Поскольку Мы считаем подобающим, чтобы любое оружие такого рода, носимое в Нашем присутствии, было бы Нашим подарком, Мы посылаем вам этот пакет.

Мы бы, однако, хотели, чтобы вы поняли: это не просто церемониальное оружие, но оружие, должное использоваться во время вашей работы. Если Мы услышим, что оно висит в золотой рамке на стене вашей трофейной комнаты — или другую подобную глупость, — Мы лично явимся туда и заберем его назад.

Дж. IV».

Внутри коробки лежало, по-видимому, самое лучшее творение Макгрегора: ручной работы пистолет сорокового калибра, способный остановить и слона. Эмаль с позолотой делала его столь же красивым, сколь он был смертоносным. На обеих сторонах рукоятки был выполнен родовой герб лорда Дарси: *горностай на красном фоне и шагающий золотой лев, поднявший правую переднюю лапу и смотрящий вправо.* Золотая ажурная выделка, обрамляющая гербовый щит, включала в себя львов Англии и лилии Франции.

Новые расследования лорда Дарси

ДЕЛО О ПАДЕНИИ

Смерть милорда Жильбера, графа де ла Векси, оказалась крайне примечательной.

Его светлость жил и работал в замке Жизор в сердце одноименного города, центра графства Векси в восточной части герцогства Нормандского. Крепость приобрела свои очертания уже в одиннадцатом веке, хотя с тех пор и подверглась некоторым перестройкам и обновлениям.

Де ла Векси вступил в права наследования в 1951 году и правил мудро и справедливо. У него были сын, дочь и увлечение.

Все это и послужило причиной его гибели.

Ночью 11 апреля 1974 года после мессы в Великий Четверг милорд Векси поднялся по винтовой лестнице Красной башни в сопровождении двух доверенных сержантов своей личной гвардии, за которыми в свою очередь следовали четверо рядовых гвардейцев.

Таким образом обставлялось каждое посещение милордом графом его святая свя́тых, рабочего кабинета на верхнем этаже Красной башни. Когда граф оказывался там, в восьмидесяти футах над мощеным плитами внутренним двором замка, и приступал к своему любимому занятию, никто не имел права его беспокоить.

Без одной минуты десять он перешагнул порог, оставив гвардейцев снаружи. Вот уже двадцать лет никто, кроме него, не бывал в верхней комнате Красной башни.

Он запер дверь на массивный засов и полностью отрезал себя от внешнего мира.

© А. Соколов, перевод, 2001

С тех пор лишь двое видели его живым, да и то в течение нескольких секунд.

На другой стороне широкого внутреннего двора напротив Красной башни располагался Зал святого Мартина, пристроенный к замку не ранее начала шестнадцатого века, что сразу видно было по его рикардианской архитектуре. Сквозь его большие стрельчатые окна лился во двор теплый желтый свет; огни должны были гореть всю ночь, поскольку шло бдение у алтаря в канун праздника Успения Богородицы.

В зале потрескивал огонь в огромном камине, но дров было немного — как раз столько, сколько нужно для того, чтобы отогнать легкую прохладу погожего весеннего вечера. Размеренно качался маятник больших часов на каминной доске, и минутная стрелка неумолимо ползла вверх — было почти десять часов.

Лорд Жизор, единственный сын де ла Векси, налил себе очередной бокал хереса. Среднего роста, с угловатым, но не лишенным привлекательности лицом, он был бы почти точной копией своего отца (если, конечно, учесть разницу в возрасте),— вот только он унаследовал от матери почти черные волосы да темно-карие глаза, в то время как волосы его отца были русыми, а глаза голубыми. Лорд Жизор отвернулся от буфета, все еще держа открытый графин.

— Не желаете ли еще, дорогая?

Девушка, расположившаяся в большом мягком кресле у камина, улыбнулась.

— Да, пожалуй.

В правой руке она держала бокал, а левой убирала прядь длинных светлых волос со лба. «Она прекрасна»,— подумал его светлость.

Лорд Жизор наполнил ее бокал и с графином в руке вернулся к буфету. Закрыв графин стеклянной пробкой, он заговорил:

— Мадлен, вы не должны плохо думать о моем отце. Конечно, порой он бывает вспыльчивым, но...

— Я знаю,— прервала его девушка,— я знаю. Он думает только о своем графстве. И никогда — о людях.

Слегка нахмурившись, его светлость взял свой стакан и сел в удобное кресло рядом с Мадлен.

— Нет, любовь моя, он думает о людях, о каждом человеке в Векси, и когда придет мой черед, я должен буду делать то же самое. Действительно, он обязан смотреть на вещи широко и быть дальновидным, но он *заботится* о людях.

Она сделала маленький глоток и грустно посмотрела на лорда своими серыми глазами.

— Так он заботится о людях? О тебе? И обо мне? Он знает, что мы любим друг друга, но не разрешает нам пожениться. Напротив, он настаивает на твоем браке с леди Эвелин де Сен-Бриа и не смотрит на то, что ни ты не любишь ее, ни она тебя. Это забота о сыне или просто желание устроить для тебя политически выгодную партию?

На секунду лорд Жизор закрыл глаза и попытался успокоиться. Снова и снова они возвращались к этой теме. Снова и снова он объяснял Мадлен, что хотя граф и волен запретить брак, он не может принудить его к женитьбе. Снова и снова он повторял, что может обжаловать дело о браке у Его Королевского Высочества герцога Нормандского, а если не поможет и это, то у Его Императорского Величества, но что он не воспользуется этой возможностью, дабы не проявить неуважения к отцу. Его голова раскалывалась от этих «снова и снова».

Естественно, лорд никогда не упоминал о возможности женитьбы без соблюдения всяческих формальностей. Скорее всего, девушка воспротивится такой идее.

Он снова открыл глаза.

— Успокойся, дорогая. Могу заверить тебя, что он...

— Изменит свое мнение? — перебила его Мадлен. — Никогда! Граф де ла Векси даст свое согласие на наш брак только тогда, когда графом де ла Векси станешь ты! Твой отец...

— *Тише!* — голос лорда Жизора звучал повелительно. — *Моя сестра!..*

В дальнем конце зала открылась и снова закрылась дверь, ведущая в церковь Богоматери. Вышедшая

оттуда женщина сдержанно улыбнулась им, подошла к камину по широкой ковровой дорожке и осторожно сняла монашеское покрывало. Она молча кивнула каждому и сказала:

— Твоя очередь, о мой сиятельный брат. С десяти до одиннадцати, если ты еще помнишь.

Лорд Жизор допил вино и, улыбнувшись, встал.

— Конечно, миледи Беверли. *«Так не могли вы один час бодрствовать со мною»*. Евангелие от Матфея. Завтра будет Страстная Пятница, день распятия, а эту ночь мы мысленно проводим с Господом нашим в Гефсиманском Саду.

Жизор взглянул на часы. До десяти оставалась одна секунда.

— *«Отец, час мой пробил»*. Святой Иоанн,— начал он.

Маятник опустился.

Раздался первый удар.

— *Дьявол! Что это?!* — воскликнул лорд Жизор.

Снаружи донесся душераздирающий крик.

Примерно за минуту до этого во дворе у стены Зала святого Мартина встретились двое. Оба они были гвардейцами графа. Один стоял на посту, второй, сержант, совершал вечерний обход. Они обменялись обычными воинскими приветствиями. Стоявший на посту сообщил, что никаких происшествий не замечено, сержант поблагодарил его по-военному кратко. Затем он добавил с усмешкой:

— Ночной дозор в апреле явно приятнее, чем в марте, не правда ли, Жаме?

Рядовой Жаме усмехнулся в ответ.

— По крайней мере, я не отморожу нос, сержант Андре.— Он уловил краем глаза отблеск света и посмотрел наверх.— А вот и милорд граф.

Сержант Андре повернул голову в том же направлении. Он знал, что имеет в виду Жаме. Милорд граф не мог приближаться к посту, так как он недавно во-

шел в свой личный кабинет на последнем этаже Красной башни. Сержант часто принимал участие в ритуале восхождения. Хотя визиты графа в башню не были регулярными, его поведение было вполне предсказуемо. Войдя в кабинет, он первым делом зажигал факел, мерцание которого, видимое сквозь косоугольное окно, говорило находящимся во дворе о том, что хозяин скоро приступит к работе.

Затем, взобравшись на стол, стоящий у окна, он подносил факел к газовому фонарю, висевшему над перемычкой окна, — вспыхивало пламя, но со двора можно было видеть лишь его отсветы.

На этот раз все было иначе.

Вместо теплого света газовой лампы в окне вспыхнуло странное белое сияние, словно бы метавшееся по комнате одну-две секунды.

Затем освинцованное косоугольное окно внезапно с грохотом разлетелось вдребезги, и осколки посыпались вниз. В искореженной раме показалась скрюченная фигура милорда де ла Векси, — и из его горла рвался ужасный вопль, пока милорд несся вниз с восьмидесятифутовой высоты, не выпуская из руки факела, который, подобно комете, оставлял в воздухе огненный след.

И вот граф достиг мощеной поверхности двора и замолчал. Тишину нарушал только звон все еще осыпающихся осколков стекла.

Этот вечер застал Жака Туаля, инспектора полиции города Жизора, и двух его помощников на железнодорожном вокзале. В 12:44 прибыл поезд из Руана.

Наметанный глаз господина Жака изучал полуночных пассажиров, выходящих из вагона первого класса. Их было немного, и полицейский быстро обнаружил тех, кого ожидал. «Пойдем, — сказал он сержантам. — Это они». И три офицера королевской полиции двинулись вперед.

Трое, привлекшие их внимание, покинули вагон и ждали. Первый из них, высокий худощавый русоволосый

мужчина приятной наружности, был облачен в вечерний костюм аристократа. Вторым был маленький полный крепыш в рабочей одежде волшебника. Третий казался старше своих спутников. Он был сед и выглядел изможденным; на его носу красовалось пенсне, а одежду составлял вечерний костюм джентльмена. Плечи двоих последних украшал герб герцога Нормандского.

Господин Жак подошел к джентльмену аристократической наружности.

— Милорд Дарси?

Лорд Дарси, главный следователь Его Королевского Высочества герцога Нормандского, кивнул.

— Вы правы. Господин Жак Туаль, если не ошибаюсь?

— Да, милорд.

— А это мои коллеги,— представил лорд Дарси,— Шон О Лохлейн, главный судебный волшебник Его Высочества, и доктор Джеймс Пейтли, главный судебный хирург.

Глава городской полиции представил своих помощников:

— Сержанты Пол и Бертрам, милорд. Пожалуйте к нашей карете, милорд.

Через четыре минуты карета уже двигалась по направлению к замку Жизор. Пружинные амортизаторы и пневматические шины делали поездку приятной, несмотря на мощенные булыжником улицы. Вкрадчивый голос лорда Дарси нарушил затянувшееся молчание:

— Кажется, вы грустите, уважаемый?

Мистер Жак откликнулся.

— Что? О, нет. Извините, милорд. Просто задумался.

— Кажется, размышления причиняют вам беспокойство. Могу ли я поинтересоваться, каков их предмет?

— Мне не нравятся такие дела,— ответил инспектор Жак.— Мы к ним не подготовлены. Призраки, демоны, черная магия и все подобное... Я не ученый, я полицейский.

В голубых глазах мастера Шона зажегся огонек:

— Призраки? Демоны? Черная магия?

— Подождите,— вмешался лорд Дарси,— давайте будем последовательны. Единственное, что нам сообщили в Руане, это то, что де ла Векси умер. Подробности нам неизвестны. Итак, господин Жак, что произошло?

Инспектор пересказал им картину, восстановленную по показаниям гвардейцев, видевших де ла Векси перед смертью.

— Вне всяких сомнений, он был мертв,— сказал полицейский,— череп раздроблен, шея сломана. Сержант Андре отправился за раздвижной пожарной лестницей. Это был единственный способ попасть в комнату. Второго гвардейца он послал известить о случившемся тех двоих, что охраняли дверь.

— Они ничего не слышали? — спросил лорд Дарси.

Инспектор Жак покачал головой.

— Слишком массивная дверь. Слишком массивная даже для того, чтобы взломать без подручных средств. Вот почему сержант Андре решил воспользоваться лестницей. Вскарабкался по ней и отпер дверь изнутри. К этому моменту гвардейцы уже все знали. Вот здесь-то и начинаются странности.

— Да? — проворчал лорд Дарси,— и что здесь странного?

— В комнате никого не было. Это совершенно необъяснимо.

Мастер Шон с задумчивым видом теребил собственный подбородок.

— Если это так, инспектор, его не столкнули вниз, верно? Не могло ли это быть простой случайностью? Быть может, он просто встал на подоконник для того, чтобы зажечь газовый фонарь, на чем-то поскользнулся, нечаянно выпал в окно и погиб?

Полицейский покачал головой.

— Не похоже на то, господин волшебник; тело было отброшено от стены на восемнадцать футов. Осколки разлетелись еще дальше.— Он опять покачал головой.— Нет, граф не просто упал. Это невозможно. Его выбросили.

Доктор Пейтли снял пенсне и начал протирать его тонким льняным платком.

— А может быть, он *выпрыгнул*? — робко предположил он.

Инспектор резко взглянул на него.

— Выпрыгнул? Вы говорите о самоубийстве?

— Необязательно,— ответил доктор, глядя на лорда Дарси.— Мало ли что может заставить человека выпрыгнуть в окно... так, милорд?

Лорд Дарси сдержал улыбку.

— Несомненно, доктор. Вы делаете успехи.— Он повернулся к полицейскому.— Мог ли граф выпрыгнуть, инспектор?

— Да, мог. Однако это лишено смысла. Люди не кончают с собой, прыгая в закрытое окно. Это бессмысленно. Самоубийца, решившийся на прыжок, сначала откроет окно. Он не будет прыгать через стекло.

— Я не учел этого,— признал доктор, осторожно возвращая пенсне на место.— Но что, если он пытался от чего-то спастись?

Зрачки инспектора Жака сузились:

— Да, я знаю, от чего! Это демоны!

Через двадцать пять минут мастер Шон докладывал своему начальнику:

— Милорд, что бы ни послужило причиной смерти милорда де ла Векси, ни упомянутые инспектором Жаком «демоны», ни психические элементали какого-либо другого вида к ней не причастны.

Доктор Пейтли нахмурился:

— Кто?

— Элементали, мой дорогой доктор. Движущиеся сгустки психической энергии, соответствующие четырем основным состояниям материи: твердому, жидкому, газообразному и плазме. Или, как их часто называют, земле, воде, воздуху и огню.

Лорд Дарси, мастер Шон и доктор находились в той самой верхней комнате Красной башни, столь ревностно оберегаемой от чужаков своим последним владельцем. Прикрыв глаза, с крестом святого Антония в

правой руке, мастер Шон бродил по кабинету, исследуя каждый угол. Остальные стояли молча: выводить волшебника из транса неблагоразумно. Маленький круглый ирландец должен был вынести свой приговор.

Лорд Дарси тоже не терял времени напрасно. Следователь видел мастера Шона за работой слишком много раз, чтобы обращать на него внимание. Его зоркие зеленые глаза тщательно осматривали место происшествия.

Комната была довольно-таки большой, она занимала весь верхний этаж башни четырнадцатого века, оставляя место лишь для небольшой лестничной площадки, отделенной тяжелой дверью орехового дерева, обитой войлоком.

Отметив это, лорд Дарси продолжил осмотр комнаты.

Она оказалась квадратной, примерно двадцать на двадцать футов — башня была построена в обычном древненормандском стиле. Окно было всего одно, стены заняты полками и заставлены сундуками. По всей длине западной стены на высоте трех футов проходила полка шириной около тридцати двух дюймов: ее явно использовали в качестве рабочего стола, о чем свидетельствовали стеклянные сосуды самых разнообразных форм, причудливо изрезанные куски дерева и металла, весы и прочие атрибуты. На верхних полках помещались бутылки и банки, наполненные различными жидкостями, порошками и кристаллами. К каждой из них была прикреплена аккуратная этикетка.

У южной стены, по обе стороны от разбитого окна, располагались два стеллажа, заполненные книгами. Половина восточной стены также была отведена под книжные стеллажи, вдоль другой половины стояли сундуки. В северной стене был дверной проем, по бокам от него — несколько рядов полок.

Из-за легкого бриза, проникающего сквозь разбитое окно, пламя в газовом фонаре, подвешенном над ним, трепетало и дрожало, порождая зловещие тени и отбрасывая блики, танцующие на стеклянной утвари.

Письменный стол графа располагался непосредственно под большим окном, его верхний край достигал подоконника. Лорд Дарси подошел к нему, нагнулся и выглянул наружу. Он не увидел ничего необычного. По всем признакам, милорд граф скончался от перелома шеи и травмы черепа, хотя вскрытие могло сообщить дополнительные подробности. Осмотр тела не показал ничего нового, но теперь в кармане лорда Дарси был ключ от личного кабинета покойного графа.

Внизу инспектор Жак и его люди осторожно подняли тело с усыпанного стеклами двора и поместили его в специальный экипаж местного медика. Вскрытие было назначено на утро, и провести его должны были мастер Шон и доктор Пейтли.

Лорд Дарси выпрямился и взглянул на газовый фонарь над окном. Как всегда, граф де ла Векси вошел в кабинет с факелом. Как всегда, влез на стол. Как всегда, открыл газ. Как всегда, зажег фонарь. Потом... А что потом?

— Похоже на дом с привидениями, не правда ли, милорд? — сказал мастер Шон.

Его лордство повернулся к нему, оказавшись спиной к окну:

— В любом случае, мрачное место, дорогой Шон. Нет ли в комнате еще газовых фонарей? Ага, вот и они. По два на каждой стене. Несомненно, трубы пришлось удлинить, когда устанавливали стеллаж.— Он вытащил зажигалку.— Посмотрим, не прольет ли это свет на наше дело?

Он осторожно обошел комнату и зажег все шесть ламп. Даже будучи заключены в стеклянные абажуры, они мерцали. В комнате стало светло, но тени продолжали свой танец.

— Смотрите, какой старомодный масляный светильник! — заметил лорд Дарси, взглянув наверх.

Светильник представлял собой бронзовый шар дюймов пятнадцати в диаметре, с кольцом в нижней части и окруженным стеклянной трубкой фитилем — в вер-

хней. Он был подвешен на цепях к системе блоков, позволяющей опускать его для заправки или зажжения. Даже встав на цыпочки, лорд Дарси не смог достать до кольца.

Он быстро осмотрелся, подошел к двери и открыл ее.

— Скажите, капрал, куда мог запропаститься крюк, при помощи которого опускают этот светильник?

— Если бы я знал, милорд! — ответил ему капрал гвардии. — Его светлость никогда не пользовался им, я имею в виду крюком. Ни разу на моей памяти, милорд. Сомневаюсь даже, есть ли там масло.

— Я понял. Спасибо, — он снова закрыл дверь. — Ладно, света и так достаточно. М-м-м... Доктор Пейтли, вы измеряли тело, какого роста был милорд граф?

— Пять футов шесть дюймов, милорд.

— Это его и погубило.

— Что «это», милорд?

— В комнате семь газовых ламп. Шесть из них расположены примерно в семи с половиной футах от пола, седьмая — над окном в девяти футах. Почему он постоянно зажигал первой именно эту? Потому, что от крышки письменного стола до лампы всего шесть с половиной футов, и он мог до нее дотянуться.

— Как же он добирался до остальных, когда ему требовалось больше света? — спросил доктор Пейтли и поправил свое пенсне.

Мастер Шон усмехнулся, но не сказал ни слова.

Лорд Дарси вздохнул.

— Мой дорогой доктор, порой мне кажется, что вы не видите ничего, кроме человеческих тел, больных, умирающих или уже мертвых. Посмотрите туда. Что вы видите? — и указал в северо-восточный угол комнаты.

Доктор Пейтли повернулся.

— Конечно же... Лестница. — Он был смущен. — Естественно.

— Если бы ее здесь не было,— продолжил лорд Дарси,— я был бы крайне удивлен. Как же иначе граф смог бы пользоваться своими книгами...— Внезапно он замолчал. Взгляд остановился на лестнице.— М-м-м... Интересно.— Он подошел к лестнице, потрогал ее, поднялся наверх, откинул голову назад и стал внимательно изучать потолок.— Ага... Когда-то эта башня была сторожевой.

Он нажал сначала одной рукой, затем двумя, и в потолке открылся люк примерно двух с половиной футов в диаметре. Лорд Дарси вскарабкался выше и протиснулся в отверстие.

Он вышел на крышу башни, окруженную зубчатыми стенами, осмотрелся и спустился обратно, закрыв за собой люк.

— Вероятно, наверху нет ничего интересного, но все же туда следует вернуться и удостовериться в этом при дневном свете.

Затем, не говоря ни слова, лорд Дарси обошел комнату, пристально вглядываясь во все, но ничего не трогая. Снова посмотрев на потолок, он проворчал:

— Тяжелые бронзовые крючья. Зачем они ему понадобились? Ах да, конечно. Для того, чтобы вешать блоки. Очень хорошо.

Следователь обшарил почти всю комнату, пока наконец не наткнулся на что-то, действительно привлекшее его внимание. Он замер у двери, уставившись в пол.

— Ага! И что бы это могло быть?

Он встал на колени, внимательно рассмотрел предмет и, наконец, поднял его большим и указательным пальцами.

— Это похоже,— сказал мастер Шон,— на четырехдюймовый обрезок полудюймовой хлопчатобумажной веревки, милорд. К тому же очень грязной веревки.

Его лордство сдержанно улыбнулся.

— Это похоже на то, чем оно является в действительности, мой добрый Шон. Замечательно.

Он поднес предмет ближе к глазам.

— Милорд, я был бы весьма польщен, — сказал мастер Шон полуофициальным тоном, — если бы вы объяснили мне, что же здесь замечательного.

Доктор Пейтли только прищурился за своим пенсне и ничего не сказал.

— Обратите внимание, мой дорогой Шон, — начал лорд Дарси, — в каком порядке содержится эта лаборатория. Все чисто, нет ни пылинки. Все лежит на своих местах. Нет ни скомканных бумаг, ни пятен грязи. Хозяин обращался с этой комнатой, как хороший кавалерийский офицер со своей саблей.

Он обвел комнату жестом.

— Конечно, милорд, но... — начал было мастер Шон.

— Я спрашиваю, что же в таком случае, — продолжил его лордство, — делает на этом полу обрезок грязной веревки?

— Не знаю, милорд, — мастер Шон был озадачен не на шутку. — Какое это имеет значение?

— У меня нет ни малейшей зацепки, мастер Шон, — улыбка лорда Дарси стала шире, — однако я не сомневаюсь, что это имеет значение. Какое — зависит от того, что еще нам удастся разузнать.

Лорд Дарси провел в комнате еще минут десять, но больше не обнаружил ничего любопытного.

— Хорошо, — сказал он, — продолжим осмотр утром, при свете. А сейчас спустимся и побеседуем об этом деле с очевидцами. Боюсь, этой ночью нам не придется спать долго.

Мастер Шон откашлялся и произнес извиняющимся тоном:

— Милорд, мы с добрым доктором некомпетентны в допросе свидетелей, так что будет лучше, если мы займемся вскрытием. Не правда ли?

— Да? Конечно, если хотите. Да, конечно, — ответил лорд Дарси, подумав при этом, что глупо считать, будто интересы других, пусть даже самых близких людей, полностью совпадают с твоими собственными.

Часы на каминной полке в Зале святого Мартина торжественно пробили очередную четверть часа. Было пятнадцать минут третьего утра Страстной Пятницы 12 апреля 1974 года.

Преподобный отец Вилье стоял у камина, глядя на лорда Дарси. Отец Вилье был невысок — около пяти футов шести дюймов,— но в его худощавом, подтянутом теле чувствовалась недюжинная физическая сила. Его движения были быстры и точны, но в них не было ни резкости, ни нервозности. Его спокойная уверенность говорила о силе духовной. Глядя на слегка подернутые сединой волосы и усы священника, лорд Дарси решил, что тому уже за сорок. Правильные черты приятного лица выдавали добродушный и веселый нрав. Но сейчас священник не улыбался; в его глазах светилась глубокая печаль.

— Все собрались в часовне, милорд,— отчетливо произнес он приятным низким тенором,— лорд Жизор, леди Беверли, дамозель Мадлен и сэр Родерик Маккензи.

— Кто такие двое последних? — спросил лорд Дарси.

— Сэр Родерик — капитан личной гвардии графа. Дамозель Мадлен — его дочь.

— Я не побеспокою их, святой отец,— сказал лорд Дарси.— Провести эту ночь в поиске утешения у святого алтаря Господа нашего — священное право каждого христианина, и я не вправе нарушить его без крайней необходимости.

— Вы не считаете убийство достаточно веской причиной?

— Нет, пока причина смерти не установлена наверняка. Что заставляет вас думать, что это было убийство, святой отец?

Священник едва заметно улыбнулся.

— Это не было самоубийством. Я говорил с ним перед тем, как он вошел в Красную башню. Я медиум, и почувствовал бы позывы к самоубийству. Если бы он просто потерял ориентацию и упал, тело обнаружилось

бы в футе от стены, но никак не в восемнадцати или двадцати футах.

— В восемнадцати,— уточнил лорд Дарси.

— Итак, это было убийство,— подытожил отец Вилье.

— Согласен с вами, святой отец,— сказал лорд Дарси.— Есть еще предположение, что милорд увидел призрак, настолько напугавший его, что он предпочел прыгнуть в объятия смерти через закрытое окно, лишь бы не оказаться с ним лицом к лицу. Что вы думаете по этому поводу?

— Должно быть, инспектор Жак,— священник покачал головой.— Вряд ли. Его покойная светлость вообще не мог почувствовать присутствия настоящего призрака, а подделка, изготовленная человеческими руками, не смогла бы его ни обмануть, ни напугать.

— Не мог почувствовать присутствия настоящего призрака?..

Отец Вилье снова покачал головой.

— Он был из редкой породы духовно слепых.

С тех пор, как в конце тринадцатого века святой Хилари из Уолсингема вывел свои аналоговые уравнения Законов Магии, ученые маги поняли, что не каждый сможет ими воспользоваться. У одних есть Талант, у других нет. Считать, что любой может стать магом, целителем или медиумом, так же бессмысленно, как считать, что любой способен быть музыкантом, скульптором или хирургом.

Однако неумение играть на скрипке не означает неумения наслаждаться — или не наслаждаться — игрой другого человека. Для того, чтобы признать существование музыки, необязательно быть музыкантом. Исключение здесь составляют только глухие.

Рассмотрим другой пример. Есть немного — совсем немного — мужчин и женщин, полностью невосприимчивых к цвету. Не просто путающих, допустим, красный и зеленый, но полностью невосприимчивых, видящих все лишь в оттенках серого. Для них весь мир лишен красок. Такому человеку трудно понять, почему

кто-то называет три совершенно одинаковых и одинаково серых предмета «красным», «синим» и «зеленым». Для человека, не знающего цвета, эти определения бесполезны и бессмысленны.

— В юности его светлость,— продолжал отец Вилье,— хотел отречься от своего права на графский титул в пользу младшего брата и стать священником. Естественно, у него ничего не вышло. Лишенный Таланта духовно слепой человек так же бесполезен для Церкви, как слепой для гильдии художников.

«Как и следовало ожидать,— подумал лорд Дарси,— это не помешало де ла Векси занять исполнительную должность в правительстве Его Императорского Величества. Для того, чтобы эффективно управлять графством, магический талант не нужен».

На протяжении более восьми столетий, со времен Генриха Второго, Англо-Французская империя укреплялась и расширялась. Ричард, сын короля Генриха, в 1199 году чудом избежавший смерти от арбалетной стрелы, установил жесткий контроль над своим королевством и расширил его границы. В 1219 году он умер, и на престол взошел его племянник, Артур, при котором сила королевства возросла еще больше. В правление Ричарда Великого, в конце пятнадцатого века, Великая Реформа обеспечила Империи прочный фундамент: духовные науки помогли создать общество, стабильное и неуклонно развивающееся на протяжении уже почти половины тысячелетия.

— А где сейчас младший брат покойного милорда графа? — спросил лорд Дарси.

— Капитан лорд Луи — офицер флота Новой Англии. Я полагаю, сейчас он находится в Порту Святого Креста на мексиканском побережье.

«Хорошо, это исключает его из списка подозреваемых»,— сказал лорд Дарси про себя.

— Скажите мне, святой отец,— произнес он на этот раз вслух,— не известно ли вам что-нибудь о лаборатории его светлости на верхнем этаже Красной башни?

— Лаборатории? Так вот что там было! Не знал. Он поднимался наверх довольно регулярно, но я не имею ни малейших догадок, чем он там занимался. Полагаю, какое-нибудь безобидное хобби. Разве не так?

— Вполне вероятно,— согласился лорд Дарси,— у меня нет причины думать иначе. Вы когда-нибудь заходили в эту комнату?

— Нет, никогда. Ни я, ни, насколько мне известно, кто-либо еще, кроме самого графа. Но почему?

— Потому что,— лорд Дарси был погружен в размышления,— это очень странная лаборатория. Вне всякого сомнения, она служила для каких-то научных исследований.

Отец Вилье дотронулся до креста на своей груди.

— Странная? Чем? — Он опустил руку и улыбнулся.— Нет. Только не черная магия, конечно. Ведь он вообще не верил в магию: ни в черную, ни в белую, ни в пурпурную, ни в красную, ни в зеленую, ни в радужную. Он был материалистом.

— Кем?

— Видите ли, это следствие духовной слепоты,— объяснил священник.— Граф хотел стать священником. Ему отказали. Он отказался принять причину, по которой ему отказали. Он отказался верить, что существует что-либо, чего он не может определить при помощи доступных ему чувств. Он намеревался доказать основной принцип материализма: «Все явления во Вселенной могут быть описаны как результат взаимодействия мертвых сил и мертвой материи».

— Да,— сказал лорд Дарси,— мне, живому существу, очень трудно понять такую теорию, не говоря уже о том, чтобы принять ее. Таким образом, назначение этой лаборатории — вывести научный метод теории материализма.

— Да, и он появился бы, милорд,— сказал отец Вилье.— Конечно, я не видел лаборатории его светлости, но...

— А кто видел? — спросил лорд Дарси.

Священник покачал головой.

— Никто из тех, кого я знаю. Никто.

Лорд Дарси взглянул на часы.

— Святой отец, в часовне присутствует кто-нибудь, кроме членов семьи?

— Несколько человек. Местные жители могут входить в часовню прямо со двора. Кроме того, пришли четыре сестры из монастыря.

— Смогу ли я проникнуть туда незамеченным в час молитвы перед совершением святого таинства у алтаря Богородицы?

— Вне всякого сомнения, милорд. Люди постоянно входят и выходят. Однако я советую вам воспользоваться входом со двора. Если вы войдете отсюда, это наверняка привлечет чье-то внимание.

— Спасибо, святой отец. Когда вы проводите преждеосвященную литургию?

— Служба начнется в восемь часов.

— Как мне попасть во двор? Думаю, нужно выйти вон в ту дверь, а потом повернуть налево, так?

— Вы правы, милорд.

Через три минуты лорд Дарси стоял на коленях перед алтарем Богородицы, богато украшенным цветами. Его взгляд был направлен на закрытую пологом дароносицу.

Еще через час с четвертью из комнаты, отведенной ему сенешалем, доносился храп.

В начале одиннадцатого утра Страстной Пятницы, как только смолкли последние звуки преждеосвященной литургии, лорд Дарси и мастер Шон подошли к семейному входу в часовню. Доктора Пейтли с ними не было: почтенный хирург вызвался помочь подготовить тело графа к погребению, или, как сформулировал эту задачу он сам, «вернуть все на свои места».

Дарси и маленький полный ирландец держались в задних рядах и вышли из часовни раньше семьи, занимавшей места на скамье перед амвоном.

— Надеюсь,— пробормотал его светлость,— что всемогущий Господь уготовил особое наказание для тех, кто совершил убийство в Страстную неделю.

— Непременно, милорд, согласен с вами,— шепотом ответил мастер Шон.— Что касается меня, я бы с удовольствием послушал трехчасовую проповедь Страстной Пятницы, особенно в исполнении такого мастера своего дела, каким считается отец Вилье. Но — делу время, потехе час.— Он сделал паузу и продолжил: — Вы полагаете, преступление будет раскрыто скоро?

— Полагаю, до того, как наступит вечер.

Мастер Шон казался удивленным.

— Вы уже знаете, кто сделал это? — Он старался говорить как можно тише.

— *Кто?* Конечно. Это достаточно очевидно. Но для того, чтобы понять, *как* и *зачем*, мне не хватает данных.

Мастер Шон прищурился.

— Милорд, но вы даже не приступали к допросу.

— В этом не было нужды. Однако дело еще не закрыто.

Мастер Шон покачал головой и с довольным видом изрек:

— Милорд, это ваш Талант.

— Знаете, мой дорогой Шон, вы почти убедили меня в том, что и мне не чужд Талант. Как вы себе его представляете?

— Милорд, вы, как и все великие сыщики, способны сделать прыжок от ничем не подтвержденного предположения к конечному выводу, минуя промежуточные рассуждения. Затем вы возвращаетесь и заполняете пробелы.— Он снова сделал паузу.— Да, так кто же...

— Тише! Они идут!

Из часовни вышли трое: лорд Жизор, леди Беверли и дамозель Мадлен Маккензи.

Мастер Шон спросил:

— Милорд, а где остальные члены клана Маккензи?

Его губы едва двигались, а голос был едва слышен:

— Мы спросим.

Они оба видели капитана сэра Родерика Маккензи и его сына сержанта Андре, сидящих в фамильном приделе вместе с другими.

Трое прошли по коридору и оказались в Зале святого Мартина. Лорд Дарси и мастер Шон поджидали их у камина.

Лорд Дарси шагнул вперед и поклонился.

— Милорд де ла Векси!

Молодой человек удивился.

— Нет. Не я, мой... — и он умолк.

В первый раз к нему обратились как к хозяину де ла Векси. Разумеется, пока это была лишь дань этикету: графом де ла Векси он станет только тогда, когда его титул будет подтвержден Королевским указом.

Видя смущение молодого человека, лорд Дарси продолжил:

— Милорд, я лорд Дарси, а это — мастер Шон. Мы сочли за честь принять приглашение на завтрак, переданное нам вашим сенешалем.

Новый граф де ла Векси пришел в себя.

— Да, милорд, я рад нашей встрече. Это моя сестра, леди Беверли, и дамозель Мадлен. Пойдемте, наш завтрак скоро будет готов.

И он пошел вперед, показывая им дорогу.

Завтрак был восхитителен, но не пышен: небольшие изысканные кнели из птицы, яйца под майонезом, горячие булочки с изюмом и кофе с молоком.

Капитан Родерик и сержант Андре подошли за несколько минут до начала трапезы, а вскоре после них появился и отец Вилье.

За столом велась обычная светская беседа, что позволило лорду Дарси изучить своих сотрапезников, не проявляя при этом излишней навязчивости.

Де ла Векси все еще находился в оцепенении, его мысли были где-то далеко, и он практически не принимал участия в разговоре. Дамозель Мадлен, белокурая красавица, держала себя согласно этикету, но ее глаза светились предвкушением, что не нравилось лорду Дарси. Леди Беверли, чьи темные волосы на висках уже серебрились, хотя она была старше своего брата всего на десять лет, выглядела так, как будто от рождения была вдовой или провела всю жизнь в монашеской

келье. Она казалась тихой, спокойной и отрешенной от внешнего мира, однако, как определил лорд Дарси, под этой маской скрывался несгибаемый ум. Капитан Родерик Маккензи был примерно на дюйм выше лорда Дарси, подтянутый, с квадратными плечами, густыми русыми усами и бородой, немногословный, как и все франко-шотландцы. Его сын во многом походил на него, за исключением того, что был гладко выбрит, и его волосы были светлее отцовских, правда, не настолько светлыми, как у сестры Мадлен. Оба Маккензи не вполне походили ни на военных, ни на полицейских, но в то же время в них было что-то и от тех, и от других. Они были гвардейцами, и гордились этим.

Отец Вилье казался озабоченным, и лорд Дарси понимал, почему. Символическая смерть Господа Иисуса и настоящая — графа де ла Векси, оказались слишком близки друг к другу; святому отцу это стоило душевного покоя. Да, быть священником — нелегкая доля.

После завтрака был подан компот из испанских апельсинов, затем — еще кофе.

Сын покойного графа откашлялся.

— Милорды, леди и джентльмены, — начал он. Он выдержал небольшую паузу и сглотнул. — Некоторые из вас назвали меня де ла Векси. До прояснения обстоятельств я предпочел бы слышать свой прежний титул — лорд Жизор. Пожалуйста. — Еще одна пауза. И к лорду Дарси: — Вы пришли сюда для того, чтобы задавать вопросы, милорд?

Лорд Дарси казался предельно бесхитростным.

— Это не совсем так, лорд Жизор. Однако если вы проявите интерес к разговору о смерти его светлости, это может прояснить некоторые таинственные обстоятельства, окружающие дело. Я знаю, что никто из вас не был в комнате во время этого... Назовем его инцидентом. Меня не интересуют ваши алиби. Но, может быть, у вас есть какие-то предположения? Итак, как умер последний граф де ла Векси?

Воцарилось молчание, похожее на психический туман, тяжелое и мрачное.

Каждый оглядывался на соседа, но все молчали.

— Хорошо,— сказал лорд Дарси через некоторое время,— давайте зайдем с другого конца. Сержант Андре, из всех присутствующих только вас можно назвать очевидцем. Каковы ваши впечатления от случившегося?

Сержант прикрыл глаза, выпрямился и нервно кашлянул.

— Итак, ваше лордство, до десяти часов оставалось несколько минут. Рядовой Жаме и я были...

— Нет, нет, сержант,— мягко прервал его лорд Дарси,— я уже читал показания, данные вами и Жаме инспектору Жаку. Я хорошо знаю, что вы видели. Мне бы хотелось услышать ваши предположения о том, что послужило причиной тому, что вы видели.

После некоторой паузы сержант Андре заговорил:

— Мне показалось, что он выпрыгнул в окно, ваше лордство. Но я не представляю себе, почему он сделал это.

— То есть вы не видели ничего, что могло бы заставить его выпрыгнуть?

Сержант Андре нахмурился.

— Мы видели только этот сгусток света. И я, и Жаме упомянули об этом в наших показаниях.

— Верно. По вашим словам, «это был клубок желтовато-белого света, несколько секунд метавшийся по комнате, упавший на пол и исчезнувший». Я прав?

— Я сказал, «направившийся к полу», ваше лордство. Я не мог видеть, достиг ли он пола. Не тот угол.

— Замечательно. Сержант, я ожидал, что вы исправите эту маленькую неточность, и, к моему удовлетворению, вы это сделали,— на мгновение лорд Дарси задумался.— Продолжим. Вы подошли к телу, осмотрели его и убедились, что его светлость мертв. Дотрагивались ли вы до него?

— Только до запястья, чтобы проверить пульс. Пульса не было, а голова была повернута под таким углом...

Он замолчал.

— Довольно, мне все понятно. Затем вы отослали рядового Жаме за пожарным фургоном. Когда он при-

был, вы воспользовались раздвижной лестницей, проникли в башню и отперли дверь, впустив остальных гвардейцев внутрь. Газовый фонарь еще горел?

— Нет. Его задуло. Я перекрыл газ, потом подошел к двери и открыл ее. Света уличных фонарей было вполне достаточно, чтобы я смог сориентироваться.

— И вы не заметили ничего странного или необычного?

— Ничего и никого, ваше лордство,— решительно ответил сержант,— так же, как и остальные гвардейцы.

— Все достаточно очевидно. Вы обыскали комнату?

— Не то чтобы обыскали. Скорее проверили, нет ли там кого-нибудь. У нас в руках были факелы. Спрятаться в этой комнате негде. Потом мы вызвали полицию, они смотрели более внимательно. Никого и ничего.

— Очень хорошо. Далее, когда я прибыл, газовый фонарь над окном был зажжен. Кто зажег его?

— Инспектор Жак Туаль, ваша светлость.

— Понятно. Спасибо, сержант.— Лорд Дарси перевел взгляд на остальных собравшихся. Они все так же молчали.— Леди Беверли, у вас есть что добавить к нашей дискуссии?

Леди Беверли спокойно посмотрела на отца Вилье. Священник взглянул на нее.

— Я советую рассказать, дитя мое. Мы должны знать всю подноготную.

«Понятно,— подумал лорд Дарси.— В исповедальне было сказано что-то важное. Святой отец не может раскрыть тайну, но он вправе дать совет».

Леди Беверли снова повернулась к лорду Дарси.

— Вы хотели услышать теорию, милорд? Хорошо,— в ее голосе звучала неизбывная грусть.— Покойного графа, моего отца, настигла кара Господня за его неверие. Отец Вилье сказал мне, что такого не может быть, но,— она закрыла глаза,— я боюсь, что все обстояло именно так.

— Миледи, но как такое могло произойти? — мягко спросил лорд Дарси.

— Отец был материалистом. Духовно слепым. Он отрицал, что другие могут обладать Божьим даром Предвидения и Таланта. Он говорил, что все это притворство, писанина. Его разуму было чуждо любое чувство.

Она больше не смотрела на лорда Дарси; она пристально смотрела сквозь него и за него, куда-то вдаль.

— Он не был злым человеком,— продолжила она. Ее взгляд оставался неподвижным.— Но он был грешен.— Вдруг ее глаза ожили и обратились прямо к серым глазам лорда Дарси.— Знаете ли вы, что он препятствовал союзу моего брата и дамозель Мадлен, потому что не был способен увидеть любви между ними? Он хотел женить Жизора на Эвелин де Сен-Бриа.

Дарси быстро перевел глаза на лорда Жизора и Мадлен Маккензи.

— Нет, я не знал. Кому еще это было известно?

На этот раз заговорил сэр капитан Родерик:

— Всем нам, милорд. Это было камнем преткновения. Граф был против, и я был против. Но закон не дает мне права запрещать что-либо своей дочери.

— Но почему он...

Леди Беверли резко прервала его:

— Политика, милорд. И отец не мог увидеть настоящей любви. И Бог наказал его за упрямство. Вы не могли бы отпустить меня, милорд? Я должна быть на трехчасовой проповеди.

Отец Вилье быстро добавил:

— Милорд, не могли бы вы отпустить нас обоих?

— Конечно, святой отец, конечно, леди Беверли,— сказал лорд Дарси, поднимаясь.

Он молча проводил их глазами.

Полпервого пополудни.

Лорд Дарси и мастер Шон стояли во дворе у Красной башни и изучали небольшой участок, усыпанный битым стеклом. Двор был оцеплен полицией и гвардейцами.

— Итак, мой дорогой Шон, что вы скажете по поводу нашей небольшой беседы за завтраком?

— Восхитительно, милорд! — ответил волшебник.— Мне кажется, я начинаю понимать, к чему вы ведете. Рассудок леди Беверли не так уж и безупречен, не правда ли?

— Скажем так, кажется, она не чужда потусторонних мыслей,— сказал лорд Дарси.— Готовы ли вы к эксперименту, мастер Шон?

— Да, милорд.

— Понадобится ли вам помощник?

Мастер Шон кивнул.

— Конечно, милорд. Инспектор Жак привел подмастерье Эмиля, судебного мага этого графства. Я встретил его прошлой ночью: он достойный человек. Когда-нибудь он станет мастером. На самом деле, милорд, заклинания достаточно просты. Согласно Закону Примыкания, любой осколок структуры остается частью структуры. Мы можем вернуть его в начальное состояние, когда он еще составлял одно целое с другими осколками. При необходимости, мы можем проделать это полностью, но вы хотите всего лишь увидеть момент, когда стекло было уже разбито, но еще не рассыпалось. Само по себе это не составляет никакого труда, сложно лишь удержать все на месте впоследствии. Для этого мне и нужен помощник.

— Я постараюсь все измерить и осмотреть так быстро, как это будет возможно,— пообещал лорд Дарси.— Ага! Вот и они!

Мастер Шон перехватил взгляд его лордства и посмотрел в направлении главных ворот. Затем он торжественно изрек:

— О да! Один человек одет в черную с серебром форму офицера полиции, другой же — в рабочую мантию волшебника-подмастерья. Из чего мы можем сделать заключение: это не взвод Королевской морской пехоты.

— Вы проницательны, мой дорогой Шон, продолжайте в том же духе. В один прекрасный день вы станете

искусным детективом. И в тот же самый день я получу степень магистра магии. Мы с инспектором Жаком поднимемся в верхнюю комнату башни, а вы с подмастерьем Эмилем останетесь здесь. Действуйте!

Лорд Дарси с трудом преодолел восемь лестничных пролетов, миновал несколько дверей. От всей души он желал очутиться в замке Эвре, где младший брат графини установил паровой лифт. «Да, он не дурак», — подумал лорд Дарси.

Как только его лордство появился на верхней площадке, к нему подошли полицейский и гвардеец. Лорд Дарси кивнул им.

— Добрый день. — Запустив большой и указательный пальцы в левый карман своего жилета, он спросил: — Заперта ли комната?

Полицейский проверил дверь.

— Да, ваше лордство.

— Кажется, я потерял ключ. У вас есть другой?

— Дубликат существует, ваше лордство, — ответил гвардеец, — но он заперт в кабинете сэра капитана Родерика. Если хотите, я принесу, это двумя этажами ниже.

— Нет. Не нужно, — лорд Дарси вытащил ключ из правого кармана. — Я нашел его. В любом случае, спасибо, гвардеец. Инспектор Жак поднимется сюда через несколько минут.

Он повернул ключ и вошел, закрыв за собой дверь.

Примерно через три минуты в комнату вошел инспектор Жак и спросил:

— Милорд, вы что-то ищете?

Лорд Дарси стоял на коленях, перебирая содержимое сундука, передвигая одни предметы и вынимая другие.

— Да, мой дорогой инспектор, я ищу, на чем бы повесить убийцу. Сначала я полагал, что это должно находиться где-то на антресолях, но там нет ничего, кроме посуды. Таким образом, я решил, что оно... Ага!

Он выпрямился, все еще стоя на коленях. В его пальцах болтался шестифутовый обрезок обычной хлопчатобумажной веревки.

— Маловата, чтобы повесить человека,— с сомнением сказал инспектор Жак.

— Для этого убийцы — в самый раз,— ответил лорд Дарси, поднимаясь. Он пристально смотрел на веревку.— Если только...

Снизу послышался крик. Его лордство подошел к бренным останкам окна, выглянул и откликнулся:

— Мастер Шон?

— Мы готовы начать, милорд,— крикнул маленький полный ирландец.— Пожалуйста, отойдите.

Полицейские и гвардейцы, оцеплявшие двор, стояли, отвернувшись от центра, где и находились осколки. Подмастерье Эмиль, невысокий худой человек, говоривший с парижским акцентом, аккуратно обвел эту площадку лазурным мелком. Черта расположилась примерно в трех дюймах от ботинок охранников.

— И я тоже готов, мастер,— сказал он на своем гнусавом наречии.

— Великолепно,— отозвался мастер Шон,— приготовься установить и удерживать поле. Я поддержу тебя, насколько смогу.

— Но да, мастер,— он открыл свою холщовую сумку, украшенную магическими символами (на первый взгляд его сумка казалась очень похожей на саквояж мастера Шона, но при ближайшем рассмотрении можно было заметить множество различий) подмастерье извлек на свет две отполированных до блеска серебряные палочки, изрезанные знаками, сверкавшими на послеполуденном солнце.— Для получения эффекта Кетеля необходимо иметь серебро?

— Да,— согласился мастер Шон,— ты берешь на себя статические заклинания, а я позабочусь о кинетических. Ты готов?

— Я готов,— сказал подмастерье Эмиль,— приступаю.

Он занял начальную позицию внутри круга, у самой лазурной границы, лицом к Красной башне. Палочки он держал перпендикулярно друг другу в виде широкой буквы V.

Мастер Шон извлек из своей сумки меха и наполнил их заранее приготовленным порошком. Медленно двигаясь по кругу, он выдувал облака порошка. Порошок мягко оседал, и вскоре на каждом осколке оказалась хотя бы одна его крупинка.

Завершив круг, мастер Шон встал перед подмастерьем Эмилем, вернул меха в сумку, вытащил короткий восемнадцатидюймовый жезл, вырезанный из тускло-желтого кристалла, и начертил в воздухе знак.

Эффект Кеттеля начал действовать.

Сначала медленно, затем все быстрее, осколки разбитого окна приходили в движение.

Подобно водопаду, медленно текущему назад, они поднялись, собрались вместе и полетели к пустому оконному проему, сверкая, как рой стрекоз. Задевая друг друга на пути вверх, точно так же, как они делали это на пути вниз, они звенели как тысяча волшебных колокольчиков.

Лишь прекрасная дисциплинированность удерживала полицейских и гвардейцев от того, чтобы оглянуться и посмотреть на это.

Все выше и выше поднимались куски и осколки, как будто земля возвращала небу острые дождевые капли.

Достигнув пустого проема, они слились и стали одним целым — окном, хотя это было не совсем прежнее окно. Оно было сильно деформировано.

Находясь в комнате старого графа, лорд Дарси наблюдал за тем, как осколки встают на свои места. Как только движение прекратилось, он посмотрел на главного инспектора.

— Подойдите сюда, дорогой Жак, мы не должны подвергать силы наших волшебников ненужным испытаниям.

С этими словами лорд Дарси направился к окну. Инспектор последовал за ним.

Ромбовидное окно не было ни единым целым, ни грудой обломков. Оно любопытным образом выпирало

вперед, осколки почти соприкасались, но не прилегали друг к другу слишком плотно. Неровные зазоры между ними расширялись наружу, как будто изнутри по окну ударил гигантский кулак, и в тот же миг время остановилось.

— Не уверен, что я понимаю, — сказал инспектор Жак.

— Таким образом выглядело окно через секунду после того, как его светлость покойный граф разбил его. В этот момент стекло уже начало выпадать и разваливаться на куски, но рассыпаться осколкам еще предстоит. Обратите внимание на центральную часть окна.

Инспектор пригляделся повнимательней.

— Понимаю, что вы имеете в виду. Это похоже на формочку для пудинга или на литейную форму. Вот его подбородок... грудь... живот... колени.

— Именно. А теперь попробуйте представить себя на его месте; в каком случае у вас была бы такая поза? — спросил лорд Дарси.

Инспектор Жак усмехнулся.

— В этом нет необходимости. Тут все очевидно. Ноги согнуты в коленях. Голова отклонена назад так, что сначала он ударился подбородком. Первый удар приняли на себя грудь и живот. — Полицейский нахмурился. — Он не выпрыгнул и не выпал. Его вытолкнули — самым жестоким образом.

— Именно так. Великолепно, инспектор Жак. А теперь займемся измерениями. Проведем их как можно быстрее и точнее, — сказал лорд Дарси. — Постарайтесь не задеть эту по определению нестабильную структуру. Если кто-то из нас сделает это, мы рискуем серьезно поранить руки, когда все начнет осыпаться.

Внизу во дворе все застыло, как на картине. Полицейские и гвардейцы стояли по стойке смирно. Двое волшебников были неподвижны, как статуи, их взгляды и мысли были сконцентрированы на верхнем окне, а руки твердо и уверенно держали жезлы.

Так проходила минута за минутой, и напряжение нарастало. И вот наконец тишину нарушил голос лорда Дарси:

— Как только будете готовы, мастер Шон!

Не двигаясь, мастер Шон повелительно произнес:

— Сержант! Отведите своих людей назад! Уберите их!

Сержант полиции отдал приказ, и полицейские и гвардейцы быстро ретировались к главным воротам. Теперь они могли посмотреть на то, что охраняли.

Волшебники вышли из транса. Могучих сил, удерживавших стеклянную мелочь, больше не существовало, и сила притяжения взяла свое. Это была лавина, водопад сверкающих осколков. Они скользили и струились по каменной стене, издавая громкий радостный шум и наконец осыпались к подножию Красной башни.

Это зрелище не было так занимательно, как восстановление окна, но и оно вполне удовлетворило полицейских и гвардейцев.

Через несколько минут мастер Шон закончил нелегкий подъем по ступенькам и вошел в лабораторию покойного графа.

— А! Мастер Шон,— сказал лорд Дарси.— А где же подмастерье Эмиль?

Ирландский волшебник устало улыбнулся.

— Он пошел домой, милорд. Эта работа весьма утомительна, а у него нет такого опыта, как у меня.

— Надеюсь, вы не забыли поблагодарить его от моего имени. Вы оба чудесно поработали.

— Спасибо, милорд. Подмастерье Эмиль получил благодарность от меня лично, и я заверил его и в вашей признательности. Милорд, вы выяснили все, что хотели?

— Да, конечно. Осталась лишь одна мелочь. Проверить довольно легко, но это должно окончательно прояснить обстоятельства. Для начала, обратите внимание на эти две пятигаллонные бутыли для хранения кислот, которые мы с инспектором Жаком обнаружили в одном из сундуков.

Бутыли бок о бок стояли на рабочем столе этикетками наружу. Одна из них была примерно на полдюйма заполнена тусклым желтоватым веществом, поме-

ченным как концентрированный водный раствор селитры. Вторая была заполнена наполовину и содержала прозрачную маслянистую жидкость, определенную как концентрированное купоросное масло.

— Полагаю, вы знали, что найдете их, милорд? — спросил мастер Шон.

— Я *не знал*, я всего лишь подозревал. Но их присутствие, естественно, усиливает мои подозрения. Вам это о чем-нибудь говорит?

Мастер Шон пожал плечами.

— Я знаю, что такие вещества существуют, но я не специалист в искусстве кимии[1].

— Я тоже,— лорд Дарси вытащил трубку и набил ее табаком,— но служитель Фемиды должен быть образован достаточно разносторонне, чтобы иметь представление о любой области знаний, хотя бы теоретическое. Знаете ли вы, что произойдет, если пропитать обычный хлопок смесью этих кислот?

— Нет, хотя подождите...— встрепенулся мастер Шон, но затем покачал головой.— Я где-то читал об этом, но не могу вспомнить подробностей.

— Мы получим нитрированный хлопок,— сказал лорд Дарси.

Инспектор Жак деликатно кашлянул.

— Хорошо, милорд, но что это дает?

— Думаю, могу вам продемонстрировать,— произнес его лордство с таинственной улыбкой.

Он вытащил из своего кошелька тот самый почерневший четырехдюймовый обрезок веревки, что поднял с пола комнаты прошлым вечером. Потом он взял шестифутовый кусок чистой веревки, найденный получасом ранее. Острым перочинным ножом он отрезал от обоих по небольшому кусочку и выложил их на лабораторный стол примерно в восемнадцати дюймах друг от друга.

— Инспектор Жак, возьмите длинные куски и уберите их подальше отсюда, на письменный стол. Я не

[1] Кимия — наука о веществах, их свойствах и превращениях.

хочу потерять все свои улики. Спасибо. А теперь смотрите.

Он вытащил зажигалку и поджег оба обрезка. Они внезапно вспыхнули и без следа исчезли в шипящем клубке желтовато-белого пламени. Лорд Дарси спокойно прикурил.

Глаза мастера Шона засверкали.

— А-ага-а-а!

— Тот самый демон! — произнес инспектор Жак.

— Именно, мой дорогой инспектор. А теперь мы должны спуститься и поговорить с остальными участниками драмы.

Когда они вышли во двор, мастер Шон спросил:

— Милорд, но почему короткий обрезок был покрыт грязью?

— Это не грязь, мой дорогой Шон. Это копоть от лампы.

— Копоть? Но зачем?

— Конечно же, для того, чтобы сделать веревку невидимой.

Брови лорда Дарси удивленно приподнялись.

— Вы не читаете трехчасовую проповедь, святой отец? — спросил он.

— Нет, милорд,— ответил отец Вилье,— я слишком расстроен для этого. К тому же я подумал, что мое присутствие может понадобиться здесь. Отец Дюбуа любезно согласился покинуть монастырь и занять мое место.

Вскоре после полудня ветер нагнал облака, они закрыли яркое утреннее солнце, и замок окутался влажной прохладой. В камине Зала святого Мартина горел огонь, но он не мог согреть десятерых людей, расположившихся в креслах и на диванах у очага. Природа витавшей здесь прохлады была иной.

Трое Маккензи — отец, сын и дочь,— заняли один из диванов. Они молчали. Их взгляды скользили по всему залу, но постоянно возвращались к лорду Дар-

си. Леди Беверли в одиночестве сидела у камина, невидяще уставившись на огонь. Мастер Шон и доктор Пейтли расположились по другую сторону от камина и почти шепотом переговаривались друг с другом. Инспектор Жак не пожелал сесть, он стоял у окна, окидывая комнату бесстрастным взглядом.

Маятник больших часов на каминной доске мерно раскачивался, приглушенно пощелкивая.

Лорд Жизор поднялся из своего кресла и подошел к буфету, возле которого вели беседу лорд Дарси и отец Вилье.

— Извините, лорд Дарси, отец... — Он сделал паузу, слегка закашлялся и взглянул на священника. — Мы все немного нервничаем, святой отец. Я понимаю, что сегодня Страстная Пятница, и я не знаю, будет ли это правильно, но... Не могу ли я предложить вам стакан хереса?

— Конечно же, можете, сын мой. Сегодня мы все страдаем за Господа нашего, и могли бы страдать еще больше, но я не думаю, что Он осудит нас за небольшую дозу целебного эликсира. Конечно, наш Бог не сделает этого. Согласно святому Иоанну, Он сказал: «Я жажду», — и Ему подали губку, смоченную вином. Он припал к ней губами и сказал: «Кончено». — Отец Вилье замолчал.

— И испустил дух свой, — мрачно произнес лорд Жизор.

— Верно, — решительно сказал священник. — Но в день Пасхи дух Его возвратился, и единственной жертвой среди присных стал Иуда. Лично я предпочел бы бренди.

От подкрепления сил отказались только леди Беверли и инспектор Жак, каждый по своей причине. Когда стаканы были наполовину осушены, лорд Дарси непринужденно подошел к камину и оказался ко всем лицом.

— Перед нами стоит одна неприятная задача. Мы должны разобраться, как покойный граф де ла Векси встретил свою смерть. Я думаю, что с вашей помощью

мы сможем это сделать. Для начала нам предстоит выяснить, имела ли отношение к смерти его светлости черная магия. Мастер Шон?

Перед тем, как ответить, мастер Шон сделал глоток хереса, задержав ненадолго вино во рту.

— Милорды, леди и джентльмены, я тщательно рассмотрел данный вопрос с научной точки зрения и готов присягнуть перед Высшим Королевским Судом в следующем: что бы ни послужило причиной смерти его светлости графа, никакая магия — черная *или* белая,— в этом не замешана. Ни в малейшей мере.

Глаза леди Беверли вспыхнули.

— Полагаю, вы говорите лишь о делах рук человеческих? — Ее голос был низким и глубоким.

— Да, миледи,— согласился мастер Шон.

— Но что вы скажете о каре Божьей? Или о кознях Сатаны?

В воздухе повисло молчание. Через минуту мастер Шон ответил:

— Я думаю, отец Вилье лучше меня ответит на этот вопрос.

Отец Вилье сложил руки.

— Дитя мое. У Господа много есть много способов наказать отступника. Как правило, это адская пытка, называемая совестью, или, если совесть слаба, Он открывает правду близким грешника. Дьявол, в надежде на то, что грешник умрет, так и не использовав возможности раскаяться, может задействовать различные методы, приводящие несчастного к саморазрушению.

Но вы не вправе приписывать то, что произошло, ни Богу, ни Дьяволу. К тому же мы не обладаем никакими доказательствами того, что ваш покойный отец был настолько великим грешником, что Бог навлек на него такую страшную кару, или, наоборот, Дьявол испугался, что в ближайшее время граф смягчится и отойдет от своих малых грехов.

В любом случае, ни Бог, ни Дьявол не станут убивать человека, схватив его за воротник и за штаны и

выбросив в окно! Казнь путем выбрасывания из окна — несомненно, дело рук человеческих.

Леди Беверли склонила голову и не ответила ничего.

Последовала еще одна минута молчания, прерванная лордом Дарси.

— Милорд Жизор, учитывая то, что ваш отец был убит при помощи исключительно физического воздействия, не могли бы вы предположить, кто сделал это?

Лорд Жизор стоял у буфета и наливал себе очередную порцию вина. Он медленно развернулся и задумчиво сказал:

— Да, лорд Дарси, могу.

Лорд Дарси приподнял левую бровь.

— В самом деле? Расскажите, милорд.

Лорд Жизор указал правой рукой наверх.

— Моего отца выкинули из того окна. Верно? — его голос немного дрожал.

— Верно,— подтвердил лорд Дарси.

— Тогда, ей-богу, кто-то должен был его выкинуть! Я не знаю кто, не знаю как! Но ведь кто-то должен был там находиться! — Он сделал еще глоток и продолжил уже спокойнее: — Давайте посмотрим на это под таким углом. Кто-то поджидал его в комнате. Мой отец вошел, подошел к окну, встал на письменный стол, и этот кто-то, кто бы он ни был, подбежал к нему и толкнул. Я не знаю, кто это был и зачем он это сделал, но он поступил именно так! Вас прислал Герцог. Вы должны выяснить, что случилось и кто виноват, но не пытайтесь искать виновного среди нас, милорд, потому что никто из нас и близко не подходил к этой комнате, когда все произошло!

Одним глотком молодой граф допил вино и налил еще. Лорд Дарси тихо сказал:

— Предположим, что ваша гипотеза верна, милорд, но как убийца проник в комнату и как он оттуда вышел? — Не дожидаясь ответа от лорда Жизора, лорд Дарси повернулся к сэру капитану Родерику: — Сэр Родерик, что вы думаете по этому поводу?

Старый гвардеец угрюмо произнес:

— Я не знаю. Лаборатория была постоянно закрыта. Когда его светлость был внутри, она надежно охранялась. Однако когда там никого не было, охрана снималась. Лорд Жильбер не часто там бывал — не больше одного-двух раз в неделю. Все остальное время охраны не было. Любой человек с ключом мог туда проникнуть. Кто-то мог выкрасть ключ у милорда де ла Векси и сделать себе дубликат.

— Весьма неправдоподобно,— возразил лорд Дарси,— его светлость не хотел, чтобы в комнату заходил кто-то, кроме него. С другой стороны, мой дорогой капитан, дубликат есть у вас.

Лицо Родерика побагровело. Он вскочил на ноги, глядя на лорда Дарси сверху вниз.

— Вы меня обвиняете?

Дарси поднял левую руку ладонью вперед.

— Пока не обвиняю, мой дорогой капитан, а вероятно, и не обвиню. Давайте продолжим наш разговор, не позволяя эмоциям выплескиваться через край.

Капитан гвардии опустил глаза и медленно сел.

— Уверяю вас, милорд,— сказал капитан,— что с того ключа, которым владею я, никогда не снималась копия, и он никогда не попадал в чужие руки.

— Я верю вам, капитан. Я и не говорил о том, что с вашего ключа сняли копию. Но давайте рассмотрим одну гипотезу. Предположим,— продолжил лорд Дарси,— что у убийцы был дубликат ключа. Очень хорошо. И что же случилось дальше? — Он посмотрел на сержанта Андре.— Выскажите свое мнение, сержант.

Андре озабоченно нахмурился. Сконцентрироваться на вопросе было выше его сил. Черты его лица выдавали неуверенность в себе.

— Ладно... ну, хорошо, милорд... вы понимаете... ну, если бы на его месте был я...— Он в очередной раз облизал губы и посмотрел в свой стакан.— Итак, милорд, исходя из того, что в комнате кто-то спрятался, поджидая милорда графа. Х-м-м-м... Его светлость входит и забирается на стол. Убийца выскакивает и

толкает его. Да. Только так это и могло произойти, не так ли?

— Тогда как он выбрался из комнаты, сержант? По вашим словам, когда вы влезли через окно, комната была пуста. Когда вы впустили гвардейцев, они тоже никого не обнаружили. Комната охранялась все это время?

— Да, милорд.

— Тогда как убийца вышел?

Сержант прикрыл глаза.

— Так, милорд, но из комнаты есть еще один выход — это люк, ведущий на крышу. Он мог выбраться этим путем.

Лорд Дарси медленно покачал головой.

— Невозможно. Сегодня утром я тщательно осмотрел крышу. Нет никаких признаков, что там кто-то был. Кроме того, как он попал вниз? Башня была окружена гвардейцами — они заметили бы человека, пытающегося спуститься с высоты девяноста футов на веревке. Вряд ли есть какой-то другой способ. В любом случае, он не мог остаться незамеченным. Он также вряд ли мог спуститься по ступенькам, поскольку башня была заполнена гвардейцами.— Его лордство повернулся в другую сторону.— У вас есть какие-либо предположения, дамозель Мадлен?

Она посмотрела на него своими круглыми голубыми глазами.

— Нет, милорд. Я не разбираюсь в подобных вещах. Все это для меня как магия.

Опять молчание.

«Ладно, пора с этим кончать,— подумал лорд Дарси,— самое время перейти к финальной сцене».

— У кого-нибудь есть другие идеи? — Естественно, никто не откликнулся.— Замечательно. Тогда, возможно, вы захотите выслушать мой рассказ о том, как убийца — живой человек из плоти и крови — вошел в комнату и вышел из нее, не будучи замеченным. Но мне кажется, что лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Не отправиться ли нам в святая святых покойного графа? Идемте!

В каждом из присутствующих боролись любопытство и страх, но все они беспрекословно поднялись со своих мест и последовали за лордом Дарси сначала через двор к Красной башне, а затем и в комнату покойного графа по винтовой лестнице.

— А теперь,— обратился к ним следователь, когда все были в сборе,— точно следуйте моим инструкциям. Иначе кто-то из нас может пострадать. К сожалению, в комнате нет стульев, очевидно, милорд де ла Векси предпочитал работать, стоя на ногах, так что стоять придется и вам. Будьте так добры встать напротив восточной стены. Вот так. Спасибо.

Он вытащил из кармана пятидюймовый ключ, подошел к двери и запер ее.

— Таким образом, дверь закрыта,— щелк! — и заперта на засов,— тяжелый удар.

Лорд Дарси вернул ключ в карман и повернулся к остальным.

— Итак, примерно так все и было после того, как граф де ла Векси в последний раз в жизни закрылся в своей лаборатории. За исключением, конечно, этого разбитого окна,— он показал на оконную раму, теперь уже абсолютно пустую, свободную от стеклянных чешуек и свинцовых переплетов.

Он повел взглядом сначала справа налево, потом сверху вниз.

— Нет, пока еще не все в порядке, не правда ли? Ну хорошо, скоро мы это исправим. Во-первых, нам нужно опустить пониже этот старый неиспользуемый масляный светильник. Вон в той лестнице не хватает двух футов для того, чтобы достать до той балки на высоте десяти футов. Здесь нет ни стульев, ни табуреток. Я обшарил всю комнату в поисках длинного крюка, который, как правило, бывает при подобных светильниках, но безрезультатно. О горе мне! Что же мне делать?

Большинство смотрело на лорда Дарси так, как будто он внезапно повредился в рассудке, лишь мастер Шон улыбался про себя. Он знал, что его лордство устроил весь этот спектакль неспроста.

— О! А что это у нас здесь? — лорд Дарси взглянул на медный ключ, так, как будто впервые его увидел, — хм-м-м... Из его бородки выйдет отличный крюк! Давайте проверим.

Встав под медным шаром, он подпрыгнул, ловко подцепил ключом медное кольцо и опустил светильник.

— Что это? Как легко он пошел вниз! Идеальный баланс с противовесом. Как странно! Может быть, он еще и не пуст? — он вынул стеклянную трубку, положил ее на рабочий стол у восточной стены, вернулся и выкрутил фитиль. — Боже мой! Да он заполнен маслом почти до краев!

Лорд Дарси ввернул фитиль на место и опустил светильник так низко, как только позволила цепь. До пола оставалось едва ли больше дюйма. Потом он твердо сжал цепь обеими руками и поднял ее. Светильник двинулся вверх, но цепь замерла и безвольно обвисла.

— Ага! Замок работает превосходно. Противовес не сможет поднять светильник до тех пор, пока кто-нибудь не опустит цепь вниз, а затем постепенно ослабит. Великолепно.

Он снова опустил светильник.

— А сейчас мне придется трудновато. Эта лампа достаточно тяжела, — лорд Дарси улыбнулся, — но, к счастью, мы можем воспользоваться лестницей.

Он поднес лестницу к запертой на замок и задвижку двери и приставил ее к стене. Ошеломленные зрители в молчании наблюдали за тем, как он поднял тяжелый светильник, поднес его к лестнице, вскарабкался на нее и закрепил цепь на одном из крюков, вбитых графом по периметру лаборатории.

— Вот так, — произнес лорд Дарси, спускаясь с лестницы.

Он осмотрел полученную конструкцию. Цепь светильника была натянута почти горизонтально от балки, на которой она была закреплена, до тяжелого крюка на потолке над дверью.

— Как видите, — сказал его лордство, — балка, на которой висит светильник, расположена не совсем

по центру комнаты. Она на два фута ближе к окну, чем к двери. Расстояние от ее середины до двери — одиннадцать футов, а до окна — девять.

— О чем вы говорите? — не выдержала леди Беверли,— какое отношение все это имеет к...

— Окажите такую милость, миледи! — резко перебил ее лорд Дарси. Потом добавил более спокойно: — Успокойтесь, я умоляю. Все станет понятно, когда я закончу.

«Боже мой! — сказал он про себя,— ведь это должно быть понятно даже последнему неучу...» И вслух:

— Мы еще не закончили. Мастер Шон, веревку.

Не говоря ни слова, мастер Шон О Лохлейн открыл свой большой саквояж, расписанный магическими символами, вытащил оттуда моток хлопчатобумажной веревки и отдал его лорду Дарси.

— Простая хлопчатобумажная веревка,— сказал его лордство,— но она недостаточно длинна. Мой дорогой Шон, будьте так добры, еще кусочек.

Волшебник вручил ему футовый отрез веревки, на вид точно такой же, как и в уже отданном мотке.

Лорд Дарси связал их вместе морским узлом.

Он забрался на письменный стол покойного графа и привязал наращенный конец веревки к такому же крюку над газовым фонарем. Затем повернулся, бросил моток к подножию лестницы, пересек комнату и, держа в руке свободный конец веревки, снова вскарабкался по ступеням.

Затем он аккуратно продел веревку в последнее звено цепи, удерживающей светильник, обвязал ее вокруг крюка и высвободил цепь. Теперь светильник был закреплен только веревкой.

Следователь снова спустился с лестницы и показал пальцем на свою конструкцию.

— Как вы видите, теперь светильник удерживается исключительно веревкой, привязанной к крюку над газовым фонарем у окна,— она тянется через всю комнату и оборачивается вокруг крюка над дверью, удерживая груз.

И тут все поняли. В комнате повисло напряжение.

— Я сказал, — продолжил лорд Дарси, — что я воспользовался обычной хлопчатобумажной веревкой. Так и есть, за исключением того последнего дополнительного фута, что я привязал над газовым фонарем. Этот последний кусок не из обычного хлопка, а из специально обработанного, называемого нитрированным или селитровым, хлопка. Он исключительно огнеопасен. В настоящей западне из этого вещества была изготовлена вся веревка, но мне ее оставили недостаточно для такого эксперимента. Как вы можете видеть, после того, как был затянут узел, на том конце, что держит светильник, осталось несколько лишних дюймов веревки. Тот, кто расставил ловушку, весьма педантично обрезал их, но не потрудился поднять обрезок с пола. Что ж, никто из нас не совершенен, не правда ли?

Лорд Дарси стоял посреди комнаты в театральной позе.

— Я хочу, чтобы каждый из вас представил себе, что произошло в этой комнате прошлым вечером. Полная — или почти полная — темнота. Сюда доходит лишь слабый отблеск света от уличных фонарей.

Он поднял с верстака, оказавшегося по соседству, незажженный факел и направился к двери.

— Милорд граф только что вошел. Он закрыл дверь и запер ее на замок и защелку. В руке он держал факел.

Лорд Дарси зажег факел своей зажигалкой.

— Итак, граф пересекает комнату с тем, чтобы как обычно зажечь газовый фонарь над окном.— Лорд Дарси иллюстрировал свои слова действиями.— Он забирается на письменный стол. Он открывает газовый клапан. Он поднимает факел для того, чтобы поджечь газ.

Желтый огонек газовой горелки поднялся на несколько дюймов и достиг веревки из нитрированного хлопка. Веревка превратилась в шипящее пламя.

Лорд Дарси отпрыгнул в сторону и приземлился на пол, на почтенном расстоянии от письменного стола.

В это время на другой стороне комнаты тяжелый светильник освободился от пут и, подобно оторвавшемуся от земли демону, начал движение по дуге, определяемой цепью. В нижней ее точке он касался пола медным кольцом. Затем он взлетал вверх, и как все могли видеть, если бы окно все еще было на своем месте, разбил бы его вдребезги. Потом он уходил обратно.

Все взгляды были прикованы к громоздкому маятнику, качавшемуся взад и вперед, волоча за собой веревку, нитрированная часть которой давно исчезла в огне.

Лорд Дарси стоял у восточной стены, а между ним и остальными разрезал воздух светильник.

— Теперь вы видите, от чего умер граф де ла Векси. Траектория полета этой штуковины говорит о том, что удар пришелся ему чуть пониже лопаток. На самом деле она не качалась так долго, так как соприкосновение с телом графа существенно ее затормозило.

Он сделал несколько шагов вперед, схватил цепь и заставил маятник остановиться.

Все зачарованно смотрели на смертоносный груз, колебания которого теперь ограничивались какими-то двумя дюймами.

Молодой лорд Жизор резко поднял голову и пристально посмотрел в глаза лорда Дарси.

— Дарси, мой отец, несомненно, увидел бы эту веревку.

— Нет, если бы ее испачкали ламповой сажей, а именно так и произошло.

Лорд Жизор сузил глаза.

— Ну, хорошо. Это и есть конец, так? Со светильником, почти касающимся пола? Тогда не объясните ли вы, как его вернули на место?

— Конечно,— ответил лорд Дарси.

Он подошел к светильнику, убрал веревку, слегка потянул цепь для того, чтобы высвободить зажим, и подтолкнул светильник наверх. Тот выскользнул из его разжатых рук и тихо вернулся туда, где находился обычно.

— Примерно таким образом,— мягко сказал лорд Дарси.— Конечно, за исключением того, что сначала вернули на место стеклянную трубку. Да еще не надо было отвязывать веревку, потому что она сгорела полностью.

Опередив остальных, в разговор вступил отец Вилье:

— Постойте, милорд. Если кто-то сделал это, то он находился в этой комнате — сразу после убийства. Но в комнату нет другого входа или выхода, кроме двери, которая охранялась, и выхода на крышу, которым, как вы сказали, никто не пользовался. Других входов и выходов нет.

Лорд Дарси улыбнулся.

— Все же один есть, святой отец.— Такой ответ сбил священника с толку.— Тот, через который вышел милорд де ла Векси,— кротко пояснил лорд Дарси.

«Конечно, они уже поняли»,— подумал лорд Дарси и нарушил нависшее было молчание.

— Светильник был внизу. В комнате было пусто. Потом кто-то вскарабкался по пожарной лестнице, вошел в окно, поднял светильник и... *Инспектор Жак!* — закричал лорд Дарси.

Но он опоздал на долю секунды.

В руках сержанта Андре уже было оружие. Инспектор Жак не успел вытащить свой пистолет.

Раздался резкий, закладывающий уши выстрел из крупнокалиберного пистолета, и, получив пулю, инспектор Жак осел.

Рука лорда Дарси потянулась к собственному пистолету, но прежде, чем она достигла кобуры, капитан сэр Родерик набросился на своего сына.

— *Ты глупец!* Ты!..— неистово закричал он.

Он схватил сержанта за запястье и стал его выворачивать.

Раздался второй оглушительный выстрел.

Сэр Родерик упал: пуля вошла под подбородок и на выходе снесла ему макушку.

Сержант Андре завопил.

Он резко развернулся, вскочил на письменный стол и бросился в окно, не переставая кричать.

Крик звучал чуть больше двух секунд, а потом сержант Андре затих навсегда, врезавшись в камни внутреннего двора.

Закончились службы Великой Субботы, началась Пасхальная неделя. На башне собора святого Оуэна в Руане, столице герцогства Нормандского, звонили колокола.

Его Королевское Высочество Ричард, герцог Нормандский, вытянулся в кресле и улыбнулся своему главному следователю, сидящему по другую сторону от уютного очага. В бокалах обоих плескалось доброе подогретое шампанское бренди.

Его Высочество только что закончил чтение отчета лорда Дарси.

— Я так понимаю, милорд,— сказал он,— когда ловушка сработала, и старый де ла Векси был вытолкнут в окно и умер, сержант Андре влез по пожарной лестнице, вернул светильник в его обычное положение и открыл дверь, впустив гвардейцев в комнату. Лиса затерялась среди ищеек.

— Именно так, Ваше Высочество. Естественно, мотив вам понятен.

Его Высочество герцог, младший брат Его Императорского Величества короля Джона IV, был типичным Плантагенетом: статным, светловолосым, голубоглазым, с правильными чертами лица,— но сейчас его лоб слегка наморщился.

— Мотив был очевиден с самого начала, милорд,— сказал он,— я имею в виду, сержант Андре решил избавиться от милорда де ла Векси, потому что тот был препятствием на пути к браку его сестры, который принес бы выгоду не только ей, но и всей семье. Но ваш письменный отчет не завершен,— и он сгреб ворох бумаг.

— Боюсь, Ваше Высочество,— осторожно начал лорд Дарси,— что ему суждено так и остаться незавершенным.

Принц Ричард потянулся и вздохнул.

— Ну хорошо, Дарси. Завершите его устно. Как всегда, без протокола.

— Как прикажете, Ваше Высочество,— ответил лорд Дарси, наполняя стакан.— В убийстве обвинят молодого Андре. Собранные мной улики не скажут большего, ведь и он, и его отец мертвы. Инспектор Жак вскоре оправится от пулевой раны в плечо, но и у него нет аргументов, отличных от моих.

Капитана Родерика похоронят с воинскими почестями, так как очевидцы расскажут, что он пытался помешать своему сыну застрелить меня. Другие предположения в лучшем случае породят спор, который невозможно разрешить.

Но не сержант Андре расставил ловушку. Только капитан сэр Родерик имел доступ к ключу от лаборатории. Только он мог подняться туда и приготовить смертельную западню, погубившую старого графа.

— Тогда почему,— спросил принц,— он пытался остановить сына?

— Потому что, Ваше Высочество,— ответил лорд Дарси,— он понимал, что у меня нет достаточных доказательств для того, чтобы обвинить их. Он пытался удержать сына от дурацкого поступка, выдающего их с головой. Андре запаниковал, на что я и надеялся, но, надо признать, я не предполагал, что это зайдет так далеко. Он убил своего отца, который спланировал преступление от начала до конца, и, осознав, что он сделал, в истерическом припадке покончил с собой. Я сожалею, Ваше Высочество.

— Вы не виноваты, Дарси. А что вы скажете о дамозель Мадлен?

Лорд Дарси отхлебнул бренди.

— Конечно, она была главным инициатором. Она подстрекала всех — очень искусно. Это недоказуемо. Но лорд Жизор ее больше не замечает. Он возьмет в жены ту леди, которую выбрал для него отец.

— Понимаю,— сказал принц,— вы сказали ему правду.

— Я говорил с ним, Ваше Высочество,— ответил лорд Дарси,— но он уже знал правду.

— Итак, дело закрыто,— Его Высочество потянулся в кресле,— поговорим о тех тетрадях, что вы привезли. Что это такое?

— Это отчет покойного графа о его научно-материалистических исследованиях за последние двадцать лет, Ваше Высочество. Результат двух десятилетий тяжелого труда.

— Но вдумайтесь, Дарси! Материалистические исследования? Какую пользу они способны принести?

— Ваше Высочество, Законы Магии рассказывают нам, как человеческий разум может изменить материальную Вселенную. Но человеческий разум не способен охватить всю Вселенную. Разум Бога может направлять планеты и звезды, но, если это так, существуют законы, которым послушен Он сам.— Лорд Дарси допил бренди.— В этом мире существует множество сил, отличных от человеческого разума, и все они живут по своим законам. Возможно, когда-нибудь эти тетради будут бесценны.

ИПСВИЧСКИЙ ФИАЛ

По Старой Береговой дороге двигалась двухместная карета. Лошадь резво влекла ее на запад, в сторону Шербура, от небольшой деревушки под названием Церковь Святого Матфея.

Кучер — коренастый человек, с сонной улыбкой на широком лице, — тепло укутался в свой серый дорожный плащ, нацепив поверх капюшона широкополую шляпу. Хотя уже было начало июня, но все же на побережье Нормандии ранним утром бывает довольно холодно. Особенно если дует сильный ветер.

— Останови здесь, Дангларс, — услышал он голос позади себя. — Здесь я и прогуляюсь.

— Да, госпожа.

Кучер натянул поводья, и карета тут же остановилась.

— Вы уверены, что здесь безопасно, госпожа Жизель? — спросил он, глядя на простиравшийся к северу до берегов Англии Канал.

— Сейчас ведь отлив? — с живостью спросила она. Дангларс посмотрел на свои наручные часы.

— Да, госпожа. Сейчас вода дальше всего.

— Очень хорошо. Жди меня здесь. Если выйду на дорогу в другом месте — махну тебе, подъедешь за мной.

— Да, госпожа.

Она коротко кивнула и зашагала к воде. Это была высокая, нелишенная привлекательности женщина

© А. Самоделова, перевод, 2001

средних лет. Серые волосы были подстрижены короче, чем того требовала мода, но очень красиво уложены. Она была одета так, как одеваются для путешествия англо-француженки, принадлежащие к верхним слоям среднего класса, хотя в ее костюме было больше британского, нежели нормандского: до блеска начищенные сапоги до колен; шерстяная юбка из шотландки, касавшаяся края сапог; жакет из той же ткани, что и юбка; мягкий белый шерстяной свитер с высоким воротом защищал ее от утренней прохлады. Шляпы она не носила. Все в ней выдавало женщину, знающую себе цену и готовую дать отпор любому, кто усомнится в ее значимости и порядочности.

Миссис Жизель де Виль нашла спуск к пляжу. Гряда камней почти в три человеческих роста высотой преграждала путь желавшим достичь линии прибоя. Тем не менее кое-где между камнями можно было пробраться. Миссис Жизель пошла по твердому, спрессованному волнами песку на запад. Между ним и скалами шла полоска мелкого песка, в котором неминуемо вязли ноги любого, кто захотел бы его пересечь. Сюда волны накатывали только в самый сильный шторм.

Несмотря на легкий холодок, утро было прекрасным. Таким утром хотелось прогуляться по побережью, подышать свежим морским воздухом. Миссис Жизель любила долгие прогулки и к тому же умела наслаждаться окружающей красотой. Справа от женщины порывы ветра подгоняли к берегу шапки пены и доносили до нее «аромат моря» — аромат, который никогда не почувствуешь в открытом море. Это неповторимое сочетание запахов создают вода, гниющие на берегу водоросли и всяческая морская живность, что обитает в лужах и лужицах, остающихся после штормов или отливов. Мертвые и умирающие под мерный ритм волн и приливов мельчайшие обитатели моря как особую приправу добавляют в эту смесь приторный привкус распада.

Парившие над головой чайки кричали жалобно, по-кошачьи, взмывая вверх и падая вниз в поисках пищи, которую в изобилии дают им море и берег.

Не успев пройти и сотни ярдов, миссис Жизель в изумлении остановилась. Впереди, чуть слева, лежал человек, распростершись футах в двадцати или около того от линии прилива. Через минуту дама осторожно подошла к нему. Его одежда явно не подходила для купания — в таком наряде джентльмен, не стесняясь, мог явиться на званый вечер. Женщина подошла к границе, где песок становился рыхлым, и внимательно осмотрела лежавшего. От того, что она увидела, у нее зашевелились волосы на затылке.

Дангларс безмятежно сидел там, где и положено кучеру, и курил свою глиняную трубку, когда увидел приближающуюся троицу. Пока они подходили к карете, он не спускал с них глаз — двое молодых людей и один постарше. Все были одеты как типичные нормандские фермеры. Старший махнул рукой и что-то сказал, но из-за шума волн и ветра Дангларс не расслышал слов. Когда они подошли на достаточно близкое расстояние, старший повторил:

— Эй! Вы иметь проблемы?

Дангларс покачал головой:

— Не-а.

Фермер не обратил никакого внимания на этот ответ.

— Мы и мальчики видеть, что коляска остановилась тут, и думать, что можем помочь. Зовут меня Шамтье. Сэмел Шамтье. Эт' мои ребята — Эврит и Лорин. Если надо помощь, мы сделать, что умеем.

Дангларс едва заметно кивнул и вынул трубку изо рта:

— Хороший ты человек, добрый человек Сэмел. Благодарствую. У меня все в порядке. Госпожа пошла прогуляться по берегу. Нравится ей это. Мы скоро поедем.

Сэмел откашлялся.

— Ты и госпожа очень скоро уедет? А то моя жена делать сейчас завтрак. Может мы принести тебе что-нибудь?

Дангларс еще раз затянулся и вздохнул. Нормандские фермеры хороший, дружелюбный народ, но часто они перебарщивают в своем усердии.

— Очень скоро уедем. Благодарствую, добрый человек Сэмел. Как только госпожа вернется, мы тут же уедем. Еще раз, благодарствую.

— Тогда кофе,— решил Сэмел и повернулся к старшему сыну.— Эврит! Иди спросить у матери термос с кофе и два кружки! Быстро!

Эврит тут же бросился бежать. Дангларс поднял к небу глаза.

Миссис Жизель сглотнула и снова посмотрела на мертвого мужчину. В руке у него был пистолет, а в правом виске зияла рана. Вокруг его головы весь песок был пропитан кровью. То, что мужчина был мертв, не вызывало сомнений.

Она оглядела берег, стряхнула попавший на юбку песок. Затем, обхватив себя за плечи, миссис Жизель повернулась и пошла обратно, параллельно своим же следам. На берегу больше никого не было.

Трое мужчин разговаривали с Дангларсом, и тот, казалось, не был в восторге от беседы. Женщина решительно зашагала вперед. Дангларс заметил ее только тогда, когда она была уже в футах пятнадцати от кареты. Он, приветствуя, дотронулся до лба и улыбнулся своей обычной сонной улыбкой.

— Хорошо прогулялись, госпожа?

В одной руке у него была чашка кофе, другой он указал на остальных:

— Это — добрый человек Сэмел и его мальчики, госпожа. Они с ближайшей фермы. Принесли нам кофе.

Трое фермеров дотронулись до лба, повторив движение Дангларса.

— Очень приятно,— ответила она.— Большое спасибо. Но боюсь, у нас неприятности. Пойдемте со мной, все пойдемте.

Глаза Дангларса расширились:

— Вы сказали — неприятности, госпожа?

— Именно так. Идите за мной — покажу вам, что я имею в виду.

— Но, госпожа... — начал было Дангларс.

— Иди за мной, — повторила она уже в приказном тоне.

Дангларсу пришлось слезть с козел. Ему ничего не оставалось, как последовать за остальными. Миссис Жизель повела их по редкой траве, росшей вдоль скал, к месту, откуда можно было увидеть мертвого человека на песке.

— Посмотрите вниз. Там мертвец. Я думаю, он застрелился, хотя я не очень-то разбираюсь в таких вещах.

Четверо опустились на колени и посмотрели в указанном направлении. На минуту воцарилось молчание. Затем Сэмел произнес изменившимся тоном:

— Вы права, госпожа. Он есть мертв.

— Кто это, добрый человек?

Сэмел поднялся с колен, отряхнул брюки своими мозолистыми руками.

— Точно не знаю, госпожа.

Он посмотрел на своих сыновей, которые все еще не могли оторваться от увиденного.

— Кто это может быть, дети?

Они встали и, как отец, отряхнули брюки. Старший — Эврит — ответил:

— Не знаю, папа. Он не здешний, — и слегка толкнул локтем младшего брата. — Лорин?

Тот отрицательно покачал головой, глядя на отца.

— Сейчас это не важно, — смягчившимся голосом сказала миссис Жизель. — Для таких случаев есть Закон Империи, и мы должны поступить в соответствии с ним. Дангларс, возьми карету и возвращайся...

— Но, госпожа Жизель, — начал было Дангларс. — Я не могу...

— Ты будешь делать то, что я скажу, Дангларс, — настойчиво повторила она. — Так надо. Возвращайся в Церковь Святого Матфея и расскажи пастору. Затем

поезжай в Кайенн и поставь в известность стражников. Ты понял?

— Да, госпожа. Отлично все понял,— и с этими словами Дангларс пошел прочь.

Она повернулась к Сэмелу:

— Добрый человек, у вас есть немного времени? Я уверена, что у вас много работы, но я не хотела бы оставаться здесь одна.

Сэмел улыбнулся:

— Утренняя работа уже сделана, госпожа. Да и мой старший парень, Орвал, может один смотреть за хозяйством пару часов. Не волнуйтесь.— Он взглянул на младшего.— Лорин, ступай, говори своей матери и старшему брату, что случилось. Больше никому ни слова, и им говори, чтобы помалкивали. Слышишь?

Лорин кивнул и убежал.

— И захвати что-нибудь поесть! — прокричал вдогонку Эврит.

Сэмел выглядел обеспокоенным.

— Госпожа?!

— Да, добрый человек Сэмел?

— Вы не заметили ничего забавного?

— Забавного? — переспросила она, удивленно приподняв бровь.

— Да, госпожа,— он указал вниз.— Песок вокруг него не тронут. Никакой следов, только ваш. Он умер недавно, да, но как он попал сюда?

Пять дней спустя сэр Джеймс ле Лейн, специальный агент Секретной службы Его Величества, сидел в удобном кресле в кабинете лорда Дарси, главного следователя Его Высочества Ричарда, герцога Нормандского.

— Я до сих пор не знаю, где этот Ипсвичский Фиал, Дарси,— сказал он с изрядной долей недовольства в голосе.— Но и они не знают.

Сквозь открытое окно доносился шум оживленной улицы — стук лошадиных копыт, шаги и голоса тысяч людей и мириады едва отделимых друг от друга

звуков, из которых соткана мелодия городской жизни, — однако на шестом этаже все это звучало приглушенно. Лорд Дарси откинулся на спинку стула, положив ладони на свой широкий рабочий стол.

— Успокойтесь, сэр Джеймс. Вы хотите прыгнуть выше головы. Я полагаю, что под местоимением «они» вы подразумеваете *Серку* — польскую секретную службу. Но что такое этот ваш Фиал?

— Тут два момента. Первое — вам нет необходимости знать это. Второе — я сам этого не знаю. Поэтому даже если бы захотел, то не смог бы вам сказать. Физически это золотой цилиндр, размером с ваш большой палец, с одной стороны закрытый золотой пробкой и запечатанный мягким золотом. Больше я ничего не знаю. Разве только кодовое название: Ипсвичский Фиал.

Шон О Лохлейн, мастер-тауматург, который неподвижно сидел на стуле, до этого момента не проронив ни слова, сложил руки на животе. Его глаза были полуприкрыты, но он не пропустил ни единого слова. Теперь он сказал:

— Я бы многое отдал, чтобы узнать, кто это придумал такое замечательное кодовое название, и обвинил бы его в некомпетентности.

— Да? — спросил сэр Джеймс. — Почему?

Мастер Шон открыл глаза:

— Если поляки не знают о том, что в Ипсвичских лабораториях в Саффолке под руководством мастера сэра Гриера Дэвида-сына проводятся секретные исследования в области магии, то они непроходимо глупы, и нам можно не беспокоиться о них. Само название «Ипсвичский Фиал» должно было *заставить Серку* начать расследование, если, конечно, поляки о нем слышали.

— Может, это просто уловка, чтобы отвлечь их внимание от чего-то более существенного, — предположил лорд Дарси.

— Возможно, — согласился мастер Шон. — Но если это так, милорд, то это слишком дорого. То, что только что описал нам сэр Джеймс, является ничем иным, как психическим полем со стабилизированной аурой. А что

мы положим в такой сосуд? Какую-нибудь кимическую смесь — взрывчатое вещество или яд? А может, секретное послание? Это было бы так же неоправданно, как на тончайшем папирусе золотом написать список необходимых покупок в бакалейной лавке. Чересчур расточительно.

— Понятно,— сказал лорд Дарси и посмотрел на сэра Джеймса.— А почему вы уверены, что *Серка* еще не нашла его?

— Если бы так,— ответил сэр Джеймс,— они бы выкрали его и скрылись. А поляки роятся тут, как пчелы возле сот. Их здесь, наверное, около дюжины.

— Полагаю, что и ваших людей предостаточно?

— Они пытаются держать польских агентов в поле зрения,— сказал сэр Джеймс.

— Тогда *Серка* знает, что и у вас нет Фиала.

— Вероятно.

Лорд Дарси вздохнул и стал набивать свою фарфоровую с серебром трубку.

— Вы сказали, что умершего звали Ноэл Стэндиш.— Он показал мундштуком трубки на стопку бумаг.— А здесь говорится, что его опознали как человека по имени Бурк. Вы сказали, что это было убийство. Здесь же говорится, что Уголовный суд Его Величества хотел признать факт самоубийства, но вы настояли на том, чтобы принятие решения было отложено. У меня есть подозрение, Джеймс, что меня хотят использовать. Я бы хотел напомнить, что я — главный уголовный следователь Его Высочества герцога Нормандского, а не агент — повторяю, *не агент* Секретной службы Его Величества.

— Совершено преступление,— возразил сэр Джеймс.— Ваша обязанность расследовать такой случай.

Лорд Дарси спокойно раскурил трубку.

— Джеймс, Джеймс.— Его худое, привлекательное лицо оставалось невозмутимым. Дарси затянулся и выпустил длинную струйку дыма.— Вы отлично знаете, что я не обязан расследовать каждое убийство, совершенное в герцогстве. Ни Стэндиш, ни Бурк не были аристократами. Я не начну расследовать это дело до

тех пор, пока не получу непосредственного приказа от Его Высочества герцога или Его Величества короля. Если хотите, Джеймс, попробуйте переубедить меня...

Мастер Шон с трудом сдерживал улыбку. Упитанный коротышка-ирландец отлично знал, что его начальник просто блефует. Лорд Дарси не мог устоять перед таким делом, как пчела не устоит перед цветком клевера. Но сэр Джеймс этого не знал. В конце концов он получил бы приказ короля на передачу этого дела, но на это уйдет целая вечность. К тому времени все уже будет закончено.

— Что вам нужно, Дарси? — спросил агент Его Величества.

— Информация,— со скукой в голосе проговорил его лордство.— Вы хотите, чтобы я поехал в Церковь Святого Матфея и отвлекал внимание, пока ваши люди сделают свое дело? Хорошо. Только роль простачка мне не подходит. Я, черт возьми, хочу знать, что происходит. Мне нужна полная картина происходящего.

Сэр Джеймс подумал десять-пятнадцать секунд и ответил:

— Хорошо, милорд. Я раскрою все карты.

На протяжении нескольких веков Польское Королевство расширяло границы своих территорий. Первоначально взор поляков был обращен на юг и восток. На юге их остановили османцы. А на востоке последним лакомым кусочком, который им удалось отхватить, стала Украина, поглощенная в начале 1930-х годов. Король Казимир IX вступил на трон в 1937 году в двадцатилетнем возрасте. Двумя годами позже он втянул свою страну в очень неудачную войну с Империей и ее скандинавскими союзниками. Дальнейшее продвижение на восток стало весьма затруднительно из-за объединения русских государств.

Теперь Польша была окружена врагами, которые ненавидели или боялись ее. Казимиру нужно было несколько лет, чтобы передохнуть и собраться с силами.

Но, видимо, слава отца и его собственный уже сложившийся образ завоевателя не давали ему покоя. Понимая, что вторжение в германские государства, которые служили буфером между его собственными западными границами и границами Империи, равносильно самоубийству, Казимир решил использовать другое сильнейшее оружие: *Серку*.

Это название означало, если не углубляться в лингвистические дебри перевода, «Правая рука короля». С точки зрения финансов, эта служба была в ведении Министерства контроля за безопасностью, то есть как бы являлась подразделением правительства Польши. На деле это было совсем не так. Ни одно министерство Его Славянского Величества и ни один советник не знали, чем она занимается, и уж тем более не вмешивались в ее дела. *Серка* подчинялась только королю. Она состояла из двух отделов: Секретная Полиция (внутреннее подразделение) и Секретная Служба (внешнее). Однако граница между ними была размыта. Агент одного подразделения мог в любой момент получить задание от другого.

Серка, наверное, была самым мощным и самым жестоким из всех орудий, которые использовали современные правительства где-либо на земном шаре. Ее агенты, многие из которых были волшебниками, наделенными изрядной долей Таланта, наводнили страны Европы, особенно Англо-Французскую империю.

Династия Плантагенетов ревностно относилась к вторжению иностранных государств на свои территории; на протяжении восьми веков их правления Плантагенетам удавалось противостоять назойливой дерзости. В Европе говорили: «Одолжив у Плантагенетов — вернешь без процентов, украв у Плантагенетов — лишишься всего».

Ныне властвующий король, Джон IV, Милостью Божией Король Англии, Ирландии, Шотландии, Император Римский и Германский, Моктессумид; Сын Солнца; Граф Анжуйский и Майнский, Глава Древнейшего Ордена Рыцарей «Круглого Стола», Ордена Леопарда, Ордена Лилии, Ордена Трех Корон и Ордена

Святого Андрея, Лорд Протектор Западных Континентов Новой Англии и Новой Франции; Защитник Веры — не был исключением из правила.

В отличие от своих средневековых предшественников король Джон IV не стремился расширить владения Империи в Европе. Последним из Плантагенетов, добавившим европейских территорий, был Гарольд I, который подписал Копенгагенское соглашение в 1420 году. На протяжении более чем сотни лет Империя существенно не изменяла своих границ, пока во время правления Джона III открытие континентов Западного Полушария не предоставило англо-французским исследователям целый новый мир.

Джон IV не задумывался о расширении влияния в Европе, но его сильно беспокоила деятельность на территории его королевства польских агентов *Серки*. Поэтому кража золотого Фиала из Ипсвичских лабораторий вызвала мгновенную реакцию короля и Секретной службы Его Величества.

— Тот, кто украл его,— объяснял сэр Джеймс,— несущественная фигура. Ему просто хватило ума воспользоваться случаем и наложить лапу на Фиал. Он — тертый калач. У человека появилась возможность — и он украл. Он не был польским агентом, но знал, как связаться с одним из них. И заключил сделку.

— Сколько времени после кражи Фиала ему потребовалось, чтобы договориться с агентом? — спросил лорд Дарси.

— Три дня, милорд. Сэр Гриер обнаружил пропажу через два часа после кражи и тут же уведомил нас. Мы сразу вычислили, кто взял его, но нам понадобилось три дня, чтобы выследить вора. Как я уже сказал, он тертый калач. К тому времени, как мы нашли его, он уже провернул сделку и получил деньги. Мы опоздали меньше, чем на полчаса. Агент *Серки* забрал Фиал и скрылся. Хорошо, что вор оказался просто вором, а не агентом *Серки*. Когда мы его поймали, он тут же рассказал все, что знал. Благодаря этой и еще кое-какой информации мы установили, что нужный нам человек едет

на поезде в Портсмут. Мы связались с Ноэлом Стэндишем, агентом Портсмутского отделения, по телесону, но...

Человек полагает, а Бог располагает. Трехминутная задержка в дорожной пробке решила судьбу Стэндиша: стоя на причале, он смотрел вслед идущему на Шербур боту, уже удалившемуся от берега футов на сорок.

Двумя часами позже Стэндиш уже был на носу «Дарта», быстроходной яхты Его Императорского Величества. Стэндиш пристально вглядывался во тьму, слушая, как волны Канала разбиваются о корпус корабля. Настроение у него было отвратительным. Во-первых, сообщение по телесону застало его, когда он уже выходил из дома, собираясь пообедать с друзьями в Беллофонте, и времени переодеться не оставалось; теперь, очутившись на палубе быстроходной яхты военно-морского флота, он чувствовал, что выглядит глупо в вечернем одеянии. Кроме того, понадобился битый час, чтобы убедить Верховного адмирала Портсмутских доков военно-морского флота, что у него есть приказ взять яхту. Адмирал дал добро только после того, как Стэндиш раскошелился на телесонный разговор с Лондоном.

Но все же был и один положительный момент: Стэндишу удалось установить прочную психическую связь со своей жертвой.

Он получил словесное описание из Лондона. *Молодой человек, около двадцати пяти лет. Рост — примерно шесть футов. Худощав, но мускулист. Жидкие волосы темно-каштанового цвета. Гладко выбрит. Карие глаза. Брови правильной формы. Лицо привлекательное, даже красивое. Хорошо одет. Строгий плащ, темно-красный жилет, коричневые, расшитые золотом брюки. В руках плоский кожаный чемоданчик темно-оливкового цвета.*

Но, что было гораздо важнее, Стэндиш сам видел преследуемого на палубе судна, уходящего из Портсмута в Шербур.

Стэндиш обладал Талантом. Сам он свою способность называл «игра в прятки»: он одинаково хорошо и прятался, и искал. Если ему удавалось сосредоточиться на ком-либо, он мог следовать за ним куда угодно. Затем Стэндиш становился психически невидимым для своей жертвы: даже мастер тауматургии не заметит его, пока он сам не снимет эту защиту. Но существовало некое предельное расстояние, на котором связь оставалась неразрывной. И человек в темно-красном жилете был пока что в пределах досягаемости для Стэндиша.

Кто-то тронул Стэндиша за плечо:

— Прошу прощения, сэр...

— Что? Что? — Стэндиш нервно вздрогнул и обернулся.

Молодой офицер удивленно посмотрел на него, отступив на шаг назад. Похоже, этот Стэндиш на пределе, подумал он.

— Прошу прощения, сэр, но капитан хочет поговорить с вами. Идите за мной, пожалуйста.

Старший лейтенант Малуа, командир яхты Его Императорского Величества, в голубой форме имперского флота, ожидал Стэндиша в своей каюте с бокалами бренди в руках. Он протянул один из них Стэндишу. Сопровождавший Стэндиша офицер бесшумно исчез.

— Проходите, Стэндиш. Сядьте и расслабьтесь. Вы стоите на носу с самого отплытия. Вряд ли это пойдет вам на пользу, и уж конечно, вы же сами понимаете, не ускорит ход яхты.

Стэндиш взял бокал и заставил себя улыбнуться:

— Я знаю, капитан. Спасибо.— Он сделал маленький глоток.— Так вы думаете, мы успеем?

Капитан нахмурился и сел. Пока он говорил, Стэндиш тоже выбрал себе место и опустился на стул.

— Сложно сказать, если честно. Мы идем на всех парах, но море и ветер не всегда играют нам на руку. И мы ничего не можем сделать. Поэтому вздохните поглубже и просто ждите, что из этого выйдет.

— Вы правы, капитан.— Стэндиш сделал еще один глоток.— Насколько точно проложен наш курс?

Старший лейтенант Малуа успокаивающе махнул рукой:

— Не стоит беспокоиться. Лейтенант Симус Маклин, наш штурман, получил квалификационную степень в гильдии магов, и в такого рода делах он специалист. Пакетбот в двух градусах по правому борту, и при нашей нынешней скорости на сорок одну минуту впереди нас. Это хорошо.

— А что плохо?

Малуа пожал плечами:

— Изменчивость ветра. Я полагал, что мы настигнем его за пятнадцать минут, но не получилось. Взбодритесь. Налейте себе еще бренди.

Стэндиш взбодрился и выпил еще, но это ему не помогло. Несмотря на все усилия, «Дарт» опоздала на одну минуту.

Однако добрый человек Красный Жилет был меньше, чем в ста ярдах, когда Стэндиш сбежал на берег по трапу «Дарта». Расстояние между ними быстро сокращалось. Стэндиш преследовал свою жертву, руководствуясь своим психическим компасом, который безошибочно указывал в сторону Красного Жилета. Агент надеялся, что Фиал все еще у него; но если это не так, если тот передал Фиал кому-то на борту пакетбота,— все будет потеряно. Эта вещица окажется в Кракове еще до конца месяца.

Стэндиш старался не думать об этом.

Сейчас он должен был лишь преследовать свою жертву, пока не представится удобный случай остановить Жилет и обыскать.

Он оставил капитану «Дарта» письмо, с поручением доставить его как можно скорее на улицу Королевы Бригитты,— в этом письме он разъяснял главному агенту Шербурского отделения разведки возникшую ситуацию. Проблема заключалась в том, что он не мог передать поручение местным агентам: не было никакой возможности выйти с ними на связь, так как он не мог ни на минуту оставить Красный Жилет. Он даже не мог назначить место встречи, так как не имел

ни малейшего представления, куда его заведет преследование.

И, естественно, когда кому-нибудь бывал нужен стражник, ни одного не оказывалось поблизости.

Двадцать минут спустя Красный Жилет повернул на улицу Королевы Бригитты.

«Только не говорите мне, что он возглавляет местное подразделение разведки, — подумал Стэндиш. — *Мой дорогой Красный Жилет, ну ты и шутник».*

Без паники. Не доходя до штаба Секретной службы дюжины кварталов, добрый человек Красный Жилет повернул, зашел в кафе под названием «Аден» и сделал наконец передышку.

Стэндиш шел по другой стороне улицы — так было меньше вероятности оказаться замеченным. Уворачиваясь от утренних экипажей, промчавшись прямо перед носом у лошади, везущей телегу с пивом, он пересек улицу Королевы Бригитты и подошел к «Адену». Красный Жилет был в сорока футах от него, в кафе, у задней стены. Собирается передать Фиал сообщнику?

Стэндиш раздумывал, что же ему предпринять дальше, но решение было принято за него. Он внезапно почувствовал, что его мишень двинулась в южном направлении с довольно большой скоростью.

Агент ворвался в «Аден» — и понял свою ошибку.

Противоположная стена кафе была в тридцати футах. Красный Жилет вышел через заднюю дверь и теперь находился с *другой стороны* «Адена»!

Стэндиш бросился через просторный зал к задней двери. Позади кафе проходила небольшая аллея, но единственный человек, которого он там обнаружил, не был похож на преследуемого.

— Скорее! — еле выговорил Стэндиш, задыхаясь. — Человек в темно-красном жилете! Куда он пошел?

Человек посмотрел на него недоуменно:

— Что?.. хм... Я не знаю, сэр. Как только он забрал свою лошадь...

— Лошадь? Откуда он взял лошадь?

— Ну, он оставил ее под присмотром хозяина три... или четыре... Четыре дня назад. За постой платил вперед. Он просил присмотреть за ней, пока будет в отъезде. Я не знаю, куда он поехал.

— Где мне взять коня? — в ярости спросил Стэндиш.

— У хозяина...

— Веди меня к нему, скорее!

— И это все, что нам удалось установить, — сказал сэр Джеймс ле Лейн. — Следующим было его сообщение из Кайенна двумя днями позже. Мы бы и того не узнали, если бы один из наших людей не завтракал в «Адене» в то утро. Он, конечно же, узнал Стэндиша, но не заговорил с ним по вполне понятным причинам.

Лорд Дарси кивнул.

— На следующее утро он уже был найден мертвым около деревушки при церкви святого Матфея. Есть какие-нибудь предположения по поводу того, что он мог делать эти два дня?

— По-моему, предельно ясно. Хозяин «Адена» сказал нам, что у нашего объекта — назовем его Бурк — в чересседельных сумках было довольно много еды в упаковках с предохранительным заклинанием. Такого количества хватило бы на три-четыре дня пути. Ты знаешь Старую Береговую дорогу, что тянется на юг от Шербура до Виры, затем пересекает реку, поворачивает на запад к Орну и делает петлю у Харфлера?

— Конечно, — ответил лорд Дарси.

— Хорошо. И ты знаешь, что в большей части сельскохозяйственных районов, где деревушки разбросаны слишком уж далеко друг от друга, нет телесонной связи. Мы думаем, что Бурк поехал по этой дороге и Стэндиш последовал за ним. Мы полагаем, что Бурк направлялся в Кайенн.

Мастер Шон приподнял бровь:

— А почему тогда не поехать поездом? Так было бы гораздо проще и быстрее, сэр Джеймс.

Сэр Джеймс улыбнулся:

— Было бы. Но такой способ не безопасен. Проблема использования общественного транспорта в том, что ты практически заперт в нем. А когда ты уходишь от преследования, у тебя должна быть максимальная свобода движения. Если же ты сел в общественный транспорт, то выйти из него раньше, чем он остановится, не сможешь. И контролировать ситуацию ты не в состоянии.

— Ах да, понятно,— сказал мастер Шон. Казалось, он погрузился в размышления.— Эта психическая связь, о которой вы упомянули,— вы уверены, что Стэндиш применил ее к Бурку?

— Абсолютной уверенности, конечно же, нет,— согласился сэр Джеймс.— Но мы точно знаем, что он обладал таким Талантом; его проверял Совет магов из вашей же гильдии. Использовал ли он Талант в данном конкретном случае, я могу только предположить, но думаю, что вероятность такого предположения достаточно велика.

Лорд Дарси, внимательно наблюдая за струйкой дыма, поднимавшегося от трубки к потолку, промолчал.

— Я согласен с вами,— сказал мастер Шон.— Практически нет сомнений, что он так и сделал. И я не стану утверждать, что он сделал это напрасно. *De mortuis non disputandum est.* Я просто хочу понять, умел ли он управляться со своим Талантом.

— Что вы имеете в виду? — спросил сэр Джеймс.

— Ну, представим человека, который умеет становиться психически прозрачным — «невидимым», другими словами. Бедняга должен быть очень осторожен, вы со мной согласны? На мягкой почве или на снегу он оставляет следы, в толпе он может задеть кого-нибудь. Вы можете себе представить, что будет, если поймать такого человека? У вас в руках окажется охапка воздуха, плотная на ощупь, которая приятно пахнет, издает звуки, соленая на вкус, если вам вздумается попробовать. Разве такой объект не вызовет подозрений?

— Пожалуй, да,— допустил сэр Джеймс,— но...

— Сэр Джеймс,— продолжил мастер Шон,— вы не представляете, насколько подозрительным может

быть психически невидимый человек в определенных ситуациях. Вот он стоит, не видимый для глаз, однако доступный для ощущений, для слуха и так далее,— *и в то же время здесь никого нет*! Я вот к чему веду, сэр Джеймс,— насколько компетентен был Ноэл Стэндиш? Мог ли он справиться с возложенной на него обязанностью?

Сэр Джеймс открыл было рот, он тут же снова закрыл его и нахмурился. Через секунду он сказал:

— Раз вы это так рассматриваете, мастер Шон, то вынужден признать, что не знаю. Он успешно справлялся со своим делом на протяжении двенадцати лет.

— И один раз не смог,— гнул свою линию мастер Шон.— Эта ошибка стала роковой.

— Остановитесь, мой дорогой Шон,— вдруг заговорил лорд Дарси.— У нас нет доказательств, что в этот раз Стэнли допустил ошибку: то, что он позволил себя убить, доказано бесстрастными фактами; а то, что это случилось именно так, как вы говорите — всего лишь предположение. Давайте не будет делать непозволительные в нашем деле голословные заключения.

— Да, милорд. Извините.

Лорд Дарси обратил свои серые глаза к сэру Джеймсу:

— То есть моя задача сводится не только к диверсии, так?

Сэр Джеймс моргнул:

— Прошу прощения, милорд?

— Я имею в виду,— терпеливо проговорил его лордство,— что в действительности вы хотите, чтобы я выяснил, кто убил Ноэла Стэндиша?

— Конечно! Разве я не ясно выразился?

— Не совсем.— Лорд Дарси снова взял в руки бумаги.— Теперь давайте проясним некоторые детали. Почему здесь указано, что тело опознано как принадлежащее некоему Бурку, и где настоящий Бурк? Или кто он там есть.

— Человек, за которым следовал Стэндиш, зарегистрировался под этим именем в местной гостинице «Зе-

леная Чайка», — объяснил сэр Джеймс. — Он использовал это же имя и в Англии. Рост, вес, цвет глаз и волос такие же, как у Стэндиша. Кроме того, он исчез той же ночью, и больше мы о нем ничего не слышали.

Лорд Дарси задумчиво кивнул:

— Таким образом, мы имеем следующее: молодой человек останавливается в деревенской гостинице. На следующее утро находят тело, принадлежащее тоже молодому человеку. Так как другого постороннего молодого человека в долине не видели, решают, что это один и тот же человек. Опознание незнакомца — это в лучшем случае догадка.

— Именно. Поэтому, со своей стороны, я не стал спешить с подтверждением опознания

— Я понял. Теперь с точностью расскажите, что произошло с вами в Церкви Святого Матфея той ночью? — попросил лорд Дарси.

— Как только Стэндиш удостоверился, что его подопечный поселился в «Зеленой Чайке», он поскакал в Кайенн и послал сообщение в мой офис здесь, в Руане. Я сел на первый же поезд, но к тому времени, как я добрался туда, оба они уже пропали.

— Да, — вздохнул лорд Дарси. — Полагаю, что лучше будет, если мы туда съездим. Мне придется просить Его Высочество санкционировать мой отъезд. Я думаю, вы могли бы пойти со мной и еще раз все объяснить герцогу Ричарду.

Сэр Джеймс скривился, как от внезапно подступившей боли.

— Полагаю, вы правы. Нам надо добраться туда как можно скорее, или ситуация станет непоправимой. Послезавтра начнется эта их глупая ярмарка Иванова дня, и уже сейчас там полно приезжих.

Лорд Дарси закрыл глаза.

— Еще не хватало. Это осложняет дело.

Мастер Шон подошел в двери кабинета:

— Я скажу, чтобы упаковали наши чемоданы. Думаю, мы там пробудем довольно долго.

Маленькую деревушку Церковь Святого Матфея теперь было не узнать. Ярмарка проводилась на огромном поле за деревней. Палатки уже теснились на лугу. В самой деревушке не было комнат для приезжих; а местная гостиница «Зеленая Чайка», конечно же, не могла разместить всех желающих. Однако на другом поле был разбит вполне приличный палаточный городок, рядом с которым хватало места для телег, фургонов и тому подобного.

В самой деревушке фасады домов украшались яркими флагами, обновлялись вывески и витрины, а хозяева магазинов ломали голову над тем, насколько повысить цены и успеют ли они переписать все ценники. Оба пивных бара несколько недель занимались заготовкой напитков. В течение девяти дней деревушку будут наводнять приезжие. Они съедутся, чтобы в бешеном темпе сделать свои дела, нарушая размеренность сельской жизни и приводя в странное возбуждение местных жителей. А потом уедут, оставив после себя целые акры мусора и кошельки, туго набитые наличными. И все останутся довольными.

Выехав из Кайенна, лорд Дарси пустил свою лошадь легким галопом по Старой Береговой дороге и в полдень въехал в деревню Церковь Святого Матфея. Одет он был в дорожный костюм состоятельного купца. Следователь путешествовал не инкогнито, но и привлекать к себе лишнего внимания он не хотел. Время от времени ему трудновато было проложить себе дорогу сквозь толпу, уже собравшуюся у огромной старинной церкви святого Матфея, которая и дала название деревушке. Лорд Дарси направил своего коня через главную площадь к коновязи. Он оставил там своего коня и вошел в церковь.

Преподобный отец Артур Лион, приходский священник церкви святого Матфея, был широкоплечим мужчиной, разменявшим свой шестой десяток. Росту в нем было добрых шесть футов два дюйма. Голову украшала седая шапка волос, а на приятном, внушающем

доверие лице обычно светилась улыбка. Он сидел за столом в своем кабинете.

Раздался легкий стук в дверь. Среднего возраста женщина поспешно вошла и проговорила:

— Звините, что беспокою вас, отец, но здесь лорд Дарси к вам.

— Проводите его, сестра Анна.

Преподобный отец встретил лорда Дарси с распростертыми объятьями:

— Сколько лет прошло, милорд,— приветствовал он гостя с широкой улыбкой.— Рад снова вас видеть.

— Я тоже. Как вы тут, старый друг?

— Неплохо. Прошу, садитесь. Могу я предложить вам выпить?

— Не сейчас, святой отец,— лорд Дарси сел на предложенный стул.— Как я понимаю, у вас тут возникли кое-какие проблемы.

Отец Арт откинулся на спинку стула и заложил руки за голову.

— Ах, да. Так называемое самоубийство. Бурк,— хихикнул он.— Я так и думал, что власти заинтересуются этим рано или поздно.

— Почему вы говорите «так называемое самоубийство», святой отец?

— Потому что я знаю людей. Если человек решил застрелиться, то он не пойдет для этого на безлюдный берег. Туда он отправится, если решит утопиться. Просто уйти в море. Я не могу утверждать, что никто и никогда не пойдет на берег моря стреляться. Но это бывает настолько редко, что когда такое все же происходит, я становлюсь подозрительным.

— Согласен,— сказал лорд Дарси. Он был знаком с отцом Артуром Лионом уже несколько лет и знал, что этот человек безоглядно посвятил себя службе Богу и своему королю. Его карьера не была заурядной. Во время войны 1939 года он дослужился до сержанта-майора Восемнадцатого пехотного полка. Позднее он стал офицером Департамента стражи, ушел в отставку в звании Главного начальника стражи, и наконец посвятил себя

своему призванию, став священником. Он проявил себя не только как искренний священнослужитель, но и обнаружил, что наделен Талантом великолепного целителя, и был принят в орден святого Луки.

— Мой дорогой друг,— начал лорд Дарси,— мне нужна ваша помощь. То, что я вам скажу, строго конфиденциально. Я вас попрошу никому ничего не рассказывать без официального разрешения.

Отец Арт опустил руки, перегнулся через стол. Глаза его блестели.

— Сохраню, как тайну исповеди, милорд. Продолжайте.

Лорду Дарси потребовалось около получаса, чтобы рассказать все, что он знал по этому делу. Отец Арт опять откинулся на спинку стула и снова сомкнул руки за головой. С ангельской улыбкой на губах он рассматривал потолок.

— Да, милорд. Весьма захватывающе. Я очень хорошо помню ту пятницу, шестое июня. Действительно... Очень хорошо помню...— он продолжал улыбаться, глядя на потолок.

Лорд Дарси прищурил правый глаз и вопросительно поднял левую бровь:

— Могу ли я надеяться, что вы расскажете мне о событии, благодаря которому тот день так глубоко врезался в вашу память?

— Конечно, милорд. Я просто смакую умозаключения, к которым пришел. Осмелюсь предположить, что, когда я вам все расскажу, вы придете к тем же выводам.— Он оторвал взгляд от потолка и опустил руки.— Можно сказать, что это началось еще в четверг, поздней ночью. Всю предыдущую ночь я провел у больного, поэтому в четверг отправился спать довольно рано. Около полуночи я проснулся и никак не мог снова заснуть. Поворочавшись какое-то время, я решил, что смогу с большей пользой провести это время. Я встал, немного поработал с бумагами и пошел в церковь, чтобы подготовить алтарь к утренней службе... Потом вышел прогуляться по двору церкви. Я часто так по-

ступаю, этот двор — прекрасное место для раздумий. Луны не было видно продолжил священник, но небо было чистым, безоблачным. Прошло два часа после заката. Было довольно темно, но я наизусть знаю эти каменные плиты. Я бродил примерно четверть часа, когда на небе стали появляться первые звезды.

Лорд Дарси на мгновенье застыл.

— И что случилось *потом*?

— Сначала все звезды были на своих привычных местах, в своих созвездиях — в частности, я смотрел на созвездие Лебедя,— но затем небо в одно мгновение стало абсолютно черным. Повсюду. Все сразу.

— Понятно,— вымолвил лорд Дарси.

— А *мне* было не понятно,— ответил преподобный отец, сверкая улыбкой.— Тьма кромешная. Должен признаться, секунду или две я пребывал в полнейшей панике. Когда звезды исчезли, у меня появилось странное чувство.

— Я думаю,— пробормотал лорд Дарси.

— Но,— снова заговорил отец Арт,— как сенситив, я чувствовал, что опасности поблизости нет, и через минуту ко мне вернулось самообладание. Я мог сразу уйти в церковь, но остался посмотреть, что же будет дальше. Не знаю, сколько я там простоял. Казалось — не менее часа, но на самом деле, прошло, наверное, меньше пятнадцати минут. Звезды появились вновь, причем так же, как и исчезли,— все разом по всему небу.

— Не проявились? — спросил лорд Дарси.— Не постепенно становились яркими?

— Нет, милорд. *Раз*: их нет. *Раз*: снова горят.

— Тогда это не туман с моря.

— Это исключено. Морской туман не может двигаться так быстро.

Лорд Дарси перевел глаза на статуэтку святого Матфея, стоявшую в стенной нише, и невидящим взглядом уставился на апостола.

Прошло не меньше минуты. Затем лорд Дарси произнес:

— Я оставил мастера Шона в Кайенне, чтобы он сделал свое заключение после обследования тела. Он должен быть здесь через час. Я поговорю с ним, но... — Он умолк.

Отец Арт кивнул.

— Конечно же, наша теория требует подтверждения, но я думаю, мы на правильном пути. Чем еще я могу помочь?

— Ах, да. Вот еще что, — усмехнулся лорд Дарси. — Ваше сообщение о гаснущих звездах выбило меня из колеи. Я почти позабыл, зачем пришел к вам. Я бы хотел попросить вас, святой отец, об одолжении. Вы бы не могли опросить людей, которые были в «Зеленой Чайке» после полудня и ближе к вечеру, около пяти? Я здесь чужой, и, скорее всего, многого я от них не добьюсь — и уж конечно не столько, сколько вы. Мне нужна полная картина всего происходившего. Я думаю, что вас, старого стражника, не надо учить, на что обращать внимание. Вы сделаете это?

Отец Арт вернул улыбку:

— С удовольствием, милорд.

— Есть еще кое-что. Вы не могли бы приютить меня и мастера Шона на несколько дней? В гостинице, увы, нет свободных комнат.

От взрыва хохота отца Арта, казалось, должен был качнуться колокол на башне.

Мастер Шон О Лохлейн всегда был неравнодушен к ослам.

— Осел, — любил говорить он, — гораздо умнее лошади, как ворон умнее сокола. Ни ворон, ни осел никогда не ринутся в бой только потому, что так им приказал человек.

Поэтому маг и ехал в Церковь Святого Матфея на отличном осле. И при этом был страшно доволен собой.

Речная дорога была запружена повозками: казалось, половина населения герцогства двигалась в одном направлении — к прибрежной деревушке Церковь Святого Матфея. Из-за этого огромного скопления народа

мастер Шон не сразу заметил всадника, явно направлявшегося именно к нему, и поначалу слегка встревожился, но увидев, что это лорд Дарси, успокоился.

— Никак возвращаетесь в Кайенн, милорд? — спросил он лорда Дарси, когда тот подъехал на достаточно близкое расстояние.

— Вовсе нет, мой дорогой Шон. Я выехал навстречу вам. Давайте свернем с дороги; так мы быстрее объедем деревушку и попадем к месту, где было найдено тело.

Он развернул свою лошадь и поехал рядом с ослом мастера Шона. Перейдя на легкий галоп, они вскоре оказались на Старой Береговой дороге.

— Теперь,— сказал лорд Дарси,— расскажите мне, что вы обнаружили в Кайенне.

— Противоречивые улики, милорд, противоречивые. По крайней мере, что касается теории о самоубийстве. Кое-что указывает на то, что он упал на пляж, или его столкнули. Стэндиш должен был упасть прямо у основания скалы, но его нашли в двадцати пяти футах от него. Два сломанных ребра и сильный вывих запястья — больше ничего, кроме нескольких синяков и кровоподтеков. Все это он получил за несколько часов до смерти.

Лорд Дарси ехидно рассмеялся:

— Таким образом, есть два варианта. Первый — добрый человек Стэндиш встал на краю скалы, выстрелил себе в голову, упал на песок, прополз двадцать пять футов и несколько часов пролежал в ожидании смерти от ран, которые, что очевидно, должны были сразу его прикончить. Второй: он упал со скалы, прополз двадцать пять футов, повалялся на песочке несколько часов, а затем решил застрелиться. Я думаю, вторая гипотеза немногим лучше первой. А тот факт, что его правое запястье сильно вывихнуто, отвергает оба варианта. Не самоубийство, определенно, не самоубийство,— улыбнулся лорд Дарси.— Остается несчастный случай и убийство. Какую версию вы предпочтете, мой дорогой Шон?

Мастер Шон нахмурился так, как будто он прилагал адские усилия, чтобы заставить мозг работать в нужном направлении. Через секунду его лицо просветлело:

— Я понял, милорд! Он был случайно убит!

— Прекрасно! Теперь давайте я расскажу вам о тех фактах, которые вам еще не известны.

И он рассказал мастеру Шону о странном происшествии, свидетелем которого стал отец Арт. Когда он закончил, оба всадника ехали молча минуту или две. Затем мастер Шон тихо произнес:

— Так вот *что* это было.

У дороги стоял стражник. Он выбрал место так, что ему прекрасно была видна та часть берега, где было найдено тело. Другой стражник сидел, но встал, как только увидел приближающихся лорда Дарси и мастера Шона. Они спешились и направились к стражникам, ведя животных за собой.

— Извините, джентльмены, — строгим голосом сказал старший из стражников, — но сюда нельзя — приказ Его Высочества герцога Нормандского.

— Очень хорошо; рад слышать, — ответил его лордство, доставая свое удостоверение. — Я лорд Дарси, а это мастер-тауматург Шон О Лохлейн.

— Да, милорд, — смутился стражник. — Извините, я не узнал вас.

— Ничего страшного. Так это здесь нашли тело?

— Да, милорд. Прямо у этой скалы. Вот тут. Вы хотите взглянуть, милорд?

— Непременно. Спасибо.

Лорд Дарси под почтительными взглядами обоих стражников тщательно осмотрел край скалы. Мастер Шон следовал за ним, стараясь ничего не пропустить.

— Уже целая неделя прошла, — недовольно ворчал лорд Дарси. — Вы только посмотрите на траву! Неделю назад я бы сказал точное число побывавших здесь людей, а сегодня я могу сказать только то, что их было больше двух. И я не думаю, что есть какой-то способ выяснить это. Как вы думаете, Шон?

— Нет, милорд. Я — маг, а не кудесник.

— Значит, нет. Посмотрите на край скалы. Стэндиш определенно упал. Но столкнули ли его? Или сбросили? Теперь уже никто нам не подскажет. Ветер и погода сделали свое дело. Как говорит мой кузен из Лондона — «Пфуй!».

— Да, милорд.

— Ну что ж, давайте спустимся на пляж и осмотрим все внизу.

Для этого надо было пройти вдоль скал около пятнадцати футов до спуска на берег и затем пройти обратно до того места, где нашли мертвого Стэндиша. Легкий бриз доносил запах поспевающей пшеницы. Неподалеку три чайки хрипло переругивались из-за выброшенной морем добычи.

Лорд Дарси все еще пребывал в плохом настроении.

— Ничего, черт побери. Ничего. Следы уже давно смыла вода или развеял ветер. Черт, черт, *черт*! Все, на что мы можем рассчитывать, это показания свидетелей, которые, как известно, ненадежны.

— Вы им не верите, милорд? — спросил мастер Шон.

Лорд Дарси помолчал несколько секунд, потом, понизив голос, сказал:

— Нет. Как ни странно, верю. Я думаю, показания тех фермеров точны. Они видели то, что видели, и сообщили об этом. Но они могли не видеть всего, следовательно, не смогли и сообщить.

Один из стражников сверху сказал:

— Там есть пятно. Там, милорд, у плоского камня, — он показал рукой, где именно.

Но лорд Дарси и не подумал посмотреть туда. Когда стражник заговорил, лорд Дарси машинально поднял голову — и тут его внимание привлекло нечто на скале, двумя футами ниже ботинок стражника.

Мастер Шон проследил за взглядом его лордства и тут же обнаружил, на что уставился лорд Дарси.

— Как будто кто-то вырезал свои инициалы, милорд.

— Очень похоже. Вы можете прочитать их?

— Похоже на S... S... O... Кого мы знаем с инициалами S.S.O?

— Никого, кто до сих пор был связан с этим делом. Но эти буквы могли появиться здесь раньше. Однако...

— Да, милорд,— перебил мастер Шон.— Я понял, на что вы намекаете. Мне надо некоторое время, чтобы проверить их. Вы хотите, что бы я наложил на них предохранительное заклинание?

— Если только они не начертаны раньше, чем неделю назад. Кстати, у Стэндиша был нож, когда его нашли?

— Нет, насколько я знаю. А разве этого нет в рапорте?

— Хм-м-м,— лорд Дарси начал рыскать кругом, напомнив мастеру Шону леопарда в поисках ужина. Наконец он остановился у основания скалы, прямо под символами, вырезанными в мягкой глине. Следователь опустился на колени и стал копать.

— Он должен быть где-то рядом,— бормотал Дарси.

— Могу ли я спросить, что вы ищете, милорд?

— Кусок железа, мой дорогой мастер Шон, кусок железа.

Мастер Шон поставил свой саквояж на песок, открыл его и вытащил металлическую палочку. Почти одновременно лорд Дарси воскликнул:

— Ага!

Все еще держа палочку в руках, мастер Шон спросил:

— Что такое, милорд?

— Вот видите,— сказал лорд Дарси, поднимаясь на ноги и показывая какой-то предмет в правой руке.— Voilà, дорогой друг,— складной нож!

Мастер Шон широко улыбнулся:

— Я полагаю, вы бы хотели провести тест на соответствие, милорд? Надписи, резец и труп?

— Конечно. Не убирайте ваш инструмент. Это ведь металлодетектор?

— Вы правы, милорд. Он подсказывает место, где есть хоть что-нибудь металлическое.

— Хорошо. Уберите нож и давайте исследуем место, где нашли тело. Может, мы сможем еще что-нибудь откопать.

Мастер-тауматург направил палочку на песок, держа ее в правой руке, и принялся водить ею взад и впе-

ред. Глаза его были полузакрыты, левую руку он поднял над головой, растопырив пальцы. Каждый раз, когда он останавливался, лорд Дарси начинал раскапывать сухой песок и вытаскивал что-нибудь металлическое — ржавый гвоздь, пряжку ремня, медяк, бронзовый фартинг и даже серебряную монету в полсоверена — но все эти предметы явно уже давно находились тут.

Пока двое внизу работали, стражники молча наблюдали за происходящим со скалы. Беспокоить волшебника во время действия, по меньшей мере, неразумно.

Только одна вещица заинтересовала лорда Дарси: маленький кусочек свинца. Лорд опустил его в карман и продолжал копать. Наконец мастер Шон, проверив песок в радиусе десяти футов, сказал:

— Все, милорд.

Лорд Дарси встал, отряхнул от песка ладони и брюки и посмотрел на коллекцию мусора, которую они разложили на большом камне.

— Жаль, что шестипенсовик не нашли. У нас была бы солидная прибыль. А золота нет.

Мастер Шон рассмеялся:

— Вы ожидали, что найдете полный набор продукции Монетного двора Его Величества, милорд?

— Да нет. Но вот это,— он вытащил из кармана кусочек свинца,— то, что я и ожидал найти. Если я не ошибаюсь, это пуля от «герона» тридцать шестого калибра, того самого, который позже оказался в руках у Стэндиша, и та самая, что пробила ему голову. Вас не затруднит ее проверить, мой дорогой Шон?

Тауматург положил пулю в один из надежных карманов своего вместительного саквояжа, и мужчины побрели по берегу обратно и снова взобрались наверх.

Затем мастер Шон растянулся на камне и, свесившись вниз, осмотрел край скалы. После минутного обследования надписи на песчано-глиняной поверхности мастер Шон взял кое-какие инструменты из саквояжа и снова принялся за работу. Простого связывающего заклинания было достаточно, чтобы

предохранить глину от разрушения. Затем волшебник ловко вырезал кирпич из затвердевшей от слов породы.

Тем временим лорд Дарси отозвал старшего из стражников в сторону и задал ему вопрос.

— Нет, милорд, никаких проблем не возникало,— ответил стражник.— Мы отдежурили три восьмичасовые смены с тех пор, как нашли тело. Я даже не припомню, чтобы кто-нибудь прошел мимо. Никто и близко не подойдет, пока все не выяснится и священник не благословит это место. Хотя были тут одни этим утром.

— Этим утром? — Лорд Дарси вопросительно поднял бровь.

— Да, милорд.— Он взглянул на часы на руке.— Сразу после того, как мы заступили. Как раз шесть часов назад — в восемь двенадцать.

— И что произошло? — спросил его лордство с видимым равнодушием.

— Ну, двое шли по пляжу, с западной стороны. Цыгане. Сегодня с утра их тут целые толпы понаехали на ярмарку в Церковь Святого Матфея. Двое — мужчина и женщина — шли рука об руку. Дэн, то есть стражник Даниэль — вот он,— предупредил их, но они лишь улыбнулись и продолжали идти. Дэн быстро спустился на пляж и преградил им дорогу. Притворились, что не понимают по-англо-французски. Вы же знаете этих цыган! Но Дэн дал им понять, что они не могут пройти дальше, и те ушли. Без проблем.

— Они ушли, не споря?

— Да, милорд, ушли.

— Хорошо. Позаботьтесь, чтобы все оставалось так, как есть.

— Да, милорд.

Мастер Шон отошел от края скалы с большим куском затвердевшей с помощью тауматургии глины и погрузил кирпич в свой вместительный, испещренный символами саквояж.

— Что-нибудь еще, милорд?

— Я думаю, нет. Давайте перекусим.

В палатке неподалеку от поля, где должна была проходить ярмарка, агент *Серки*, командир группы, ответственный за операцию, открыл с виду старый, обшарпанный кожаный чемодан. Внутри чемодан был совершенно новым, а его содержимое очень напоминало содержимое саквояжа мастера Шона.

Он извлек оттуда две маленькие палочки, около шести дюймов в длину, вырезанные из алого кристалла. Серебряная нить обвивала их в пять оборотов. Каждая палочка была зеркальным отражением другой: на одной спираль закручивалась вправо, на другой — влево. Вслед за ними были извлечены два небольших стеклянных флакона; в одном находилась белая жидкость со взвешенными частицами, а во втором — янтарного цвета мелкие гранулы. Набор предметов довершали золотой кованый подсвечник необычной формы, — для свечи диаметром не больше дюйма, и маленькая жаровня. Руки мастера, как и руки любого волшебника, были сильными и ловкими. Тауматург собрался вставить свечу из пчелиного воска в только что извлеченный подсвечник, но вдруг застыл, услышав легкий скрежет у закрытого полога:

— Да?

— Один-три-семь прибыл, — прошептал голос.

Командир расслабился:

— Очень хорошо, пришлите его сюда.

Несколькими секундами позже полог откинулся, и еще один агент *Серки* окунулся в полумрак палатки. Он взглянул на тауматургические приспособления на столе, хмыкнул и сел на стул.

— Думаете, понадобятся?

— Уверенности нет. Но возможно... Вообще-то, не хотелось бы. Лучше избегать любых осложнений с мастером Шоном О Лохлейном. Человека с его силой и способностями лучше вообще не иметь по другую сторону баррикад.

— Извините, командир, но вы уверены, что человек, которого мы видели верхом на осле сегодня утром, действительно был мастер Шон?

— Абсолютно. Мы приходилось слушать его лекции много лет назад в университете Буда-Пешта в конце 1960-х и 1970-х годах. Он тогда защищал степень доктора тауматургии по теоретической и аналоговой математике. Их король оплачивал его труд из личной казны, а он еще и подрабатывал, читая лекции студентам.

— Он сможет узнать вас?

— Думаю, нет. Кто обращает внимание на обычного студента в огромном университете? — командир нетерпеливо махнул рукой.— Докладывайте.

— Да, командир,— живо заговорил агент 137.— Я последовал за человеком на осле, как вы и приказали. Он встретился с каким-то типом. Тот был на лошади. Высокий, жилистый; с привлекательными, скорее, английскими чертами. Он был одет как торговец, но я подозреваю...

Командир кивнул:

— Лорд Дарси, надо полагать. Продолжайте.

— Вы сказали, что они направляются к месту, где нашли тело. Я удостоверился в ваших словах, когда они повернули налево. Я прекратил преследование и галопом поскакал в деревню. Там меня уже ждал номер 202. Дул довольно свежий попутный ветер, и поэтому мы добрались до нужного места раньше них. Мы бросили якорь в двухстах ярдах от берега. Пока номер 202 делал вид, что рыбачил, я наблюдал в бинокль.

Они поговорили со стражниками на вершине скалы, затем спустились на пляж. Один из стражников показал место, где лежало тело. Затем сыщик обошел и осмотрел все вокруг, а у основания скалы зачем-то разгреб руками песок. Он что-то нашел, но я не видел, что именно.Мастер Шон спрятал найденное в саквояж, и около десяти минут они исследовали каждый дюйм песка вокруг с одной из этих длинных металлических палочек — ну, вы знаете,— и он показал рукой на стол с волшебными инструментами.

— Металлодетектор,— ответил командир.— Да, продолжайте.

— Так вот. Лорд Дарси начинал копать каждый раз, когда О Лохлейн останавливался. Они выкопали

кучу мусора, но какой-то предмет заинтересовал их. Я не знаю, что это, не мог разглядеть, но лорд Дарси положил его в карман и потом отдал волшебнику.

— Я знаю, что это было,— нетерпеливо перебил его командир.— Это было единственное, что заинтересовало его?

— Да, насколько я могу судить,— ответил 137-ой.

— Что произошло дальше?

Номер сто тридцать семь пожал плечами.

— Они вернулись наверх. Дарси поговорил с одним из стражников, а другой в это время смотрел, как волшебник делал углубление в скале.

Командир группы нахмурился:

— Сделал углубление? *Углубление?*

— Совершенно верно. Распластался на брюхе и двумя футами ниже края что-то выкопал. Я не видел, что это было. Дыра осталась размером примерно в два человеческих кулака, может, чуть больше.

— Черт побери! Почему ты не мог посмотреть повнимательней!

Агент 137 переменился в лице.

— Очень сложно было рассмотреть, командир. Подойди мы чуть ближе двухсот ярдов, мы тут же привлекли бы к себе внимание. Вы когда-нибудь пытались наблюдать через шестикратный полевой бинокль с легкой лодочки, пляшущей на волнах?

— Успокойтесь. Я не сержусь на вас. Вы и без того отлично поработали. Мне просто хотелось бы обладать более точной информацией.

Взгляд командира стал задумчивым. «Кое-что уже проясняется. О пляже теперь можно забыть. Надо приказать снять наблюдение, туда они больше не вернутся».

— Фиала там нет. Если мастер Шон не нашел его, значит, там его и не было. Если *нашел* — тем более нет, но он и лорд Дарси знают, где теперь эта вещица. Этой проблемой займусь я. Теперь идите и дайте мне подумать.

Агент 137 вышел.

Холл «Зеленой Чайки», после того как все посетители покинули его, выглядел как лондонская железнодорожная машина после часа пик. В общем баре посреди дикого гвалта вино и пиво лились рекой, а в обратном направлении текли медь и серебро. И все это к удовольствию обеих сторон.

В клубном баре было потише, но все-таки шум разношерстной публики доносился и сюда. Здесь гостей обслуживал сам хозяин гостиницы и очень гордился этим. Кроме того, работа тут была легче, а чаевые больше.

— Что-нибудь еще пожелаете? — спросил он, ставя на стол две пинты пива.— Что-нибудь перекусить?

— Не сейчас, добрый человек Дрейк,— ответил отец Арт.— Это подождет.

— Хорошо, отец. Благодарствую.— И тихо удалился.

Лорд Дарси сделал большой глоток пива и вздохнул:

— Прохладное пиво хорошо освежает летним вечером. В «Зеленой Чайке» отличный погреб. Еда тоже неплохая. Мы с мастером Шоном оценили это сегодня днем.

— А где мастер Шон? — спросил священник.

— В тех комнатах, что вы отвели нам в вашем доме,— среди своих приборов, исследует кое-какие улики, которые мы откопали.— Он понизил голос.— Вы узнали что-нибудь о происшедшем той ночью?

— Очень многое,— ответил отец Арт так же тихо.— Еще, конечно, есть белые пятна, но, в общем, я думаю, мы сможем составить цельную картину.Подопечный Стэндиша прибыл в «Зеленую Чайку» во второй половине дня пятого числа и снял номер под именем Ричард Бурк. С собой у него был только плоский чемоданчик, но так как он был на лошади, а чересседельные сумки были чем-то наполнены, решили, что это достойное подтверждение его платежеспособности.В гостинице сдавались только шесть комнат: все на верхнем этаже двухэтажного здания. Две уже были заняты. В 2:10 человек по имени Данглард снял их для себя и для миссис Жизель де Виль. Бурк,— продолжал святой отец,— пришел в пять пятнадцать. Больше никто

не регистрировался в тот вечер. И никто не видел молодого человека, одетого в вечернее платье.— Он сделал паузу и улыбнулся.— Од-на-ко...

— А-а, я знал, что я могу на вас положиться. Так что такое?

Все еще улыбаясь, святой отец поднял палец и сказал:

— Дело о плаще церковного сторожа.

— Объясните!

— У моего сторожа,— сказал отец Арт,— был плащ. На самом деле он был сшит из двух старых попон для лошадей. Конечно, он выглядел не очень красиво, зато был теплый. Сторож работал в нем зимой на улице. Летом он вешал его в конюшне за церковью. Утром шестого июня один из людей, работающих в гостинице, принес его в церковь, спросить, не его ли это — оказался его. Сделайте самое нелепое предположение о том, где его нашли? — спросил отец Арт.

— Окна комнаты, которую занимал Бурк, выходят на улицу или во двор?

— Во двор.

— Тогда его нашли на булыжниках у задней стороны дома.

Улыбка расплылась еще больше. Отец Арт слегка хлопнул в ладоши:

— Совершенно верно, милорд.

Лорд Дарси улыбнулся в ответ.

— Итак, Бурк вошел в комнату до пяти тридцати. Правильно?

— Правильно. Горничная проводила его, открыла комнату и дала ему ключ.

— Его видели после этого?

— Только один раз. Он заказал легкий ужин, и ужин принесли ему около шести. Это был последний раз, когда его видели.

— Кто-нибудь из постояльцев был в гостинице в это время?

— Нет. Дангларс ушел около четырех сорока и не возвращался. Никто не видел, как уходила миссис Жизель,

но когда горничная пришла застелить постели в шесть часов, обе комнаты были пусты.

— Хм-м-м...

Лорд Дарси взглянул на дно своей опустевшей кружки. Через полминуты он произнес:

— Преподобный отец, а того человека в плаще из попоны действительно видели в гостинице, или мы имеем дело с бестелесным призраком?

Губы отца Арта тронула усмешка:

— И да, и нет, милорд. Девушка, которая работала в баре в ту ночь, говорит, что помнит двух чужаков, но сказать о них ничего не может. Она не очень-то смышленая.

Лорд Дарси улыбнулся:

— Хорошо. Предположим, что Стэндиш пришел сюда в украденном и не по сезону теплом плаще. Что произошло здесь и что случилось потом?

Отец Арт зажег свою трубку и, подняв кружку, сделал маленький глоток пива.

— Давайте посмотрим. Стэндиш прибыл в деревушку через час после Бурка — может, чуть больше. Но он не сразу пошел сюда. Он побродил вокруг церкви. Зачем? Не для того, чтобы украсть плащ. Откуда ему было знать о плаще?

Священник сделал две затяжки, его глаза блеснули.

— Ну, конечно! Чтобы привязать лошадь. Он не хотел, чтобы ее видели на площади, и знал, что церковные конюшни — надежное и тихое место. — Он выпустил еще пару клубов дыма. — Хм. Он видит плащ на стене в конюшне и понимает, что тот хорошо скроет его вечернее платье. Он берет плащ и идет в гостиницу. Здесь он удостоверился, что Бурк обосновался надолго, вернулся, взял лошадь и понесся во весь опор в Кайенн, чтобы отправить сообщение сэру Джеймсу. Затем он вернулся в «Зеленую Чайку». Он выждал момент и незамеченным пробрался по лестнице в комнату Бурка.

Священник сделал паузу, нахмурился и отхлебнул еще пива.

— Чуть позже он выбирается из комнаты во двор через окно, и по пути теряет плащ,— отец Арт покачал головой.— Но что произошло между тем, как он поднялся по лестнице и тем, как он потерял плащ, и между этими событиями и его смертью, и не имею ни единого предположения.

— У меня есть несколько,— сказал лорд Дарси,— но все они очень и очень смутные. Мне нужна еще информация. У меня есть несколько вопросов,— он стал загибать пальцы.— Первый: где Бурк? Второй: кто застрелил Стэндиша? Третий: почему он стрелял? Четвертый: что случилось в гостинице? Пятый: что случилось на пляже? И наконец, последний: где Ипсвичский Фиал?

Отец Арт поднял кружку, одним махом допил все содержимое и со стуком опустил ее на стол:

— Не спрашивай меня, спроси у Бога.

Лорд Дарси кивнул.

— В самом деле. Одной из Его величайших черт является то, что если ты правильно задашь правильный вопрос, то Он ответит тебе.

— Вы собираетесь в молитве отыскать ответы на свои вопросы, милорд?

— Что-то вроде этого. Только я уже давно понял, что лучший способ спрашивать Господа — это самому отыскивать необходимые данные.

Отец Арт улыбнулся:

— *Dominus vobiscum.*

— *Et cum spiritu tuo,*— в тон ему ответил лорд Дарси.

— *Excavemus!*

В комнате, отведенной для него в доме святого отца, мастер Шон осторожно расставил на столе свои приборы. «Герон» 36 калибра, принадлежавший Ноэлу Стэндишу, уже был зажат в небольших тисках на одном конце стола. В трех футах от дула на небольшой подставке лежала пуля, найденная лордом Дарси в песке.

Высота подставки была отрегулирована так, чтобы пуля находилась на одном уровне с дулом пистолета. С помощью специальных инструментов Шон О Лохлейн выяснял, совпадают ли насечки на пуле с нарезками ствола пистолета, когда раздался ритмичный кодовый стук в дверь. Волшебник подошел к двери, отодвинул засов и сказал:

— Входите, милорд.

— Надеюсь, я не прервал какой-то важный процесс,— входя, спросил лорд Дарси.

— Вовсе нет, милорд,— мастер Шон снова закрыл дверь на засов.— Я только собирался проводить баллистический тест. Тест на подобие связей уже доказал, что это та самая пуля, которой был убит Стэндиш. Теперь осталось посмотреть, из этого ли пистолета она выпущена. Вы нашли что-нибудь еще?

— Ничего,— признался лорд Дарси.— Мне удалось тщательно осмотреть комнаты в «Зеленой Чайке». И ничего. Абсолютно ничего. У меня есть несколько идей, но никаких улик.— Он показал на пистолет.— Прошу вас, продолжайте, я с удовольствием подожду.

— Это займет всего минуту или около того,— извиняющимся тоном сказал мастер Шон. Он вернулся к столу и продолжил приготовления. Лорд Дарси молча наблюдал. Его лордство довольно хорошо представлял себе принципы, на которых строился этот тест, и видел его уже бесчисленное множество раз. Он попытался вспомнить небольшую лекцию, которую мастер Шон когда-то прочитал ему по этому поводу.

— Видите ли,— объяснял волшебник,— здесь очень важен Закон Соответствия. Большая часть износа пистолета происходит чисто механически. Неважно, кто нажал на курок; газовая эрозия в патроннике и износ, производимый в стволе пулей, имеют одинаковый характер. Для пистолета неважно, кто нажал на курок и в кого при этом стреляли. Но вот для пули существенно, из какого пистолета она вылетела и во что попала. Это можно определить с помощью соответствующего заклинания.

Хотя перед его глазами эта картина разворачивалась уже множество раз, лорд Дарси всегда любил понаблюдать за экспериментом. Он был очень эффектным, если пуля все же подходила к пистолету. Мастер Шон высыпал на пулю и на оружие заранее приготовленный порошок. Затем поднял палочку и прошептал магическое заклинание. С последним слогом раздался резкий металлический звук, и пуля исчезла со своей подставки. «Герон» 36 калибра задрожал в тисках.

Мастер Шон шумно выдохнул:

— Как к себе домой, милорд. Пистолет и пуля в точности соответствуют друг другу.

— Меня всегда удивляет поведение пули, — сказал лорд Дарси.

Мастер Шон рассмеялся:

— Это называется «индуцированный возврат в начальное положение», милорд. Вы еще что-то хотели?

— Да, есть кое-что, — лорд Дарси подошел к своему чемодану, открыл его и вытащил еще один пистолет. Это был великолепной работы «макгрегор» сорокового калибра.

Несколько секунд он осматривал оружие и спросил:

— За сколько часов до того, как нашли тело, умер Стэндиш?

Мастер Шон задумался:

— Волшебник-криминалист Кайенна, хороший специалист, поставил время не более пятнадцати минут. Мои же исследования показали, что скорее он умер за двадцать пять минут до того, как его тело было обнаружено. Однако следует учесть, что даже самое хорошее заклинание все же стирает некоторые приметы, по которым можно делать более точные заключения.

Лорд Дарси засунул «макгрегор» в точно подогнанную по размеру кобуру и надел ее под пиджак.

— Другими словами, вы отметили обычную для такого случая ауру. Синяки и переломы были получены непосредственно перед смертью?

— Именно так, милорд. Примерно за три часа до смерти.

— Понятно... Интересно. Очень интересно.— Следователь взглянул на себя в зеркало и поправил шейный платок.— У вас еще есть работа?

— Только подвергнуть анализу саму пулю,— ответил мастер Шон.

Лорд Дарси отвернулся от зеркала.

— Я собираюсь пойти прогуляться по деревушке и, возможно, зайду на ярмарку и в палаточный городок. Я не думаю, что со мной может что-то случиться, но все же я не хотел бы пропадать из виду.

— Разумеется, милорд,— смиренно ответил волшебник. Он открыл свой испещренный загадочными символами саквояж и достал оттуда небольшую деревянную шкатулку. В ней оказались маленькие палочки, очень похожие на зубочистки, не более дюйма длиной,— однако они не были заострены с обеих сторон, а имели форму цилиндра, и изготовлены были не из сосновой древесины, а из прессованного пепла. Маг выбрал одну из них, а шкатулку положил обратно в саквояж. Лорд Дарси взял маленький цилиндр большим и указательным пальцами правой руки.

Затем мастер Шон взял маленький золотой флакон и капнул резко пахнущим маслом на большой палец своей правой руки, а потом провел этим пальцем по палочке из прессованного пепла, которую держал его напарник,— от пальца лорда Дарси до противоположного конца. Затем крепко сжал палочку большим и указательным пальцами.

Быстрое движение обеих запястий — и палочка разломилась.

Но психически и символически половинки оставались частями неразрывного целого. До тех пор, пока у каждого из двоих людей оставалась своя половинка, между ними существовала неразрывная связь.

— Спасибо, старина Шон,— поблагодарил лорд Дарси.— А теперь я пойду наслаждаться ночной жизнью этой многолюдной столицы.

С этими словами он ушел, а мастер Шон вернулся к своей работе.

Когда лорд Дарси шагнул за ворота церковного двора, солнце уже расположилось на линии горизонта жирным красно-оранжевым эллипсоидом. Оно должно было скрыться через несколько минут. Длинная тень от шпиля церкви насквозь пронзала деревушку, насадив на кончик ближайшее поле.

В лучах заходящего солнца краски знамен и флагов ярмарки стали сочнее и ярче. День был великолепным, тихим и ясным, и по прогнозам Бюро погоды назавтра погода ожидалась ничуть не хуже. И ночь обещала быть восхитительной.

— Извините, милорд, вы — лорд Дарси?

Его лордство заметил обратившуюся к нему женщину, когда она выходила из церкви, но на главной площади было столько народу, что он почти не обратил на нее внимания. Теперь же, получше рассмотрев ее, Дарси был приятно удивлен. Такого милого создания он уже давно не видел.

— Да, дамозель, это я,— ответил он с улыбкой.— Но боюсь, у вас передо мной есть некоторое преимущество.

Она улыбнулась робко, почти застенчиво.

— Меня зовут Шаролта.

Ее имя, легкий акцент и одежда выдавали принадлежность к цыганам. Длинные темные волосы, темные глаза, правильной формы нос, пухлые, почти безупречные губы и великолепная фигура, подчеркнутая цыганским платьем... Эта женщина была слишком хороша.

— Могу я чем-нибудь помочь вам, дамозель Шаролта?

Она покачала головой:

— Нет-нет. Мне ничего не нужно. Но, может быть, я смогу быть вам полезна.— Ему показалось, что ее голос слегка дрожит.— Мы можем уйти отсюда и поговорить?

— Куда, например? — осторожно спросил лорд Дарси.

— Куда прикажете, милорд. Куда угодно, где мы были бы одни,— девушка осеклась.— То есть не то чтобы *совсем одни*. Я хотела сказать — туда, где мы сможем поговорить. Ну, вы понимаете.

— Конечно. Время вечерни еще не наступило, так что я предлагаю пойти в церковь,— сказал лорд Дарси.

— Да-да. Это было бы замечательно,— она улыбнулась.— Там не должно быть много народу. Замечательно.

В церкви святого Матфея было довольно темно, но не мрачно. Трепещущие огоньки свечей у изваяний и икон походили на горсти звезд, забытых на земле.

Лорд Дарси и дамозель Шаролта сели на заднюю скамью. В церкви находилось около дюжины человек, но почти все они собрались вблизи алтаря, поэтому никто не мог услышать разговор.

Лорд Дарси терпеливо ждал, пока девушка заговорит первая. Цыганку что-то тяготило, и она довольно долго молчала.

— Вы великий лорд Дарси, знаменитый следователь,— внезапно заговорила Шаролта.— Вы расследуете причины смерти бедного доброго человека Стэндиша, которого нашли на пляже неделю назад. Все это верно?

Лорд Дарси молча кивнул.

— Тогда он умер не просто так, иначе бы вас здесь не было. Поэтому я должна рассказать все, что я знаю.

Неделю назад к нашему стану подошли пятеро мужчин. Он сказали, что они из рода Чанро — Меч, по-вашему,— который живет в районе Буда-Пешта. Их главарь, он назвался Сувом (это значит — Игла), попросил у нашего старшего помощи и пристанища. Им дали прибежище. Но вели они себя очень скрытно. Вы не подумайте, вели они себя хорошо, я не говорю, что они были грубы или непочтительны, нет. Но — как это говорится? — с ними что-то было *не так*. Сегодня утром, например — я должна вам об этом сказать,— человек, который назвал себя Сувом, сказал, что

хочет, чтобы я пошла с ним и прогулялась по берегу. Я не хотела, так как он мне не нравился, ну, как мужчина,— вы понимаете?

Его лордство снова кивнул:

— Конечно.

— Но он сказал, что не хочет ничего такого. Он просто идет прогуляться по берегу, а одному ему будет скучно. Поэтому он и попросил пойти меня с ним и обещал показать мне морскую живность — моллюсков, оставленных приливом, водоросли и всякую другую мелочь. Мне стало интересно, я подумала, что ничего плохого не случится, и пошла.

Он сдержал свое слово. Не приставал ко мне. Сначала все было хорошо — он показывал мне лужицы, оставшиеся после отлива, и живность в них. В одной даже была медуза,— Шаролта наконец, оторвала взгляд от своих рук и подняла хмурое лицо к лорду Дарси.— Затем мы подошли к тому месту, где нашли тело. Я хотела повернуть обратно, но он сказал, что хочет подойти поближе и посмотреть. Я ответила, что не пойду, и остановилась. Тогда он пригрозил, что сломает мне руку, и я пошла с ним.— Казалось, тело девушки под легким платьем пробрала дрожь.— Когда показался стражник, он продолжал идти вперед, притворяясь, что не понимает англо-французского. Потом мы увидели, что их двое — стражников, я имею в виду,— и тогда пошли обратно. Сув был в ярости.

Она умолкла и, казалось, больше ничего рассказывать не собиралась.

— Моя дорогая,— мягко спросил лорд Дарси,— разве цыгане обращаются с такими делами к властям? По-моему, они сами в них разбираются. Не так ли?

— Да, милорд. Но они не цыгане.

— Да?

— Как-то раз я проходила мимо их палатки, когда они разговаривали, думая, что их никто не слышит. Я не очень-то хорошо в этом разбираюсь, но я узнала язык — они говорили на бург-немецком.

— Понятно, — сказал лорд Дарси задумчиво. Бранденбургский немецкий был официальным языком польского двора. Дело становилось весьма интересным.

— Как вы думаете, дамозель, — спросил он, — вы сможете указать мне этого Сува?

Она посмотрела на него своими огромными глазами и улыбнулась.

— Конечно, могла бы, милорд. Идемте. Запахните свой плащ, пока мы будем идти через деревню.

За пределами церкви тьма рассеивалась лишь несколькими газовыми фонарями, как того требовал закон, и четвертью луны, смотревшей с неба, как полуприкрытый глаз. В тени церковного крыльца лорд Дарси, к своему собственному удивлению, обнял девушку и поцеловал ее. Она не сопротивлялась. Прежде чем они шагнули на освещенную улицу, прошло несколько безмолвных минут.

Мастер Шон проснулся с Ангелусом, в шесть часов. Быстро сфокусировав свою ментальную силу на лорде Дарси, он понял, что с тем все в порядке. А по-другому и быть не могло. Если бы с ним что-то случилось, мастер Шон тут же проснулся бы.

С не оставлявшим его странным чувством мастер Шон спустился к семичасовой мессе. Во время молитвы святому Бэзилу что-то тревожило мастера-тауматурга, и собраться с мыслями он смог только к Санктусу.

После мессы мастер поднялся в скромный кабинет отца Арта, куда его попросили явиться как можно скорее, и к своему удивлению, волшебник увидел там рядом со священником сэра Джеймса ле Лейна.

— Доброе утро, мастер Шон, — спокойно приветствовал его сэр Джеймс. — Вы нашли Фиал?

Волшебник покачал головой.

— Нет, насколько я знаю.

Сэр Джеймс откусил кусочек бисквита и сделал глоток горячего черного кофе. Несмотря на спокойное

приветствие, мастер Шон видел, что сэр Джеймс сильно встревожен.

— Боюсь,— осторожно продолжил сэр Джеймс,— нас перехитрили.

- Как так? — спросил отец Арт.

— Или *Серка* заполучила Фиал, или они думают, что мы его надежно от них спрятали. Поляки свернули все дела.— Он отпил еще кофе.— Сразу после полуночи все известные агенты *Серки*, действовавшие здесь, исчезли из поля зрения наших людей. Уже в течение восьми часов мы не видим ни одного. Мы полагаем, что кто-то из них уехал на юг, через Кайенн; кто-то на запад через Шербур; другие направляются на восток через Харфлер.

Мастер Шон нахмурился:

— Вы думаете...

— Мы думаем, что они отыскали Ипсвичский Фиал, и один из их людей сейчас везет его в Краков или, по крайней мере, в сторону польских границ. Мы подняли на ноги всю агентурную сеть. Остается надеяться, что мы сумеем отыскать человека с Фиалом. В противном случае...— Он закрыл глаза.— В противном случае, нужно ожидать нападения армии Его Славянского Величества с территории одного или нескольких германских государств. Господь да поможет нам!

Пауза длилась целую вечность. Наконец мастер Шон проговорил:

— Сэр Джеймс, есть ли какая-либо возможность, что Ноэл Стэндиш вскрыл Фиал ножом?

— Не знаю. Я почему вы спрашиваете?

— В том месте, где было найдено тело Стэндиша, мы нашли нож. Я обнаружил частицы золота на лезвии.

— Можно взглянуть? — попросил сэр Джеймс.

— Конечно. Я принесу его. Извините, я на минуту.

Волшебник покинул кабинет и пошел по узкому коридору, ведущему к его комнатам. С колокольни церкви послышался легкий звон малого колокола. Началась восьмичасовая месса. Мастер Шон открыл дверь своей комнаты... и замер.

Прошло несколько бесконечных мгновений, прежде чем он обрел дар речи. Не двигаясь с места, он закричал:

— Сэр Джеймс! Отец Арт! Сюда! Скорее!

Оба прибежали и остановились перед дверью.

— Что случилось? — раздраженно спросил сэр Джеймс.

— Кто-то,— прогремел мастер Шон,— пробрался в мою комнату! Такие фокусы заставляют меня вспомнить, что я ирландец! — Когда мастер Шон волновался, в его речи проявлялся ирландский акцент, почти незаметный во время спокойного разговора или чтения лекций. Но когда он был рассержен...

Широкими шагами мастер Шон вошел в комнату, чтобы осмотреть столик, на котором он проводил свои тауматургические опыты. Посередине стола, там, где лежал глиняный кирпич, осталась лишь груда осколков.

— Они уничтожили улику! Вы только посмотрите на это! — мастер Шон указал на куски глины на столе.— Что здесь произошло, хотел бы я знать!

Мастер Шон рассказал о буквах, которые были высечены на скале, и как он вырезал часть глины для более тщательного исследования.

— Они были сделаны вот этим.— Он указал на нож, лежавший рядом на столе.— Но я не успел еще проверить его на соответствие Стэндишу.

— Это на этом лезвии вы нашли частицы золота? — спросил сэр Джеймс.

— Да.

— Это нож Стэндиша. Я его видел много раз. Я даже могу сказать, как он повредил рукоятку слоновой кости.— Сэр Джеймс задумался, припоминая.— S...S...O...— Он покачал головой. Мне эти буквы ничего не говорят. Я даже не имею представления, что это могло значить для Стэндиша.

— Мне тоже ничего не говорят,— подтвердил отец Арт.

— Стэндиш должен был находиться на вершине утеса, когда писал это,— сказал пухлый ирландский вол-

шебник. — То, что было справа от него, окажется слева от того, кто стоит внизу. Как насчет OSS?

Сэр Джеймс снова задумался. Опять покачал головой:

— Все равно ничего, мастер Шон. Преподобный отец?

Священник повторил его движение головой:

— Боюсь, ничего.

Сэр Джеймс заговорил о случившемся:

— Это, очевидно, дело рук агента *Серки*. Но почему? И как он попал сюда, и вы об этом не узнали?

Мастер Шон нахмурился:

— Это был волшебник. Во-первых, он превзошел сам себя, иначе бы ему ни за что не удалось бы снять заклинание, которое позволяет открыть эту дверь только мне или его лордству. Во-вторых, он точно выбрал время — когда я был на мессе и мои мысли были сосредоточены на другом, и я не заметил, что он пробрался в комнату. Если бы я сам это делал, то начал бы ровно с первыми ударами Санктуса. После этого — нет проблем. — Он выглядел мрачным. — Я просто никак не ожидал, что такое может произойти.

— Хотел бы я взглянуть на эти надписи, — сказал сэр Джеймс.

— Я думаю, вы сможете увидеть, если они не... — Мастер Шон открыл один из ящиков. — Нет, не взяли. — Волшебник вытащил гипсовую пластину.

— Я сделал этот отпечаток в быстро застывающем гипсе. Изображение, конечно, перевернуто, но с помощью зеркала вы увидите, как это было на самом деле.

Сэр Джеймс взял слепок, но его взгляд был по-прежнему прикован к раскрошенной глине.

— А вы не думаете, что Стэндиш мог спрятать Ипсвичский Фиал в глине?

Глаза мастера Шона расширились:

— Великие небеса! Конечно, мог! Фиал защищен психическим полем со стабилизированной аурой, и поэтому я не ощущаю его.

Сэр Джеймс тяжело вздохнул:

— Вот и ответ на вопрос «почему», не так ли?

— Похоже на то,— пробормотал отец Арт.

С унылым видом сэр Джеймс поднес гипсовый слепок к зеркалу гардероба:

— SSO. Нет, подождите,— он перевернул изображение — и его длинное лицо внезапно побледнело.— О, Господи, нет,— тихо проговорил он.— Только не это!

— Что такое? — спросил священник.— OSS что-то значит?

— Не OSS,— объяснил сэр Джеймс еще тише,— а 055. Номер 055 — агент *Серки* — Ольга Половски. Самая красивая и опасная женщина в Европе.

И именно в этот момент погасло солнце.

Преподобный отец Маккенналти повернулся к собравшимся и попросил склонить голову перед Всемогущим, когда солнце словно бы скрылось за облаком. Лучи, падавшие на внутреннее убранство церкви сквозь оконные витражи, потускнели. Даже свечи на алтаре, казалось, горели теперь не так ярко.

Священник не обратил на это внимания; тут не было ничего необычного. Не делая паузы, он предложил пастве возблагодарить Бога и продолжил мессу.

В комнатах мастера Шона воцарилась полная темнота. Трое мужчин несколько секунд стояли в безмолвии.

— Его вскрыли,— проронил сэр Джеймс в кромешной тьме. В его голосе не было ни удивления, ни паники.

— Вы обманули его лордство,— сделал вывод мастер Шон.

— Действительно,— подтвердил отец Арт.

— Что вы имеете в виду? — вспылил сэр Джеймс.

— Вы сказали,— голос маленького ирландца прожег воздух, как серная кислота,— что не имеете ни малейшего представления о том, что такое Ипсвичский Фиал.

— А почему вы решили, что я знаю?

— Во-первых, эта темнота не стала для вас сюрпризом. Во-вторых, вы должны были знать то, что знал Ноэл Стэндиш.

— У меня был приказ,— повысил голос сэр Джеймс ле Лейн.— И сейчас не время это обсуждать. Тут черт знает, что творится. Я...

— *Слушайте!* — внезапно перебил их отец Арт.— *Слушайте!*

В темноте до их слуха донесся мелодичный перезвон Санктуса.

Свят... Свят... Свят... Господь Саваоф...

— Что?..— в шепоте сэра Джеймса появились раздражительные ноты.

— Вы не понимаете? — спросил отец Арт.— Тьма не достигла церкви. Отец Маккенналти может продолжать мессу и в темноте, по памяти. Но вот не думаю, чтобы прихожане остались бы столь же спокойными. Однако не слышно, чтобы поднялась паника.

— Вы правы, отец,— сказал мастер Шон.— Это дает нам некоторые шансы, не так ли? Давайте посмотрим, сможем ли мы добраться до церкви. Его лордство может быть в беде.

— Идите за мной,— ответил священник.— Я знаю этот дом, как свои пять пальцев. Давайте руку, я поведу вас.

Трое мужчин осторожно двинулись сквозь тьму к свету. Не успели они дойти до лестницы, как солнце вновь осветило все вокруг.

Лорд Дарси въехал во внутренний дворик церкви святого Матфея, где его ждали четверо мужчин. Церковный сторож принял у него лошадь, как только он спешился, и увел ее в стойло. Остальные трое стояли на месте, ожидая, пока лорд подойдет к ним.

— Могу я рассчитывать на чашку кофе с большим количеством бренди и яичницу с ветчиной? — спросил лорд Дарси с мечтательной улыбкой на губах.—

Если все вместе не получится, то хотя бы кофе с бренди.

— Что произошло? — выпалил сэр Джеймс.

Лорд Дарси сделал неопределенный жест рукой:

— Всему свое время. Ничего страшного, могу вас заверить.

— Думаю, такой завтрак можно устроить,— улыбнулся отец Арт.— Идемте.

Большую чашку кофе с бренди отец Арт принес сразу.

— Яичница с ветчиной скоро будет готова,— сказал священник.

— Замечательно. Вы — прекрасный хозяин, святой отец.— Лорд Дарси одним глотком выпил добрую половину чашки. Затем большим и указательным пальцами выудил из кармана плаща маленький золотой цилиндр.— Да, кстати. Сэр Джеймс, вот ваша игрушка.

Сэр Джеймс взял цилиндр и уставился на него, а мастер Шон нахмурился так, что его глаза почти совсем скрылись в образовавшихся морщинах.

— Пробку вскрывали,— вымолвил, наконец, сэр Джеймс.

— Да. Это сделал ваш человек — Стэндиш. Я предлагаю вам отдать эту штучку мастеру Шону, чтобы он снова ее запечатал, прежде чем вы повезете ее обратно в Ипсвич.

Сэр Джеймс протянул Фиал мастеру Шону.

— Как вам удалось отобрать его у них? — спросил королевский агент.

— Я не отбирал.— Лорд Дарси откинулся на спинку кресла.— Если вы будете чуточку терпеливее, я все объясню. Прошлым вечером ко мне подошла некая молодая женщина...

Его лордство дословно повторил весь разговор, подробно описал и передал жесты и выражения девушки во время их краткой беседы в церкви.

— И вы пошли с ней? — недоверчиво спросил сэр Джеймс.

— Конечно. По двум веским причинам. Во-первых, я должен был выяснить, что скрывалось за ее рассказом. Во-вторых, я влюбился.

Сэр Джеймс вытаращил глаза. Лицо мастера Шона утратило всякое выражение. Отец Арт поднял глаза к небесам. Сэр Джеймс первый овладел своим голосом:

— Влюбился?! — Он почти кричал.

Лорд Дарси спокойно кивнул:

— Влюбился. По уши. Безумно. Страстно.

Ноги сэра Джеймса стали ватными.

— Вы с ума сошли, Дарси? Вы не поняли, что эта женщина агент *Серки*?

— Так я и предполагал. Сядьте, Джеймс. Успокойтесь.

Сэр Джеймс медленно опустился на стул.

— Теперь внимайте,— продолжил лорд Дарси.— Конечно, я знал, что она шпионка. Если вы внимательно меня слушали, то наверняка заметили, что она сказала, что я расследую убийство *Стэндиша*. А все в округе знают, что тело опознали как *Бурка*. Ясно, что она узнала Стэндиша и знала его имя.

— Стэндиш тоже узнал ее,— перебил сэр Джеймс.— Секретный агент *Серки*, номер 055. Настоящее имя Ольга Половски.

— *Ольга*,— повторил лорд Дарси, смакуя слово.— Какое красивое имя, не правда ли?

— Прелестно. Очаровательно. И несмотря на то, что эта девица польский агент, вы полюбили ее?

— Я этого не говорил, сэр Джеймс,— парировал лорд Дарси.— Я не сказал, что полюбил ее. Я сказал — *влюбился* в нее. Здесь существенная разница, и у меня достаточно опыта, чтобы отличить одно от другого. Вы сказали «очаровательно» — весьма точное определение. Чувства были вызваны искусственно, чарами. Она волшебница.

Мастер Шон неожиданно щелкнул пальцами:

— Так вот где я слышал это имя раньше! Ольга Половски! Шесть лет назад она была студенткой в Буда-Пеште. Хорошая студентка с очень сильным Талантом. Неудивительно, что вы влюбились в нее.

Сэр Джеймс сузил глаза:

— Понятно. Целью было получение информации. И у нее получилось?

— В каком-то смысле,— рассмеялся лорд Дарси.— Я соловьем заливался. Льстивая Кантата лорда Дарси, спетая чисто, без единой фальшивой нотки, сорвала бы самые бурные аплодисменты и встала бы в один ряд с величайшими произведениями искусства двадцатого века. Извините меня, я, кажется, впадаю в эйфорию...

— Вы уже достаточно погладили себя по голове, милорд,— прервал его сэр Джеймс. Он был на пределе.— Чем же закончилось это соло баритона?

— В действительности это был дуэт. Это была череда вопросов и ответов. Основой моей партии была тема простого криминального следователя, и ничего более. Кроме смутных слухов, я ничего не знал о том, что Секретная служба Его Императорского Величества чем-то встревожена. Но по каким-то причинам задержание убийцы было очень важно для службы, поэтому ее агенты и вертелись вокруг, помогая мне. Но они больше мешают, нежели помогают.

Он сделал паузу, чтобы отпить еще немного кофе с бренди и продолжил:

— И... ах, да... Я также сказал, что из Англии должны прибыть еще люди, и что четыре дня назад вооруженная до зубов группа из четырех человек привела быстроходную яхту военно-морского флота из Харфлера в Лондон.

Сэр Джеймс на секунду нахмурился, но тут же его лицо прояснилось:

— Вы дали понять, что мы уже нашли Фиал и что он в надежном месте в Англии.

— Именно так. И так как Ольга ничего не слышала о таком секретном рейсе, то была уверена, что это не блеф. В результате она свернула операцию. Около полуночи девушка извинилась, отлучилась ненадолго и с кем-то переговорила. Я думаю, это был второй командир операции, тот жестокий Сув. И ее люди разъехались в разные стороны.

— А она нет?

— Конечно, нет. Зачем девушке вызывать у меня подозрения? Лучше присмотреть за мной, пока ее люди не окажутся на безопасном расстоянии. Мы расстались сразу после рассвета, и...

— И вы провели с ней время от заката до рассвета? Почему так долго?

Самолюбие Дарси было задето:

— Мой дорогой Джеймс, вы, конечно же, не думаете, что я мог просто выдать ей всю дезинформацию в течение получаса, и чтобы она ничего при этом не заподозрила? Я должен был позволить ей вытаскивать из меня слово за словом. И кроме того, я должен был сделать так, чтобы и она выдала мне информации больше, чем хотела. Ольга, конечно, должна была вести себя очень осторожно, чтобы я ничего не заподозрил. Могу вас уверить, это была длительная и деликатная игра.

Сэр Джеймс приложил огромные усилия, чтобы не выдать свои мысли:

— Могу себе представить.

Отец Арт смотрел в окно, лениво посасывая трубку. Казалось, он так глубоко ушел в себя, что едва ли слышал хоть слово из рассказа лорда Дарси.

Мастер Шон поспешил вставить:

— Значит, это вы разбили глиняный кирпич, милорд?

— Да, я. Извините, что не предупредил вас. Но вы были на мессе, а я спешил. Видите ли, существовало только два места, где мог находиться Фиал, и сначала я заглянул туда, где, по моим расчетам, он мог находиться с меньшей вероятностью — в куске глины. Стэндиш мог спрятать его там, но мне это казалось не очень правдоподобным. Но тем не менее я должен был проверить. Его там не было. Я сел на лошадь и поехал туда, где нашли тело. Я понял, что Фиал должен был быть у Стэндиша с собой. Он открыл его, чтобы уйти от преследователя. Думаю, мастер Шон лучше знает, как действует Фиал, а я знаю только, что он ослепляет всех в радиусе примерно полутора миль.

Мастер Шон откашлялся, как перед началом лекции:

— Это сродни так называемой психической слепоте. С глазами ничего не происходит, но в мозгу блокируются нервные центры, отвечающие за зрение. Фиал содержит тауматургически заряженный стержень, прикрепленный к пробке. Когда открывается пробка и вытаскивается стержень, тьма окружает всех. Поэтому сам Фиал и окружен психическим полем со стабилизированной аурой.

— Но он не ослепляет того, кто держит его в руках,— сказал лорд Дарси.— Только краски теряются, все становится серым, бесцветным, но видеть все же можно.

— На пробку наложено охранительное заклинание,— пояснил маленький ирландский волшебник.

— Так *где* был этот проклятый Фиал? — не выдержал сэр Джеймс.

— Он был зарыт в песок, вплотную к тому большому камню, возле которого было найдено тело. Я раскопал песок и нашел его.— Лорд Дарси помрачнел.— Мне кажется, мои аналитические способности изменяют мне, иначе мы бы с мастером Шоном нашли бы его еще вчера. Я понадеялся на его металлодетектор. И вот... Мастер Шон доходчиво объяснил мне, что психическое поле способно сделать человека невидимым, тоже психически, разумеется. Он говорил о Стэндише, но я должен был понять, что та же логика применима и к Ипсвичскому Фиалу.

— Если бы вы сказали мне, что ищете, милорд...— мягко укорил мастер Шон.

Лорд Дарси грустно улыбнулся.

— После стольких лет, проведенных вместе, мой дорогой Шон, мы все еще иногда не до конца понимаем друг друга. Я полагал, что вы догадались, что мы ищем, хотя вы и не детектив. А вы подумали, что я знаю о психическом поле, хотя я и не тауматург.

— Я все еще не улавливаю всю цепь событий,— сказал отец Арт.— Вы не могли бы нам разъяснить... Что все-таки Стэндиш делал на берегу?

— Хорошо. Тогда нам придется вернуться к ночи перед убийством.

Он следовал за загадочным Бурком. Когда тот обосновался в «Зеленой Чайке», Стэндиш поехал в Кайенн, послал вам, Джеймс, сообщение по телесону, вернулся обратно, взял плащ церковного сторожа и пришел в гостиницу. Он улучил момент и незамеченным пробрался по лестнице в комнату, предположительно, чтобы забрать Фиал.

Но вы не должны забывать, что это всего лишь мои предположения. Я не могу доказать их и не знаю, как это сделать. У меня нет улик, которые *доказали* бы мои догадки, и я не могу раздобыть их. Но все, что у меня *есть*, говорит именно о такой последовательности событий. Мастер Шон утверждает, что я обладаю своеобразным Талантом — способностью перескакивать от ничем не подкрепленных предположений к заранее известному решению загадки, а затем отыскивать улики, его подтверждающие. Может, и так. Во всяком случае, я знаю, что случилось. Стэндиш вошел в комнату Бурка, чтобы арестовать его. Он знал, что тот в комнате, потому что был психически сконцентрирован на нем. Но когда он ворвался в комнату, на его пути встала женщина — женщина, которую он знал. Она была также удивлена, увидев Стэндиша. Не знаю, кто из них первым сумел собраться с мыслями, но почти уверен, что она. Номер 055 очень быстро реагирует на ситуацию, поверьте мне. Но Стэндиш был сильнее ее. В следующую секунду он ударил ее по шее, и она упала без сознания. Прошлой ночью я заметил синяк на ее шее.

Стэндиш обыскал комнату и нашел Фиал. К несчастью, шум привлек внимание двух или трех агентов *Серки*, помощников номера 055. Ему пришлось уходить через окно, и при этом он потерял украденный плащ. Его стали преследовать. Он побежал на пляж и...

— Одну минуту,— прервал сэр Джеймс,— вы хотите сказать, что Бурк — это переодетая Ольга Половски?

— Конечно. Она великолепная актриса. Бурк должен был исчезнуть. Она знала, что Секретная служба будет следить за ней, и не хотела оставлять следов. Но она не предполагала, что Стэндиш так близко от нее, потому что он был психически невидим. Поэтому она была шокирована, когда Стэндиш распахнул дверь комнаты.

В любом случае, он побежал на пляж. Больше некуда пойти в такой час. Церковь? Но они бы заперли его там в ловушку. Должен признать, у меня очень смутное представление о том, что произошло во время этой погони. Но примем ко вниманию, что два дня он скакал верхом без передышки, а Ольга еще больше выбила его из колеи. Так или иначе, он обнаружил себя стоящим на краю скалы. Агенты *Серки* приближались. Ночь была безлунной, звезды едва освещали дорогу, но у одного из поляков был фонарь.

Стэдиш все же попал в ловушку. Он не видел, ни как можно спуститься со скалы, ни что там внизу. Он лег, распластался на животе и лежал не шелохнувшись. Но агенты все приближались. И Стэндиш решил избавиться от Фиала. Пусть лучше он пропадет вовсе, чем окажется в руках короля Казимира. Стэндиш вытащил нож и вырезал на обрыве «055», чтобы другие могли найти нужное место, если его самого убьют. Мне кажется, он собирался спрятать Фиал в глине. Я не думаю, что он мог ясно мыслить в той ситуации. Когда люди *Серки* подошли слишком близко и могли заметить его в любой момент, Стэндиш срезал печать с Фиала и открыл его.Так как он видел, хотя и смутно, своих преследователей, а они его нет, и мог выиграть время. Стэндиш, скорее всего, решил пройти между поляками и вернуться в деревню. Там он смог бы спрятаться. Он встал, повернулся — и в этот момент оступился. Он упал на песок с высоты двадцати футов.

Лорд Дарси замолчал.

Отец Арт, обдумывая только что услышанное, спросил:

— У него ведь был пистолет. Почему он не воспользовался им?

— Потому что и у его врагов были пистолеты, а он не знал, сколько их. Стэндиш не хотел выдавать себя вспышками выстрелов,— ответил лорд Дарси.— Итак, он упал и сломал ребра и вывихнул руку. Скорее всего, он потерял сознание на какое-то время. Ненадолго. Когда же пришел в себя, то понял, что недооценил своего преимущества: агенты *Серки* не увидели бы вспышек выстрелов пистолета. Тяжело раненый, он ждал их.

— Удивительно,— прервал отец Арт,— как он только не потерял обе части Фиала, когда падал. Видимо, он крепко держался за свою жизнь.

— Стэндиш держался за нее обеими руками,— мрачно сказал сэр Джеймс.— Продолжайте, милорд.

— К тому времени поляки осознали свое положение. Они не знали, ни насколько тяжело ранен Стэндиш, ни где он в точности находится. Он мог ускользнуть от них. Агенты решили вернуться. Они уходили медленно, ведь им приходилось идти на ощупь. Добравшись до Старой Береговой дороги, поляки почувствовали себя более уверенно и прибавили шагу. К этому времени Стэндиш почти терял сознание. Но ему надо было спрятать Фиал — поэтому он и закопал его в песок у скалы. Там я его и отыскал.

— Милорд,— спросил мастер Шон,— но я все еще не понял, кто убил Стэндиша и почему.

— Ах, это. Почему — было понятно с самого начала. Не так ли, отец Арт?

Преподобный отец уставился на лорда Дарси:

— Прошу прощения, но *мне* понятно не было.

Лорд Дарси повернул голову:

— Сэр Джеймс?

— Нет.

— О, Господи. Тогда, я думаю, придется опять вернуться чуть-чуть назад. Смотрите: дамозель Ольга, чтобы замести следы, хотела избавиться от Бурка. Но если Бурк исчезнет в никуда и одновременно ниоткуда

появится кто-то другой, даже идиот заподозрит связь между этими двумя людьми. Это надо было как-то обставить. Кто-то, никак не связанный с Бурком, должен был появиться в «Зеленой Чайке» *до того*, как там покажется Бурк. И что же происходит? Кучер по имени Дангларс появляется в гостинице. Этот слуга заказывает комнаты для себя и своей госпожи, миссис Жизель де Виль. Кстати, этот Дангларс и Сув одно и то же лицо. Но кто видел миссис Жизель де Виль? Никто. *До следующего утра она — только запись в регистрационной книге.*

По первоначальному плану Бурк и миссис Жизель де Виль должны были поочередно показываться в гостинице, так, чтобы никто не уловил никакой связи между ними. Появление Стэндиша все изменило, но тут же была придумана другая схема действий. Миссис Жизель *должна была* убить его. Вот доказательство. Стэндиш умер — поправьте, если я не прав, мастер Шон,— примерно в то время, когда нашли его тело... Плюс-минус пятнадцать минут.

Мастер Шон кивнул.

— Естественно,— продолжал его лордство,— мы всегда предполагаем, что это *минус* пятнадцать минут, то есть на пятнадцать минут раньше. А теперь подумайте, как человек мог быть убит *после* того, как нашли тело? Вокруг ведь никого не было! Кто его мог убить?! Фермер и его сыновья увидели бы, что кто-то идет по дороге. А если убийца шел берегом — остались бы следы. Однако на песке были лишь отпечатки ног миссис Жизель.

Таким образом, получается примерно следующее: номеру 055, все еще не до конца пришедшей в себя, сообщили, что Стэндиша потеряли из вида. Но она достаточно умна, чтобы понять, что же произошло на самом деле. Как только ноющая боль от удара позволила ей собраться с силами, она надела личину миссис Жизель и приказала своему кучеру отвезти ее на пляж, на то самое место. Она спустилась на пляж и увидела Стэндиша. Тем временем Ноэл пришел в себя. Он от-

крыл глаза и увидел Ольгу Половски. В руке у него все еще было оружие. Он попытался навести на нее пистолет. Она прыгнула, спасаясь от пули. Они начали бороться, пистолет выстрелил. *Finis.*

— А почему фермеры не услышали выстрела? — спросил мастер Шон.

— На таком расстоянии, за скалами, да еще когда дует ветер, шумит море,— трудно услышать выстрел пистолета. Удивительно другое, как дуло оказалось у виска Стэндиша? Но я думаю, он настолько ослаб, что это было не так трудно.

— Ее следы заканчивались на расстоянии пяти футов от тела? На сухом песке не было никаких отпечатков,— пытался найти несоответствие сэр Джеймс.

— Частично она сама сровняла песок, а остальное за нее доделал ветер. Ее слегка лихорадило, но мозг продолжал работать четко. Она обыскала тело в поисках Фиала. Ольга не хотела оставлять никаких улик, надеялась, что прилив успеет смыть следы. Не найдя Фиал, вернулась к Дангларсу-Суву, чтобы посоветоваться, что делать дальше. Но там увидела фермеров, и ей ничего не оставалось делать, как блефовать. И она великолепно сыграла свою роль.

— В самом деле,— сэр Джеймс ле Лейн был мрачнее тучи.— Где она теперь?

— Сейчас она садится на лошадь, чтобы уехать.

— Седло у нее, без сомнения, мужское,— ледяным тоном предположил сэр Джеймс.— Так вы дали ей уйти? Почему вы не арестовали ее?

— На каком основании? Не будьте глупцом, сэр Джеймс. Какое обвинение вы ей предъявите? Вы сможете доказать в Верховном суде Его Величества, что миссис Жизель и Ольга Половски — одно лицо? Если бы я попытался арестовать ее, мое тело уже нашли бы около того цыганского табора, даже если бы у меня и были улики. Так как я жив и у меня нет доказательств, причин для ее ареста нет.

Я не совсем доволен итогом этого дела. Но у вас есть Фиал. Вы так этого хотели! А смерть Ноэла Стэндиша,

боюсь, спишут как смерть в результате боевых действий. Это не было убийство первой степени. Мастер Шон написал вчера — несчастный случай.

— Но...

Лорд Дарси поудобней устроился в кресле и закрыл глаза:

— Оставьте, сэр Джеймс. Когда-нибудь вы ее поймаете.— И тут же захрапел.

— Черт меня возьми! — сказал сэр Джеймс.— Я всю ночь работал, искал, ни разу не присел и ничего не нашел. А он провел ночь с самой прекрасной женщиной в Европе и получил все ответы.

— Все зависит от подхода к делу,— ответил на его тираду мастер Шон. Он открыл свой саквояж и вытащил оттуда большую, тяжелую книгу.

— Ну, конечно, кто-то работает в вертикальном положении, а кто-то в горизонтальном,— съязвил сэр Джеймс.

Отец Артур Лион все еще смотрел в окно, не слыша того, что не предназначалось для его ушей.

— Что вы высматриваете в вашем талмуде? — спросил он мастера Шона через некоторое время.

— *Заклинания. Раздел — влюбленность, глава — снятие*,— спокойно ответил мастер Шон.

ШЕСТНАДЦАТЬ КЛЮЧЕЙ

— Военно-морские соглашения с Румелией — это очень хорошо, — произнес лорд Сэфтон с самодовольной улыбкой на своем веселом круглом лице, — но скажите мне, Ваше Высочество, разве вам не показалось забавным то, что в Константинополе какой-то грек восседает на золотом троне, облаченный в императорский пурпур цезарей, и провозглашает себя наместником Бога перед сенатом и народом Рима?

— Разумеется, милорд, — ответил принц Ричард, герцог Нормандский, наливая себе еще немного бренди. — Я думаю, это даже забавнее, чем офранцуженный викинг, восседающий на древнем британском троне и провозглашающий себя в точности тем же самым. Но для вас это все политика, не так ли?

Румяное лицо лорда Сэфтона приобрело цвет надвигающегося апоплексического удара. Казалось, он собирался сделать принцу замечание типа: «Ей-богу, сэр! Как вы смеете? Кем вы себя считаете?». Затем, когда он внезапно осознал, кем себя считает Ричард Нормандский, он побледнел и одним махом выпил полный бокал опорто.

Сидящий напротив лорд Верховный адмирал захохотал во все горло. Все еще посмеиваясь, он сказал:

— Разница лишь в том, что народ Рима согласен быть с Джоном Английским, а не с Кириллом Византийским. И согласен уже семь столетий или около того.

© К. Гладченко, перевод, 2001

Это ведь король Генрих III был первым императором Священной Римской империи, Ваше Высочество?

Ричард знал, что лорд Верховный адмирал дает лорду Сэфтону шанс прийти в себя.

— Верно,— сказал он.— Был избран в 1280. Но королем Генрихом он стал только в 1283, после смерти Джона II. Дайте подумать... Следующие четыре короля также избирались императорами, затем, после окончания Первой Балтийской войны в 1420, во времена правления Гарольда I, корона Империи была провозглашена наследственным владением Англо-Французских королей и ветви Плантагенетов. Таким образом, Ричард Великий был первым, кто унаследовал этот титул.

— Ну,— сказал лорд Сэфтон, по-видимому, уже пришедший в себя,— я думаю, что, в конце концов, не все ли равно, как Кирилл называет себя, не так ли? Все-таки он выполнил свою часть соглашения в Средиземноморье.

— Кстати, об этом... Я полагаю, что по этому вопросу нам нужно хоть как-то договориться с Османлисом.

— О, да. Нам непременно придется договариваться с султаном.

Ричард уже не в первый раз за этот вечер спросил себя, что же заставило короля, его брата, назначить Сэфтона министром иностранных дел. Он ничем не выделялся, отличался несомненной медлительностью в принятии решений и имел провинциальный налет превосходства над всем и вся, что он считал «иностранным». Ну, какие бы у короля ни были на то причины, они были основательными; и если в этом было что-то большее, чем казалось на первый взгляд, то герцог королевской крови не имел об этом ни малейшего представления. Если бы Джон хотел его проинформировать, он бы это сделал. Если же нет... Что ж, это было личным делом Его Самого Великого и Ужасного Величества Короля.

С другой стороны, Питер де Валера ап Смит, лорд Верховный адмирал имперского флота, Командующий объединенными флотами, рыцарь ордена Золотого Леопарда и начальник штаба военно-морских сил, был весь как на ладони. Он был мужчиной средних лет с

темными вьющимися, тронутыми сединой волосами. У него был высокий морщинистый лоб, глубоко посаженные под густыми широкими бровями глаза, прикрытые тяжелыми веками; его крупный широкий нос был слегка искривлен, как будто он был когда-то сломан и затем заживлен без помощи целителя. Над его широким ровным ртом располагались густые кустистые усы, раскинувшиеся по обе стороны лица, что делало их похожими на кошачьи. Жесткие волосы окладистой, но коротко подстриженной бороды слегка завивались, как и усы. Его голос, даже приглушенный, звучал так, как будто бы он своим слегка надтреснутым баритоном выкрикивал команды с мостика корабля.

При первом знакомстве лорд Верховный адмирал производил впечатление пугающе безжалостного человека с железной волей, и требовалось некоторое время, чтобы понять, что эти качества смягчались его мудростью и чувством юмора. Он обладал колоссальной внутренней энергией и использовал ее рационально и со знанием дела.

Все эти трое сидели за большим столом в хорошо обставленной гостиной и ждали возвращения четвертого. За окном стоял один из тех теплых весенних дней, когда воздух совсем неподвижен, и все вокруг замирает. Было не то чтобы особенно жарко — просто достаточно тепло для того, чтобы расслабиться и поддаться острому приступу весенней вялости. Несмотря на это, четверо мужчин весь день работали, не покладая рук, и теперь, поздно вечером, они отдыхали с сигарами и выпивкой.

По крайней мере, трое из них.

— Какого дьявола, где же Воксхолл? — спросил лорд Сэфтон.— Он чертовски долго несет эту кожаную папку.

Принц Ричард мельком взглянул на свои наручные часы.

— Он и вправду не спешит. Будьте другом, милорд, сходите и посмотрите, что же его задерживает. Не в привычках лорда Воксхолла заставлять людей ждать.

— Разумеется, Ваше Высочество.— Лорд Сэфтон встал и вышел из комнаты.

— Я на мгновение подумал,— произнес с усмешкой лорд Верховный адмирал,— что вы собирались сказать: не в привычках лорда Воксхолла задерживаться надолго; и хотел спросить, что именно вы имеете в виду.

Герцог Ричард рассмеялся.

— Без комментариев.

Несколько минут спустя лорд Сэфтон вернулся с обеспокоенным видом.

— Не могу его найти, Ваше Высочество,— сказал он.— Искал везде. Парень как сквозь землю провалился.

— Искали везде?

— В библиотеке, в кабинете и так далее. Поднялся наверх и проверил его спальню и ванную комнату. Весь дом я, конечно, не обыскивал. Может быть, он на кухне, пошел взять чего-нибудь перекусить или вроде того. Наверное, нам надо позвать слуг?

— Не сейчас, я полагаю,— сказал лорд Верховный адмирал. Он смотрел в окно, выходящее на запад.— Не подойдете ли вы сюда на минуту, Ваше Высочество?

Герцог Ричард подошел к окну, сопровождаемый лордом Сэфтоном. Лорд Питер указал на что-то за окном.

— Это летний домик лорда Воксхолла, там, за небольшой рощицей?

— Да. Он так его называет,— сказал Его Высочество.— Похоже, в доме горят все огни. Как странно.— Он нахмурился.— Лорд Сэфтон, оставайтесь здесь и ждите, на случай, если лорд Воксхолл все же вернется. Адмирал и я прогуляемся туда и посмотрим, в чем там дело.

Летний домик находился в четверти мили от главного особняка поместья Воксхолл. Двое мужчин шли по вымощенной камнем дорожке, которая спускалась по пологому, поросшему травой склону и пролегала дальше через рощу. Горбатая луна, наполовину поднявшаяся в небо, зловеще глядела на мир, раскинув-

шийся под ней, и освещала окрестности потусторонним серебристым сиянием, призрачно поблескивающим между тенями деревьев.

— Все огни горят, так и есть,— сказал лорд Питер, когда они приблизились к небольшому домику.— Все шторы на окнах отдернуты. Выглядит так, словно здесь идет вечеринка, только что-то слишком тихо.

— Да уж,— ответил герцог,— если бы это была одна из вечеринок Воксхолла, мы бы уже давно ее услышали.— Он поднялся на крыльцо и громко постучал в дверь.— Воксхолл! Лорд Воксхолл! Это я! Герцог Нормандский!

— Бросьте это, Ваше Высочество,— сказал адмирал.— Ничего не выйдет. Взгляните сюда.

Лорд Верховный адмирал стоял у стены и смотрел в большое окно по левую сторону двери.

— Вы, похоже, хорошо наловчились подглядывать в окна, лорд Питер,— проворчал принц Ричард. Но когда он сам заглянул туда, слова застряли у него в горле. Казалось, его лицо окаменело, и лорду Верховному адмиралу оно на мгновение показалось похожим на красивое лицо знаменитой мраморной статуи Роберта, принца Британского, трагически рано умершего в 1708 году.

Тело лорда Воксхолла лежало на спине напротив камина; его мертвые остекленевшие глаза невидяще уставились в потолок. В протянутой правой руке был зажат тяжелый АПМ 44-го калибра — имперский табельный пистолет.

После показавшейся ужасно долгой паузы принц Ричард заговорил. Его совершенно спокойный голос звучал необычайно холодно.

— Я вижу тело, но вы уверены, что это он? Где тот лорд Воксхолл, чья ослепительная внешность очаровывала дам половины дворов Европы?

— Это он,— мрачно ответил лорд Верховный адмирал.— Будучи ребенком, я знал его отца.

Лицо трупа было лицом старика. Лорд Воксхолл постарел на полвека меньше чем за час.

Лорд Дарси, главный следователь Его Королевского Высочества герцога Нормандского, сидел в своей гостиной, удобно устроившись в мягком кресле. Он был одет в свой любимый домашний халат малинового шелка, покуривал свою любимую трубку — большую, пенковую, с прямым мундштуком,— и читал свою любимую газету — «Лондонский Курьер».

Легкий бриз доносил из полураскрытого окна звуки готовящегося отойти ко сну города — тихие, неразличимые звуки с улиц Руана. Вдалеке припозднившийся омнибус колесил по мостовой, влекомый шестеркой лошадей.

Лорд Дарси потянулся к бокалу, уже приготовленному Кьярди, намереваясь выпить на сон грядущий, и отхлебнул изрядный глоток прохладной жидкости. Он мог лишь смутно догадываться о том, что Кьярди туда кладет — ром, как он знал, еще лаймовый сок и испанский мед из нектара апельсинных цветов; но там определенно было что-то еще. Он никогда не спрашивал. Пусть у Кьярди будет маленький секрет; он был слишком хорошим слугой, чтобы огорчать его чрезмерным удовлетворением чьего-то личного любопытства. Хм-м-м... Ему показалось, или он действительно ощутил легчайший привкус аниса? Или это был...

Его размышления были прерваны все усиливающимся стуком лошадиных копыт по улице. Он сознавал, что слышал их приближение еще несколько секунд назад, но сейчас они стучали так, как будто лошади собирались проехать прямо перед домом. Если бы там скакала одна лошадь или две, он бы не обратил на них никакого внимания, но там их было, по крайней мере, семь, и двигались они довольно быстро.

«О, небеса, что за шум,— подумал он.— Можно подумать, что проезжает отряд кавалерии». Он разрывался между естественным любопытством посмотреть, что это за ночные всадники, и ощущением приятной усталости и комфорта. Казалось, надо было приложить чудовищное усилие для того, чтобы встать и подойти к окну.

В конце концов, чувство комфорта победило любопытство — как раз в тот момент, когда лошади остановились перед домом. Лорд Дарси вскочил на ноги и помчался к окну почти со скоростью рысака на бегах — насколько это вообще возможно для человека.

К моменту появления невозмутимого Кьярди его лордство был уже одет.

— Милорд...— начал Кьярди.

— Да, Кьярди, я знаю. Это действительно кавалерийский отряд.

— Да, милорд. Подполковник Эдвин Дэнверс, командующий Восемнадцатым личным Его Высочества герцога Нормандского гвардейским драгунским полком, шлет вам свои наилучшие пожелания. Он просил меня отдать вам это,— Кьярди передал лорду конверт.— Он сказал, что подождет, милорд.

Лорд Дарси разорвал конверт и прочел короткое послание.

— Кьярди, разбудите мастера Шона. Затем поднимите Габриеля и попросите его подготовить легкий экипаж. Мастер Шон и я едем вместе с подполковником Дэнверсом в поместье лорда Воксхолла — это в пяти милях езды от города по Ривер Роуд, в сторону Парижа. Я не знаю, сколько мы там пробудем, так что я возьму с собой свой дорожный саквояж. Если мне еще что-нибудь понадобится, я дам вам знать. Вы предложили подполковнику выпить?

— Да, милорд. Он попросил виски с водой, и я оставил его возле буфета с целым графином. Будут ли еще какие-нибудь приказания, милорд?

— Не сейчас. Я спущусь и побеседую с подполковником.

Подполковник Дэнверс был худощавым человеком среднего роста со смуглым лицом и подстриженными на военный манер черными усами; он был плотно затянут в жесткую полевую форму, и поэтому выглядел бдительно и настороженно. Он отпрянул от буфета, когда высокий, статный главный следователь спустился в приемную.

— Добрый вечер, лорд Дарси. Я поднял вас с постели, не так ли? Сожалею. Приказ, сами понимаете. Может, немного виски приведет вас в порядок?

— Нет, спасибо, подполковник. Я смотрю, Кьярди уже заботливо приготовил кофейный сервиз. Как только вода вскипит, я заварю кофе.

— После полуночи я кофе не пью, милорд, никогда. Хотя это отличная штука по утрам. Отличная штука.

— Да. Послушайте, Дэнверс, какого дьявола, что там произошло?

— Будь я проклят, если знаю, милорд.— Подполковник Дэнверс выглядел искренне удивленным.— Я надеялся, что вы мне скажете. Думал, что Его Высочество изложил все в письме, которое я привез, а? Нет? Ну, мне приказали доставить вас и мастера Шона и доктора Пейтли, и еще шефа стражи Донала Бреннана и волшебника-подмастерье по имени Торквин Сколл, да еще отряд из пятидесяти всадников.— Он повернулся к буфету, добавил в стакан воды и виски и продолжил: — Я приехал за вами и мастером Шоном, а за остальными послал капитана Брауна и старшего капитана Делгарди. Они нагонят нас по дороге.

— Постойте,— сказал лорд Дарси,— я что-то здесь не понял. Так вы не были с Его Высочеством у Воксхолла?

— О, нет! Конечно, нет.— Подполковник покачал своей массивной головой.— Я был дома, когда сэр Рамзи ворвался ко мне во двор, как будто конница гуннов гналась за ним, и вручил мне то письмо от Его Высочества. Он не остался, сказал, что ему нужно ехать назад.

Над газовой горелкой безмятежно булькал медный чайник. Лорд Дарси наполнил кипятком серебряную воронку, наполненную свежемолотым кофе, и наблюдал, как отфильтровывается черная жидкость.

— Кто-то умер либо серьезно пострадал,— произнес он больше для себя, чем для подполковника Дэнверса,— и, возможно, в этом деле не обошлось без преступления. Это объясняет тот факт, что вызвали масте-

ра Шона, доктора Пейтли и меня. И шефа Донала. Но к чему пятьдесят всадников? И зачем ему понадобились двое волшебников?

— Это хороший вопрос, милорд, — послышался голос со стороны двери, — почему Его Милости нужны два волшебника? Кто же другой?

В невысокой, крепко сбитой фигуре, облаченной в одеяния волшебника, легко угадывался мастер Шон О Лохлейн, главный судебный волшебник герцогства Нормандского.

Подполковник заговорил прежде, чем лорд Дарси успел произнести хоть слово.

— О, добрый вечер, мастер Шон! Я поднял вас с кровати?

— Боюсь, что так, подполковник Дэнверс. — Мастер Шон подавил зевок.

— Ужасно сожалею. Хотя, я тут вот смешал себе виски с водичкой, давайте я и вам смешаю. Для вас в это время ничего лучше и не придумаешь.

— Нет, спасибо, подполковник Дэнверс; я лучше выпью немного кофе, что готовит его лордство. Так кто же другой волшебник, милорд?

— Подмастерье Торквин Сколл, по словам подполковника.

— А! Тюремщик. Хороший специалист в своей области. Он свихнулся на замка́х. Не сможет наложить простейшее предохраняющее заклятие даже на сливу, ни за что не сможет, но дайте ему простой амбарный замок, и он за пять минут заставит его спеть гимн Империи на четыре голоса.

— Интересно, — сказал лорд Дарси, передавая мастеру Шону чашку кофе. — Можно строить любые догадки. Но их получается слишком много. Так что нам остается только...

Его прервал высокий, худощавый, седоволосый Кьярди, вошедший в комнату.

— Ваш экипаж подан, милорд. Я позволил себе собрать небольшую корзину с закусками и напитками, на всякий случай. Ваш дорожный саквояж в багажном

отделении. Так же, как и ваш, мастер Шон, вместе с сумкой и инструментами.

— Спасибо, Кьярди,— сказал мастер Шон. Не считая лорда Дарси, Кьярди был единственным человеком в мире, которому мастер Шон доверил бы прикасаться к своему украшенному магическими символами саквояжу, в котором хранились все инструменты и приспособления, необходимые для его профессии.

— Великолепно, Кьярди,— сказал лорд Дарси.— Не пора ли нам закончить с кофе и отправиться в путь, джентльмены?

Подполковник одним махом проглотил содержимое бокала.

— Пойду соберу своих людей, милорд.

Как только кавалькада миновала ворота поместья Воксхолл, лорд Дарси заметил:

— Откровенно говоря, я что-то не вижу ни флажков, ни знамен, ни оркестра в сопровождении ликующей толпы.

Мастер Шон, сидящий в экипаже напротив него, недоуменно вскинул брови.

— Прошу прощения, милорд?

— Ну, я имел в виду, мой дорогой Шон, что если уж мы устраиваем парад, то должно быть все, как полагается. Командующий гвардией должен быть в полном облачении и при сабле, а не в полевой форме и с шашкой. Эта дюжина стражников должна быть при всех знаках отличия. И, прежде всего, мы должны ехать величественным неторопливым шагом, в разгар дня, а не нестись галопом посреди ночи, как будто мы бежим из страны. Нет, нет; боюсь, что как парад это мероприятие оставляет желать лучшего.

Мастер Шон усмехнулся.

— Ваш лондонский кузен сказал бы: «Предельно неудовлетворительно».

— Совершенно верно. О! Мы остановились.— Лорд Дарси высунулся из окна, пытаясь увидеть, что проис-

ходит в начале колонны.— Это Его Высочество. Он разговаривает с подполковником Дэнверсом и при этом жестами указывает ему на всю округу. Какого дьявола, что здесь происходит? Идемте, мастер Шон.

Лорд Дарси открыл дверь экипажа и вышел наружу, сопровождаемый невысоким крепким ирландским волшебником. Он даже не побеспокоился дать никаких указаний Габриэлю,— старый опытный конюх и сам знал, что делать.

Старший сержант и подполковник Дэнверс достали из своих карманов небольшие свистки и заиграли сигнал офицерского сбора и сигнал сбора военнослужащих старшего сержантского состава. Затем они тронули рысью своих лошадей и поскакали к самой широкой части газона в сопровождении остальных семи всадников.

— Вне зависимости от того, что случится дальше, эта ночь надолго запомнится военным,— сказал, посмеиваясь, лорд Дарси, подходя с мастером Шоном к тому месту, где Его Высочество разговаривал с шефом стражи Доналом Бреннаном.

— Почему, милорд?

— Здесь слишком много командиров,— пояснил его светлость.— Тут два эскадрона. Как следствие, есть два лейтенанта, командующие эскадронами, и капитан, командующий всем отрядом, что очень хорошо. У нас здесь два эскадронных сержанта и старший сержант отряда. Еще лучше. Но, вдобавок, у нас есть еще полковой командир, начальник штаба полка и старший сержант полка, который собьется с ног, стараясь выполнить все распоряжения и в то же время не отдавать приказов никому, кроме капитана, командующего отрядом. Но даже этого он сделать не сможет, и поэтому будет стараться не высказываться первым о том, что нужно делать. О, вот это будет веселье, точно.

Он снова ухмыльнулся.

— Здесь, на дороге, освещенной газовыми фонарями, у них бы все получилось, но представляю себе, как

они будут кружить по тому лесу с одной лишь неполной луной над головами.

Мастер Шон нахмурился.

— А почему они должны кружить по лесу, милорд?

— В поисках чего-то или кого-то. Ты, конечно, заметил, что у каждого из них к седлу приторочен фонарь. Подполковник Эдвин Дэнверс не сказал мне всего, что он знает. Впрочем, ничего, сейчас мы узнаем все от Его Высочества.

Принц Ричард заметил лорда Дарси и мастера Шона.

— А, вот и вы, милорд. Извините, что вытащил вас сюда посреди ночи, но без вас не справиться. А где добрый человек Торквин?

— Здесь, Ваше Высочество,— произнес мелодичный баритон, донесшийся откуда-то сзади. Его светлость обернулся.

Человеку в рабочем одеянии волшебника-подмастерья было не больше двадцати пяти, и он был сложен, как борец. Он не был карликом, скорее, просто коротышкой,— хотя его голова была немного великовата для такого тела. У него было милое некрасивое лицо, заставившее лорда Дарси заподозрить его в занятиях кулачным боем, большие теплые карие глаза, и он, так же, как и мастер Шон, в левой руке нес украшенный магическими символами саквояж.

Всех присутствующих представили друг другу, включая и Донала Бреннана, шефа стражи города Руана, мрачного мужчину, облаченного в черную униформу.

— Пока я рассказываю вам, из-за чего весь этот шум, давайте пойдем к летнему домику,— сказал герцог.

Коротко, но довольно подробно он рассказал им, как было дело. Единственное, о чем он не упомянул, так это о содержании тех «важных бумаг», которые были у лорда Воксхолла незадолго до смерти. Он не стал описывать им его тело, ведь им скоро предстояло самим все увидеть.

— Вы должны понять,— заключил он,— что для нас жизненно необходимо найти те бумаги.

— Вы считаете, Ваше Высочество, что они находятся в его дипломатическом планшете? — спросил лорд Дарси.

— Абсолютно уверен. Воксхолл при мне взял бумаги и положил их в планшет. Он оставил планшет на столе в своем кабинете, но мы не смогли его найти.

Лорд Дарси кивнул.

— Да, совершенно очевидно, что бумаги находятся в той кожаной папке. Я согласен с Его Высочеством.

— Вот почему я вызвал гвардейский полк,— сказал герцог.— Я хочу, чтобы здесь вокруг все тщательно обыскали, а кавалеристов учат подобным вещам. Кроме того, я не хотел тащить за город слишком много стражников. Дюжины вполне достаточно для того, чтобы обыскать здание, они хорошо на это тренированы.

Стражник Донал кивал, несомненно потрясенный проницательностью герцога.

Вдруг пятеро мужчин услышали позади себя чьи-то быстрые шаги и все разом обернулись. Вниз по травянистому склону, освещенный серебристым лунным светом, бежал человек с черной кожаной сумкой в руках.

— Это доктор Пейтли,— сказал мастер Шон.

— Извините за опоздание, джентльмены,— выдохнул седоволосый хирург.— Простите, Ваше Высочество. Неотложное дело. Я извиняюсь.— Он умолк, чтобы перевести дыхание и поправить съехавшее пенсне.— Где же тело?

— Там, куда мы направляемся, доктор,— ответил принц Ричард.— Пойдемте.

Все последовали за ним.

— Меня вызывала сестра Елизавета,— тихо сказал доктор Пейтли мастеру Шону.— Она акушерка и целитель ордена святого Луки. Небольшие непредвиденные послеродовые неприятности. Ничего серьезного. Надо было кое-что зашить. Ребенок чувствует себя отлично.

— Рад это слышать,— пробормотал мастер Шон.

Впереди них горел всеми огнями летний домик Воксхолла. У двери стоял бородатый человек в ярко-синей военно-морской униформе, непомерно украшенной

золотом. И даже в лунном свете лорд Дарси мгновенно его узнал.

После того, как всех представили, лорд Дарси взял лорда Верховного адмирала под руку и негромко спросил:

— Питер, старый пират, как твои дела?

— Неплохо, лорд Дарси. Не могу сказать, что эта ситуация приводит меня в восхищение, но в принципе, все хорошо. А что у тебя?

— То же самое, рад сообщить. Может, мы пройдем внутрь и взглянем на останки?

— Вы можете посмотреть на них через окно, пока мастер по замкам не отопрет эту дверь,— сказал лорд Питер.

Лорд Дарси обернулся к принцу Ричарду.

— Вы хотите сказать, что никто сюда еще не входил?

— Да, милорд,— сказал герцог.— Я подумал, что будет лучше не ломать дверь до вашего прихода.

— Понятно.

Он пристально взглянул на спокойное лицо герцога. Принц Ричард знал, что делает; этим отличались все Плантагенеты. Но если после того, как Ричард вызвал кавалерию, бумаги обнаружатся в доме, то он будет выглядеть, по меньшей мере, глупо. Однако ему приходилось идти на этот риск. Если бумаг не было в доме, то любое промедление было смерти подобно.

Лорд Дарси взглянул на дом. В нем были модные венецианские окна с двумя узкими фрамугами сверху и снизу, предназначенными для циркуляции воздуха; но они были слишком узкими и человек сквозь них не смог бы пробраться внутрь. Без ключа проникнуть в дом можно было только с помощью тарана. Лорд Дарси понял, почему принц Ричард принял такое решение.

— Хорошо, Ваше Высочество. Итак, давайте начнем. Я догадываюсь, что это подмастерье Торквин сконструировал и создал эти замки и заклинания к ним; иначе вы бы попросили мастера Шона отпереть их.

Герцог кивнул.

— Все верно, милорд.

— Хорошо, что вы его вызвали, Ваше Высочество, — сказал мастер Шон. — Я ненавижу распутывать заклинания доброго человека Торквина, на это мне потребуется не меньше часа...

— Не сочтите за неуважение, мастер, — вмешался Торквин Сколл, — но готов поспорить, что вы не сделаете этого и за полтора часа.

— ...это если без ключа, — продолжил мастер Шон. — Конечно, с ключом...

— Я дам вам ключ и два часа времени и все равно спорю на золотой соверен.

— Я не буду спорить, — отрезал мастер Шон. — У тебя и так уже больше моих золотых, чем у меня самого. Брать у тебя уроки стоит слишком дорого.

— Джентльмены, вы можете поговорить о своих профессиональных делах в другое время, — сказал лорд Дарси. — В данный момент я хочу, чтобы вы открыли эту дверь.

— Да, милорд.

Добрый человек Торквин открыл свой саквояж и встал на колени для того, чтобы лучше разглядеть замок. В лунном сиянии он чем-то походил на гнома.

Затем подмастерье достал из саквояжа маленький фонарь, зажег его и приступил к работе.

Лорд Дарси развернулся и посмотрел в окно.

— Как долго он уже мертв, Ваше Высочество? — спросил он, вглядываясь.

— Менее трех часов, — ответил герцог. — Когда мы нашли его, он уже неважно выглядел. Но теперь... — Он опять отвернулся.

— Если это то, о чем я думаю, — мягко сказал мастер Шон, — я лучше поспешу с предохраняющим заклятием.

Вдалеке послышался приближающийся звук стучащих по дерну копыт. Подполковник Дэнверс галопом подскакал к ним и проворно спрыгнул с лошади.

Между деревьями лорд Дарси заметил дрожащие огоньки фонарей, похожие на больших медлительных светлячков.

— Ваше Высочество,— отдал честь подполковник. Помимо всего, принц был еще и почетным полковником Восемнадцатого полка, а подполковник Дэнверс был в форме.— Весь периметр окружен, оставшиеся люди заняты поисками, как вы и приказывали. Старший капитан Делгарди доложит мне, если что-нибудь обнаружат.

— Очень хорошо, подполковник.

— Хм-м... Ваше Высочество,— неуверенно начал Дэнверс.— Лорд Сэфтон... хм-м... Шлет свои наилучшие пожелания и спрашивает, когда Ваше Высочество намерен начать допрос арестованных.

— Арестованных? — переспросил лорд Верховный адмирал.— Что такое? Каких арестованных?

— Его светлость имеет в виду слуг,— с ледяным спокойствием сказал принц Ричард.— Они не арестованы. Я просто попросил их никуда не уходить, пока все не уляжется. Я поручил лорду Сэфтону позаботиться о них. Если те бумаги не найдут...— Он замолчал и слегка нахмурился.— Шеф Донал...

Его перебил голос подмастерья Торквина.

— Все готово, милорды и джентльмены.

Входная дверь летнего домика была открыта.

— Никому, кроме мастера Шона, не входить,— твердо сказал лорд Дарси.

Мастер Шон приступил к наложению специального заклятия, которое должно было остановить процесс разложения трупа. Все оставили его одного, как до этого подмастерье Торквина; только глупец стал бы отвлекать волшебника, поглощенного работой. Скоро все было закончено.

Остальные шестеро вошли в комнату.

Есть в смерти нечто такое, что завораживает любого человека; и есть нечто в ужасе, что завораживает еще сильнее. То, что лежало на полу напротив огромного остывшего камина, освещенное мерцающим светом газовых рожков, воплощало в себе и то, и другое.

Огромный камин, отделанный превосходным мрамором с розовыми и золотыми прожилками, большое

зеркало над каминной полкой, в котором отражались стены комнаты, покрытые гладкими парчовыми обоями в розовых с золотом орнаментах. Мебельная обивка из тканой парчи повторяла узор на стенах. Это была светлая, прекрасная, полная свежего воздуха комната, которая абсолютно не заслуживала той неприятности, что лежала на тусклом гладком ковре.

Воздух был насыщен зловонием.

Лорд Верховный адмирал открыл все фрамуги в окнах; дверь также оставили открытой.

— Э, Ваше Высочество! Сядьте! — Голос подполковника Дэнверса заставил лорда Дарси отвернуться от страшного предмета на полу.

Лицо принца Ричарда стало серовато-белым, он несколько раз сглотнул, пока подполковник усаживал его в одно из больших мягких кресел.

— Со мной все в порядке, — сказал герцог. — Здесь просто... просто слишком жарко.

— О, да. Конечно, — согласился Дэнверс. — Где же Воксхолл хранил свое спиртное? Должно быть... Ага! — Он открыл небольшой шкафчик, располагавшийся напротив западной стены примерно на уровне пояса. — Вот оно где! Хороший глоток сразу приведет вас в чувство, Ваше Высочество. Виски? Или бренди?

— Бренди, спасибо.

— Пожалуйста, Ваше Высочество. Пожалуй, и я выпью немного виски. Отвратительное зрелище. Абсолютно отвратительное.

Лорд Дарси, видя, что герцог находится в хороших и заботливых руках, наклонился к трупу вместе с доктором Пейтли и мастером Шоном.

— Что бы его ни убило, — пробормотал его лордство, — это была не пуля из этого пистолета. — Он вытащил тяжелый АПМ сорок четвертого калибра из правой руки трупа.

Лорд Верховный адмирал стоял и смотрел вниз поверх плеча доктора Пейтли.

— Да. Армейский пистолет Морли проделывает гораздо более широкие, легко различимые дырки.

Лорд Дарси знал, что лорд Питер не издевается; просто он был немного туповат. Он передал оружие лорду Верховному адмиралу.

— Как вы считаете, из него стреляли?

Умелые, сильные руки морского офицера разрядили пистолет, отсоединили затвор и затем вернули все на место.

— Не сегодня.

— Я тоже так думаю. Так-так, а это что? — Лорд Дарси обшарил одежду покойного лорда Воксхолла и обнаружил небольшой кожаный футляр, в котором оказался набор ключей, очень похожих друг на друга; все они были пронумерованы от 1 до 16 и аккуратно разложены по порядку так, что каждый ключик лежал отдельно.

— Очень мило. Интересно только, для чего они? У Воксхолла на поясе была целая связка разнообразных ключей; эти, должно быть, какие-то особенные.

— О, да, милорд, все верно,— сказал подмастерье Торквин.— Я сделал их специально для его светлости. Он обладал исключительным вкусом, это точно.— На лице маленького человека проступила усмешка.— Надо сказать, милорд, он обожал замки́ так же, как и я; вы понимаете, что я имею в виду.— Усмешка исчезла. Мне будет его не хватать. Мы любили вместе поболтать о замках. И покопаться в них. Он был очень знающим человеком и умел работать руками. Мне будет очень его не хватать.

— Не сомневаюсь.— В наступившей тишине лорд Дарси взглянул на ключи, потом поднял взгляд и сказал: — Могу я узнать, к каким замкам они подходят?

— Ну, это ключи от этого дома, ваше лордство.

— От этого дома? Что, все?

На некрасивом, но приятном лице опять проступила усмешка.

— Точно так, ваше лордство. В этом доме — шестнадцать дверей, и каждая чертова дверь закрывается своим ключом — с обеих сторон. Вот, я сейчас вам покажу.— Торквин открыл свой украшенный магическими

символами саквояж и достал оттуда толстый блокнот. Поискав немного, он нашел нужный листок, поставил на нем крестик, аккуратно его оторвал и передал лорду Дарси. — Вот, ваше лордство. Это набросок плана этого дома. Мы вот здесь, в приемной, видите, где я поставил крестик. Раздвижные двери ведут в галерею, столовую и библиотеку. Эта маленькая дверь ведет в спальню. Все двери пронумерованы под стать ключам.

— А что это за застекленная «зеленая комната»? — спросил лорд Дарси.

— Что-то вроде оранжереи, ваше лордство. Лорд Вокхолл называл этот дом «летним домиком», но он также бывал здесь и в зимнее время. Вот для чего здесь камины. Один здесь, один в библиотеке, один в столовой и еще эти маленькие угловые камины в спальнях.

— А сколько здесь комплектов ключей?

— Всего один, милорд. Ах да, у садовника есть дубликаты ключей номер три и четыре, для того, чтобы он мог ухаживать за растениями; а больше ни у кого.

Лорд Дарси почувствовал, что в комнате повисло какое-то гнетущее напряжение. Принц Ричард безучастно смотрел на полупустой бокал бренди; подполковник Дэнверс наливал себе выпить; шеф Донал наблюдал, как мастер Шон и доктор Пейтли возятся с телом.

Затем следователь осознал, что внезапный шок, поразивший герцога, уже прошел; а также он понял, чего ждет Его Высочество. Он ведь передал руководство делом лорду Дарси и теперь терпеливо ждал. Лорд Дарси подошел к нему.

— Не соблаговолит ли Ваше Высочество обследовать остальную часть дома? — тихо спросил он.

Принц Ричард взглянул на него и улыбнулся.

— Я уж думал, вы никогда не спросите. — Он допил бренди.

— Я не могу ничего больше извлечь из трупа до того, как доктор Пейтли и мастер Шон представят мне свое заключение. Я не обнаружил никаких следов борьбы. По-видимому, он просто вошел сюда с пистолетом в руке и — умер.

— Но зачем ему понадобился пистолет? — задумчиво произнес принц Ричард. — Он чего-то боялся, как вы полагаете?

— Хотел бы я знать. Кобуры при нем нет, так что, по-видимому, он где-то взял пистолет уже после того, как ушел от вас.

— Да. На нем не было плаща, он не смог бы скрыть такой большой пистолет. О, простите меня. Шеф Донал!

— Да, Ваше Высочество? — сказал угрюмый шеф стражников, повернувшись к герцогу от изучаемого им тела.

— Когда вы здесь закончите, идите в особняк и оставайтесь там за главного. Успокойте слуг, но ничего им не говорите. Они еще не знают о смерти своего хозяина. А если кому-нибудь об этом что-то известно, то это может нам сказать кое о чем. И никаких допросов без разрешения лорда Дарси.

— Здесь я уже закончил, Ваше Высочество. Узнал все, что требовалось. Теперь черед лорда Дарси. — На его лице промелькнула улыбка, которой, казалось, было неудобно на его угрюмом лице; поэтому она мгновенно исчезла. — Дела, в которых замешана черная магия, всегда были выше моего понимания. Никогда их не любил. — И без дальнейших церемоний он удалился.

— Что ж, посмотрим, удастся ли нам найти эти бумаги, — сказал лорд Дарси. — Предлагаю начать с галереи.

— Вы не будете возражать, если я пойду с вами? — спросил лорд Верховный адмирал.

— Конечно, нет, милорд, — ответил лорд Дарси. — Как насчет вас, подполковник? Прогуляетесь с нами?

Дэнверс нахмурился и бросил быстрый взгляд на свой почти пустой бокал.

— Пожалуй, нет; я лучше подожду вестей от Делгарди и старшего сержанта.

Раздвижные двери были заперты, и лорд Дарси вставил в замочную скважину ключ под номером 5.

Тот легко повернулся — слишком легко. Описав круг, ключ встал на прежнее место. Поворот в обратную сторону также не принес результатов. Задвижка оставалась на месте.

— Прошу прощения, милорд,— сказал подмастерье Торквин,— но, боюсь, мне придется вам помочь. Дело в том, что неверный ключ даже не повернется в замке, верный — провернется, но не отопрет задвижку, пока за ключ не возьмется конкретный человек. Даже для меня открыть замок будет непросто, ведь ключи настроены на его покойную светлость.

Он взял в руки футляр, снова достал ключ номер 5, закрыл глаза и осторожно повернул его. Щелк.

— Вот и все, Ваше Высочество, милорды.

Все четверо вошли в галерею.

— А у вас нет набора этих ключей, настроенного на вас? — осведомился лорд Дарси.

— Конечно, есть, милорд; я использовал его неделю назад, когда проводил регулярное обновление заклинаний. Я бы взял его с собой, если бы знал, что он пригодится. Но этот капитан — как там его зовут? — Браун; вот если бы капитан Браун сказал мне, куда мы едем... Но он просто сказал, что меня хочет видеть герцог, так что я вскочил в седло и отправился в путь.

— Мои извинения, добрый человек Торквин,— сказал Его Высочество.

— О, не стоит, Ваше Высочество, не стоит; это не ваша вина. Военное мышление, сами понимаете. Получать приказы, отдавать приказы; ничего не объяснять, особенно штатским. Вы тут ни при чем, Ваше Высочество.

Затем он сделал широкий жест рукой:

— Как вы находите галерею, благородные сэры?

— Очаровательно,— пробормотал лорд Дарси.— Весьма очаровательно.

Западная стена была вся застеклена — семь окон, шести футов в ширину, с одними только узкими колоннами между ними, были прорезаны в ней. Тяжелые театральные шторы, скрывающие их, свисали с потолка. Снаружи, в темноте, можно было различить случайный свет фонарей — знак того, что драгуны продолжали свои поиски.

Но не это восхитило лорда Дарси.

Вся восточная стена была увешана картинами. Среди них не было непристойных, и далеко не все из них были эротическими; но все они дышали романтической любовью и красотой.

— Должно быть, с годами это влетело ему в приличную сумму,— заметил лорд Верховный адмирал.— Прекрасная работа, они все великолепны. Вот! Это Ван Гог, я всегда восхищался его полотнами.

— Некоторые из них,— сказал герцог,— были написаны специально по заказу его покойной светлости. Вот эта, к примеру.

— Это,— авторитетно заявил лорд Питер,— Киллгор-Спенглер. Я узнал бы ее стиль где угодно.

— Я также узнаю и модель,— мечтательно произнес лорд Дарси.

— Я тоже,— сказал лорд Верховный адмирал.

Принц Ричард выглядел удивленным.

— Вы что, оба знакомы с донной Изабеллой Марией Констанцей Диас у Карилло де ля Барра?

Лорд Верховный Адмирал расхохотался.

— О, да, Ваше Высочество. О, да. Вы узнали ее, несмотря на этот рыжий парик, а, Дарси?

— В этой позе я узнал бы ее даже с мешком на голове,— захихикал лорд Дарси.

— Что вас так развеселило? — спросил принц Ричард тоном, в котором чувствовалось нешуточное раздражение.

— Ваше Высочество,— сказал лорд Дарси,— эта женщина такая же испанская дворянка, как и лошадь нашего подполковника. Ее зовут Ольга Василовна Половски, в польской секретной службе *Серка* она числится под номером 055. Она самая красивая и вместе с тем самая опасная женщина в Европе.

— Боже правый! — потрясенно воскликнул принц.— А Воксхолл знал?

— Надеюсь, что да,— ответил лорд Дарси.— Я действительно на это надеюсь.

— Все в порядке, он знал об этом,— сказал лорд Питер.— Он время от времени докладывал об этом в

управление военно-морской разведки. Это делало их связь еще более занимательной.

— Могу себе представить,— сказал лорд Дарси.

И они пошли дальше.

Лорд Дарси окинул опытным взглядом всю длинную галерею. Дипломатический планшет, имеющий размер одиннадцать на пятнадцать и два дюйма в толщину, можно было, правда, с трудом, укрыть за театральными шторами, грациозно изгибающимися над окнами. Или в какой-нибудь потайной нише за одной из картин. Было бы великолепно, если он лежал бы где-нибудь на виду.

Подмастерье Торквин прошел вперед для того, чтобы отпереть все двери. Трое дворян проследовали за ним. Следующая дверь вела в небольшую, но уютную спальню. Узор на обоях был такой же, как и в приемной, только здесь обои были светлого голубого с золотом цвета. Обивка на двух креслах и покрывало на двуспальной кровати — все было подобрано в цвет. Угловой камин не был мраморным; напротив, он был отделан диким камнем, и своей необработанной шероховатостью приятно контрастировал с фигурными и плавными линиями остальной комнаты.

— Интересно, сколько лет этому дому? — лениво спросил лорд Верховный адмирал, когда они вошли в комнату.

— По сравнению с главным особняком не так уж и много,— предположил лорд Дарси.— Он в стиле эпохи короля Роберта, 1700-ый год или около того.

— Он совсем новый,— сказал принц Ричард.— Воксхолл построил его в 1927 или 1928 году. С тех пор его пару раз ремонтировали, но не вносили никаких изменений. Он довольно мил, как мне кажется. И картинная галерея гораздо более вдохновляющая, нежели та, что на холме, в главном особняке. Там все эти ужасные предки так и пялятся на тебя.

— Вашему Высочеству лучше знать,— пробормотал лорд Дарси.

— О, Боже, вот уж точно. Вы видели тот портрет моего трижды прадеда Гвилиама IV? Тот, большой,

который висит в Вестминстере? Он был написан в 1810, как раз за два года до его смерти. Старина в восемьдесят лет выглядел довольно угрюмо. Эту картину использовали для того, чтобы изгнать из меня дьявола, когда я еще был мальчишкой. Мне бы не хотелось и близко к ней подходить. Его глаза не смотрят прямо на тебя, сами знаете, но возникает такое чувство, что если он слегка переместит зрачки, то уставится прямо на тебя. По крайней мере, мне так казалось. И я боялся, что если он взглянет прямо на меня и увидит, какой я непослушный озорной мальчишка, то он выпрыгнет из рамы и проглотит меня целиком. Так, в этом шкафу ничего нет.

— И в ванной тоже,— сказал лорд Дарси.

— Под кроватью темно,— произнес лорд Верховный адмирал.— Одолжите мне свою зажигалку, Дарси. Спасибо. М-м-м-м... Нет. Ничего здесь нет.— Он поднялся и отряхнул колени.

Лорд Дарси поднял голову и взглянул на окно в потолке.

— Не похоже, что оно открывается.

Остальные двое тоже посмотрели наверх.

— Нет,— сказал лорд Верховный адмирал,— открывается только та узкая фрамуга с подветренной стороны.

— Да,— согласился герцог, вглядевшись повнимательней.— Она открывается с помощью вот того шнура, что свисает со стены. Он проходит через тот блок, вон там, видите?

— Я полагаю, во всех внутренних помещениях есть такие окна? — спросил лорд Дарси.

— О, да, милорд. Даже в библиотеке есть одно, вы еще увидите. Там нет других окон, так как стены уставлены книжными шкафами. Вторым источником света там служат лишь двойные стеклянные двери, ведущие в сад.— Герцог огляделся.— Так, следующая комната — кладовая.

Они вошли в северное крыло изогнутой под прямым углом галереи, повернули направо и подошли к

двери кладовой. Она распахнулась от легкого толчка; Торквин уже побывал здесь. По сути дела, эта комната представляла собой очень маленькую кухню. В этом доме Воксхолл не давал парадных обедов, а когда он хотел поесть, то слуги приносили ему пищу из главного особняка.

— Места не очень много,— сказал лорд Верховный адмирал,— но есть где поискать.

Он открыл духовку, ничего там не нашел и стал осматривать выдвижные ящики. Лорд Дарси взобрался на трехногий стул и начал обшаривать полки.

— Ваше Высочество,— спросил он,— могу ли я узнать, что представляют собой эти «важные бумаги»?

— Это единственный экземпляр нашего военно-морского соглашения с Румелией, на трех языках.

— Ага, понятно.

— Как наш посланник к базилевсу, в Константинополе лорд Воксхолл в немалой степени поспособствовал тому, чтобы Кирилл согласился со всеми условиями договора. Ведь греки по-прежнему контролируют Босфор и Дарданеллы, что позволяет им отрезать Черное море от Средиземного. Казимир Польский все еще пытается обойти нашу морскую блокаду Балтийского и Северного морей. По соглашению, которое мы заставили его подписать после войны 1939 года, ни одно польское военное судно не может пересечь четырнадцатый меридиан, и ни одно военное судно Империи не может пересечь десятый в обратном направлении.

— Кроме кораблей Скандинавии,— проворчал Верховный адмирал.

— Верно,— сказал принц Ричард.— И по этому соглашению военные корабли Империи и Скандинавии могут останавливать и досматривать любое польское судно между восьмым и четырнадцатым меридианами на предмет контрабанды — оружия и боеприпасов — и конфисковывать найденное.

Но в Средиземном море ситуация иная. Грекам не понравилось то, что забрала себе Польша во время

войны тридцать девятого года; они воспользовались плодами нашей победы и заявили, что не пропустят в Мраморное море ни одно военное судно любой национальной принадлежности — кроме Румелии, разумеется. Но у них не хватило духу вставить в этот указ пункт о задержании, досмотре и конфискации. Однако император Кирилл готов сделать это сейчас, при условии, что мы окажем ему поддержку в Средиземноморье. Флот Румелии недостаточно силен для того, чтобы патрулировать Черное, Мраморное и Средиземное моря; к тому же их все еще тревожит Османлис, не говоря уже о Северной Африке. Это соглашение урегулирует все вопросы.

— Понятно,— повторил лорд Дарси. Он помолчал немного, потом сказал: — Могу я спросить, Ваше Высочество, откуда эта внезапная нужда в досмотре торговых судов короля Казимира?

Лорд Верховный адмирал неприятно хихикнул.

— Могу я ему сказать, Ваше Высочество?

— Разумеется. Король, мой брат, доверяет лорду Дарси гораздо более важные государственные секреты.

Это было не совсем то, что имел в виду лорд Верховный адмирал, но он не обратил на это внимания. Он сказал:

— Его Славянское Величество Казимир IX замыслил один план, который позволит ему иметь свой флот в Атлантике. Это отличный план — и он может сработать. Фактически, он, наверное, уже сработал. Возможно, мы ухватились за него слишком поздно.

— Три корабля — это еще не флот,— возразил герцог.

— Нам известно только о трех кораблях, Ваше Высочество. В любом случае, вот как было дело: несколько лет назад Польша начала расширять свой торговый флот за счет кораблей нового типа — несколько более быстрых и крепких. Сначала они строили их на Балтике, в районе Померанского залива. Шесть месяцев спустя они уже оснащали их на Черном море — в Одессе. Прошло еще немного времени, и однажды —

мы еще не выяснили, когда точно, — игра в наперстки началась.

— Кажется, здесь бумаг нет, — перебил его герцог. — Может, нам стоит пройти в оранжерею?

— Да, — сказал лорд Дарси. — Давайте посмотрим, не растут ли морские соглашения на кустах.

Но там не было кустов. В комнате, похожей на галерею, были две внешних стены, практически полностью застекленные. Повсюду в горшках и кадках росли цветы и вьющиеся растения. Ничего особенно впечатляющего, зато колоритно и симпатично.

Поиск продолжился.

— Слава Богу, здешние розы лишены шипов, — сказал лорд Верховный адмирал, раздвигая цветы и листья. — На чем я остановился?

— Вы играли в наперстки с польскими торговыми судами, — сказал лорд Дарси.

— А, да. Вы должны понять, что все эти корабли одинаковы. Мы называем их корабли класса Майлик; «Майлик» был первым кораблем из этой серии, и они все названы в честь небольших городков. И вы бы не отличили один от другого, если бы на них не были написаны названия. Вот как все произошло. «Замок» отплыл из Данцига. Остановился на пункте морского контроля в Гельсингор-Галсингборге для проверки, которую он прошел на «ура».

— Я боялся, что вы именно это и скажете, — пробормотал лорд Дарси, заглядывая под длинную деревянную скамейку.

— Оттуда, — беспощадно продолжал лорд Питер, — он проследовал в Антверпен. На этот раз мы его проверили. Все чисто.

— Опять «ура», — сказал лорд Дарси.

— Точно. Итак, он продолжил свой путь на юг. Бордо, Сан-Себастьян, Ля Корайя, Лиссабон и, наконец, он прошел Гибралтарский пролив. В Средиземноморье он какое-то время плавал по своим делам. Наконец он направился на восток, через Босфор и Дарданеллы, в Черное море — и прямо в Одессу. Неделю спустя...

Ой! У этой розы все-таки есть шипы! Неделю спустя он поплыл обратно. «Замок» прошел обратно через Босфор, Дарданеллы, Средиземное море, Гибралтарский пролив и опять направился к югу, к побережью Африки. Несколько месяцев спустя он опять появился и направился в Бордо с грузом шкур зебры или с чем-то в этом роде. Затем на север, снова на восток и назад в Данциг, не вызывая по пути у инспекции никаких подозрений.

— Только название было изменено, что само по себе подозрительно, — заметил лорд Дарси.

— Абсолютно верно. Я даже не спрашиваю, как вы это узнали.

— Это было очевидно. Скажите лучше вот что: в порту экипажу разрешалось сходить на берег?

Лорд Верховный адмирал усмехнулся в бороду.

— Конечно, нет. И я думаю, вы не удивитесь, когда узнаете, что корпус кораблей класса «Майлик» выглядит точь-в-точь как у легкого крейсера.

Лорд Дарси сказал:

— Я понимаю, что вы имели в виду под игрой в наперстки. Это значит, что в деле участвуют три корабля. Номер один — «Замок» — настоящий торговый корабль. Но когда он попадает в Одессу, там его ждет тяжело вооруженный легкий крейсер, похожий на него как две капли воды, и с названием «Замок» на бортах и корме. Его груз — тяжелые морские орудия, готовые к установке на корабль на какой-нибудь африканской верфи. Вы уже выяснили, где именно?

— Мы полагаем, что в Абиджане.

— Ага, территория Ашанти. Так, так. В любом случае, второй «Замок», с теми же офицерами, но с другой командой, легко проходит мимо греков, потому что они не могут останавливать и обыскивать суда. Оттуда он плывет в Абиджан, где его ждет третий «Замок», еще один настоящий торговец. Те же офицеры, другой экипаж. И он возвращается в Данциг, чистый, как снега Памира. Умно. А что случилось с настоящим «Замком»?

— Ну, очень скоро со стапелей сошел «Бердичев». Новехонькое судно. Так говорится в его документах.

— И это происходило трижды?

— Нам известно о трех таких случаях,— сказал лорд Верховный адмирал.— Мы все еще не в состоянии даже просто проверить каждый из тех кораблей и отследить их курс, не говоря уже о том, чтобы разоблачить их незаконные махинации. Главное сейчас — немедленно положить этому конец.

— Есть свидетельства,— сказал принц Ричард,— что еще два корабля выйдут из Черного моря в течение недели. Они ускоряют проведение операции, милорд. Вот откуда такая шумиха вокруг этого чертова пропавшего планшета. Соглашение уже было подписано Кириллом, но он не приведет его в исполнение, пока не увидит печать Империи и мою подпись. Там еще лежит официальное письмо Его Величества с подписью и печатью, подтверждающее мою доверенность на право подписи, и все в таком духе. Так было сделано потому, что мой брат король не смог прибыть в Нормандию, а возить бумаги туда и обратно заняло бы слишком много времени. Два корабля короля Казимира или даже больше, прорвавшие нашу блокаду — это такая проблема, с которой мы не в силах справиться. Неаполитанский экспресс отходит из Кале в...— Он отогнул свой кружевной манжет и посмотрел на часы,— пять часов двадцать одну минуту. Этот поезд ходит только раз в неделю. Если мы в Париже доставим на него это соглашение, то меньше, чем через тридцать шесть часов оно будет в Бриндиси. Оттуда до Афин еще двадцать четыре часа на корабле. Базилевс будет ждать его там, и еще двадцать четыре часа понадобиться греческому флоту для того, чтобы привести договор в исполнение. Если мы не доставим его на этот поезд, мы пропали.

— Я не думаю, что все так плохо, Ваше Высочество,— сказал лорд Верховный адмирал.— Мы сможем доставить его...

Но герцог резко перебил его:

— Не будьте оптимистичным глупцом, милорд! Если мы сейчас не найдем эти бумаги, это будет означать, что они каким-то образом попали в руки *Серки*. Кирилл любил Воксхолла и доверял ему. После его смерти нам вряд ли удастся добиться повторного подписания договора. Кирилл сочтет нас дураками, если мы потеряем первый экземпляр, и будет прав. И, скорее всего, он откажется подписать другой. Кроме того, Казимир узнает все о соглашении и что-нибудь предпримет.

До этого момента лорд Дарси не сознавал, в каком состоянии находится принц Ричард. Подобные вспышки — это было совсем на него не похоже.

— Я думаю, вам не стоит чрезмерно волноваться на этот счет, Ваше Высочество, — тихо сказал он. — Я считаю, что могу вам гарантировать: утром соглашение уже будет в Неаполитанском экспрессе. — Он знал, что рискует своей шеей, и знал, что лезвие топора остро, как бритва. Но у него было предчувствие...

Принц глубоко вздохнул, задержал на мгновение дыхание и затем выдохнул:

— Я рад это слышать, милорд. Я знаю, вы никогда не ошибаетесь. Спасибо.

Лорд Дарси почувствовал покалывание в области шеи. Топор стал еще более реален.

— Ну, как бы там ни было, — сказал лорд Верховный адмирал, — в этой растительности его нет. Я думаю, на очереди библиотека.

Они отодвинули двойную дверь и вошли.

И замерли.

От стены до стены и от пола до потолка комната была уставлена книжными полками. И они ломились от книг.

— Помоги нам, Святая Мария, — искренне произнес принц Ричард. — Нам придется заглянуть за каждую из них.

— Погодите минуту, Ваше Высочество; позвольте, я кое-что проверю, — сказал лорд Дарси. Он подошел к двери, которая вела в приемную, и отодвинул ее. Мастер Шон сидел перед камином и тихо разговаривал

о чем-то с подмастерьем Торквином. Подполковник Дэнверс потягивал свою выпивку и угрюмо глядел в окно. Ни доктора Пейтли, ни тела в комнате не было. Все трое одновременно повернулись к лорду Дарси, как только он открыл дверь.

— Я вижу, тело уже убрали, — сказал лорд Дарси.

— Так точно, милорд, — ответил мастер Шон. — Приехал катафалк. Доктор пошел готовить тело к вскрытию. А я провел все возможные тесты.

— Отлично. Скажите мне, мой дорогой Шон, сколько времени вам понадобится, чтобы удалить — возможно, с помощью вашего коллеги, — все здешние частные заклятия, чтобы даже простой ясновидящий мог найти то, что мы ищем?

Мастер Шон моргнул и посмотрел на доброго человека Торквина.

— Какие из этих заклятий ваши?

Торквин покачал головой.

— Я не очень хорошо в этом разбираюсь, мастер. Моя специальность — замки. Я не знаю, кого покойный нанимал для обновления своих частных заклятий.

Мастер Шон огляделся, и, казалось, прощупал воздух.

— Они здесь уже давно, милорд. Пятьдесят лет или около того — плюс-минус десять процентов. Сильные, хорошо укрепленные. Еще и комплексные. Отличная, умелая работа. Работа мастера, я бы сказал, — или специалиста. М-м-м-м... — Он нагнулся, открыл свой украшенный магическими символами саквояж и достал оттуда тонкий серебряный прутик с пятилучевой звездой на конце, похожий на длинный гвоздь с пятиконечной шляпкой. Он закрыл глаза и начал медленно вращать его между большим и указательным пальцами правой руки. — Некоторые основы заклятий еще старше. Этот дом новой постройки, но эти угодья веками были частным владением. На том месте, где сейчас стоит особняк, когда-то был замок, но его снесли в пятнадцатом веке. Но и сейчас это все еще хорошие, прочные заклинания. А более современные имеют под собой старую, очень прочную основу.

Волшебник открыл глаза и положил свой жезл обратно в саквояж.

— Девять часов, милорд — это если повезет.

Лорд Дарси вздохнул.

— Забудь об этом. Большое спасибо, мастер Шон. — И он снова задвинул дверь.

— Это была отличная идея, — сказал лорд Верховный адмирал. — Давайте продолжим.

— Я советую, — сказал лорд Дарси, — сначала наскоро осмотреть все здесь, а затем перейти в столовую и в другие спальни. Мы всегда сможем сюда вернуться, если ничего не найдем там, но я буду чувствовать себя идиотом, если мы проверим все эти книги, а потом обнаружим планшет в ванной.

Быстрый поиск ничего не дал.

— Теперь в столовую, — сказал лорд Дарси, открывая раздвижные двери. — Так! Что у нас здесь?

Во всю длину комнаты тянулся пустой стол полированного орехового дерева, достаточно большой, чтобы усадить за него десятерых. На конце стола, рядом с дверью в приемную, стояла открытая бутылка вина и пустой бокал. Лорд Дарси подошел к ней и внимательно ее осмотрел. «Schwartzschlosskellar» шестьдесят девятого. Очень хорошее рейнское. Один глоток отпит, и бутылка отвратительно теплая. На дне бокала еще осталось несколько капель.

— Его последний бокал, — сказал принц Ричард.

— Да, я тоже так считаю. Оставьте его; если понадобится, мастер Шон его осмотрит.

В столовой они также ничего не обнаружили.

Передняя спальня была в точности такой же, как задняя, в которой они уже были; только узор на обоях был зеленый с серебром.

— Обратите внимание, как именно разделены спальни, — заметил лорд Питер. — Между ними только одна перегородка, но для того, чтобы попасть из одной в другую, надо пройти как минимум через две другие комнаты. У Воксхолла было отличное и очень тонкое психологическое чутье.

— Поэтому он и стал дипломатом,— сказал герцог.

В спальне тоже ничего не оказалось.

— Обратно в библиотеку,— проворчал лорд Верховный адмирал.

Даже с помощью мастера Шона, подмастерья Торквина и подполковника Дэнверса это заняло у них почти час. Они нашли массу всякой ерунды, но ничего важного. И уж конечно, здесь не было военно-морского соглашения с Румелией.

— Ну, Ваше Высочество,— сказал подполковник,— если его нет в этом доме, значит, оно где-нибудь снаружи, верно? Вот подождите, один из моих парней отыщет его. Старик Воксхолл, вероятно, обронил его где-нибудь на полпути отсюда до главного особняка. Именно туда я и послал своих сообразительных парней. Вы все разочарованы, я знаю. Вот что я вам скажу: давайте-ка хорошенько выпьем! Мы заслуживаем чего-нибудь хорошего после всей этой грязной работы.

За исключением двух волшебников, все сразу с ним согласились.

Они молча стояли, держа свои бокалы, и смотрели на стены, когда раздался стук во входную дверь и вошел лорд Сэфтон, министр иностранных дел.

Он вспотел, и его красное, обвисшее лицо казалось маслянистым.

— А, Ваше Высочество, милорды, джентльмены. Я так и думал, что найду вас здесь.— Он взглянул на присутствующих — кроме герцога и лорда Верховного адмирала, знакомых ему лиц не было. Принц Ричард представил ему остальных.

— Я пришел, чтобы сообщить Вашему Высочеству, что стражники закончили обыскивать дом. Они не нашли этот проклятый планшет, так что шеф Донал заставил их опять все осмотреть. Ищут потайные панели или что-то в этом роде. Я думал, что, может быть, вы нашли его здесь.

— Нет, настолько нам не повезло,— сказал принц Ричард. Он взглянул на лорда Дарси.— Как насчет этого, милорд? Может, нам поискать потайные панели?

Лорд Дарси покачал головой.

— Я уже искал. Такие стены, как здесь, оклеенные обоями, не приспособлены для подобных вещей. Невозможно замаскировать щели. Те места, где они *могли бы* быть, я проверил. Я собираюсь опять пройтись по галерее и посмотреть за картинами; если здесь и есть какие-нибудь потайные места, то только там.

— Хорошо, лорд Дарси,— важно сказал лорд Сэфтон,— но вы уже установили, кто совершил убийство?

— Боже правый! — Подполковник Дэнверс едва не выронил свой бокал.— Убийство? Какое убийство? — Он резко повернулся к лорду Дарси.— Вы ничего не говорили про убийство. Так это было убийство? Какого черта, о чем толкует этот парень?

— Я ничего об этом не знаю,— сказал лорд Дарси.— Никто ничего не говорил об убийстве. Что вы имеете в виду, лорд Сэфтон?

— Да,— сказал принц Ричард,— пожалуйста, объяснитесь, милорд.

Дряблый рот лорда Сэфтона открылся, закрылся и снова открылся:

— Н-н-но... Лорд Воксхолл! Я увидел его через окно, когда вы меня позвали. Он был там! С пистолетом в руке! Похожий на египетскую мумию! — Сэфтон прервался, сглотнул и уже более спокойно продолжил: — Ох... Это было самоубийство?

Лорд Дарси взглянул на герцога.

— Вы знаете, Ваше Высочество, я полагаю, это может объяснить, зачем ему понадобился пистолет. Возможно, он думал об этом — перед тем, как умер.

— Наверное, вы правы,— серьезно сказал герцог.— Он, наверное, решил, что это самый легкий выход из положения. Может, так оно и есть. Это менее болезненно.

Мастер Шон покачал головой.

— Это не болезненно, Ваше Высочество. Есть лишь моральные мучения — видеть, как ты разваливаешься на куски. Но нервная система сдает довольно быстро. Очень скоро наступает оцепенение, и так продолжается до самого конца.

Казалось, что лорд Сэфтон готов сам развалиться на куски.

— Н-н-но что вы такое говорите? Шеф Донал сказал, что Воксхолл был убит с помощью черной магии! Почему вы так спокойно об этом говорите? Почему?

— Милорд, пожалуйста, успокойтесь и сядьте, — мягко сказал принц Ричард.

— Да, милорд, сядьте, — сказал подполковник. — Вот, давайте я налью вам стаканчик бренди. Это живо поправит вас.

Лорд Сэфтон взял бокал дрожащей рукой.

— Я ничего не понимаю, — слабым голосом произнес он.

— Возможно, мастер Шон будет так добр и все вам объяснит? — сказал Его Высочество.

Мастер Шон подумал несколько секунд и затем сказал:

— Как вы думаете, сколько лет было лорду Воксхоллу, милорд?

— Ну, тридцать, тридцать пять.

— Ему было за семьдесят, — сказал мастер Шон.

Ошеломленный Сэфтон ничего не ответил.

— В наши дни, благодаря новейшим методам исцеления, — продолжал мастер Шон, — человек может рассчитывать как минимум на семьдесят лет жизни, если несчастный случай или какое-нибудь иное насилие не сведут его в могилу. Короли, из-за громадной психологической нагрузки, редко живут больше; но простой обыватель имеет все шансы на то, чтобы справить свой столетний юбилей, и если после этого он проживет еще четверть века, в этом не будет ничего необычного. Шестидесятилетнего мы называем «человеком средних лет», и это верно.

Но целители и волшебники не творят чудеса. Мы все стареем, и от этого нет лекарства. Человек начинает сдавать, его рефлексы уже не те, что раньше, у него появляются морщины, седые волосы и прочее в этом роде. Мы все это знаем, и мы все этого ждем. И еще сто лет назад — или немного больше — с этим ничего нельзя было поделать.

Тогда, в 1848 году, в начале эпохи правления Гвилиама V, двое медиков-тауматургов независимо друг от друга открыли метод, позволяющий сохранить внешний вид и энергию молодости. Один был из Вестфалии, и звали его Рейнхард фон Хорст, другой жил в Ольстере и носил имя Дуивид Ши.

По существу, они открыли способ сохранять все тело в равновесии. Я не буду углубляться в тауматургическую терминологию, но эффект их лечения был таков, что катаболизм и анаболизм тела находились в равновесии, и каждый орган поддерживал все остальные. Вам понятно?

Лорд Сэфтон кивнул и передал свой пустой бокал подполковнику Дэнверсу, который незамедлительно наполнил его вместе со своим собственным.

Лорд Дарси уже слышал эту лекцию мастера Шона, но он любил послушать Шона в его педагогическом расположении духа. В таких случаях у волшебника исчезал акцент, и он всегда показывал любой предмет с неожиданной стороны, независимо от того, сколько раз он уже о нем говорил.

— Ну, в теории все это выглядит чертовски гладко, не так ли, милорд? К сожалению, на деле это не срабатывает. Возьмем, к примеру, кожу. Она в первую очередь изменяется с возрастом. Вот откуда у нас морщины и седые волосы. Кожа теряет свою эластичность и перестает производить волосяной пигмент. С другой стороны, сердце — один из самых прочных органов в нашем организме. Оно работает днем и ночью, год за годом, и отдыхает только в крошечные промежутки времени между ударами. Если человек регулярно посещает целителя, то его старый мотор будет исправно работать до самого конца. Сердце остановится в последнюю очередь, уже после того, как откажут остальные органы и тело умрет.

Но то лечение, о котором я вам рассказываю, распространяет процесс изнашивания равномерно по всему телу. Для того, чтобы сохранить чисто косметическое функционирование кожи, сердце, легкие, поджелу-

дочная железа и прочие органы должны отдать часть своей жизненной энергии.

В конце концов, тело достигает того, что каждый орган, каждая клетка стоят на пороге смерти. И когда они начинают умирать, это происходит со всем телом целиком и с ужасающей быстротой. Это вопрос нескольких минут, больше часа это никогда еще не продолжалось. Все происходит разом. Ферменты сходят с ума. Соединительные волокна растворяются. Сопротивляемость микроорганизмам пропадает. Что ж, вы видели результат. Лорд Воксхолл применял это лечение.

— Ух,— сказал лорд Сэфтон.— Это ужасно.

— По существу дела,— безжалостно продолжал мастер Шон,— лорд Воксхолл променял пятьдесят лет своей жизни на дополнительные пятьдесят лет молодости. Все мы, кто знал его, подозревали это, и итог не стал для нас сюрпризом — только шоком.

— Боже правый,— сказал лорд Сэфтон.— Такой человек, как Воксхолл — и вдруг связан с ужасами черной магии!

— Ну, что касается этого,— сказал мастер Шон,— это и так, и не так. Я имею в виду черную магию. Это не было сделано со злыми намерениями. Ни один тауматург Империи так бы не поступил, но, как я теперь понимаю, не стоило недооценивать дурное влияние ислама. Поддерживать половую жизнь восьмидесятилетнего — это могло показаться кому-то выгодным делом. Я полагаю, все зависит от точки зрения. Но конец у этой истории получился достаточно грязный.

— Скажите, мастер Шон,— спросил принц Ричард,— сколько раз Воксхолл прибегал к этому лечению?

— О, это необходимо делать регулярно, Ваше Высочество. Это похоже на наркотическую зависимость. Через определенный промежуток времени симптомы ухудшаются. Все тело слабеет, и без дополнительных заклинаний вы развалитесь на части. И куда медленнее. Если бы лорд Воксхолл бросил это, скажем, лет двадцать пять назад, он протянул бы после этого год. Но это был бы ужасный год.

Конечно, при такой сильной зависимости волшебник уже ничего не в силах сделать. Я слышал, что у некоторых волшебников, практикующих это лечение, пациенты ослабевали и умирали прямо во время сеанса. Не могу сказать, чтобы это особенно меня интересовало.

— Почему я раньше об этом никогда не слышал? — спросил лорд Сэфтон.

— Это редко практикуется, — ответил мастер Шон. — Лишь немногие волшебники способны на это, и еще меньше действительно согласятся это делать. И это дьявольски трудная работа. Соответственно, цена высока. Очень высока. Только такие богачи, как Воксхолл, могут позволить себе это. И, конечно, об этом особенно не распространяются. Мы предпочитаем это не обсуждать, если вы меня понимаете, лорд Сэфтон.

— Да, конечно. — Министр иностранных дел осушил свой бокал и несколько секунд сидел зажмурившись. Наконец, он сказал:

— Бедный старина Воксхолл. Такой ужасный конец. — Он натянуто улыбнулся:

— Он причиняет чертовски много неприятностей. Нам всем, я имею в виду. Как вы полагаете, что он сделал с соглашением? — Он посмотрел на лорда Дарси.

Лорд Дарси в это время набивал табаком и раскуривал свою, как он ее называл, «рабочую» вересковую трубку. Он медленно выдохнул клуб дыма и сказал:

— Что ж, давайте попробуем восстановить все его действия. Воксхолл вышел из-за стола, за которым беседовали милорды, для того, чтобы принести кожаный планшет и положить в него бумаги. В то время, пока он шел, он, вероятно, почувствовал симптомы надвигающегося конца. Что это могли быть за симптомы, мастер Шон?

— Возможно, у него начали выпадать волосы, милорд, — ответил невысокий крепкий волшебник-ирландец. — Обычно это первый признак. Затем кожа вокруг глаз. И внезапное ощущение усталости и слабости.

— Мы можем представить себе, как все происходило, — продолжал лорд Дарси. — Я не знаю, как бы сам

поступил в такой ситуации, но Воксхолл был стойким человеком и знал, что печальный итог неизбежен. В некоторой степени он был к этому готов. Но в тот момент, когда это началось, все вокруг внезапно потеряло для него значение. Он не хотел, чтобы его видели, его тщеславие восставало против этого. О чем он думал в тот момент? Свои самые значительные достижения лорд Воксхолл совершил на ниве дипломатии, но самые приятное в его жизни происходило вот в этом доме. Он сам его построил, гордился им и был счастлив здесь. Я думаю, он хотел взглянуть на него в последний раз. Он хотел умереть здесь в спокойствии.

Я думаю, что оружие лежало где-нибудь в ящике стола; мы можем установить это позже, когда вернемся в особняк. Это не имеет особого значения, а лишь показывает, в каком он был состоянии.

Можно представить, как он принял это решение и пришел сюда. Но важнее всего для нас — представить, что он мог сделать с этим кожаным планшетом. Я думаю, что он просто забыл о нем. Планшет был здесь, в его левой руке, но он его даже не замечал. Как человек, который сдвинул свои очки на лоб и забыл о них.

— Почему в левой руке, милорд? — спросил, нахмурившись, принц Ричард.

— Потому что все его мысли были о правой руке,— спокойно ответил лорд Дарси.— В ней был пистолет.

Герцог молча кивнул.

— Потом, по прошествии некоторого времени, Воксхолл обратил внимание на планшет — и куда-то положил. Едва ли он сознательно его спрятал. Он внезапно его заметил, а так как планшет был довольно тяжел, то он избавился от этой ноши. Воксхолл пришел сюда, налил себе бокал вина и...

Лорд Дарси замолчал.

— Вино,— произнес он через полминуты.

— Что — вино? — спросил лорд Питер.— Отличное вино, не так ли?

— О, да. Но он никогда не стал бы пить рейнское теплым. Он не стал бы хранить его там, где оно могло бы нагреться. Да, сейчас оно теплое, но когда Воксхолл его открывал, оно было холодным. Просто должно было быть.

Дарси внезапно отвернулся от всех и посмотрел в окно на бледный, залитый лунным светом пейзаж.

— Я не могу себе это представить,— сказал он, обращаясь сам к себе.— Чтобы Воксхолл спускался по этому склону с бутылкой вина, пистолетом и планшетом. Даже если он оставил планшет в особняке, стал бы он спускаться в погреб за одной бутылкой? Нет. Он взял ее где-то по пути...— Лорд Дарси повернулся и посмотрел на принца.— В тот вечер вы четверо пили вино?

— Нет, милорд,— сказал принц Ричард.— В буфете, помимо других напитков, были опорто и херес, но из винного погреба ничего не было.

— Так где же, к дьяволу, он взял эту бутылку рейнского?

Принц Ричард внезапно хлопнул себя по лбу.

— Я забыл об этом! Здесь есть небольшой винный погреб. Пойдемте, я покажу вам.

Все двинулись за ним, прошли через столовую и снова вошли в кладовую. Герцог подошел к одной из стен, встал на колени и внимательно посмотрел на паркет. Лорд Дарси заметил в одном из паркетных блоков небольшое отверстие, как раз под размер пальца, и тут же мысленно выругал себя за то, что не увидел этого раньше.

Герцог просунул палец в отверстие и потянул. Паркетный блок выпал. Под ним скрывалось тяжелое железное кольцо. Его Высочество подцепил его и, поднимаясь, потянул на себя. Кольцо подалось, и секция пола, размером двадцать восемь на двадцать восемь дюймов, отошла, повернувшись на невидимых петлях. Внизу оказалась ведущая в темноту лестница.

Лорд Дарси достал свечу, которой он предусмотрительно запасся, когда еще в первый раз обыскивал

эту комнату. Он зажег ее своей зажигалкой, и, сжимая в зубах трубку, спустился в маленький винный погреб.

Ступив на пол подземного помещения, он поднял свечу и осмотрелся.

— Здесь не так уж много всего, — сказал он через минуту. — Большинство стеллажей пусты. Несколько бутылок хорошего красного. Да, и семь бутылок «Schwarnzshlosskellar» шестьдесят девятого, и пара дюжин семидесятого года. Не хотите ли спуститься и помочь мне, Питер? Тут свеча в подсвечнике — возможно, ее оставил Воксхолл. Она совсем недолго горела.

Лорд Верховный адмирал спустился по лестнице, как по трапу корабля.

Оставшиеся наверху ждали, стоически преодолевая свое нетерпение.

После показавшегося чертовски долгим промежутка времени они, наконец, услышали:

— Что ж, Дарси, мы осмотрели все.

— Да, ничего нет. Черт побери, где же он?

Двое крайне удрученных мужчин поднялись по лестнице.

— Большая надежда и большое разочарование, — сказал лорд Дарси. — Сожалею, Ваше Высочество.

И все они вернулись в приемную.

Там подполковник Дэнверс подошел к буфетной стойке, допил свой бокал, аккуратно надел свою офицерскую драгунскую фуражку, повернулся и отдал честь Его Высочеству:

— С разрешения Вашего Высочества я пойду, сам поищу где-нибудь между этим домом и особняком. Я не могу так просто сидеть и ждать, пока другие ищут этот пакет.

— Разумеется, подполковник. Немедленно сообщите мне, если его найдете.

— Сообщу, Ваше Высочество.

И он быстро вышел за дверь.

— Поразительный человек этот подполковник, — сказал герцог.

— Хороший офицер,— сказал лорд Верховный адмирал.— Все, что ему нужно — побывать в бою. И это ему удастся, если мы не найдем соглашение. Я, пожалуй, пойду, присоединюсь к нему. Может, смогу чем-нибудь помочь. Здесь от меня никакой пользы. С вашего разрешения, Ваше Высочество?

— Разумеется, милорд.

Он вышел, оставив лорда Дарси в компании принца, лорда Верховного адмирала, мастера Шона и подмастерья Торквина.

— Ну,— со вздохом сказал лорд Дарси,— я полагаю, что ничего больше не остается, как заглянуть за все картины в галерее. Хотел бы я знать, в какие комнаты Воксхолл действительно заходил.

— Он заходил во все,— сказал Торквин.

Лорд Дарси взглянул на маленького человека.

— Действительно?

— О, да. Он обошел весь дом, точно. Я недавно осматривал все замки и могу точно сказать, когда я открывал их. С тех пор только он был в этом доме. Забавно — он проходил в каждую дверь один раз. И только один раз. Открывал дверь, проходил внутрь и закрывал ее за собой. Удивительно. Наверно, хотел оставить дом после себя в лучшем виде, а?

Лорд Дарси, казавшийся необычайно спокойным, спросил:

— Да. Очень интересно. Могу я еще раз взглянуть на план дома?

— Конечно, милорд.

Добрый человек Торквин достал из сумки свой блокнот, нашел нужную страницу и передал его лордству.

Лорд Дарси пристально изучил план и с короткой благодарностью вернул обратно.

Затем он прошелся по комнате, глядя перед собой, как будто рассматривал что-то, видимое только ему одному. Никто не произнес ни слова. Через несколько минут он внезапно остановился и посмотрел на принца Ричарда.

— Я надеюсь, в этом доме есть водопровод, Ваше Высочество?

— Я думаю, есть. Подача воды, как, впрочем, и газа, осуществляется снаружи; обычно слуги подключают все это, если знают, что хозяин возвращается домой.

— Это хорошо. Вы не извините меня, джентльмены?

Он открыл дверь, расположенную к западу от камина, и вошел в спальню, закрыв дверь за собой.

— Серьезный человек его лордство; а, мастер? — сказал тюремщик Торквин.

— Возможно, это самый выдающийся дедуктивный мыслитель на Земле, — ответил мастер Шон. — И наверняка самый выдающийся индуктивный мыслитель. Интересно, что он нашел в этом вашем плане? А он точно что-то нашел. Я его хорошо знаю.

— Давайте взглянем, может, и мы это заметим, — сказал принц Ричард. — Я думаю, что у нас есть все те же данные, что и у него. Если он смог прийти к какому-то заключению, то и мы сможем.

— Как сказал бы мой друг Торквин — не хотите поспорить на золотой? — с усмешкой сказал мастер Шон.

— Нет, — ответил Его Королевское Высочество.

Все четверо уставились на план.

Они все еще тщетно вглядывались в него, когда, несколькими минутами спустя, вернулся лорд Дарси. На лице его играла блаженная улыбка.

— А, Ваше Высочество! Вы будете рады узнать, что все наши тревоги позади! Все великолепно! Я предсказываю... — Он театрально поднял указательный палец. — Я предсказываю, что очень скоро человек, которого вы не видели уже некоторое время, появится в этом самом доме, придя прямиком из-под земли, и принесет вам то, что вы ищете. Он и его свита придут из тьмы на свет. Я все сказал!

Герцог уставился на него.

— Откуда вам все это известно?

— Ага! Я слышал голоса, но не видел самих говорящих, — таинственно сказал лорд Дарси.

— Что с вами случилось, Дарси? — осторожно спросил принц.

Лорд Дарси распростер руки и поклонился.

— Я как погода, Ваше Высочество. Когда погода тихая — я тихий, когда погода холодная — я холоден, когда погода бурная — я бурный. Вы заметили, как сегодня таинственно?

— Хорошо, милорд; вы что-то знаете. Что это? — командным голосом спросил лорд Верховный адмирал.

— Конечно, я что-то знаю,— ответил лорд Дарси, обретая свое привычное самообладание.— Прошу вас, взгляните хорошенько на этот план. И помните, что недвусмысленно отметил тюремщик Торквин: лорд Воксхолл проходил через каждую из шестнадцати дверей этого дома — не считая двери ванных комнат — один и только один раз. Я все правильно сказал, мой добрый Торквин?

— Да, милорд, верно.

— Тогда все факты неизбежно приводят к одному выводу, который, в свою очередь, приводит нас к наиболее вероятному местонахождению соглашения. Вы еще не поняли?

Они не понимали еще с минуту или около того.

Тогда лорд Дарси тихо сказал:

— Как он вошел в дом?

Тюремщик Торквин с удивлением посмотрел на него.

— Через одну из входных дверей, конечно. У него же были все ключи.

Но мастер Шон воскликнул:

— Боже мой, да! Соответствие, милорд. Соответствие!

— Именно, мой дорогой Шон! Соответствие! — сказал лорд Дарси.

— Я ничего не понимаю,— уныло произнес лорд Верховный адмирал.— Какое такое «соответствие»?

— Способность составлять пары, ваша светлость,— пояснил мастер Шон.— Другими словами, число может быть четным и нечетным. Число дверей, ведущих в дом, составляет четыре — это четное число. Если он

прошел через все четыре двери один и только один раз, то, независимо от того, куда он пошел дальше, закончить свой путь он должен был снаружи.

— Вошел-вышел-вошел-вышел, — сказал принц Ричард. — Конечно, снаружи! Тогда как же... — Он умолк и снова взглянул на план.

— Не дадите ли вы мне чистый листок бумаги и карандаш? — тихо спросил Торквина лорд Дарси, отозвав того в сторону. Маленький человек тотчас достал все это из своей сумки.

— А имеет значение, каким маршрутом он проходил? — спросил лорд Верховный адмирал.

— Дело не в маршруте, нет, — сказал лорд Дарси. Он положил листок бумаги на каминную полку и что-то быстро на нем чертил. — Он мог избрать десять тысяч разных маршрутов и все равно пройти через каждую дверь всего один раз. Нет, маршрут не имеет значения.

— Снова соответствие, — сказал мастер Шон. — Это подходит для любой комнаты с четным количеством дверей. Я понял, к чему клонит его лордство.

— Разумеется, поняли, — сказал лорд Дарси. — Как только я сообразил, что он не мог попасть в дом через одну из входных дверей, я понял, что у этого дома должен быть потайной вход. Это как раз в духе романтика Воксхолла. И когда я увидел, где закончился его путь по дому, я сразу понял, где надо искать секретный вход. Так что с вашего позволения я вышел и приступил к поискам. Я не хотел пробуждать в вас напрасные надежды, поэтому я удостоверился, что соглашение находится именно там.

— Вы сказали, что дошли до самого конца, — сказал лорд Верховный адмирал.

— Нет. Я просто спросил насчет водопровода. Остальное вы додумали сами. В любом случае, я удостоверился и вдруг услышал голоса из...

Откуда-то изнутри дома раздался голос: «Эй, есть здесь кто-нибудь?».

— Пойдемте, — сказал лорд Дарси. — Это шеф Донал, и у него хорошие вести. Я поручил ему найти соглашение.

Все прошли через столовую прямиком в кладовую. Шеф Донал с двумя своими сержантами как раз выбирался из маленького винного погреба.

Начальник стражи держал в руках тяжелый кожаный планшет и широко улыбался.

— Мы нашли его, Ваше Высочество! Вот он! — Никогда еще он не выглядел более радостным.

Герцог взял планшет и проверил его содержимое.

— Это он, все на месте. Поздравляю, шеф Донал. И спасибо. Где же он был?

— Ну, когда первый обыск дома закончился безрезультатно, мы начали искать потайные панели, Ваше Высочество. И в винном погребе за фальшивым стеллажом мы обнаружили старый туннель. Когда-то на этом холме стоял старинный замок, это было столетия назад, и теперешний особняк был выстроен на его фундаменте. Этот туннель служил для спасения на случай осады; он кончался здесь, потому что на этом месте в то время был лес. Лорд Воксхолл сознательно построил дом именно там, где туннель выходит на поверхность. Мы прошли по нему и вышли сюда. Планшет лежал на полу туннеля, прямо за еще одним фальшивым стеллажом, который служил дверью.

— Что ж, еще раз спасибо, шеф Донал,— сказал принц.— Теперь вы можете отозвать своих людей. Мы нашли, что искали.

После того, как ушли стражники, все они вернулись в приемную. Принц Ричард осуждающе посмотрел на лорда Дарси.

— «Человек, которого вы не видели уже некоторое время»,— процитировал он.

— По меньшей мере, пару часов,— безмятежно ответил лорд Дарси.

— Могу я спросить, что нарисовано на том листке бумаги, над которым вы так прилежно трудитесь?

— Конечно, Ваше Высочество. Вот. Это просто один из предполагаемых маршрутов лорда Воксхолла. Тут возможны тысячи вариантов, но каждый из них начинается в этой комнате и кончается в кладовой, и на-

оборот. Есть только две комнаты с четным количеством дверей. Так как в этой комнате он умер, значит, начал он свой путь из кладовой. А единственный другой способ попасть туда — пройти через винный погреб.

— Все это кажется очень простым, когда знаешь ответ, — сказал герцог. — Уже совсем поздно. Мне еще надо сказать подполковнику Дэнверсу, чтобы он отозвал своих драгун. Давайте погасим все огни, и — если это вас не затруднит, подмастерье Торквин — заприте все четыре входные двери.

— И еще двери в оранжерею, Ваше Высочество, — твердо сказал маленький человек. — Лорд Воксхолл не захотел бы, чтобы по дому ходил садовник.

— Разумеется.

Двери были закрыты и огни погашены.

Лорд Дарси завернул в приемной последний газовый рожок и посмотрел на то место перед камином, где умер лорд Воксхолл.

— Obit surfeit vanitatis, — мягко сказал он.

И пришла тьма.

ЭКСПРЕСС НА НЕАПОЛЬ

1

Его Высочество принц Ричард, герцог Нормандский, сидел на краю своей кровати в Дюкальском дворце в Руане. Сняв один сапог, он устало принялся расшнуровывать другой, когда в дверь осторожно постучали.

— Да? Что случилось? — в его голосе слышались усталость и раздражительность одновременно.

— Сэр Леонард, Ваше Высочество. Думаю, это важно.

Сэр Леонард был личным секретарем герцога и фактотумом. Если он говорил, что это важно, то так оно и было. Но тем не менее...

— Раз так — проходи, но, черт тебя побери, сейчас пять часов утра. У меня был тяжелый день, и я хочу спать!

Сэр Леонард все это прекрасно знал, но все же решился побеспокоить принца. Он вошел и остановился у двери.

— Внизу командор Дуглас, Ваше Высочество, с письмом от Его Величества. С пометкой «Очень Срочно».

— Ох. Что ж, давайте посмотрим.

— Командор получил указания передать его только вам, Ваше Высочество, лично в руки.

— Черт! — сказал герцог, но уже не так раздраженно, и стал надевать только что снятый сапог.

К тому времени, как Его Высочество спустился в комнату, где его ждал командор Дуглас, он уже не был

© А. Самоделова, перевод, 2001

усталым и полусонным человеком. Перед посланником Его Величества предстал привлекательный, светлокудрый представитель гордого рода Плантагенетов, который правит Англо-Французской империей вот уже на протяжении восьми столетий.

Командор Дуглас — худощавый с седеющими волосами человек — поклонился, приветствуя герцога:

— Ваше Высочество...

— Доброе утро, командор. Как я понимаю, у вас письмо от Его Величества.

— Да, Ваше Высочество.— Морской офицер предал большой конверт с витиеватой печатью.— Я подожду ответа, Ваше Высочество.

Принц взял письмо и указал на ближайший стул:

— Присядьте, командор, пока я прочту послание.

Сам взял другой стул, сел, сломал сургуч и вытащил письмо. Наверху красовалась печать Королевской стражи. Ниже был написан следующий текст:

Мой дорогой Ричард!

Планы немного изменились. Из-за непредвиденных обстоятельств, приготовленный тобой пакет придется отправить морем, а не по суше. Человек, который передаст тебе это письмо, командор Эдви Дуглас, сопроводит письмо и твоего курьера до места назначения. Отправятся они на корабле «Белый Дельфин», находящемся под непосредственным командованием командора Дугласа. Это самое быстроходное судно из всего нашего флота.

С наилучшими пожеланиями,
любящий тебя брат Джон.

Принц Ричард еще раз перечитал письмо, не веря своим глазам. «Пакет», о котором писал Его Величество, был ни чем иным, как недавно согласованным и подписанным морским соглашением между Кириллом, императором Константинопольским, и королем Джоном. Если этот документ вовремя доставят в Афины, Мраморное море будет немедленно перекрыто для польских

«торговых» судов — в действительности оснащенных как небольшие крейсеры; их король Казимир построил в Одессе. Если эти корабли все же выйдут из Мраморного моря, то военно-морские силы польского короля впервые за последние сорок лет окажутся в Средиземном море и Атлантике. Скандинавское соглашение, подписанное в 1939 году, закрыло полякам выход через Балтику, но вот соглашение с греками оставляло им лазейку.

Последний договор отнимал и эту возможность, но Кирилл и пальцем не шевельнет, пока в его руках не окажется это соглашение, подписанное Джоном IV. В Черном море находилось уже три польских крейсера, и как только они минуют Дарданеллы, будет уже поздно. Их надо было запереть в Мраморном море, а это означало, что документ должен быть доставлен в считанные дни. План уже был готов: маршрут рассчитали поминутно, так, чтобы пакет прибыл к месту назначения как можно скорее.

А теперь Его Императорское Величество Джон IV, Милостью Божией Король Англии, Франции, Шотландии и Ирландии, Император Римский и Германский, Сын Солнца, Лорд Протектор Западных Континентов Новой Англии и Новой Франции, Защитник Веры — изменил этот план. Безусловно, он имел на это все права. Но все же...

Принц Ричард взглянул на свои часы, затем сверился с часами командора.

— Боюсь, что послание моего брата короля немного запоздало, командор. Пакет, о котором здесь говорится, через пять минут отправится из Парижа на экспрессе в Неаполь.

2

Длинные ярко-красные вагоны Неапольского экспресса уже, казалось, начали движение; две десятидюймовые полосы на боку вагона — синяя и белая — еще более усиливали это ощущение. В головной части, уже

почти за пределами Южного Парижского вокзала, огромный двигатель со свистом выпустил пар. Обычно в экспрессе не оставалось ни одного свободного места. Он отправлялся из Парижа в Неаполь только два раза в неделю: все билеты заранее распроданы, плюс еще довольно большой лист ожидания. Неудобство, связанное с листом ожидания, заключалось в том, что ожидающие должны были занимать предложенные места в порядке очереди или предоставить их следующему по списку пассажиру. Вагон экстра-класса был последним в поезде и отделен от остальных вагоном-рестораном. Все шестнадцать мест были заказаны, но в последний момент от трех из них отказались. Двое ожидающих неохотно согласились на доплату, но все же заняли места. Однако одно так и осталось пустым — никто из желающих не мог позволить себе путешествовать за такую цену.

Пассажиры занимали места. Одним из них был низенький, плотный, темноволосый, хорошо одетый ирландец с испещренным символами саквояжем в одной руке и чемоданом в другой. Судя по документам, его звали Шомус Килпадраег, мастер-волшебник. Незаметно для стороннего взгляда он внимательно рассматривал других пассажиров. Впереди него в очереди стоял широкоплечий стройный мужчина с седеющими волосами. Он назвался сэром Стенли Галбрайтом. Поднимаясь в вагон, он даже не повернул голову, чтобы посмотреть на волшебника. Ирландец же назвал себя, поставил чемодан на пол, достал билет, а взамен получил корешок.

Человеком, шедшим после него — он был последним в очереди, — оказался высокий, худощавый мужчина с каштановыми волосами и большой густой бородой. Чуть раньше мастер Шомус видел, как тот спешил по перрону, стараясь успеть к поезду. В одной руке у него был чемодан, а в другой трость с серебряным набалдашником. Он немного прихрамывал. Волшебник слышал, как опоздавший назвал свое имя — добрый человек Джон Пибоди. Мастер Шомус знал, что хромота была фальшивой, а в трости был спрятан узкий

клинок, но не проронил ни слова; не оборачиваясь, взял чемодан и поднялся в вагон.

В небольшом холле в задней части вагона находилось пять или шесть пассажиров, остальные, по-видимому, заняли места в своих купе. Мастер Шомус сверился с билетом, его купе было вторым — это в самом начале вагона. Он пробрался к своему месту. Здесь он снова посмотрел на билет: верхняя полка. Под ней не было места для багажа, зато под нижней полкой было два запирающихся на ключ отделения. Ключ от того, на котором была надпись «Верхняя», был вставлен в замок, а во втором замке ключа не было, что означало, что сосед мастера Шомуса уже положил свой багаж, запер его и взял с собой ключ. Волшебник тоже уложил свои вещи, закрыл замок и положил ключ в карман. Больше мастеру Шомусу делать в купе было нечего, и он решил вернуться в холл.

Обладатель густой бороды, назвавшийся Пибоди, уже сидел в одном из кресел и читал «Парижский Стандарт». Бросив на него незаметный взгляд, волшебник более не удостаивал его своим вниманием: нашел себе место, сел и стал наблюдать за остальными.

Публика была самой разнообразной: высокие и низкие; среднего возраста, а некоторым чуть больше тридцати. Самый молодой — блондин с румяными щеками — уже стоял у бара, нетерпеливо ожидая выпивки, хотя должен был знать, что раньше, чем поезд не наберет ход, спиртное подавать не начнут. Самым старшим был седой джентльмен в одежде священника. Он носил маленькие усы и небольшую бороду, щеки были гладко выбриты. Он спокойно читал требник через полукружья очков в тонкой золотой оправе.

В холле находилось только девять человек, включая волшебника. Пятеро по тем или иным причинам остались в своих купе. Последний отсутствующий пассажир, казалось, уже не успеет на поезд.

Пухлый мужчина — нельзя сказать, что полный, однако его вес был явно больше нормы,— запыхавшись, подбежал к контролеру, когда тот уже закрывал дверь.

В одной руке он сжимал ручку чемодана, в другой — смятую шляпу. Рыжеватые волосы растрепал теплый весенний ветер.

— Квинт,— выдохнул он.— Джейсон Квинт.— Он протянул билет.

— Рад, что вы все же успели,— сказал контролер, отдавая ему корешок.— Теперь все на месте,— и закрыл дверь.

Через две минуты поезд тронулся.

3

Через пять минут после того, как они отъехали от станции, проводник в красно-синей форме прошел по вагону и попросил всех пройти в холл.

— Начальник поезда хочет поприветствовать вас,— информировал он каждого.

В положенное время начальник поезда вышел в холл. Это был человек среднего роста, с топорщащимися черными усами; когда он снял фуражку, все увидели большую лысину, окаймленную черными волосами. Его красно-синяя форма отличалась от формы других железнодорожников четырьмя широкими белыми полосами на каждом рукаве.

— Господа,— начал он, слегка хмурясь.— Меня зовут Эдмунд Нортон, я — начальник поезда. Я просмотрел ваши билеты и выяснил, что все вы едете до Неаполя. Расписание напечатано на маленьких табличках на дверях каждого купе, и еще одно,— он показал рукой,— висит у бара. Наша первая остановка будет в Лионе сегодня в 12:15, стоянка продлится час. На станции есть отличный ресторан, там можно пообедать. В Марсель мы прибудем в 6:24 и пробудем там до 7:20. Легкий ужин будет накрыт в вагоне-ресторане в девять часов.

Примерно через полчаса после полуночи мы пересечем границу Прованса и Лигурии. Поезд остановится минут на десять, но не стоит беспокоиться, так как никому не будет разрешено ни сойти, ни войти в вагоны.

В Женеву мы прибудем в 3:31 утра и стоянка будет длиться до 4:30. С 8 до 9 вы сможете позавтракать в вагоне-ресторане, а в Рим мы прибудем в 12:04. В час мы выедем из Рима. За этот час, я думаю, будет лучше пообедать. И в Неаполь мы прибудем в 3:26 пополудни. Общее время в пути — тридцать четыре часа и четырнадцать минут.

Вагон-ресторан к вашим услугам с шести часов утра. Это — следующий вагон по ходу движения поезда. Добрый человек Фред всегда к вашим услугам, но не стесняйтесь в любое время обращаться и ко мне.

Проводник, добрый человек Фред, поклонился.

— Позволю себе напомнить, джентльмены, что курить в купе, коридорах или комнате отдыха не разрешено. Если вы хотите покурить — выйдите на смотровую площадку в конце вагона. Теперь я с радостью отвечу на все ваши вопросы.

Вопросов не последовало. Главный проводник еще раз поклонился.

— Благодарю за внимание, джентльмены. Надеюсь, вы останетесь довольны поездкой.

Он надел фуражку, повернулся и вышел.

В вагоне-ресторане были специально зарезервированы четыре столика для тех, кто путешествует в вагоне экстра-класса. Мастер Шомус Килпадраег пришел в вагон-ресторан раньше всех. Затем один за другим стали появляться остальные.

Рослый мужчина с коротко остриженными седыми волосами и усами на военный манер представился первым.

— Меня зовут Мартин Бутройд. Кажется, какое-то время мы проведем вместе на этом поезде, не так ли? — все его внимание было приковано к волшебнику.

— Кажется, так, добрый человек Мартин, — любезно ответил упитанный ирландец. — Я Шомус Килпадраег, очень приятно познакомиться.

Человеком с квадратным лицом и двухдюймовым шрамом на правой щеке был Гавин Тайлер; блондина с крупным носом звали Сидни Шарпантьер.

Подошел официант, принял заказы и удалился.

Шарпантьер потер свой выдающийся нос указательным пальцем:

— Простите меня, добрый человек Шомус,— прогромыхал он низким голосом,— но мне показалось, что когда вы садились на поезд, в руках у вас был саквояж мага?

— Вы не ошиблись, сэр,— мягко ответил волшебник.

Шарпантьер улыбнулся, обнажая ровный ряд белых зубов:

— Я так и думал. Маг? Или я должен называть вас «мастер Шомус»?

— Мастер — в самый раз, сэр,— так же с улыбкой ответил ирландец.

Разговаривали они довольно громко, впрочем, как и все остальные, стараясь перекрыть шум и стук колес экспресса на Неаполь. Он вез их на юг, к Лиону.

— Рад с вами познакомиться, мастер Шомус,— сказал Шарпантьер.— Я всегда интересовался магией. Порой даже сам хотел стать волшебником. Но до мастера мне не добраться — математика выше моего понимания.

— Вот как? Значит, у вас есть Талант? — спросил волшебник.

— Да, небольшой. У меня есть разрешение мирского целителя.

Мастер Шомус кивнул. Лицензия мирского целителя давала право на оказание первой помощи и ассистирование квалифицированному целителю в непредвиденных обстоятельствах.

Тайлер, человек с квадратным лицом, потер пальцем свой шрам и сказал немного странным голосом:

— Хуже нет, чем эти проклятые жулики.

Бутройд вдруг спросил:

— Меня всегда интересовал один вопрос... А вот и завтрак,— пока официант расставлял блюда с горячей едой, он продолжил: — Есть один вопрос, который я всегда хотел задать. Я знаю, что целители все делают с помощью рук, ну, может, немного масла или

воды, а волшебники используют всевозможные принадлежности — палочки, амулеты, курильницы, и тому подобное. Вы не могли бы объяснить, почему?

— Видите ли, сэр,— начал лекцию волшебник,— дело в том, что они немного по-разному используют свой Талант. Целитель лишь помогает процессу, который протекает естественным образом и в нужном ему направлении. Организм сам по себе склонен к исцелению. Более того, сам пациент хочет исцелиться, за исключением некоторых случаев помрачения рассудка. Тогда целитель прибегает к другим мерам.

— Другими словами,— прервал его Шарпантьер,— целитель действует вместе с организмом и разумом пациента.

— Именно так,— согласился волшебник.— Целитель только смазывает тормоза, образно говоря.

— А как это отличается от того, что делает волшебник? — спросил Бутройд.

— В большинстве случаев волшебник имеет дело с неодушевленными предметами. Они ему совсем не помогают, вы понимаете? Поэтому ему и приходится использовать всевозможные инструменты, а целителю они не нужны. Вот вам аналогия. Предположим, что у вас есть два друга. Они весят по четырнадцать стоунов каждый. Предположим, они выпили и им надо домой. Но они сильно перебрали и сами добраться не могут. Вы, как абсолютно трезвый человек, можете взять их обоих под руки и одновременно отвести их домой. Может, это будет довольно трудно и потребует от вас некоторых усилий и сноровки, но вы сможете сделать это без посторонней помощи, потому что, по большому счету, они помогают вам. Они хотят добраться домой.

Теперь предположим, что у вас тот же вес в двух мешках с песком, и вы хотите доставить их в то же место и за то же время. Помощи от трех сотен девяносто двух фунтов песка ждать не приходится. Вам нужно использовать какое-то приспособление. У вас много разных инструментов, но нужно выбрать один. В дан-

ном случае понадобится тележка, а не отвертка или молоток.

— А, я понял, — сказал Бутройд, — вы хотите сказать, что работа целителя легче?

— Не легче, а другая. Кто-то сможет провезти двадцать восемь стоунов песка целую милю за пятнадцать минут, но не сможет справиться с двумя пьяными. С ними физической силы недостаточно. Разный подход, понимаете ли.

Читая эту импровизированную лекцию, мастер Шомус не спускал глаз с пассажиров в конце вагона. Только четырнадцать человек вышли к завтраку. За соседним столиком два фатоватого вида джентльмена рассуждали о церковной архитектуре. Больше мастер Шомус никого не мог слышать из-за шума поезда. Не хватало только одного человека. Видимо, добрый человек Джон Пибоди не захотел завтракать.

4

Играть в *саба* начали рано.

Импозантный мужчина с ястребиным носом и пышной бородой, в белизне которой выделялись лишь две каштановые струйки, начинавшиеся от углов его рта, подошел к мастеру Шомусу, сидевшему в холле.

— Мастер Шомус, я Гвилиам Хаузер. Мы тут решили немного поиграть и подумали, может, вы к нам присоединитесь? Партия в *саба*.

— Спасибо за предложение, добрый человек Гвилиам, — ответил на приглашение волшебник, — но боюсь, я не азартный человек.

— Это не обязательно, сэр. Двенадцать очков вперед. Просто дружеская партия, чтобы скоротать время.

— Нет, даже дружескую партию. Но еще раз спасибо.

Хаузер сузил глаза:

— Могу я спросить, почему?

— Можете, сэр. И я отвечу вам. Если волшебник начинает играть с тем, у кого нет Таланта, он может только проиграть.

— Почему это?

— Потому что, если он выиграет, то наверняка найдется тот, кто обвинит его том, что тот использует свой Талант для мошенничества. Вам надо посмотреть, как играют между собой волшебники. Это стоящее зрелище, хотя большую часть происходящего вы не увидите.

Во взгляде Хаузера вспыхнуло понимание, из-под густой бороды донесся смешок:

— Понятно. Об этом я не подумал. Бутройд сказал, что вы, может, захотите сыграть, поэтому я и спросил. Передам ему ваши соображения.

В действительности, волшебника никогда не обвиняют в мошенничестве, тем более в картах. Но сильно проигравшиеся, особенно выпившие, часто совершают поступки, о которых потом жалеют. Волшебники очень редко играют в азартные игры с бесталанными людьми, даже если это их близкие друзья.

В конце концов, Хаузер, Бутройд, почти опоздавший пухлый Джейсон Квинт, и один из тех фатов — высокий с топорщащимися усами, который, казалось, слился воедино со своим костюмом, — составили партию, сели за стол, распечатали колоду и заказали выпивку. Игра началась.

Волшебник понаблюдал за игрой некоторое время, затем открыл номер журнала Королевского Тауматургического Общества и углубился в чтение. В восемь пятнадцать ирландец дочитал статью «Субъективная алгебра кинетических процессов» и отложил журнал. Он устал, но спать еще не хотелось. Качание вагона мешало сконцентрировать взгляд на строчке. Мастер Шомус закрыл глаза и помассировал переносицу.

— Простите, мастер Шомус. Не возражаете, если я присоединюсь?

Волшебник открыл глаза и взглянул наверх.

— Вовсе нет. Прошу, присаживайтесь.

Это был рыжеволосый человек, с носом картошкой, с обвисшей, морщинистой кожей на лице. Его улыбка была приятной, а глаза смотрели сонно.

— Зайслер мое имя, мастер Шомус. Морис Зайслер,— он протянул правую руку; в левой он держал объемистый стакан виски с содовой, причем виски явно преобладал.

Они пожали друг другу руки, и Зайслер устроился в кресле по левую руку от мастера Шомуса.

— Ужасно глупая игра. Надо запомнить все эти карты. Одну пропустишь — проиграл, тут же потеряешь в лучшем случае один соверен. Запомни все карты, чуть-чуть удачи, переблефуй всех остальных — ты выиграл, и у тебя уже на четыре соверена больше. Мне никогда не везет, и я не могу запомнить карты. Вандепол может. У него всегда получается. Поэтому я ставлю им выпивку и не вмешиваюсь в игру. Так меньше теряешь.

— Очень мудро,— пробормотал волшебник.

— Заказать вам выпить?

— Нет, благодарю вас, сэр. Рановато для меня. Позже, возможно.

— Конечно. Как хотите.— Он сделал изрядный глоток из стакана, а затем конфиденциально наклонился к волшебнику.— Что я действительно хотел бы знать, так это — мошенничает ли Вандепол? Вандепол — это тот фат с топорщащимися усами. Он как-то использует свой Талант, чтобы карты выпадали в определенном порядке?

Волшебник даже не взглянул на играющих.

— Вы просите профессионального совета, сэр? — спросил он приторным голосом.

Зайслер моргнул:

— Ну, в общем, я...

— Потому что, если это так,— продолжил мастер Шомус уже более жестко,— я должен предупредить вас, что плата за такого рода услуги мастера моего ранга очень высока, так что советую вам обратиться к волшебникам, которые специализируются в этой сфере. Их гонорар будет гораздо скромнее, а информацию они дадут такую же.

— А! Хорошо. Спасибо. Приму к сведению. Спасибо.— Он сделал еще один глоток.— Хм, кстати, вы

случайно не знакомы с волшебником по имени мастер Шон О Лохлейн?

Ирландец еле заметно кивнул:

— Мы встречались.

— Повезло. Я вот никогда его не видел, но много слышал о нем. Судебный волшебник, вы знаете. Интересная работа. Хотелось бы мне с ним когда-нибудь встретиться,— пока он говорил, глаза смотрели куда-то мимо волшебника, казалось, он пытается рассмотреть мелькавшие за окном французские пейзажи.

— Значит, вы интересуетесь магией? — спросил маленький ирландец.

Глаза Зайслера опять смотрели на соседа:

— Магией? О, нет. У меня нет Таланта. Нет, я интересуюсь работой следователя. Криминальные расследования.— Он моргнул и нахмурился, как будто пытался что-то вспомнить. Вдруг его глаза прояснились, и он сказал: — Я вспомнил мастера Шона, потому что встречал человека, с которым он работает. Лорд Дарси — главный следователь Его Высочества герцога Нормандского.

Зайслер снова наклонился и зашептал. От него сильно пахло виски:

— Вы были на конвенции целителей и магов в Лондоне в прошлом году, когда убили волшебника по имени Цвинге в гостинице Королевского управления?

— Я был там,— ответил волшебник.— И очень хорошо помню.

— Ха, я думаю. Я тогда служил в Адмиралтействе. Там Дарси и встретил.— Он подмигнул глазом.— Помог ему раскрыть то дело, но больше я вам ничего сказать не могу.— Его взгляд снова переместился на пейзажи в окне.— Великий сыщик. Гений в своем деле. Никто, кроме него, не смог бы раскрыть это дело, а он тут же все понял. Гений. Хотел бы я иметь такие мозги, как у него,— он допил виски.— Да, сэр, хотел бы я иметь его мозги.

«Помощник сыщика» посмотрел на дно пустого стакана и встал:

— Пора подзаправиться. Хотите?
— Еще нет. Позже, может быть.
— Сейчас вернусь.

Зайслер направился в бар. Но не вернулся, как обещал — разговорился с Фредом, который прислуживал за стойкой, и забыл о существовании мастера Шомуса, за что тот был ему глубоко признателен.

Волшебник отыскал взглядом Джона Пибоди. Обладатель густой бороды одиноко сидел в дальнем конце холла, все также читая газету. Он так глубоко погрузился в чтение, что потревожить его, казалось, по меньшей мере, бестактно. Но мастер Шомус знал, что внимание этого человека в немалой степени обращено на коридор, который вел к купе.

Маг посмотрел на играющих. Фат с топорщащимися усами сгребал солидный выигрыш.

Если Вандепол и жульничал, то Талант при этом не использовал ни скрыто, ни неосознанно. Возможно, конечно, что он обладал прекогнитивным Талантом, но это явление в тауматургической науке до сих пор оставалось только теорией. Кто-нибудь когда-нибудь решит проблемы асимметрии времени, но до сих пор этого никому не удавалось. Даже относительно новые исследования в субъективной алгебре не предлагали никакого решения. Мастер-тауматург пожал плечами и снова принялся за журнал, но ничего интересного для себя на этот раз там не нашел.

5

— Лион, джентльмены! — разнесся по холлу голос доброго человека Фреда, перекрывая стук колес. — Через пятнадцать минут остановка в Лионе! Бар закроется через пять минут! Ланч будет накрыт в ресторане на станции! В Лионе пробудем до часа пятнадцати! Сейчас полдень!

Наконец Фред привлек внимание присутствующих и еще раз повторил сообщение. Но в холле были не все пассажиры. Поэтому, закрыв бар — Зайслеру за эти пять

минут удалось заказать еще пару стаканов, — Фред прошел по всем купе, стуча в двери и повторяя:

— Через десять минут прибываем в Лион! Ланч будет накрыт в ресторане на станции. В Марсель мы отправимся в 1:15.

Толстенький ирландский волшебник повернулся к окну, чтобы посмотреть на предместья Лиона. Как он и ожидал, пейзаж радовал глаз. Долины Роны известны своими виноградниками, но теперь виноградные лозы уступали место коттеджам, все ближе и ближе подбиравшимся друг к другу, — и вот наконец поезд въехал в город. Дома здесь в большинстве своем были старые, но опрятные и ухоженные. Официально графство Лионское было частью герцогства Бургундского, но население никогда не считало себя бургундцами. Граф Лионский пользовался куда большим уважением и расположением, чем герцог Бургундский. Его сиятельство уважал эти чувства и предоставил милорду графу столько свободы, сколько позволяли законы Его Величества. Внешний вид вверенных графу территорий говорил о том, что он хорошо справлялся со своими обязанностями.

— Извините, мастер-волшебник, — сказал мягкий, приятный голос.

Он повернул голову — перед ним стоял пожилой человек в одеянии священника.

— Чем могу помочь, святой отец?

— Позвольте представиться: я — преподобный отец Арманд Бран. Я заметил, что вы здесь один, и подумал, может, вы присоединитесь ко мне и еще нескольким джентльменам и разделите с нами стол за ланчем.

— Мастер Шомус Килпадраег к вашим услугам, преподобный отец. С радостью присоединюсь к вам. У нас, кажется, будет целый час.

«Другие джентльмены» стояли у бара и были представлены все тем же мягким и приятным голосом. Симон Ламар обладал редкими темными волосами, сквозь которые проглядывала кожа головы, длинным лицом и губами, сжатыми в тонкую линию. Голос у него был невыразительный, и говорил он с легким йоркширским акцентом:

— Очень приятно, мастер Шомус.

Выговор Маккея был одновременно и оксфордским, и оксфордширским, а голос — ровным и хорошо модулированным. Это был второй из тех фатовато одетых джентльменов. Его безукоризненный костюм выглядел только что отутюженным. У него были темные, густые, слегка вьющиеся волосы; блестящие карие глаза оттенялись длинными темными ресницами. Он был привлекателен, даже слишком.

У Валентина Херрика были огненно-рыжие волосы и белозубая улыбка, он прямо излучал здоровье и силу. Пожав руку волшебника, он произнес:

— Ненавижу, когда кто-то ест в одиночестве. Еда не еда без хорошей компании, не так ли?

— Конечно,— согласился маг.

— Особенно в этих станционных ресторанах,— сказал Ламар своим невыразительным голосом.— Компания отвлекает от безвкусной пищи.

Маккей примиряюще улыбнулся:

— Не так уж тут и плохо. Идемте — сами увидите.

Ресторан «Сердце Лиона» оказался довольно милым и уютным местом. Построен он был не более пятидесяти лет назад, но выдержан в стиле короля Гвилиама IV конца XVIII века. Декор, однако, отражал игру слов в названии ресторана,— и, вероятно, был тщательно подобран с этой целью. У дверей красовался цветной барельеф в три четверти человеческого роста — король Ричард Львиное Сердце, в шлеме и кольчуге, с широко расставленными ногами; в правой руке король сжимал рукоять обнаженного меча, острие которого указывало на дверь, в левой держал щит с английскими львами. Внутри также красовались изображения рыцарей и дам в костюмах времен Ричарда I.

Первые десять лет своего правления Ричард провел в благородных и героических, но глупых и расточительных битвах Третьего крестового похода, однако после ранения при осаде Шалю, когда он оказался между жизнью и смертью, стал достойным правителем.

Некоторые историки утверждают, что если бы Ричард тогда умер, Капеты заняли был трон Англо-Французской империи вместо Плантагенетов. Но Капеты уже давно не существуют — это была младшая ветвь Плантагенетов, ведущая начало от изгнанного принца Джона, младшего брата Ричарда. Именно Ричард и Артур, его племянник, который унаследовал трон в 1219 году, смогли удержать англо-французскую нацию единой в те трудные времена, а потомки короля Артура поддерживали империю на протяжении семи с половиной веков. Ричард совершал ошибки, но был превосходным королем.

— Интересная тема для декора,— сказал отец Арманд, когда официант проводил пятерых мужчин за столик.— И он неплохо выполнен.

— Хотя и не совсем соответствует времени,— сказал Ламар.

— Верно, верно,— согласился святой отец.— Совсем не похоже на тринадцатый век. Тщательно воссоздан конец семнадцатого, что хорошо подходит к остальным интерьерам. Должно быть, работа дорого стоила. Теперь по пальцам можно перечесть художников, которые способны на такое.

— Согласен,— ответил Ламар.— Теперь мастерство куда ниже прежнего.

Отец Арманд предпочел проигнорировать последнее замечание.

— Взгляните наверх, на маршала Гвилиама, по крайней мере, я полагаю, что это он; у него отличительные знаки маршала. Держу пари, что если по лестнице забраться к нему поближе, то можно будет разглядеть крошечные заклепки на каждом звене его кольчуги.

Ламар поднял палец:

— И он тоже не соответствует периоду.

Отец Арманд был удивлен:

— Клепаная кольчуга не соответствует тринадцатому веку? Сэр, вы...

— Нет, нет,— поспешил перебить его Ламар.— Я имею в виду плащ с гербами маршала. Такого рода украшения появились лишь век спустя.

— Вы знаете,— вдруг заговорил Артур Маккей,— мне всегда было интересно, как бы я выглядел в таком обмундировании. Неплохо, я думаю,— его актерские интонации являли сильный контраст с невыразительным голосом Ламара.

Валентин Херрик посмотрел на говорившего и широко улыбнулся:

— Вы только взгляните на него. Было бы великолепно! Он рвется в бой с таким вот огромным мечом! Или спасает сказочную принцессу! Или убивает дракона! Или сумасшедшего волшебника! — Он осекся.— Ой, извините, мастер-волшебник!

— Все в порядке,— мягко ответил мастер Шомус.— Вы можете перебить всех сумасшедших волшебников. Только не ошибитесь.

Все искренне рассмеялись, даже Херрик. Они изучили меню, выбрали и заказали себе ланч. Еда, которую волшебник нашел весьма вкусной, была подана незамедлительно. Святой отец похвалил пищу. Ламар же вроде был доволен блюдами, но вот вино не пришлось ему по вкусу.

— Это «Деласи» шестьдесят девятого года, с юга Гивора. Неплохой год для красных сортов, но не идет ни в какое сравнение с «Моне» шестьдесят девятого, из маленького местечка в нескольких милях на юго-запад от Беарна.

Маккей поставил свой стакан на стол и казалось, что он обращается именно к нему:

— Вы знаете, я всегда был сторонником того утверждения, что настоящие знатоки заслуживают жалости, потому что они натренировали свой вкус до такого совершенства, что не могут наслаждаться почти ничем. Я полагаю, это следствие закона Асипенсера, или теорема, берущая свое начало в этом законе.

Херрик моргнул своими ярко-голубыми глазами:

— Что? Я не знаю, о чем вы там говорите, но, святой Георг свидетель, я думаю, это хорошее вино, черт его побери.— И он подтвердил свое высказывание, допив свой стакан и снова наполнив его из графина.

Как будто услышав призыв в звуках льющегося вина, Морис Зайслер нетвердым шагом подошел к столику. Его не шатало, но та аккуратность, с которой он двигался и говорил, выдавала те усилия, которые он прилагал, чтобы и то, и другое выглядело пристойно. Он не присел за столик.

— Привет, ребята,— выговорил он.— Вы заметили, кто сидит там в углу?

В зале, конечно же, было четыре угла, но он легким кивком указал на тот, который его заинтересовал. Там завтракал обладатель бороды Джон Пибоди. На полу у стула стоял его чемодан.

— И что? — спросил Ламар.

— Знаете его?

— Нет. Он слишком замкнут. А в чем дело?

— Я не знаю. Он мне кого-то напоминает. Я его знаю. Но не помню, откуда. Ох...— И он, пошатываясь, вернулся к бару, откуда отошел, чтобы поделиться своими наблюдениями.

— В его состоянии он не узнал бы и собственную мать,— проворчал Ламар.— Передайте вино, пожалуйста.

6

Неапольский экспресс пересек Рону в Лионе и направился на юг через герцогство Дофине по направлению в герцогству Прованс, вдоль реки. Возле Авиньона поезд должен был повернуть в сторону от реки, на юг, к Марселю, но это должно было случиться лишь около пяти часов.

Экспресс на Неаполь не был скоростным поездом — для этого он слишком длинный и тяжелый. Но на пути из Парижа в Неаполь он делал только четыре остановки. Пять — если считать небольшую остановку на границе Прованса и Лигурии. Чтобы не пересекать Альпы, поезд следовал вдоль побережья Средиземного моря через Тулон, Канны, Ниццу и Монако. Обогнув Женевское озеро, экспресс пройдет по побережью до Тибра, где

повернет на восток к Риму. Там он пересечет Тибр и вновь направится к морю, по берегу которого и довезет своих пассажиров до Неаполя. Но там они окажутся только завтра к полудню. Впереди еще сотни миль.

Мастер Шомус сел в одно из кресел на смотровой площадке, в самом конце вагона, и смотрел на удаляющиеся долины Роны. На полукруге площадки обозрения было четыре кресла, по два с каждой стороны от двери, которая вела в холл. Два справа уже были заняты Джейсоном Квинтом — едва не опоздавшим к отправлению толстяком — и молодым розовощеким блондином, чьего имени волшебник еще не знал. Оба курили сигары и разговаривали так, что голоса были слышны, но слова терялись в стуке колес и шуме ветра.

Мастер Шомус сел на дальнее из оставшихся кресел, а второе занял отец Арманд, доблестно разжигавший на ветру свою трубку. В конце концов трубка была зажжена должным образом, отец Арманд откинулся на спинку стула и расслабился.

Дверь открылась, на площадку вышел еще один человек. Он набивал табак в короткую трубку из корня вереска. Это был сэр Стэнли Галбрайт, широкоплечий, мускулистый, начинавший седеть мужчина, который вошел в поезд перед волшебником. Он не обратил никакого внимания на присутствующих и подошел к высоким поручням, окружавшим смотровую площадку. Набив трубку, он убрал кисет и стал искать зажигалку. Не найдя ее, сэр Стэнли, хмурясь, повернулся. Морщины разгладились, когда он увидел трубку отца Арманда.

— Ах. Прошу прощения, святой отец, но не могли бы вы одолжить мне вашу зажигалку для трубки? Я, видимо, забыл свою в купе.

— Конечно,— ответил преподобный отец и протянул ему зажигалку, которой сэр Стэнли тут же воспользовался. Ему удалось раскурить трубку удивительно быстро.

— Спасибо,— поблагодарил он, возвращая одолженную вещицу.— Меня зовут Галбрайт, сэр Стэнли Галбрайт.

— Отец Арманд Бран. Очень приятно, сэр Стэнли. Это мастер-волшебник Шомус Килпадраег.

— Очень приятно, джентльмены, очень приятно, — он глубоко затянулся. — Вот. Теперь не потухнет. Хорошо, что нет дождя, а то я не взял с собой соответствующую трубку.

— Если понадобится, сэр Стэнли, дайте мне знать, — вмешался в разговор толстяк Джейсон Квинт.

Он и его розовощекий молодой собеседник прекратили разговор, когда появился сэр Стэнли, и поэтому слышали, о чем он говорил. Голос сэра Стэнли был не слишком громким, но хорошо поставленным.

— У меня их две, — продолжил Квинт, — одной из них я не пользовался. С удовольствием подарю ее вам, если хотите.

— Нет, нет. Весьма вам благодарен, но вплоть до Неаполя обещают хорошую погоду, — он посмотрел на волшебника. — Ведь так, мастер Шомус?

Маг улыбнулся:

— Так говорится в прогнозе, сэр Стэнли, но сам я не могу утверждать этого. Магия погоды — не моя область.

— О, извините. Вы и ваши коллеги всегда на чем-то специализируетесь, не так ли? А какая у вас специализация?

— Я изучаю судебное волшебство.

— Понятно. Несомненно, интересная тема.

В этот момент его внимание привлек запах долетевшего до него сигарного дыма.

— Джеймисон!

Розовощекий юнец вынул сигару изо рта и с тревогой посмотрел на сэра Стэнли:

— Сэр?

— Что за дрянь вы курите?

Джеймисон опустил глаза на сигару в руке с видом, будто представления не имел, как она вообще тут оказалась.

— «Хаштапар», сэр.

— Персидский табак; я так и думал, — дворянин удовлетворенно улыбнулся. — Хороший персидский

табак — удивительная вещь, а вот плохой — к которому относится и это — напоминает мне... Я боюсь тебя смутить, мой мальчик... э-э... арабский бордель.

Неловкая пауза напомнила всем, что среди них присутствует человек духовенства.

— Выбросьте ее, Джейми,— нарочито громко сказал Квинт.— Вот, возьмите мою.

Джеймисон посмотрел на три четверти выкуренную сигару и выкинул ее.

— Нет, спасибо, Джейсон. Я бы все равно ее выбросил. Просто решил попробовать.— С довольно глупой улыбкой он посмотрел на сэра Стэнли.— Они были дорогие, сэр, поэтому я купил одну. Только попробовать. Но вы правы — от нее пахло, как... как из даосского храма.

Сэр Стэнли хихикнул.

— Некоторые из самых дурных привычек — также и самые дорогие, сынок. Впрочем, как и некоторые из самых лучших.

— А вы что курите, сэр Стэнли? — негромко спросил отец Арманд.

— Это? Смесь балика и робертийского.

— Мне нравится похожая смесь. Думаю, балик — лучший из турецких сортов. Но я смешиваю балик с коубинским.

Сэр Стэнли покачал головой:

— Табак из герцогства Коубы больше подходит для сигар, святой отец. А в герцогстве Робертии выращивают лучший табак для трубок. Конечно же, я допускаю, что все это — дело вкуса.

— Я никогда не был на Коубе,— вставил Квинт,— но я видел табачные плантации в Робертии. Вы никогда не видели, как растет табак, сэр? — Вопрос был почти риторическим.

— Расскажите,— все же ответил отец Арманд.

Робертия была герцогством на южном побережье северного континента Западного полушария, в Новой Англии, омываемым с одной стороны Мечиканским заливом. Оно было названо в честь Роберта II, так как

его открыли во время его правления в начале XVIII века.

— Вырастает он примерно такой высоты,— начал рассказывать Квинт, держа руку на расстоянии тридцати дюймов от пола.— Большие, широкие листья. Не знаю, как их собирают, я только видел поля...

Возможно, он еще что-то собирался рассказать, но дверь открылась, и на площадку вышел начальник поезда Эдмунд Нортон; его красно-синяя форма сверкала на полуденном солнце.

— Добрый день, джентльмены,— с улыбкой приветствовал он.— Извините, если я прервал вашу беседу.

— О, нет,— ответил сэр Стэнли.— Вовсе нет. Мы просто болтали.

— Надеюсь, вы довольны путешествием?

— Вполне, вполне. А, святой отец?

— Все превосходно, все превосходно,— ответил отец Арманд.— У вас замечательный поезд.

— Спасибо, святой отец.— Начальник поезда откашлялся: — Джентльмены, в этот час я всегда приглашаю мои особых гостей выпить со мной — любой напиток по вашему вкусу. Вы присоединитесь ко мне, джентльмены?

Отказаться от такого приглашения, конечно, было невозможно. Пятеро пассажиров проследовали за начальником поезда в холл.

— Одно несомненно,— негромко сказал преподобный отец волшебнику,— здесь намного тише, чем снаружи.

Начальник поезда подошел к столу, где после ланча продолжилась игра. Он точно рассчитал время.

Вандепол как раз одной рукой сгребал свой выигрыш, другой поглаживая тонкие усики.

Эдмунд Нортон сказал несколько слов, но из-за шума поезда мастер Шомус не расслышал, что именно. Внутри, конечно, было тише, чем снаружи, но отнюдь не царила полная тишина.

Эдмунд подошел к бару, где в ожидании замер добрый человек Фред, повернулся к пассажирам и громко произнес:

— Прошу, джентльмены, заказывайте, что вам хочется. Фред, я пойду узнаю, чего пожелают джентльмены за игровым столом.

Через несколько минут ирландец уже сидел у стойки бара и наблюдал, как пена в бокале с пивом слегка колышется от движения поезда. Он думал о том, что Морис Зайслер возненавидит себя за то, что пропустил такое угощение. Гэвин Тайлер, человек со шрамом на лице, вернулся за ним в купе, но не смог разбудить его, поскольку тот... э-э... отдыхал.

Мастер Шомус сидел в конце стойки бара, недалеко от ведущего к купе коридора. Начальник поезда, убедившись, что все заказы выполнены, тоже подошел к бару.

— А мне пиво, Фред, — сказал он.

— Сию минуту.

— Вижу, пиво — ваш напиток, мастер-волшебник, — сказал начальник поезда, когда Фред поставил перед ним бокал с шапкой пены.

— Вы правы. Вино хорошо к мясу, бренди — для особых случаев, но в других случаях я предпочитаю пиво.

— Хорошо сказано. Вам нравится именно этот сорт?

— Очень, — ответил волшебник. — Нормандское, не так ли?

— Да. В Нормандском герцогстве есть одно местечко высоко в горах, там берут начало Орн, Сарт, Рисл и Майн, и там лучшая вода во всей Франции. Хорошее пиво привозят еще из Ирландии, но оно нравится тем, кто предпочитает английское пиво. Но на мой вкус, нормандское — самое лучшее, и именно поэтому я всегда заказываю его для своего поезда.

Мастер Шомус *на самом-то деле* предпочитал английское пиво, просто ответил:

— Отличное пиво. Действительно, превосходное — Он, впрочем, подумал, что предпочтение начальника поезда может немножко зависеть и от того, что нормандское пиво в Париже дешевле английского.

— Вы уже познакомились со своим соседом по купе? — спросил начальник поезда.

— Я пока что не знаю, кто это,— ответил волшебник.
— О? Извините. Это отец Арманд Бран.

7

В четверть пятого мастер Шомус Килпадраег дремал в дальнем кресле, сложив руки на животе и почти касаясь подбородком груди. Он не храпел и потому никому не мешал. Отец Арманд в четверть четвертого ушел в купе номер два. Мастер Шомус решил, что джентльмен устал, и не стал беспокоить его, предоставив одному расположиться в купе.

Поезд продолжал свой путь. Игра тоже не останавливалась. Джейсон Квинт выбыл, но его место тут же занял рыжеволосый Валентин Херрик. Гэвин Тайлер стал играть вместо Сидни Шарпантьера. Теперь Шарпантьер сидел, уткнув свой большой нос в книгу с заглавием «Дьявольский план», приключенческий роман. Сэр Стэнли Галбрайт и Артур Маккей у бара играли в кости на выпивку. Квинт и молодой Джеймисон вернулись на смотровую площадку и снова закурили — теперь уже не хаштапар. Зайслер все еще спал, Ламар, по-видимому, пошел отдохнуть в свое купе.

В Авиньоне поезд миновал мост через приток Роны и направился к Марселю.

Мастера Шомуса разбудил низкий голос Ламара, но он не открыл глаза и не поднял головы.

— Сидни,— сказал тот Шарпантьеру,— мне нужен твой Талант целителя.

— Что такое? Голова разболелась?

— Я не сказал, что это я нуждаюсь в твоей помощи. Ты нужен Морису. У него похмелье. Я заказал ему кофе у Фреда, но лучше бы ты сходил к нему. Он ничего не ел весь день, и теперь у него сильно разболелась голова.

— Хорошо. Сейчас иду. Мы его заставим поесть в Марселе,— он поднялся и ушел с Ламаром.

Мастер Шомус снова задремал.

8

Неапольский экспресс въехал в Марсель в двадцать четыре минуты седьмого. Мастер Шомус решил немного прогуляться перед едой. Он сошел с поезда, вышел с вокзала на ближайшую улицу. Пятнадцатиминутная прогулка разогнала застоявшуюся кровь, и сонливость сменилась легким чувством голода. Особенный воздух Прованса, приправленный средиземноморским бризом, сам по себе возбуждал аппетит.

Когда мастер Шомус пришел в ресторан «Каннабьер», находившийся на улице с таким же названием, там уже было полно народу. Официант посадил его за один столик с супружеской парой Дюпри. Так как мастер Шомус не взял с собой свой саквояж, они не подозревали, что перед ними волшебник, а тот не счел нужным сообщить им об этом.

Он заказал дежурное блюдо — им оказалась довольно большая порция белой рыбы с чесночным соусом. К ней подавалось неплохое сухое белое вино. Еда была отличной, что располагало к беседе.

В разговоре выяснилось, что Дюпри владеют кожевенной лавкой в Версале, скопили денег и едут отдохнуть в Рим. Там они проведут неделю, а свое дело они оставили на сыновей. Оба сына женаты и у них прекрасные жены. У одного две дочери, у второго сын... и так далее. И так далее.

Волшебнику не было с ними скучно. Он любил людей, а Дюпри были очень приятны в общении. Ему не приходилось много говорить — они не задавали вопросов. По крайней мере, пока не принесли кофе:

— Скажите, добрый человек Шомус, — сказал мужчина, — почему это мы должны останавливаться на границе с Лигурией сегодня ночью?

— Чтобы проверить накладные на товарные вагоны, я полагаю, — ответил волшебник. — Итальянские законы устанавливают ограничения на ввоз некоторых товаров.

— Вот видишь, Жан-Поль, — сказала женщина, — я тебе так и говорила.

— Да, Мартин, но я не понимаю, почему это так. Мы же не останавливались на границе Шампани и Бургундии, или Дофине, или Прованса. Почему Лигурия? — Он снова посмотрел на мастера Шомуса.— Разве это не части одной Империи?

— И да, и нет,— задумчиво произнес маг.

— Что вы имеете в виду, сэр? — удивленно спросил Жан-Поль.

— Дело в том, что герцогство Италия, как и Германские государства,— части Святой Римской империи, которая была основана в 862 году, и король Джон IV является ее императором. Но они не являются частью того, что неофициально называют Англо-Французской империей,— формально в нее входят только Франция, Англия, Шотландия и Ирландия.

— Но ведь у нас у всех один император, разве не так? — спросила Мартин.

— Да, но у Его Величества разные обязанности в разных частях Империи. Итальянские государства имеют собственный парламент, который заседает в Риме, и их законы слегка отличаются от законов Англо-Французской империи. Они ратифицированы не самим императором, а вице-королем принцем Роберто VII. В Италии император царствует, но не правит, понимаете?

— Ну... думаю, да,— неуверенно сказал Жан-Поль.— И то же самое с Германскими государствами, да? Я имею в виду, они ведь тоже часть империи?

— Не совсем. Они не объединены, как герцогства Италии. Главы одних из них носят титул принца, другие предпочитают королевский, хотя это и запрещено Магдебургским соглашением. Но в основном идея та же. Можно сказать, что все мы разные государства, но объединены одной целью и одним императором. Мы все хотим суверенности, мира, процветания и благополучия в доме. А император для нас — символ и гарант незыблемости.

После короткой паузы Мартин воскликнула:

— Великий Боже! Как это поэтично, добрый человек Шомус!

— Все равно глупо,— не унимался Жан-Поль,— останавливать поезд на границе между двумя государствами одной империи.

Мастер Шомус вздохнул:

— Попробовали бы вы проехать к полякам или мадьярам. Там вас заставили бы ждать больше двух часов. И вам необходимо было бы брать с собой паспорт. Поезд обыскивают. Ваш багаж обыскивают. Даже вас лично могут обыскать. А поляки так поступают со своими гражданами, даже если те пересекают внутренние границы.

— Да ну! — удивилась Мартин.— Ни за что не поеду туда!

— Не стоит об этом даже думать,— успокоил ее Жан-Поль.— Еще хочешь кофе, дорогая?

Мастер Шомус вернулся в поезд довольный и пищей, и компанией. Он был рад, что эти двое простых людей отвлекли его от неприятных мыслей. Больше он их никогда не видел и ничего о них не слышал.

9

В восемь часов Неапольский экспресс был уже в двадцати пяти милях от Марселя, спеша как можно скорее миновать границу с Лигурией.

Игра была в полном разгаре, и мастер Шомус подумал, что если бы во время остановок не запрещалось оставаться в вагоне, некоторые из игроков не вышли бы даже поесть. К этому времени веки волшебника снова отяжелели. Так как отец Арманд увлеченно беседовал с двумя другими пассажирами, мастер Шомус решил, что теперь его очередь подремать в купе. Он заснул, как только его голова коснулась подушки.

Внутренние часы подсказали ему, что было десять минут девятого, когда стук в дверь разбудил его.

— Да? Кто там?

— Фред, сэр. Я должен расстелить постели.

«Проснитесь, время ложиться спать»,— недовольно подумал волшебник, спустив ноги на пол.

— Конечно, Фред, заходите.

— Извините, сэр, но я должен расстелить постели до того, как сдам смену в девять часов. У ночного сменщика нет всех ключей.

— Конечно, все в порядке. Я немного вздремнул, теперь чувствую себя намного лучше. Я выйду в холл. Вдвоем нам тут не развернуться.

— Верно, сэр. Спасибо, сэр.

За стойкой стоял другой бармен. Как только волшебник сел на высокий стул, бармен поставил стакан, который он протирал:

— Что-нибудь желаете, сэр?

— Конечно, дорогой. Пиво, пожалуйста.

— Одно пиво; хорошо, сэр. — Он взял кружку, вмещавшую целую пинту, наполнил ее и поставил перед мастером Шомусом.

У бара больше никого не было. Игра в *саба* не изменилась, как не меняется расположение звезд на небе. Мастер Шомус мысленно представил такое же путешествие сто лет назад — карты и правила были бы те же. (Молодой Джеймисон заменил Бутройда, а Хаузер, Тайлер и Вандепол все еще играли.) Маг медленно потягивал пиво, наблюдая за происходящим.

Сэр Стэнли и отец Арманд сидели на кушетке в дальнем углу, но не говорили друг с другом, а читали газеты, купленные в Марселе.

Шарпантьеру, вероятно, удалось вылечить Зайслера от похмелья и заставить его поесть. Теперь они оба сидели за столом с Бутройдом и Ламаром и негромко разговаривали. Зайслер пил кофе. Маккея, Квинта и Пибоди не было видно.

Затем из коридора вышел Пибоди, все так же прихрамывая и опираясь на свою трость с серебряным набалдашником. Он заказал виски с содовой и отыскал глазами кресло, где никто не сел бы рядом. Он тоже взял газету в Марселе и теперь полностью погрузился в чтение, как бы говоря всем своим видом: «Не приставайте ко мне!»

Волшебник допил свое пиво и заказал еще.

Через несколько минут Фред, закончив свои дневные обязанности, вернулся в холл и сказал сменщику:

— Все, принимай смену, Тонио, — и поспешил удалиться.

— Нет, нет; я воздержусь, — послышался голос Зайслера. Эти слова он произнес так, чтобы волшебник услышал его. Зайслер сидел ближе всех к бару. Он встал, держа в руке кофейную чашку, и подошел к бару: — Еще чашку кофе, Тонио.

— Да, сэр.

Зайслер улыбнулся и кивнул мастеру Шомусу, но ничего не сказал. Волшебник кивнул в ответ.

Волшебник сделал вид, что не замечает, как Тонио за стойкой наливает в чашку добрую порцию виски, а потом до краев наполняет чашку кофе из кувшина, стоявшего на маленькой спиртовке. Все это проделывалось таким образом, что мужчины за столом не могли и подумать, что в чашке есть еще что-нибудь, кроме кофе.

Очевидно, Зайслер проделывал этот фокус уже не один раз.

Мастер Шомус позволил себе мысленно усмехнуться, хотя это была печальная усмешка. Бутройд, Ламар и Шарпантьер были убеждены, что Зайслер не обманет их бдительности, а тот напивался прямо у них на глазах. Ну, что тут поделаешь...

Пибоди отложил газету и подошел к бару со стаканом в руке:

— Еще виски с содовой, пожалуйста, — едва слышно произнес он.

Стакан был наполнен, и Пибоди вернулся на свое место к газете. Тонио снова стал протирать стаканы.

Мастер Шомус уже допивал третье пиво, когда в холле появился начальник поезда. Он обошел холл, обменявшись словом-другим со всеми, включая волшебника. Затем вышел на смотровую площадку, из чего мастер Шомус заключил, что Квинт и Маккей находятся там.

Начальник поезда Эдмунд вернулся к бару, снял фуражку, достал носовой платок и вытер лысину:

— Теплый вечер. Тонио, напитков хватает?

— На сегодняшний вечер вполне достаточно.

— Хорошо, хорошо. Но я проверил ванные отделения, там маловато полотенец. Джентльмены захотят принять душ, а полотенец на всех не хватит. Сходи в кладовую и принеси недостающие. Я присмотрю за баром.

— Сию секунду, начальник поезда,— Тонио ушел быстро, но без суеты.

Эдмунд отложил фуражку в сторону и встал за стойку. Но протирать стаканы не стал.

— Еще пива, мастер-волшебник? — спросил он.

— Нет, спасибо. Пока хватит. А то я не буду чувствовать ног под собой,— он встал и пошел к выходу на смотровую площадку.

— А вам, сэр? — обратился начальник поезда к Пибоди, сидевшему в нескольких футах от него.

Тот кивнул, встал и принес свой стакан.

Когда мастер Шомус проходил мимо стола, где сидел Зайслер, он услышал его слова:

— Ребят, а вы не знаете, кто этот тип с бородой?! А я знаю.

— Морри, ты заткнешься когда-нибудь? — холодно сказал Бутройд.

Зайслер замолчал.

10

— Что там такое происходит? Собрание? — послышался голос соседа мастера-волшебника с нижней полки. Это был риторический вопрос, поэтому мастер Шомус и не подумал отвечать.

Пассажиров разбудила не сила шума и не его неожиданность. Просто это был *необычный* шум. А когда шум стал *интересным*, вернуться в постель оказалось трудновато.

Стук и грохот самого поезда, мчащегося к Италии, стал уже привычным, его почти не замечали. И если бы новые звуки утонули в привычном шуме, все было бы в порядке. Но такого не случилось; скорее, было наоборот.

Мастер Шомус был одним из последних, кто отправился спать; только Бутройд и Шарпатьер еще оставались в холле, когда он ушел в свое купе.

Лампа под абажуром едва горела, а легкое посапывание с нижней полки указывало, что его сосед уже заснул.

Волшебник приготовился ко сну и забрался на свое место. Там он увидел, что его сосед оставил на полке газету. Она лежала так, что была видна только одна статья, но при неярком свете волшебник смог разобрать только заголовок: «Похороны Николаса Журдана состоятся в Неаполе». Это был обычный некролог.

Мастер Шомус положил газету на стол и задремал.

Затем он услышал, как открылась и закрылась какая-то дверь; шаги по коридору. *Кто-то, наверное, пошел в туалет*, подумал он в полусне. Но нет, кто-то прошел мимо его купе и остановился у купе номер один. Легкий стук. *Чертовски подходящее время для визитов*, подумал он. Вообще-то было не слишком поздно — всего лишь начало одиннадцатого. Но все пассажиры были на ногах по крайней мере с четырех часов утра, а кое-кто и дольше. Ну, ладно, его это не касается.

Но тут послышались еще чьи-то шаги, дальше по коридору, и другая дверь открылась и закрылась.

Волшебник постарался уснуть, но не смог. Минуту-другую было тихо, потом все началось снова. В купе номер три он услышал голоса, но только потому, что его полка была возле перегородки, отделяющей его купе от третьего. Но это был лишь звук голосов; слов он не различал. Будучи человеком любопытным, он без смущения прижал ухо к стене, но все равно не мог разобрать ни слова.

Он снова попытался заснуть, но шум то и дело возобновлялся. Шаги. Каждые пять минут они то приближались к первому купе, то удалялись от него, и звучали, конечно, громче всего. Но были и другие — в другом конце коридора.

Маг ничего не мог с этим поделать. И он даже не мог утверждать, что шаги звучат слишком сильно. Просто они раздражали.

Волшебник лежал, то просыпаясь, то засыпая, пользуясь временным затишьем.

Когда, как ему казалось, прошло уже много часов, он все же решил пойти и выяснить, нельзя ли *что-нибудь* сделать с этим. По крайней мере, он мог встать и узнать, что там случилось.

Тогда он и услышал голос соседа:

— Что там такое происходит? Собрание?

Волшебник не ответил, но спустился по небольшой лестнице и оделся.

— Зов природы,— пробормотал он и вышел.

В коридоре никого не было. Он медленно пошел к туалету. Никто не выходил из купе. Никто даже не высунул голову. Даже не щелкнул задвижкой. Ничего.

Волшебник зашел в туалет, выждал положенное время. Пять минут. Десять.

Он вернулся в купе. Его тапочки были мягкими, и шаги почти не были слышны, к тому же он очень старался не производить лишних звуков. Его никто не мог услышать.

Он рассказал о наблюдениях своему соседу.

— Что бы они там ни делали, но я проснулся окончательно,— сказал тот.— Пойду выкурю трубку, прежде чем ложиться снова. Присоединитесь?

Когда они вышли в холл, Тонио сидел на стуле у бара.

— Добрый вечер, святой отец. Добрый вечер, мастер-волшебник. Чем могу помочь?

— Ничего не надо, спасибо. Мы просто вышли покурить,— ответил волшебник.— Думаю, у вас и так сегодня ночью было много работы, а?

— У меня? О, нет, сэр. Здесь никого нет уже полтора часа.

Мужчины вышли на смотровую площадку. Через пару минут их неторопливый разговор прервал Тонио. Приоткрыв дверь, он спросил:

— Вы уверены, что вам ничего не нужно, джентльмены? Мне надо сходить в кладовую, принести кое-что на завтра, но я не хотел бы, чтобы вы испытывали неудобства.

— Нет, спасибо. Все в порядке. Как только преподобный отец докурит трубку, мы пойдем спать.

Через двадцать минут они уже вернулись в свое купе и тут же заснули. Было двадцать минут после полуночи.

11

В 0:25 Тонио вернулся в вагон. Он принес только часть всего необходимого. В дневное время, когда пассажиры не спали, разрешалось пользоваться небольшой тележкой. Но от внезапного поворота или толчка поезда тележка могла опрокинуться и разбудить пассажиров шумом. Кроме того, ночью и нет необходимости нести сразу много всего.

Он осторожно поставил принесенное в шкафчик за стойкой бара и вышел на смотровую площадку — проверить, ушли ли джентльмены. Их не было. Хорошо — теперь все спят.

Через некоторое время он снова отправился в начало поезда, чтобы принести оставшееся. Джентльмены, определенно, развлекались и ходили в гости из одного купе в другое. Но, конечно, они не шумели.

Тонио Браселли не был любопытен от природы, поэтому если пассажиры не беспокоили его, он предпочитал предоставить их самим себе.

Поезд замедлил ход. В тридцать минут первого он прибыл на станцию на границе Лигурии. Эта остановка была чистой формальностью. Власти Лигурии должны были проверить накладные на груз в товарных вагонах, но сам груз они не проверяли. Простая запись в книге регистраций.

Тонио взял то, что ему было нужно, а потом задержался, чтобы поговорить с кладовщиком. Останавливался поезд довольно мягко, но когда он снова трогался с места, иной раз ощущался небольшой толчок, и Тонио не хотелось в это время идти по вагону с полными руками. Он подождал, пока поезд наберет скорость.

Проводник добрался до своего последнего вагона в 0:50 и разложил принесенное им по местам. До наступления утра ему оставалось только одно — убрать в ванной комнате.

Эта работа его раздражала — не потому, что она была тяжелой или неприятной, а потому, что все нужно было делать абсолютно *тихо*. Днем можно было шуметь сколько вздумается, но ночью он рисковал разбудить пассажиров в четвертом и пятом купе, по обе стороны от ванной,— и они могли пожаловаться.

Он зашел в кладовую, расположенную перед купе номер один, взял все необходимое, отправился в ванную и принялся за работу.

Закончив, проводник осмотрел результат своего труда. Все выглядело отлично, пока он не добрался до последнего пункта проверки.

Он посмотрел на пол.

Странно. Что это за красные пятна?

Он же только что протер пол. Он еще был влажный, но...

Тонио отступил на шаг и посмотрел еще раз.

Пятна оставлял его правый ботинок.

Проводник сел на унитаз, поднял правую ногу и осмотрел подошву. Красное пятно уже почти стерлось.

Но откуда, черт бы их побрал, они взялись?

Тонио Браселли был не столько удивлен, сколько озадачен. Протерев как следует свою подошву и осмотрев второй ботинок, чтобы убедиться в отсутствии на нем пятен, он еще раз протер пол и решил проследить, откуда все это взялось.

«Проследить» было весьма подходящим словом. Тонио оставил отпечатки своих ног, испачканных этим самым красным, на желтовато-коричневом полу коридора. Темные пятна вели к началу вагона. Проводник тоже пошел туда.

Когда же он обнаружил их источник, он едва не лишился чувств.

Из-под двери купе номер один натекла громадная лужа чего-то такого, что явно походило на кровь.

12

Оглушительный стук в дверь вырвал из сна ирланца-волшебника. Из-за двери кричали:

— Сэр! Сэр! Откройте! Сэр! Вы в порядке?! Сэр!

Оба пассажира второго купе вскочили и через две секунды очутились в дверях.

Но стучали не к ним, а в соседнее, первое купе. Оба джентльмена мгновенно оделись и вышли.

Тонио колотил кулаками в дверь купе номер один и кричал, почти визжал во весь голос. По коридору стали открываться и другие двери.

Чья-то рука легла на плечо Тонио:

— Успокойтесь, сын мой! Что случилось?

Тонио вдруг задохнулся и посмотрел на обладателя твердой руки, лежащей у него на плече:

— О, святой отец! Посмотрите! Посмотрите на это! — он отступил на шаг и показал на кровь у ног. — Он не отвечает! Что мне делать, святой отец?

— Во-первых, сын мой, идите к начальнику поезда. У вас ведь нет ключа от этой двери, не так ли? Нет. Поэтому надо немедленно сходить за начальником Эдмундом. Но будьте осторожны! Не кричите и не шумите. Не поднимайте на ноги пассажиров в остальных вагонах. Это касается только начальника поезда. Вы меня поняли?

— Да, отец. Конечно, — ответил Тонио уже гораздо спокойнее.

— Очень хорошо. Теперь поторопитесь.

И только после этого крепкая рука священника выпустила плечо молодого человека. Тонио ушел — торопливо, но теперь уже явно владея собой.

— Теперь, мастер Шомус и сэр Стэнли, мы должны проследить, чтобы здесь не толпились лишние люди.

Сэр Стэнли, который выбежал из восьмого купе на полсекунды позже преподобного отца и волшебника, повернулся и загородил проход.

Его голос, казалось, заполнил весь вагон:

— Все в порядке! Держитесь подальше отсюда, все! Возвращайтесь в свои купе! Давайте, пошевеливайтесь!

Через полминуты в коридоре уже никого не осталось, кроме троих джентльменов. Тогда сэр Стэнли спросил:

— Что тут случилось, святой отец?

— Я знаю не больше, чем вы, сэр Стэнли. Надо подождать начальника поезда.

— Я думаю, нам следует...

Что бы ни собирался предложить сэр Стэнли, его прервало появление начальника поезда, следом за которым мчался Тонио; выбежавший из вагона-ресторана начальник задал тот же самый вопрос:

— Что тут случилось?

Волшебник вышел вперед:

— Мы не знаем, но вот это выглядит как кровь, и я предложил бы вам открыть дверь.

— Конечно, конечно...

Начальник отпер купе номер один.

На нижней полке лежал добрый человек Джон Пибоди,— его разбитая голова свесилась вниз, волосы покрывала запекшаяся кровь. Он был явно мертв.

— На вашем месте я не стал бы входить,— посоветовал волшебник, рукой преградив путь начальнику Эдмунду, собиравшемуся войти в купе.

— Что? Это мой поезд! Почему? — негодующе воскликнул тот.

— Извините, но в вашем поезде раньше случались убийства?

— Нет, но...

— А вы когда-нибудь участвовали в расследовании убийства?

— Нет, но...

— Тогда, еще раз прошу прощения, начальник поезда, послушайтесь меня. Я опытный судебный волшебник. Следователю не понравится, если мы начнем тут топтаться, уничтожая улики. У вас есть целитель?

— Да, штатный целитель, доктор Воннер. Но почему вы решили, что это убийство?

— Это не самоубийство,— ровным голосом сказал волшебник.— Его несколько раз ударили по голове

вон той тяжелой тростью с серебряным набалдашником, что лежит на полу. Никакой человек не покончит с собой таким образом, и случайно такое тоже не может произойти. Пошлите Тонио за целителем.

Доктор Воннер, как оказалось, имел кое-какой опыт в случаях, требующих расследования властей, и поэтому знал, что нужно делать, и, что было куда важнее, знал, чего делать *не надо*. Осмотрев тело, он заключил, что Пибоди не только мертв, но и, по его мнению, мертв уже по крайней мере час. Затем доктор сказал, что если он больше не нужен, то предпочел бы вернуться в постель. Начальник поезда отпустил его.

— До Женевы еще почти два часа, — снова заговорил мастер Шомус. — До этого мы не сможем оповестить власти. Но ничего страшного. Все равно никто не сойдет с поезда до тех пор, пока он движется с такой скоростью, я наложу предохранительное заклинание на тело и охранительное на купе.

Едва он договорил, голос позади него произнес:

— Вы даже не дадите мне совершить последний обряд?

Ирландец повернулся и покачал головой:

— Нет, святой отец. Он уже мертв, и с этим можно подождать. Если здесь действовали темные силы, вы рассеете все следы, а это может стать веской уликой.

— Я понимаю. Принести ваш саквояж?

— Будьте так добры, святой отец.

Саквояж принесли, и волшебник принялся за работу. Предохранительное заклинание с помощью черной палочки было наложено быстро. Теперь тело останется в таком состоянии до тех пор, пока власти не закончат расследование. Маг точно отметил время, сверив свои часы с часами начальника поезда.

На охранительное заклинание потребовалось больше времени: на этот раз использовалась курительница и две палочки. Это заклинание не позволяло никому заходить или даже заглядывать в купе.

— Лучше вам снова запереть эту дверь, — сказал волшебник начальнику поезда. Посмотрев на пол, добавил: —

Что касается пятна — Тонио уже прошелся по нему, но надо позаботиться, чтобы больше здесь никого не было до того, как мы приедем в Женеву. Сэр Стэнли?

— Конечно, мастер-волшебник.

— Спасибо. Я пойду уберу саквояж.

13

Волшебник поставил свой саквояж на пол, пока его сосед закрывал за ним дверь.

— Вот это я называю вжиться в роль, милорд,— сказал Шон О Лохлейн, главный судебный волшебник Его Высочества герцога Нормандского.

— Что? А, вы имеете в виду мое предложение совершить последний обряд? — улыбнулся лорд Дарси, главный следователь герцога.— Так должен был бы поступить настоящий священник, и я знал, что вы остановите меня.

В действительности, он не совсем соответствовал своей роли. Несмотря на накладную бороду и искусственную седину, он все же выглядел моложе, чем следовало.

— Я сделал все, что мог, милорд. Теперь нам остается только ждать прибытия в Женеву, где итальянские власти разберутся с этим.

Его лордство нахмурился:

— Боюсь, что нам нужно сделать гораздо больше, мой дорогой Шон. Время дорого. Мы обязаны доставить Морское соглашение в Афины вовремя. Это значит, что мы должны быть в Бриндиси сегодня к десяти часам вечера. А это значит, что надо успеть на местный поезд Неаполь-Бриндиси, который отходит через пять минут после прибытия Неапольского экспресса на станцию. Я не знаю, как поступят власти Женевы, но даже если они и не задержат нас в Женеве, то наверняка нас остановят в Риме. Они отцепят вагон и всем нам придется задержаться там на время расследования. Даже если мы попытаемся объяснить и доказать, кто мы и куда направляемся, это займет столько времени, что на тот поезд мы опоздаем.

Лицо мастера Шона теперь тоже выражало беспокойство:

— А что мы будем делать, если, несмотря на все усилия, нам не удастся решить все эти проблемы?

— В таком случае,— невозмутимо ответил лорд Дарси,— я буду вынужден покинуть вас. «Отец Арманд Бран» исчезнет, скрывшись от римских стражников, и станет беглецом, и его, без сомнения, сочтут убийцей Джона Пибоди. Мне придется добираться до Бриндиси, скрываясь. Сложная задача — у итальянцев большой опыт в таких делах.

— Я пойду с вами, милорд,— решительно произнес волшебник.

Лорд Дарси покачал головой:

— Нет. То, что будет трудно для одного, станет невозможно для двоих — особенно если будут знать, что они сбежали вместе. Мастер Шомус Килпадраег — настоящий волшебник с настоящими бумагами от герцога Нормандского, а в конечном счете, самого короля. Отец Арманд — фикция. Вы сможете придерживаться этой легенды до конца, я — нет. Тем более, что я не хочу провалить всю миссию.

— Тогда, милорд, мы должны раскрыть это дело,— просто рассудил мастер Шон.— С чего начнем?

Его лордство улыбнулся, вздохнул и сел на нижнюю кровать.

— Это мне больше нравится, мой дорогой Шон. Начнем с того, что соберем все, что нам известно об этом Пибоди. Когда вы впервые его заметили?

— Когда садился на поезд, милорд. Я увидел трость, которую он нес в руке. На обычной трости украшение в виде серебряного кольца обычно делают двумя дюймами ниже набалдашника. У него же оно было на целых четыре дюйма ниже, такая длина отлично подойдет для эфеса клинка. Над самим кольцом была едва заметная кнопка, нажатием на которую можно вытащить лезвие.

Дарси молча кивнул. Он тоже заметил оружие.

— Затем его хромота,— продолжил мастер Шон.— Если человек хромает, то всегда одинаково. Он не

слишком подчеркивал свою хромоту, когда шел медленно, и совсем забывал о ней, когда спешил.

— Вот как! Я этого не заметил,— признался лорд Дарси.— Сложно определить, насколько хромает человек, когда он передвигается по идущему поезду. А я ведь не видел его в другое время. Очень хорошо! И какой вы сделали из этого вывод?

— Хромота была ему нужна, чтобы объяснить трость.

— Вы правы. Он нуждался в своей трости как в оружии, или он думал, что она ему понадобится, но он не привык с ней обращаться.

Мастер Шон нахмурился:

— Как так, милорд?

— В противном случае он либо изображал бы хромоту лучше, либо вообще не хромал.— Лорд Дарси помолчал, затем спросил: — Что-нибудь еще?

— У него был небольшой чемоданчик. Он брал его с собой на ланч. И он всегда садился в холле на ближайшую ко входу кушетку, так, чтобы видеть дверь своего купе,— сказал мастер Шон.— Я думаю, он боялся, что кто-то украдет его чемоданчик, милорд.

— Или что-то из него,— уточнил лорд Дарси.

— Что бы это могло быть?

— Если бы я знал, мой дорогой Шон, я бы сильно приблизился к разгадке. Мы...— Он внезапно замолчал и приложил палец к губам. В коридоре снова послышались шаги. На этот раз тише: человек был в тапочках, а не в ботинках, но звук открываемой и закрываемой двери можно было расслышать.

— Я думаю, события продолжают развиваться,— тихо сказал лорд Дарси. Он подошел к двери. К тому времени, как он почти беззвучно открыл ее, лорд снова превратился в пожилого священника.

Сэр Стэнли стоял лицом к холлу и спиной к лорду Дарси. За окном в темноте стремительно сменяли друг друга деревушки Лигурии.

— Стоите на страже, сэр Стэнли? — мягко спросил лорд Дарси.

Тот повернулся:

— На страже? О, нет, святой отец. Все собрались в холле, чтобы обсудить происшедшее. Вы и мастер Шомус, не присоединитесь к нам?

— С удовольствием. А вы, мастер-волшебник?

Мастер Шон моргнул и через мгновение ответил:

— Конечно, святой отец.

14

— *Вы* абсолютно *уверены, что это убийство*? — резким голосом сказал Гвилиам Хаузер.

Мастер Шон О Лохлейн откинулся на спинку кресла и посмотрел на Хаузера, прищурив глаза:

— *Абсолютно* уверен? Нет, сэр. Но сумеете ли вы объяснить, сэр, как человек может размозжить себе голову, лежа на нижней кровати? Если это *не* убийство? Если сможете доказать обратное, я пересмотрю свое утверждение, что это было убийство.

Хаузер кивнул:

— Понятно. Спасибо, мастер-волшебник. — Он внимательно осмотрел присутствующих. — Кто-нибудь из вас — *кто-нибудь* — заметил что-нибудь подозрительное этим вечером?

— Или *слышал* что-нибудь? — добавил лорд Дарси.

Хаузер бросил на него короткий взгляд:

— Да, или слышал что-нибудь?

Остальные посмотрели друг на друга. Никто не произнес ни слова.

Наконец слишком красивый Маккей, сидевший за столиком поблизости от бара, откинулся на спинку кресла и сказал:

— Ну, святой отец, как раз ваше купе и мастера-волшебника находится рядом с купе Пибоди. Разве вы ничего не слышали?

— Почему — слышали, — все таким же ровным голосом ответил лорд Дарси. — Мы оба обратили внимание.

Теперь все смотрели на него, кроме мастера Шона: он наблюдал за остальными.

— Это началось минут в двадцать одиннадцатого, — продолжил лорд Дарси, — и длилось примерно полтора часа. Кто-то ходил все время туда-сюда. Были слышны разговоры и легкие стуки в двери. В дверь Пибоди стучали много раз. Вот и все. Больше ничего необычного я не слышал.

Трехсекундное молчание было нарушено сэром Стэнли:

— Мы просто ходили, разговаривали. Вроде как в гости.

Зайслер стоял у бара и пил кофе. На этот раз мастер Шон не видел, что Тонио наливал ему в чашку, но был уверен, что туда снова добавлено спиртное.

— Верно, — внезапно сказал Зайслер. — Разговаривали. Я не мог заснуть. Я вздремнул днем. Решил сходить к кому-нибудь. Все равно никто не спал.

Бутройд кивнул:

— Я тоже не мог заснуть. Этот проклятый поезд так шумит.

На этом все сошлись, просто разными словами повторяли уже сказанное.

— А Пибоди тоже не мог заснуть? — вкрадчиво спросил лорд Дарси.

— И он не мог, — сердито ответил сэр Стэнли.

— Я не знал, что кто-то был знаком с этим джентльменом, — сказал лорд Дарси; голос его звучал вежливо, глаза мягко светились, и он держал себя как истинный джентльмен. — Я не замечал, что кто-то из вас общался с ним днем.

— Я узнал его, — пояснил Зайслер. Виски еще не добралось до его мозгов. — Этого парня я знал. Я не сразу вспомнил его и имя и не сразу признал его с этой бородой. Видите ли, раньше он не носил бороду. Поэтому и пошел поболтать с ним — возобновить знакомство. Сначала он слегка смутился, но потом ничего. Он захотел поболтать с остальными, так что... — Он махнул рукой и не закончил фразу.

— Понятно, — доброжелательно улыбнулся его лордство. — Тогда кто из вас видел его последним?

Хаузер посмотрел на Джейсона Квинта:

— Вы, Квинт?

— Я? Нет, мне кажется, это Вэл.

— Нет. Мак говорил с ним после меня.

— Но потом Шарпи возвращался туда, так ведь, Шарпи?

— Да, но я думал, что Саймон...

И так далее, и так далее. Лорд Дарси слушал с грустной, но все еще доброжелательной улыбкой. Через пять минут они все не решили, кто же все-таки видел Пибоди последним. Никто не хотел брать это на себя. Наконец, Гавин Тайлер поднялся с кресла. Он был бледнее обычного, что делало его шрам еще более заметным.

— Не знаю, как вы, но я вряд ли засну сегодня после того, что случилось, и больше не хочу сидеть в пижаме. Пойду в купе — переоденусь.

Валентин Херрик, чьи огненно-рыжие волосы были отчаянно взъерошены, сказал:

— Ну, мне бы хотелось немного поспать, но...

Лорд Дарси сказал мягко, но убедительно:

— Неважно, чем мы займемся сейчас; после прибытия в Женеву нам спать уже не придется, и нам следует подготовиться к тому, что произойдет.

15

Мастеру Шону хотелось поговорить с лордом Дарси наедине. Прежде всего, волшебник не понимал, почему его лордство позволил пассажирам разойтись по своим купе, сравнить и продумать свои истории, в то время как куда более правильным было бы разделить их и по очереди задать им вопросы. Ну да, конечно, здесь, в Италии, лорд Дарси не имеет права допрашивать их, и конечно, он изображал священника, но — черт возьми! — ему бы все-таки следовало *хоть что-то* сделать.

Но — нет, он просто сидел на диване, улыбаясь, наблюдая, слушая и почти ничего не говоря, пока другие

пассажиры сидели рядом, говорили или пили, или и то, и другое вместе.

Уже было выпито огромное количество кофе, но и виски, бренди, вино и пиво не были забыты. Мастер Шон и лорд Дарси решили не изменять кофе.

Тонио не возражал. Ему все равно пришлось бы стоять всю ночь у бара, а так ему, по крайней мере, не было скучно.

Незадолго до прибытия в Женеву вернулся начальник поезда. Он снял фуражку и попросил внимания.

— Джентльмены, мы приближаемся к Женеве. Обычно, если бы вы не спали в это время, вы могли бы воспользоваться часовой стоянкой и пойти в ресторан или таверну, хотя большинство обычно спят. Но, боюсь, в этот раз я вынужден настоятельно попросить вас оставаться в вагоне до прибытия властей. Двери не будут отперты до их прихода. Прошу прощения за неудобства, но это моя обязанность.

Послышалось чье-то недовольное бормотание, но никто ничего не сказал Эдмунду.

— Благодарю вас, джентльмены,— сказал начальник поезда.— Я приложу все усилия к тому, чтобы власти закончили свою работу как можно скорее.

Он снова надел фуражку и вышел.

— Формально,— сказал Бутройд,— мы все под арестом, мне так кажется.

— Нет,— проворчал Хаузер,— мы все задержаны для допроса. Это не совсем одно и то же. Мы только свидетели.

Кроме одного из нас, подумал мастер Шон. Ему было интересно, кто еще думал так же, как он. Но никто ничего не сказал.

Женевские стражники прибыли на удивление быстро. Через пятнадцать минут после того, как колеса поезда сделали свой последний оборот, начальник стражи, двое сержантов и четверо стражников поднялись на поезд. Все были в форме.

Они должны были провести только краткое предварительное расследование. Начальник и один из сержантов — как оказалось, они единственные из семерых свободно говорили по-англо-французски — записали все имена и сделали еще несколько записей. И мастер Шон, и лорд Дарси говорили по-итальянски, но и виду не показали. Лишние расспросы им были ни к чему.

Во время этого предварительного расследования двое офицеров установили, как размещались пассажиры согласно билетам:

Купе №3 — Морис Зайслер; Сидни Шарпантьер.

Купе №4 — Мартин Бутройд; Гавин Тайлер.

Купе №5 — Симон Ламар; Артур Маккей.

Купе №6 — Валентин Херрик; Чарльз Джеймисон.

Купе №7 — Джейсон Квинт; Лиман Вандепол.

Купе №8 — сэр Стэнли Галбрайт; Гвилиам Хаузер.

Во втором купе были «Арманд Бран» и «Шомус Килпадраег», а Джон Пибоди ехал в купе №1 в одиночестве.

Начальник стражников слегка поклонился мастеру Шону. Так как при нем была шпага, он не снял шляпу.

— Мастер волшебник, я уверен, что это именно вы оказались так добры и наложили предохранительное и охранительное заклинания на место преступления?

— Да.

— Я должен попросить вас снять охранительное заклинание. Мне необходимо осмотреть тело и установить, что смерть действительно имела место.

— О, конечно, конечно. Мой саквояж в купе. Подождите минутку.

Проходя по коридору, мастер Шон увидел, что Эдмунд, начальник поезда, терпеливо ждет у дверей первого купе с ключом в руках. Волшебник понимал, в чем состоит проблема стражника. Хотя о смерти и было заявлено, он не видел тому подтверждения. Даже если бы начальник поезда и открыл дверь, заклинание не дало бы им войти или даже заглянуть в купе.

Мастер Шон вынес свой саквояж из второго купе и подошел к Эдмунду:

— Откройте дверь, пожалуйста, и дайте мне немного времени поработать.

Начальник поезда отпер замок, но не открыл дверь. Они с начальником стражников отошли подальше и встали у дверей третьего купе. Мастер Шон с одобрением отметил, что один из стражников встал в дальнем конце коридора, перед дверью восьмого купе, перекрыв дорогу.

Так как охранительное заклинание не действовало на самого мастера Шона, он заглянул в купе. Там ничего не изменилось. Волшебник посмотрел на тело. Кровь еще выглядела свежей, а значит, предохранительное заклинание было наложено правильно: ирландец не сомневался в этом, но все же проверить никогда не лишне.

Он посмотрел себе под ноги. Вытекшая из-под двери кровь уже потемнела и засохла. Однако мастер Шон отметил, что никто, кроме Тонио, который прошелся по ней, не прикасался к пятну. Хорошо.

Мастер Шон осторожно поставил свой саквояж на пол, достал оттуда маленькую бронзовую жаровню на треножнике. Он положил в нее три кусочка ивового угля, аккуратно поставил жаровню на пол у самой двери и поджег уголь. Когда угли засветились, волшебник взял щепотку порошка из маленького стеклянного флакона и бросил порошок на угли. Над углями начал виться ароматный дым. Губы мага беззвучно шевелились.

Затем он достал из саквояжа квадратный — четыре на четыре дюйма — лист белой бумаги и сложил его в сложную и странную фигуру. Тихонько бормоча что-то, волшебник опустил бумажную фигурку на угли, и та вспыхнула оранжевым пламенем и тут же рассыпалась серым пеплом.

В следующее мгновение мастер Шон извлек из саквояжа бронзовую крышку и накрыл ею жаровню, чтобы затушить угли. Взяв жаровню за одну из ножек, он отодвинул ее в сторону.

— Я закончил, начальник стражи, купе к вашим услугам.— Затем он добавил: — Обратите внимание — здесь пятно крови; и поосторожнее с жаровней. Она еще горячая.

Начальник стражников вошел и осмотрел тело Джона Пибоди, дотронулся до его запястья. Он записал что-то в свой блокнот. Затем вышел из купе.

— Закройте дверь, начальник поезда. Теперь я могу констатировать, что человек, опознанный как Джон Пибоди, мертв, и есть основания утверждать, что было совершено преступление.

Эдмунд выглядел очень удивленным:

— И это все?

— На данный момент,— ответил стражник.— Закройте купе и дайте мне ключ.

Начальник поезда, запирая купе, сказал:

— Я не могу вам дать дубликат. В целях безопасности мы не держим их в поезде. Если пассажир теряет ключ...— Он извлек ключ из скважины,— мы получаем дубликат в парижском или римском управлении. Мне придется отдать вам один из моих ключей. И мне понадобится от вас расписка.

— Конечно. Сколько оригиналов у вас?

— От этих купе — два. Вот этот, и еще один я держу запертым в своем кабинете — для непредвиденных обстоятельств.

— Проследите, чтобы он и оставался взаперти. А этот ключ подходит только к этой двери?

— О, да. Для каждого купе свой ключ. Что вы делаете, мастер волшебник? — изумленно спросил начальник поезда.

Мастер Шон встал на колени у двери и пальцами правой руки ощупывал замок, закрыв при этом глаза.

— Просто проверяю,— мастер Шон поднялся на ноги.— Я заметил заклинание на своем замке, когда в первый раз открывал его. Коммерческое, но очень аккуратное и хорошо сделанное. Не удивительно, что вы не держите дубликаты в поезде. Даже абсолютно точная

копия не сможет открыть дверь, если на ней не будет заклинания. Могу я взглянуть на оригинал? Спасибо. М-м-м-м-м-м. Да. Еще раз спасибо,— и вернул ключ.

— А теперь что вы проверяли? — снова спросил начальник поезда.

— Не снималось ли заклинание,— объяснил мастер Шон.— Не снималось.

— Спасибо, мастер волшебник,— сказал начальник стражи, делая заметку в своем блокноте.— И спасибо вам, начальник поезда. Ну, пока все.

Все трое вернулись в холл.

На диване рядом с лордом Дарси, который все также изображал отца Арманда, было свободное место. Мастер Шон туда и направился.

— Как дела, святой отец? — спросил он тихим голосом. Теперь, в относительной тишине стоящего поезда, можно было говорить тихо, и при этом не выглядеть шепчущимися.

— Интересно,— пробормотал лорд Дарси.— Всего я, конечно, не слышал, но я прислушивался. Кажется, они уже почти закончили.

В этот момент один из сержантов сказал по-итальянски:

— Господин начальник стражников, сюда идет префект.

Мастер Шон, как и начальник стражи, повернулся к окну. Но тут же отпрянул.

— Кажется, мы попались,— едва слышно сказал он лорду Дарси.— Смотрите, кто идет.

— Вижу. Но я не знаю его.

— Зато я знаю. Это Чезаре Сарто. *И он знает меня.*

16

Римская полицейская префектура не имела аналогов где-либо еще в Империи. Как и везде, в каждом итальянском герцогстве было свое отделение стражников, которое поддерживало порядок и выполнение законов в границах данного герцогства. Но Римская пре-

фектура была тем инструментом итальянского парламента, с помощью которого он координировал деятельность этих организаций.

Власть префектов была ограничена. Даже в Латимском княжестве, где расположен Рим, они не наделены полномочиями полиции, пока их не призовут местные власти. (Однако «гражданский арест», произведенный римским префектом, гораздо серьезнее обычных арестов такого рода.)

Префекты не носят форму; символами их официального положения служат лишь идентификационные карточки и маленькие золотые значки с буквами SPQR над рельефным портретом Капитолины Вульф, серийным номером и словами «Префектура полиции» под ним.

Статистика раскрытых ими дел и вынесенных приговоров высока, а случаев жестокости с их стороны практически не было. К тому же всегда вежливое и истинно джентльменское поведение сделало Римскую полицейскую префектуру одной из самых уважаемых служб расследования в мире.

В свете газовых фонарей, освещавших платформу, Чезаре Сарто ждал, пока начальник стражи выйдет, чтобы приветствовать его. Мастер Шон сидел отвернувшись от окна, а лорд Дарси внимательно наблюдал.

Сарто был человеком среднего роста, с темными волосами и глазами и аккуратно подстриженными усами. Он обладал посредственным сложением, но держал себя как атлет. В его мускулистом теле чувствовалась сила. Хотя его лицо и не было красивым в прямом смысле этого слова, но его твердые черты говорили о характере и уме.

Через пять минут префект вошел в вагон. В одной руке он нес портфель, а в другой держал блокнот. Поставив портфель на пол, префект обвел взглядом четырнадцать пассажиров, собравшихся в холле. Они замерли в ожидании.

Глаза префекта, не мигнув, скользнули по лицу мастера Шона.

Потом префект сказал:

— Джентльмены, я — Чезаре Сарто, агент Римской полицейской префектуры. Главный начальник стражников Женевы попросил меня заняться этим делом — по крайней мере, до прибытия в Рим.— Он говорил по-англо-французски почти без акцента.

— Формально,— продолжил он,— это единственный возможный вариант. Джон Пибоди был явно убит, но мы пока что не знаем, где это произошло — в Провансе или Лигурии, а пока нам это неизвестно, мы не знаем, под чью юрисдикцию попадает это дело. На данный момент мы действуем в соответствии с предположением, что Пибоди был убит после того, как поезд пересек итальянскую границу. Поэтому поезд проследует в Рим. Те из вас, кто окажется безусловно вне подозрений, смогут проследовать дальше в Неаполь, а остальным, я боюсь, придется задержаться для допроса.

— Вы имеете в виду,— прервал его сэр Стэнли,— что вы подозреваете одного из *нас*?

— Никого из вас конкретно, сэр. Пока нет. Но всех вместе — да. Это же очевидно, сэр, что раз Пибоди был убит в этом вагоне, следовательно, здесь же находится и тот, кто его убил. Могу я спросить ваше имя?

— Сэр Стэнли Галбрайт,— довольно вежливо ответил седовласый.

Префект Чезаре посмотрел в блокнот.

— Ах, да. Спасибо, сэр Стэнли.— Он посмотрел на остальных.— Начальник стражников передал мне список ваших имен. Чтобы познакомится с вами, я попрошу вас поднять руку, когда я назову ваше имя.

Этой процедуры хватило префекту, чтобы рядом со списком фамилий в его голове выстроился ряд лиц. Дойдя до имени «Шомус Килпадраег», он посмотрел на волшебника так же, как и на остальных, и перешел к следующему имени. Закончив, префект сказал:

— Теперь, джентльмены, я попрошу вас пройти в свои купе и не покидать их, пока я не позову вас. Поезд отправится в Рим через... — Он взглянул на свои часы,— восемнадцать минут. Благодарю вас.

Мастер Шон и лорд Дарси послушно вернулись в свое купе.

— Префект Чезаре,— сказал лорд Дарси,— не только очень умный, но и весьма сообразительный человек.

— Почему вы так решили, милорд?

— Вы сказали, что он знает вас, а он еще никак не показал этого. Вероятно, он понимает, что раз вы путешествуете под вымышленным именем, то у вас есть на это основания. И, принимая во внимание, кем вы являетесь, у вас наверняка есть на это официальное разрешение. Он предпочел подождать, пока вы сможете поговорить наедине, а не выдавать вас при всех. Когда он придет, скажите ему, что отец Арманд — ваш наперсник и близкий друг. Поручитесь за меня, но не говорите ему, кто я.

— Я думаю, он сейчас будет здесь.

Послышался стук в дверь. Мастер Шон открыл дверь и впустил Чезаре Сарто.

— Входите, префект,— сказал волшебник,— мы ждали вас.

— О? — Сарто удивленно поднял бровь.— Я бы хотел поговорить с вами наедине.

Мастер Шон заговорил почти шепотом:

— Входите, Чезаре. Отец Арманд знает, кто я.

Префект вошел, и маг плотно закрыл дверь.

— Шон О Лохлейн к вашим услугам, префект Чезаре,— произнес он с приветственной улыбкой.

— Шон! — префект обнял его и похлопал по плечу.— Сколько лет прошло! Мог бы почаще писать.— Он повернулся к лорду Дарси.— Извините меня, падре, но я не видел своего друга с тех пор, как мы встречались в Миланском университете пять лет назад. «Приемлемость некоторых доказательств, добытых магическим путем, в криминалистической практике».

— Все в порядке,— ответил лорд Дарси.— Рад за вас обоих.

Префект внимательно глянул на человека в сутане с седыми волосами и бородой, который благодушно

рассматривал его через очки в золотой оправе. Затем снова повернулся к мастеру Шону.

— Вы сказали, что знаете падре?

— Очень близко, и многие годы,— ответил мастер Шон.— Все, что вы хотите сказать мне, можете говорить при нем. Это останется только между нами. Можете доверять ему, как мне.

— Я не имел в виду...— Сарто осекся и повернулся к лорду Дарси.— Святой отец, я не сомневаюсь, что служителям церкви можно доверять, но здесь речь идет об убийстве, и мы должны быть предельно осторожны. Вы когда-нибудь сталкивались с криминологией?

— Мне приходилось работать с криминалистами, кроме того, они часто исповедовались мне,— сказал лорд Дарси с серьезным видом.— Я думаю, что могу утверждать, что у меня есть некоторые способности в этой области.

Мастер Шон также серьезно добавил:

— Я бы даже сказал, что лорд Дарси не смог бы раскрыть некоторые дела без его помощи.

Префект Чезаре успокоился:

— Что ж! Замечательно. Шон, могу ли я спросить, почему вы путешествуете под псевдонимом?

— У меня есть небольшое поручение от принца Ричарда. Но это никак не связано с Джоном Пибоди. По правде говоря, я не могу рассказать вам всего. Полагаю, что если бы вам следовало это знать, принц дал бы мне на этот счет указание или специальное разрешение.

— Хорошо, об этом, я думаю, хватит. Но у меня есть еще несколько вопросов, которые я хотел бы вам задать.

Вопросы касались того, знали ли они Джона Пибоди прежде, разговаривали ли с ним. В конце концов, префект задал прямой вопрос, убивали ли они Джона Пибоди, на что получил отрицательный ответ.

— Очень хорошо,— закончил с формальностями префект,— как рабочую гипотезу принимаю версию о вашей невиновности. Но у меня есть одна проблема, и я хотел бы попросить вас о помощи.

— Вы имеете в виду убийство? — спросил мастер Шон.

— В некотором роде — да. Видите ли, дело обстоит так: до этого я никогда не расследовал убийства. Моя сфера — мошенничества и хищения. Я ревизор, а не стражник, по большому счету. В Женеве я оказался случайно — заканчивал одно дело. Мне позвонили на телефону из Рима и попросили принять на себя это дело до приезда в Рим, где им займутся специалисты, все равно я бы отправился туда этим же поездом.

На секунду он замолчал, затем улыбнулся белозубой улыбкой:

— Но в тот момент, когда я узнал вас, мне в голову пришла одна идея. С вашим опытом вы могли бы помочь мне раскрыть это дело еще до того, как поезд придет в Рим. Если у нас получится, то это очень украсит мой послужной список, а нет, так нет. Но я должен попытаться. Видите ли, глава отдела убийств, Анжело Ратти, будет ждать нас на вокзале в Риме. Я бы полгода жизни отдал, чтобы посмотреть на его лицо, когда я выведу к нему убийцу.

Мастер Шон на секунду потерял дар речи, но затем нашелся и сказал:

— То есть вы хотите, чтобы мы помогли вам раскрыть это дело до того, как прибудем в Рим?

— Именно.

— Я думаю, это прекрасная идея,— сказал лорд Дарси.

17

Неапольский экспресс по пути в Рим приближался к Рапелло. Чуть больше чем через час наступит рассвет. В 12:04 поезд прибудет в Рим.

Первым пунктом в списке необходимых дел значилось: тщательный осмотр тела и купе, где оно лежало. Чемодан Пибоди был в закрыт в отделении для багажа под нижней полкой. Ключ торчал в замке, поэтому искать его не пришлось. В чемодане не оказалось ничего

необычного — только одежда и туалетные принадлежности. У самого Пибоди не нашли ничего существенного, кроме, конечно же, шпаги-трости. У него был один золотой соверен, два серебряных и несколько банкнот. Кроме того, при нем были ключи, видимо, от дома или офиса, и документы на имя командора в отставке Джона Уиклифа Пибоди, имперский флот.

— Ничего интересного,— сказал префект Чезаре.

— Именно то, что ничего особенного не нашли, и есть самое интересное,— поправил его лорд Дарси.

Префект кивнул.

— Верно. А где ключ от этого купе?

— Мне кажется,— предположил лорд Дарси,— что убийца вошел, убил Пибоди, взял ключ и закрыл купе, чтобы тело нашли не сразу.

— Согласен,— ответил Чезаре.

— Тогда ключ может все еще быть у убийцы,— сказал мастер Шон.

— Возможно,— префект нахмурился,— но гораздо более вероятно, что он лежит около рельс где-то отсюда и до Прованса.

— Так поступил бы любой умный человек,— согласился лорд Дарси.— Следует ли нам искать ключ?

— Не сейчас, я думаю. Если ключ все еще у убийцы, то теперь он уже его не выбросит. Если нет, мы все равно не найдем его.

Лорд Дарси был вполне удовлетворен ответом префекта. На его месте он бы ответил так же. Довольно скучно было просто наблюдать за ходом расследования, но, по крайней мере, Чезаре Сарто знал свое дело.

— Убийца,— продолжил префект,— не подумал о том, что кровь вытечет в коридор через щель под дверью. Предположим, она бы не вытекла. Когда бы в таком случае нашли тело?

— Думаю, только сегодня, не раньше десяти утра,— уверенно сказал мастер Шон.— Я раньше ездил этим поездом, и, похоже, порядки здесь не изменились. Дневной проводник — Фред — заступает в девять. Он застилает кровати там, где пассажиры уже встали, но не

будит никого до десяти часов. Пибоди могли бы найти и позже, около половины одиннадцатого.

— Ясно,— сказал префект.— Нам это пока ничего не дает, но мы это запомним. Так... Вскрытие провести мы, конечно, не можем, но я бы хотел узнать побольше об этих ударах и оружии.

— Думаю, я смогу быть вам полезен, префект,— сказал мастер Шон.

Волшебник тщательно осмотрел трость со скрытым в ней клинком.

— Сначала займемся тростью, это самая легкая часть, и может быть, найдем подсказку, что нам делать дальше.

Из своего саквояжа он вытащил аккуратно сложенный кусок белого холста и расстелил его на небольшом столе.

— Впервые занимаюсь этим в поезде,— пробормотал мастер Шон, обращаясь скорее к самому себе.— Главное, чтобы ничего не упало.

Остальные молча наблюдали за приготовлениями.

Он вытащил тонкий, три дюйма в диаметре, слегка вогнутый золотой диск, пинцет, маленький пульверизатор и голубовато-серую, похожую на металлическую, палочку, восьми дюймов длиной, с сапфирами на концах.

Волшебник пинцетом взял два волоска — один с головы Пибоди, второй с серебряного набалдашника трости. Он аккуратно положил их на холст, строго параллельно друг другу на расстоянии полутора дюймов. Затем дотронулся до каждого их них палочкой, едва слышно шепча заклинания силы. Затем он выпрямился, почти не дыша.

Волоски, как микроскопические палки, медленно покатились навстречу друг другу, оставаясь такими же прямыми.

— На трости его волосы, все правильно,— заключил мастер Шон.— Теперь давайте исследуем кровь.

Помимо шума поезда в купе было слышно только легкое поскрипывание карандаша префекта о бумагу — Сарто что-то записывал в своем блокноте.

Сходная магическая формула была применена и к крови, только на этот раз использовалось небольшое золотое блюдце. Результат подтвердил предположения сыщиков и волшебника.

— Теперь будет чуть сложнее,— сказал мастер Шон.— Так как раны в основном на передней части головы, мне нужно перевернуть его и положить на спину. Я могу это сделать? — обратился он к префекту.

— Конечно,— ответил Чезаре,— я уже сделал записи и пару набросков положения, в котором его нашли. Давайте я вам помогу.

Перевернуть тело весом в двести фунтов в тесном купе не так-то уж и легко, но это было бы еще труднее, если бы мастер Шон не наложил заклинание, предупреждающее *rigor mortis*, трупное окоченение.

— Вот, так будет хорошо. Спасибо,— поблагодарил маленький ирландский волшебник.— Сначала вы осмотрите раны.

Сыщики так и сделали. Увеличительное стекло мастера Шона переходило из рук в руки.

— Врезали как следует,— пробормотал Сарто.

— Основательная работа,— согласился лорд Дарси.— Но не эффективная. Двух-трех ударов хватило бы, чтобы убить, а их нанесли больше десятка. Странно.

— Теперь, джентльмены,— сказал мастер Шон,— посмотрим, действительно ли трость стала орудием убийства.

Это был решающий опыт. Случалось прежде, что волосы и кровь сознательно помещались на предмете, не имеющем никакого отношения к убийству. Тауматургическая наука должна была прояснить, не случилось ли подобное и в этот раз.

Мастер Шон с помощью пульверизатора распылил облако порошка над ранами и над серебряным набалдашником. Порошка было не слишком много, и он был настолько тонким и легким, что излишки поплыли по купе, как дымок.

— А теперь, если вы пригасите вон ту лампу...

В тусклом желтом свете привернутой настенной лампы почти невозможно было что-либо рассмотреть. Все погрузилось в тень. Лишь кристаллы на быстро движущейся палочке мастера Шона, испускавшие собственный голубой свет, были отчетливо видны.

Затем вдруг словно тысячи крохотных белых светлячков взлетели над лицом убитого и над набалдашником трости. А потом несколько тонких, мерцающих нитей, состоящих из мелких искр, протянулись между лицом убитого и набалдашником трости.

Через несколько секунд мастер Шон сделал последнее движение палочкой, и искры растаяли.

— Все. Включите свет, если вам не трудно. Трость определенно является орудием убийства.

Префект Сарто едва заметно кивнул и задумался.

— Очень хорошо. Что будем делать дальше? — Он немного помолчал. — Что бы сделал лорд Дарси?

Его лордство стоял сзади и чуть левее итальянца, и когда мастер Шон посмотрел на обоих сыщиков, нарисовал ему в воздухе вопрос указательным пальцем.

— Милорд снова опросил бы подозреваемых, — ответил волшебник, как будто это было само собой разумеющееся. — Более подробно на этот раз.

Лорд Дарси продолжал держать поднятым палец, и волшебник поспешил добавить:

— По одному, конечно же.

— Звучит разумно, — согласился Сарто. — А ваше присутствие я смогу объяснить тем, что вы судебный волшебник, назначенный на расследование этого дела, а вы, святой отец, — как представитель Церкви. Кстати, вы случайно не сенситив, отец?

— Нет, к сожалению, нет.

— Жаль. Но им говорить об этом незачем. Пусть поволнуются. Так, о чем же их спрашивать? Дайте мне дело о неуплате налогов, и я набросаю примерный список вопросов, которые следует задать, но вот здесь....

— Ну, что касается этого... — заговорил лорд Дарси.

18

— Они все врут,— тремя часами позже сетовал префект Сарто.— Каждый, да, каждый из этих ублюдков лжет.

— К тому же не слишком убедительно,— добавил мастер Шон.

— Хорошо, давайте посмотрим, что у нас есть,— сказал лорд Дарси, доставая свои записи.

Они сидели в глубине холла, за столом; кроме них, в вагоне никого не было. Отделить друг от друга подозреваемых оказалось не так уж и сложно; начальник поезда открыл вагон-ресторан раньше обычного, и женевский начальник стражников, которого Сарто взял с собой, встал у его дверей. Пассажиров приглашали в холл по одному, задавали вопросы и просили пройти в вагон-ресторан. Таким образом, они не имели возможности обсудить вопросы и ответы с теми, кого еще не допрашивали.

Тонио, ночной проводник, был первым. Затем его попросили уйти из вагона и больше не возвращаться. Он не возражал: чаевых этим утром все равно было бы не дождаться.

Начальник поезда распорядился, чтобы в вагоне-ресторане пораньше приготовили кофе для всех, а лорд Дарси соорудил кофе для троих допрашивающих сам, встав за стойку бара.

В восемь часов официант в вагоне-ресторане начал сервировать завтрак. Теперь уже было почти девять.

До Рима оставалось три часа.

Лорд Дарси просматривал свои записи вопросов, когда римский префект сказал:

— Вы заметили в этих людях одну странность? Что они все знают друг друга?

— Да, похоже, некоторые знают,— ответил мастер Шон.

— Нет, префект абсолютно прав,— возразил лорд Дарси, не отрывая взгляд от своих записей.— Они действительно *все* знают друг друга, и очень хорошо.

— И еще,— продолжил префект,— они старались, чтобы мы этого не поняли. Они собрались здесь для какой-то цели, но пока что никто не проговорился, для чего именно.

— Мастер Шон,— сказал лорд Дарси,— вы, похоже, не прочли марсельскую газету, которую я вам оставил на полке вчера вечером?

— Нет, святой отец. Я устал. Я вспомнил только что об этом. Вы имели в виду некролог?

— Да,— лорд Дарси посмотрел на Сарто.— Возможно, это было и в женевских газетах. Похороны некоего Николаса Журдана состоятся завтра в Неаполе.

— Я слышал об этом,— ответил Сарто,— но больше по разговорам в управлении. Николас Журдан, капитан имперского флота, в отставке, предположительно скончался от пищевого отравления, но есть некоторые улики, указывающие на то, что это было хорошо спланированное самоубийство. Если это *действительно* самоубийство, мы передадим это дело неапольским властям. Мы не любим связываться, если в деле нет криминала. Потом, эта шумиха вокруг похорон. Ну, вы знаете.

— Хм-м-м,— сказал лорд Дарси.— Я не знал о версии самоубийства. А что, есть какие-то доказательства, что у него была депрессия?

— Я слышал, что была, но вот причина неизвестна. Может — здоровье.

— Я знаю и другую причину,— сказал лорд Дарси.— Или, по крайней мере, возможную причину. Около трех лет назад капитан Журдан ушел в отставку из военно-морского флота. Это была слишком ранняя отставка, и он был довольно молод для капитана. Было указано: по причине здоровья. В действительности это был выбор между отставкой и весьма неприятным военным судом. Причиной этому, видимо, стал довольно бурный роман с сицилийской дамой из Мессины. Она жила в его квартире в Неаполе. Обычно такие вещи не очень-то беспокоят, но именно эта девица оказалась агентом Его Славянского Величества Казимира, короля Польского.

— А! Снова проклятый шпионаж! — воскликнул префект.

— Именно. В то время капитан Журдан командовал кораблем Его Величества «Хелгойский залив» и был очень любим как офицерами, так и матросами. Очевидно, что и Адмиралтейство держало его на хорошем счету, иначе они бы не назначили его командовать одним из важнейших и сильнейших боевых кораблей флота. Но когда раскрылось, что его девушка шпионка, все предстало в совершенно ином свете. Но они не могли доказать ни того, что он знал, что она шпионка, ни того, что он выдал ей какие-то военно-морские секреты. Но подозрение осталось. И ему предложили выбрать. Безусловно, военный суд погубил бы его карьеру на флоте. Его бы признали невиновным, а потом отправили на какой-нибудь ледяной остров у южных берегов Новой Франции, и считал бы он там пингвинов. Поэтому он, естественно, предпочел отставку. Так что если это самоубийство (как вы предполагаете) то, вероятно, из-за отчаяния, вызванного событиями трехлетней давности.

Префект Чезаре кивнул с удовлетворенным видом:

— Я сразу должен был заметить. Как эти люди держатся, как одни из них выказывают особое уважение другим... Это офицеры «Хелгойского залива». И Пибоди, скорее всего, тоже.

— Я бы тоже так сказал, — согласился лорд Дарси.

— Проблема в том, — продолжил Сарто, — что у нас все еще нет мотива. Надо расколоть кого-то из них. Вы оба знаете их лучше, чем я; кого бы вы предложили?

Мастер Шон сказал:

— Я бы предложил молодого Джеймисона. Святой отец?

— Согласен, мастер Шон. Он признался, что пошел поговорить с Пибоди, но мне показалось, что он вовсе не хотел этого делать, что он недолюбливал его. Может, стоит слегка надавить на него, мой дорогой префект?

Тотчас позвали молодого, розовощекого Чарльза Джеймисона. Он явно нервничал. Да и как не нервни-

чать молодому человеку, сидя перед тремя мужчинами гораздо старше его — священником, могущественным волшебником и агентом сильнейшей Римской полицейской префектуры. И хуже всего подобная ситуация для тех, кто так или иначе причастен к убийству.

Чезаре Сарто выглядел мрачно; его губы были сжаты, в глазах светился холод. Тот человек, чьим именем он был назван, Кай Юлий, должно быть, выглядел два тысячелетия назад примерно так же, когда перед ним представал какой-нибудь нагрешивший молодой центурион.

— Молодой человек, вы знаете, что помехи расследованию уголовного преступления первой степени, создаваемые ложью следователю, — это преступление, наказуемое не только гражданским судом, и я могу подвести вас под трибунал Имперского флота, и вы можете потерять ваше офицерское звание?

Розовое лицо Джеймисона побелело. Его рот открылся, но из него не вылетело ни звука.

— Я знаю о том, — безжалостно продолжил префект, — что один или несколько ваших начальников, которые сейчас находятся в вагоне-ресторане, могли приказать вам сделать то, что вы сделали, но такие приказы незаконны, и в свою очередь, также попадают под трибунал.

Молодой человек все еще тщетно пытался совладать со своим голосом, когда мягко вмешался отец Арманд:

— Ну, префект, не стоит нам так давить на парня. Я уверен, теперь он осознает всю серьезность своего преступления. Почему бы вам не рассказать нам обо всем, сын мой? Думаю, префект не станет обвинять вас, если вы нам сейчас поможете.

Сарто осторожно кивнул, но выражение его лица изменилось, как будто он с большой неохотой соглашается на предложение преподобного отца.

— Ну же, сын мой, давайте начнем сначала. Назовите свое имя и звание, расскажите, что вы и ваши друзья офицеры делали прошлой ночью.

Лицо Джеймисона снова порозовело. Он глубоко вздохнул.

— Чарльз Джеймс Джеймисон, лейтенант, имперский военно-морской флот, Британская флотилия; в данный момент приписан в кораблю Его Королевского Величества «Хелгойский залив», сэр! Уфф... Все, святой отец,— он чуть не отдал честь.

— Расслабьтесь, сын мой, я не морской офицер. Продолжайте. Начните с того, почему вы все оказались на этом поезде.

— Видите ли, сэр, «Хелгоец» сейчас в сухом доке, и мы все вроде бы в отпуске, но мы не можем уезжать далеко от Портсмута. Неделю назад мы узнали, что наш старый капитан, который ушел в отставку три года назад, умер и будет похоронен в Неаполе. Мы собрались и решили поехать отдать последний долг нашему капитану. Вот и все, святой отец, действительно все.

— А командор Джон Пибоди тоже был из вашей компании? — резко спросил префект.

— Нет, сэр. Он ушел в отставку вскоре после старого капитана. До вчерашнего дня никто из нас не видел его, все эти три года.

— Ваш старый капитан это, я полагаю, Николас Журдан? — спросил Сарто.

— Да, сэр.

— *Почему вы недолюбливали командора Пибоди?* — продолжал префект.

Кровь прилила к щекам Джеймисона.

— Определенной причины не было, сэр. Я недолюбливал его, это правда, но так бывает, знаете,— некоторые люди просто не могут сосуществовать рядом.

— Вы его достаточно ненавидели, чтобы убить,— ровным голосом заявил префект Чезаре.

К этому вопросу Джеймисон был готов: ни один мускул не шевельнулся на его лице:

— Нет, сэр. Я не любил его, это правда. Но я не убивал его,— эта реплика была явно отрепетирована.

— Тогда кто это сделал?

— Я полагаю, сэр, что кто-то посторонний вошел в поезд, когда мы десять минут стояли на итальянской границе, вошел к командору, убил его и сошел с поезда,— снова заученно ответил Джеймисон.

— Очень хорошо,— сказал префект,— пока довольно. Идите в свое купе и не выходите оттуда, пока вас не позовут.

Джеймисон повиновался.

— Ну, что вы об этом думаете, святой отец? — спросил Сарто.

— То же, что и вы. Часть правды он нам сказал, но не до конца. Он все еще врет.— Лорд Дарси на секунду задумался.— Давайте попробуем другую тактику. Мы можем...

Он остановился — по коридору шел человек в красно-синей форме. Это был добрый человек Фред. Он подошел к столу и спросил:

— Извините меня, джентльмены, я, конечно же, слышал о расследовании. Начальник поезда велел мне сообщить вам, что я должен приступить к своим обязанностям.— Проводник чувствовал себя явно не в своей тарелке.— Но я не уверен, что это будет уместно в сложившихся обстоятельствах.

Лорд Дарси опередил Сарто:

— А каковы ваши обычные обязанности?

— Открыть бар и застелить кровати.

— Бар открывать, я думаю, нет необходимости, а прибраться в купе вы вполне можете.

Фред просиял:

— Спасибо, святой отец, префект,— и ушел.

— Вы что-то говорили о другой тактике,— напомнил Сарто.

— Ах, да,— сказал его лордство. И объяснил, что он имел в виду.

19

Морис Зайслер выглядел не намного лучше, хотя уже прошло довольно много времени с тех пор, как он

выпил последнюю рюмку. Он казался все таким же осунувшимся и старым.

Сидни Шарпантьер, хоть и был чисто выбрит, но тоже выглядел уставшим.

Эти двое сели на свободные стулья напротив трех «инквизиторов».

Мастер Шон заговорил первым:

— Добрый человек Сидни Шарпантьер, помнится, вы говорили мне, что у вас есть лицензия мирского целителя. Могу я взглянуть на нее? — это был скорее приказ, чем просьба. Мастер Гильдии говорил с подмастерьем.

Явно неохотно, но без колебаний Шарпантьер вынул лицензию:

— Конечно, мастер.

Мастер Шон внимательно осмотрел ее.

— Понятно. Выдана его лордством епископом Векс-фордским. Я хорошо знаю его лордство. Капеллан имперского флота. А каково ваше звание, сэр?

В опухших глазах Зайслера внезапно вспыхнуло внимание, но он промолчал. Шарпантьер ответил:

— Старший лейтенант, мастер Шомус.

Волшебник посмотрел на Зайслера:

— А ваше?

Морис взглянул на Шарпантьера с кривой усмешкой:

— Не беспокойся, Шарпи. Молодой Джейми должен был сказать им. Это не твоя вина. — Затем перевел взгляд на мастера Шона, — капитан-лейтенант Морис Эдви Зейслер к вашим услугам, мастер Шомус.

— А я к вашим, капитан. Теперь я думаю, можно узнать и звания остальных.

Список оказался внушительным:

Капитан сэр Стэнли Галбрайт.
Командор Гвилиам Хаузер.
Капитан-лейтенант Мартин Бутройд.
Капитан-лейтенант Гавин Тайлер.
Капитан-лейтенант Морис Зейслер.
Старший лейтенант Симон Ламар.

Старший лейтенант Артур Маккей.
Старший лейтенант Джейсон Квинт.
Лейтенант Лиман Вандепол.
Лейтенант Валентин Херрик.
Лейтенант Чарльз Джеймисон.

— Полагаю,— осторожно начал лорд Дарси,— что если бы «Хелгойский залив» не стоял сейчас в сухих доках, едва ли вам было бы позволено отлучиться так далеко от корабля, не так ли?

Зайслер издал звук, похожий на кашель и смех одновременно:

— Затруднительно, отец?! *Невозможно!*

— Но даже в этом случае,— спокойно продолжил лорд Дарси,— не слишком ли это необычное событие — что столь многие из вас одновременно оказались вдали от своего корабля? Чем это вызвано?

— Капитан Журдан умер,— ледяным тоном ответил Зайслер.

— Многие умирают,— возразил лорд Дарси.— Почему именно *его* смерть так много для вас значит? — тон его лордства был так же холоден, как и тон Зайслера.

Шарпантьер открыл было рот, чтобы что-то сказать, но Зайслер опередил его:

— Потому что капитан Николас Журдан был лучшим морским офицером из всех, когда-либо носивших это звание.

Префект Чезаре сказал:

— То есть вы все едете на похороны Журдана... Включая командора Пибоди?

— Верно, префект,— ответил Шарпантьер.— Но Пибоди не должен был ехать с нами. Нас было шестнадцать человек, мы хотели взять этот вагон на всю нашу компанию. Но в последний момент четверым отказали в увольнительной. Поэтому Пибоди, святой отец и мастер-волшебник получили свои места.

— Вы даже не догадывались, что Пибоди поедет с вами?

— Нет. Никто из нас и не видел Пибоди почти три года.

— Мы с трудом узнали его,— вставил Зайслер.— С этой бородой. Он отпустил ее после ухода с флота. Но я узнал его шпагу-трость, она-то и заставила меня поближе присмотреться к его лицу. Я узнал его. И командор Хаузер.— Он рассмеялся.— Конечно, старик Хаузер должен был его узнать.

— Почему именно он?

— Он начальник службы безопасности на корабле. Он был непосредственным начальником Пибоди.

— Вернемся к трости,— сказал лорд Дарси.— Вы сказали, что узнали ее. А еще кто-нибудь?

Зайслер посмотрел на Шарпантьера:

— Ты узнал?

— Я не обратил внимания, пока ты не показал на нее, Мори. Конечно, мы все знали, что она у него была. Он купил ее в Лиссабоне четыре-пять лет назад. Но я и не вспоминал о ней или о нем эти три года.

— Расскажите нам о Пибоди,— попросил лорд Дарси.— Что он был за человек?

Шарпантьер потер свой большой нос тонким указательным пальцем:

— Хороший парень. Надежный. Ты согласен, Мори?

— О, да,— согласился Зайслер.— С ним хорошо было покутить. Помню, однажды в маленьком греческом баре в Александрии мы выпили больше кварты *узо* всего за пару часов, и когда после того на улице на нас напала парочка египетских разбойников, Пибоди разобрался с обоими, прежде чем я вообще понял, что происходит. Он умел пить. Хотел бы я знать, что случилось?

— Что вы имеете в виду? — спросил лорд Дарси.

— Ну, вчера он выпил совсем немного, а уже был хорошенький. И отключился, когда я разговаривал с ним.

На этих словах префект встрепенулся:

— Значит, это *вы* последним видели его?

Зайслер моргнул:

— Не знаю. Думаю, кто-нибудь ходил проведать его и после меня. Но вот кто, я не помню.

Префект Чезаре вздохнул:

— Хорошо, джентльмены. Спасибо. Возвращайтесь к себе в купе. Я позову вас еще, попозже.

— Еще один вопрос, если позволите,— мягко попросил лорд Дарси.— Командор Зайслер, вы сказали, что Пибоди работал на корабле в службе безопасности. Я полагаю, это он был тем офицером, который сообщил о... э-э... связи капитана Журдана с ненадежной молодой женщиной из Мессины, что и стало причиной конца карьеры капитана?

Это была всего лишь смутная догадка, но интуитивно лорд Дарси чувствовал, что был прав.

Зайслер поджал губы и ничего не сказал.

— Отвечайте, отвечайте, командор, мы ведь всегда можем проверить записи того дела.

Зайслер ответил не сразу:

— Да. Верно.

— Благодарю вас. Пока все.

Когда они ушли, префект Чезаре откинулся на спинку кресла.

— Что ж, кажется, префект Ангело Ратти арестует их всех. Несмотря на все наши усилия.

— Вы отчаялись раскрыть это дело? — спросил лорд Дарси.

— О, вовсе нет. Дело уже раскрыто, святой отец. Но я не могу совершить арест.

— Боюсь, я не понимаю вас, мой дорогой префект.

Усмешка появилась в глазах итальянца.

— Так значит, вы еще не поняли, что случилось этой ночью? Вы не поняли, как командор Пибоди превратился в *покойного* командора Пибоди?

— Не я здесь следователь,— напомнил лорд Дарси.— Это вы. Что, по-вашему, произошло?

— Итак,— уже серьезно начал Чезаре,— что мы имеем? Двенадцать морских офицеров едут на похороны всеми любимого капитана. А тринадцатым оказывается человек, который предал того же самого капитана,

благодаря которому тот угодил в опалу. Иуда. Мы знаем, что они лгут, утверждая, что просто пошли поговорить с ним вчера ночью. Они могли заговорить с ним и днем, но никто из них этого не сделал. Они ждали ночи. Затем каждый из них, один за другим, отправились к нему. Зачем? Нет объяснения. Они утверждают, что просто поболтать. В четыре часа утра? После того, как они все встали ни свет ни заря? Просто поболтать! Вы верите в это, преподобный отец?

Лорд Дарси покачал головой:

— Нет. Мы оба знаем, что они лгали и продолжают лгать.

— Вот именно. А зачем они врут? Что покрывают? Конечно же, убийство.

— Да, но кто из них это сделал? — спросил мастер Шон.

— Разве вы не понимаете? — сказал префект, понизив голос.— Вы не понимаете? *Все вместе!*

— *Что?* — изумился волшебник.— Но...

— Подождите, мастер Шон,— прервал его лорд Дарси.— Я, кажется, начинаю понимать, к чему он клонит. Прошу, продолжайте, префект Чезаре.

— Конечно, понимаете, отец. Возможно, формально этих людей нельзя счесть убийцами. С их точки зрения это была казнь по приговору военного суда. Один из них — кто именно, мы не знаем,— пришел в купе Пибоди. Затем, когда представился удобный случай, он нанес удар. Пибоди упал без сознания. Один за другим они заходили в купе, и каждый нанес по одному удару. Двенадцать человек — двенадцать ударов. Дело сделано, и не одним человеком. Это была казнь по приговору офицерского собрания... Или, скорее, присяжных. Они утверждают, будто не знали, что Пибоди поедет с ними. Но выдерживает ли это критику? Случайно ли он оказался на этом поезде и именно в этом вагоне? Думаю, слишком много совпадений.

— Согласен,— тихо сказал лорд Дарси.— Не случайно он оказался в одном вагоне с остальными. Все было тщательно спланировано.

— Ага! Вот видите, мастер Шон? — Сарто нахмурился.— Так оно и было, но у нас нет доказательств. Они слишком твердо держатся своей версии. Нам необходимо *доказательство* — но его у нас нет.

— Вряд ли мы сможем заставить кого-нибудь из них признаться,— сказал лорд Дарси.— Как вы думаете, мастер Шон?

— Нет,— ответил волшебник.— Ни малейшего шанса.

— Нам нужно,— продолжил лорд Дарси,— *реальное* доказательство. И единственное место, где мы можем его найти,— это купе номер один.

— Мы уже искали,— возразил префект Чезаре.

— Так давайте поищем еще раз.

20

На этот раз лорд Дарси обследовал тело весьма тщательно, и его длинные сильные пальцы исследовали и вникали. Он осмотрел подкладку пиджака, и кончики его пальцев прошлись по нему, ища какую-нибудь выпуклость, ожидая услышать шорох бумаги. Ничего. Он снял с тела широкий ремень, где могли быть потайные кармашки. Ничего. Он проверил каблуки ботинок. Ничего.

Наконец, он снял с тела сами ботинки, высокие, до икр.

И, удовлетворенно буркнув, вытащил нечто из маленького внутреннего кармашка в правом ботинке.

Это был плоский, слегка выпуклый серебряный значок с выгравированным на нем двуглавым орлом Империи. В него было вправлено нечто вроде тусклого полупрозрачного куска сероватого стекла овальной формы. Однако все трое мужчин знали, что если бы этого кабашона коснулась живая плоть Пибоди, он вспыхнул бы огненным рубином.

— Королевский посланник,— негромко сказал лорд Дарси.

Ничье другое прикосновение не могло бы заставить этот камень сиять. Заклинание, наложенное мастером

волшебником сэром Эдвардом Элмером в тридцатые годы, так никто и не разгадал, и никто не знал, кто из волшебников современности владел этой тайной и изготовил для Короля все эти значки.

Но камень в значке Пибоди потускнел навсегда.

— Вот так, — сказал лорд Дарси. — Теперь мы знаем, чем занимался Командор Пибоди после ухода в отставку, и как ему удалось с почетом получить ее так рано.

— Интересно, а его сослуживцы знали? — сказал Сарто.

— Вероятно, нет, — ответил его лордство. — Королевские посланники не афишируют свою деятельность.

— Вы правы. Только эта находка не продвинула наше расследование ни на йоту.

— Но мы еще не все тут осмотрели, — возразил лорд Дарси.

Двадцать минут спустя префект сказал:

— Ничего. Абсолютно ничего. Мы все обыскали. Да и что мы, собственно говоря, ищем?

— Я и сам не знаю, — признался лорд Дарси, — но я знаю, что доказательство должно существовать. Хотя то, что мы ищем, может валяться вместе с ключом где-то около границы Прованса и Лигурии. Хм-м-м... — Его внимательный взгляд еще раз обежал купе. Потом лорд Дарси уставился на что-то, расположенное над постелью, на которой лежало тело. — Ну конечно! — очень тихо проговорил он. — Верхняя полка.

Верхняя полка в дневное время поднималась вверх, к перегородке, и запиралась на замок: таким образом, получалось отделение, куда можно было убрать матрасы и постельное белье, чтобы они никому не мешали.

— Нужен Фред, — сказал лорд Дарси. — У него есть ключ.

У Фреда и в самом деле был ключ, и он им только что активно пользовался. Постели во всех других купе были прибраны, нижние полки превратились в диваны, а верхние были подняты к перегородкам и закреплены.

Проводник не понимал, зачем джентльменам понадобилось опускать верхнюю полку, но спорить не стал. Он потянулся к замку, вставил в него ключ, повернул его и опустил полку до горизонтального положения, изо всех сил стараясь не смотреть на то, что лежало на нижней постели.

— Ага! Что у нас тут?! — В голосе лорда Дарси звучало довольство, когда он достал с верхней полки большой кожаный планшет. Потом он посмотрел на Фреда.— Пока все, Фред, мы позовем вас, когда надо будет закрыть полку.

— Конечно, святой отец,— и проводник вернулся к своим делам.

Лишь когда Фред вышел, лорд Дарси перевернул кожаный конверт размером семнадцать на двадцать три дюйма. Возле застежки на нем красовался золотой герб короля.

— Ого! — воскликнул мастер Шон,— это больше, чем мы рассчитывали.— Он взглянул на лорда Дарси.— Вы подозревали, что это будет дипломатическая почта, отец?

— Не совсем так. Я просто думал, что это будет какое-то послание. Королевские посланники обычно доставляют разные сообщения, и в данном случае сообщение могло оказаться не словесным. Однако эта штука тяжелая! Должно быть, весит пять, а то и все шесть фунтов. Замок открыли и не закрыли. Держу пари, что в поезде есть второй ключ...— Он открыл планшет и вытащил тяжелую рукопись. Потом пролистал ее.

— Что это? — спросил Чезаре Сарто.

— Соглашение. На греческом, латинском и англо-французском. Между Румелией и Империей,— отрывисто сказал лорд Дарси.

Мастер Шон хотел было что-то сказать, но передумал и закрыл рот.

Лорд Дарси положил манускрипт обратно в большой кожаный конверт и защелкнул застежку.

— Это не предназначено для наших глаз, джентльмены. Но теперь у нас есть нужная нам улика. Теперь

я могу вам точно сказать, как умер Джон Пибоди и доказать это. Очень скоро вы арестуете преступника, префект.

21

Пока экспресс на Неаполь отстукивал колесами мили, все ближе приближаясь к устью Тибра по побережью Тирренского моря, в вагоне экстра-класса собрались семнадцать человек.

Кроме двенадцати морских офицеров, префекта Чезаре, мастера Шона и лорда Дарси, там были также Фред, дневной проводник и начальник поезда Эдмунд Нортон, которого пригласили присутствовать на собрании, поскольку поезд, в конце концов, находился под его руководством, и он нес ответственность за все происходящее в нем.

Префект Чезаре Сарто стоял около закрытой двери смотровой площадки в дальнем конце холла, глядя на шестнадцать пар глаз, уставившихся на него. Как актер, вышедший на сцену, префект знал не только свою роль, но и весь сценарий.

Отец Арманд расположился слева, усевшись на краешек кушетки. Фред стоял за стойкой бара. Начальник поезда сидел у бара с той стороны, где находился ведущий к купе коридор. Мастер Шон стоял у самого выхода в коридор. Офицеры расселись кто куда. Итак, все были на своих местах.

— Джентльмены,— начал Сарто,— мы потратили много времени, пытаясь разгадать и тщательно проанализировать все факты, касающиеся смерти вашего бывшего сослуживца, командора Джона Пибоди. Да, сэр Стэнли, я знаю, кем вы все являетесь. Вы и ваши офицеры упорно лгали мне и скрывали правду, тем самым откладывая решение этой проклятой загадки. Но теперь мы все знаем. Во-первых, теперь мы знаем, что покойный командор был официальным посланником Его Императорского Величества Джона, короля Англии. Во-вторых, мы знаем, что именно он доложил высшему

командованию то, что он узнал о возлюбленной покойного капитана Николаса Журдана, — а это были некие факты, которые он установил в ходе предпринятого им в качестве офицера безопасности расследования. Эти факты привели к вынужденной отставке капитана Журдана и, возможно, в конечном итоге — к его смерти.

Префект оглядел всех собравшихся. Они ждали, а в воздухе ощущалась враждебность к представителю власти.

— В-третьих, мы знаем, как был убит Джон Пибоди, и знаем, кто это сделал. Так что, джентльмены, вы напрасно скрывали правду. Рассказать вам, что произошло прошлой ночью?

Они продолжали ждать, не сводя глаз с Сарто.

— Джон Пибоди был известен поразительной стойкостью к алкоголю, и тем не менее вчера ночью он был изрядно пьян. Но не из-за спиртного, а из-за того, что ему что-то подсыпали в выпивку. И даже после этого он оказался в состоянии бороться дольше, чем ожидал злоумышленник.

Затем, когда Пибоди все же потерял сознание, некий человек осторожно вошел в его купе. Он не собирался убивать командора; он даже не был вооружен. Он только хотел выкрасть очень важные документы, которые вез Пибоди, Королевский посланник.

Но что-то пошло не так. Пибоди, уже отчасти придя в себя после подсыпанного зелья, понял, что происходит. Он попытался схватить свою трость с серебряным набалдашником. Но незваный гость сумел это сделать первым.

Пибоди был сильным человеком и хорошо дрался, даже когда много пил, что знают большинство из вас. В последующей драке злоумышленник использовал трость как дубину, нанося удар за ударом. Отравленный, с тяжелыми ранами, сильный и храбрый человек продолжал бороться.

Никто из них не закричал: Пибоди — потому что не в его характере было звать на помощь; а другой — потому что он не хотел шума.

В конце концов, удары сделали свое дело. Пибоди был повержен, его голова проломлена. Он умирал.

Преступник прислушался. Никто не поднял тревогу. У него еще было время. Он отыскал планшет, в котором лежали нужные ему документы. Он не мог стоять там и читать их — Тонио, ночной проводник, мог вернуться. И вынести из купе он их не мог, поскольку пакет оказался слишком велик, чтобы его можно было спрятать под одеждой, а если Тонио заметит, то сообщит об этом, когда найдут тело.

Поэтому он спрятал планшет в закрытой верхней полке купе Пибоди, рассчитывая забрать его позже. Затем он взял ключ Пибоди, закрыл купе, выбросил ключ и вернулся к своим делам. Убийца надеялся, что у него предостаточно времени, так как тело должны были найти не раньше, чем через час.

Но Пибоди, хотя и умирал, все же еще не был мертв. Черепные раны имеют свойство обильно кровоточить, и данный случай не стал исключением. Кровь лилась на пол и вытекла через щель под дверью.

Тонио обнаружил кровь — а остальное вы знаете.

Нет, джентльмены, это не было убийством из мести, как мы сначала предполагали. Как мы полагаем, это сделал агент или наемник *Серки* — польской секретной службы.

Теперь уже никто не смотрел на префекта; все присутствующие недоуменно смотрели друг на друга.

Сарто покачал головой:

— Нет, вы снова ошиблись, джентльмены. *Только у одного человека прошлой ночью был ключ от верхней полки!* — Он поднял глаза и посмотрел в сторону бара. — Начальник поезда Эдмунд Нортон, — холодно проговорил префект, — вы арестованы!

Начальник поезда уже вскочил и бросился к проходу. Если бы он только смог добраться до двери и закрыть их всех здесь...

Но толстяк мастер Шон О Лохлейн преградил ему путь.

Нортон был крупнее и тяжелее волшебника, но у Нортона были только секунды, и на драку времени

не оставалось. Он выхватил откуда-то шестидюймовый нож и из-под руки попытался нанести удар мастеру Шону.

Правая рука мастера Шона взметнулась в непонятном жесте.

Нортон замер, на долгую секунду лишившись способности двигаться.

Затем, как большой красно-синий мешок с влажной овсянкой, опустился на пол. Пока он падал, мастер Шон забрал из обессилевших пальцев нож.

— Я не хотел, чтобы он упал на нож и повредил себе что-нибудь,— почти извиняющимся тоном объяснил волшебник.— С ним все будет в порядке, когда я сниму заклинание.

Офицеры во время этого маленького происшествия вскочили на ноги и теперь, вытаращив глаза, смотрели на мастера Шона.

Командор Хаузер провел рукой по бороде:

— Не знал, что волшебники могут подобное,— сказал он тихим, почти испуганным голосом.

— И не могут, если не нападут на самого волшебника,— объяснил мастер Шон.— Мое заклинание лишь перенаправило его психическую энергию на него самого. Нервная система испытывает сильнейший шок, когда сила извне реверсирует поток. Это похоже на рукопашный бой, когда собственная сила оппонента используется против него же. Если он не нападает, ты ничего не можешь сделать.

Префект подошел к лежащему начальнику поезда, вытащил пару наручников, надел их на запястья Нортона и защелкнул у него за спиной.

— Фред, вам лучше сходить за помощником начальника поезда; теперь ему придется взять на себя обязанности старшего. И попросите начальника стражи, который ждет в другом конце вагона, прийти сюда. Я передам ему заключенного. Капитан сэр Стэнли, командор Хаузер, вы не возражаете, если займу ваше восьмое купе до тех пор, пока мы не прибудем в Рим? Хорошо. Помогите мне отвести его туда.

Помощник начальника поезда пришел вместе с Фредом, и префект объяснил ему, что произошло. Тот был весьма озадачен, но полностью принял на себя все обязанности.

Фред, снова вставший за стойку бара, все еще выглядел ошеломленным.

— Фред,— сказал префект,— вам надо чем-то заняться. Налейте выпить всем, кто захочет, и сами выпейте чего-нибудь покрепче.

— А как вы поняли, что это *не я* открыл верхнюю полку прошлой ночью? — прошептал Фред.

— Так же, как понял, что пассажиры других вагонов этого не делали. Вагон-ресторан был закрыт, а у вас не было от него ключа. У Тонио был, но у него не было ключа от верхней полки. Только у начальника поезда есть *все* ключи. А теперь займитесь выпивкой.

Нужно было приготовить шестнадцать порций, и Фред занялся своим делом.

Бутройд пригладил свои седые волосы:

— Но когда же начальник поезда подмешал Пибоди снотворное?

Мастер Шон ответил на этот вопрос:

— Вчера вечером, после того, как мы выехали из Марселя, Нортон отослал Тонио с поручением. Он велел Тонио принести полотенца, но они не понадобились бы до сегодняшнего утра. У Тонио вполне хватило бы времени сходить за ними, когда мы все отправимся спать. Но Пибоди брал выпивку, и Нортон не хотел упускать случай подмешать ему снотворное. Я видел, как просто бармену незаметно добавить что-нибудь в стакан.— При этих словах волшебник даже не взглянул на Зайслера.

Сэр Стэнли чуть откашлялся и спросил:

— Вы сказали, что мы все лгали, префект, но наша ложь была напрасной. Что вы имели в виду?

Лорд Дарси заранее дал ответы на все вопросы Сарто, потому что «не подобает священнослужителю был вовлеченным в дела такого рода». Поэтому Сарто мудро рассудил, что не стоит упоминать о том, *чьи* умозаключения он излагает.

— Вы отлично знаете, что я имел в виду, капитан. Вы и ваши сослуживцы один за одним приходили в купе Пибоди вовсе *не* для дружеской беседы. Каждому из вас было что сказать человеку, который выдал капитана Журдана. Не хотите рассказать мне, что именно?

— Что ж, наверное, можно, а? Мы были уверены, что он избегает нас, потому что думает, будто мы ненавидим его. А это было не так. Понимаете, это была не его вина. Он выполнял свой долг, сообщив то, что знал об этой сицилийке. Каждый из нас сделал бы то же самое. Правильно, командор?

— Верно, черт побери,— сказал командор Хаузер.— Я бы сам так поступил. Некоторые из нас, старых офицеров, с самого начала говорили ему, что не так уж она и хороша, но он не слушал. Если его сердце и было разбито, так это только потому, что она сделала из него полного дурака, и больше ничего.

Капитан сэр Стэнли продолжил рассказ.

— Для этого мы и приходили к нему по одному. Сказать, что мы не держим на него зла. Даже лейтенант Джеймисон, да, мой мальчик?

— Да, сэр. Я недолюбливал его, но вовсе не по этой причине.

Префект кивнул

— Я верю вам. Но скрывали вы совсем не это. *Все вы и каждый из вас боялись, что один из вас убил Пибоди!*

Воцарилось молчание. Но это было молчание не выраженного словами согласия.

— Я наблюдал за вами, слушал,— продолжил префект.— Каждый из вас перебирал по очереди всех своих товарищей, и всем выносил вердикт «невиновен». Но сомнение оставалось. И вы боялись, что я приму за мотив убийства то, что сделал Пибоди три года назад. Поэтому вы ничего мне и не сказали. Должен признаться, что из-за этой лжи я сначала подозревал вас всех вместе.

— Но, святой Георг! Когда вы начали подозревать Нортона, сэр? — спросил лейтенант Валентин Херрик.

— Когда мне сообщили, что начальник поезда пришел через полминуты после того, как за ним послали, сразу после того, как Тонио нашел кровь. Нортон был на ногах с трех часов утра: почему он еще не лег спать, и почему был в форме около часа ночи? Почему он не передал дела своему помощнику, как обычно, и не ушел отдыхать задолго до того? Вот тогда я и задумался.

Лейтенант Лиман Вандепол провел пальцем по усам:

— Но пока вы не нашли тот пакет, вы не могли быть абсолютно уверены, не так ли, сэр?

— Не совсем, нет. Если бы один из вас пошел туда, чтобы убить его, скорее всего, он бы взял с собой свое оружие. Или, если он бы предполагал использовать трость-меч Пибоди, он бы вытащил клинок, так как вы все знали о нем. А Нортон не знал. Понимаете?

Старший лейтенант Симон Ламар посмотрел на «отца Арманда».

— Странно, что вся эта борьба за стенкой не разбудила вас, святой отец.

— Я уверен, что разбудила бы, — ответил лорд Дарси. — Поэтому мы и можем точно определить, когда это случилось. Тонио ушел из вагона около двенадцати. В это время мастер Шомус и я были на смотровой площадке. Я курил, а он составил мне компанию. Мы вернулись в купе в двадцать минут первого. Нортон, конечно, не знал, что нас не было, но убийство должно было произойти еще до того, как мы пересекли итальянскую границу, и Нортон будет передан властям Прованса.

Фред начал разносить только что смешанные коктейли, но перед тем, как кто-то успел пригубить их, капитан сэр Стэнли сказал:

— Одну минуту, джентльмены, пожалуйста. Я хотел бы произнести тост. Помните, мы должны будем присутствовать еще на одних похоронах, после тех, что пройдут в Неаполе.

Закончив подавать напитки, Фред почтительно встал в стороне, держа в руке свой бокал. Остальные поднялись со своих мест.

— Джентльмены, — сказал капитан, — отдадим долг чести командору Джону Пибоди, который исполнял свой долг, как он его понимал, и с честью погиб на службе своему королю.

Они выпили молча.

22

В двадцать минут второго этого дня Неапольский экспресс находился в двенадцати милях от Рима, и ему оставось миновать последний отрезок пути до Неаполя.

Лорд Дарси и мастер Шон сидели в своем купе, отдыхая после великолепного ланча.

— Милорд, — сказал волшебник, — вы уверены, что мы правильно сделали, поручив префектуре полиции доставку тех копий соглашения Имперской морской разведке?

— Они в полной безопасности.

— Да, но тогда какой был смысл везти наши копии в Афины?

— Мой дорогой Шон, то, что вез Пибоди, было фальшивкой. Я внимательно все просмотрел. Одно из доказательств того, например, то, что совместная греко-англо-французская морская база, по тем документам, будет расположена на 29°51" северной широты и 12°10" восточной долготы.

— А что тут не так?

— Ничего, кроме того, что это место находится посередине пустыни Сахара.

— О!

— Подпись Кирилла — также фальсификация. Она сделана на латыни, а там пишут и читают только по-гречески. Греческий и латинский текст не соответствуют друг другу, так же, как и англо-французскому. В одном месте греческого текста Константинополь указан как столица Англии, а Париж — как столица Греции. Я мог бы продолжать еще довольно долго. Все, что там написано, — полная нелепица.

— Но... *зачем*?

— Мы можем только строить предположения. Я думаю, что это была приманка. Подумайте об этом. Шестнадцать человек собираются на похороны, и в последний момент четверым из них отказано в увольнительной. Почему? Чувствую, Его Величество приложил к этому свою руку. Полагаю, это было сделано для того, чтобы некий Пибоди оказался на поезде со своими бывшими сослуживцами. То, что он тоже едет на похороны Журдана, выглядело как прикрытие. Я думаю, произошло примерно следующее: Его Величество узнал, что *Серка* каким-то образом пронюхала про наше морское соглашение с Румелией. Но они не знали, что оно будет подписано принцем Ричардом, как доверенным лицом в Руане, поэтому стали выслеживать его в Лондоне. Его Величество подписывает это абсолютно бессмысленное псевдосоглашение и посылает его с Пибоди. Он был приманкой.

— А Пибоди знал об этом?

— Вряд ли. Если человек знает, что он приманка, то он и будет себя вести как приманка, а это разрушит иллюзию. Нет, он не знал. Разве сражался бы он до последнего вздоха, чтобы защитить фальшивый документ? Конечно, как честный офицер, он не стал открывать запечатанный документ, поэтому он не знал, что в нем содержится.

— Но, милорд! Если он должен был стать приманкой, разве не должен он был увести агентов *Серки* подальше от нас, чтобы вы и я доставили настоящий пакет в целости и сохранности в Афины — почему приманка была так близко от нас?

— Полагаю,— осторожно сказал его лордство,— что какое-то звено в этой цепи мы пропустили. Вероятно, да так оно и должно быть, нам следовало ехать другим путем. Но что-то не сложилось. Тем не менее, мой дорогой Шон, задание будет выполнено должным образом. Убийство в Неапольском экспрессе, конечно же, станет главной новостью в донесениях секретной службы, но это обескуражит *Серку*, и пока та вычис-

лит, что произошло на самом деле, будет слишком поздно.

— Новость будет еще более обескураживающей, если Чезаре расскажет свою теорию конспирации,— сказал волшебник.— Он хорош для своей работы, но людей он совсем не знает.

— Его проблема в том,— ответил лорд Дарси,— что он профессионал во всем, что касается бумажной работы. В бумагах он за версту почует обман. Но на бумаге не передашь все нюансы высказанной мысли. Обман легче раскрыть, если он только на бумаге, но и тут нужен эксперт. Но вы, как волшебник, и я, как криминальный следователь, знаем, что группа людей, если их собрать вместе, не смогут долго придерживаться конспирации.

— Да, милорд,— согласился ирландец.— Хорошо, что вы остановили меня. Я уже собирался в лицо сказать Чезаре, что его теория с конспирацией полная чушь. Вы можете представить, что Зайслер старается скрыть что-то подобное? Или что молодой Джеймисон не расколется?

Лорд Дарси покачал головой.

— Они даже не могли скрыть того факта, что просто хотели уверить старого товарища в том, что не держат на него зла. Но еще глупее было предположить, что группа таких людей, как они, для совершения убийства выберет поезд, место, где они фактически будут заперты на многие часы. Эти люди не дураки: они опытные морские офицеры. Они либо убили бы Пибоди в Париже, либо подождали бы, пока приедут в Неаполь. И все равно, все вместе они не смогли бы долго скрывать этого, но так, по крайней мере, у них было бы больше шансов.

— Все-таки,— отстаивая друга, сказал мастер Шон,— Чезаре Сарто — хороший следователь.

— В этом я вынужден согласиться с вами,— ответил лорд Дарси.— Он ловко находит ответы, даже когда ты того не хочешь.

— Что вы имеете в виду, милорд?

— Когда он и префект Анжело уводили Нортона, он протянул мне руку и поблагодарил меня. Я сказал дежурные фразы. В том числе, я сказал, что надеюсь увидеть его снова. Он покачал головой и сказал: «Боюсь, что больше я никогда не увижу отца Арманда Брана. Но надеюсь когда-нибудь встретиться с лордом Дарси».

Мастер Шон молча кивнул.

Поезд продолжил свой путь к Неаполю.

СОДЕРЖАНИЕ

МАГИЯ И СМЕРТЬ
В глазах смотрящего 7
Дело об опознании 62
Неразбериха с вайдой 144
Сила воображения 220

СЛИШКОМ МНОГО ВОЛШЕБНИКОВ
Часть первая 243
Часть вторая 305
Часть третья 379
Часть четвертая 442

НОВЫЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ЛОРДА ДАРСИ
Дело о падении 529
Ипсвичский Фиал 575
Шестнадцать ключей 635
Экспресс на Неаполь 682

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около **50 издательств** и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию **более 10 000 названий книг** самых разных видов и жанров. Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов. В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, Фридрих Незнанский братья Стругацкие, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших **фирменных магазинах:**

В Москве:

- Звездный бульвар, д. 21, 1 этаж, тел. 232-19-05
- ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 299-66-01, 299-65-84
- ул. Арбат, д. 12, тел. 291-61-01
- ул. Луганская, д. 7, тел. 322-28-22
- ул. 2-я Владимирская, д. 52/2, тел. 306-18-97, 306-18-98
- Большой Факельный пер., д. 3, тел. 911-21-07
- Волгоградский проспект, д. 132, тел. 172-18-97
- Самаркандский бульвар, д. 17, тел. 372-40-01

мелкооптовые магазины

- 3-й Автозаводский пр-д, д. 4, тел. 275-37-42
- проспект Андропова, д. 13/32, тел. 117-62-00
- ул. Плеханова, д. 22, тел. 368-10-10
- Кутузовский проспект, д. 31, тел. 240-44-54, 249-86-60

В Санкт-Петербурге:

- проспект Просвещения, д. 76, тел. (812) 591-16-81 (магазин «Книжный дом»)

Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7 этаж.
Справки по телефону (095) 215-01-01, факс 215-51-10
E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

Все права защищены. Ни одна из частей настоящего издания и все издание в целом не могут быть воспроизведены, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации: электронным, механическим, фотокопировальным и другими — без предварительного согласования с издателями.

Литературно-художественное издание

Гаррет Рэндал

Магия и смерть

Слишком много волшебников

Новые расследования лорда Дарси

Ответственный редактор О.Ю. Клокова
Выпускающий редактор С.Н. Абовская
Редактор Т.В. Голубева
Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерный дизайн: А.С. Сергеев
Технический редактор А.Е. Молочников
Корректоры Ю.О. Голубева, А.А. Сурнин

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.14.953.П.12850.7.00 от 14.07.2000 г.

ООО «Издательство АСТ»
Лицензия ИД № 02694 от 30.08.2000 г.
674460, Читинская область, Агинский район,
п. Агинское, ул. Базара Ринчино, д. 84
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Terra Fantastica» издательского дома «Корвус».
Лицензия ЛР № 066477. 190121,
Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 1/44 «Б».
Электронные адреса: WWW.TF.RU, E-mail: TERRAFAN@TF.RU

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

Гаррет Р.

Г20 Магия и смерть. Слишком много волшебников. Новые расследования лорда Дарси: Романы, повести и рассказы: Пер. с англ. / Р. Гаррет. — М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2002. — 763, [5] с.: ил. — (Золотая серия фэнтези).

ISBN 5-17-010445-6 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-7921-0433-6 (TF)

Рэндал Гаррет — писатель, чей цикл «детективных фэнтези» о приключениях «величайшего частного сыщика параллельной реальности» — лорда Дарси — возможно сопоставить лишь с аналогичным сериалом Глена Кука.

Произведения Рэндала Гаррета ироничны, забавны — и бесконечно увлекательны.

Не верите?

Прочитайте — и проверьте сами!

Добро пожаловать в параллельный XX век!

В мир, в чем-то похожий на наш, а в остальном — отчаянно от нашего отличающийся!

В этом мире Науки просто не существует — место же ее занимает Магия.

В этом мире преступники творят свои черные дела при помощи тайного чернокнижия — а непревзойденный частный детектив, гениальный мастер дедуктивного метода лорд Дарси, состоящий на службе у герцога Нормандского, разрешает сложнейшие криминальные загадки при помощи чародейства.

Итак, перед вами — Шерлок Холмс от магии.

Можете представить себе, КАКИМ в подобном мире должен быть, скажем, профессор Мориарти?..

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7США)-44

Рэндал Гаррет — писатель, чей цикл «детективных фэнтези» о приключениях «величайшего частного сыщика параллельной реальности» — лорда Дарси — возможно сопоставить лишь с аналогичным сериалом Глена Кука.

Произведения Рэндала Гаррета ироничны, забавны — и бесконечно увлекательны.

Не верите?

Прочитайте — и проверьте сами!

Добро пожаловать в параллельный XX век!

В мир, в чем-то похожий на наш, а в остальном — отчаянно от нашего отличающийся!

В этом мире Науки просто не существует — место же ее занимает Магия.

В этом мире преступники творят свои черные дела при помощи тайного черной книжия — а непревзойденный частный детектив, гениальный мастер дедуктивного метода лорд Дарси, состоящий на службе у герцога Нормандского, разрешает сложнейшие криминальные загадки при помощи чародейства.

Итак, перед вами — Шерлок Холмс от магии.

Можете представить себе, КАКИМ в подобном мире должен быть, скажем, профессор Мориарти?..

ISBN 5-17-010445-6

9 785170 104451